

Е. ПРУДНИКОВА

Смарт. Битва за хлеб

ТЕХНОЛОГИЯ НЕВОЗМОЖНОГО

КНИГА 2

Москва
2010

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

*Исключительное право публикации книги Е. Прудниковой
«Сталин. Битва за хлеб» принадлежит ЗАО «ОЛМА Медиа Групп».*

*Выпуск произведения без разрешения издателя
считается противоправным и преследуется по закону.*

*Автор благодарит московского исследователя Ивана Чигирина
и сообщества интернет-форумов «На берегах Шантары»,
ВИФ2 и интернет-портала диакона Андрея Кураева.*

Прудникова Е. А.

П 85 Сталин. Битва за хлеб. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. — 576 с.

ISBN 978-5-373-03362-6

Елена Прудникова представляет вторую часть книги «Технология невозможного» — «Сталин. Битва за хлеб». По оценке автора, это самая сложная из когда-либо написанных ею книг.

Россия входила в XX век отсталой аграрной страной, сельское хозяйство которой застыло на уровне феодализма. Три четверти населения Российской империи проживало в деревнях, из них большая часть даже впроголодь не могла прокормить себя. Предпринятая в начале века попытка аграрной реформы уперлась в необходимость заплатить страшную цену за прогресс — речь шла о десятках миллионов жизней. Но крестьяне не желали умирать.

Пришедшие к власти большевики пытались поддержать аграрный сектор, но это было технически невозможно. Советская Россия катилась к полному экономическому коллапсу. И тогда правительство в очередной раз совершило невозможное, объявив всеобщую коллективизацию...

Как она проходила? Чем пришлось пожертвовать Сталину для достижения поставленных задач? Кто и как противился коллективизации? Чем отличался «белый» террор от «красного»? Впервые — не поверхностно-эмоциональная отповедь сталинскому режиму, а детальное исследование проблемы и анализ архивных источников.

ББК 84 (2Рос-Рус)6

© Прудникова Е. А., 2010

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»,
2010

ISBN 978-5-373-03362-6

- Дядечка, тот мальчик топил меня или спасал?
- Спасал, дурочка...
- А... за волосы... зачем?

Валентина Осеева. Динка

Сквозь лохмотья и грязь, сквозь кровавые рубцы благословенная подлинность пробивалась наружу, как источник из-под наваленных на него камней.

Элеонора Раткевич. Палач Мерхины

ВВЕДЕНИЕ

За последние двадцать лет на постсоветском пространстве устоялся и окреп специфический жанр фэнтези, который проф. Инъязов, находившийся не в духе, сурово обозвал словом «Ерня». Термин, понятное дело, происходит от назойливого вклеивания буквы Ъ (ер) в произведения жанра.

По сути своей, Ъ-фильмы, Ъ-книги и Ъ-публицистика являются фэнтези в чистом виде. Они объединяют в себе ретро-идеализм с махровым толкиенизмом и по сути работают на комплекс национальной инвалидности. Послание, которое они доносят до зрителя, заключается в следующем: на бонбоньерочную идиллию дореволюционной России налетает извне пьяное быдло, подзуживаемое хитрыми брюнетами в пенсне — и давай необоснованно рубить румяных гимназисток, французскую булку, бараночки, даму в шляпе, собачку, детей и бутوشника Антипа. Солдаты Порядка (их легко опознать по трезвости, эполетам и постоянному «Честь имею!») объединяются, чтобы дать отпор навалившемуся хаосу — но, увы: их отчего-то слишком мало, и они терпят поражение. Что, несомненно, является крупнейшей геополитической катастрофой двадцатого века¹...

Настанет день, когда дети наши, мысленно созерцая позор и ужас наших дней, многое простят России за то, что все же не один Каин властвовал во мраке этих дней, но и Авель был среди сынов ее.

Иван Бунин. Из речи на панихиде по Колчаку

...Итак, победоносное восстание закончилось. Утихли речи, погасли огни, разъехались по домам делегаты исторического II съезда Советов.

¹ Нашла на форуме в Интернете. Кто автор, так и не поняла.

Эйфория прошла, и кучка людей в Смольном осталась наедине с огромной, охваченной хаосом страной. Страной, в которой и в благополучные-то времена абсолютное большинство населения жило ниже черты бедности, а уж после трех лет войны и восьми месяцев безвластия, да еще при явно начинающейся новой войне...

Что думали и чувствовали простые люди Советской России, хорошо показал бывший советский консул в Германии Георгий Соломон, который, возвращаясь весной 1919 года домой, так описывал свои первые о ней впечатления.

«Мне резко бросился в глаза внешний вид красноармейцев: босые, лохматые, одетые в какую-то рвань, не имевшую ничего общего с военной формой, изможденные, они производили впечатление каких-то бродяг... Окружив меня и моих спутников, стояли оборванцы с винтовками, босые, в фуражках и шапках, ничем, кроме своего оружия, не напоминавшие солдат. Они как-то виновато и смущенно переминались с ноги на ногу, не зная, как отнестись ко мне. Наконец один из них обратился ко мне с просьбой:

— Не найдется ли у вас, товарищ, папироски али табачку... смерть покурить охота.

Я дал им каждому по папироске. Покурили. Они стали меня расспрашивать, кто я, как и что... Поговорили на эту тему.

— А что, господин консул, — спросил один из них, — вам неизвестно, сказывают, скоро французы и англичане придут нас ослобонить... в народе много бают, так вот, вы не слыхали ли чего там, за границей?

— От кого освободят? — спросил я.

— Да от кого же, как не от большевиков, — отвечал солдат.

— Ну полно вам, ребята, языки чесать, нечего зря в колокола звонить, — оборвал его один из красноармейцев, оказавшийся старшим. — Так это они невесть что болтают, — заметил он, обращаясь ко мне, — пустомели...»

Как выяснилось, красноармейцы отражали общее настроение, которое постоянно подтверждалось по пути к Двинску.

«Грустная и тяжелая это была дорога. Мы ехали по разоренной стране. Всюду следы войны. Обгорелые остатки целых выжженных деревень. Кое-где встречались покинутые концентрационные лагеря, напоминавшие клетки для диких зверей. Мы ехали, вернее, тащились по лесам и пустыням, поросшим травой, вдоль запущенных полей, и мы

почти не встречали скота, — все, или почти все, было реквизировано, перерезано... И всюду картины лишений, лишений без конца!

...Уныние и полная безнадежность царили повсюду, и люди даже не скрывали своего отчаяния и в случайных беседах открыто жаловались на то, что большевики довели их своими реквизициями и всей своей политикой до полного разорения, полной нищеты, — что они постепенно перерезали весь скот... Сопровождавшие нас красноармейцы лишь подтверждали слова крестьян и тоже грустно и безнадежно вздыхали. Никто не скрывал своей ненависти к новому режиму, и все ждали освобождения извне, от французов, англичан, немцев... Поражало то, что никто не боялся говорить вслух о своей ненависти к большевикам и о своих „контрреволюционных“ надеждах и возжеланиях».

Таким было общее настроение населения Советской России в то время: «Кто бы пришел да ослобонил от большевиков». Настроение это обычно сохранялось до того момента, когда появлялись «освободители». А после их появления население уже через несколько месяцев, если не недель, начинало с тоской вспоминать красные ленты на шапках.

То, что «адмиралъ» Колчак воевал с красными в Сибири — общеизвестно. Менее известно, что он сделал практически невозможное: уже через полгода Сибирь была охвачена мощнейшим партизанским движением. Это ж надо уметь — сотворить такое в регионе, где вдоволь земли, никогда не было помещиков и практически нет пролетариата, где большевики изначально не могли иметь народной поддержки.

Его высокоблагородие сумел. Как — о том вспоминает, например, генерал Гревс, командующий американским оккупационным корпусом в Сибири:

«В Восточной Сибири совершались ужасные убийства, но совершались они не большевиками, как это обычно думали. Я не ошибусь, если скажу, что в Восточной Сибири на каждого человека, убитого большевиками, приходилось по 100 человек, убитых антибольшевистскими элементами...

...Усмирение Розанов¹ повел „японским способом“. Захваченное у большевиков селение подвергалось грабежу, мужское население ими

¹ И. о. генерал-губернатора Енисейской губернии.

выпарывалось поголовно или расстреливалось. Не щадили ни стариков, ни женщин. Наиболее подозрительные по большевизму селения просто сжигались. Естественно, что при приближении розановских отрядов по крайней мере мужское население разбегалось по тайге, невольно пополняя собой отряды повстанцев».

Но еще более впечатляет поведение колчаковского воинства при отступлении, когда ни о каком усмирении речь уже не шла. Одно из таких свидетельств сообщил врач из Красноярска Владимир Величко в своей возмущенной интернет-рецензии на фильм «Адмираль»:

«В 1978 году я, выпускник медицинского института, приехал работать в маленький городок, расположенный на транссибирской магистрали. В Гражданскую войну железнодорожная станция этого городка называлась Клюквенная, а фронт — Клюквенским. Здесь проходили наиболее ожесточенные сражения белых и красных. Однажды пришлось мне познакомиться с пациентом — старым, девяностолетним дедом. Вот его слова о колчаковцах:

„Когда их погнали от Омска на восток, они на каждой станции вешали и расстреливали десятками, если не сотнями человек. Делали они это так. Между крышей высокой водонапорной башни и ее кирпичной стенкой они просовывали десятка два оглоблей и развешивали гирлянды. Хватали и вешали без разбора — женщин, детей, стариков. Моего деда, которому тогда было за восемьдесят, — повесили. Еще они делали так. Связывали жителей по двое, спина к спине, и кидали на рельсы. После этого пускали паровоз. Это колчаковцы называли — смазать рельсы! Иногда на рельсы они укладывали людей на протяжении двухсот-трехсот метров. Сколько было крови... Кроме этого, они в теплушках привозили избитых и раненых людей — видимо, из Красноярска, это 120 км от Клюквенной. Их выкидывали из вагонов и вязали спина к спине. Женщин и мужчин связывали лицом к лицу. Вязали очень плотно. Потом их раскладывали на рельсы, офицеры поднимались в кабину паровоза, и он шел по людям. Кого резало колесами, кого давило днищем паровоза. Некоторые умудрялись выкатиться на обочину, этих, когда паровоз проходил, не убивали, а смеялись, что Бог их спас“.

Дедушка этот сам не видел ни разу, как паровоз проходил по телам связанных людей, но два раза видел, ЧТО оставалось от раздавленных, и его заставляли убирать трупы и копать могилы. Часть трупов топили в болоте на окраине станции».

Мы хорошо знаем другую войну, в которой отступавшие войска творили нечто подобное, — Великая Отечественная, «тактика выжженной земли» Адольфа Гитлера. С двумя пунктами расхождения. Во-первых, гитлеровцы применяли подобные методы к *чужому* народу, а во-вторых, уважающие себя немецкие военные, тем более офицеры, брезговали заниматься подобной работой. Есть сведения, что попытка использовать войска СС в качестве карателей в Ленинградской области едва не вызвала бунт.

Воинство «Авеля»... ну вы ведь прочли, так о чем еще говорить?

Самостийную Украину «освобождали» немцы — и уже к лету получили такую народную войну, что вынуждены были держать там миллион солдат. Ну а уж те места, которые «освобождали» добровольцы, особенно казаки...

Василий Галин в своей книге собрал свидетельства очевидцев о том, как происходило освобождение. *«Специальные отряды (деникинских войск) не жалели шомполов и виселиц для непокорных. Тех, кто не давал продовольствия, расстреливали на месте. Еще сильнее приток в отряды повстанцев увеличился после того, как каратели, не добившись от крестьян добровольной сдачи оружия, стали сжигать целые деревни...»*

«Железный поток» читали? Суть его в том, что, когда в 1918 году красная Таманская армия отступала, население иногородних станиц, побросав дома и имущество, наскоро покидав в телеги детей, кинулось следом за армией. Не иначе, сторонники Каина боялись взглянуть в лицо воинам его белокрылого брата, отчего же еще-то? Нельзя же всрить клеветническим рассказам о том, как казаки лютовали в иногородних станицах...

На этом фоне Тухачевский со своими смешными приказами всего-то о газовых атаках на повстанцев да о расстрелах старшего работника в семье (которые, кстати, не факт что и выполнялись) смотрится безнадежным гуманистом.

В целом для России небольшевиистские варианты развития событий прогнозируются без особого труда. Если окончательную власть возьмет Учредительное собрание, результатом станет очередное бессильное правительство и в лишенной власти стране начнется война всех против всех: между городом и деревней, между людьми в городах за хлеб, а потом между крестьянами за остатки промышленных товаров.

То, что уцелеет в итоге, возможно, частично кто-нибудь колонизирует, прихватив экономически ценные районы: Украину, Баку, Урал. На остальной территории тоже останется какое-то население и будет как-то жить... Может быть, даже неплохо, ибо оставшиеся не станут испытывать земельного голода. Если выживет процентов двадцать населения, то, соответственно, земли у них будет в пять раз больше, а при таком раскладе вполне можно прокормиться и даже вывозить хлеб за границу. С точки зрения либерализма это наилучший вариант: демократические свободы соблюдены, *священное*¹ право частной собственности не тронуто, а что людишки померли... ну что ж, за прогресс надо платить.

Могли еще победить белые. Что бы ни было изображено у них на знаменах, каковы бы ни были их взгляды, одно неизменно — они стояли за прежнее *сословное* общество. А стало быть, всяк сверчок знай свой шесток.

В этом случае прогноз еще проще. Для начала им пришлось бы поставить на место возомнившего о себе «хама», то есть усмирить страну. Средство усмирения простое — расстреливать до тех пор, пока население не падет на колени; тех, кто падет, отфильтровать, виновных тоже расстрелять, невиновных перепороть и вернуть в исходную грязь, из которой те вылезли. Деникин был не самым кровавым из белых вождей, однако 24 ноября 1919 г. Особое совещание при главнокомандующем вооруженными силами на юге России приняло закон, согласно которому после их победы все, кто виновен в подготовке захвата власти Советами, осуществлял или содействовал осуществлению задач этой власти, был членом РКП(б) или иных организаций, причастных к ее установлению, приговаривались к лишению всех прав состояния и смертной казни. Вот и прикиньте на досуге масштаб «возмездия». До миллиона бы всяко дотянули...

Зато часть экономических проблем удалось бы решить. В частности, проблему сельского хозяйства. Вместо жуткой столыпинской реформы² можно, если не играть с крестьянами в справедливость, отобрать землю у мужиков, наградить ею победителей и возродить крупные хозяйства.

¹ Нет, ну мне все ж таки очень интересно: с позиций какой религии право собственности является священным?

² Почему жуткой — о том ниже.

Сельское население, не приготившееся в качестве батраков, разумнее всего предоставить его собственной судьбе: кто-то при этом помрет, а кто-то и выживет. Да и промышленности будет дан толчок — после такого усмирения люди станут работать за кусок хлеба, и никаких профсоюзов. А если нет профсоюзов, то можно не заморачиваться охраной труда. В результате соединенного действия всех этих факторов вскоре в России останется ровно столько людей, сколько нужно для экономики. Правда, есть еще проблема внешнего долга, которая скорее всего приведет к экономической колонизации — но при сословном обществе для верхов она решается просто: местные князьки получают должности в колониальной администрации. А низы — кто их спрашивает? Будут бунтовать, еще раз усмирим.

Ой, какие я странные вещи говорю! Ну да, конечно, в Ъ-книжках такого не найдешь. В них не говорится, как Солдаты Порядка собирались решать российские экономические проблемы. Там повествование ведется так, словно бы этих проблем и нет вовсе. Прямо как у соломоновских красноармейцев: придут освободители, большевиков выгонят, всех накормят, штаны выдадут и нос вытрут. А потом начнется идиллия.

Но ведь проблемы-то — есть!

Заводы — стоят! Не большевики их останавливали, это у «временных» само по себе вышло, но факт налицо. А раз нет промышленности — то нет и товаров. Нет товаров — нет торговли. Нет торговли — нет хлеба. А без хлеба города обречены на смерть. Ну как тут без реквизиций? Можно, говорите? Ну-ну, и как именно? Соблюдать священный принцип свободной торговли? А то, что миллионов двадцать — тридцать — сорок перемрут, это... Ах да, согу, конечно же, за прогресс надо платить...

Мой респект господам либералам. Правильно заметил фантаст Евгений Лукин: стоит интеллигенту переступить некую внутреннюю грань, и бандиту рядом с ним становится нечего делать.

...Какое бы правительство ни пришло в Зимний или же в Кремль, оно все равно ввело бы карточное распределение (если ему было не совсем наплевать, перемрет народ с голоду или нет), военное положение, реквизиции, и в любом случае никуда бы не делись все те же разруха, голод, тиф. Разница была бы в последующем положении России, а в текущем — ни малейшей, ибо механизмы — запущенные, кстати, задолго до Октября — продолжали работать и ставили перед любой властью

совершенно одинаковые задачи и определяли совершенно одинаковые способы их решения.

Так что не надо нам песен о злых большевиках — они были далеко не самым плохим из возможных правительств. В отличие от «временных», они все же имели какую-то силу и политическую волю, в отличие от белых, воспринимали в качестве «своих» не несколько процентов, а подавляющее большинство населения, откуда автоматически вытекают меньшие масштабы террора: у большевиков было значительно меньше «классовых врагов». Они смогли, хоть и плохо, но как-то кормить города и не быть сброшенными крестьянской войной — то есть владели искусством лавирования между бездной и пропастью. Тиф... Ну тут уж ничего не поделаешь, вошь политикой не интересуется, ей наплевать, кто у власти. И на белых территориях, кстати, тиф свирепствовал еще больше, чем на красных, поскольку красные пытались хоть как-то организовать медицинское обслуживание не только армии, но и населения.

Так что не стоит обольщаться: лучше бы не было. А то, что в народных низах большевиков не любили... так кто и когда любит реальных правителей в трудные времена? Их полюбят потом, спустя двадцать лет, когда они поднимут страну и сумеют ее накормить. А пока что Советской власти приходилось быть насильно милой, ибо ничего из того, что обещала, она дать не могла. Кроме разве что восьмичасового рабочего дня — но что в нем толку, если рабочий не может за эти восемь часов заработать даже на кусок хлеба? А уж крестьянский идеал, сформулированный еще в 1881 году в прокламации общества «Земля и воля»: «Забрать свою землю, податей не платить и рекрутов не давать», — недостижим ни при каком правительстве, даже при самом размужицком царе. И так было в масштабах всей страны, в каждой губернии, в каждом уезде, в любом отдельно взятом Совете, и улучшения в ближайшем будущем не предвиделось.

Это одна сторона проблемы — объективные обстоятельства. У нас еще будет возможность их прочувствовать глубоко и конкретно. А ведь была и другая сторона управленческой действительности того времени. Имя ей — кадры.

В русской революции партия большевиков показала себя самой надежной и организованной силой, опираясь на которую Ленин со товарищи сумели *взять* власть в нескольких крупных городах России. Теперь, опираясь ровно на ту же партию, им предстояло *осуществлять* эту власть по всей стране. Работа в предыдущие двадцать лет у них была

поставлена неплохо, так что некоторый кадровый мобилизационный запас имелся. Но по сравнению с масштабами битвы за государственный порядок это напоминало что-то среднее между осенью сорок первого под Москвой и июлем того же года на Западном фронте.

Какое-то очень недолгое время большевики надеялись, что партия останется *политической* организацией и будет через своих членов политически контролировать работу Советов, ведомств, разного рода комитетов и пр. Но на деле вышло иначе. Очень быстро выяснилось, что хаос организаций, комиссий и ведомств если и может как-то управляться — то только одним способом, а именно по партийным каналам. Поскольку каждый начальник отдела в райсовете, каждый командир красногвардейского отряда, каждый член любого комитета имел о происходящем свое мнение и распоряжения, с этим мнением расходящиеся, попросту не исполнял — то выход был один: поставить во главе каждой структуры большевика и попытаться «построить» ее, используя партийную дисциплину... если первичная партийная организация согласна с генеральной линией партии. Если же не согласна, начиналось черт знает что в заводском, районном и уездном масштабе.

(Пример? До последнего времени я считала, что распоряжение о расстреле царской семьи пришло из Москвы. В этом действии, конечно, был некий политический смысл, и Ленин со Свердловым могли распорядиться. Но теперь думаю, что официальное большевистское объяснение куда более правдоподобно. Уральский Совет действительно мог принять это решение самостоятельно. Они там, на местах, еще и не такие решения принимали. Ну а Ленин со Свердловым, узнав об этом, им *приказали* (и не факт, что не задним числом), поскольку отлично понимали, что в Екатеринбурге как захотят, так и сделают, и надо было хотя бы вывеску государственной власти соблюдать. Свердлов-то уж точно понимал — сам начинал на уральских заводах¹.)

...И едва дошло до конкретного дела, тут же выяснилось, что у партии катастрофически не хватает сил. Почти сразу большевики махнули

¹ В пользу этой версии говорит и то, что расстреляли всех. Москва могла распорядиться о казни царя и царицы, в крайнем случае — наследника. Но в расстреле девушек, а тем более слуг не было ни политического, ни какого-либо иного смысла, а по репутации правительства сия акция была наотмашь. Ленин такие вещи понимал, а вот что творилось в головах екатеринбургского начальства — тайна великая.

рукой на какой бы то ни было политический контроль — да черт с ней, с политикой, лишь бы как-то наладить распределение хлеба и движение транспорта! Под угрозой оказалась работа в массах, которой традиционно была сильна РСДРП(б). Обезлюдели первичные организации — все мало-мальски пригодные к делу люди уходили на государственную работу или шли драться с белыми. Уже в ноябре 1917 года партийная работа в Петрограде по сути прекратилась. Власть попросту проглотила небольшую большевистскую партию, и не то что не поперхнулась, но легко съела бы в десять раз больше и не насытилась бы.

Выход оставался один — плохой, но без альтернативы. Партию начали усиленно увеличивать. Типичной стала ситуация, когда человек вступал в РКП(б), через месяц-другой, если не раньше, попадал на ускоренные партийные курсы и, едва закончив их, а то и не закончив, уходил на ответственную работу. Сплошь и рядом было этому члену партии лет двадцать от роду; образование он имел церковно-приходское; не то что о марксизме, но даже о программе собственной партии представление имел самое туманное, ибо употребляемых в ней слов попросту не понимал, а метод работы знал только один: глотка — мордобой — револьвер¹.

Разве можно такого кадра ставить на руководящую работу? Нет, конечно. Надо искать кого-то другого...

А других — не было!

Этих полуобученных мальчишек бросали на власть, как на вражьи окопы: кто не погибнет, тот прорвется. Одни действительно погибали: от тифа, на войне, от вражеской пули из-за угла или от своей по приговору Коллегии ВЧК. Другие прорывались, дорастали до высоких постов, но редко меняли стиль руководства, усвоенный на Гражданской войне: глотка — мордобой — револьвер. Большая часть этих безумных выдвиженцев навсегда успокоилась в подвалах НКВД в тридцать седьмом году, перед тем наломав немыслимое количество дров. Однако дело свое они сделали: сумели поднять и удержать страну, пока власть выращивала им нормальную, вменяемую смену.

¹ Например: а какие политические взгляды были у Павки Корчагина, героя культовой книги довоенного времени? В более позднее время такой вопрос не возникал, поскольку молчаливо предполагалось, что они совпадали с «генеральной линией партии». Но из текста книги совершенно не следует, что ее герой вообще представлял себе политику «генеральной линии» иначе, чем в самых простых лозунгах.

Пулю свою от ребят из НКВД эти товарищи заслужили, иные пять раз, а иные и сто пять. А вот камня от потомков — нет. Потому что если бы не они, так не было бы у нас мягких диванов. А не было бы диванов, не было бы и соответствующей морали.

Итак, с чего начинали большевики? С одной стороны, тяжелейшие объективные обстоятельства, требующие для своего преодоления громадных денег, налаженного государственного механизма, обученных кадров. С другой стороны, разоренная страна, развал всех управленческих структур и банда полуграмотных отморожков, с помощью которых предстояло эти обстоятельства преодолеть. И в качестве единственной альтернативы — «нулевой» вариант: развал страны и вымирание населения. Причем в обоих случаях: если бы большевики не справились и если бы они ушли.

Нет, возможно, в случае победы белых Россию тоже удалось бы вытащить из ямы. Вот только с чего вы взяли, что это обошлось бы меньшими жертвами? А если не меньшими — так о чем, собственно, спор?

Часть 1

ВКУС ХЛЕБА И КРОВИ

Действительно, можно говорить о том, что наследие Октября преодолевается. Современные люди готовы учиться у прошлого. Значит, истории возвращено право голоса. Это нормальная консервативная позиция... Мертвые должны участвовать в наших референдумах, и они голосуют, как обычные крестьяне, — крестиками.

Диакон Андрей Кураев

Ну уж коль скоро решено привлечь к участию в наших референдумах мертвых — то неплохо бы и поинтересоваться: а что они могут сказать? Ибо отец диакон явно уверен, что мужики того времени предадут большевиков анафеме. Нет, к отцу Андрею претензий никаких, поскольку он является специалистом по богословию, не по истории, а тот хитрый подлог, жертвой коего он пал, еще распознать надо!

Какова общепринятая точка зрения на взаимоотношения большевистской власти и деревни? «Белая» позиция: большевики обманули и ограбили деревню, не дав ничего взамен, а потом залили ее кровью, подавляя крестьянские восстания. «Красная»: большевики, чтобы обеспечить голодающее население городов, вынуждены были пойти на реквизиции хлеба, т. е. прямой грабеж деревни, и, естественно, крестьянам это не понравилось, так что их пришлось усмирять силой.

Действительность же, как водится в данной теме, не совпала ни с одной из общепринятых позиций, обернувшись совершенным сюрмом. Ибо, как говаривал в свое время товарищ Сталин, «не так все было».

Действительно, большевики, взяв власть, сразу же оказались перед призраком голода¹. По состоянию на 26 октября хлеба в Петрограде было на половину дня. Кое-что дали тотальные реквизиции всего продовольствия — все-таки спекулянты придерживали немалые запасы. Но в целом города голодали. Весной 1918 года в Петрограде одно время хлебный паек составлял 50 г в день, в Москве — 100 г. В июне в северной столице несколько недель давали по карточкам только семечки и орехи.

После заключения Брестского мира и отторжения Украины страна сразу потеряла половину хлебных запасов (350 из 650 млн пудов). Из оставшегося 110 млн пудов приходилось на Северный Кавказ, 143 млн — на Степной край и Западную Сибирь, края, на которые уже надвигалась тень Гражданской войны. Железные дороги были в ужасающем состоянии, Донецкий бассейн, снабжавший страну углем, также оставался на Украине. Паровозы ходили на дровах (что, кстати, отражено в знаменитом фильме «Неуловимые мстители»).

К маю положение с хлебом стало катастрофическим. 9 мая была введена продовольственная диктатура. Декретом Совнаркома предписывалось сдавать все излишки зерна сверх минимума, необходимого для пропитания крестьян до нового урожая, и семенного фонда. Зерно должно быть сдано в течение недели. Все крестьяне, не выполнившие этого распоряжения, объявлялись «врагами народа» и подлежали суду революционного трибунала. Наказание устанавливалось следующее: десять лет каторжных работ, лишение всех прав состояния и исключение навсегда из общины.

Суровость предполагаемых мер компенсировалась невозможностью их реализации. Как выполнить декрет? Сделать это можно было лишь одним образом: взяв хлеб силой. Сила была одна: армия. 26 мая 1918 года Ленин пишет «Тезисы к текущему моменту», в которых основной задачей Красной Армии (во время войны!) ставит заготовку хлеба.

«1) Военный комиссариат превратить в Военно-продовольственный комиссариат — т. е. сосредоточить 9/10 работы Военного комиссариата»

¹ Напомню, что голодать Россия начала раньше. Согласно свидетельству генерала Деникина, летом 1917 года в армии хлебный паек составлял полтора фунта (600 граммов) хлеба. Для населения в крупных городах он составлял $\frac{3}{4}$ фунта (300 граммов).

та на переделке армии для войны за хлеб и на ведении такой войны — на 3 месяца: июнь — август.

2) Объявить военное положение во всей стране на то же время.

3) Мобилизовать армию, выделив здоровые ее части, и призвать 19-летних, хотя бы в некоторых областях, для систематических военных действий по завоеванию, отвоеванию, сбору и свозу хлеба и топлива.

4) Ввести расстрел за дисциплину.

5) Успех отрядов измерять успехами работы по добыче хлеба и по реальным результатам проведения сбора излишков хлеба.

6) Задачами военного похода должно быть поставлено:

а) сбор запасов хлеба на прокормление населения;

б) то же — для 3-месячного продовольственного запаса для войны;

в) охрана запасов угля, сбор их, усиление производства.

7) В отряды действующей (против кулаков и пр.) армии включить от 1/3 до 1/2 (в каждый отряд) рабочих голодающих губерний и беднейших крестьян оттуда же.

8) Обязательными для каждого отряда издать две инструкции:

а) идейно-политическую, о значении победы над голодом, над кулаками, о диктатуре пролетариата как власти трудящихся;

б) военно-организационную, о внутреннем распорядке отрядов, о дисциплине, о контроле и письменных документах контроля за каждой операцией и т. д.

9) Ввести круговую поруку всего отряда, например угрозу расстрела десятого, — за каждый случай грабежа.

10) Мобилизовать все перевозочные средства богатых лиц в городах для работы по свозу хлеба; мобилизовать на должности писарей и приказчиков состоятельные классы.

11) В случае, если признаки разложения отрядов будут угрожающе часты, возвращать, т. е. сменять, „заболевшие“ отряды через месяц на место, откуда они отправлены, для отчета и „лечения“.

12) Провести и в Совете Народных Комиссаров и в Центральном Исполнительном Комитете:

(а) признание страны в состоянии грозной опасности по продовольствию;

(б) военное положение;

(в) мобилизацию армии, наряду с переформированием вышеуказанного типа, для похода за хлебом;

(г) в каждом уезде и волости с избытками хлеба составить тотчас списки богатых землевладельцев (кулаков), торговцев хлебом и т. п., с возложением на них личной ответственности за сбор всех излишков хлеба;

(д) в каждом военном отряде назначать — хотя бы по одному на десять, примерно, человек, — людей с партийной рекомендацией РКП и левых социалистов-революционеров или профессиональных союзов...»

Есть еще и тринадцатый пункт — но о нем несколько позже. Пока что достаточно и первых двенадцати.

Этот документ отнюдь не *политика* большевиков по отношению к крестьянству, как принято думать, — иначе его не отделял бы от Октября полугодовой промежуток. Это — *следствие* долгих, отчаянных и безуспешных попыток хоть как-то накормить страну. И сами меры носят совершенно *отчаянный* характер в прямом смысле — то есть приняты от отчаяния. В этом документе все сразу: и призрак голодной смерти для городов — не через полгода или через месяц, а прямо сейчас, и жуткая кадровая проблема, когда государственные задачи приходится решать с помощью полубандитов, перемешанных с откровенными бандитами, и бессильные попытки хоть как-то наладить дисциплину. Не знаю, применялась ли в реальности хоть раз древнеримская децимация — расстрел каждого десятого, но кричали о ней постоянно. С другой стороны, за мародерство во многих армиях расстреливают, и если в грабеже участвует весь отряд, то децимация — мера чрезвычайно гуманная.

В общем-то, коли вынести за скобки демократическое словоблудие и посмотреть с позиций государственного управления, — нормальный, вполне соответствующий расхожим представлениям о времени документ. А вот тринадцатый пункт...

Глава 1

ГОЛОД

Хлеб наш насущный даждь нам днесь!

Тринадцатый пункт выглядел следующим образом:

«13) При проведении хлебной монополии признать обязательными самые решительные, ни перед какими финансовыми жертвами не останавливающиеся меры помощи деревенской бедноте и меры дарового раздела между нею части собранных излишков хлеба кулаков наряду с беспощадным подавлением кулаков, удерживающих излишки хлеба».

Этот пункт поворачивает проблему совершенно другой стороной. То, что большевики должны были за счет реквизиций выкачивать хлеб из деревни и кормить города, — это *нормально*. Но кроме того, за счет тех же реквизиций они должны были кормить и деревню, и голодные бунты первыми начались тоже не в городах. Это не просто ненормально, это показывает, что чего-то главного мы в ситуации категорически не понимаем.

И в самом деле, не понимаем. А именно: того факта, что русский мужик-хлебороб к тому времени стал фигурой виртуальной. Города начали голодать к семнадцатому году. Русская деревня голодала уже как минимум 50 лет.

Голод как экономический фактор

Нет,
 не помогут!
 Надо сдаваться.
 В 10 губерний могилу вымеряйте!
 Двадцать миллионов!
 Двадцать!
 Ложитесь!
 Вымрите!..
Владимир Маяковский. Сволочи!

Если почитать газеты семнадцатого года, можно подумать, что основная проблема российского сельского хозяйства — нехватка земли. О ней кричат политические партии, крестьянские съезды, солдатские комитеты. Окинув взором карту нашей Родины, от таких заявлений впору оторопеть.

Пресловутый «климатический фактор» тоже не объясняет всего. Я уже писала про Смутное время: после двух абсолютных неурожаев на третий год народ начал голодать. Правда, тогда было мало людей и, соответственно, очень много земли. Но ведь и после сталинской коллективизации, при увеличении населения, к теме голода больше не возвращались. Да и во время войны, при том что огромное количество земли находилось под немцем, а мужчины воевали, смертельного голода тоже не было — недоедали, конечно, но не умирали. Даже ополовиненное сельское хозяйство Советского Союза кормило и армию, и страну. Стало быть, дело не в земле и не в ее количестве, а в чем-то другом.

Вернемся снова в 1861 год — год великой реформы, покончившей с рабовладением¹ в России и поставившей сельское хозяйство страны на путь, ведущий в абсолютный тупик.

Уникальность русского пути в том, что собственником крестьянской земли стала община — крестьянское общество, «мир». Кто-то говорит, что это хорошо, кто-то — что плохо, но нигде я не встретила анализа:

¹ Как нас учили в школе, основное отличие феодализма от рабовладения — то, что крестьянина нельзя было продать отдельно от земли.

почему это произошло? За исключением словес, что крестьянство, мол, консервативно, о «стихийном коммунизме», «русской душе» и пр.

Кстати, о консерватизме. Нет более далеко отстоящих друг от друга вещей, чем консерватизм и работа на земле — с этим согласится любой владелец шести соток. Соответственно, во всей русской истории едва ли можно найти менее консервативный слой, чем крестьяне. Крестьянин гибок, мобилен, практичен и изворотлив. Это вытекает в первую очередь из самой особенности работы на земле. Рабочий встает к станку и точит деталь по чертежу. На земле чертежей нет. Каждый год для землепашца — это новые задачи в новых условиях. Каждая неделя уникальна — от погоды до не вовремя захромавшей лошади. Каждый день крестьянин решает множество ежечасно возникающих задач. Подобных, все время меняющихся условий не знает никто — разве что полководец на войне, но ведь война бывает не каждый год, а хлеб надо растить постоянно.

Крестьяне очень быстро реагировали на любые новшества, от технических до политических. Уже во второй половине XIX века, по данным российских этнографов, около 18 процентов литературы, которую читали на селе, были научные и технические книги (на первом месте — около 60% — «божественные»). А уж если говорить об экономике, то едва ли можно найти более гибкую хозяйственную единицу, чем крестьянский двор. Иначе и нельзя — та же захромавшая лошадь может поставить хозяйство в совершенно новые экономические условия.

В качестве примера можно привести историю с травопольем в Московской губернии¹. В 1892 году два селения Волоколамского уезда завели у себя правильное травопольное хозяйство. К 1898 году таковых было уже 414, а в 1909 году — 1651, или около 28% всех общин Подмосковья. Учитывая, что, перед тем как заводить у себя новый способ хозяйствования, надо к нему еще присмотреться, причем занимает это не один год, скорости принятия решения просто фантастические.

Кстати, после февральской революции наиболее политически активным слоем были именно крестьяне, причем они очень хорошо знали, чего хотят от революции. Они вообще, как правило, точно знают, чего хотят — и поэтому иногда кажутся консервативными. Но казаться и быть — это очень разные вещи.

¹ Способ хозяйствования на земле, включающий выращивание кормовых трав.

Вернемся в 1861 год, год великой реформы. Выглядит она, по нынешним понятиям, несколько диковато. Впрочем, по тогдашним меркам она тоже не являлась образцом справедливости и человеколюбия.

Государство не обидело помещиков. До тех пор земля четко делилась на две части: помещичья и крестьянская. Российское крепостное рабство несколько отличалось от классического. Классический раб трудится на хозяина и получает от него кормежку. Русский крепостной раб по обязанности трудился на хозяина, а вместо кормежки получал от него клочок земли, на котором должен был «в свободное время» выращивать для себя пропитание. Теперь крестьянские наделы оставались за мужиками, а взамен они должны были компенсировать помещику их стоимость¹.

«Было утверждено „временнообязанное“ состояние, — пишет историк Кара-Мурза, — крестьяне были обязаны продолжать барщину или оброк до выкупа земли. Почему-то решили, что это продлится 9 лет, а за это время крестьяне накопят денег на выкуп. Денег крестьяне накопить не могли, и пришлось издать закон об обязательном выкупе. Точнее, государство заплатило помещикам плату за землю...»

В принципе, государство могло просто поделить землю — барам барские поля, крестьянам крестьянские. В этом случае помещик все равно не был бы обижен, он получил бы столько же земли, сколько по факту имел раньше. Если так совсем уж не складывалось, можно было дать крестьянам беспроцентную ссуду. Однако доброе государство не только себя не обидело, но также прокрутило под реформу совершенно замечательный гешефт.

*«...заплатило помещикам плату за землю и обязало крестьян вносить в подконтрольные правительству банки **выкупные платежи**. Фактически, крестьяне оказались вынуждены платить государству высокую арендную плату за землю».*

То, что «ссуда» давалась на 49 лет под 6% годовых — по тем временам это был высокий процент — и что фактически крестьяне заплатили за землю четырехкратную цену, я уже писала. Но насколько велики были сами платежи?

¹ На самом деле по ходу размежевания помещики еще и прихватили себе от 20 до 40% крестьянской земли.

Они исчислялись исходя из уплачиваемого крестьянами оброка и составляли в разное время по разным сделкам от 19 до 30 рублей за десятину. По данным 1882 года, выглядело это так. В Дмитровском уезде Орловской губернии надел помещичьих крестьян составлял 2,5 десятины¹ на мужчину. Выкупные платежи составили 2,12 руб за десятину, или около 5,30 рублей на человека в год. В Дмитрисевском уезде Курской губернии цифры были такие же. Соответственно, семья, имевшая двоих мужчин (любого возраста), должна была платить в год около 10 рублей выкупных платежей. Много это или мало?

Двадцать лет спустя в Московской губернии средний доход от крестьянского хозяйства составлял 22 — 26 рублей в год, при том что деньги за двадцать лет подешевели. А ведь кроме выкупных платежей существовали еще и другие налоги.

По подсчетам Карла Маркса, который использовал «Труды податной комиссии» Российской империи, *«бывшие государственные крестьяне вносили налоги и подати в размере 92,75% своего чистого дохода от хозяйствования на земле, так что в их распоряжении оставалось 7,25% дохода. Например, в Новгородской губернии платежи по отношению к доходу с десятины составляли для бывших государственных крестьян ровно 100%.*

Бывшие помещичьи крестьяне платили из своего дохода с сельского хозяйства в среднем 198,25% (в Новгородской губернии 180%). Таким образом, они отдавали правительству не только весь свой доход с земли, но почти столько же из заработков за другие работы. При малых наделах крестьяне, выкупившие свои наделы, платили 275% дохода, полученного с земли!»

На современном языке такие условия хозяйствования называются запретительными. Точнее, запретительными сейчас считаются условия, при которых налоги составляют больше сорока процентов дохода. Как должны были выкручиваться тогдашние мужики?

В 1881 году выкупные платежи были снижены на 1 рубль с человека. Причина проста: крестьяне стали отказываться от земли. В той же Московской губернии в первые двадцать послереформенных лет землю нередко разверстывали насильно, или, как говорили сами крестьяне, *наваливали*. Местные власти были буквально завалены жалобами крестьян на чрезмерное обременение землей. Кроме того, колоссальные налоги

¹ Десятина — около одного гектара.

обернулись столь же колоссальными недоимками. Лишь после снижения размера платежей землю стали брать. Но ведь это Московская губерния, население которой по причине близости к столице могло позволить себе не обрабатывать наделы. А как выкручивались жители сельскохозяйственных регионов?

По сравнению с этой коммерческой операцией большевики со своими добровольно-принудительными займами выглядят совершенными вегетарианцами. Не зря еще долго после 1861 года гуляли по стране наивные слухи о том, что помещики, мол, спрятали настоящую «вольную» и взамен выставили свою, подложную.

Помните гайдаровского большевика Баскакова? Когда он заговорил на митинге о выкупе за оставшуюся помещичью землю, по толпе пронесся даже не крик — стон: «Хватит! Вы-ы-купили!»

Тем же стоном отозвался наказ собрания крестьян четырех волостей Волоколамского уезда Московской губернии, посланный в мае 1906 года в Трудовую группу I Государственной Думы:

«Земля вся нами окуплена потом и кровью в течение нескольких столетий. Ее обрабатывали мы в эпоху крепостного права и за работу получали побои и ссылки и тем обогащали помещиков. Если предъявить теперь им иск по 5 коп. на день за человека за все крепостное время, то у них не хватит расплатиться с народом всех земель и лесов и всего их имущества. Кроме того, в течение сорока лет уплачиваем мы баснословную аренду за землю от 20 до 60 руб. за десятину в лето, благодаря ложному закону 61-го года, по которому мы получили свободу с малым наделом земли, почему все трудовое крестьянство и осталось разоренным, полуголодным народом, а у туенядцев помещиков образовались колоссальные богатства».

«Хватит! Вы-ы-купили!»

Интересно: о чем и каким органом думали правители России, проводя такую, с позволения сказать, коммерческую операцию? Более того, продолжая ее, когда деревня стала уже откровенно разоряться и вымирать? Лишь колоссальные аграрные волнения 1905 года (о которых практически не пишут, ограничиваясь только волнениями пролетарскими) заставили правительство свернуть взимание выкупных платежей. Однако пить боржом было уже поздно...

Любые нормальные власти поддерживают производителей, а правительство Российской империи их откровенно гробило. Почему?

Да потому, что как раз производителей-то оно и поддерживало! В развитии крестьянского хозяйства страна не была заинтересована по причине его нетоварности, и с точки зрения государственной экономики крестьяне были интересны только в качестве батраков у помещиков, а население нехлебородных губерний — вообще никак. Товарный хлеб, то есть хлеб на продажу, выращивали крупные хозяйства: помещичьи, монастырские и пр. И реформа тщательно их охраняла, чтобы они, не дай Бог, не разорились.

Наверняка при освобождении крестьян учитывался этот момент: сделать так, чтобы помещики были обеспечены не только деньгами, но и дешевой рабочей силой. Возможно, этим и объясняются условия реформы: дать столько земли и на таких условиях, чтобы как можно большее количество крестьян разорилось, став батраками. Что в этом случае будет с общинной землей — отойдет ли она помещику или же на ней останутся лишь крепкие и относительно крупные крестьянские хозяйства, которые также станут производить товарный хлеб, — дело шестое. Главное — поспособствовать помещикам превратить бывшие рабовладельческие хозяйства в капиталистические.

Без малого полвека спустя, в 1906 году, группа московских миллионеров, выступивших в поддержку столыпинской реформы, заявила:

«Дифференциации мы нисколько не боимся... Из 100 полуголодных будет 20 хороших хозяев, а 80 батраков. Мы сентиментальностью не страдаем. Наши идеалы — англосаксонские. Помогать в первую очередь нужно сильным людям. А слабеньких да нытиков мы жалеть не умеем».

А кто, собственно, сказал, что англосаксонские идеалы появились в России только в начале XX века? Уже реформа 1861 года была совершенно англосаксонской, полностью в духе либеральной экономики и социального дарвинизма: выживает сильнейший. При этом в России оскал капитализма оказался куда более звериным, чем даже в славной социальными ужасами Англии. Ибо столько батраков — 80 процентов — на селе не требовалось.

Дело в том, что Англия имела промышленные города и колонии, куда можно было отправлять избыток сгоняемого с земли населения: да, жили они при этом в нечеловеческих условиях, но по крайней мере они жили. Российским крестьянам середины XIX века идти было некуда: ни промышленности в городах, ни колоний страна не имела. Здесь сильнейший

выживал в самом примитивном смысле. Цена англосаксонских идеалов в России была не экономическая, а натуральная: слабейшим предстояло умереть от голода.

Ну и что крестьяне должны были делать?

По англосаксонскому идеалу, поставленным в условия жестокой нехватки земли людям предстояло вступить друг с другом в схватку за жизнь. Сильные станут хозяевами, слабые батраками, лишние перемрут с голоду, и все будет в порядке. Однако надо же учитывать и менталитет: в истории России люди, предпочитавшие спастись в одиночку, обычно не оставляли потомства, которому могли бы передать свои предпочтения. «Каждый за себя» здесь не прокатывало в силу причин природных, исторических, географических и пр.

Однако не надо и абсолютизировать менталитет: может быть, в силу особенностей истории и географии русский человек и больший коллективист, чем его германский или британский собрат, но ни индивидуализмом, ни страстью к личной наживе он не обижен. Процветать русские тоже любят в одиночку, а объединяются либо при стихийном бедствии, либо при нападении врагов.

Вот и вопрос: как восприняли реформу русские крестьяне, коль скоро сохранили общину, — как бедствие или как нападение? Возможно, поначалу они еще не всё поняли и посчитали новые условия хозяйствования на земле некоей экономической стихией, вроде урагана или нашествия диких зверей. Как бы то ни было, отреагировали они на сей экономический эксперимент традиционным русским образом: стали выживать совместно. Отсюда и путь в тупик.

И все же как-то странно: такая людоедская реформа в христианской, православной стране.

Христианская-то она — да, но есть и нюансы. Дело в том, что в верхушке российского общества бытовал даже не англосаксонский — если бы! — а французский сословный идеал. Верхушка роялистской Франции кое-как признавала третье сословие — буржуазию, у которой регулярно брала деньги в долг, на прочий же народ французские дворяне смотрели как на говорящий инвентарь — за что и заплатились в 1789 году. Именно этот взгляд на низы общества переняло и офранцузившееся русское дворянство, особенно после того, как в Россию хлынули пострадавшие от революции французы-эмигранты.

Сергей Кара-Мурза (уж не знаю, сам он это придумал или же нашел у кого-то) ввел в обиход очень правильный термин: *социальный расизм*. Явление это хорошо знакомое: когда одна часть народа начинает другую часть этого же народа воспринимать как «недочеловеков». Примеров тому — великое множество. Ближе всего лежащий — сама реформа, которую подавали как *благоденствие* для крестьян. Государство трепетно заботилось о помещиках, компенсируя им возможные издержки, но о том, чтобы хоть как-то компенсировать мужикам многовековой бесплатный труд на хозяина, — речи не шло. Тем не менее будьте счастливы, вам оказана великая милость — вас освободили!

Российская элита не воспринимала крестьянина как существо, подобное себе, — не воспринимала на уровне подсознания, и следы этого отношения можно легко найти во множестве мемуаров, рассказов, художественных произведений. Лев Толстой в не слишком известной своей статье «О голоде» писал так:

«В последние 30 лет сделалось модой между наиболее заметными людьми русского общества исповедовать любовь к народу, к меньшому брату, как это принято называть. Люди эти уверяют себя и других, что они очень озабочены народом и любят его. Но все это неправда. Между людьми нашего общества и народом нет никакой любви и не может быть.

Между людьми нашего общества — чистыми господами в крахмаленных рубашках, чиновниками, помещиками, коммерсантами, офицерами, учеными, художниками и мужиками нет никакой другой связи, кроме той, что мужики, работники, hands, как это выражают англичане, нужны нам, чтобы работать на нас.

Зачем скрывать то, что мы все знаем, что между нами, господами, и мужиками лежит пропасть? Есть господа и мужики, черный народ. Одни уважаемы, другие презираемы, и между теми и другими нет соединения. Господа никогда не женятся на мужичках, не выдают за мужиков своих дочерей, господа не общаются как знакомые с мужиками, не едят вместе, не сидят даже рядом; господа говорят рабочим ты, рабочие говорят господам вы. Одних пускают в чистые места и вперед в соборы, других не пускают и толкают в шею; одних секут, других не секут.

Это две различные касты. Хотя переход из одной в другую и возможен, но до тех пор, пока переход не совершился, разделение существует

самое резкое, и между господином и мужиком такая же пропасть, как между кшатрием и парием».

Известный русский философ Николай Бердяев дал этому явлению и научное обоснование. В труде «Философия неравенства» он писал:

«„Просветительное“ и „революционное“ сознание... затемнило для научного познания значение расы. Но объективная незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование „белой кости“ есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неистребимый антропологический факт»¹.

В общем-то — да, сие есть факт: баре физически и душевно отличаются от мужиков. Вот только с чего они решили, что они лучше?

Ну это-то просто: у кого сила, тот и «оберменш».

Очень наглядно это состояние души проиллюстрировал А. Н. Энгельгардт, говоря о послереформенных временах и сетуя на оскудение псовой охоты: *«Притом же крестьяне теперь так зазнались, что не позволяют борзятникам топтать поля»*. За потраву своих посевов помещик при «крепости» порол на конюшне, а после 1861 года исправно взимал плату. Крестьянские поля он между тем не просто топчет по праву сильного, но и сопротивление хозяев этих полей определяет словом «зазнались»².

Ну и как должны были воспринимать такое положение вещей русские крестьяне? При том, что они учили детей читать по Священному Писанию, долгими зимними вечерами работали под чтение грамотного отрока и очень хорошо знали, что говорил по этому поводу Христос?

...Псовая охота — штука красивая, хотя, впрочем, совершенно бесполезная. Хуже, что во многом бесполезен оказался и сам помещик. Возложенных на него надежд сословие прежних землевладельцев не

¹ Цит. по: *Кара-Мурза С. Гражданская война. Интернет-версия.*

² Налицо явная связь с рассказом Владимира Величко, приведенном во введении. Отступающие белые убивали население точно так же, как крестьянин при подходе воинства Наполеона поджигал свою избу. «Если не мне — так не доставайся же ты никому!»

оправдало. Хозяйствовать на земле без рабов, даже получив выкуп, они и не хотели, и не могли. Уже в 1887 году, спустя четверть века после реформы, в руках крестьян 50 губерний Европейской России было 77,8 млн десятин, или 54,5% всей пахотной земли. В хлебопроизводящих черноземных губерниях процент еще выше — в половине из них доля крестьянской земли уже тогда доходила до 75%. К началу 1914 года крестьяне купили у помещиков еще 27 млн десятин и столько же брали в аренду. Как видим, не так уж много было земли, которая к лету 1917 года не находилась в их руках. Конфискация помещичьих усадеб означала для крестьянина не спасение, а компенсацию морального ущерба, понесенного во время реформы, да прибавку к рациону. Однако эта прибавка позволяла отогнать призрак голода — кому-то за пределы видимости, кому-то за ограду двора, но и это уже было много.

Дело в том, что реформа 1861 года запустила еще один механизм. В условиях жестокой нехватки земли и общинных порядков, для того чтобы увеличить наделы, крестьяне стали «плодиться и размножаться».

За 50 прошедших после реформы лет численность сельского населения Европейской России выросла вдвое. Перед реформой она составляла 50 млн человек, а в 1914 году — 103 млн. Соответственно, уменьшалось число земли, приходящейся на одного человека, а поскольку дети вырастали и семьи делились — то и на хозяйство.

«В Полтавской губернии, где 85% крестьянских дворов не подвергаются переделам уже несколько десятилетий подряд, — пишет ученый-экономист 20-х годов Лев Литошенко, — число рождений в 1913 г. по сравнению с числом рождений в 1882 г. дает увеличение всего на 3%... В соседней Харьковской губернии, где, наоборот, 95% дворов объединены в общины, число рождений за тот же период увеличилось на 52%. В смежных Ковенской и Смоленской губерниях число рождений возросло на 3% в первой и на 40% во второй. В Ковенской губернии 100% крестьян владеют землей подворно, а в Смоленской — 96% общинно. В Прибалтийском крае, не знавшем общинных порядков и придерживающемся системы единонаследия крестьянских дворов, прирост рождений за 30-летний период составляет едва 1% первоначальной цифры»¹.

¹ Литошенко Л. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 117.

Проблема российского аграрного сектора была не в нехватке земли, а в размере хозяйства. Земля делилась «по справедливости» — каждому мужчине в семье, независимо от возраста, давались равные наделы (после революции во многих местах наделы давали «по едокам» — но сути это не меняло). Россия была страной даже не мелкого, но мельчайшего хозяйства. А такое хозяйство малопродуктивно. В нем нет места ни для культуры земледелия, ни для какой бы то ни было механизации. Сельское хозяйство предреволюционной России — это лошадь с сохой, борона, минимум навоза в качестве удобрения и жесточайшее использование земли на износ — потому что кушать хочется каждый год. И чем меньше земля родит, тем более беспощадно ее эксплуатируют. В 1913-м, достаточно урожайном году, например, урожай пшеницы в России был в 3 раза ниже, чем в таких европейских странах, как Англия и Германия. Одним климатом этого не объяснишь.

18 мая 1928 года в докладе «На хлебном фронте» Сталин приводит выкладки советского экономиста, члена коллегии ЦСУ В. С. Немчинова. Согласно им, до 1917 года более 70 процентов товарного хлеба давали крупные хозяйства, использующие труд наемных работников. В 1913 году в них было занято 4,5 млн человек. Остальной товарный хлеб давали крупные крестьянские хозяйства, возникшие в основном по не знавшим крепостного права окраинам и отчасти после столыпинской реформы. Прочая деревня в лучшем случае кормила себя.

Как видим, передел помещичьих земель, в ходе которого они были распластованы на полоски и прирезаны крестьянам, уменьшал количество товарного хлеба и лишь глубже вгонял сельское хозяйство в тупик, из которого начинало уже припахивать могильным душком.

В 1916 году количество земли на душу населения выражается следующей таблицей:

**Обеспеченность посевами сельского населения
(десятин посева на 100 душ сельского населения)**

Государства	Посевная площадь	Районы Европейской России	Посевная площадь
Дания	126	Новороссия	147
Франция	105	Прибалтика	122
Германия	104	Нижне-Волжские губ.	120

Государства	Посевная площадь	Районы Европейской России	Посевная площадь
Венгрия	82	Средне-Волжские -»-	82
Австрия	66	Приуральские -»-	81
Бельгия	58	Малороссийские -»-	80
Нидерланды	39	Центр[ально-] Земледельческие -»-	79
		Белоруссия	75
		Юго-Западные губ.	67
		Приозерные -»-	50
		Центрально] Промышленные -»-	40
		Северные -»-	33
		Всего по Европейской России	83

Не только волжские, но и малороссийские и Юго-Западные губернии относятся к числу хлебопроизводящих. Ну и как могли их жители не то что страну кормить, но хотя бы сами кормиться с такого хозяйства?

Снова и снова мы возвращаемся к одному и тому же: **основными проблемами аграрного сектора Российской империи являлись чрезвычайно мелкий размер хозяйства и перенаселенность деревни.** Именно их решению и призваны были служить все попытки реформировать аграрный сектор. А все прочее — условия раздела земли, попытки разрушить общину — являлись лишь средствами¹. Притом не надо забывать, что в отличие, скажем, от рабочих положение крестьян со временем не улучшалось, а ухудшалось — по причине стремительно растущей численности сельского населения и столь же стремительного ухудшения качества земли.

Второй попыткой спасти российскую экономику с помощью англосаксонской модели (а никакой другой у дореволюционных российских экономистов не имелось) стала столыпинская реформа. В теории она была задумана правильно. Разрушить законодательным порядком общин-

¹ Мне приходилось читать вполне серьезную работу, где успех той же столыпинской реформы определяется количеством выделившихся из общины крестьянских хозяйств — показатель, который не говорит вообще ни о чем!

ное землевладение; передать землю желающим из крестьян в частную собственность; стимулировать возникновение крупных хозяев в деревне («отрубники»¹) и фермеров («хуторяне»), дать им возможность разбогатеть, скупая наделы у бедноты. Проблема была не в том, чтобы найти и поддержать хозяев — эта категория вполне могла позаботиться о себе самостоятельно. Проблема была все та же, что и в 1861 году, только более острая: куда девать излишек сельского населения при слабой промышленности и отсутствии колоний?

Америку и Австралию попытались заменить местным аналогом — Сибирью. История и результаты переселенчества слишком хорошо известны. Сия затея обогатила русское общество полумиллионом озлобленных маргиналов (при том, что их и так было достаточно), экономического же толку не вышло никакого. Промышленность, при сильном напряжении, могла принять пару миллионов человек. Некоторое количество населения ликвидировала война, тем более что к людям на ней относились как к дешевому расходному материалу. Но все это были полумеры. Потери в ходе войны составили не более 2,5 млн человек, а, по разным оценкам, на селе проживало от 20 до 32 миллионов «лишнего» населения.

Чтобы столыпинская реформа удалась, всех этих людей надо было куда-то девать. Поскольку девать их было некуда, то для спасения российской экономики в рамках классической либеральной модели эти 26 миллионов (возьмем среднее между 20 и 32 млн) человек должны были умереть.

Как? Способ смерти сельского населения в России известен и чрезвычайно прост — голод.

Интересно, когда крестьяне осознали, что государство российское их сознательно и хладнокровно *убивает*? В любом случае, в 1906 году, когда заговорили о новой реформе, этот прискорбный факт должен был дойти до их сознания и, судя по тому, что деревня практически единогласно выступила против столыпинской реформы, он таки дошел.

¹ Отруба — объединенные в одно поле земельные наделы, которые передавались в собственность крестьянам. Звучит так, как будто бы они располагались с краю общинной земли, а в реальности их часто нарезали посередине, поперек, да еще и захватывая лучшие земли. С одной стороны, существовал социальный заказ на поддержку собственника, с другой — был еще и такой фактор, как взятка землемеру...

Рыбацкая волость Петербургского уезда основывала неприятие реформы следующим образом:

«По мнению крестьян, этот закон Государственной Думой одобрен не будет, так как он клонится во вред неимущих и малоимущих крестьян. Мы видим, что всякий домохозяин может выделиться из общины и получить в свою собственность землю; мы же чувствуем, что таким образом обездоливается вся молодежь и все потомство теперешнего населения. Ведь земля принадлежит всей общине в ее целом не только теперешнему составу, но и детям и внукам».

То есть реформа была воспринята как покушение на жизнь будущих поколений русских мужиков — чем она на самом деле и являлась, ибо мужики не производили товарного хлеба, а стало быть, в рамках англосаксонской модели их существование не имело смысла. Каков был ответ — угадать нетрудно. Отношения основной массы сельского населения и власти приобрели характер если не войны — война еще вспыхнет, то некоего ига, вроде татарского. Именно изменением восприятия власти — уже не как бедствия, а как врага — можно объяснить резкую ненависть крестьянства к «птенцам реформы» — выделившимся из общины крестьянам-собственникам. То есть там были, конечно, и объективные причины для нелюбви, но их ненавидели в том числе и как *предателей* крестьянского сословия. Все это еще скажется в годы Гражданской войны, а особенно во время коллективизации. Если само раскулачивание было вызвано объективными причинами, то за эксцессы при нем следует благодарить «великого реформатора». Это его идеи отозвались ненавистью к богатым крестьянам, равно как «черный передел» лета семнадцатого года был прямым следствием реформы года 1861-го.

Что касается экономики, то столыпинская реформа действительно помогла появлению на селе некоторого количества крепких хозяйств, но на положение основной массы сельского населения она не повлияла никак. Разве что резко увеличился слой безземельных крестьян — первых кандидатов на тот свет в случае любых серьезных продовольственных трудностей.

Голод как образ жизни

— У нас в такие зимы ох сколько народу умирает...

— Отчего же? От холода?

— Эх ты, птичка Божия, ни заботы, ни труда... От голода, милая барышня! От того, что в иную зиму даже картофельной шелухи нету.

— Извините меня, я действительно далека от всего этого...

Из фильма «Рожденная революцией»

Мы уже писали во второй части «Технологии невозможного» о структуре потребления покупных продуктов в России и о крайней скудости потребления на селе. Теперь взглянем на проблему с другой стороны — снизу.

«Описания крестьянских бюджетов, произведенные в 90-х годах¹ в разных губерниях России, обнаружили поразительное однообразие и скудость потребностей у крестьянского населения... Главной статьёй расхода была пища, по преимуществу растительного характера и собственного производства. Она поглощала до 80% всей расходуемой деньгами и натурой суммы. На одежду тратилось 15% бюджета, причем опять расходуемые суммы в значительной мере составлялись из продуктов своего хозяйства. Потребности высшего порядка, расходы на мебель, предметы комфорта, культуры и культы занимали в бюджете крестьянина ничтожное место, измеряемое 3% общей суммы расходов. Значительная доля этих потребностей удовлетворялась опять или изделиями собственного производства, или работой мелкого кустарного, соединенного с земледелием ремесла. Услугами крупной промышленности крестьянство почти не пользовалось. Все квалифицированные потребности были, кроме того, крайне непрочны в крестьянском быту. При малейшем сокращении ресурсов они исчезали, уступая место единственно развитой, бесспорной и малосжимаемой у крестьянина потребности в пище. Абсолютная сумма крестьянского расходного бюджета также был невелика. В разных районах и при разных условиях в среднем получилась одна и та же величина — около 50 руб на душу в год. В эту ничтожную сумму должны были вмещаться все потребности, начиная

¹ При этом не надо забывать, что в отличие от рабочих положение крестьян не улучшалось со временем, а ухудшалось.

от пищи и кончая книгами, спиртными напитками и табаком»¹. Бедные хозяйства от более богатых середняцких по затратам на еду практически не отличались — увеличивалась сумма на одежду и на «роскошь» вроде чая, сахара и т. п.

Историк Кара-Мурза приводит простенькую табличку: сколько и каких продуктов в год потребляли жители предреволюционной России и жители СССР в 1986 году, который у нас считался *неблагополучным*². (данные приведены в килограммах).

	Рабочие		Крестьяне (колхозники)	
	До революции	1986 г.	До революции	1986 г.
Мясо и мясопродукты	22,5	82,2	14,9	58,7
Молоко и молочные продукты	87,0	340,9	107,0	350,7
Яйца, шт.	53	277	33	294
Рыба и рыбопродукты	14,5	21,2	5,5	14,8
Сахар	9,4	35,3	3,0	41,3
Картофель	90,2	92,1	77,7	142,9
Овощи и бахчевые	41,0	82,5	25,5	96,1
Хлебные продукты	174,3	87,2	256,0	150,1

Как видим, население Ъ-России питалось в основном хлебом — причем далеко не французскими булками, а той субстанцией, о которой пойдет речь несколько ниже. Почему ели так мало картофеля и овощей, которые тоже растут на земле, — непонятно, но едва ли от глупости, ибо картошка уж всяко лучше желудей. Наверное, так складывалась конкретная работа на конкретной земле.

Это все относится к благополучным годам. Но ведь были годы и неурожайные. Для начала позвольте напомнить цитату, приведенную в первой книге, — что писали о голоде в России Брокгауз и Ефрон.

«После голода 1891 г., охватывающего громадный район в 29 губерний, нижнее Поволжье постоянно страдает от голода: в течение

¹ Литошенко Л. . Социализация земли в России. С. 112–113.

² Составлено по материалам обследования семейных бюджетов.

XX в. Самарская губерния голодала 8 раз, Саратовская 9.¹ За последние тридцать лет наиболее крупные голодовки относятся к 1880 г. (Нижнее Поволжье, часть приозёрных² и новороссийских губерний) и к 1885 г. (Новороссия и часть нечерноземных губерний от Калуги до Пскова); затем вслед за голодом 1891 г. наступил голод 1892 г. в центральных и юго-восточных губерниях, голодовки 1897 и 1898 гг. приблизительно в том же районе; в XX в. голод 1901 г. в 17 губерниях центра, юга и востока, голодовка 1905 г. (22 губернии, в том числе четыре нечерноземных, Псковская, Новгородская, Витебская, Костромская), открывающая собой целый ряд голодовок: 1906, 1907, 1908 и 1911 гг. (по преимуществу восточные, центральные губернии, Новороссия)»³.

Следующий материал по объему надо было бы привести в приложении. Но я помещаю его в текст. Это свидетельство Льва Толстого, который в преддверии голода 1891–1892 гг. побывал в Тульской губернии и честно описал, что он там увидел.

«Первый уезд, посещенный мною, был Крапивенский, пострадавший в своей черноземной части.

Первое впечатление, отвечавшее в положительном смысле на вопрос о том, находится ли население в нынешнем году в особенно тяжелых условиях: употребляемый почти всеми хлеб с лебедой — с $\frac{1}{3}$ и у некоторых с $\frac{1}{2}$ лебеды, — хлеб черный, чернильной черноты, тяжелый и горький; хлеб этот едят все — и дети, и беременные, и кормящие женщины, и больные.

Другое впечатление, указывающее на особенность положения в нынешнем году, это общие жалобы на отсутствие топлива. Тогда еще — это было в начале сентября — уже нечем было топить. Говорили, что порубили лозины на гумнах, что я и видел; говорили, что перерубили и перекололи на дрова все чурбачки, все деревянное.

Многие покупают дрова в прочищающемся помещичьем лесу и в сводящейся поблизости роще. Ездят за дровами верст за 7, за 10. Цена колотых дров осиновых за шкалик, т. е. $\frac{1}{16}$ куб. саж., 90 копеек, так что дров на зиму понадобится рублей на 20, если топить все покупными.

¹ Этот том «Словаря» вышел в 1913 г.

² Санкт-Петербургская, Псковская, Новгородская и Олонская губернии.

³ Цит. по: Пыхалов И. Кормила ли Россия пол-Европы? // Спецназ России. 2004. № 1.

Бедствие несомненное: хлеб нездоровый, с лебедой, и топиться нечем.

Но смотришь на народ, на его внешний вид, — лица здоровые, веселые, довольные¹. Все в работе, никого дома. Кто молотит, кто возит. Помещики жалуются, что не могут дозваться людей на работу². Когда я там был, шла копка картофеля и молотьба. В праздник престольный тили больше обыкновенного, да и в будни попадались пьяные. Притом самый хлеб с лебедой, когда приглядишься, как и почему он употребляется, получает другое значение.

В том дворе, в котором мне в первом показали хлеб с лебедой, на задворках молотила своя молотилка на четырех своих лошадях, и овса, с своей и наемной земли, было 60 копен, дававших по 9-ти мер, т. е., по нынешним ценам, на 300 рублей овса. Ржи, правда, оставалось мало, четвертей 8, но кроме овса было до 40 четвертей картофеля, была греча, а хлеб с лебедой ела вся семья в 12 душ. Так что оказывалось, что хлеб с лебедой был в этом случае не признаком бедствия, а приемом строгого мужика для того, чтоб меньше ели хлеба, — так же, как для этой же цели и в изобильные года хозяйственный мужик никогда не даст теплого и даже мягкого хлеба, а все сухой. „Мука дорогая, а на этих пострелят разве наготовишься! Едят люди с лебедой, а мы что ж за господа такие!“»

Посчитаем. К сожалению, граф не упоминает, сколько у хозяина своей земли и сколько наемной, но четыре лошади — это уровень зажиточного середняка, а такие, как правило, растят что-то на продажу. По-видимому, продавать будут как раз овес, которого собрали 880 пудов. Часть пойдет на корм скоту, остальное на рынок — надо платить налоги, выкупные платежи и плату за аренду земли, которая всегда была высокая³. Конечно, если припрет, то часть овса съедят — так что эта семья с голоду не умрет.

А теперь посмотрим, сколько запасов для питания людей. Четверть — двенадцать пудов (на самом деле крестьянин наверняка пользовался чет-

¹ Естественно — голод-то еще только будет!

² Неудивительно: за работу платили деньгами, а много ли на них купишь в голодный год? Естественно, крестьяне предпочитали убрать сначала свое.

³ В 1882 году, за десять лет до того, в Орловской губернии аренда земли обходилась в 5 руб за десятину, в Курской — 10 руб. С учетом уменьшения количества земли на душу населения и обесценивания денег уменьшиться она всяко не могла.

вертью как мерой объема — 209 л — но для зерна они в принципе где-то совпадают), как раз та самая физиологическая норма, которую оставляли крестьянам на пропитание в голодном 1918 году. По физиологической норме хлебом обеспечены 8 человек, а семья — 12 душ. Картошки — 40 четвертей, это уж пусть владельцы садовых участков считают, сколько там килограммов и надолго ли ее хватит.

Но все же: как надо существовать, чтобы собственным детям жалеть чистого хлеба! Впрочем, тут арифметика опровергает графа: учитывая, что ржи осталось две трети физиологической нормы, а цены в голодный год безумные, то если печь на одну треть с лебедой, как раз и можно дотянуть до нового урожая. Но еще раз: четыре лошади — это не просто зажиточная, но очень зажиточная семья. А как живут остальные?

«Положение большинства дворов при поверхностном наблюдении представляется таким, что неурожай ржи выкупается урожаем овса, стоящего в высокой цене, и хорошим урожаем картофеля. Продают овес, покупают рожь и кормятся преимущественно картофелем. Но не у всех есть и овес и картофель; когда я переписал всю деревню, то оказалось, что из 57 дворов 29 было таких, у которых ржи уже ничего не оставалось или несколько пудов, от 5 до 8, и овса мало, так что при промене двух четвертей на четверть ржи им не хватит пищи до Рождества. Таковы 29 дворов; 15 же дворов совсем плохие. У этих дворов нет главного подспорья нынешнего года — овса, так как, будучи плохи еще прошлого года, они не могли посеять ярового и земля сдана. Некоторые уже теперь побираются.

Таковы приблизительно и другие деревни Крапивенского уезда. Процент богатых, средних и плохих почти один и тот же: 50% или около того средних, т. е. таких, которые в нынешнем году съедят все свои продовольствия до декабря, 20% богатых и 30% совсем плохих, которым уже теперь или через месяц будет есть нечего.

Положение крестьян Богородицкого уезда хуже. Урожай, в особенности ржи, здесь был хуже. Здесь процент богатых, т. е. таких, которые могут просуществовать на своем хлебе, тот же, но процент плохих еще больше. Из 60-ти дворов 17 средних, 32 совсем плохих, таких же плохих, как те 15 плохих в первой деревне Крапивенского уезда».

Отмечаю особо еще раз: **богатые** — это те, которые в голодный год, при однократном недороде, могут на своем продовольствии дотянуть до нового урожая.

«Чем дальше в глубь Богородицкого уезда и ближе к Ефремовскому, тем положение хуже и хуже. На гумнах хлеба или соломы все меньше и меньше, и плохих дворов все больше и больше. На границе Ефремовского и Богородицкого уездов положение худо в особенности потому, что при всех тех же невзгодах, как и в Крапивенском и Богородицком уездах, при еще большей редкости лесов, не родился картофель. На лучших землях не родилось почти ничего, только воротились семена. Хлеб почти у всех с лебедой. Лебеда здесь невызревшая, зеленая. Того белого ядрышка, которое обыкновенно бывает в ней, нет совсем, и потому она не съедобна.

Хлеб с лебедой нельзя есть один. Если наестся натошак одного хлеба, то вырвет. От кваса же, сделанного на муке с лебедой, люди шалют.

Здесь бедные дворы, опустившиеся в прежние годы, доедали уже последнее в сентябре. Но и это не худшие деревни. Худшие — в Ефремовском и Епифанском уездах. Вот большая деревня Ефремовского уезда. Из 70-ти дворов есть 10, которые кормятся еще своим. Остальные сейчас, через двор, уехали на лошадях побираться. Те, которые остались, едят хлеб с лебедой и с отрубями, который им продают из склада земства по 60 копеек с пуда. Я зашел в один дом, чтобы видеть хлеб с отрубями. Мужик получил три меры ржи на обсеменение, когда у него уж было посеяно, и, смешав эти три меры с тремя мерами отрубей, смолот вместе, и вышел хлеб довольно хороший, но последний. Баба рассказывала, как девочка наелась хлеба из лебеды и ее несло сверху и снизу, и она бросила печь с лебедой. Угол избы полон котяшьями лошадиными и сучками, и бабы ходят собирать по выгонам котяшья и по лесам обломки сучков в палец толщиной и длиной¹. Грязь жилья, оборванность одежд в этой деревне очень большая, но видно, что это обычно, потому что такая же и в достаточных дворах...»

Дальше Толстой дает несколько иллюстраций, бытовых сцен. Только дыхание переведите, потому что дышать будет трудно, предупреждаю...

«В этой же деревне слободка солдатских детей безземельных. Их дворов десять. У крайнего домика этой слободки, у которого мы остановились, вышла к нам оборванная, худая женщина и стала рассказывать свое положение. У нее пять человек детей. Старшей девочке десять лет. Двое больны, — должно быть, инфлюэнцей. Один трех-

¹ За неимением дров в деревнях топили валежником и навозом.

летний ребенок больной, в жару, вынесен наружу и лежит прямо на земле, на выгоне, шагах в восьми от избышки, покрытый разорванным остатком зипуна. Ему и сыро, и холодно будет, когда пройдет жар, но все-таки лучше, чем в четырехаршинной избышке с развалившейся печкой, с грязью, пылью и другими четверья детьми. Муж этой женщины ушел куда-то и пропал. Она кормится и кормит своих больных детей, побираясь. Но побираться ей затруднительно, потому что вблизи подают мало. Надо ходить вдаль, за 20–30 верст, и надо бросать детей. Так она и делает. Наберет кусочков, оставит дома и, как станут выходить, пойдет опять. Теперь она была дома, — вчера только пришла, и кусочков у ней хватит еще до завтра.

В таком положении она была и прошлого, и третьего года, и еще хуже третьего года, потому что в третьем годе она сгорела и девочка старшая была меньше, так что не с кем было оставлять детей. Разница была только в том, что немного больше подавали и подавали хлеб без лебеды. И в таком положении не она одна...

...Таких деревень, как эта, очень много и в Богородицком, и в Ефремовском уездах. Но есть и хуже. И таковы деревни Епифанского уезда.

Вот одна из них: верст шесть от одной деревни до другой нет жилья и сел. Есть только в стороне помещичьих хутора. Все поля и поля, жирные, черноземные, глубоко вспаханные плугами и прекрасно посеянные рожью. Картофель весь выкопан; кое-где только перепаживают второй раз. Кое-где пахут под яровое. В жнивах ходят прекрасные стада помещичьи. Озимь прекрасная, дороги хозяйственно окопаны канавами, усажены срубленной лозинкой; в лощинах разводится саженый лес. Кое-где огороженные и оберегаемые леса помещиков. На хуторах по дороге пропасть соломы, и убирается в подвалы и бунты картофель. Все обработано, и обработано искусно, на всем виден положенный труд тысяч людей, исходивших с сохами, плугами, косами, граблями все борозды этих необозримых богатых полей. Прихожу к жительству этих людей. В крутых берегах большая прекрасная река, с обеих сторон поселение. На этой стороне Епифанского уезда поменьше, на той стороне, Данковского, побольше. Там и церковь с колокольней и блестящим на солнце крестом; по бугру, на той стороне, вытянулись красивые издавна крестьянские домики.

Подхожу к краю деревни на этой стороне. Первая изба — не изба, а четыре каменные, серого камня, смазанные на глине стены, прикры-

тые потолочинами, на которых навалена картофельная ботва. Двора нет. Это жилье первой семьи. Тут же, спереди этого жилища, стоит телега без колес, и не за двором, где обыкновенно бывает гумно, а тут же перед избой, расчищенное местечко, ток, на котором только что обмолотили и извезли овес. Длинный мужик в лаптях лопатой и руками насыпает из вороха в плетеную севалку чисто отвеянный овес, босая баба лет 50-ти, в грязной, черной, вырванной в боку рубахе, носит эти севалки, ссыпает в телегу без колес и считает. К бабе жметя, мешая ей, в одной серой от грязи рубахе, растрепанная девочка лет семи. Мужик — кум бабе, он пришел помочь ей извезать и убрать овес. Баба — вдова, муж ее умер второй год, а сын в солдатах на осеннем ученье, невестка в избе с двумя своими малыми детьми: один грудной, на руках, другой лет двух сидит на лавке.

Весь урожай настоящего года — в овсе, который уберется весь в телегу, четверти четыре. От ржи, за посевом, остался аккуратно прибранным в пуньке мешок с лебедой, пуда в три. Ни проса, ни гречи, ни чечевицы, ни картошек не сеяли и не садили. Хлеб испекли с лебедой — такой дурной, что есть нельзя, и в нынешний день баба утром сходила побираться в деревню, верст за восемь. В деревне этой праздник, и она набрала фунтов пять кусочков без лебеды пирога, которые она показывала мне. В лукошке было набрано корок и кусочков в ладонь, фунта 4. Вот все имущество и все видимые средства пропитания.

Другая изба такая же, только немного лучше покрыта и есть дворишко. Урожай ржи такой же. Такой же мешок лебеды стоит в сенях и представляет амбары с запасами. Овса в этом дворе не сеяли, так как не было семян весной; картофелю три четверти, и есть пшена две меры. Рожь, какая осталась от выдачи на семена, баба испекла пополам с лебедой и теперь доедают. Осталось полторы ковриги. У бабы четверо детей и муж. Мужа в то время, как я был в избе, не было дома, — он клал избу, каменную на глине у соседа-мужика через двор...

...Такова вся деревня в 30 дворов, за исключением двух семей, которые зажиточны... Положение деревни таково, что из 30-ти дворов 12 безлошадных...

...Перед уходом из деревни я остановился подле мужика, только что привезшего с поля картофельные ботовья, плети (как у них называют) и складывавшего их у стены избы.

„Откуда это?“

„У помещика покупаем“.

„Как? Почему?“

„За десятину плетей — десятину на лето убрать“. То есть за право собрать с десятины выкопанного картофеля картофельную ботву крестьянин обязывается вспахать, посеять, скосить, связать, свезти десятину хлеба, т. е. по обыкновенным дешевым ценам розничной работы сработать по крайней мере на 8 рублей, а по установленной в той местности цене выходит пять.

Мужик был разговорчив, я остановился с ним у телеги, и скоро человек шесть мужиков собралось тут же, и мы разговорились. Бабы, прислушиваясь, стояли поодаль. Ребята, жуя черный, чернильного цвета липкий хлеб с лебедой, вертелись подле нас, разглядывая меня и прислушиваясь... Всю нищету свою рассказывали не то что с неудовольствием, но с какой-то постоянной над кем-то и над чем-то иронией.

„Что ж это вы так плохи, обедняли хуже других?“ — спросил я...

„А что же поделаешь? Летось половину деревни как корова языком слизнула — выгорело. А то неурожай. И летось плохо было, а уж нынче вовсе чисто. Да какой тебе урожай, коли земли нет? Какая земля? — На квас“.

„Ну заработки?“ — сказал я.

„Какие заработки? Где они? Ведь он (это помещик), нас на 11 верст обхватил. Всё его земля, куда хошь иди. Цена везде одна. Ну вот плати 5 рублей за плети, а их на месяц не хватит“».

Тут надо пояснить насчет мелких пакостей. Когда в 1861 году межевали землю, то кому землемер сословно близок? Вот и нарезали сплошь и рядом помещику землю так, чтобы она охватывала крестьянские наделы. Случалось, например, что от деревни до пастбища скотине не было прохода: хочешь стадо выгнать — бери в аренду бросовую землю, только для прогона стада и т. п. Пустячок — а приятно...

Резюме графа Толстого по поводу увиденного следующее:

«Ведь то, что люди этой епифанской деревни не могут прожить зимы, не померев от голоду или, по крайней мере, от болезней, происходящих от голода и дурной пищи, если они не предпримут чего-нибудь, так же несомненно, как и то, что колодка пчел без меду и оставленная на зиму помрет к весне. Но в том-то и вопрос: предпримут они что-нибудь или нет? До сих пор, похоже, что нет. Только один из них распродал все и уезжает в Москву. Остальные как будто не понимают

своего положения. Ждут ли они, что им помогут извне, или они, как дети, провалившиеся в прорубь или потерявшие дорогу, в первую минуту еще не понимая всей опасности своего положения, смеются над непривычностью его. Может быть, и то и другое. Но несомненно, что эти люди находятся в таком состоянии, при котором они едва ли сделают усилия, чтобы помочь себе».

Это, наверное, самое жуткое во всем очерке наблюдение: «не понимают своего положения». Как, спрашивается, люди, всю жизнь работающие на земле, могут его не понимать? А куда денешься? Распродать все и отправляться в город — но кто их ждет в городе? Там можно кое-как прожить одному — не так ли поступил муж той женщины, что осталась с пятью детьми в убогой хате? А если семья, старики, дети? Кроме того, не стоит забывать, что большинство этих людей родились в рабстве, в котором их предки прожили не меньше двухсот лет, — а рабство лишает людей не только человеческого достоинства, но и жизненных сил тоже. Рабство развращает не только рабовладельцев. Чтобы эти люди могли полноценно бороться за жизнь, должно вырасти и вступить в полную силу хотя бы одно свободное поколение.

Англо-саксонский принцип «пусть выживают сильнейшие», в русской реальности означал, что слабые должны умереть.

Многие ли из героев этого трагического очерка доживут до весны? Какую-то помощь им окажет государство, какие-то средства соберет общество, сколько-то из всего этого попадет по назначению, остальное будет либо выдано не тем, кто по-настоящему голодает, либо разворовано... Число жертв этого голода до сих пор неизвестно — по некоторым оценкам, до 1 млн человек, но точно их вроде бы никто не считал...

Впрочем, граф Толстой мрачно отметил:

«В таком положении не только нынешний год, но и всегда все семьи слабых, пьяных людей, все семьи сидящих по острогам, часто семьи солдат. Такое положение только легче переносится в хорошие года. Всегда и в урожайные годы бабы ходили и ходят по лесам украдкой, под угрозами побоев или острога, таскать топливо, чтобы согреть своих холодных детей, и собирали и собирают от бедняков кусочки, чтобы прокормить своих заброшенных, умирающих без пищи детей. Всегда это было! И причиной этого не один нынешний неурожайный год, только нынешний год все это ярче выступает перед нами, как старая картина, покрытая лаком. Мы среди этого живем!»

Вас еще удивляет та ненависть, которая выплеснулась на помещиков и на государство в семнадцатом году?

— *Ну как же жить будете?* — спросил мужиков граф Толстой.

— *Так и будем жить. Распродадим, что есть, а там что Бог даст...*

Но самая красноречивая цифра, относящаяся к 1891 году, — это динамика хлебных цен. На местах существовали так называемые «хлебные магазины», в которых по закону должен был находиться резерв зерна на случай неурожая. Естественно, как оно обыкновенно и бывало в Российской империи, наличный запас колебался от 15 до 25% требуемого. Правительство предоставило земствам средства на покупку хлеба, но тут же подсуетились хлебные торговцы, мгновенно взвинтившие цены (про откаты сведений нет — однако не быть их, сами понимаете, не могло). На все это наложился еще и фантастический бардак в торговле, когда зерно везли на большие расстояния, тогда как иной раз хлеб имелся в этой же губернии и вывозился за ее пределы, и столь же фантастический бардак на железных дорогах. Несмотря на введенный осенью 1891 года запрет на экспорт хлеба, внутренние цены на него продолжали расти — торговцы придерживали зерно, выжидая максимальных цен. Росли они вплоть до весны 1892 года, а потом, в тот момент, когда по идее должны были достигнуть максимума, резко пошли вниз. Причиной снижения цен обычно бывает один из двух факторов: либо падение спроса, либо рост предложения. Какой из этих двух вариантов должен был реализоваться к весне 1892 года? Закончиться спрос, естественно, поскольку он определяется отнюдь не потребностями населения, а наличием денег. Кроме того, обнаружилось, что хлеб есть даже в самых голодающих губерниях — его, как уже говорилось, придерживали, выжидая еще большего подорожания. Теперь его не брали уже и по сниженным ценам, потому что — поздно! Государственные средства закончились, а свои умирающее с голоду население давно уже истратило. Так что просчитавшиеся хлебные торговцы понесли убытки. Кого это радует — может радоваться...

Еще раз напомним: по некоторым данным (точные неизвестны), той зимой умерло от голода около миллиона человек.

...В знаменитых воспоминаниях Александры Бруштейн «Дорога уходит в даль» приводится рассказ солдата-татарина Шарафутдинова, денщика одного из друзей их семьи. По окончании службы тот уехал на

родину, в Уфимскую губернию. Это был 1901 год, газеты глухо упоминали о «недороде», но толком никто ничего не знал. Солдат через некоторое время вернулся и с дороги все никак не мог наесться, так что кухарка отметила, что «не иначе, как из татарина днище выпало».

Вот рассказ денщика в передаче Александры Бруштейн¹:

«Больше половины деревни вымерло. От голода и тифа. Семья Шарафута сперва продала корову. Потом коня. Купил богатый мужик из соседнего села. Шарафут произносит: „Ба-а-там мужикам!“ Купил за гроши. Люди уже шатались от голода. А когда же и нажиться, как не на человеческой беде!

Когда съели то, что выручили за скот, тогда подумали: а на что теперь — без коня! — нужны плуг, соха, борона? Продали и это. А затем продали и земельный надел, то есть тот клочок земли, которым владели спокон веку: к чему земля, если ее нельзя и нечем обрабатывать? Все скупили „ба-а-там мужикам“... Наконец продали с себя все — до последней тряпки... Есть-то ведь надо!..

Когда все было продано, рассказывает Шарафут, все „помирала“. Ели хлеб из лебеды и желудей. Подбавляли в хлеб землю, даже навоз... Потом заболели, очевидно, голодным тифом. Когда Шарафут приехал, он застал в живых только младшего братишку — „она еще живая была“. Запасливый Шарафут вынул из кармана остатки своей дорожной еды — большой кусок хлеба. Братишка схватил хлеб обеими руками, но он уже не мог, не имел силы есть. Мальчик только крепко прижимал хлеб к себе. Так, с куском в руке, и умер.

Шарафут сидел около мертвого братишки. Вдруг слышит — шорох. Обернулся, а в избу вползает соседская девочка лет десяти — двенадцати. Вставать на ноги девочка уже не могла, передвигалась ползком. На Шарафута она не смотрела, она словно не видела его. Он подумал — слепая. Но нет — она смотрела в одну точку, не отрываясь: на кусок хлеба в мертвой руке мальчика».

Непонятно, почему этой деревне не помогали. Может быть, потому что татары, то есть дважды «недочеловеки»? Или, может, просто помощь не дошла — ведь голодали 17 губерний, а организовано все было

¹ Конечно же, клеветает, причем дважды: поскольку советская писательница, а не парижская, и поскольку еврейка. Жиды с «совками» никогда слова правды про Ъ-Россию не скажут, это же общеизвестно.

преотвратно: то вагоны приходили не туда, то продовольствие оказывалось негодным: естественно, хлебные торговцы постарались спихнуть в первую очередь гниль и заваль, как обычно в случае госпоставок. Да и воровали, не без того...

Но все же запомните этого «ба-а-атам мужикам». Он нам пригодится, когда будем говорить о хлебных реквизициях, а потом о раскулачивании. Голодающие люди продавали все, что имели, — но кто-то ведь их имущество покупал! Кто, интересно? Жидомасон пришел с золотом от устроителей всемирного заговора?

...В 1933 году что-то подобное случилось на Украине — и «жовто-блакитные» соседи до сих пор кричат о «голодоморе». А это не голодомор — это просто голод. Обыденная реальность «России, которую мы потеряли». Голодовки случались в ней с мрачной регулярностью. Такие бывали нечасто, но ситуация, когда к весне сельское население «опухало», считалась обыкновенной, причем не только в голодные годы.

Государство и общество пытались как-то помочь — хотя и не все в этом участвовали, многие склонялись к англосаксонскому идеалу. Как, например, тот помещик, который в июне 1906 года писал:

«А дела-то дрянь! Черт их возьми, прямо выхода, кроме драки, не видно. Народ озверел. Все эти забастовки и аграрные беспорядки, по моему, создались на почве зависти к сытому и богатому со стороны голодного и бедного. Это такое движение, которое не поддается убеждению, а разрешается битвой и победой. Впрочем, что же — война, так война. Только противно видеть, что поднялись самые подлые страсти. Бедность, голод и т. д. вовсе не от того, что у крестьян мало земли или плохо платят за работу, а от неумения работать, от необразованности и лени».

Любопытна эволюция настроений этой категории российской элиты. Когда летом 1917 года они сами оказались в положении «голодного и бедного» (естественно, по их меркам), вы думаете, они не дали волю «подлым страстям», показали пример «образованности и трудолюбия» на земле, выделенной им по «трудовой норме»¹?

Ага, сейчас!

¹ Во многих местах, если не было совсем уж нестерпимого взаимного озлобления, помещикам после захвата земли выделяли надел на общих основаниях.

В мае 1917 года один из помещичьих союзов выпустил прокламацию. Начиналась она словами: «Будущие пролетарии — русские землевладельцы — соединяйтесь!» А заканчивалась так:

«Народ, отменивший смертную казнь как преступное убийство и вводящий в свои законы другое преступление — грабеж и захват как основу своего ленивого благосостояния... не должен и не может иметь своего государства. Как социалисты не признавали самодержавия, даже когда оно пользовалось всеобщим признанием, так и мы не можем признать преступной грабительской республики. При таких условиях нам не уйти от гибели, а нашим детям — от голода, потому что мы никогда не подчинимся велениям и законам преступного государства, которое хочет узаконить грабительский захват. Мы не найдем себе места в нашем бесшабашном отечестве, как не находили его социалисты. Но социалисты прибегали к мести и террору, другого средства борьбы у них не было. Очевидно, по этому ужасному пути придется идти также нам и нашим детям... Сотни тысяч обнищавших землевладельцев непременно выделяют из своей среды десятую часть, т. е. десятки тысяч самых несчастных и пылких, а эти несчастные в одну темную ночь пойдут с коробкой спичек и с пузырьком керосина к десяткам тысяч грабительских сел и деревень, в которых будут скоро заседать в трогательном единодушии советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, убежавших туда после банкротства фабрик и заводов, и произведут всероссийскую иллюминацию, не щадя ни домов, ни лесов, ни посевов. Темным грабителям легче будет делить голую землю. А мы только в этом ужасном, неизбежном мщении обретем единственное утешение свое»¹.

И подпись: Союз несчастных землевладельцев.

Надо же: только увидели на горизонте даже еще не голод, а просто уменьшение количества отбивных в неделю — и уже так возбудились!

Ну как не посочувствовать...

¹ Оба документа цитируются по: Кара-Мурза С. Гражданская война.

Голод как социальный фактор

Богатые хозяева любили прежде поговаривать, что омач запасливого дехканина раз в несколько лет пашет прямо по золоту. Они намекали этой пословицей на неурожайные годы, когда зажиточный богател, продавая на вес золота припасенное зерно.

Бруно Ясенский. Человек меняет кожу

Возможно, если бы столыпинская реформа была проведена в 1861 году, какой-то положительный результат мог получиться. Россия не стала бы промышленным государством, но из нее вышла бы крепкая аграрная страна. Однако что толку в частице «бы»? Реформы были такими, какими они были.

Столыпинская реформа изменила «линию ненависти». Раньше та проходила между деревней и помещьем, а теперь переместилась внутрь деревни. По одну ее сторону стояли бедняки, по другую — их разбогатевшие на реформе односельчане, которых впоследствии стали называть кулаками.

Мы еще по книгам и фильмам о коллективизации помним эти термины: кулак, бедняк, середняк. Помним даже, что бедняки могли иметь лошадь и корову, а середняцким считалось семейство, у которого было больше одной лошади и больше одной коровы¹. К бедняцким относили хозяйства, имевшие меньше пяти десятин. Это абсолютные показатели — а ведь были еще и относительные. Например, три лошади и двенадцать десятин при составе семьи 4 человека — это сильные середняки, а если в семье, скажем, пятнадцать душ и четыре-пять работников?

По-видимому, абсолютные показатели, принятые еще в те времена, — это хозяйства, которые считались бедными при любом составе семьи. Сколько же их было?

А вот этот показатель как раз приходится искать днем с огнем! Статистика Российской империи вообще-то не слишком жаловала крестьян, а эту тему она и вовсе не любила. Но все же некоторые исследования делались.

¹ Любопытно, что в 1918 году середняцким считалось хозяйство, у которого было больше двух лошадей и коров.

Лев Литошенко в книге «Социализация земли в России» приводит следующую таблицу, составленную по 25 губерниям на 1917 год.

По посеву (в десятинах)		По числу лошадей		По числу коров	
Группы	Уд. вес хозяйств, %	Группы	Уд. вес хозяйств, %	Группы	Уд. вес хозяйств, %
Без посева	11,49	Без лошади	28,75	Без коровы	18,18
До 1,0	10,34	С 1 лошадью	47,62	С 1 коровой	56,68
1,1–2,0	18,36	С 2 -»-	17,57	С 2 коровами	18,94
2,1–4,0	28,92	С 3 -»-	3,98	С3 -»-	4,30
4,1–6,0	14,65	С 4 -»-	1,24	С4 -»-	1,23
6,1–10,0	11,16	С 5 и более	0,84	С 5 и более	0,67
10,1–16,0	3,84		100,0		100,0
16,1–25,0	0,98				
25 и более	0,26				
	100,0				

Этот материал предоставила статистическая выборка, в основу которой положено исследование 427 тысяч крестьянских хозяйств по 25 губерниям. Исследование не тотальное, однако довольно масштабное.

Какие из перечисленных хозяйств можно отнести к бедняцким? Итак, будем считать бедными хозяйства, имевшие меньше пяти десятин, меньше двух лошадей и двух коров¹. По всем трем показателям мы получаем примерно одинаковую цифру: около 75%.

Это деревенские бедняки в расширенном понимании данного слова — то есть семьи, не имевшие излишков хлеба на продажу. Однако и они разделялись на две группы: те, которые могли прокормить хотя бы себя, и те, которым приходилось зарабатывать деньги на стороне,

¹ Мало скота — это еще и истощение земли, поскольку практически единственным применявшимся в то время удобрением был навоз.

хлеб покупать. Последние и есть та самая деревенская беднота, которая в ситуации, когда цены на хлеб резко выросли, а промыслов не стало, оказались под угрозой того же вымирания, что и население городов. Как они выживали в благополучное время, пишет все тот же граф Толстой.

«Мужик и его домашние всегда все работают. Обычное нам состояние физической праздности есть бедствие для мужика. Если у мужика нет работы всем членам его семьи, если он и его домашние едят, а не работают, то он считает, что совершается бедствие вроде того, как если бы из разохшейся бочки уходило вино, и обыкновенно всеми средствами ищет и всегда находит средство предотвратить это бедствие — находит работу. В мужицкой семье все члены ее с детства до старости работают и зарабатывают. Мальчик 12-ти лет уже в подпасках или в работниках при лошадях, девочка прядет или вяжет чулки, варежки. Мужик в заработках или вдали, или дома, или на поденной, или берет работу сдельно у помещиков, или сам нанимает землю. Старик плетет лапти; это обычные заработки. Но есть и исключительные: мальчик водит слепых, девочка в няньках у богатого мужика, мальчик в мастеровых, мужик бьет кирпич или делает севалки, баба — повитуха, лекарка, брат слепой — побирается, грамотный — читает псалтирь по мертвым, старик растирает табак, вдова тайно торгует водкой. Кроме того: у того сын в кучерах, кондукторах, урядниках, у того дочь в горничных, няньках, у того дядя в монахах, приказчиках, и все эти родственники помогают и поддерживают двор».

И при этом в благополучные годы еле-еле кормятся, а в неблагоприятные — голодают. Стоит ли удивляться полному отсутствию в русском фольклоре XIX–XX веков страха перед каторгой и философскому отношению к смерти? Едва ли сие есть признак высокого христианского настроения души, скорее — усталости от беспросветной жизни.

Сколько было тех, кто заведомо не мог прокормиться с земли? Как минимум — это те хозяйства, у которых надел меньше одной десятины, — таковых около 22%. Естественно, безлошадные — около 29%. Не все они жили бедно — кое-кто уходил в города на заработки. Но 29% — это около 6 млн хозяйств, или 30–40 млн человек. Было ли столько заработков в Российской империи?

Еще некоторые данные приводит в своей книге «Российское крестьянство в революции и Гражданской войне» Таисия Осипова.

«В стране было 3 млн безземельных крестьянских дворов и 5 млн — имевших менее 5 дес. на хозяйство. Эти 8 млн хозяйств (57%)¹ представляли крестьянскую бедноту.

За годы войны обнищание крестьян еще более усилилось. К 1917 г. безземельных дворов в Поволжье стало 11,2%, в Промышленном районе — 9,4%, в Северо-Западном — 7,2%, в Земледельческом центре — 5,7%.

Возросло число безлошадных дворов. В 1917 г. в Промышленном районе они составляли около 44%. Особенно много их было в Нижегородской губернии — 54,1%, в Московской — 48,6% и Ярославской — 43%. В Поволжье и Земледельческом центре безлошадные хозяйства составляли свыше трети дворов: в Тамбовской губернии — 33,7%, Пензенской — 36,8%, Саратовской — 37,5%. Однолошадных хозяйств в 25 губерниях насчитывалось 47,5%. Безземельные, безлошадные и однолошадные крестьяне представляли деревенскую бедноту, которая попадала в кабалу к зажиточным хозяевам. К 1917 г. их было около 70%»².

Безземельные, безлошадные и значительная часть малоземельных однолошадных крестьян — это тот минимум, который в новых условиях, когда спрос на рабочие руки и многие изделия промыслов упал, а хлеб резко взлетел в цене, оказались перед призраком голодной смерти. Отсюда в ленинских тезисах это: *«решиительные, ни перед какими финансовыми жертвами не останавливающиеся меры помощи деревенской бедноте»*. Тут, знаете ли, вопрос был не политический, а физиологический — выживут эти люди или нет.

Странные товарищи эти большевики — декларировали, что им на Россию наплевать, что она лишь вязанка хвороста для мирового пожара — а людей жалели. Зачем? Брали бы пример с прекраснодушных господ либералов: выживает сильнейший, такова логика экономики! И хлопот меньше...

...Итак, если говорить о наличии товарного, то есть идущего на продажу, хлеба, мы имеем две стабильные и очень разные группы. Первая —

¹ Меньший процент объясняется, по-видимому, тем, что данные взяты по всей стране, а Литошенко приводит таблицу по европейской территории. Нас больше интересуют данные Литошенко, поскольку Сибирь, Степной край, Новороссия в начале Гражданской войны находились под белыми и хлеба центральной власти не давали.

² Осипова Т. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001. С. 7.

это те 75% которые в лучшем случае могут с очень большим трудом, по голодной норме, прокормиться со своего поля. Вторая — та, которая имеет какие-то излишки хлеба сверх физиологической нормы. На самом деле она, конечно, гораздо меньше 25%, поскольку многосемейных среди групп с большими наделами тоже много (потому и наделы большие, что полно народу в избе).

Но и эта группа делится на две неравные части — середняки и богатые крестьяне-собственники, которых к тому времени стали звать кулаками. По оценке Осиповой, зажиточных и богатых хозяйств, в которых имелись ощутимые излишки, было не больше 5%.

В последние годы утверждается, что кулаком считали любого «справного» крестьянина. Но при сталинской коллективизации причисление зажиточного хозяина к кулакам исходя из благосостояния считалось перегибом, каралось соответственно нравам того времени, а имущество возвращалось. В рассказах о коллективизации все время мелькает другой критерий — использование наемного труда. Но опять же ясно, что один-два батрака — это не эксплуатация. Если в хозяйстве две лошади и один взрослый работник, без батрака всяко не обойдешься. Точно так же в городах наличие домработницы не делало человека «классово чуждым».

А кроме того, известная фраза об «истреблении кулачества как класса» показывает, что это было некое отдельное явление. Зажиточный крестьянин в экономическом и общественном плане отличается от бедняка лишь количественно, а класс — это иное *качество*, причем качество, как учили нас еще в школе, определяемое по отношению к средствам производства.

Так кто же он такой — кулак?

Послевоенный «Словарь русского языка» Ожегова определяет это понятие так: *«Богатый крестьянин-собственник, эксплуатирующий батраков, бедняков»*, то есть микроскопический сельский помещик, использующий наемный труд. Такие, безусловно, существовали — должны же были нищие односельчане у кого-то батрачить, когда не стало помещиков. Но словарь Ожегова выпущен уже после сталинской коллективизации, а с начала XX века значение этого слова могло измениться.

Двинемся дальше в глубь времен — возьмем Даля. И вот тут нас ожидает сюрприз: по Далю, кулак — это *«перекупищик, переторговщик,*

маклак, прасол, сводчик, особенно в хлебной торговле, на базарах и пристанях...»

Вот так так!

То же самое говорит и Кара-Мурза: *«Вокруг этого понятия в годы перестройки был создан целый миф, его приравнивали к понятию „правильный хозяин“ и представили образцом русской трудовой этики. На деле кулаками были главным образом крестьяне, оторвавшиеся от земли и промышлявшие ростовщицеством и торговлей»*. И, кстати, к слову «кулак» в русской деревне традиционно прибавлялись прозвища: «мироед» и «паук». Благодетеля пауком не назовут.

Исходя из этимологии, легко сообразить, кем был кулак к началу XX века. Естественно, каждый хозяин сам хлебом торговать не станет. В деревне просто обязаны были существовать мелкие перекупщики, которые скупали хлеб у односельчан и продавали более крупным оптовикам. Заодно, как люди торговые, они наверняка и держали лавку — должна же в селе существовать лавка, так кому ею и владеть, если не кулаку-перекупщику. Ну и надо быть уже полным дураком, чтобы в таком положении не давать односельчанам деньги в долг — естественно, под проценты.

Такой персонаж выведен у Шолохова в «Тихом Доне» — Сергей Платонович Мохов, который *«со щербатого рубля повел дело. Начал скупать по хуторам щетину и пух. Лет пять бедствовал, жулил и прижимал казаков окрестных хуторов на каждой копейке, а потом как-то сразу вырос из Серезжки-шибая в Сергей Платоновича, открыл в станице галантерейную лавчушку, женился на дочке полусумасшедшего попа, взял немалое за ней приданое и открыл мануфактурный магазин... Широко, как трехрядную гармонь, развернул Сергей Платонович дело, помимо красного товара торговал всем, что надо в сельском немудром хозяйстве: кожевенный товар, соль, керосин, галантерея. В последнее время даже сельскохозяйственными машинами снабжал... Через три года открыл он хлебную ссыпку, а на другой год после смерти первой жены взялся за постройку паровой мельницы»*.

В смуглый кулачок, покрытый редким, глянцевито-черным волосом, крепко зажал он хутор Татарский и окрестные хутора. Что ни двор — то вексель у Сергея Платоновича: зелененькая с оранжевым позументом бумажка — за косилку, за набранную дочери справу (подошло время девушку замуж отдавать, а на Парамоновской ссылке прижимают с ценой

на тиеницу — „Дай в долг, Платонович!“), мало ли за что еще... На мельнице девять человек рабочих, в магазине семеро да дворовой челяди четверо — вот и двадцать ртов, что жуют по купеческой милости...»

И по такому хозяину, а иной раз и не по одному, сидело в каждом селе. В Центральной России они были не так широки, как на богатом Дону — труба пониже и дым пожиже, — но типаж тот же самый.

После столыпинской реформы появился новый тип сельского хозяина — крестьянин-собственник. То есть он существовал, конечно, и раньше — каким-то образом выбившийся из нищеты мужик (может, жена рожала одних мальчиков, может, набрел на удачный промысел, а то и повезло, как Ивану Бровкину у Алексея Толстого) покупал себе землю. Но массовым процесс стал после начала реформы.

«К 1917 году в России было около 43 млн крестьян-общинников и 4,5 — 5 млн крестьян-собственников, из которых на хуторах вели хозяйство около 300 тысяч и немногим более 1,5 млн — на отрубях»¹. (Не буду подробно излагать свою борьбу со статистикой — это увлекательное занятие стоит хорошего детектива. Но в данном случае, исходя из цифр, по-видимому, речь идет не о дворах и не о численном составе крестьянских семей, а о мужчинах, на которых в общине давался надел).

Едва ли эти собственники и есть те 5% зажиточных крестьян, о которых говорит Осипова, поскольку собственность на землю еще не означает ровным счетом ничего, а часто и вовсе добавляет проблем. Собственник мог быть беден, а общинник, имея штук шесть лошадей, вполне мог прикупить или арендовать в дополнение к своему наделу землю, иметь мельницу и маслобойню, а если он еще приторговывал хлебом и держал лавчонку, то перед нами уже самый настоящий кулак по Далю.

И вот тут самое время вспомнить «ба-а-атам мужикам» из рассказа татарина Шарафутдинова. В самом деле, на чем могла основываться ненависть крестьян к кулакам? На том, что они держали батраков? Вряд ли: они тем самым давали односельчанам заработать. На зависти к успешным хозяевам? Это и вообще глупо. Вот прямо-таки все сто миллионов, вместо того чтобы работать, стоят и завидуют².

¹ Осипова Т. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. С. 6.

² В 1905 году, когда начали появляться первые объединения крестьян, во главе их часто стояли лавочники и кулаки как естественные лидеры общины.

У Даля есть еще одно значение слова «кулак»: «*скупец, скряга, жидомор, кремень, крепыш*». Естественно, все пять слов крутятся вокруг одного понятия. Значение четырех ясно, а пятое? Обратимся опять к Далю. Жидомор в некоторых русских говорах — корыстный скупец, жидоморить — скряжничать, добывать копейку, вымогая, не доплачивая и пр. А теперь подумаем: как эти милые качества должны были проявляться в бедной русской деревне?

В первую очередь связка кулак — батрак. Здесь кулак предстает как жесточайший эксплуататор, при том что, учитывая материальное положение деревни, цены на труд не могли быть высокими. И уж будьте уверены, деревенский хозяин переплачивать не станет да еще и обдурит при расчете.

А как строились отношения «крепкого мужика» с односельчанами? Тут надо обратиться еще к одному явлению, которое в свое время лежало в основе антисемитизма. Имя ему: **ростовщичество**. Во многих русских сказках интрига завязывается следующим образом: жил-был бедняк, и стало так, что нечем ему оказалось кормить голодных детей. И пошел он к богатому соседу просить в долг хлеба. И сказал ему сосед...

Причем если в городах ростовщичество было денежным, то на селе кроме него существовало еще и натуральное ростовщичество. Вспомним хотя бы того помещика, который давал в долг картофельную ботву за отработку — вот самый живой пример! Действительно, при таком количестве соседей-бедняков чем продавать хлеб, выгоднее пустить его в рост в собственной деревне. Плюс к тому прикупать у неимущих и сдавать потом им же в аренду землю, инвентарь, скот. А поскольку бедняков на селе, как мы уже выяснили, 75%, то можно себе представить, каковы были условия этой аренды!

Вот это — качественно иное явление, особый класс сельского жителя, сельский эксплуататор, которого в соответствии с принципами новой жизни следовало уничтожить *как класс* (то есть заставить жить своим трудом — а не ликвидировать физически, как болтают наслушавшиеся «перестроечной» пропаганды журналисты). Ну и к нему примыкает некоторое количество богатых крестьян, пользовавшихся наемным трудом, которых односельчане во время коллективизации иногда раскулачивали, а иногда оставляли в покое. Тут уже все зависело от личных счетов.

Однако надо учитывать еще один нюанс: отношение к общине.

Формально общину отменил еще Столыпин, но фактически она успешнейшим образом продолжала существовать (оттого, кстати, и коллективизация прошла относительно безболезненно, что объединяли не собственную землю, а *наделы* из общинной земли. Иначе рвануло бы так, что от державы лишь ошметки бы полетели). А вот кем был кулак? Точнее, не так: как отнесся бы кулак к столыпинской реформе?

Да ухватился бы за нее обеими руками. В чьих интересах она, думаете, проводилась-то?

Кулак, деревенский хозяин капиталистического типа, просто обязан был стоять вне общины. Для крестьянина-общинника, для сельского «мира» он был не просто чужим, как помещик, — он был ренегатом. Ох и до чего же сельское общество не любило «столыпинских» землевладельцев. И причина здесь не в зависти, как уверяет белогвардейская пропаганда, а все в том же инстинкте самосохранения.

Крестьяне с самого начала негативно относились к идее купли-продажи земли, поскольку очень хорошо понимали, что за этим последует. В крестьянских наказах 1905–1907 гг. нет ни одного, который бы поддерживал столыпинскую реформу. В обобщенном приговоре крестьян Костромской губернии, отправленном в марте 1907 г. в Государственную Думу, говорилось:

«Требовать отмены закона 9 ноября 1906 г., разрешающего выход из общины и продажу надельной земли, так как закон этот через 10–15 лет может обезземелить большую часть населения и надельная земля очутится в руках купцов и состоятельных крестьян-кулаков, а вследствие этого кулацкая кабала с нас не свалится никогда».

Так что основу раскулачивания заложил не Сталин, а Столыпин. Сталин же...

Впрочем, всему свое время.

...Как чувствовали себя в Российской империи крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения — более 80%? Как угодно, но только не гражданами... да, пожалуй, и не людьми. Что может быть ниже, чем нищий на церковной паперти? Однако нищему по крайней мере не запрещено показывать свои язвы и рассказывать о своих бедах. А вот еще цитата из крестьянских писем в Государственную Думу:

«Волостное правление служит не нам, а мы принуждены служить ему; когда мы вздумали заявить ему о нашей нужде нашей земской управе, о том, что кругом нас лишь надувают и обирают, что на обсеменение нам дали почти наполовину семян невсхожих, что нам грозит и на будущий год неурожай, что становые да урядники за подати и штрафы готовы последний кусок у полуголодных ребятишек наших изо рта вырвать, — так что с нами хотят сделать земский начальник с волостным правлением? Он приказал арестовать нашего уполномоченного собирать подати, он обещал засадить в холодную всех, подписавших эту бумагу! Это что значит? Это значит, что у нас, у холодных и голодных, у темных вырывают кусок хлеба и в то же время не дают никакой возможности никому голоса своего подать. Это значит, что нас сознательно толкают в могилу от голодной смерти, а мы слова не могли сказать против этого!»¹

Земский начальник — это персона весьма интересная. Он — главный по крестьянским делам в конкретной волости. Он — точка сопряжения государства и населения. Земские начальники всегда — дворяне, как правило — дворяне, до такой степени ни к чему не годные, что не смогли найти себе другой работы. Они твердо держат сторону государства. Пройдет еще несколько месяцев, и они будут являться в деревни во главе карательных отрядов. Кстати, и земские начальники, и отряды земской стражи содержались за счет тех самых крестьян, которых они усмиряли. Помещики платили с десятины вдвое меньше, чем крестьяне, монастыри не платили вообще ничего.

Это все тот же социальный расизм, за который жестоко, но не чрезмерно поплатилось русское высшее общество. Вот еще несколько картинок с той же выставки...

Не помню уж, в чьих мемуарах мне встретился один случай. Некий молодой офицер — что-то вроде поручика — в офицерском собрании потребовал бутылку шампанского. По-видимому, он был уже на взводе, или еще по какой-то другой причине (может, задолжал), но солдат-официант отказался ее принести. Тогда поручик, недолго думая, застрелил непослушного солдата. Бывает, в общем... Поразительно не это, а другое. В полку — на полном серьезе — развернулось движение в защиту этого офицера, которого за его выходку все-таки отдали под суд. Однополча-

¹ Кара-Мурза С. Гражданская война.

не — на полном серьезе — доказывали, что судить его не надо... Не то чтобы не за что, но офицер-то хороший...

Воспоминания о царской армии красноречивыми примерами переполнены сверх всякой меры. Ну, может быть, не такими экстремальными, но солдатики после Февраля знали, за что мстили...

Ладно, армия требует беспрекословного повиновения. А как поступали с крестьянами? Тот же Кара-Мурза пишет:

«Мы сегодня предельно чутки к страданиям дворян, у которых мужики сожгли поместья. Но ведь надо вспомнить, что было до этого — за волнения, для „урока“, еще верноподданных крестьян заставляли часами стоять на коленях в снегу, так что с отмороженными ногами оставались тысячи человек. Разве такие „уроки“ забываются? Ведь это — гибель для крестьянского двора. Никогда американский плантатор не наказывал раба таким образом, чтобы причинить вред его здоровью — а что же делали российские власти с крестьянами!»

К «черному народу» относились и рабочие. После поражения революции 1905 года российская промышленная верхушка, растеряв от радости последние мозги, принялась с упоением топтать побежденных. Какими идиотами надо быть, чтобы, едва полиция загнала рабочих на заводы, тут же начать снижать расценки — а их снижали, хорошо, если на 10%, а ведь случалось, что и вдвое. Тут же был увеличен рабочий день, восстановлены штрафы, все с той же бесконечной изобретательностью: за выход на лестницу, за долгое пребывание в уборной, за «дерзость» (или то, что ею сочли), даже за полученную самим же рабочим травму.

Издеваются, торжествуя победу и даже не ощущая, что земля-то под ногами уже плавится от внутреннего жара. Мол, еще раз полезут — еще раз загоним на место. Стоит ли удивляться, что спустя десять лет господы фабриканты не нашли у народа ни малейшего сочувствия.

Вот еще замечательная фигура того времени — Петр Аркадьевич Столыпин, вплотную приблизившийся к тому, чтобы быть объявленным «лицом России». В известном смысле так оно и есть, той России, которую сейчас усердно раскручивают на экранах, именно такое личико и подошло бы...

Говоря о деятельности «великого реформатора», нельзя упустить один ее аспект, а именно — его усердную работу по подавлению революции. Не против революционного террора, отнюдь (террористов судили хоть и военные суды, однако после положенного следствия, и наказывали

гораздо мягче) — а чтобы справиться с крестьянскими восстаниями, Столыпин ввел знаменитые военно-окружные и военно-полевые суды. В них не было юристов — судили обычные армейские офицеры, а права им предоставлялись широкие.

Российская армия мирного времени была в высочайшей степени заражена социальным расизмом. Можно представить, как вели себя эти офицеры, заседаая в военных судах и участвуя в карательных экспедициях. За 1906–1909 гг. военно-окружными судами были приговорены к смертной казни 6193 человека (повешены 2694 человека), военно-полевыми судами — более тысячи, по распоряжениям генерал-губернаторов расстреляно без суда и следствия 1172 человека. Далеко не всегда суды даже давали себе труд узнать имя казнимого: вешали и закапывали в яму как «бесфамильных». Поголовные порки и прочие более мягкие меры усмирения никем не подсчитывались.

До чего должны были дойти каратели, чтобы против них выступили помещики, интересы которых они вроде бы защищали! В 1906 году помещики Дона обратились к министру внутренних дел с просьбой унять «усмирителей»:

«Они разъярили всю Россию, заполнили тюрьмы невинными, арестовали учителей, оставив детей без школьного обучения... Потерпев постыдное поражение в войне с Японией, они сейчас мучают беспомощных крестьян. Каждый полицейский сечет крестьян, и из-за этих ублюдков наша жизнь, жизнь мирных дворян, стала невыносимой».

Дворян. А крестьян?!

И нет тут никакого противоречия, ибо вешатель Столыпин и великий реформатор Столыпин — один и тот же человек, причем на редкость цельный. Исключительные по жестокости казни¹ он завершил исключительной по жестокости реформой.

Еще один аспект так называемой «реакции» отметил Кара-Мурза:

«Дело было не только в казнях и репрессиях, но и в оскорблении. Ведь и „Манифест“, и обещания свобод не могли быть восприняты основной массой русских людей иначе как издевательство. Массовые порки крестьян (иногда поголовно целых деревень), которых никогда не бывало в России в прошлые столетия, начались сразу за при-

¹ Естественно, по меркам того времени. До того в России смертная казнь была действительно исключительной мерой.

нятием закона, отменяющего телесные наказания. Казни крестьян без суда, зачастую даже без установления фамилии, так что казненных хоронили как „бесфамильных“, вошли в практику как раз после „Манифеста“».

«Манифест» отделил российское общество, которого он касался, от российского народа, к которому он не имел никакого отношения. «Хаму» показали его место. А было этого «хама» — 90% населения Российской империи. Стоит ли удивляться тому, что произошло потом?

Как, почему вышло, что нас, сплошь и рядом потомков черного люда, приучили смотреть на Россию глазами дворян? С чем это вошло в нашу жизнь? С русской историей, которая наполнена деяниями князей и царей? Хотели написать другую, да не очень получилось... Со школьной программой по литературе — монологами Чацкого, охотой и первым балом Наташи Ростовской, тургеневскими девушками и лермонтовскими офицерами? С «Сибирским цирюльником» и «Бедной Настей»? Откуда это?

Девять десятых населения Российской империи составляли крестьяне. Хорошо, пусть не девять десятых, пусть 83%, если вам от этого легче. Из них три четверти — бедняки. Треть — безлошадные. Земля не родит. Две трети детей умирают во младенчестве. Зимой в избе семья — полтора десятка человек, теляенок, козы, птица, и все — дышат! И книг про это великая русская литература не оставила. Недосуг ей было, великой литературе, она рассуждала о слезе ребенка. Абстрактной слезе.

А народ не плакал. Он пел. На севере была колыбельная — подлинная!

Спи, усни,
Хоть сейчас умри.
Тятка с работы
гробок принесет,
Мамка у печки
блинков напечет.

У кого из читателей есть дети? Что надо с вами сделать, чтобы вы спели такую песенку своему ребенку? Живому... пока?

Туп русский народ, пьян и грязен. Отец моего друга рассказывал, как был шокирован в армии в 1941 году. Его товарищи, призванные из деревень, не понимали, для чего нужно постельное белье. Ах да, это их

большевики развратили, а до того они на крахмальных простыночках... Воду из колодца на горбу таскали, сучки по лесам собирали да простыни крахмалили.

Ленив русский народ, неподъемен. Что бы в Сибирь переселиться. Может статья, веке этак в семнадцатом и переселились бы... но крепостное право насмерть приковало их к этим проклятым полям. А теперь — поздно.

За триста лет на цепи хорошие манеры появятся только у лакеев. Если человек год проведет в рабстве у каких-нибудь горных ваххабитов, ему потом выделяют психолога. По крайней мере, должны выделять. Человеку. А народу? И не год, а двести лет?

Может быть, поэтому мы смотрим на Россию глазами русских дворян? Потому что посмотреть на нее глазами русских крестьян — потом впору самим психолога потребовать. И на год перейти исключительно на бразильские сериалы.

Глава 2

ЛОМЫ И ПРИЕМЫ

«Вишь, как тут заросло, а был совсем пустырь, —
Молодняком помещик любовался. —
Как, Филька, думаешь? Хорош молоднячок?
Вот розги где растут. Не взять ли нам пучок?
В остратку мужикам... на случай своеволья!»
«М-да! — Филька промычал, скосивши вбок глаза. —
М-да... розги — первый сорт... Молоднячок... Лоза!..
Как в рост пойдут, ведь вот получатся дреколья!»

Демьян Бедный

Невнимание советских историков к крестьянскому сословию позволило нынешним агитаторам утверждать, что крестьяне были лояльны властям Российской империи. Мужики, мол, богобоязненны, царлюбивы и революции не хотели. Учитывая вышенаписанное — они что, могли ее не хотеть? Могли, да — те, кому выпало счастье стать жертвой «пьяного зачатия» и родиться умственно отсталым. Прочие же, судя по тому, с какой готовностью деревня отзывалась на любые революционные потрясения, спали и видели долгожданную перемену участи.

Завороженные Марксом, российские революционеры начала XX века все революционные движения привязывали к рабочему классу. Да с рабочими и проще было. Стиснутая на фабриках аморфная масса растерянных маргиналов была глиной в любых руках: лепи что хочешь, организуй как душе угодно, объясняй им их интересы и формируй в любые движения. Едва начались первые стачки, как самые разные политические силы — от эсдеков до правительства — принялись перетягивать рабочих на свою сторону.

С крестьянами же вышло с точностью до наоборот. Во-первых, они изначально были организованы гораздо лучше, чем рабочий класс.

Первые рабочие организации появились в начале 90-х годов, а истоки общины теряются во тьме веков. Во-вторых, они, в отличие от рабочих, очень хорошо знали, чего хотят. Поэтому политики не могли привлечь крестьян на свою сторону: если они хотели заручиться их поддержкой, то должны были не приспособливать крестьян к своим идеям, а защищать их интересы. Так, кстати, и поступили эсеры: они не могли привлечь мужиков к выполнению задач своей партии, зато дали политический лозунг крестьянским выступлениям — но не более того...

Ну и, в-третьих, касательно революционного элемента. В городах определяющую роль играли все же интеллигенты: пропагандисты рабочих кружков, учителя воскресных школ, авторы прокламаций. В деревню же революционных пропагандистов... посылало правительство, и были они плоть от плоти мужика и кровь от крови.

Дело в том, что крестьяне, ушедшие в города, формально считались членами общины: получали временные паспорта в родной деревне и платили налоги по месту «прописки». Поэтому после очередной стачки, демонстрации или драки с полицией тех активистов, кто был родом из деревни, отправляли «на родину». Успокаивались ли высланные — вопрос даже не риторический, а попросту бессмысленный.

Так что революционной работой на селе, начиная с 90-х годов XIX века, занимались не интеллигенты, которым там не доверяли. Ею занимались едва прикоснувшиеся к революционному учению молодые крестьяне с фабричным опытом, понимавшие идеи Маркса и прочих учителей весьма прямолинейно, а слово «закон» — лишь в том смысле, что судить следует не по закону, а по совести. Они, репатрианты из городов, принесли деревне то, чего ей так не хватало, — идеи социальной революции, адаптированные для простого народа. В сочетании с многовековым опытом самоорганизации, старыми счетами с помещиками и народными представлениями о справедливости эти идеи образовали гремучее вещество, коему позавидовал бы не только монах Шварц, но и изобретатель динамита Нобель.

Впрочем, поначалу еще не рвануло. Адская смесь должна была как следует перемешаться, пропитаться горечью социального унижения, кровью столыпинских судов и холодной жестокостью столыпинской реформы, дойти до точки кипения в огне войны, и лишь тогда...

Пока что она еще горела, а не взрывалась. Но и огонь сей достоин внимания. Огонь пролетарской революции был совсем другим...

У каждого своя свобода

— Главная ценность человека — это свобода! — Катя гордо вскинула подбородок и обвела всех сидящих у костра вызывающим взглядом, словно приглашая попытаться с ней поспорить.

— А что такое свобода, Катя? — спросил Рат.

Роман Злотников. Атака на будущее

К началу нового века терпению народному стал приходить конец. Крестьянские волнения начались еще в 1902 году. В 1904-м они ненадолго стихли, чтобы после Кровавого воскресенья вспыхнуть с новой силой, пока что в виде разграбления имений. Причем странные это были грабежи. Начались они в ночь на 14 февраля в Дмитровском уезде Курской губернии, уже в ближайшие дни пострадали еще 16 имений в округе, а там пошло... Т. Шанин¹ пишет:

«Описания тех событий очень похожи одно на другое. Массы крестьян с сотнями запряженных телег собирались по сигналу зажженного костра или по церковному набату. Затем они двигались к складам имений, сбивали замки и уносили зерно и сено. Землевладельцев не трогали. Иногда крестьяне даже предупреждали их о точной дате, когда они собирались „разобрать“ поместье. Только в нескольких случаях имел место поджог и одному-единственному полицейскому были, как сообщают, нанесены телесные повреждения, когда он собирался произвести арест. Унесенное зерно часто делилось между крестьянскими хозяйствами в соответствии с числом едоков в семьях и по заранее составленному списку. В одной из участвующих в „разборке“ деревень местному слепому нищему была предоставлена телега и лошадь для вывоза его доли „разобранного“ зерна. Все отчеты подчеркивали чувство правоты, с которым обычно действовали крестьяне, что выразилось также в строгом соблюдении установленных ими же самими правил, например они не брали вещей, которые считали личной собственностью...»

Другие формы крестьянского бунта распространились к тому времени на большей части территории. Массовые „порубки“ начались уже в

¹ Шанин Т. «Революция как момент истины». М., 1997.

конце 1904 г. Так же, как и „разборки“, „порубки“ обычно происходили в виде коллективных акций с использованием телег. В ходе „порубок“ крестьяне стремились обходиться без насилия. Тем не менее, когда в одном случае крестьянин был схвачен полицией на месте преступления и избит, его соседи в ответ полностью разрушили пять соседних поместий, ломая мебель, поджигая здания и забивая скот...

В течение первых месяцев 1905 г. крестьянские действия в значительной степени были прямым и стихийным ответом на нужду и отчаянный недостаток продовольствия, корма и леса во многих крестьянских общинах. Все эти действия были хорошо организованы на местах и обходились без кровопролития...

...Массовые разрушения поместий не были к тому времени ни „бездумным бунтом“, ни актом вандализма. По всей территории, охваченной жаскерией, крестьяне заявляли, что их цель — навсегда „выкурить“ помещиков и сделать так, чтобы дворянские земли были оставлены крестьянам для владения и обработки».

Согласитесь, не слишком-то похоже на «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Проводились эти мероприятия и со смыслом, и с пощадой (кстати, в 1917 году у помещиков тоже отбирали не все хозяйство, а как правило, оставляли «трудовой надел», часто довольно большой. Писателю Пришвину, например, оставили 16 десятин). Это был осознанный, осмысленный властный шаг, установление равенства — более евангельского, чем революционного. Бессмысленным и беспощадным было скорее подавление волнений. (Философский вопрос: если крестьяне ведут себя как власть, а власть — как революционная чернь, что бы сие значило?)

Однако по-настоящему крестьянские волнения вспыхнули осенью 1905 года. «Манифест 17 октября» либералы из верхушки общества выдавливали из правительства для себя. У них и в мыслях не было, что еще кто-то, кроме них, захочет воспользоваться его плодами. Однако, едва узнав о даровании «свобод», крестьяне тут же горячо откликнулись на события. Вот только свободы они понимали иначе.

...Уже 17 октября 1905 года в Марковской волости Дмитровского уезда Московской губернии на сходе тамошнего сельского общества крестьяне попросили местного агронома выступить с рассказом о манифесте. Аудитория сообщение выслушала и разошлась по домам — думать.

Через две недели, переварив новости, крестьяне собрали второй сход, уже гораздо более представительный. На него сошлись жители нескольких деревень. Сход принял своеобразную «синтетическую» резолюцию, в которой смешались требования крестьянские и политические: демократические свободы, всеобщее образование, наделение земель безземельных крестьян и амнистия политзаключенным. Более того: сход постановил властям не подчиняться, податей не платить и рекрутов не давать до тех пор, пока эти требования не будут выполнены (из чего можно предположить, что агроном, вероятно, был с народническим уклоном).

Но все это оказалось только началом. Тут же, на этом сходе, было провозглашено «государство в государстве» — Марковская республика, президентом коей избрали сельского старосту Бурышкина. В ноябре программу дополнили требованиями отмены самодержавия и созыва Учредительного собрания. Как видим, с обменом идеями между промышленными центрами губернии, радикальной интеллигенцией и сельскими обществами явно было все в порядке.

Республика просуществовала до июля 1906 года. Все это время ею де-факто управлял местный комитет Крестьянского союза, состоявший из пяти человек. Первое и главное, что они делали, — строго контролировали арендные платежи, поскольку плата за аренду земли в малоземельной Московской губернии была очень высока. Летом 1906 года полиция вошла на территорию «республики», староста-президент был арестован. Крестьянские органы власти мгновенно исчезли, испарились, словно бы их и не было. Община — осталась.

В Сумах отделением Крестьянского союза руководил некто Щербак, двадцать лет проживший фермером в Калифорнии и, по-видимому, научившийся там не только прогрессивным методам земледелия. В ноябре 1905 года крестьяне запретили в своей волости торговлю землей и взяли в коллективную собственность местный сахарный завод. Отделение Крестьянского союза установило собственную власть, сместив царских чиновников, ввело свои суды, издавало газету, организовало вместо полиции крестьянскую дружину.

Часто обходились и без Крестьянского союза. Инициаторами создания мужицких «республик» могли быть кто угодно: социал-демократы, эсеры, просто активные местные жители. Сплошь и рядом во главе крестьянского движения оказывались, как естественные лидеры общин, лавочники,

сельские старосты, мельники. Все они были объединены общим интересом, ибо земля, которую брали в аренду, в основном принадлежала помещику — общему врагу всех крестьян, от безземельного бедняка до лавочника, озабоченного повышением платежеспособного спроса.

Образцовыми можно считать события в селе Николаевский Городок Саратовской губернии. 1 ноября 1905 года на общем собрании представителей окрестных деревень решено было сместить местные власти, заменив их крестьянскими комитетами, конфисковать оружие и деньги, создать боевые дружины. А главное, провести то, ради чего всю кашу и заварили, — конфискацию помещичьих, удельных и казенных земель, а также помещичьего хлеба и передачу всего этого в безвозмездное пользование крестьянам.

...В том же 1905 году возникла общероссийская организация — уже упоминавшийся Крестьянский союз. Организация загадочная, поскольку ее деятельность редко сопровождалась какими-либо документами — крестьяне не хотели плодить бумаги, а часто и не могли по причине неграмотности.

Единственный легальный съезд Всероссийского Крестьянского союза состоялся в ноябре 1905 года. Большинство делегатов были середняками, 25 человек принадлежали к сельской интеллигенции. Из 317 местных организаций ВКС 224, или 70%, создавались на общинных сходах. Кстати, большинство членов Союза были беспартийными¹.

Иллюзии продолжались недолго. Манифест 17 октября принимался не ради крестьян. В Государственной Думе — новорожденном российском парламенте — интересы большинства населения страны защищала крохотная трудовая группа. С возмнившим о себе быдлом власть разговаривала сперва огнем и железом, а потом петлей и розгой. Мужика показали и его права, и его место в Российской империи. Он затаился, подчиняясь силе, однако ничего не забыл.

В 1906 году Союз, как и вообще крестьянское движение, был частично разгромлен, а большей частью просто исчез, самоликвидировался, растворился в общинной массе. Что нисколько не означало ликвидацию крестьянского самоуправления, ибо фундамент-то остался. Опыт рево-

¹ Куреньшев А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000. С. 6–7.

люции 1905 года показал, что на базе сельской общины любые крестьянские организации возникают с легкостью необыкновенной.

Этот аспект нельзя не учитывать, говоря о столыпинской реформе. Пытаясь разрушить общину, премьер разрушал и крестьянство как организованную силу, пытаясь превратить его в аморфную, пронизанную взаимной завистью и враждой массу мелких собственников и столь же аморфное стадо батраков.

Этой своей великой цели, как и прочих, Столыпин не достиг. Но если в 1905 году деревня выступала как единая масса, то десять лет реформы раскололи ее. Граница между Февралем и Октябрем пролегла внутри деревни, и это обусловило события времен как Гражданской войны, так и коллективизации.

С огнем не шутят

Какой же в басенке урок? Смешной вопрос.
Года все шли да шли, — и молодняк подрос.

Демьян Бедный

...Неведомая теориям государственность крестьянской России, для которой монархия стала обузой, а правительство кадетов — недоразумением.

Сергей Кара-Мурза. Советская цивилизация

Пройдя через волнения 1905 года, карательные отряды, столыпинскую реформу, ненужную и непонятную войну, мог ли крестьянин остаться прежним? Он должен был стать жестче, решительнее и непримиримей. Согласитесь, все случившееся с ним после Манифеста — хорошее лекарство от иллюзий, если таковые еще оставались.

Разлившееся вольным потоком после 27 февраля политическое словоблудие, заморочившее головы горожанам, куда в меньшей степени подействовало на деревню. Как по объективным причинам — неграмотное население, плохие дороги, трудность доставки газет, — так и по субъективным. Свобода теперь важна была мужику лишь одним своим аспектом, и он достаточно легко выделял из словесного потока единственный важный для себя вопрос — что будет с землей? И новая

власть, и Учредительное собрание интересовали его только с одной точки зрения: как те решат земельный вопрос.

3 марта 1917 года Временное правительство опубликовало декларацию, в которой помимо прочего говорилось об отмене сословных привилегий. Тем самым оно ставило точку в затянувшемся споре между дворянством, буржуазией и интеллигенцией: отныне все в стране равны, разницу в положении определяют только деньги. Если вынести за скобки газетную болтовню о свободах и пр., то именно в этом и заключается смысл всех буржуазных революций, сколько бы их ни было. Потому как деньги есть, а прав нету, каждому родовитому нищевроду кланяться — обидно, понимаете?

Едва ли творцы данной декларации могли предвидеть, что наиболее горячий отклик это новшество получит опять же у крестьян. Зипуны, бороды, лапти и прочие атрибуты «черного народа» служили камуфляжем, под которым скрывались ум, воля и четкое понимание своих интересов. И на новые условия государственного бытия плечи в зипунах недоуменно поднимались в извечном жесте: да почему ж одни деньги-то? Или вы силу уже ни во что не ставите, господа?

Деревня помнила 1905 год, помнила очень хорошо, даже лучше, чем городские окраины. И в новых условиях, когда «молодняк подрос», собиралась повторить попытку.

Столыпинская реформа изменила расстановку сил на селе. Напомним, что к 1917 году в России насчитывалось 43 млн крестьян-общинников и 4,5–5 млн крестьян-собственников¹, из них 300 тысяч хуторян (прозванных «столыпинскими помещиками») и 1,5 млн отрубников — зародыш сельской буржуазии. У многих было уже гораздо больше общего с помещиками, чем с крестьянами, — в первую очередь форма собственности на землю и неплохой доход с нее.

Остальные 3 млн — это мелкие хозяева, бившиеся на своих крошечных участках, в лучшем случае ухитрившиеся каким-либо образом прикупить несколько десятин, — промежуточный слой, за который шла отчаянная борьба, ибо экономические интересы тянули их в общину, а собственники перетягивали на свою сторону. Но все равно силы были слишком неравными, поскольку 90% российских крестьян земли в соб-

¹ Судя по цифрам, речь идет о пользователях земель, т. е. мужчинах за исключением детей, родившихся после последнего передела.

ственности не имели, а значит, не боялись ее потерять, приобрести же могли много. Утратив рычаги власти, правительство оставило эти два непримиримых лагеря — собственников и общинников — лицом к лицу и один на один.

В 1917 году завершилось полувековое противостояние русской деревни и помещиков и на первый план вышло противостояние крестьян-общинников и кулаков¹, которое закончится спустя десять лет, во время коллективизации, тем же образом, что и в семнадцатом году, — то есть ликвидацией противника как класса. Основы раскулачивания закладывались в 1906 году, а укреплялись летом 1917-го, когда крестьяне-общинники и крестьяне-собственники схлестнулись в борьбе за землю.

На объявление демократии русская деревня отреагировала мгновенно: за какие-то несколько недель, в точности как в 1905 году, прежние органы власти были сметены и заменены новыми. Вот только теперь это происходило по всей стране и не могло быть прихлопнуто, как в ту, первую революцию, поскольку власть не имела в своем распоряжении силы для такого прихлопывания.

Назывались эти органы власти по-разному: комитеты, союзы, советы и пр. В апреле вывеска унифицировалась: они стали называться временными исполнительными комитетами. Правительство считало их недолговечными и намеревалось в ближайшем будущем заменить всесословными земствами. Однако крестьяне к тому времени имели огромный счет к верхушке общества и вволю насмотрелись на земства. Их позиция была неизменна: они не хотели заседать с помещиками в одном комитете.

При демократии вопросы власти, как известно, решаются большинством. А большинство в деревне кто? 75% бедноты плюс к тому 15–20% середняков, которые тоже перебиваются с хлеба на квас. Неудивительно, что в комитеты практически не допускалась «чистая публика», т. е. помещики и интеллигенция, — а часто и кулаки, хуторяне, отрубники. Птенцы столыпинской реформы уже не воспринимались «миром» как свои.

¹ Мелкие собственники, не менее жестоко эксплуатируемые кулаками, чем прочие односельчане, обычно были на стороне общины. Куда, кстати, довольно легко возвращались. Терять им было нечего, а противопоставлять себя «миру» слабым хозяевам невыгодно.

Зато очень большую роль в выборах и комитетах играли вернувшиеся с фронта солдаты — ясно с каким настроением! И все больше и больше слушали большевистских агитаторов, которые не заморачивались теориями и компромиссами, а говорили: дасшь землю здесь и сейчас.

Комитеты практически сразу стали считать себя основной властью на местах и принялись требовать долгожданную реформу. Их позиция, за небольшими исключениями, одинакова по всей стране: конфискация всех помещичьих, удельных, церковных земель безо всякого выкупа. Во многих местах требовали включить сюда и участки богатых крестьян-кулаков, а также порожденных столыпинской реформой земельных спекулянтов.

Что любопытно: ни одна политическая сила не имела влияния на исполнительные комитеты. Даже эсеров, «крестьянскую» партию, слушали ровно в той степени, в какой они говорили то, что хотели слышать сами мужики. Единственно, в чем преуспели политики той весной, — это кое-как уговорить крестьян подождать Учредительного Собрания.

Согласиться-то они вроде бы согласились, однако ждать оказалось уже не вмоготу — сеять пора! Комитеты перешли пока к промежуточным мерам. Земли еще не конфисковывались, а принудительно забирались в аренду на условиях комитетов. Были и более хитрые способы. Например, устанавливали очень высокую заработную плату батракам, реквизировали у помещиков инвентарь, а потом угоды отбирали как необрабатываемые. Правительство пыталось бороться, рассылая циркуляры, комитеты их успешнейшим образом игнорировали, а силы, чтобы настоять на своем, новая власть не имела.

И тут грянул Первый Всероссийский съезд крестьянских депутатов.

Проходил он с 4 по 28 мая. Интересен в первую очередь его состав. Из 1353 делегатов 672 были представителями крестьян, а 681 — солдат, которые тоже не желали оставаться в стороне от земельных дел. Солдаты — это ведь в сущности те же мужики, но более молодые, чем крестьянские делегаты, приученные к организации и распропагандированные. По партийной принадлежности большинство — 537 делегатов — представляли собой, естественно, эсеры. Следующей по величине была «фракция» беспартийных.

Съезд сразу выразил Временному правительству доверие по политическим вопросам, которые были ему безразличны, и даже поддержал в вопросе о войне — хотя эту резолюцию президиум вырвал у собрав-

шихся с трудом. Но все же и эсеры, и меньшевики (которых было 103 человека) выступали за войну — так что превозмогли.

А затем разгорелись дебаты о земле. Шли они десять дней и завершились решением, в котором эсеры, игравшие на съезде первую скрипку, сами себя перехитрили. Они позиционировали свою партию в качестве крестьянской, но при этом не хотели идти и против правительства, в котором заседали их представители. Поэтому, не решив принципиально вопроса о собственности, они все же приговорили, что вся земля передается в ведение земельных комитетов. Этим же комитетам передавалось право реквизиции инвентаря, скота, сельскохозяйственных машин и пр., регулирование арендных отношений, контроль за сбором и хранением зерна, а также контроль за соблюдением запрета земельных сделок, ибо первое, что сделали комитеты, — это остановили столыпинскую реформу.

Зафиксировав резолюцию на бумаге, эсеры тут же дали задний ход — принялись объяснять, что это всего лишь *наказ* крестьян Временному правительству, по которому последнее должно принять какие-то законы. Однако делегаты смотрели на нее иначе, а именно — как на руководство к действию, тем более что в работе съезда участвовал и министр земледелия эсер Маслов — так чего еще хотеть! Перед самым закрытием в качестве напутствия от правительства съезд получил телеграмму, запрещающую захваты частновладельческих земель. Толку от нее, как и следовало ожидать, не было никакого, кроме того что телеграмма обозлила собравшихся и они тут же потребовали ее отмены.

Всю эту информацию делегаты привезли домой. А на местах к тому времени демократию понимали буквально и на распоряжения властей просто не обращали внимания, продолжая «ползучий» захват помещичьих земель.

Из зала съезда вопрос о земельной реформе попал в правительство, где, естественно, благополучно увяз. В уездах же к тому времени все большую власть начали приобретать Советы, в которых слушали уже не только эсеров, но и большевиков. У последних было огромное преимущество: их партия в правительстве не заседала, поэтому вопросы о священном праве частной собственности не волновали их вообще никак.

...А потом вдруг что-то произошло. Во второй половине лета начались многочисленные захваты и погромы помещичьих имений. Что именно случилось? Количество перешло в качество? Мужикам надоело

ждать у межи погоды? Да, и это тоже, но должен был существовать и какой-то спусковой крючок, произойти что-то такое, что не позволяло крестьянам продолжать ожидание. Тем более что лето — странное время для захватов. Летом работать надо, а не собственность делить, иначе зимой все лапу сосать будут — и ограбленные, и грабители.

И тут нельзя упускать деятельность еще одной организации. Называлась она Союз земельных собственников и сельских хозяев.

Союз земельных собственников существовал в России с ноября 1905 года. После поражения революции его деятельность сама собой прекратилась. Воссоздан он был в ноябре 1916 года, а после Февраля туда стали принимать и крестьян. Параллельно аналогичные союзы начали появляться и на местах. Вскоре это множество организаций оформилось во Всероссийский союз земельных собственников и сельских хозяев (ВСЗС), учредительный съезд которого состоялся все в том же мае 1917 года. Большинство участников съезда составляли крестьяне, имевшие по несколько десятков десятин земли и поневоле оказавшиеся по одну сторону баррикады с помещиками, ибо на их землю также покушались местные крестьянские комитеты.

В начале июля собрался второй съезд ВСЗС. Основной его темой была аграрная программа, по которой «собственники и хозяева» разделились и едва не раскололись. Каждый тянул в свою сторону. Крестьяне требовали отчуждения помещичьих земель, а помещики отстаивали незыблемость своих владений. В конце концов кое-как договорились: помещики кинули мужикам кусок в виде права на отчуждение необрабатываемых и арендуемых крестьянами земель. Вторая позиция лишала их изрядной доли дохода, но по этому вопросу с мужиками спорить не стоило — можно было потерять все.

Зато по другому решению разногласий не возникло: кто получит эту землю? Съезд решил, что наделяться землей должны только те крестьяне, которые ведут частное хозяйство, и участки передаются им в собственность с правом наследования. Собственники договорились между собой, а общинникам не светило ничего.

После этого надеяться на мир в деревне было смешно.

Итак, в середине лета на местах начались прямые захваты, очень скоро естественным образом перешедшие в крестьянскую войну — поджоги, разгромы имений, убийства.

Начал Тамбов — знаменитое в смысле крестьянских войн место. 7 сентября в селе Сычевка Козловского уезда люди кулака Романова, арендовавшего помещичье имение, ранили двух крестьян, которые зашли на помещичье поле. Ответ последовал незамедлительно: имение было сожжено, Романов убит.

И покатилося. Через неделю восстание охватило 14 волостей Тамбовской губернии, были разгромлены 54 имения. В ближайшие два месяца в губернии состоялось 193 выступления крестьян, из них 136 сопровождались погромами и захватами. Вскоре пылали уже 79 уездов, и пожар продолжал распространяться. Только в трех губерниях Поволжья — Саратовской, Симбирской и Казанской — за два месяца произошло 570 выступлений.

Правительство попыталось, по рецепту 1905 года, применить против восставших военную силу. Однако, чтобы применить эту силу, ее надо иметь. Армия набиралась из той же крестьянской бедноты, и одному Богу известно, что передумали и перечувствовали солдаты, участвовавшие в столыпинском усмирении, какие сны им снились в душных казарменных ночах и что они рассказывали новобранцам. Факт тот, что солдаты отказывались стрелять в народ, а часто и переходили на сторону восставших.

Относительно надежны были только кавалерийские полки — в основном казаки, которые сами опасались за свою землю (на них наседали иногородние, требовавшие равных с казаками наделов) и потому могли понять чувства собственников. Но казачьи поля находились на Дону, где уже формировалась к тому времени Донская республика, так что станичникам было не до русских дел.

О том, до какой степени даже эсеры не понимали происходящего, говорит проект, который 11 октября внес на рассмотрение правительства министр земледелия Маслов. Он совершенно искренне считал: для того чтобы умиротворить крестьян, достаточно издать законы, которые регулировали бы земельные отношения. Причем вопрос о ликвидации частной собственности на землю он даже не ставил; крестьяне должны были арендовать частновладельческие земли; скот и инвентарь также оставались у владельца и не могли использоваться без его разрешения. По сути, это было продолжение столь ненавистой крестьянам столыпинской реформы. Впрочем, масловский проект все равно не был принят. Жаль. Если бы его одобрили, эсеры стали бы агитировать в его пользу и тем

подорвали тем самым свою репутацию на селе, что уберегло бы будущую Советскую республику от многих бед, связанных с данной партией.

Правда, вскоре в отношениях власти к народу произошел решительный сдвиг. Временный Совет республики (был и такой орган) в ультимативном порядке потребовал от правительства немедленного решения вопроса о мире и передачи земель земельным комитетам. По сути, это был вотум недоверия Временному правительству (который Керенский тут же послал по известному адресу). Один недостаток имелся у данного решительного проекта: он был выдвинут 24 октября 1917 года. Согласитесь, немножко поздно: к тому времени другая сила заявила о намерении взять власть к завтрашнему дню...

Гибельная справедливость

Да что тут предлагать? А то пишут, пишут... Голова пухнет.
Взять все, да и поделить...

Михаил Булгаков. Собачье сердце

Еще раз: самая большая ошибка — это судить о большевиках по тому, что они *говорили*. Говорить они могли все, что угодно, но советское правительство никогда в угоду теоретическим воззрениям не перло поперек логики событий, проявляя просто потрясающий здравый смысл.

Мелкокрестьянский рай отнюдь не являлся идеалом большевиков — это были народнические и отчасти эсеровские заблуждения. Большевики стояли за крупное хозяйство на земле, организованное по типу завода, и практически сразу начали попытки создания подобных хозяйств — совхозов и коммун. А Декрет о земле шел в прямо противоположном направлении. И тут впору еще раз вспомнить слова Ленина в 1922 году — что многие первые декреты советской власти принимались отнюдь не для исполнения, а, говоря современным языком, чтобы продемонстрировать негодность выбранной популистской модели. За десять лет негодность Декрета о земле продемонстрировали так, что дальше некуда. Во всех положениях: при войне и при мире, в варианте военно-коммунистическом и нэповском, с государственной поддержкой и без нее.

Но пока что стояла осень семнадцатого года, и ситуация предполагала простой выбор: либо правительство узаконит своим решением уже вовсю

идущие захваты земель, либо попытается им противостоять — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но зачем противостоять? Права помещиков, Церкви и императорской фамилии большевиков абсолютно не волновали, а повсеместный переход на совхозы в 1918 году они не планировали. Им было легко сделать выбор, которого на самом-то деле и не существовало. И деревня ответила им мандатом доверия.

11 ноября собрался Чрезвычайный съезд крестьянских депутатов. Заседал он две недели, всю дорогу пополняясь. До последнего дня продолжали прибывать делегаты, причем не только от сельских Советов, но и от образованных в армии разнокалиберных крестьянских комитетов — были и такие. Через неделю после начала партийный состав 330 собравшихся к тому времени делегатов был следующий: 195 левых эсеров, 65 прочих эсеров и лишь 37 большевиков. Однако Декрет о земле, приватизировавший программу, в свое время составленную эсерами по крестьянским наказам, сделал свое дело: съезд поддержал решения Второго съезда Советов. Первым из них, напомним, был совершенно бесспорный в глазах всего народа Декрет о мире, вторым — столь же бесспорный в глазах крестьян Декрет о земле, а вот третьим — создание большевистского Совнаркома. Какие бы подводные течения ни бродили в левоэсеровской партии, открыто оспаривать первые два декрета они не рискнули, а признав их, признали и Совнарком.

Работа съезда увенчалась долгожданным союзом большевиков с левыми эсерами. Ленин получил коалицию, которая принесет вскоре чуть-чуть пользы и кучу неприятностей, а левый эсер Колегаев стал наркомом земледелия. Затем началось «ползучее» объединение рабочих, солдатских и крестьянских Советов. Это не прибавило порядка в советскую мешанину, зато уменьшило количество съездов — и то хорошо...

Занятые совсем другими делами, основной аграрный документ того времени — закон о социализации земли — большевики отдали левым эсерам. 19 февраля одобренный очередным съездом Советов закон был подписан Лениным. Он определял основные принципы пользования землей.

Принципы были вполне справедливыми. Надел мог получить любой гражданин, желающий заняться крестьянским трудом. Основное условие его получения — обработка земли собственными силами. Наемный труд допускался только на государственных сельхозпредприятиях, частным лицам пользование им было запрещено под страхом лишения надела.

Общие принципы закона понятны и вразумительны, но вот когда дело доходит до норм землепользования...

Для начала в их основу положили абсолютно утопическое положение: надел должен «давать возможность безбедного существования семье земледельца», которым и определялся его минимальный размер. Максимальный же размер не должен был превышать «трудоспособности наличных сил каждого отдельного хозяйства»¹. Принцип землепользования устанавливался строго уравнительный, с постоянными переделами. А уж когда стали разбираться с порядком исчисления величины надела, которую предполагалось устанавливать отдельно для каждой хозяйственной полосы России в таком размере, который, по мнению местного населения (!), признается наиболее благоприятным для хозяйствования...

Можно представить себе, что началось бы в стране, если б этот закон решили претворить в жизнь. К счастью, выполнять его никто и не думал. Волостные комитеты не подчинялись не только центральной власти, но даже уездной. В каждой деревне земельную реформу проводили по-своему, а суть была одна: захватить как можно больше земли и поделить между собой по старым добрым общинным принципам, при этом пощипав и наиболее зажиточных деревенских хозяев².

Большевики не влезали в вопрос социализации земли. Они были достаточными прагматиками, чтобы понять всю бессмыслицу подобного закона и отдать его на откуп левым эсерам — по крайней мере, те какое-то время будут заняты делом и меньше станут изображать оппозицию. Зачем принимать закон, не имея механизма его выполнения? Все равно на местах сделают так, как захотят.

Ленин был толковым экономистом и отлично понимал, что эсеровская программа, даже будучи скрупулезно реализованной, неспособна вывести страну из аграрного тупика. Наоборот, она способствовала измельчанию хозяйств и постоянным переделам, в то время как спасение лежало на пути создания крупных агропредприятий. А пока правитель-

¹ Сплошь и рядом максимальный предел лежал значительно ниже минимального.

² У нас бытуют несколько неадекватные представления о том, что такое «зажиточный хозяин». Это не тот, у которого пара десятков десятин земли, а тот, у которого их сотни, а то и тысячи. Вспомним хотя бы того тамбовского кулака, который арендовал помещичье имение.

ство пыталось защитить крепких частных владельцев. Закон прямо запрещал при переделах принудительно отбирать землю у хуторских и отрубных хозяйств, если те являлись «трудовыми» — т. е. земля не служила средством наживы¹. Однако по причине слабости центральной власти земельные вопросы решались на местах, и чем ниже уровень, тем дальше отклонение от государственной политики.

Так, инструкция Земотдела Моссовета в противовес закону уже допускала урезание земли единоличников², хотя и в случае значительных излишков. Эта поправка развязывала руки местным властям, которые трактовали «излишки», как хотели.

Уже в 1918 году Центрозем вправлял мозги Москомзему: *«Задачей советской власти является поддержание, а не расстройство хозяйств вышеназванной категории, хорошо оборудованных, богатых частной инициативой и в отношении системы полеводства выгодно отличающихся от соседних землепользований»*³. А с другой стороны, это выгодное отличие делало частные земли лакомым куском для общинников. После Декрета о земле, отражавшего сокровенные чаяния крестьянства, началось прямое разграбление крупных и сильных хозяйств. Ни к чему хорошему это привести не могло.

Забегая вперед, можно сказать, что вышло так, как и должно было, — то есть совсем плохо. По данным выборочной, 10%-й переписи 1919 года, число беспосевных хозяйств сократилось на 38% (самый большой процент — 60,7% — дал Центрально-Земледельческий район, на втором месте — 59,5% — Средне-Волжский). Зато в 25 губерниях практически исчезли крупные частные хозяйства (свыше 13 дес.).

К началу 1919 года в европейской России было распределено более 17 млн дес. земли. Миллион беспосевных крестьян получили наделы. Число хозяйств, имеющих до 2 дес. посева, возросло с 6 до 8–9 млн, составив 43% хозяйств. Немного (на 10%) увеличилась группа хозяйств, имеющих 2–4 дес, количество более крупных — уменьшилось, а хозяйства, засевавшие свыше 10 дес., почти исчезли. Таким образом, был

¹ Еще раз напомним, кулаки — это те, кто наживались на земле: обрабатывали ее с помощью батраков, сдавали в аренду.

² В смысле не членов общины.

³ Цит. по: Ковалев Д. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона. М., 2004. С. 154.

отчасти достигнут крестьянский идеал и практически полностью разгромлен аграрный сектор.

Кроме того, что мелкие хозяйства малопродуктивны сами по себе, они были еще и очень слабыми. Для успешного хозяйствования мало получить саму землю. Надо иметь еще и рабочий скот, инвентарь, фураж, семенное зерно. Все это было реквизировано у помещиков одновременно с землей, однако скота, инвентаря и пр., которых хватало для эффективно организованного крупного хозяйства, оказалось безнадежно мало при прямом дележе между крестьянами, да еще и бескормица 1917 года смертной косой прошла по конюшням.

В итоге, несмотря на все переделы, инвентаря и рабочего скота не имела треть хозяйств. Еще столько же дворов были настолько слабыми, что даже при прибавке земли говорить о каком-либо товарном производстве не приходилось — дай Бог себя впроголодь прокормить¹. В результате Декрета о земле сельское хозяйство страны сразу по пояс ухнуло в трясины.

Однако выбора, как уже говорилось, у большевиков не было. Не пойди они на поводу у крестьян, слабую советскую власть снесли бы, даже не заметив, что там что-то было, а землю все равно поделили. Слишком долго об этом мечтали, слишком долго...

...Нет, нельзя сказать, что новая власть обманула крестьян, — землю те получили, тут все было по-честному. Но потом интересы деревни — растить хлеб, продавать его и богатеть — столкнулись с интересами государственной власти — прокормить *все* население, а не только сельское, и выиграть войну. Власть имела право рассчитывать не только на лояльность, но и на помощь крестьян в трудное для страны военное время. А деревня, получив землю, была совершенно не склонна расплачиваться с правительством.

Так считается, и по этому поводу редко кто из писавших о том времени не кинул в мужика камень². И совершенно, кстати, зря. Ибо землю получили одни — и в ответ поддержали Советскую власть как избира-

¹ Естественно, в разных регионах было по-разному. Приведенные цифры относятся к Европейской России. Хлебобродные районы юга России в то время находились под белыми, а железнодорожное сообщение с Сибирью было отвратительным.

² Кроме либералов и их последователей — российских «демократов». Те считают, что законы свободного рынка должны действовать всегда, в том числе и во время войны.

тельным голосом, так и винтовкой. Вот только хлебом поддержать ее не могли, поскольку имели хлеб и прятали его другие...

Проблема заключалась в том, что основные производители товарного зерна — крупные зажиточные хозяева — от Декрета о земле не выиграли почти ничего, а многие даже и потеряли. Впрочем, не факт, что и получив многое, они поступились бы прибылями. На этот счет существует масса хороших русских поговорок. В данном случае подошел бы вариант: «сытый голодного не разумеет»...

История продразверстки в России

С началом осады князь велел переписать хлебные запасы города, да чтобы не утаили ни меры. Княжьи люди пошли по дворам, двух больно хитрых хлебных гостей, задумавших прятать зерно, повесили для острастки на собственных воротах. Учтя все припасы, Красно Солнышко повелел, чтобы рожь продавалась не дороже гривны за кадь. В этот раз пришлось повесить шестерых купцов, решившихся нажиться в недоброе время. Заодно посадили на колья пятерых облыжных доносчиков, что попробовали свести свои обиды, обвинив честных гостей в тайной продаже хлеба втридорога.

Иван Кошкин. Илья Муромец

Разборки с деревней из-за хлеба начались еще в 1915 году.

К началу Второй мировой войны государственные резервы зерна в России составили около 900 млн пудов¹. Примерно столько товарного хлеба она ежегодно поставляла на мировой и внутренний рынок в последние предвоенные годы. Обычно товарный хлеб (то есть хлеб, предназначенный на продажу) составлял в России 20–25% от общего сбора зерна. Кроме того, с началом войны неизбежно резко снижался экспорт хлеба и весь он должен был пойти на внутренний рынок — а экспорт в то время составлял около половины товарного зерна. Так что хлеба хватало... должно было хватить — на бумаге. А в реальности опять разверзлись всякие там овраги.

¹ Данные приводятся на основании расчетов В. Галина (*Галин В. Запретная политэкономия. Красное и белое. М., 2006*)

Кроме абсолютных показателей, существовал еще и экономический механизм по имени «рынок». Зерно — не молоко и не газета, оно не ограничено коротким сроком реализации и вполне может годами лежать в закромах, ожидая своего часа. Сей скорбный факт выяснился уже в 1915 году и принял катастрофические размеры в 1916-м. В этом году урожай был 3,8 млрд пудов зерна. Допустим, товарный хлеб составляет четверть от производимого — около 950 млн пудов (если брать пятую часть — 750 млн). Довоенные потребности внутреннего рынка были около 500 млн. Даже если учесть увеличение потребления хлеба, связанное с питанием армии, зерна все равно хватало с избытком. По расчетам. На самом же деле Россия столкнулась с продовольственной проблемой уже в 1915 году, ибо производители не хотели продавать хлеб.

У них была вполне уважительная причина: царское правительство так и не смогло навести порядок в ценах. В связи с войной обесценились деньги и резко подорожали промышленные товары — и зачем, спрашивается, продавать зерно, если на вырученные деньги ничего нельзя купить? Пусть полежит до лучших времен. Простая арифметика: чем меньше зерна на рынке — тем оно дороже. Когда начнется голод, за него можно будет получить настоящую цену¹.

23 сентября 1916 года в связи с катастрофическим продовольственным положением была введена продразверстка и установлены твердые цены на хлеб. Естественно, хлебозаготовки правительство провалило — мало-мальски справные производители хлеб прятали до лучших времен. Тем более что план по зерну (был такой и в царские времена) вдвое превышал объем довоенного внутреннего хлебного рынка. К концу 1916 года дефицит между спросом и предложением хлеба составил 600 млн пудов. В феврале 1917 года Родзянко сообщил царю о том, что разверстка потерпела полный крах.

Но ведь и 1915-й, и 1916 годы были урожайными. Куда же девался хлеб?

А никуда он не девался. Накапливался он. Лежал и ждал хорошей цены — частично в крестьянских закромах, а большей частью в кулацких

¹ Точно по тем же соображениям во времена Великой депрессии, когда значительная часть населения США голодала, владельцы продовольствия уничтожали его, чтобы не допустить падения цен.

и помещичьих амбарах, куда вскоре ляжет и урожай семнадцатого года, да на складах перекупщиков.

Историк Кара-Мурза по этом поводу пишет: *«И вот вывод раздела „Сельское хозяйство“ справочного труда „Народное хозяйство в 1916 г.“: „Во всей продовольственной вакханалии за военный период всего больше вытерпел крестьянин. Он сдавал по твердым ценам. Кулак еще умел обходить твердые цены. Землевладельцы же неуклонно выдерживали до хороших вольных цен. Вольные же цены в 3 раза превышали твердые в 1916 г. осенью“. Таким образом, общинный крестьянин, трудом стариков и женщин увеличив посевы хлеба для России, еще и сдавал хлеб втрое дешевле, чем буржуазия»*¹.

Естественно, общинный крестьянин продавал хлеб по твердым ценам не от хорошей жизни, а потому, что ввиду бедности не имел запасов. Ему были нужны хоть какие-нибудь деньги на насущные нужды. Кроме того, мелкий хозяин не имел собственного выхода на рынок, а перекупщик не давал больше твердой цены — так какая, спрашивается, разница?

Хлеба от такой «продразверстки» правительство получило очень мало. Зато недовольства в деревню подбавило огромное количество.

Едва придя к власти, Временное правительство... ну конечно же, объявило продразверстку. *«Неоднократные попытки старого правительства получить хлеб успеха не имели вследствие недоверия населения к старой власти. Продовольственная комиссия считает нужным призвать к немедленному получению хлеба. Государственные интересы требуют получения сейчас же всех крупных партий хлеба, сосредоточенных в больших сельскохозяйственных экономиях, у торговых посредников и банков...*

*Немедленно по получении этой телеграммы приступить к реквизиции хлеба у крупных земельных собственников и арендаторов всех сословий, имеющих запашку не менее 50 десятин, а также к реквизиции запаса хлеба у торговых предприятий и банков»*².

Постановлением от 25 марта весь хлеб велено было передать продкомитетам, за исключением нормы на питание и семенного зерна. 11 апре-

¹ Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Т. 1. <http://www.kara-murza.ru/public.htm>

² Цит. по: Купцов А. Миф о красном терроре. М., 2008. С. 92–93.

ля все посевы (!) объявили общегосударственным достоянием. Большевики до такого не додумывались даже в самые «коммунистические» годы советской власти.

Как вы думаете, был толк от этих постановлений? Правильно! Нет, держатели хлеба доверяли Временному правительству, но... зерна все равно не давали. А взять его оно не могло, поскольку распоряжаться правительством научилось, а вот механизма выполнения своих приказов в наличии не имело.

Еще больше повысил недоверие крестьян к хлебозаготовкам любого рода наглый обман новых «демократических» властей.

«6 августа Временное правительство официально объявило, что установленные 25 марта твердые цены на урожай 1917 г. „ни в коем случае повышены не будут“. Крестьяне, не ожидая подвоха, свезли хлеб. Помещики же знали, что в правительстве готовится повышение цен, которое и было проведено под шумок, в дни корниловского мятежа. Цены были удвоены, что резко ударило по крестьянству нехлебобродных губерний¹ и по рабочим»².

О реакции крестьян хлебобродных губерний на этот финт догадаться нетрудно — больше никаких хлебозаготовок, только свободная торговля! Вот только свободная торговля в условиях, когда промышленного производства практически не существует, а деньги являются просто разрисованной бумажкой, становится чем-то виртуальным. Очень быстро она свелась к простому товарообмену. Уже летом 1917 года британский военный атташе генерал Нокс докладывал: *«В некоторых губерниях крестьяне отказываются отдавать свое зерно иначе, как в обмен на мануфактуру. Селения Юго-Западной России нуждаются в одежде и металлических изделиях. Министр продовольствия делает героические усилия, чтобы найти нужные для обмена предметы, но сейчас мануфактуру достать в России нельзя нигде... Если даже удастся собрать некоторое количество товара, то распределение его при царящем беспорядке является делом не легким. 600 вагонов тканей было недавно отправлено для обмена на Кавказ. 400 из них было „арестовано“ в Та-*

¹ Напомню, что в нехлебобродных губерниях крестьяне, не в силах вырастить достаточно хлеба, его покупали.

² Кара-Мурза С. Гражданская война.

ганроге, и местные комитеты потребовали распределения содержимого на месте»¹.

Это еще не советская власть, это лето 1917 года!

Дальнейшую «перестроечную экономику» спрогнозировать нетрудно. Прямой товарообмен продолжится до тех пор, пока в городах будут сохраняться хоть какие-то остатки прежней роскоши. А что потом? Торговец так и станет сидеть на своем хлебе? Ага, конечно! Мы же не одни на планете!

Выход предельно простой: хлебные торговцы найдут покупателей — если не в стране, так за ее пределами. И до революции русское зерно уходило за границу, при том что население недоедало. Сейчас оно ушло бы туда при том, что население бы умирало с голоду. Тем не менее принцип свободной торговли нарушать, конечно же, нельзя. Куда там большевикам с их постоянно корректируемыми идейками до реальной цены либеральных экономических концепций!

Заготовка хлеба 1917 года столкнулась еще с одной проблемой. Нельзя сказать, что ее не существовало прежде, но до того это был вялотекущий процесс, а летом 1917 года, когда крестьяне стали захватывать помещичьи земли, произошел качественный скачок. Речь идет все о том же: об изменении структуры сельского хозяйства.

Мы помним, что большая часть товарного хлеба производилась в крупных хозяйствах. Его непросто было взять, но этот хлеб по крайней мере имелся в наличии. Однако летом 1917 года эти хозяйства начали исчезать с лица земли. Все тот же генерал Нокс пишет:

«Прежнее правительство зависело от урожая на помещичьих землях, который легко было собрать. Но помещичьи посевы уменьшились вследствие препятствий, чинимых крестьянами. Последние, кроме того, стремятся мешать применению сельскохозяйственных машин. Они требуют предоставления им сбора хлебов при условии уплаты за это от четверти до трети урожая. Это значит, что большая часть урожая помещичьих земель будет растаскана по избам и сбор его станет для правительства невозможным».

А в дальнейшем «растасканы по избам» будут земля и инвентарь, и крупные хозяйства, производившие товарный хлеб, канут все в то же крестьянское море, которое с трудом кормило само себя. Начался

¹ Цит по: Галин В. Запретная политэкономия. М., 2006. С. 375.

и большей частью прошел этот процесс еще при Временном правительстве, а вот последствия, год от года усугублявшиеся, достались на долю большевиков.

В документах Временного правительства названы основные держатели хлеба: помещики, торговцы, банки. Кулаки и тем более крестьяне среди них не числятся. Однако уже к 1918 году ситуация изменилась. Помещиков больше не было, запасы торговцев и банков реквизированы или разграблены (те, которые не удалось спрятать). Земля роздана крестьянам, но теперь те же крестьяне должны стать поставщиками продовольствия для страны. К чему они никоим образом не были готовы.

Товарный хлеб, то есть хлеб, не предназначенный для собственного потребления, производила очень небольшая прослойка. До революции всерьез говорить об излишках могли лишь около 5% крестьянских хозяйств. Ну, допустим, после передела их стало 7–8%.¹ Это при том, что, к счастью, не выполнялся закон о социализации земли. Иначе все было бы еще хуже, ибо крупное хозяйство без батраков не поднимешь.

Но в любом случае не меньше двух третей хозяйств излишков не имели вовсе, а около трети (как минимум!) изначально не могли прокормить себя. И правительство, едва приняв страну, столкнулось с совершенно абсурдной ситуацией: кроме населения городов надо было заботиться еще и о пропитании сельского населения. А если оно хотело хоть как-то на будущее ослабить это бремя, надлежало позаботиться еще и о скоте, инвентаре и семенном фонде для этих маломощных хозяйств.

Абсурд российского аграрного сектора в критической ситуации обернулся полным маразмом. И маразм этот крепчал день ото дня.

¹ Это средние данные по Европейской России. В хлебобордных губерниях ситуация была иной, однако большинство их почти сразу попали под белых и для красной власти были потеряны.

К вопросу об игольных ушах

— ...Хлебом мы воинов кормить будем, и женок их, и детей малых. А вы пять гривен за кадь ломить? Куда заберете гривны сии — в ад? Во тьму и скрежет зубовный?.. Постыдились бы, — голос Владимира смягчился, стал укоряющим. — Ляшского конца купцы — ляхи, и фрязи, и варяги товар свой за дарма воинству отдали — мечи франкские, топоры, шеломы... Жидовский конец амбары открыл: и хлеб, и мясо — все воям отдает. А вы? Крестов на вас нет?

— А чего крестов? — донесся из толпы голос, полный тупой, тяжелой злобы. — Наш хлеб! Наш! Сами его покупали. Сами теперь продадим. За сколько захотим! И ты нам тут не указ! Купцы всем нужны, с Калином уж как-нибудь договоримся.

Иван Кошкин. Илья Муромец

...Поначалу большевики все же пытались управлять как нормальное, цивилизованное правительство. Едва придя к власти, они подтвердили введенную еще Временным правительством хлебную монополию — закупку зерна на селе по твердым ценам, запрещение его свободной продажи. И в полном соответствии с лозунгами возложили реализацию хлебной монополии на власть. В данном случае — на местные Советы. Если бы на село сразу послали продотряды... впрочем, до продотрядов надо было еще дозреть. Не все сразу.

Что собой представляли местные Советы того времени — не поддается никакому полету фантазии. Ситуация там определялась множеством факторов, но в основном двумя: продовольственным положением членов Совета — персонально! — и политической ориентацией того горлопана, который им руководил. Первый фактор определял политику Совета, второй — лозунг, под которым эта политика проводилась. Это кроме тех случаев, когда власть захватывали местные гопники или пришедшие бандиты. Никакая власть им была не указ, ибо вся власть кому? Правильно, Советам.

Все же существовало общее правило: чем более «промышленными» оказывались губерния, волость, уезд, тем тверже там поддерживали хлебную монополию. И стоит ли удивляться? Ведь чем больше людей

занято в промышленности, тем хуже положение с хлебом, так что вся надежда на государство.

«В 200 волостях четырех губерний промышленного района — Владимирской, Нижегородской, Тверской и Ярославской — наибольшую активность в проведении государственной политики проявляли Советы с высоким процентом рабочих в составе населения волости. Так, во Владимирской губернии 80% волостных советов признавали монополию на хлеб, в Ярославской — 50, Нижегородской — 43, Тверской — 22,6%. В среднем 49% волостных Советов промышленных губерний поддерживали продовольственную политику Советской власти.

Однако результативность их работы почему-то была невелика. На состоявшемся в марте 1918 г. Осташковском уездном съезде Тверской губернии делегаты... говорили, что в деревне сильно влияние кулаков, из-за чего деревня не идет навстречу местным Советам: развита спекуляция, учет и реквизиция хлеба не проводятся, продукты распределяются „несправедливо, всем“. Сообщалось также, что Новинский волостной совет сам поддерживает спекуляцию, а в Павлихинской волости голодная бессознательная масса, подстрекаемая кулаками, попами, помещиками, избивала членов Совета, пытавшихся провести учет хлебных излишков. И лишь Пашутинский волостной совет, поддерживаемый беднотой и крестьянами среднего достатка, произвел реквизицию хлеба у кулаков и распределил его среди неимущих»¹.

Отсутствие твердых цен и свобода торговли выгодны были держателям хлеба — кулакам и торговцам. У бедняков интерес прямо противоположный, но зато это самая забитая и необразованная часть сельского населения, да и кулак, имея столь мощный рычаг влияния на голодных односельчан, как мешки в амбарах, своего добьется. Бедняков удавалось побудить отстаивать свои интересы только после усиленной обработки со стороны продкомиссаров и коммунистов, да и то не всегда. Ну боялись люди! Сегодня советская власть на коне, а завтра она закончится, и тогда всем и все припомнят... нет уж, лучше в уголке посидеть. Да и власть эта... пес его знает, что за люди, молокососы какие-то, слова говорят такие, что не только мужики, но и сами не понимают, а с народом как обращаются? Глотка — мордобой — револьвер.

¹ Осипова Т. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. С. 77—78.

В самом пикантном положении оказывался середняк. С одной стороны, он имел несколько лишних пудов хлеба, которые хотел бы продать по вольным ценам. С другой — его благополучие было чрезвычайно зыбким: неурожай, реквизиция лошади, падеж коровы отбрасывали его за черту бедности. И озверевших от голода односельчан он побаивается, и с кулаком ссориться неохота. Трудная жизнь! Но хлеб есть...

Все эти факторы делали социальный состав Советов чрезвычайно пестрым. Сказывалась еще старая общинная привычка выбирать в качестве представителей «справных хозяев» — и чем «справнее», тем лучше. С другой стороны, вернувшиеся с фронта солдаты и местные пролетарии тянули в обратную сторону, склоняясь уже к большевистскому подходу. Результаты сложения всех этих векторов бывали самые разные. Своеобразным «чемпионом породы» можно назвать Моноенский волостной совет Белевского уезда Тульской губернии, который состоял из двух урядников, двух офицеров, одного промышленника и одного торговца. При этом нет никакой гарантии, что в соседнем уезде не выберут в Совет бедных крестьян.

Продовольственное положение населения тоже сказывалось напрямую. Если в волости имелись запасы хлеба, волостные советы не принимали хлебную монополию и твердые цены, вводили своей волей свободную торговлю, самочинно поднимали нормы потребления. Если хлеба не было, они полностью поддерживали государственную политику — но что толку?

Вторая часть продовольственной политики — внутреннее перераспределение хлебных излишков — тоже реализовывалась с трудом. Если в местном совете преобладали бедняки, то вопрос решался проще: они точно знали, кто в их деревне голодает, а у кого из односельчан есть хлеб. И, едва услышав от инструктора волшебное слово «реквизиция», приходили и брали, сами или с помощью реквизиционного отряда.

Но таких Советов было мало — крестьяне по старой памяти выбирали «справных» хозяев. Кулаки, попав в Совет, гнули свою линию, первым делом вводя свободную торговлю, и использовали голод для дальнейшего закабаления деревни. Середняки были вроде и не против того, чтобы помогать голодным — кто знает, что с ними самими завтра будет! — но желательно в добровольном порядке, ибо кто знает — вдруг завтра и у них насчитают излишки, придут и возьмут.

«В волостных Советах середняки выступали сторонниками мирного, традиционного общинного решения проблемы обеспечения хлебом голодающих: путем пожертвований, самообложения, закупки в других губерниях и пр. Так, в Смоленской губернии волостные сходы... выносили постановления, в которых было записано, чтобы каждая деревня сама кормила своих голодающих. „Прокорм за плату, — писали „Известия Смоленского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов“ 21 июня 1918 г., анализируя положение в деревне, — кто берет по твердым ценам, а у кого совести меньше — берет с бедняков и подороже“».

А если совести совсем мало или вовсе нет? Вот какую сделку с беднотой провернули кулаки на волостном съезде Отыяской волости Моршанского уезда Тамбовской губернии, и не в апреле, а уже в июле 1918 года.

«Кулаки обещали снабдить хлебом местную бедноту при условии, чтобы в город не ушло ни одно зерно». То есть в качестве платы за помощь предлагали всем жителям оказать сопротивление реквизиционным отрядам. Дальнейшая судьба хлеба понятна — он уйдет спекулянтам по вольным ценам. И вот как выглядела сама помощь.

«План снабжения бедноты хлебом был задуман кулаками чрезвычайно хитро. Они предлагали, при условии отказа бедноты от участия в реквизиции, открыть сбор пожертвований мукой, зерном и деньгами. Собранный по пожертвованиям хлеб будет отпускаться беднякам по карточкам по цене вдвое меньшей, чем цены на вольном рынке, но и вдвое превышающей государственную цену. Обманутый кулаками волостной съезд высказался против реквизиции хлеба в волости»¹.

И это при том, что в случае участия в реквизиции продотряды снабжали бедняков хлебом бесплатно или по ценам, льготным относительно твердых. Интересно, в 1930 году моршанским кулакам припомнили эту историю?

А если у голодных уже нет денег, чтобы заплатить за хлеб? Тогда можно взять что-нибудь другое. Например, земельный надел, только что полученный из рук власти, скот... Наконец, давали в долг, который еще предстояло отработать. Нет, наемный труд запрещен, но ведь батрак — это работник, которому за его труд платят. А насчет отработок долга в законе ничего нет...

¹ Беркевич А. Петроградские рабочие в борьбе за хлеб. Л., 1941. С. 26.

Вот классическое для той зимы постановление: *«Княгининский волостной Совет Нижегородской губернии также постановил, чтобы каждое общество само заботилось о своих нуждающихся согражданах и оказывало им продовольственную помощь...»* Казалось бы, хорошо, но... а откуда следует, что данные общества будут заботиться? На самом деле сие постановление означает, что волостной совет попросту сбрасывает со своих плеч заботу о голодающих. Зато о продовольственной политике государства он заботится трепетно. *«В то же время Совет принял наказ ходатайствовать перед уездным съездом об уничтожении всех продовольственных органов, проводящих хлебную монополию, установлении свободной торговли, повышении твердых цен».*

И чем больше хлеба в уезде, тем упорнее и изощреннее сопротивление.

«В 131 волости Вятской губернии, имевших излишки хлеба, попытки реквизиции были отмечены лишь в 35,1% волостей. Наиболее активно против хлебной монополии выступали волостные Советы четырех южных, самых хлебных уездов губернии, где излишки хлеба имелись у 50% крестьян и определялись в 5,5 млн пудов. В Уржумском уезде твердые цены на хлеб признавали лишь 3 волостных Совета, остальные 18 категорически отвергли их, повысив стоимость пуда зерна до 20 руб. (Для сравнения: в августе 1917 г. в Петрограде пуд печеного хлеба стоил около 5 руб. — Е. П.) В Малмыжском уезде... уездный совет не мог наладить снабжение шести голодающих волостей, в то время как мешочники вывезли из уезда около 300 тыс. пудов хлеба. В Яранском уезде лишь 3 из 11 волостных советов проводили продовольственную политику центра. Уезд, традиционно поставлявший на рынок 1,5 млн пудов товарного хлеба, руководство Совета потребовало перевести из производящих в потребляющие (нахальство — второе счастье. — Е. П.).»

Для поволжских губерний 1917 год был неурожайным. В начале 1918 г. хлеб здесь можно было достать лишь с применением вооруженной силы. На это решился лишь Саратовский губисполком, проведя реквизиции в 59,7% волостей. За счет внутренних ресурсов губернии было удовлетворено большинство нуждающихся, привозной хлеб распределялся лишь в 14% волостей... (Интересно, а откуда его привозили? — Е. П.)

Государство пыталось получить хлеб в обмен на товары. Это был единственный способ избежать обострения ситуации. В апреле для расширения товарообмена с деревней Совнарком отпустил Наркомату

продовольствия товаров первой необходимости на 1162 млн. руб. За эти товары власти рассчитывали получить 230 тыс. вагонов (230 млн пудов) продовольствия. Однако товарообмен дал лишь 6,7% от ожидаемого. Советы не сумели организовать обмен товаров на хлеб. К тому же большая часть товаров попала в руки противников Советской власти, поскольку была направлена в наиболее хлебные районы страны, вскоре захваченные контрреволюционными силами»¹.

Как видим, попытка наладить бартерную торговлю увенчалась полным крахом. Оставалось лишь упорно отстаивать хлебную монополию, расплачиваясь давно уже почти ничего не стоящими бумажками. Как относились к этому владельцы хлебных запасов? Ясно, как — отрицательно...

«В Воронежской губернии, где имелось 7 млн пудов хлебных излишков, из них 3 млн обмолоченных, крестьяне скармливали хлеб скоту, изводили на самогон, но не давали заготовителям. В Бобровском уезде три дня шло сражение заготовителей с крестьянами, не дававшими вывозить хлеб с ссыпных пунктов на железнодорожную станцию. В результате боя было много убитых и раненых. Курская губерния из 16,7 млн пудов излишков за четыре месяца 1918 г. поставила по нарядам центра только 116 вагонов (116 тыс. пудов), в то время как спекулянты и мешочники вывезли из губернии 14 млн пудов хлеба»². Под именем «крестьян» здесь лукаво прячутся кулаки и немногие богатые середняки — прочие сельские жители не имели хлебных излишков и в этом гешефте не участвовали иначе, как рядовыми исполнителями, чье усердие оплачивалось хлебными подачками.

И все это при том, что нехлеббородные губернии голодали, да и во многих хлеббородных сеять было нечем, поскольку семена съели зимой.

«В г. Бельске (Смоленская губ.) голодной толпой был расстрелян уездный Совет. В Смоленской губернии толпы крестьян по 300–400 человек производили насилия над продовольственными работниками. В голодающей Калужской губернии крестьяне получали не более 2–3 фунтов хлеба в месяц. Во многих местах к весне были съедены семена и поля остались незасеянными. Петроградская губерния за четыре месяца получила лишь

¹ Осипова Т. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. С. 80–81.

² Там же. С. 77.

245 вагонов хлеба. В Псковской губернии к весне 50% детей опухли от голода. В поисках хлеба одна деревня нередко обыскивала другую, что приводило к кровопролитным столкновениям»¹.

Бунтов той зимой было немного, но нападения на отряды уже начались. Вот лишь один пример. В Нижегородской губернии, в Княгининском уезде, действовал реквизиционный отряд под командованием некоего коммуниста Павлова. Работал отряд хорошо, умел на своем пути организовать бедноту против кулаков и выполнить задачу. Однажды ночью в селе Большое Мурашкино около двухсот человек во главе с местными кулаками и торговцами окружили отряд и расправились с ним. Павлов погиб. Если бы это была реквизиционная команда Добровольческой армии, то на следующее утро от села осталась бы выжженная пустошь, заваленная трупами жителей. Однако Нижегородский губисполком по этому пути не пошел. В село направили усиленный отряд, который провел расследование инцидента. Были расстреляны три человека и четверо арестованы. Кроме того, на кулаков наложили контрибуцию в 600 тыс. рублей. Вообще взыскания с сельских богачей после каждого случая выступления против реквизиций были распространены повсеместно. Оно, конечно, нехорошо брать деньгами за человеческие жизни, да еще на основе круговой поруки... а села жечь лучше, что ли?

Это еще не повстанческое движение, не крестьянская война. Это лишь отдельные выступления, не прикрытые участием масс. И поэтому очень хорошо видно, кто за ними стоит. Бедняку нет резона биться за твердые цены и против хлебной монополии — ведь зерно забирают не у него. Более того, ему с этого зерна и отсыпать могут на бедность.

К весне обстановка еще обострилась. Кулаки не подпускали к своим амбарам учетные комиссии, а если на село приходил отряд, оказывали вооруженное сопротивление. Губернские продкомитеты хлебопроизводящих областей, а также многие уездные под давлением снизу отменяли твердые цены, запрещали вывоз хлеба из губерний, вводили свободную торговлю — всяк молодец на свой образец.

Впрочем, отмена монополии, производившаяся местными Советами под предлогом того, что после этого хлеб-де появится в продаже, толку не давала никакого. 4-й крестьянский съезд Казанской губернии разрешил вольную продажу хлеба. После этого цены тут же взлетели до

¹ Там же. С. 77.

небес, в деревнях пуд ржаной муки стоил 70–80 рублей, а на рынке хлеба не было. Все вывозили мешочники и спекулянты, ставшие настоящим бедствием. В одну Тамбовскую губернию еженедельно прибывали до 50 тысяч мелких спекулянтов. Они сбивались в стаи, подкупали железнодорожников, нанимали матросов и солдат для охраны своих вагонов, вступали в бой с реквизиционными отрядами.

Весной, на пике голода, началось повсеместное наступление на местную власть. Первые волостные Советы избирались на три месяца, и в марте — апреле как раз подошел срок перевыборов. Голодающие крестьяне за ничтожные подачки, а то и просто за обещания достать хлеб переизбирали или разгоняли неугодные Советы, передавали власть в деревне кулакам. Голодные толпы громили органы власти.

С переходом местных Советов под контроль кулаков обстановка стала катастрофической. Власть лишалась основного звена в борьбе за хлеб. Надо было срочно искать выход.

К концу весны ситуация была следующей. Для поддержания населения потребляющих губерний хотя бы на голодном пайке требовалось 35 млн пудов хлеба в месяц. Из деревни удавалось взять 15–20 млн пудов, а до места назначения доходило процентов двадцать — отчасти из-за низкой пропускной способности железных дорог, отчасти и по причине воровства. В конце мая белые захватили основные хлебопроизводящие районы страны, дававшие 85% товарного хлеба, и стало совсем плохо.

Глава 3

ДИКТАТУРА ХЛЕБА

Если невозможно победить по правилам — надо побеждать, как получится.

Сергей Буркатовский. Вчера будет война

К маю большевики начали понимать, что в демократию, кажется, доигрались — хватит! Дальнейшее народовластие означало хаос и смерть. Надо было либо самоустраняться и бросать страну на произвол судьбы, либо устанавливать диктатуру и брать хлеб военной силой.

О том, насколько остро стояла продовольственная проблема, косвенно говорит тот факт, что в конце мая второй человек в советском правительстве — Сталин — был назначен руководителем продовольственного дела на юге России. При том, что, право же, он имел чем заняться и в столице.

Линия фронта проходила не между государством и крестьянами, как нас теперь пытаются уверить, — крестьянам самим было жрать нечего. Даже в хлебопроизводящих губерниях, кроме самых богатых, осенью 1918 года по бедности от хлебопоставок были освобождены 50–60% дворов. Ленин, когда речь зашла о благосостоянии крестьян, предложил установить границу: тех, у кого количество хлеба с учетом нового урожая превышает необходимый минимум вдвое и больше (т. е. по 24 пуда на человека), считать... вы думаете, середняками? Ага, конечно! Богатыми он предложил их считать! (Это, опять же, к вопросу об изобилии, в котором купалась Ъ-Россия).

Линия фронта проходила между государством и держателями хлебных запасов, кто бы они ни были — кулаки, помещики, торговцы и отчасти середняки — но только отчасти: с одной стороны, советская власть велела их беречь, с другой — слишком близко они стояли от того, чтобы спуститься до черты бедности. Один неурожай — и ага...

Причиной конфликта являлись цены — правительство проводило хлебную монополию и устанавливало твердые цены, кулаки и торговцы требовали цен вольных, коммерческих, чего государство, во избежание массовой гибели своих граждан от голода, допустить не могло.

При этом кулаки, даже лишившись земли, сохранили влияние на деревенские дела — и по обычаю, и как владельцы хлеба, инвентаря и рабочего скота. Деревня часто выступала против инициатив властей как единая сила не потому, что интересы ее обитателей совпадали, а потому, что, по поговорке, «придет весна — и ты хлебушка попросишь». А вот когда попросишь, тогда и вспомним, что ты говорил, когда решали насчет хлебных цен.

Естественно, при таких аргументах сельская буржуазия легко захватила власть в местных Советах. Государство лишилось возможности влиять на положение на местах: Советы теперь уже откровенно не подчинялись не только ВЦИКу, но даже и губернским властям. К весне деревня собралась, мобилизовалась и начала проводить свою политику: никаких хлебопоставок, даешь вольные цены!

Насколько может быть слепа толпа, мы сами наблюдали во время перестройки. Когда люди, имевшие как минимум среднее образование и соответствующий культурный уровень, поддавались на самые простые и примитивные лозунги, в итоге позволив разграбить и растащить на куски собственную страну. Ведь поддержка реформ была общенародной — помните? А лозунги и идеи? Перспектива свободной торговли яркими тряпками и возможность есть клубнику зимой превозмогли все. Что получилось в итоге, мы знаем.

Так чего же мы, пардон, хотим от мужиков? Даже деревенский кулак, как бы интеллектуальная элита села, не мог объять умом тот простой факт, что вольные цены ведут к вымиранию населения городов. И пусть он, в соответствии с Марксом, готов был взять грех на душу и сохранить свои прибыли такой ценой — так ведь ему же, кулаку, в итоге станет хуже. Что он будет делать со своим хлебом без промышленных товаров, а пуще того, без железных дорог, так что и за границу хлеб не вывезешь? А про остальных и речи нет...

Мощь миллионов крестьян была несоизмерима ни с какой военной силой, которую могло выставить новорожденное государство. Если строить нормальный прогноз, из области *возможного*, что должно было произойти?

Власть еще какое-то время потрепыхается, после чего ее, как говорил в свое время господин Рябушинский, «задушит костлявая рука голода». Допустим, придут белые. Но ведь и они окажутся точно перед той же задачей — кормить армию, кормить города. А поскольку у белых единственной идеологией было стремление загнать на место возмнившего о себе «хама», то на село придут такие реквизиционные команды, после которых о красных продотрядах станут вспоминать с ностальгической слезой. Можно сколько угодно клеймить большевиков за жестокость по отношению к крестьянам — но белые уж всяко не лучше, это доказано неоднократно. Ну а потом — все те же англосаксонские идеалы, только проводимые под дулом пулеметов, и новый виток сословного общества с радостно вспыхнувшим по случаю победы над «хамом» социальным расизмом. Плюс, конечно, патронат развитых стран над нашими природными богатствами, отличающийся от колониализма лишь тем, что проводить его будут местные кадры.

Не такой уж это архисложный прогноз, чтобы его не могли выстроить в 1918 году.

Советское правительство имело еще одно «обременение» — оно, как народная власть, не могло позволить себе сорваться в массовый террор. Во всех правительственных документах того времени (естественно, не пропагандистских, а реальных) видно, что власть пыталась по возможности не допустить насилия над трудящимися. Естественно, сделать это на сто процентов было абсолютно невозможно — но представляете, что бы началось, если бы центр не сдерживал¹ местную инициативу?

Задачи эти в полном объеме решения не имели. Можно было попытаться решить их в некоем очень грубом, нулевом приближении — но и для этого большевики должны были извернуться каким-то совершенно уже невероятным образом, придумать что-то экстраординарное.

Они не посрамили честь красного флага, придумали. Им удалось-таки создать механизм — остроумный и достаточно эффективный. Он состоял из трех составляющих: Наркомпрод, Продармия и комбеды.

¹ Сдерживал он конкретно — вплоть до трибуналов и расстрелов. Об аналогичной деятельности белых читать не приходилось.

Главный наркомат

Товарищи крестьяне! Ссыпка хлеба прекратилась. Причины установлены. Вы сознательно не хотите давать хлеба. Мы вас спрашиваем: «Кому вы отказываете в этом необходимом куске хлеба?» Вашим же братьям-крестьянам голодных губерний, тем, которые в силу исторических условий очутились на плохой почве... Затем вы отказываете рабочим, которые работают на фабриках и заводах и которые в силу существенных социальных условий вышедши из ваших же деревень... Они мрут в мучительной голодной агонии в Москве и Петрограде, из очереди выносят мертвых и каждое утро в комнатах квартир находят не по одному умершему от голода. Вот кому вы отказываете, запрятав свой хлеб в амбарах.

*Из обращения Сердобского уездного исполкома
Самарской губернии к крестьянам*

...Приехав в начале июня в Царицын, Сталин очень быстро наложил руку на все, что происходило в городе: на дела железнодорожные, советские, военные. По поводу чего много и постоянно говорится о его властолюбии и о недопустимом превышении полномочий. Ничего подобного: он как руководитель продовольственного дела на юге России какие бы распоряжения ни отдавал, все равно из рамок бы не вышел. Ибо имел право на все.

За месяц до того, когда казалось, что гражданская война уже закончилась или вот-вот закончится и главной задачей Советской власти является дотянуть до очередного урожая, нарком продовольствия Цюрупа сделал доклад на заседании Совнаркома и в заключение попросил чрезвычайных полномочий. Через пять дней, 13 мая, он получил то, что просил. Отмеченный этим числом декрет так и назывался: «О предоставлении Народному комиссариату по Продовольствию чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими».

В декрете говорилось:

«Гибельный процесс развала продовольственного дела страны, тяжкое наследие четырехлетней войны, продолжает все более расширяться и обостряться. В то время как потребляющие губернии голодают,

в производящих губерниях в настоящий момент имеются по-прежнему большие запасы даже не обмолоченного еще хлеба урожая 1916 и 1917 годов. Хлеб этот находится в руках деревенских кулаков и богатеев, в руках деревенской буржуазии. Сытая и обеспеченная, скопившая огромные суммы денег, вырученных за годы войны, деревенская буржуазия остается упорно глухой и безучастной к стонам голодающих рабочих и крестьянской бедноты, не вывозит хлеба к ссыпным пунктам в расчете принудить государство к новому и новому повышению хлебных цен и продает в то же время хлеб у себя на месте по баснословным ценам хлебным спекулянтам-мешочникам.

Этому упорству жадных деревенских кулаков-богатеев должен быть положен конец. Продовольственная практика предшествующих лет показала, что срыв твердых цен на хлеб и отказ от хлебной монополии, облегчив возможность пиришества для кучки наших капиталистов, сделал бы хлеб совершенно недоступным для многомиллионной массы трудящихся и подверг бы их неминуемой голодной смерти.

На насилие владельцев хлеба над голодающей беднотой ответом должно быть насилие над буржуазией.

Ни один пуд хлеба не должен оставаться на руках держателей, за исключением количества, необходимого для обсеменения их полей и на продовольствие их семей до нового урожая.

И это необходимо провести в жизнь немедленно, особенно после оккупации Украины германцами, когда мы вынуждены довольствоваться хлебными ресурсами, которых едва лишь хватает для обсеменения и урезанного продовольствия.

Обсудив создавшееся положение и принимая во внимание, что только при строжайшем учете и равномерном распределении всех хлебных запасов Россия выбьется из продовольственного кризиса, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановил:

1) Подтверждая незыблемость хлебной монополии и твердых цен, а также необходимость беспощадной борьбы с хлебными спекулянтами-мешочниками, обязать каждого владельца хлеба весь избыток сверх количества, необходимого для обсеменения полей и личного потребления по установленным нормам до нового урожая, заявить к сдаче в недельный срок после объявления этого постановления в каждой волости. Порядок этих заявок определяется Народным комиссариатом по продовольствию через местные продовольственные органы.

2) Призвать всех трудящихся и неимущих крестьян к немедленному объединению для беспощадной борьбы с кулаками.

3) Объявить всех, имеющих излишек хлеба и не вывозящих его на ссыльные пункты, а также расточающих хлебные запасы на самогонку, — врагами народа, предавать их революционному суду, заключать в тюрьму на срок не менее 10 лет, подвергать все имущество конфискации и изгонять навсегда из общины, а самогонщиков сверх того присуждать к принудительным общественным работам.

4) В случае обнаружения у кого-либо избытка хлеба, не заявленного к сдаче согласно пункту 1-му, хлеб отбирается у него бесплатно, а причитающаяся по твердым ценам стоимость незаявленных излишков выплачивается в половинном размере тому лицу, которое укажет на сокрытые излишки, после фактического поступления их на ссыльные пункты, и в половинном размере — сельскому обществу. Заявления о сокрытых излишках делаются местным продовольственным организациям.

Принимая затем во внимание, что борьба с продовольственным кризисом требует применения быстрых и решительных мер, что наиболее плодотворное осуществление этих мер требует в свою очередь централизации всех распоряжений продовольственного характера в едином учреждении и что таким учреждением является Народный комиссариат по продовольствию, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет для более успешной борьбы с продовольственным кризисом предоставить народному комиссару по продовольствию следующие полномочия:

1) Издавать обязательные постановления по продовольственному делу, выходящие за обычные пределы компетенции Народного комиссариата по продовольствию.

2) Отменять постановления местных продовольственных органов и других организаций и учреждений, противоречащие планам и действиям народного комиссара.

3) Требовать от учреждений и организаций всех ведомств безоговорочного и немедленного исполнения распоряжений народного комиссара в связи с продовольственным делом.

4) Применять вооруженную силу в случае оказания противодействия отбиранию хлеба или иных продовольственных продуктов.

5) Распускать или реорганизовывать продовольственные органы на местах в случае противодействия их распоряжениям народного комиссара.

6) Увольнять, смещать, предавать революционному суду, подвергать аресту должностных лиц и служащих всех ведомств и общественных организаций в случае дезорганизующего вмешательства их в распоряжения народного комиссара.

7) Передавать настоящие полномочия (кроме права подвергать аресту, пункт 6) другим лицам и учреждениям на местах с одобрения Совета Народных Комиссаров.

8) Все мероприятия народного комиссара, связанные по характеру их с ведомствами путей сообщения и Высшего совета народного хозяйства, осуществляются по совещанию с соответствующими ведомствами.

9) Постановления и распоряжения народного комиссара, издаваемые в порядке настоящих полномочий, проверяются его коллегией, имеющей право, не приостанавливая исполнения, обжаловать их в Совет Народных Комиссаров.

Настоящий декрет вступает в силу со дня его подписания и вводится в действие по телеграфу».

Обратите внимание, о крестьянах здесь речи нет.

Тогда же Наркомпродом были установлены нормы потребления для хлебопроизводящих губерний — тот минимум, который не подлежал реквизиции. Нормы были вполне пристойными: в год 12 пудов зерна и пуд крупы на человека, 18 пудов на лошадь, 9 — на голову крупного рогатого скота, 3 — мелкого. До войны среднее годовое потребление крестьянина составляло от 13, 7 до 15, 8 пуда на душу — ну так ведь это среднее. У зажиточных крестьян оно было еще выше — до 18 пудов. Наркомпродовские цифры тоже не с потолка взялись — это так называемый «физиологический минимум» довоенного образца. В 1906 году данный уровень потребления был зарегистрирован в 235 уездах с населением 44,4 млн человек — хотя в тот год не было войны.

27 мая принят еще один декрет: «О реорганизации Народного комиссариата по Продовольствию и местных продовольственных органов», определявший структуру органов Наркомпрода и его полномочия. Все учреждения и организации должны были немедленно исполнять распоряжения работников продовольственных органов, последние имели

право подвергать аресту и суду дезорганизаторов продовольственного дела, а также применять вооруженную силу. Кроме продовольствия, Наркомпрод ведал снабжением населения другими предметами первой необходимости. Чтобы предупредить ситуацию весны 1918 года и застраховать наркомат от влияния хлеботорговцев, в продорганы производящих губерний вводились представители потребляющих губерний (слово «потребляющие» на языке того времени было синонимом слова «голодающие»), причем на уездном уровне они могли составлять до половины общего числа работников.

Продорганы отвечали за судьбу хлеба начиная от ссыпного пункта — за его транспортировку, распределение и пр. Но ведь хлеб надо было на эти пункты еще привезти, изъев его из деревни, — а как это сделать? И вот тут-то большевики придумали совершенно замечательный механизм, сочетание, которое позволяло взять хлеб самым бескровным из всех возможных способов.

Продотряд + комбед в теории...

«Власть» тосковала по «твердыне»,
«Твердыня» плакала по «власти».
К довольству общему — отныне
В одно слилися обе части.

Дельян Бедный

Тем же декретом от 27 мая были приведены к одному знаменателю многочисленные разнокалиберные реквизиционные отряды, бродившие по губерниям. Как мы помним, Ленин предлагал «сосредоточить 9/10 работы Военного комиссариата на переделке армии для войны за хлеб и на ведении такой войны». Ильич, как с ним часто бывало, отмерил на порядок больше, чем отрезали¹. Естественно, РККА переделывать под добывание хлеба не стали, да и никак было — всю разгоралась Гражданская война.

¹ Хотя я подозреваю, что он сознательно предлагал экстремальные решения, по ходу борьбы с которыми Совнарком принимал те варианты, которые в обычной обстановке не прошли бы. В точности так, как директор завода советских времен вдвое завышал смету, ее урезали, и в итоге он получал столько, сколько требовалось.

Власти пошли по другому пути: создание самостоятельных вооруженных сил Наркомпрода. При местных органах наркомата были учреждены продотряды, и практически сразу в соответствии с ленинской идеей милитаризации продовольственного дела началось формирование единой Продармии. Продармейцы по своему статусу находились на положении красноармейцев. Как правило, формировались отряды из городских рабочих и крестьян голодающих губерний. Двойной плюс: и безработицу хоть на какой-то процент уменьшали, и уж кто-кто, а эти люди не станут испытывать добрых чувств к укрывателям хлеба, в своем деле они будут последовательны и беспощадны.

Все организованные на местах продотряды направляли сначала в Москву, в распоряжение Наркомпрода, или в Вязьму, где находилась запасная база Продармии. Там из них формировали продовольственные полки — сперва пехотные, а к середине июня управление Продармии приступило к организации кавалерийских частей и артбригады. Бойцы проходили строевое обучение, получали оружие, агитационную литературу. Естественно, и в Продармии всякое бывало — но все же она являлась по тем временам чрезвычайно дисциплинированной и организованной силой. К 15 июня она насчитывала 2867 человек, к 25 июня — 4854, к 5 июля — 6999 и к 15 июля — 9189 человек. 23 июля численность Продармии составила 10140 человек, из которых около 8 тысяч уже выехали на места.

Обязанности у продотрядов были намного шире, чем у обычных реквизиционных команд. Кроме собственно получения продовольствия, они занимались охраной продовольственных грузов, борьбой с мешочниками, подавлением вспыхивающих время от времени мятежей, агитационной работой — в общем, всем, что имело отношение к продовольственной политике. Кроме того, при необходимости они помогали органам власти, а то и заменяли их, при случае участвовали в боевых действиях.

В начале ноября 1918 года в Продармии насчитывалось почти 30 тысяч человек. Затем, поскольку война разгоралась не на шутку, две трети личного состава отправили на фронт. Тут же упали темпы хлебозаготовок, после чего процесс пошел в обратную сторону. На 1 мая 1919 года в рядах борцов за хлеб состояло 25 213, в 1919 году — 45 440 и на 1 сентября 1920 года — 77 550 человек. Лишь после перехода к нэпу эта структура была расформирована.

Существовали и продотряды, не входившие в Продармию. В августе вышли декреты, дававшие право на организацию таковых профсоюзам,

фабзавкомам, уездным и городским советам. Половину заготовленного хлеба получала организация, вторую половину — Наркомпрод. На помощь крестьянам в уборку посылались специальные уборочно-реквизиционные отряды. С августа на железнодорожных станциях и пристанях появились и заградительные отряды, конфисковывавшие продовольствие, которое провозили пассажиры сверх установленной нормы. Отличить все эти команды друг от друга достаточно сложно, но когда речь идет о конкретных злоупотреблениях, обычно в них оказываются замешанными как раз местные органы и их вооруженные формирования — чем ниже уровень, тем хуже с кадрами. Хотя, повторюсь, всякое бывало.

Собственно, ничего необычного в создании продотрядов нет. Как ни называй реквизиционную команду, без нее не обходится ни одна революция и ни одна серьезная война. Необычным стало то, что продотряды, хоть и являлись внешней вынуждающей силой, должны были опираться не на голое насилие — как, например, реквизиционные команды белых армий — и даже не на насилие плюс агитацию. По задумке, они должны были работать во взаимодействии с местными органами. Но какими? Советы уже один раз не справились, а весной и вообще большей частью перешли под влияние кулаков. Снова устраивать пере выборы? Долго да и непонятно, чем закончится.

Советская власть пошла по другому пути. 20 мая с докладом о положении Советов в деревне выступил председатель ВЦИК Свердлов. Тогда-то впервые и прозвучал новый курс властей. Свердлов предлагал «разжечь гражданскую войну в деревне», взяв курс на организацию деревенской бедноты, которую можно было бы противопоставить кулакам. Не слишком красиво с точки зрения высокой морали — но, согласитесь, более гуманно, чем порки и расстрелы.

В соответствии с курсом на раскол села (давно уже, кстати, расколото) 11 июня 1918 года был подписан еще один знаковый декрет того времени — «Об организации деревенской бедноты и снабжения ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями». Этот декрет положил начало комитетам бедноты, или комбедам, как структуре, на которую могла бы опереться власть в борьбе за хлеб.

«§ 1

Повсеместно учреждаются волостные и сельские комитеты деревенской бедноты, организуемые местными Совдепами, при обязательном

участии продовольственных органов и под общим руководством Народного комиссариата продовольствия и Центрального Исполнительного Комитета. Всем Совдепам предлагается немедленно приступить к проведению в жизнь настоящего декрета. Губернские и уездные Совдепы должны принять самое активное участие в организации комитетов бедноты. На губернские и уездные Совдепы возлагается ответственность в равной мере с волостными и сельскими Совдепами за неукоснительное осуществление настоящего декрета.

§ 2

Избирать и быть избранными в волостные и сельские комитеты бедноты могут все без каких бы то ни было ограничений, как местные, так и пришлые, жители сел и деревень, за исключением заведомых кулаков и богатеев, хозяев, имеющих излишки хлеба или других продовольственных продуктов, имеющих торгово-промышленные заведения, пользующихся батрацким или наемным трудом и т. п.

Примечание. Пользующиеся наемным трудом для ведения хозяйства, не превышающего потребительской нормы, могут избирать и быть избираемы в комитеты бедноты.

§ 3

В круг деятельности волостных и сельских комитетов бедноты входит следующее:

- 1) Распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий.
- 2) Оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев.

§ 4

Круг лиц, снабжение которых хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями составляет обязанность волостных и сельских комитетов бедноты, определяется самими комитетами.

Примечание. Постановления, принимаемые в связи с этим волостными и сельскими комитетами бедноты с согласия уездных продовольственных органов, могут отменяться высшими продовольственными органами, если они противоречат основным целям организации деревенской бедноты.

§ 5

Образуемые местными продовольственными органами в зависимости от наличных запасов и от степени нужды населения особые запасы

хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий поступают в ведение волостных комитетов бедноты.

§ 6

Распределение на указанных ниже льготных условиях хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий между деревенской беднотой производится сельскими комитетами по спискам, составляемым ими же и утверждаемым волостными комитетами бедноты.

Примечание. Распределительные списки, составляемые сельскими комитетами бедноты и утверждаемые волостными, могут быть опротестованы уездными и губернскими Совдепами и соответственными продовольственными органами.

§ 7

Распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий производится по нормам, вырабатываемым губернскими продовольственными органами, в строгом соответствии с общими планами снабжения Народного комиссариата по продовольствию и нормами, устанавливаемыми губернскими продовольственными органами.

Примечание. В зависимости от степени нужды в хлебе в потребляющих районах и успешности изъятия хлеба из рук кулаков и богачей размеры хлебного пайка, выдаваемого бедноте, могут изменяться в разные периоды распределения губернскими продовольственными органами.

§ 8

Временно, впредь до особого распоряжения народного комиссара продовольствия, устанавливаются следующие правила распределения хлеба:

а) из хлебных излишков, по распределению губернскими и уездными Совдепами и соответственными продовольственными организациями изъятых полностью из рук кулаков и богачей и ссыпанных в государственные хлебные запасы до 15 июля с. г., выдача хлеба деревенской бедноте производится по установленным нормам бесплатно, за счет государства,

б) из хлебных излишков, изъятых из рук кулаков и богачей после 15 июля, но не позднее 15 августа с. г., выдача хлеба бедноте производится по установленным нормам за плату со скидкой 50% с твердой цены,

в) из хлебных излишков, изъятых из рук кулаков в течение второй половины августа, выдача хлеба деревенской бедноте производится по установленным нормам за плату со скидкой 20% с твердой цены.

§ 9

Временно, впредь до особого распоряжения народного комиссара продовольствия, устанавливаются следующие основания, на которых волостными комитетами бедноты распределяются предметы первой необходимости и простейшие сельскохозяйственные орудия:

а) в волостях, где к 15 июля хлебные излишки по определению губернских и уездных Совдепов и соответственных продовольственных организаций окажутся полностью изъятыми из рук кулаков и богатеев, предметы первой необходимости и простейшие сельскохозяйственные орудия отпускаются бедноте со скидкой 50% с установленных цен,

б) в волостях, где хлебные излишки будут изъяты из рук кулаков и богатеев к 15 августа, предметы первой необходимости и простейшие сельскохозяйственные орудия будут отпускаться со скидкой 25% с установленных цен,

в) в волостях, где хлебные излишки окажутся изъятыми из рук кулаков и богатеев в течение второй половины августа, предметы первой необходимости и простейшие сельскохозяйственные орудия отпускаются бедноте со скидкой 15% с установленных цен.

§ 10

В распоряжение волостных комитетов бедноты передаются сложные сельскохозяйственные орудия для организации общественной обработки полей и уборки урожая деревенской бедноты, причем за пользование такого рода орудиями плата не должна взиматься в местностях, где волостными и сельскими комитетами бедноты будет оказываться энергичное содействие продовольственным органам в изъятии излишков из рук кулаков и богатеев.

§ 11

Для осуществления настоящего декрета в распоряжение Народного комиссариата по продовольствию отпускаются необходимые денежные средства в необходимых размерах, по мере надобности, по постановлениям Совнаркома».

Надо сказать, что и комбеды не большевики придумали. Оказавшись перед лицом голода и того, что кулацкие и середняцкие Советы не на-

мерены помогать беднякам, те стали создавать свои организации уже весной 1918 года. Например, в Тверской губернии повсеместно сами собой возникали «комитеты голодных», которые как могли помогали в учете и реквизиции хлеба. Такие же организации появлялись и в других губерниях. Возникали солдатские и бедняцкие секции при местных Советах, кое-где организовывались вооруженные отряды. Так что в мае власти ничего не придумали, а просто дали единое название и единый образный статус организациям, которые и до того существовали на селе.

Первоначально обязанности комбедов ограничивались в основном добыванием и распределением продовольствия. Они должны были помогать продорганам в изъятии хлеба у кулаков, за что получали бесплатно или по льготным ценам определенный процент реквизированного хлеба. Комбеды же распределяли продовольствие, предметы первой необходимости, сельхозорудия. Естественно, если бы они действовали сами по себе, на селе началось бы черт знает что либо не произошло бы вообще ничего — в зависимости от конкретной ситуации. Но ведь кроме комбедов существовали еще и продотряды! В этой связке и была изюминка всего замысла.

Работа отрядов, согласно инструкции Наркомпрода, организовывалась следующим образом. Продотряд приходил в деревню, собирал на сход бедняков и бывших фронтовиков и предлагал им избрать комитет бедноты. Населению зачитывали приказ о сдаче всего огнестрельного оружия под угрозой строгой ответственности, вплоть до расстрела. Все, конечно, не сдавали, однако кое-кто нес. Собранным оружием вооружали бедняков — из расчета от 20 до 50 винтовок на село.

Затем начинался тщательный учет всех запасов хлеба. Из собранного зерна выдавали паек деревенским беднякам из расчета 30 фунтов в месяц на человека. Прочие излишки предписывалось в течение трех дней свезти на ближайший ссыпной пункт, а всякий, кто уничтожит или спрячет хлеб, будет объявлен государственным изменником. (Впрочем, никакой конкретной кары это объявление, по-видимому, не несло.)

Потом отряд уходил в следующую деревню, при этом поддерживая постоянную связь со ссыпным пунктом. Если хлеб не привозили к сроку, отряд возвращался и приступал к реквизиции по заранее составленному списку. В этом случае за хлеб платили половинную цену (уже смягчение по сравнению с ранее принятыми решениями) плюс к тому удерживали плату за провоз его до ссыпного пункта. (Отсюда следует, что объявление

государственным изменником было чем-то вроде объявления «врагом народа» — мерой чисто моральной.) Тем, кто оказывал отрядам вооруженное сопротивление, полагался расстрел на месте. (Хотя в реальности, как мы увидим, и эта мера не применялась.)

Первые два месяца после декрета комбеды организовывались вяло. Мешала, с одной стороны, страда, с другой — резкое обострение Гражданской войны, мобилизация. В общем, не до того было. Однако к августу телега все же сдвинулась, хотя и по весьма извилистой траектории.

...и на практике

«Пожалуй-ка, дед, на ночевку.
Видать, что намаялся ты».
«Куда я пришел?»
«В Пугачевку».
«А тут?»
Комитет бедноты.
Прохожему утром — обновка,
Одет с головы и до ног.
Рубаха, штаны и поддевка,
Тулуп, пара добрых сапог.
«Бери! Не стесняйся! Чего там!
Бог вспомнил про нас, бедняков.
Была тут на днях живоглотам
Ревизия их сундуков».
Надевши тулуп без заплатки,
Вздыхнул прослезившийся дед.
«До этого места, ребятки,
Я шел ровно семьдесят лет!»

Демьян Бедный

...Первый петроградский образцовый продотряд работал в Сарапульском уезде Вятской губернии. По подсчетам местных работников, только от урожая 1917 года к лету 1918-го там сохранилось 800 тыс. пудов излишков (всего по губернии — 5,5 млн). Кроме того, оставался хлеб еще предыдущих урожаев, который часто лежал необмолоченным в скирдах — иные насчитывали до 15 лет.

Советы губернии, едва столкнувшись с трудностями в хлебозаготовках, пошли на поводу у держателей хлеба и принялись поднимать закупочные цены, повысив их в итоге в 6–7 раз. Вполне закономерно, ибо в местных Советах преобладали эсеры и меньшевики, стоявшие за свободную торговлю. Впрочем, кулаки все равно предпочитали продавать хлеб спекулянтам. Те ожидали подхода обозов на станциях и пристанях, превращенных в своеобразные ярмарки, сбивались в вооруженные отряды.

Продотряд начал свою работу с реквизиции хлеба у мешочников — за три дня в одном только Сарапульском уезде было конфисковано около 30 тысяч пудов. И лишь затем наступила очередь хлебозаготовок по деревням. Но для начала пришлось заняться Советом.

«С первых же дней приезда в Сарапуль питерским продотрядникам пришлось взять на себя роль, далеко выходящую за пределы хлебозаготовок... На специально созванном заседании Совета с участием представителей фабрично-заводских комитетов один из руководителей выступил с требованием переизбрания Совета. „В Совете не место тем, кто эксплуатирует чужой труд“, — заявил он... 10 июля была образована комиссия по перевыборам Совета, в которую был введен представитель питерского продотряда, фактически руководивший новыми выборами. Часть продотрядников была вынуждена остаться в Сарапуле для партийной и советской работы...»¹

Из реплики командира продотряда насчет чужого труда сразу видно, что представлял собой местный Совет. К тому времени держать там подобных депутатов было уже незаконно — в начале июля приняли первую советскую Конституцию. Так что превозмогли, хотя и не без труда.

А в дополнение к прочим радостям бытия уезд был населен инородцами — удмуртами, которые в большинстве своем не говорили по-русски.

Эксцессы случались всякие. В одном селе отряд встретили стрельбой. Оказалось, что их приняли за чехословаков — по-видимому, братья-славяне имели к тому времени уже вполне конкретную репутацию. В другом селе, где тоже стреляли, выяснилось, что продармейцев посчитали бандой, которая наведася как раз накануне. Продотрядовцы, разобравшись в инциденте, не стали применять к крестьянам инструкцию о расстреле, а вместо того отправились по следам бандитов, которых

¹ Беркевич А. Петроградские рабочие в борьбе за хлеб. С. 87–88.

сумели изловить, отобрали награбленное, а самих тут же поставили к стенке (в соответствии с декретом «Социалистическое Отечество в опасности!»). После этого хлебозаготовки прошли успешно. Ну и, конечно, самым сильным аргументом было то, что часть собранного хлеба бесплатно выделялась беднякам.

За месяц работы этот отряд заготовил в уезде 63 тыс. пудов хлеба. А всего в Вятской губернии было получено около 500 тыс. пудов.

Второй петроградский продотряд работал в Пермской губернии. Там, по-видимому, провели какую-то подготовительную работу, потому что во многих селах к приходу отряда уже были готовы списки тех, кто прятал излишки. Работа шла более гладко, чем в Вятской губернии, произошло всего одно серьезное столкновение, зато чрезвычайно показательное — во всех смыслах.

Случилось это в одном из сел Камышловского уезда. Продотряд обнаружил у церковного старосты 3 тысячи пудов пшеницы, хранившейся аж с 1916 года. Хлеб, как явствует из отчета, оплатили по твердой цене и погрузили на подводы. Пока продотрядовцы находились в селе, староста помалкивал, но едва те уехали, как он набатом поднял всю деревню, заявил, что его ограбили и ни копейки не заплатили (как там было на самом деле — Бог знает), а главное — что этот хлеб он и сам собирался бесплатно раздать беднякам. Поверили ему или же нет... но ежели односельчане отбили бы зерно, полностью улизнуть от выполнения обещания староста бы не сумел. А вот отряд, по-видимому, наказа о наделении зерном бедняков не выполнил, за что и поплатился.

Около двух сотен крестьян бросились в погоню за продармейцами. Те, увидев толпу, остановились и послали нескольких товарищей выяснить, что случилось. Едва они приблизились к крестьянам, как из толпы раздались выстрелы, один из бойцов упал. Тогда отряд открыл ответную стрельбу, и толпа тут же разбежалась. Во время перестрелки погиб и сам церковный староста, заваривший эту кашу.

Очень разными бывали местные руководители. Вот, например, весьма колоритный персонаж, встреченный в Вольском уезде Саратовской губернии, — некий Корень, председатель волостного Совета.

«В Барнуковке на общее собрание крестьян, созванное продотрядом, явилось менее 100 человек, тогда как в селе насчитывалось более 1000 дворов. Скоро выяснилась причина этого обстоятельства. Крестьяне в Барнуковке были так терроризированы самоуправством

Корень, что боялись приходить на собрания. В селе свирепствовала нагайка, которая даже как некий символ власти была вывешена на стене в волостном Совете. Процветали незаконные реквизиции и конфискации имущества, беспричинные аресты и т. п. В то же время на полях лежал неубранный хлеб...»¹

Означенный Корень мог бы, конечно, предусмотреть появление продотряда — но не предусмотрел, слишком увлекшись лозунгом о том, что вся власть Советам. За что и поплатился лишением хлебного места и следствием. Чем для него закончилась эта история, авторы донесения не рассказывают, ограничившись сообщением, что после этих событий в Барнуковке был полностью проведен учет хлеба.

Продотряды помогали крестьянам в уборке и обмолоте. Хозяева не торопились с обмолотом по очень простой причине: хлеб в скирдах трудно учитывать, и почти всегда удавалось преуменьшить его количество, что было выгодно всем жителям деревни. Так, в Булгаковской волости, по уверениям крестьян, урожай составлял не более 24 пудов с десятины, а после обмолота оказалось, что собрали в среднем по 40 пудов.

Впрочем, продотрядам чем только не приходилось заниматься. Мы уже писали о «нормализации» работы Совета в Сарапуле. Кроме того, они участвовали в боях с подступающими чехами и беяками, ликвидировали банды, выводили самогонщиков, сражались с мешочниками. Но и это лишь малая часть, ибо инициатива в те времена не наказывалась, а поощрялась.

«Продотряд оказывал огромную помощь комитетам бедноты на первых шагах их деятельности. Комбеды нуждались не только в культурных силах, но и просто в канцелярских работниках, которые могли бы написать нужную бумагу². Комитеты бедноты горячо брались за дело, но не всегда ясно представляли себе, как практически провести то или иное мероприятие. Естественно, что в начале своей деятельности они целиком опирались на силы продовольственного отряда...

В Ивановской волости с помощью продотряда комитет бедноты произвел учет скота и машин, в Старожуковской взял на учет все

¹ Там же. С. 149.

² Грамотность крестьян в те благословенные времена была около 30%, причем, как нетрудно догадаться, посылали детей в школу в основном зажиточные крестьяне.

мельницы и завод для выделывания кож, в Сосновской петроградские рабочие помогли организовать перепись дров, в Донгузской с их же помощью началась постройка кирпичного завода, в Балтайской волости на мельницах и на маслобойном заводе был организован рабочий контроль. Когда в Березниках владелец взятой на учет паровой мельницы стал саботировать, искусственно снижая ее производительность, комбед установил на мельнице свой контроль, а продотряд выставил для обеспечения контроля вооруженный караул.

Большую работу провел петроградский отряд по организации распределения товаров среди крестьянства. Соль, керосин и другие остродефицитные товары распределялись с участием представителей отряда. В Колоярской волости с помощью отряда комбед организовал советскую лавку. В Караваевской волости рабочие наладили работу в кооперативе, дела которого были совершенно расстроены...

В селе Ключах наладили школьное дело, до прихода отряда школы в названном селе не функционировали... В Барнуковской волости медицинские работники — участники отряда открыли приемный пункт, который обслужил более тысячи больных... Во всех селениях Балтайской волости отряд организовал библиотечки, снабдив их привезенной из Петрограда литературой. Там же были открыты клуб и бесплатная читальня. В селе Нижне-Чернявском, в бывшем помещичьем особняке, продотряд организовал народный дом... продотряд организовал культурно-просветительские общества почти во всех волостных центрах Вольского уезда и во многих деревнях... Культурно-просветительные общества устраивали чтения, концерты с хоровым пением, ставили спектакли и т. д.»¹.

Результат такого комплексного подхода оказался неплохим — там, где этот подход проводился. Даже из центральных продотрядов не все были достаточно дисциплинированы — что уж говорить о местных... В принципе, продармейцев можно понять: для людей из Питера или тем более с севера какая-нибудь Пермская губерния казалась земным раем — жители чистый хлеб едят, во дворах куры бегают, дети вон какие крепкие... Хлеб без примеси в потребляющих губерниях был роскошью, мало кому доступной, не говоря уже об остальных продуктах. Естественно, сопротивление местных жителей хлебозаготовкам вызывало у продотрядников

¹ Беркевич А. Петроградские рабочие в борьбе за хлеб С. 150–153.

ожесточение — мои детишки с голоду пухнут, а ты, гад, хлеб годами в скирдах держишь... У всякого своя правда, а как ее отстаивали — о том дальше... Само собой, и без мародерства не обходилось.

Но в целом подход, как уже говорилось, оказался продуктивным — хлебозаготовки сдвинулись с места, хотя и недостаточно. Гуманизм властей по отношению к деревне обернулся для городов голодной зимой 1919 года — самой страшной за всю Гражданскую войну. При том, что деревня еще не была разорена, как в дальнейшем, и хлеб имела.

...Если продотряды, организованные из рабочих и неплохо подготовленные, свою роль выполняли, как положено, то с комбедами все оказалось сложнее. Деревенские низы были неорганизованны, малограмотны, забиты, плохо представляли себе, что происходит в стране, и по обычаю верили и подчинялись верхам, а верхи стояли за вольные цены и, стало быть, против большевиков. Самые же активные и грамотные из бедноты, в первую очередь фронтовики, достаточно быстро оказались в армии. Это общий фон, на который наложились еще некоторые специфические факторы.

1. Неудачным оказалось само название. Рожденное в дни острейшей битвы за хлеб, по ходу практической работы оно породило те проблемы, которых большевики с самого начала пытались избежать. Идея Свердлова о разжигании «гражданской войны в деревне» (в переводе с революционно-романтического сленга на обычный язык это означало, что в борьбе за хлеб неплохо бы опереться не на продотряды, а на деревенскую бедноту, противопоставив ее кулакам) была, безусловно, разумна — но где должна пролечь линия фронта?

Линий естественного раскола деревни было несколько, ибо существовало как минимум четыре категории сельского населения. Градация по количеству пашни, лошадей, коров была условной, городской, а в деревне разделяли так: те, кто не мог прокормиться своим хлебом; те, что могли, но не имели излишков; имевшие излишки трудовые хозяйства — зажиточные середняки; и, наконец, кулаки — сельская буржуазия (правда, последняя граница являлась весьма размытой, и кулаки постоянно «косили» под середняков.) Если жить одним годом, то надо брать на вооружение идею Свердлова в чистом виде — организовывать бедноту и с ее помощью проводить хлебозаготовки. Именно так эту идею, кстати, и восприняли на местах. Но если думать о будущем, то не следовало

отгалкивать тех, кто этот хлеб производит. Пока бедняки развернут производство, страна с голову вымрет. С кулаками большевикам было явно не по пути, а вот зажиточных крестьян они стремились поберечь, отсечь их от кулаков и по возможности привлечь к сотрудничеству¹.

Эта двойственность при революционной активности и самостоятельности всего партийного и советского аппарата сверху донизу, весьма специфическом понимании установок вышестоящих органов и помноженная на закон Мэрфи (если указание может быть понято неправильно, оно будет понято неправильно) породила в вопросе о комбедах (как и во многих других) совершенно исключительный хаос.

Естественно, в большинстве мест состав и работу комитетов трактовали сообразно названию. Иначе народ не понимал, к чему огород городить. И вообще, что может быть общего между теми, у кого хлеб есть и теми, у кого его нет? Сытый голодного не разумеет.

Так, в Северной области съезд губернских комиссаров продовольствия (!) выпустил инструкцию, коей запретил избирать в комбеды крестьян, которые могли прокормиться своим хлебом до нового урожая. (Впрочем, учитывая урожайность северных земель, тех, кто кормился с пашни, могли и кулаками посчитать — но все же...) Потом инструкцию, естественно, пришлось отменять и голосовать за прямо противоположное. На местах, надо полагать, были в восторге.

Если правительственные чиновники таковы, то что же рядовые граждане?

20 августа свою долю в создание хаоса внес Наркомпрод, издав «Положение о комитетах бедноты», где говорилось, что комбеды должны создаваться сельским сходом, но без участия кулаков, торговцев, попов и интеллигенции. Однако оговорка («за исключением лиц, пользующихся доверием бедноты») сводила на нет всю директиву. Если кулаку не удавалось доказать, что он трудящийся середняк, то он попадал в комитет как лицо, «пользующееся доверием населения». А попробуй, не доверься! Хлеба не даст и подкулачников натравит...

Там, где комбед избирался под руководством продотряда, более-менее представлявшего себе политику властей, процесс шел разумно. Но там, где мужички были предоставлены самим себе, дурдом начался кон-

¹ Летом 1918 года хлебозаготовки были еще не такими свирепыми, как впоследствии.

кретный. Луковниковский волостной Совет Старицкого уезда Тверской губернии: получил декрет и заявил, что кулаков в волости нет, поэтому и комбеды без надобности. В деревне Лютивня Дарской волости той же губернии сход собирался четыре раза и всякий раз вместо выборов комитета занимался гораздо более интересным вопросом дележки поступивших в кооператив товаров. Кроме того, учитывая недавние восстания и кулацкий террор, от бедноты в комбеды шли только самые активные и бесстрашные — а эти качества часто сопровождались фронтовыми привычками и уголовными наклонностями.

«В с. Панове Лукояновского уезда после подавления выступления крестьян 26 августа продотряд собрал контрибуцию в 17 тыс. рублей. Из них 10 530 руб. были отданы комбеду, остальные разделены между членами отряда, Совета, военкомата и коммунистами. В Чернухинской волости Арзамасского уезда Нижегородской губернии члены партийной ячейки и Совета незаконно отбирали у крестьян д. Мельниково продукты. Их бесчинства сопровождались пьянством. При голоде в деревне представители власти имели запасы продуктов. Для себя они установили паек в 18 фунтов хлеба в месяц против 13 всем остальным. Негодование крестьян вылилось в „побоище между гражданами и коммунистами“. В этом же уезде председатель Тершевского волостного комбеда Маштаков и агент губпродкома по закупке скота Озерович вымогали взятки продуктами... V Нижегородская губернская конференция РКП(б) признала „шкурничество комбедов“ распространенным явлением в губернии»¹.

Едва закончились выборы, как начались ревизии составов комитетов бедноты, причем велено было переизбирать как те комбеды, где обнаруживались кулаки, так и те, где были одни бедняки. В результате крестьянин уже окончательно переставал что-либо понимать, кроме того, что раньше ему приходилось содержать один орган власти, а теперь два, и оба требовали вознаграждения за свой труд с сельского общества, ибо государство на содержание местной власти денег не давало. Тут же возник естественный вопрос: если есть комбед, зачем нужен Совет? Поэтому часто с появлением комитета бедноты он заменял местный Совет. Разница по эффективности невелика — но как быть с Конституцией?

¹ Осипова Т. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. С. 222–223.

2. Вспомним, по какой причине вообще родилась идея комбедов. Местные Советы, которые после весенних перевыборов во многих местах стали кулацкими, всячески саботировали хлебозаготовки. Изначально предполагалось, что функции комбедов будут достаточно узкими — они станут помощниками комиссаров продовольствия и продотрядов. Но ведь существовали и другие задачи, решение которых Советы саботировали столь же беззаветно, как и хлебозаготовки!

Практически сразу НКВД (который тогда ведал проблемами местной власти) стал использовать комбеды для того, чтобы привести местные Советы хоть к какому-то пониманию государственной дисциплины. Но и конституционные органы власти (в июле 1918 года была принята первая советская Конституция) сдаваться не собирались.

Во многих волостях инструкторы создавали комбед в противостоянии с Советом. Противостояние было иногда митинговым, а иногда и вооруженным. Представьте себе ситуацию, когда две ветви местной власти идут друг на друга с винтарами? Случалось, что Совет разгонял комбед, а случалось, что назначал туда своих людей. А в соседней деревне комбед разгонял Совет и занимал его место. В одной деревне общинный сход, руководимый местными кулаками, назначал комбед из их людей, а в соседней коммунисты точно так же сажали туда своих и тут же начинали наступление на кулацкий Совет. Уже в августе Московский губернский съезд комбедов постановил: *«Там, где Советы превращаются в орудие эксплуатации трудящихся, попадают в руки кулацких сил деревни, комбеды должны взять власть в свои руки»*. Объяснять им необходимость соотноситься с Конституцией имело не больше смысла, чем в наши дни пытаться отговорить население от покупки контрафакта.

Лозунг «Вся власть комбедам!» был следствием прежней, доконституционной проблемы местной власти. Согласно принятой 10 июля 1918 года первой советской Конституции, избирательных прав лишались (т. е. не могли избирать и быть избранными):

«а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;

б) лица, живущие на нетрудовой доход, как то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.;

в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники».

Как видим, середняк, кормившийся своим хлебом и имевший в дополнение к лишней лошади батрака, сюда не попадал, поскольку при-

были из его труда не извлекал, живя своим трудом¹. Зато кулак теперь не мог быть избранным в Совет. Но проблема осталась почти в полном объеме, поскольку существовала еще его, кулака, «группа влияния», а также интеллигенция, которая относилась к верхушке деревни и чай пить ходила не к батракам, а партсобрания если и посещала, то эсеровские. Оставалось еще духовенство, настроенное против большевиков отчасти по той же причине, что и интеллигенция, а отчасти повелением вышестоящих иерархов.

Видя такое дело, в ходе осенних перевыборов во многих местах Советы попросту заменили комбедами. В других с их помощью успешно провели выборы, и на селе появились две дублирующие друг друга властные структуры — со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде совершенно экстраординарного бардака, постоянных склок и двойных расходов. Решали эту проблему по-разному, но чаще распускали все же Советы. Новгородский губисполком даже выпустил инструкцию местным Советам — сдать дела комбедам. Видя все это, НКВД пришел в ужас и 26 сентября, рассмотрев этот вопрос на своей коллегии, постановил, что комбеды все же являются продовольственной организацией. После чего повсеместно началась ревизия состояния власти на селе и восстановление Советов.

Так что скучно той осенью не было никому.

Поначалу, несмотря на все издержки, толк от комитетов бедноты был немалый. Они добросовестно помогали производить учет хлеба и выполнять хлебозаготовки, кроме того, проводили земельную реформу, следили за соблюдением закона о социализации земли (в той мере, в какой он вообще мог соблюдаться). Заставляли кулаков возвращать наделы бедноты, выманенные голодной весной 1918 года за минимальные хлебные подачки, причем урожай с этих земель тоже причитался законным владельцам. Случалось, вводили трудовую повинность для кулаков, заставляя их обрабатывать бедняцкие и красноармейские наделы.

Красноармейские — понятно, кормилец в армии, а бедняцкие почему, если работник дома? Дело в том, что для обработки земли мало работни-

¹ А вот если он отправлял десяток пудов на рынок — вопрос становился философским и решался в зависимости от обстоятельств и личных симпатий.

ка — нужны еще лошадь и инвентарь. Не лопатой же поле вскапывать, в самом-то деле... А с лошадьми было плохо. Ленин летом 1918 года включил в число середняцких хозяйства, у которых было по одной-две лошади (еще несколько месяцев назад таковые полагались бедняцкими). Хозяйство с тремя лошадьми даже в хлебородном Поволжье считалось богатым.

...Новая продовольственная политика оказалась успешной — к концу года удалось поставить под контроль около 70% волостей хлебных губерний. И в равной мере она была неуспешной, поскольку теперь уже многие комбеды, организовавшись, начали скрывать хлеб, противиться его ссыпке, занижать данные об урожаях. Деньги уже никого не интересовали — крестьянам нужны были товары, которых катастрофически не хватало. Губернские власти вели разную политику, но сводившуюся в принципе к одному и тому же: товарами премировали за сдачу хлеба. Исключительно высоким показателем являлись 50% оплаты, средним — 25%. Причем налицо была социальная неувязка: хлеб сдавали богатые крестьяне, а власть поддерживала бедных. Поэтому товары, как правило, распределялись сельским обществам, а там уже как они сами решат. Или товарами премировали тех крестьян, которые наиболее активно помогали в хлебозаготовках.

Все же за шесть месяцев хлебозаготовок из 12 производящих губерний было получено 67,5 млн пудов хлеба и примерно столько же вывезли частным порядком жители голодающих губерний, которым в течение пяти недель было официально разрешено закупить или выменять на вещи по полтора пуда хлеба на человека. В учете разноречивой царил совершенно фантастический, но, по разным данным, в деревнях оставалось от 70 до 85% товарного хлеба. При этом даже в производящих губерниях от хлебосдачи были освобождены около 60% крестьян, которые сеяли по 3—4 десятины на хозяйство и излишков просто не имели.

Удалось решить и проблемы местной власти — большинство историков считает, что плохо, но, возможно, причиной такой оценки является недостаток воображения. В начале ноября 1918 года состоялся VI Всероссийский съезд Советов. Предварявшие его губернские съезды отмечали, что новый состав местных Советов способен самостоятельно проводить государственную политику. Впрочем, поскольку перевыборами занимались комбеды, то на самом деле произошло слияние/замещение этих двух органов.

Так что в нулевом приближении комбеды и продотряды свою задачу выполнили — население Советской России кое-как сумело пережить зиму. Что же касается построения нового общества — здесь все было сложнее, в точности по евангельскому тезису о вливании молодого вина в старые мехи. На местах государственную политику понимали сообразно грубому классовому чутью, логике Гражданской войны и собственным шкурным интересам. А куда денешься? Большевикам только предстояло подготовить собственные кадры. Еще очень долго им придется как-то приспособливать к делу людей, выращенных в благословенной Ъ-России, которую мы, к счастью для себя, потеряли...

Продразверстка в документах эпохи

Страницы века громче
Отдельных правд и кривд.
Мы этой книги кормчей
Простой уставный шрифт.

Борис Пастернак

1919 год облегчения крестьянам не принес — впрочем, и не мог принести. Легче в стране не стало никому. Война разгоралась, фронты сделались более протяженными, увеличивалась армия. Из городов можно было взять какое-то количество людей, но все остальное — продовольствие, фураж, лошадей — могла поставить только деревня. Причем практически без отдачи, поскольку превращенная в военный лагерь Советская Россия все свои скудные ресурсы отдавала фронту.

В январе 1919 года была введена продовольственная разверстка. От прежних хлебозаготовок она отличалась тем, что Наркомпрод, исходя из общей потребности страны, определял для губерний твердые задания по всем видам сельхозпродукции, губернии передавали его ниже — и так до волостей: как хочешь, так и выполняй. Теоретически по-прежнему около 60% крестьян были освобождены от продразверстки, но в реальности, с одной стороны, богатые крестьяне изыскивали множество способов распределить поставки на всю деревню, а с другой, местные власти, попав в клещи — либо не выполнить задание, либо трясти всех, у кого хоть

что-то есть, — сплошь и рядом забирали хлеб не только у середняков, но даже и у бедняков.

Вскоре государство объявило монополию на все продовольствие. Мобилизации в РККА шли одна за другой, увеличивались трудовые повинности. Для армии реквизировали лошадей. Правительство, как могло, защищало крестьян — мобилизации подлежали 3-я и далее лошадь в хозяйстве. Но практически это указание не выполнялось, ибо у каждого комэска была своя экономическая политика, сплошь и рядом отличная от государственной. Кроме того, заменить непригодную для строевой службы лошадь хорошей он имел право даже в однолошадном дворе, и в результате конское поголовье в деревне стремительно ухудшалось. А ведь лошадь в крестьянском дворе не для эстетики стоит, на ней работать надо. Но попробуй объяснить это означенному комэску!

У белых были те же проблемы — однако они контролировали более богатые области и получали поддержку извне. Красные же могли рассчитывать только на внутренние ресурсы.

В 1920-м к прочим радостям добавился неурожай, охвативший ряд губерний России. Например, в богатейшей Тамбовской губернии задание по продразверстке составило треть общего сбора хлеба, который, в свою очередь, покрывал внутренние потребности губернии лишь на 50%. И к бабке-гадалке ходить не надо, чтобы понять, что чем больше хлеба вывезут по продразверстке, тем больше придется его ввезти в порядке помощи голодающим. А поскольку население губернии ту зиму пережило, стало быть, вагоны с хлебом гнали в обоих направлениях. Зато произошло обострение перманентного тамбовского восстания, на ликвидацию коего пришлось потратить уйму сил и средств.

К счастью, как раз в это время к Советской России присоединились богатые губернии, отбитые у белых, в частности Сибирь. Основная тяжесть продразверстки легла на них. Тамошнему населению это, конечно же, не понравилось — стоит ли удивляться? Так что зима 1920–1921 гг. отмечена еще и колоссальным западно-сибирским восстанием. Впрочем, об этом — чуть позже.

Что же такое была эта постоянно поминаемая большевистская продразверстка? Историческая мифология полагает ее полной реквизицией всего продовольствия у крестьян — как хочешь, так и выживай. На самом деле, конечно, все обстояло совсем не так.

Из постановления Тюменского губисполкома и коллегии губпродкома о разверстке хлебофуража и маслосемян¹. 3 сентября 1920 г.

«1. Все количество хлебов, зернофуража и масличных семян подлежит, за исключением нормы, сдаче государству и разверстывается для отчуждения у населения между волостями согласно прилагаемых таблиц...

4. Все количество хлеба, зернофуража и масличных семян на волость по разверстке должно быть отчуждено у населения по установленным твердым ценам и сдано населением на ссыпункт в указанные ниже сроки...

11. К тем волостям, которые имеют излишки и упорно не сдают таковые, по целым волостям и отдельным селениям принимать репрессивные меры в виде ареста председателей, секретарей волисполкомов и сельсоветов за их содействие и всех отдельных лиц, упорно не сдающих хлеб или укрывающих таковой, арестовывать и препровождать в выездную сессию продовольственного ревтрибунала»².

Как видим, здесь все то же самое — и нормы, и хлебные цены. Линия фронта осталась на прежнем месте.

Из инструкции Тюменского губпродкома о проведении хлебофуражной разверстки. 8 сентября 1920 г.

«4. Норма, которую необходимо оставлять при исчислении хлебной разверстки:

а) членам семьи — 13 пуд. 20 ф³., б) на посев — 12 пуд.⁴, рабочим лошадям — 19 пуд., г) жеребят — 5 пуд., д) коровам — 5 пуд., е) теллятам — 5 пудов и т. д. (сибирская норма даже больше установленной в мае 1918 года. — Е. П.)

5. После определения по каждому селению в отдельности разверстки члены исполкома выезжают на места в общества и по подворным спискам производят государственную и внутреннюю разверстку на отдельных лиц.

¹ До того Тюмень была под белыми, и продразверстка в ней не производилась. Так что эти документы — установочные.

² За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921. Сост. д. и. н., проф. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2000. С. 30–31.

³ Естественно, на человека.

⁴ На десятину.

По проведении разверстки составляют именные списки с указанием: какого общества, имя, фамилия, количество подлежащего сдаче хлеба, в чем отбирается подписка, которой определяется срок сдачи... Именной список представляется на ближайший ссыпной пункт, и копия оставляется волисполкому.

6. При исчислении на отдельных лиц допускается оставлять норму для прокормления скота в хозяйстве:

1) от одной до 3 десятин — на одну лошадь, от 4 до 6 десятин — на одну лошадь и одного жеребенка, от 6 до 10 дес. — на 2 лошади и 2 жеребенка, от 11 до 15 дес. — на 3 лошади и 3 жеребенка и т. д.

2) норма скоту при одном человеке не оставляется, при 2–3 человеках — на одного теленка, 4–5–6 и 7 — одна корова и один теленок, 8–9–10–11 человеках — на 2 коровы и 2 теленка, 12–13–14 и 15 человеках — 3 коровы и 3 теленка и т. д.»¹.

Процент бедняков в Тюменской губернии неизвестен. Но они имелись, естественно, и их надо было кормить. Поэтому кроме государственной разверстки производилась разверстка внутренняя.

Из инструкции Тюменского губпродкома о проведении внутренней хлебофуражной разверстки. 12 октября 1920 г.

«§ 2. По способу обеспечения хлебом население делится на группы: а) производителей, обеспечиваемых оставлением у них собранных в их хозяйствах продуктов по норме наркомпрода... б) население, проживающее в сельских местностях, но не занимающееся земледелием, в) население, ведущее его в размерах, не обеспечивающих годовичную продовольственную потребность хозяйств.

§3. Сельское население губернии, не имеющее собственных запасов или обеспеченное ими на срок менее одного года, снабжается... за счет излишков, оставшихся у производителей сверх количества, необходимого для выполнения государственной разверстки и собственного потребления...

§ 6. Параллельно с государственной разверсткой производится разверстка внутренняя, т. е. извлечение излишков, оставшихся у кулака,

¹ За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии. С. 35.

середняка и бедняка сверх количества по выполнении разверстки и удовлетворении своих нужд по норме.

§7. Весь хлеб (пшеница, рожь, овес, ячмень, горох и крупы), оказавшийся в излишках при проведении внутренней разверстки, поступает в волостной кооператив по объявленным твердым ценам на хлеб...

§ 15. Сельсоветы для получения пайка составляют именные списки хозяйств, действительно нуждающихся в хлебе, с указанием количества едоков и количества недостающего хлеба — продовольственного и посевного отдельно — и представляют таковые в волисполкомы...

§ 20. Впредь до организации карточной системы в уезде при каждой выдаче продуктов составляется волкооперативом особый именной список получающих паек, в котором расписываются все получающие продукты...

§ 21. Отпуск продуктов производить строго по установленным нормам — не выше 30 фунтов на едока в месяц — и по установленным губпродкомом твердым ценам»¹.

Так выглядела государственная политика по отношению к крестьянам образца 1920 года. Впрочем, какая там политика?! Это практика осажденной крепости: собрать все продовольствие и разделить на всех, чтобы хоть как-то дотянуть живыми до весны...

...Итак, сначала государственное задание, потом внутреннее перераспределение хлеба, чтобы уберечь от голода местное население. По твердым ценам положено сдавать, по ним же покупать. Наверняка кому-то продразверстка была даже выгодна — если с заданием случился недолет и по его выполнению хлеба и других продуктов оставалось больше нормы. Случалось и обратное — задание бывало непосильным. Что чаще — неведомо, ибо крестьяне, естественно, всегда клялись-божились, что хлеб не уродился, не обмолочен, сдавать нечего и сами они непременно умрут с голоду. Для понимания ситуации: это утверждали все и всегда, вне зависимости от реального количества хлеба. Тем более что в этом был прямой резон: мало кричишь, быстро выполнил задание — того и гляди, еще разверстают, за несдавших. Губпродкому так проще...

¹ За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии. С. 36–38.

Так что продработникам приходилось решать сложнейшие экономико-психологические ребусы. А у них за плечами было лет по двадцать пять жизни, из которых от трех до шести приходилось на войну, церковно-приходская школа и либо революционно-огнестрельная честность, либо уголовные привычки, либо обывательское шкурничество. Что хуже — вопрос философский...

...Призывать сибирских мужиков к государственному мышлению и рассказывать им о голодающих соотечественниках было равно бесполезно. Хлеб приходилось отбирать силой. Основными допустимыми¹ карательными мерами являлись товарная блокада, штрафы, конфискация имущества, потом сюда прибавилось взятие заложников.

Товарная блокада — вещь понятная. Селам, не выполнившим задание по продразверстке, не отпускались промышленные товары. Четвертая мера отражена в следующем документе.

Постановление № 59 губернской контрольно-инспекционной комиссии по проведению продразверсток в Ишимском уезде. Не ранее 21 декабря 1920 г.

«Мы, нижеподписавшиеся, члены губернской контрольно-инспекторской комиссии по госразверсткам в Тюменской губ... составили настоящее постановление на членов Жагринского сельсовета: председателя — Пережогина Александра Даниловича и членов — Пережогина Павла Еремеевича, Лунева Федора Федотовича и Пережогина Антона, что вышепоименованные граждане, служа в Жагринском сельсовете, до 21 сего декабря² не произвели раскладки разверстки хлеба по отдельным домохозяевам и разложить таковую при требовании губкомиссии отказались. Председатель сельсовета имел в настоящее время необмолоченного хлеба 7 овинов, в зерне — 60 пудов, ни одного фунта государству не вывез и вывозить отказался... Также члены Жагринского сельсовета исполнять разверстку категорически отказались.

Губкомиссия постановила: членов Жагринского сельсовета Пережогина Александра, Пережогина Антона, Лунева Федора арестовать и отправить в Петуховскую продконтору на работу в качестве заложников впредь до выполнения всех госразверсток по Жагринскому

¹ О недопустимых — в следующей главе.

² При сроке 1 ноября.

обществу, потом — члена совета Перезжогина Антона — на 14 суток в административном порядке с лишением свободы»¹.

Ну да, мы-то думали, что если берут заложником, то непременно в концлагерь и непременно расстрел. Как видим, вовсе не обязательно. Интересно, почему Павла не тронули, а Антону присовокупили еще две недели отсидки? Может быть, первый все же решил сдать хлеб, а второй заехал в зубы кому-нибудь из начальства?

К особо упорным и сопротивлявшимся применяли такую меру, как конфискация. Кстати, в чем ее карательный смысл — еще большой вопрос. Вот что написано в распоряжении члена коллегии губпродкома Майерса: *«Вы должны твердо помнить, что разверстки должны быть выполнены, не считаясь с последствием, вплоть до конфискации всего хлеба в деревне, оставляя производителям голодную норму».*

Ну и как это прикажете понимать? Чем эта мера отличается от разверстки — там забирают все, кроме нормы, и здесь тоже. Вариант ответа у меня один — за продукты, взятые по разверстке, платят деньги.

Конфискации имущества бывали самые разнообразные. Судя по документам, обычная мера — конфискация четверти имущества, реже — половины. В случае если человек оказывал вооруженное сопротивление или же организовывал других, могли взять все, но тоже весьма своеобразно.

Из циркуляра Ялutorовского уездного исполкома. 22 февраля 1921 г.

«2) У лиц, принимавших участие в бунте, конфисковать все их имущество...

Примечание: Имущество должно подвергаться конфискации лишь то, которое принадлежит лично участвовавшему в бунте, но не членов его семьи. При невозможности определить, какое имущество является имуществом семьи участника бунта (например, в отношении скота или инвентаря) и необходимо семье для поддержания ее хозяйства, определение причитающейся части семье производится вол-исполкомом или волревкомом и оставляется семье, а остальная часть конфискуется...»²

¹ За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии. С. 67.

² Там же. С. 256.

Когда я пытаюсь понять, как это выглядело на практике, воображение мне попросту отказывает.

Куда девали конфискованное? Продовольствие — на склады, в счет разверстки, а со скотом и инвентарем поступали по-разному.

Из доклада уполномоченного Тюменского губпродкома Ф. В. Сигуты. 27 ноября 1920 г.

«Конфискация имущества, согласно приказу № 6, у 39 человек, арестованных за противодействие государственным разверсткам и участие в контрреволюционном выступлении на этой почве, закончена¹. Лошади, сани и упряжь из количества конфискованного раздаются Аромашевским ревкомом семьям красноармейцев и беднякам волости»².

Тут же рядышком стоит и проблема незаконных конфискаций. Если их признавали таковыми (а это случалось довольно часто), то имущество подлежало возврату, и тогда уже вставали на дыбы получившие его бедняки. Завязывались узелки счетов, которые начнут разрубаться, едва только в Тюмень придет Западно-Сибирское восстание.

Еще одна проблема — хранение. Крестьяне по всей стране были возмущены тем, что отобранный хлеб лежал кучами и гнил. Да, бывало, что лежал и гнил, и взятый скот погибал, и картошка мерзла. Не всегда — но каждый такой случай тысячекратным эхом отдавался по деревням. Конечно же, злобные большевистские власти гноили продовольствие намеренно и от каждого испорченного пуда испытывали большую и чистую радость.

Из протокола совещания продработников Ишимского уезда. 23 декабря 1920 г.

«Если так пойдет дело с подачей вагонов и тары, хлеб рискует остаться на ссыпных пунктах. Принимая во внимание, что хлеб урожая 20 года весьма низкого качества и сыпается со снегом и льдом, потому что не вовремя производится обмолот (а может, еще и чтобы весил побольше? — Е. П.), при дальнейшем отсутствии тары при первой оттепели нам грозит ужасная катастрофа. Хлеб может загореться.

¹ Там имело место еще и столкновение с продотрядовцами, поэтому такое большое число.

² Там же. С. 50.

И таким путем не исключается возможность, что весь хлеб в количестве до 1,5 миллионов пудов будет испорчен... Мы даже сейчас не можем сказать с уверенностью, что хлеб уже не горит, так как проверить его при помощи щупа нет возможности, ибо щуп невозможно загнать даже на 3 аршина в глубину, потому что внизу хлеб смерзся...»¹

А ведь такое безобразие не утаишь, и крестьяне — которые сами и свозят хлеб со льдом, не продотрядовцы же им подкладывают! — тут же начинают кричать, что зерно горит и нечего брать, раз сохранить не умеете.

Еще два документа о некоторых нюансах продработы на стыке отряд — население.

Из доклада члена губернской контрольно-инспекторской комиссии по проведению продразверстки А. Степанова. Ноябрь 1920 г.

«Довожу до вашего сведения, что разверстки по Суерской вол. были совсем приостановлены ввиду того, что продотряд, который работал в здешней волости под руководством тов. Бабкина, совершенно не имел никаких планов работ, а также своей правильной инициативы. Проводились в жизнь повальные обыски, которые не могли дать никаких результатов. Люди набраны большей частью из обывательского элемента, который в деревни вносит полную дезорганизацию. Замечалось пьянство, и некоторые члены отряда были в пьяном виде привязаны гражданами к столу. Отряд простоял два месяца, и, не глядя на приказы, хлеб у крестьян не был обмолочен. Пришлось отряд снять ввиду недоверия к нему...»²

Из доклада большеорокинского райпродкомиссара А. Ф. Короткова. 27 декабря 1920 г.

«Я... прибыл в Пинигинское общество с отрядом 16 человек и приступил к энергичному выполнению государственных разверсток... которые до сих пор не были изъяты от населения. Но через несколько минут сгруппировалось Пинегинское общество в количестве 200 человек, из них несколько верхами, и подошли к нам с целью запретить нам работать, кричали контрреволюционные слова, опровергали приказы советской власти...

¹ Там же. С. 68–69.

² Там же. С. 48.

Кроме того, категорически заявляли нам, что мы вам хлеба вывезти не дадим. И угрожали нам разными случаями, если только не будет вами остановлена работа. Кроме того, мной несколько раз было предложено собравшимся гражданам, чтобы последние не мешали работать. Но на мои предложения большинство кричали, что убирайтесь, пока не поздно».

В общем, и так плохо, и этак нехорошо. Как хорошо? А податей не платить...

...И опять же историческая мифология говорит, что ликвидация политики продразверстки была мерой вынужденной — не то большевики сами поняли ее бесперспективность, не то крестьянские восстания вынудили Совнарком это сделать. Правда, перед ее отменой произошло еще одно событие — маленькое такое, незаметненькое. И говорить-то — тьфу! — не о чем...

Война кончилась! Но это, опять же, абсолютно ничего не значит, ибо общеизвестно, что в своей политике Совнарком руководствовался исключительно коммунистическими идеями и нутряной злобой.

Итак, весной 1921 года, практически сразу после окончания основных боев Гражданской войны (но никоим образом не вследствие этого!) продразверстка была заменена продналогом. Теперь у крестьянина, уже не за деньги, а безвозмездно отбирали в качестве налога фиксированную часть урожая, остальной же частью он мог распоряжаться по собственному усмотрению.

Декрет ВЦИК о замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом. 21 марта 1921 г.

«1. Для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельца продуктами своего труда и своими хозяйственными средствами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств, разверстка как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража заменяется натуральным налогом.

2. Этот налог должен быть меньше налагавшегося до сих пор путем разверстки обложения. Сумма налога должна быть исчислена так, чтобы покрыть самые необходимые потребности армии, городских

рабочих и неземледельческого населения. Общая сумма налога должна быть постоянно уменьшаема, по мере того как восстановление транспорта и промышленности позволит Советской власти получать продукты сельского хозяйства в обмен на фабрично-заводские и кустарные продукты.

3. Налог взимается в виде процентного или долевого отчисления от произведенных в хозяйстве продуктов, исходя из учета урожая, числа едоков в хозяйстве и наличия скота в нем.

4. Налог должен быть прогрессивным; процент отчисления для хозяйств середняков, маломощных хозяев и для хозяйств городских рабочих должен быть пониженным. Хозяйства беднейших крестьян могут быть освобождаемы от некоторых, а в исключительных случаях и от всех видов натурального налога.

Старательные хозяева-крестьяне, увеличивающие площади засева в своих хозяйствах, а равно увеличивающие производительность хозяйств в целом, получают льготы по выполнению натурального налога. (...)

7. Ответственность за выполнение налога возлагается на каждого отдельного хозяина, и органам Советской власти поручается налагать взыскания на каждого, кто не выполнил налога. Круговая ответственность отменяется.

Для контроля за применением и выполнением налога образуются организации местных крестьян по группам плательщиков разных размеров налога.

8. Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства. Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота как через кооперативные организации, так и на рынках и базарах.

9. Тем земледельцам, которые остающиеся у них после выполнения налога излишки пожелают сдать государству, в обмен на эти добровольно сдаваемые излишки должны быть предоставлены предметы широкого потребления и сельскохозяйственного инвентаря. Для этого создается государственный постоянный запас сельскохозяйственного

инвентаря и предметов широкого потребления как из продуктов внутреннего производства, так и из продуктов, закупленных за границей. Для последней цели выделяется часть государственного золотого фонда и часть заготовленного сырья.

10. *Снабжение беднейшего сельского населения производится в государственном порядке по особым правилам. (...)»*

Способ исчисления налога был определен в декрете о натуральном налоге на хлеб, картофель и масличные семена. Кому нужен его точный текст, может обратиться к газете «Известия» от 21 апреля 1921 года. А мы тут для разнообразия и веселья ради почитаем его в стихотворной форме, в виде подписей к серии плакатов. Бывали и такие чудеса в нашем искусстве...

Владимир Маяковский

***Декрет о натуральном налоге на хлеб,
картофель и масличные семена***

1. *Вот налог крестьянский на год:
нынче вдвое меньше тягот.*
2. *На хозяйство приналяжешь, —
втрое легче станет даже.
При разверстке в прошлый год
ведь собрали столько вот.
При разверстке столько отдал
чуть не в половину года.*
3. *Словом, так или иначе
будут лишки после сдачи.*
4. *И с картошкой легче много,
вдвое легче от налога.
Меньше этого иль выше —
и в картошке будет лишек.*
5. *Ты картошки этой часть
дома съешь с семейством всласть.*
6. *А другую часть на воз
навалил и в город свез.*
7. *Хоть разверстка была для крестьянства клеткою,
да пришлось установить повинность этакую.*

Пришлось такой тяжелой ценой
армию кормить, измученную войной.
8. А вот почему налогу каждое хозяйство радо:
в налоге этом одиннадцать разрядов.
А более правильных расчетов ради
7 групп в каждом разряде.
Если с клеткой способ разверстки схож,
то налог на дворец похож.
77 во дворце покоев.
Ищи помещение, подходящее какое.
А комнат в нем 77.
Справедливое помещение найдется всем.
9. Чтобы взяли все за труд,
от всех налог берут.
Коль крестьянам город нужен,
дай ему обед и ужин.
10. Чтоб налог вам в тягость не был,
засевайте больше хлеба.
Чтоб росли излишки ваши,
засевайте больше пашни.
11. Чтоб больше положенного не взыскали ника
установлена точная налоговая таблица.
Способ употребления таблицы таков:
скажем, у тебя 15 десятин пашни на 5 едоков.
12. Значит, десятин на каждого три.
В пятом пункте, трехдесятинник, смотри.
13. Затем прикинь размер урожая.
Скажем, 28 пудов десятина рождает.
Налог твой
тебе укажет разряд второй.
14. По этому разряду
в пятой группе
стоит четыре пуда.
И никто в мире
с десятины не возьмет больше, чем четыре.
А с трех готовь
12 пудов.
15. А сколько всего должны взять?
Помножьте 12 на 5.

Или, если будет 4 с десятины сдаваться,
 значит, с пятнадцати десятин
 должно 60 государству идти.

16. В свете дурней много больно.

Эти дурни недовольны:

— Чем я больше жну и сею,
 тем с моей работой всею
 я же больше и плачу.

Я работать не хочу.

Зря не буду тратить труд,
 лучше землю пусть берут. —

17. Бросить труд расчета нету.

Ты прикинь-ка цифру эту.

При урожае в 58 пудов,
 однодесятинник, 3 пуда готовь.

18. А у кого больше 4 десятин,
 у того с десятины десять будет идти.

С 4 же, значит, 40 сдается,
 а 198 пудов себе остается.

Хоть три пуда платить и легко,
 да остается себе 55 всего.

Больше сеешь — больше дашь
 и остаток больше ваш.

20¹. Кто не смотрит дальше носа,
 засекает только просо.

Хоть раздетым ходит он,
 а не хочет сеять лен.

21. Чтоб засеивался лихо,
 лен одним,

другим гречиха.

В поощрение при сдаче
 могут их равнять иначе.

Льготы все на этот год
 вам объявит Наркомпрод.

22. Какой налог лежит на ком?

Размер налога устанавливает волисполком.

А за правильностью смотрит сельский совет.

¹ 19-й рисунок — без текста. Это таблица: сколько вместо ржи можно сдать других продуктов: гречихи, проса и т. д.

*Если же эти органы работают не по декрету,
то к ответственности привлекают за неправильность эту.*
*23. Хозяйство, в котором пашни не больше десятины имеется,
с такого хозяина ничего не берется, разумеется.*
*24. Освобождение других плательщиков
нигде не может быть разрешено,
кроме
как в Совнаркоме.*
*Если у кого хлеба много,
а налоги платить не хочет,
разумеется, таким в Совнарком не надо лезть.*
*25. В Совнарком обращаются только тогда,
когда настоящая нужда есть.*
*Скажем, такая-то деревня внести налог рада,
да хлеб весь перебило градом.*
26. Вот такая с бумагою идти может.
С такой Совнарком налог сложит.

Трудно сказать, как бы выглядели эти исторические документы и появились бы они в этом году вообще, если бы советское правительство имело машину времени или хотя бы дар предвидения. Но не было этого дара, никто еще не знал, каким будет урожай лета 1921 года, и могло показаться, что самое страшное уже позади...

«За» и «против»

Почему же обе формулы бессовестны, а не просто ошибочны? Потому что никто — ни Шафаревич, ни Зорькин — ни разу не сказал: в какой из критических моментов после февраля 1917 г. они в реальном спектре политических сил заняли бы иную позицию, чем та, которая победила в проекте советского строя. Вот это было бы честно, поскольку тогда их критика была бы сопряжена с личной ответственностью.

Сергей Кара-Мурза. Советская цивилизация

Политика большевиков — как вообще, так и крестьянская в частности — вызвала бурю негодования. Как в пространстве — от обществен-

ности до их собственной партии, так и во времени — с весны 1918 года и по сей день. Вся эта критика абсолютно верна и бесспорна... если принимать за образец чисто теоретическую модель идеального общества. Так Манилов мог бы критиковать традиционный русский пейзаж за отсутствие пальм, необходимых для его парадиза.

Основной аргумент «за» большевиков — это, конечно, сохраненная ими Россия, через каких-нибудь тридцать лет ставшая из захолустной окраины цивилизованного мира одной из двух сверхдержав. Впрочем, не будем обсуждать слона, хотя его многие и не примечают (кому больше нравится образ дуба и свиньи под ним — не возражаю). Поговорим лучше об экспонатах шкафов и витрин.

Я не раз уже сталкивалась с тем, что добросовестные ученые, тщательно собрав множество фактов, делают из них странные, парадоксальные, хотя и идеологически правильные выводы — но как же быть с логикой? При написании этих глав я много пользовалась книгой Таисии Осиповой «Российское крестьянство в революции и Гражданской войне». Тщательно и предельно добросовестно собрав огромное множество фактов, автор, когда доходит до их осмысления, закладывает внезапные виражи, вроде следующего:

«Созданные в соответствии с требованиями партийной программы коммунистов и для достижения их цели — углубления социалистической революции через развитие гражданской войны в крестьянстве — комбеды олицетворяли этот процесс. Императивное осуществление ими доктринальных задач РКП(б) влекло за собой массовые нарушения законности, злоупотребления властью и оружием...»

Ни слова не скажу против последних четырех слов, ибо, как еще Ленин писал, «нельзя жить в обществе и быть свободным от общества». То, что у нас считается злоупотреблением, в государстве Российском иной раз бывало обычаем — порка, например; а иной раз прецедентом — что такое столыпинское «усмирение», если не разрешенное свыше злоупотребление властью и оружием? Не говоря уже о войне как таковой, которая шла к тому времени почти четыре года. Оставим даже в стороне тот факт, что о законности говорить не приходится, ибо законов в России образца 1918 года просто-напросто не существовало: царские отменены, новые не написаны. Но на многих страницах наглядно показывать, что комбеды были созданы как инструмент реализации продовольственной политики — и вдруг свернуть на какие-то «доктринальные задачи»...

Из доктринальных задач партии немедленной реализации в то время подлежала разве что мировая революция!

Читаем дальше. *«Замена крестьянских Советов комбедами приводила к изоляции власти, сужению ее социальной базы...»* — при том, что несколькими десятками страниц выше автор так художественно описывала обстановку в деревне и замену крестьянских Советов кулацкими! О сужении социальной базы речи идти не могло, она и так была уже некуда — кулаков, согласно данным того же автора, было не больше 5%, а контингент комбедов, даже при неправильном толковании этого слова и в самых богатых уездах самых богатых губерний, — не менее 25%, а в среднем больше 50%.

Это не говоря о том, что с местной властью, во время войны встающей в контры правительству, в любом нормальном государстве расправились бы скоро и сурово. Извините, то, что большевики называли диктатурой, на деле являлось демократией суперплюс: три совершенно демократические структуры — Советы, комбеды и партия — поочередно использовались для приведения друг друга в чувство.

«Комбеды, опираясь на вооруженную силу продотрядов, разрушали вековой уклад крестьянской жизни, внедряли силовой принцип решения неотложных вопросов на основе пресловутой уравнительности. Комбеды превращались в военную форму диктатуры коммунистов в деревне».

Любопытное наблюдение! Вековой уклад крестьянской жизни — это община, которая как раз и строилась на принципах уравнительности. Разрушать ее начал Столыпин, именно его реформы укрепили класс сельской буржуазии, который называли кулаками, вывели его за пределы общины. А большевики, нанося удар по кулаку, не разрушали, а, наоборот, возрождали этот самый вековой уклад, ликвидируя последствия реформы, — потому-то они и преуспели в своем расколе села. Другое дело, что аграрный сектор этот путь заводил в тупик — но ни о каком *разрушении устоев* не было и речи.

В чем причина того, что серьезный ученый столь явно не дружит с собственными фактами? Неужели такова зашоренность сознания? Или же эти выводы — просто ритуальная фраза, вроде того, как несколько раньше ссылались на очередной съезд КПСС? Иначе не поймут: как же вы так, матушка, такую монографию отгрохали, а большевиков ни разу не пнули? Нехорошо сие, ненаучно...

...Ну а что касается гражданской войны — так товарищ Свердлов немного отстал от хода событий. Гражданская война в деревне уже год как шла, большевики лишь опустили железный кулак на чашу весов — а кто может запретить власти действовать силой? Особенно тогда, когда ее слова нарочито игнорируются.

Впрочем, и в самой партии, и вне ее, как водится, имели место голоса «против». Еще на обсуждении доклада Цюрупы выступил Рыков, который назвал насилие в области экономической политики безумием и предложил применить экономические меры. За неимением лучшего именно Рыкова сейчас сажают на белого коня и вывозят на сцену как альтернативу злобному большевистскому правительству. Какие же меры он предлагал?

Например, изменить систему оплаты за сдаваемый хлеб, установить премии, привлечь к делу добывания продовольствия кооперацию и частные торговые компании. С точки зрения теории — все правильно. Но если попробовать применить эти принципы к ближайшему рыночку у станции метро, сразу станет ясно, в чем подвох. Добиться успеха на этом пути, не установив закупочные цены выше спекулятивных, невозможно в принципе — конкуренция-с... А значит, государство должно вступить в экономическое соревнование со спекулянтами и тратить на удовлетворение appetитов торговцев хлебом большую часть своего бюджета. Ничего не скажешь — разумно! Именно такая политика в конечном итоге привела к краху Российскую империю — если бы накануне войны и во время оной не потакали спекулянтам, то все могло бы сложиться по-иному¹.

Совершенно умилил работник центральной продовольственной управы А. И. Пучков, выступивший на заседании Делегатского совета большевиков 17 мая 1918 г. в Петрограде. Александр Рабинович, суммируя все, что тот сказал, пишет: *«Объясняя причины продовольственного кризиса, Пучков указал на такие факторы, как нежелание крестьян отдавать хлеб в обмен на ничего не стоящие бумажные деньги, транспортные трудности и обструкционизм со стороны антисоветских*

¹ Впрочем, если бы Николай Второй не потакал спекулянтам, отречение могло бы состояться еще году этак в 1915-м. Или грибочками бы отравился... Но с большевиками такие номера не проходили — шантажировать себя они не позволяли никогда, да и свергнуть тоже не удалось.

элементов на всех ступенях процесса заготовления, доставки и распределения продовольствия (добавим сюда еще воровство и бардак. — Е. П.). Не считая возможным решением отмену ограничений свободной торговли и не веря, что можно добыть достаточное количество хлеба с помощью нажима на кулаков, Пучков сделал особый акцент на необходимость производства достаточного количества промышленных товаров для крестьян, создания надежной бартерной системы между городом и деревней, улучшения условий транспортных перевозок и руководства транспортом и создания единой для всей страны классовой системы распределения продовольствия».

Все, конечно, очень мило и правильно — но каким образом товарищ из продуправы собирался наладить производство товаров для бартера? Впрочем, это не дело продовольственной управы, пусть по этому поводу болит голова у ВСНХ. Но насилие — это не метод!

Аргументы нынешних экономистов ничем от вышеизложенных не отличаются. Все они являются сугубо либеральными и основаны на понимании частной собственности как *священной* категории. Здесь с большевиками расхождение принципиальное и неустранимое, поскольку они частную собственность признавать священной отказывались наотрез, право населения страны на жизнь ставили выше любых экономических прав и с собственностью не церемонились. Пообещав защищать неимущее население России от голодной смерти, большевики именно это и делали — какие к ним могут быть претензии?

Что интересно — этот неустранимый конфликт собственности и жизни увидел, понял и сформулировал такой незаурядный церковный деятель, как митрополит Сергей Страгородский. В 1924 году в послании по поводу созыва Поместного собора он внимательно рассмотрел вопрос о собственности¹.

«...Занимать непримиримую позицию против коммунизма как экономического учения, восставать на защиту частной собственности для нашей православной (в особенности, русской) церкви значило бы забыть свое самое священное прошлое, самые дорогие и заветные чаяния, которыми, при всем несовершенстве повседневной жизни, при всех компро-

¹ Митрополит Сергей (Страгородский). Православная Русская Церковь и советская власть (к созыву Поместного Собора Православной Церкви) <http://chri-soc.narod.ru/III.htm>

миссах, жило и живет наше русское, подлинно православное церковное общество».

Несколько неожиданный подход, не правда ли? По крайней мере, неожиданный для тех, кто не читал Евангелий. Не зря же тема «большевики, собственность, христианство» тщательно обходится всеми церковными и околоцерковными обличителями советской власти, которые больше внимания уделяют явлениям внешним, вроде переделки храмов под овощехранилища, а не соответствию коммунистических идеалов Нагорной проповеди.

Тут надо понимать: взгляд на советскую историю, возобладавший в этих кругах сейчас, — это взгляд Зарубежной Церкви, церкви эмигрантской России, той России, которая до сих пор не может забыть — и, наверное, никогда не сможет! — национализированных поместий, заводов и привилегий. Впрочем, и потерянная церковная собственность ни в коей мере не прибавляла иерархам любви к большевикам. Но была и Церковь, принявшая советскую власть, и аргументы «за» как раз и высказал митрополит Сергей.

«Что этот строй не только не противен христианству, но и желателен для него более всякого другого, это показывают первые шаги христианства в мире, когда оно, может быть, еще не ясно представляя себе своего мирового масштаба и на практике не встречая необходимости в каких либо компромиссах, применяло свои принципы к устройству внешней жизни первой христианской общины в Иерусалиме, тогда никто ничего не считал своим, а все было у всех общее (Деян. IV, 32). Но то же было и впоследствии, когда христианство сделалось государственной религией, когда оно, вступив в союз с собственническим государством, признало и как бы освятило собственническую строй. Тогда героизм христианский, до сих пор находивший себе исход в страданиях за веру, начал искать такого исхода в монашестве, т. е. между прочим в отречении от собственности, в жизни общинной, коммунистической, когда никто ничего не считает своим, а все у всех общее. И, что особенно важно, увлечение монашеством не было достоянием какой-нибудь кучки прямолинейных идеалистов, не представляло из себя чего-нибудь фракционного, сектантского. Это было явлением всеобщим, свойственным всему православно-христианскому обществу. Бывали периоды, когда, по фигуральному выражению церковных писателей, пустели города и населялись пустыни. Это был как бы протест самого христианства против того компромисса, который ему пришлось

допустить, чтобы удержат в своих недрах людей „мира“, которым не по силам путь чисто идеальный. Не возражая против владения собственностью, не удаляя из своей среды и богатых, христианство всегда считает „спасением“, когда богатый раздаст свое богатство нищим. Находясь в союзе с собственническим государством и своим авторитетом как бы поддерживая собственнической строй, христианство (точнее, наша православная церковь в отличие от протестантизма) идеальной или совершенной жизнью, наиболее близкой к идеалу, считало все-таки монашество с его отречением от частной собственности. Это господствующая мысль и православного богослужения, и православного нравоучения, и всего православно-церковного уклада жизни.

...Итак, второе постановление нашего поместного собора могло бы быть таким: с решительностью отменяя религиозное учение коммунизма, Священный Собор, однако, не находит непримиримых возражений против коммунизма как учения экономического, отрицающего частную собственность и признающего все общепольное и нужное общим достоянием, ни в священном писании, ни в подлинно церковном учении, особенно в учении древней русской православной церкви, и потому приглашает и благословляет верных чад церкви, бедных и неимущих, со спокойной совестью без боязни погрешить против святой веры, радостно приветствовать узаконенный Советскою властью в СССР. Коммунистический строй, а богатых и имущих безропотно, во имя той же веры, ему подчиниться, помня слово св. писания, что «блаженнее давать паче нежели принимать» (Деян. XX, 35) и что лучше быть обиженным и лишенным, нежели обижать и лишать других „да еже братию“ (I Кор. VI, 7–8)».

Так что если вспомнить причину конфликта деревни и власти, то «справные хозяева», ради прибыли бестрепетно обрекавшие миллионы соотечественников на голодную смерть, ни в коей мере не могут считаться мучениками. Даже если они честно ходили по воскресеньям в церковь и были поддержаны в своей борьбе местным священником, читавшим в этой церкви соответствующие проповеди.

А чем это я? Да все о том же, други, — о вольных ценах...

* * *

Все это были объективные процессы. Страна, и без того не имевшая резервов, истощенная трехлетней войной, с разоренной экономикой, вы-

нуждена была изыскивать силы для другой, еще более тяжелой войны на множестве фронтов.

До сих пор все критики большевиков на вопрос, как решить эти задачи, говорят в один голос: надо было уйти. Пользуясь морскими аналогиями: капитан бедствующего корабля, где спасательных средств не хватает на всех, садится вместе с офицерами в единственную шлюпку и отваливает.

Мило!

Глава 4

ТРИ ИСТОЧНИКА И ТРИ СОСТАВНЫХ ЧАСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО БУНТА

— На какой почве помешался принц?

— На датской, на какой же еще?

Шекспир. Гамлет

Нет, если бы существовали хорошие руки, в которые можно было бы отдать страну, — может статься, они бы и ушли. В конце концов, радикальная оппозиция изначально не предназначена для управления государством. Ее назначение — жалить власть предержажую во все уязвимые точки, а не нести бремя ответственности за державу. Никто не запрягает в плуг собаку, даже если та очень громко лает и хорошо хватает вола за ляжки.

Они могли уйти и под угрозой прямой и неотвратимой смерти — есть ведь свидетельства, что Ленин осенью 1919 года, когда Добровольческая армия подходила к Москве, говорил: мол, документы готовы, что делать, вы знаете, пора расходиться. А может статься, и не говорил он такого никогда... но Деникин до Москвы так и не дошел, теперь уже не проверишь. И, как бы то ни было, команда, брошенная обстоятельствами (или же Божьим промыслом) за штурвал полузатопленной посуды, без мачт и парусов, посреди штормового моря, продолжала как-то крутиться меж волн и рифов.

А задачи были все те же — те, которые оказались не по силам опытному и профессиональному царскому правительству: война, продовольствие, власть. Даже Временное правительство было профессиональнее Совнаркома: пусть в Зимнем мало кто представлял, как надо управлять государством, но у них хотя бы советники и опытный аппарат имелся, а не кучка комиссаров: двадцать с небольшим, церковно-приходская школа, глотка — мордобой — револьвер.

Эти задачи, со всеми утяжелениями войн и революций, рухнули на плечи большевиков — и те не уклонились, хотя не имели представления, как их решать. Отчасти Россию спасло именно это незнание. Возможно, если бы большевики в апреле семнадцатого могли хотя бы на 25% представить себе, во что ввязываются, — они бы сели в свой вагон, запломбировались изнутри и отправились, куда глаза глядят и рельсы ведут. Но тогда они не знали, а после того как Сталин в августе семнадцатого во всеуслышание заявил: «Когда мы получим власть в свои руки, организовать ее мы сумеем», — было уже поздно. Оставалось только действовать по заветам Бонапарта: очертя голову кинуться в бой — а там посмотрим...

«На практике это привело к тому, что была доказана необходимость строить, но мы совершенно не ответили на вопрос, как строить, — говорил Ленин в докладе на VIII съезде РКП(б), состоявшемся в самое тяжелое время, в марте 1919 года. — Вначале мы смотрели на эти трудности совершенно абстрактно, как революционеры, которые проповедовали, но совершенно не знали, как взяться за дело. Конечно, масса людей обвиняла нас, и до сих пор все социалисты и социал-демократы обвиняют нас за то, что мы взялись за это дело, не зная, как довести его до конца. Но это — смешное обвинение людей мертвых. Как будто можно делать величайшую революцию, зная заранее, как ее делать до конца! Как будто это знание почерпается из книг! Нет, только из опыта масс могло родиться наше решение».

Надо очень четко понимать: большевики действовали методом проб и ошибок, поскольку другого не имели. Кто-то считает, что плохо действовали... но приличной альтернативы пока что ни один фантаст-альтернативщик не предложил. (Маниловские бредни о доблестной русской армии, победоносной войне и стремительно развивающейся промышленности Российской империи не в счет...) В общем, как умели... В исторически обозримом прошлом страна, оказавшаяся в таком состоянии... Да полно, часто ли в исторически обозримом прошлом какое-либо государство оказывалось одновременно перед лицом войны, разрухи и хаоса и выживало? Разве что Франция времен революции — но в ней и с сельским хозяйством обстояло получше, и война была полегче. А уж какой там гулял террор...

...Состояние масс, из опыта которых исходили большевики, весьма напоминало извержение вулкана с кипящей лавой и падающими с неба

булыжниками, а методы работы колебались между обливанием лавы водой и подрыванием ее динамитом. Однако какой-то опыт, безусловно, накапливался и на решения правительства влиял, так что Ленин не лгал нисколько. Правда, опыт этот был в основном обескураживающего свойства — большая часть российского народа не хотела отдавать все силы на то, чтобы делать величайшую революцию, а меньшая часть и хотела, и отдавала — но так, что глаза бы не глядели.

А кроме решений правительства существовали еще и решения, которые массы на основании своего опыта принимали сами. Одним из главных выводов предшествующих лет стал следующий: социальное партнерство (или как там оно в то время называлось) — это сказочки для дурачков. Народ и власть разговаривают друг с другом с позиции силы. Начал этот высокодуховный диалог еще Столыпин со своими нововведениями обоего рода (военно-полесвыми судами и реформой), не предполагавший, что настанет время, когда мужик окажется сильнее. А оно таки настало. Потренировавшись на бесхребетных «временных», крестьяне окончательно вошли во вкус уже при большевиках. Однако Совнарком недостатком решительности ни в коей мере не страдал, а у низовых властей ее могло бы быть и поменьше. Впрочем, и народ тоже...

В разных регионах война власти и крестьянского населения развивалась по-разному. Везде были свои нюансы. Но имелось и кое-что общее. Во-первых, непреложное правило: чем богаче, хлебороднее район, тем ожесточеннее столкновение. Это понятно, поскольку активность повстанцев напрямую зависела от суммы прибыли, не полученной в результате хлебной монополии. Во-вторых, причины везде одинаковы, и было их три, все тех же самых: война, хлеб власть.

Куды крестьянину податься, или податей не платить

Красные придут — грабят. Белые придут — грабят. Куды крестьянину податься?

Из фильма «Чапаев»

Учитывая огромную власть, данную продработникам, в продкомиссариаты надо было командировать людей опытных, образованных и честных. Да вот только откуда их таких взять? За неимением гербовой

приходилось писать даже не на простой, а на всем, что подворачивалось под руку, черт знает на чем, право слово...

Вернемся в Тюмень. В сентябре 1920 года губпродкомиссаром туда назначили Григория Инденбаума. В конечном итоге им были недовольны, потому что именно его контора вызвала восстание. Но восстание вызвали бы любые люди и любые методы данной конторы, поскольку тюменские жители не желали выполнять *никакой* продразверстки, ни пуда хлеба давать за ничего не стоящие бумажки. А Инденбаум-то по меркам того времени оказался просто на удивление приличен. Человек довольно образованный (среднее техническое образование по тем временам — не кот начихал)¹, большевик с 1915 года, а всего-то исполнилось этому высокому начальству к тому времени двадцать пять годов. Кем был до того товарищ Инденбаум — неведомо, но, судя по всему, на продработе состоял не первый день.

«До сих пор целый ряд препятствий, встречающихся в вашей работе, — пишет он в своем циркулярном письме, — заставлял людей, стоящих вдали от продработы, рассматривать эти препятствия как преступления с нашей стороны, и нередко поднималась травля продработников не только со стороны рабочих, но даже иногда и нашими партийными товарищами. Все это крайне неблагоприятно отражается на саму продработу, и для устранения создавшегося положения мною был поставлен вопрос перед губкомом и губисполкомом о ликвидации этих недоразумений...»

Препятствия, однако... Надо же быть честными! Давайте напряжем воображение и поставим себя на место какого-нибудь продкомиссара. Продработников ненавидели все. Крестьяне — за то, что они отбирают слишком много хлеба, рабочие — за то, что добывают слишком мало хлеба, военные — по той же причине плюс еще и за то, что сидят в тылу. Партийные и советские власти всех уровней ругали их одновременно за то, что плохо выполняют продразверстку и что допускают перегибы в ходе ее выполнения. Каждый хозяин кричал, что помрет с голоду и его смерть будет на твоей совести, и пойми разбери, помрет он, если вывезут хлеб, или даже не похудеет. А ведь за твоей спиной в голодающих

¹ Кстати, одна из версий, почему в революционной верхушке было так много евреев, — среди них больше образованных людей, чем среди русских. Не стоит забывать, что многие образованные русские не питали симпатии к большевикам.

губерниях люди каждый день реально умирают от голода! Ну и как быть? Станешь работать аккуратно — не выполнишь задание и тебя будут постоянно тыкать носом в то, что горожане и красноармейцы голодают, а ты, гад такой, ничего не делаешь. Перегнешь палку — либо арестуют свои, либо убьют повстанцы, и как убьют! (Впрочем, если не перегнешь, убьют точно теми же методами.) Легко критиковать товарища Инденбаума сидючи на мягком диване, — а вы прочувствуйте, прочувствуйте!

При таких условиях и устрица начала бы кусаться — а эти хлопчики были ой не устрицы! Очень скоро многие низовые работники начали исходить из того, что задание должно быть выполнено любой ценой, а мужик с голоду не помрет, прокормится.

Из донесения начальника милиции 3-го района М. И. Жукова в политбюро Ишимского уезда. Конец декабря 1920 г.

«Уполномоченные продорганов приказали вывезти весь хлеб, как семенной 21-го года, так и продовольственный. Граждан страшно волнуют таковые приказы ввиду голода.

Настроение района очень резкое. Хлеб вывозится до зерна. Граждане взволнованы. Продорганы действуют несерьезно. Прошу выехать и вопрос решить на месте. Последствия очень печальные, предвещая возможные восстания. И если вами ничего не будет предпринято, то прошу снять с меня всю ответственность за район, который так резко настроен. Искоренить резкие и нахальные действия продорганов я не в силах...»¹

Донесение сотрудника Петропавловского отделения районной транспортной ЧК Козловского в ОРТЧК. 10 декабря 1920 г.

«Сообщаю, что в Беловской волости находится губтройка с отрядом под председательством тов. Крестьянникова, который с крестьянами поступает весьма гордо, арестовывает советы без ведома и не сообщает волисполкомам.

До доклада председателя Беловского волисполкома видно, что Крестьянников арестовывает невинных граждан и сажает в холодные амбары. Прошу вас выехать в район нашей волости и расследовать это

¹ За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии. С. 79.

дело, т. к. крестьяне все возмущаются на советскую власть. В селе Никольском совет арестован и хлеб берут, даже не оставляют нормы. Если крестьянин просит, то они не дают разговаривать»¹.

Заявление жителя дер. Покровка Викуловской волости Ф. Давыдова в политбюро Ишимского уезда. Середина декабря 1920 г.

«Декабря 10 дня 20 г. я, гражданин дер. Покровка Викуловской вол. Ишимского уезда Тюменской губ., будучи на казенной работе по уборке скота в селе Викулово. Как сего же числа приехал ко мне в дом райпродкомиссар тов. Заплетин с отрядом красноармейцев и начал производить обыск, говоря, что мы все спрятали. Впоследствии чего прятанного не нашли, приступили к хлебу, который был приготовлен для обсеменения полей в 21 г., и выгреб все, которого насыпал шесть возов, не считаясь ни с кормом крестьянином лошади и коровы, только оставил часть муки. После этого взрывал в полах доски: нигде ничего не оказалось. Потом стали брать сырые коровьи кожи, опоки овчины, волокно, куделю, сало, гусей колотых и т. п. Когда я спросил т. Заплетина причину всему этому, он заявил, что несвоевременно выполнили вы разверстку. Но разверстка нами выполнена»².

В этой истории, как и везде, есть свои нюансы. Дело в том, что райпродкомиссар Заплетин был крестьянином того же уезда. И что там произошло на самом деле — никому не известно. Судя по тому, что у автора письма одна корова и одна лошадь, он бедняк. Может, имелись между ним и комиссаром какие-то старые счеты, вроде пьяного мордобоя? А может, он был кулаком, который зарезал скот, чтобы не сдавать разверстку (иначе откуда сырые коровьи кожи), и тем нарвался на штрафные санкции? А что жалобу написал... так жаловались все, и все в жалобах называли себя несправедливо обиженными.

Телеграфное донесение Аббатского волисполкома советов в Ишимский уездный земельный отдел. 19 декабря 1920 г.

«На выполнение разверсток продовольственного хлеба не хватает. Под угрозой конфискации и лишения свободы со стороны председателя чрезвычайной тройки Соколова население сдает семенной хлеб, не

¹ Там же. С. 54.

² Там же. С. 59.

оставляя себе. Будет недосев. Шерстяная разверстка достигается стрижкой овец, которые падут от мороза. Как быть?»

Мы еще встретимся и с Соколовым, и с Заплетинным, и с Крестьянниковым при обстоятельствах, трагичных для всех троих.

...В середине декабря в губернию пришла неожиданная помощь — туда прислали полсотни екатеринбургских продработников, из которых мандатов уполномоченных удостоились всего девять, — однако получился мощный подлив керосина в и без того уже загорающийся костер. Екатеринбург никогда не отличался умеренностью нравов по причине большого количества заводов. Голодающий пролетарский элемент в миротворцы категорически не годился. Не говоря уже о том нюансе, что между крестьянами и заводскими еще в 1918 году вспыхивали жестокие схватки за землю, отчего у данных сословий друг к другу имелась большая и горячая нелюбовь.

В число «десанта» входили и братья Абабковы, Иван и Никифор. Каждый из них отличился в свою сторону.

Из постановления уполномоченного политбюро Ишимского уезда Д. Калинина. 30 декабря 1920 г.

«Абабков, будучи по делам службы — как уполномоченный губпродкома по проведению государственной разверстки — 23 декабря в с. Бердюжское, произвел в присутствии массы крестьян в помещении волисполкома шум, крик и матерную брань по адресу членов исполкома — коммунистов, называя их негодяями и собаками, производил противозаконные аресты, а пришедшего на этот шум местного райначальника милиции Нечаева, попросившего объяснить, чем вызван такой шум, Абабков объявил Нечаеву арест, но затем от такового освободил и приказал, чтобы население Бердюжской волости выполнило полную разверстку 100% в 72 часа, хотя где бы то ни было граждане брали продукты и хлеб.

Кроме того, тот же Абабков, будучи в дер. Окунево Уктузской вол., производил издевательство над женщинами и детьми, приказав кр-цам в собравшуюся толпу — выше голов последних — выстрелы из ружей, каковое приказание Абабкова производилось кр-цами в исполнение, которые производили выстрелы и били женщин прикладами.

Тот же Абабков и его помощник Овчинников произвели массовые аресты граждан, неизвестно за что, в числе 48 чел., держали их в тесном помещении без предъявления вины и постановления об аресте,

намереваясь отправить арестованных пешком в Тюмень. Абабков дал распоряжение прекратить обедню, и его распоряжение было исполнено, и народ от обедни ушел».

Впрочем, милиционер Нечаев оказался решительнее своего коллеги Жукова и управу на оборзевшего подработника нашел скоро. Уже 27 декабря тот был арестован вместе со всем отрядом. На самом деле ничего необычного он не делал — но то, что было в норме в других регионах, в Тюмени не прокатывало.

Брательник его тоже не отставал.

Из сводки помощника начальника милиции 4-го района Ишимского уезда В. С. Накорякова. 20 января 1921 г.

«1921 года, января 3 дня, уполномоченный Абабков по приезде из села Уктуз в село Бердюжье, который нанес побои зав. Бердюжинской продконторой тов. Родзянко за то, что Родзянко вынес доклад на партийном собрании, что не нужно ссыпать семенной хлеб в один амбар, кроме этого, за то, что на ссыпном пункте не хватало весов для скорейшей приемки хлеба.

За время пребывания в с. Уктуз Абабков наносил побои члену Уктузского волисполкома за то, что ямщик подал плохих лошадей. Также избиты сельские пятерки. Вообще отряд Абабкова принимал участие в нанесении побоев всем арестованным гражданам, но по распоряжению Абабкова из числа 56 человек арестованных оказались почти все избитыми. У некоторых были проломы в голове. При допросе Абабков Никифор не давал ни одному гр. объясниться ради оправдания. Последнего тут же схватывал Абабков и бил, а потом отводили в холодный амбар, сняв зимнюю одежду, тулупы, которые забирал Абабков и раздавались отряду — красноармейцам без возвращения».

Впрочем, куда сильнее повлияла на состояние дел другая его инициатива.

Приказ чрезвычайного уполномоченного Тюменского губпродкома Н. П. Абабкова Дубынскому волисполкому Ишимского уезда. Конец декабря 1920 г.

«Предписываем на основании распоряжения центра выполнить государственную разверстку полностью, не соблюдая никакие нормы, оставляя на первое время на каждого едока по 1 пуду 20 фунтов и так-

же соблюдая классовый принцип, то есть вся тяжесть разверстки ложится на зажиточный класс. За неисполнение настоящего приказа будете отвечать и будут приняты самые суровые меры, вплоть до предания суду ревтрибунала»¹.

На тексте документа есть пометка: «Этот приказ вызвал восстание». А вот это уже очень серьезно. При таком повороте дела ретивый продкомиссар со своими методами мог получить и высшую меру.

Думаю, если бы тюменский губпродкомиссар Инденбаум был назначен в Поволжье или в Тамбов, там бы изорвали все лозунги «Долой жидов!», потому что Тюменская губерния поражает каким-то мелким качеством злоупотреблений. Но и такая работа властей все равно привела к восстанию (подозреваю, что к восстанию привела бы любая работа, за исключением полной отмены налогов и введения вольных цен на все — впрочем, тогда бы начался голодный бунт). В феврале в огне восстания сгорел и попавший в руки повстанцев продкомиссар.

Собственно, то же самое происходило по всей стране. Отчаявшись собрать продразверстку дозволенными методами, продработники повсеместно переходили к недозволенным, обрекая местное население на голод (или не обрекая, ежели кроме хлеба в амбарах имелся еще и таковой в ямах). Вот несколько документов из Тамбовской губернии.

***Из доклада заведующего орготделом губпродкома П. В. Шкарина.
Не ранее января 1920 г***

«Метод реквизиции этого года в корне изменен по сравнению с прошлым годом: в прошлом году отряд, придя в волость или село и получая отказ в сдаче излишков, приступал к подворной реквизиции и найденные излишки реквизировал. Это давало возможность крестьянам перевозить хлеб из деревни в деревню при приближении отряда, прятать его и т. д. Теперь к данному селу предъявляется требование — сдать причитающуюся по разверстке сумму излишков и неисполнение разверстки рассматривается как преступление и с данного села забирается весь хлеб, весь скот и производятся аресты»².

¹ Там же. С. 70.

² Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 г. Документы и материалы. <http://www.tstu.ru/win/kultur/other/antonov/kan18.htm>

Из оперативной сводки начальника продотряда губпродкомиссару о ходе реквизиции хлеба в Козловском уезде 16 февраля 1920 г.

«С раннего утра красноармейцы с агентами приступили к исполнению своих обязанностей. Сего числа был контролер от Наркомпрода т. Абакумов, который со своей стороны заметил неправильные действия уполномоченного в том, что мы не оставляем крестьянам норму, какая им полагается, но он, конечно, забыл о том, что если мы будем считаться с нормой, то цифры, которые полагаются с Козловского уезда, взять мы не сможем. Разъясняю, что если будут являться такие контролеры, то продуктивной работы быть не может. Но мы не обращаем внимания на контролера и продолжаем работать, как работали ранее»¹.

Ну и что с таким кадром можно сделать, если и родная контора ему не указ?

Из доклада уполномоченного Усманского уездного исполкома Я. Воронских. 27 апреля 1920 г.

«Получив полномочия для работы при продотряде Демчинской волости, я совместно с волисполкомом немедленно приступил к осмотру разверстки и незаконных действий продотряда в некоторых сельсоветах. 23 апреля продотряд ловил всех граждан, шедших в совет и просто проходивших мимо исполкома. Пойманных сажали в амбар и отправляли в Усмань без всяких причин к аресту. Много случаев избияния жёниц плетками (закрыто и открыто), били и членов совета. Был даже и такой случай. Красноармейцы стали бить жёниц прикладами, сельский учитель Алексеев и председатель пролеткульта Ярцев стали говорить, что так делать нельзя. А их арестовали и посадили в амбар. На вопрос председателя уисполкома Шишкина „Имеете ли вы право сечь плетками?“ комендант Светлов ответил — “Декрета о запрещении бить плеткой нет“. И эти слова были произнесены в большой массе присутствующих.

Много случаев, когда врывались в дома без представителей местной власти, делали обыски, забирали вещи, которые им нравятся. Копии с акта о конфискации вещи и расписки неразборчивы... Население политически и морально убито... Разверстка проводилась не по классовому

¹ Там же. <http://www.tstu.ru/win/kultur/other/antonov/kan20.htm>

принципу, ни с чем не считаясь, продотряд угнал стадо коров, среди которых много пропало у бедняков и семей красноармейцев, хотя многие семьи красноармейцев выполнили продразверстку, им коров не возвращают... Семенной картофель весь отбирают, были случаи — вырывали и резаный картофель. 21 апреля особоуполномоченным упродкома Зыбиным было отдано распоряжение, запрещающее пахать в поле, ехавших в поле — арестовывать, отбирать лошадей и сажать в амбар. Отмены данного распоряжения до сих пор не последовало... Я прошу уисполком принять меры и выгнать всю сволочь из продотряда, которая дискредитирует Советскую власть»¹.

Такое творилось по всей стране — точнее, по всем губерниям, где был хлеб. Если бы продотряды... но «если» тут не работает, потому что продразверстка была неотделима от методов ее проведения по причине уже сто раз упомянутых факторов: нет хлеба, нет кадров и идет война.

***Из доклада председателя Тюменской губЧК П. И. Студитова.
5 апреля 1921 г.***

«Продовольственная кампания, которая должна была пройти в 21-м году по Сибири, в частности, по Тюменской губернии, не могла не оставить своих препятствий, принимая во внимание, что впервые ложится на плечи сибирского крестьянина это тягло, к которому он не привык, а также по своему социальному положению он стоит далеко от принципов советской власти...

(Дальше он говорит об отсутствии политической работы в деревне и о невнимании к сельским ячейкам РКП(б). — Е. П.)

...Как в начале, так и в конце продработы не было попыток взять политический контроль над действиями продорганов, что и развязывало руки в незаконных действиях и бессистемной работе продорганов...

Участвуя лично сам в ликвидации январского ишимского восстания, выехал с 50 кавалеристами в Ишимский уезд. Нельзя было не подметить преступную работу продорганов, которая выражалась в сбивчивой и бестолковой тактике о норме, на почве чего нередко приходилось наблюдать самому крестьянину брань и скандал между продработниками, от которых исходило одно распоряжение о 10-пудовой норме на едока, второй дает распоряжение на 8 пудов. Смотришь, третий говорит со-

¹ Там же. <http://www.tstu.ru/win/kultur/other/antonov/kan24.htm>

вершенно другое: что никакой нормы быть не может, а надо выполнить то, что наложено по разверстке¹.

Помимо этого, не единичные случаи со стороны продработников — выходки, которые называются преступлением, как то: грубое отношение, были случаи побоев, никакие заявления не принимались во внимание, бесшабашная конфискация, а также не было твердой уверенности в том, что останется хлеб у крестьянина или отбирается до зерна. Это говорят примеры: имея сведения из какой-либо волости о голодовке, что и принимались меры удовлетворения через губпродкомиссара, каковой при первом этом вопросе становится в тупик и не может дать ответа: действительность это или нет², уже не говоря о том, что могли предвидеть этого положения»³.

И в качестве резюме:

«Предлогом к восстанию использовали благоприятную почву, созданную продработой. Беспочвенная политика продорганов в вопросе государственной разверстки, которая не могла дать ни малейшей гарантии в благоприятном сборе семян. Кормовой и норма, которые должны были остаться для существования, также ни один продработник не может дать гарантии в том, что осталось для этой цели у крестьянина или нет. Политика продорганов далеко стояла от этого, едва ли можно будет ошибиться в понятии их выполнения разверстки, которая заключалась в том, во что бы то ни стало назначенную норму наркомпродом выполнить. И выполнение это было применено под силой штыка, не задумываясь о последствиях. Эта политика продорганов развязывала руки техническим исполнителям. Их действия нередко сопровождались преступлениями, и надо сказать, что контрреволюция подготовилась к этому, учтя политическую неразвитость сибирско-

¹ В исходных документах норма установлена в 13,5 пудов. По-видимому, ее уменьшение связано с тем, что подразверстка проводилась зимой, а норма рассчитывалась со времени обмолота, т. е. с сентября.

² В переводе на нормальный русский язык это означает: если где-либо возникал голод, в случае которого власти обязаны были оказать продовольственную помощь, губпродкомиссар не мог ответить, сколько хлеба было оставлено у крестьян и на самом деле там имел место голод или только крики о нем в расчете на получение дополнительного зерна.

³ За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии. С. 613–615.

го крестьянства, шкурнические и собственнические убеждения его. Плюс ко всему этому слабость наших советских и партийных органов, в силу чего были преступления со стороны технических исполнителей продработы»¹.

В принципе, то же самое происходило во всех хлеботорговых губерниях, где продкомитеты, пользуясь особыми правами, подмяли под себя все и всех. В деревне формировался внутренний фронт — между зажиточными крестьянами и продработниками. Уровень зажиточности определялся аппетитами продкомов. Если ради выполнения продразверстки начинали трясти бедняков, то и бедняки брали в руки вилы и поднимались против власти. Если нет — значит, нет...

Впрочем, в глазах продкомиссара, только что пришедшего в деревню с голодающего завода, и бедняк был не беден. Ибо все относительно...

***Наплявать, наплявать, надоело воевать...
или рекрутов не давать***

Как родная меня мать провожала,
Тут и вся моя родня набежала.
«Ах, куда ты, паренек, ах, куда ты,
Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты».

Демьян Бедный

Одновременно с хлебозаготовками летом 1918 года красная власть начала проводить другую, не менее ненавистную крестьянам операцию, которая касалась уже всего населения. Речь идет о мобилизации.

Собственно, чего-то подобного следовало ожидать. Можно было тешиться маниловскими проектами о добровольческой Красной Армии, пока не было настоящей войны. Но после того как в мае 1918-го чехословаки подняли мятеж, на который откликнулись и белые, и эсеры, стало ясно, что дела пошли всерьез, и дела паршивые. Мигом сориентировавшись, 29 мая ВЦИК принял постановление о принудительном наборе трудящихся в Красную Армию. Или, говоря более понятными словами, о мобилизации. Позиция населения, которое едва успело по-

¹ Там же. С. 647–648.

кончить с одной войной и уже получило другую, в комментариях не нуждается, хотя и тут имело место расслоение.

Бедняки шли более охотно — им было за что бороться, да и государство оказывало помощь красноармейским семьям. Прочие крестьяне старались, как могли, уклониться от призыва, а при попытке нажать на них брались за колья, вилы и спрятанные винтари. Военные комиссариаты формировались на ходу, в них широко пользовались услугами офицеров царской армии, у которых имелись, мягко говоря, не совсем подходящие для советской власти привычки, да и к измене данный контингент был чрезвычайно склонен. А без них тоже никак — ни рабочий, ни студент мобилизации не проведет.

Так что, если не было мирского приговора, в Красную Армию уходили в основном бедняки-активисты, еще более ослабляя позиции Советской власти в деревне, прочие же упорно игнорировали мобилизацию. А добиться приговора было не так-то просто.

«В Кунгурском уезде (Пермской губернии. — Е. П.) в июне было одно крестьянское выступление. С объявлением мобилизации их стало 17... Движение началось с Богородской волости, где при объявлении призыва в Красную Армию собрание крестьян приняло резолюцию с отказом от мобилизации и осуждением братоубийственной войны. Резолюция была распространена в соседних волостях, где стали создаваться „оборонительные комитеты“ (штабы) и проводиться своя мобилизация. Главный штаб мятежников вел работу в деревне под эсеровскими лозунгами. 25 июля в селе Рождествено состоялся сход, где участвовало более тысячи крестьян. По предложению эсеров сход принял решение о восстании против Советской власти... В конце июля был создан районный военный штаб, координировавший действия 23 присоединившихся к восстанию волостей. В движение было втянуто до 10 тыс. крестьян.

В августе восстали Усольский, Осинский и Оханский уезды. Центром восстания в Оханском уезде стало богатое село Сепыч. Под влиянием агитаторов этого села 15 тыс. крестьян из 12 волостей отказались от явки на призывные пункты, протестуя против мобилизации и хлебной монополии. В Сепыче в первые дни мятежа было убито 49 коммунистов и работников Совета...»¹

¹ Осипова Т. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. С. 117–118.

Впрочем, для того чтобы справиться с восстанием, не понадобилось даже воинских частей, да и сражаться не пришлось. Едва отряды рабочих, сельских коммунистов и ЧК подошли к мятежному селу, крестьяне освободили тех арестованных, кто был еще жив, и арестовали главарей (хотя, подозреваю, подлинные организаторы успели сбежать)¹.

Бывало и такое, что призывники являлись, получали оружие, а потом поворачивали его против красных. Вот типичное для того времени восстание, случившееся осенью 1918 года в Рязанской губернии:

«1 ноября в г. Михайлове мобилизованные и проходившие военное обучение крестьяне, захватив оружие, разошлись по уезду, громя Советы и комбеды, отказывающиеся присоединиться к восставшим. Арестованных советских работников собрали в школе на станции Виденки и готовили над ними расправу. Советы Михайловского уезда присоединились к восставшим. Средние крестьяне и беднота во многих местах поддерживали выступление мобилизованных. В Плахинской волости возглавил штаб восстания председатель волсовета Туманов, а его помощниками были матрос-дезертир из Кронштадта Никитин и местный дьякон (какое трогательное единение власти, церкви и армии — вы не находите? — Е. П.). В селах Ижевском, Новом и Старом Киструссе штабами мятежников руководили местные военруки Мельников, Любомиров, инструктор всеобуча Тарасов, учитель Ракчеев, левые эсеры Гутков и Макишин, бывшие офицеры Чельков, Николаев, Алексеев. Общее руководство осуществлял штабс-капитан Голубкин. На 12 ноября в восстание было втянуто 20 волостей уезда. Отряд уездного Совета был разбит повстанцами в первые же дни. Город Михайлов был окружен многотысячными толпами крестьян, вооруженных вилами и топорами»².

Достигнув некоей критической массы, восстание приобрело добровольно-принудительный характер. События в Касимовском уезде той же губернии проливают свет на причины массовости выступления. Они предельно просты. Захватив Касимов, повстанцы разошлись по уезду. «Угрозами расстрела и поджога домов восставшие принуждали

¹ На самом деле вовсе не факт, что бунтовали и арестовывали главарей одни и те же крестьяне. Скорее, с подходом отрядов активизировалась «красная» половина села, а бунтовщики разбежались по домам.

² Осипова Т. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. С. 252–263.

крестьян идти к городу. Всюду распространялись слухи о падении Советской власти в Москве, Петрограде, где якобы уже другая, „народная власть“. Вместо Советов создавались волостные и сельские управления из кулаков, солдат и офицеров. За неделю восстание охватило 10 волостей, т. е. половину уезда».

Конец восстаний тоже был однотипен. Пока власти высылали агитаторов и маломощные отряды, их били, разоружали, иногда расстреливали. Но едва на горизонте показывались относительно крупные и дисциплинированные части, безразлично, армейские или местные, толпы повстанцев, как правило, разбегались по домам после первых же выстрелов. Вояки из мужиков были никакие, и до тех пор пока по деревням и лесам не накопилось достаточно дезертиров, «крестьянская война» вспыхивала, но не горела.

...Однако вернемся к проблемам призыва. Большевистская власть попала в трудное положение — ее мобилизация оказалась первой. Но зато потом у селян было кого и с кем сравнивать — материала для сопоставления набралось предостаточно.

Летом 1918 года в Поволжье власть на значительной территории перешла к так называемому Комучу, или эсеровскому Самарскому правительству. Деятели Комуча в точности повторили большевистский путь. 8 июня, в день взятия Самары, было объявлено о формировании «народной армии» для создания антигерманского фронта. Армия, как и РККА полгода назад, предполагалась добровольческой, однако эсеры столкнулись ровно с тем же, с чем и большевики: крестьяне воевать не хотели, тем более с немцами. 30 июня Комуч... объявил мобилизацию, а вы что подумали? Население стало ее саботировать точно так же, как и с красной стороны. И тогда по деревням пошли команды.

«Крестьяне семи волостей Бугурусланского уезда отказались от явки на призывные пункты. В Ключевской волости молодежь, избегая мобилизации, скрылась. Для наведения „порядка“ прибыл отряд в 200 казаков. Не желавших вступить в армию стегали нагайками, родителей скрывшихся призывников выпороли, 18 человек арестовали, двоих расстреляли... Всюду Комуч „вразумлял“ карательными отрядами, поркой, расстрелами без суда и следствия»¹.

¹ Там же. С. 126.

Контраст с красными был ощутимый — те все же предпочитали агитацию, первыми не стреляли, да и то больше в воздух, а за эксцессы вроде порки жестоко карали своих же. В результате уже летом на всей территории, занятой Комучем, начали вспыхивать восстания.

«По сообщению разведчика Строганова в политотдел штаба II армии от 15 сентября 1918 г., в занятом белогвардейцами Чистопольском уезде Казанской губернии настроение даже богатых крестьян изменилось в пользу Советской власти, так как за малейшую провинность белые расстреливают крестьян. От грабежа белых, писал Строганов, больше всего страдает середняк, так как богатые скрываются или поддерживают белогвардейцев, а у бедняка взять нечего. Теперь... все жалеют о Советах. Ждут прихода Красной Армии. Крестьяне провалили мобилизацию четырех возрастов в „народную“ армию. Даже волости, которые при Советской власти высказывались за Учредительное собрание, не мирятся с властью белых, хотят получить оружие для борьбы с ними. Многие крестьяне, получив оружие в „народной“ армии, вернулись в деревни и начали борьбу с белыми.

...15–16 августа в селе Пролей-Каши Тетюшского уезда состоялось собрание, на котором присутствовало 120 представителей соседних волостей... решение сорвать призыв было поддержано как русским, так и чувашским крестьянством. Когда в село прибыли каратели, направленные местным помещиком, бывшие фронтовики обезоружили их. На следующий день прибыл усиленный отряд во главе с помещиком. Было арестовано 9 человек, при этом кулаки выдали карателям еще 16 крестьян из середняков. Село стало центром партизанского движения»¹.

Когда на горизонте появляется помещик — плевать крестьянам на какое-то там Учредительное собрание! А тут еще самарское правительство во всеуслышание заговорило о том, чтобы снова начать войну с немцами, — хотя эсеры как революционные деятели, специализирующиеся на работе в деревне, могли бы быть и поумнее.

Лучший опыт — тот, который получаешь на собственной шкуре. В Мензелинском уезде Самарской губернии местное татарское население на объявление красной мобилизации ответило восстаниями. А после того как уезд несколько недель побыл под белыми², почти все мужчины ушли

¹ Там же. С. 128.

² В данном случае эсерами, но для населения разница была неощутима.

в Красную Армию. В Псковской губернии, тоже ощутившей, что несет для них потеря советской власти, на октябрьский призыв откликнулось вдвое больше людей, чем требовалось, а на последующие — втрое больше.

Впрочем, повстанцы не отставали. Вернемся в Рязанскую область. Как вы думаете, что они предприняли, едва захватив власть? Ни за что не догадаетесь!

«2 ноября солдатским собранием Запинской волости было создано управление, первым постановлением которого было: мобилизовать всех 20–35-летних и создать из них партизанский отряд. Было предписано задерживать всех сочувствующих коммунистам. Разрешалась свободная торговля... Чтобы старая власть не вернулась, гражданам 18–40 лет приказывалось вооружиться и с двухнедельным запасом провизии явиться на сборный пункт в с. Занины-Починки. За неявку приказ грозил жестокой расправой»¹.

А вот приказ повстанческой комендатуры г. Ставрополя, захваченного восставшими 8 марта 1919 г.

«Ставропольское комендантское управление предписывает всем волостным произвести мобилизацию всех граждан от 18 до 50 лет включительно. Назначить сборный пункт при волостных советах. Избрать предводителя отряда и по первому требованию из окрестных сел или из Ставрополя немедленно выслать отряд. Вооружить мобилизованных оружием, какое найдется у граждан на месте, впредь до высылки оружия из Ставрополя. Граждане, уклоняющиеся от явки на сборный пункт, будут преследоваться законом со всей строгостью военного времени».

Так что, как видим, на добровольный принцип уже к осени 1918 года не полагался никто.

В результате всех этих сложных процессов большевики все же добились своего. Около 80% призывников в конце концов пополнили Красную Армию. Но это было только начало...

...Мобилизации шли одна за другой, чем дальше, тем менее успешно. Весной 1919 года началось массовое дезертирство. Дезертирами счита-

¹ Осипова Т. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. С. 252–263.

лись как собственно покинувшие ряды армии бойцы, так и уклонившиеся от призыва. Последних было большинство — около 90% дезертиров так и не добрались до фронта, не явившись на призывные пункты либо удрав оттуда или из эшелонов. Отправлялись они после этого, как правило, по домам. Деревни кишели дезертирами, с которыми местная власть своими силами справиться не могла, а при приближении отрядов по борьбе с дезертирством те тут же перемещались в ближайший лесной массив. Собственно, именно они и дали название, которое позже стали применять ко всем без исключения бандитам, — «зеленые», поскольку при малейшей опасности этот контингент отправлялся прятаться в лес. Естественно, в такой обстановке каждый новый призыв приносил все худшие результаты.

Например, летом 1919 года в знаменитой Тамбовской губернии насчитывалось около 50 тыс. дезертиров, а к концу года — уже около 120 тысяч. В лучшем случае те сидели по домам, но многие расценивали войну как веселое время — в армию они идти не желали, зато охотно сбивались в банды, громили продовольственные и красноармейские отряды, срывали хлебозаготовки. Крестьянам от этого легче не становилось, потому что ведь и бандам тоже надо чем-то кормиться.

Впрочем, размах дезертирства отнюдь не означал, что все эти люди были против советской власти. Все намного проще. Конечно, беззаветные патриоты идут на войну, невзирая ни на что, но большинство солдат совершенно справедливо полагает, что государство, призвав рекрутов, должно их как минимум кормить и одевать, а также позаботиться об оставленных семьях. В Красной Армии с кормежкой и обмундированием обстояло очень плохо, положенные льготы семьям красноармейцев сплошь и рядом не соблюдались, да и жизнь с приходом новой власти легче не стала. В общем, как там у Демьяна Бедного говорилось:

«В Красной Армии штыки, чай, найдутся.
Без тебя большевики обойдутся».

Но когда осенью 1919 года Деникин стал приближаться к Москве, «уклонисты», которых не могли выловить никакими мерами, начали сами выползать из лесов и проситься в Красную Армию. По-видимому, возвращения благословенной Ъ-России боялись в прямом смысле пуще смерти. Добровольно вернулся почти миллион человек. Деникина разбили — и все началось по-новой.

Увеличиваясь в числе, дезертиры постепенно становились бедствием. Естественно, в губернии, где по лесам шляется сто тысяч «уклонистов», ни о каких новых мобилизациях речи быть не может. Для осени 1919 года нормальная цифра явки на сборные пункты — 15–20%, а то и 10% призывников. По селам ходили отряды комитетов по борьбе с дезертирством — комдезов. Когда они работали как положено, выглядело это примерно так.

«Вот типичный пример работы комдеза летом 1919 г. в одной из зажиточных волостей Ливенского уезда Орловской губернии, переполненной дезертирами. Прибыв в волость, комдез призвал их к добровольной явке. Но деревни словно вымерли — люди спрятались, скот угнали, на избах замки, говорить было не с кем. Председатель волисполкома подтвердил, что дезертиров много, но население твердо решило не выдавать их. Начальник отряда расклеил извещения, что если через 4 часа дезертиры не явятся, то приступят к описи имущества и отправке его в уезд. Население стало возвращаться, но без дезертиров. Отряд в переговоры не вступал. По истечении срока приступили к описи и погрузке имущества. Через час после этого население потребовало начальника отряда на сход. После короткой беседы постановили: „Всем дезертирам идти на фронт“. Имущество было возвращено. Дезертиры с песнями пошли в Ливны. По дороге к ним присоединились толпы дезертиров из соседних сел»¹. Результатом этого похода стали 7 тысяч новых бойцов для Красной Армии, а если они потом снова разбежались — то виноват в том уже не комдез.

А вот пример неположенной работы представителей комдеза. Предыстория этого дела такова. Двое агитаторов из рабочего продотряда хорошо поработали в Рыбушинской волости Саратовской губернии, началась ссыпка хлеба. А потом туда заявился отряд по борьбе с дезертирством под командованием товарища с фрейдиристской фамилией Безбабный.

Из донесения агитаторов Саратовского уисполкома Г. Саара и Н. Трусова. 25 мая 1919 г.

«Карательный отряд, прибывший для борьбы с дезертирством... 18 мая в 18 часов начал бесцеремонно в окна барабанить и всех, у кого не оказалось документов, при крестьянах били плетью. 19 мая 1919 г. красноармейцы карательного отряда ставили одного дезертира к стен-

¹ Там же. С. 319.

ке и говорили собравшимся крестьянам: „Смотрите, старики, как мы его расстреляем“.

После этого карательный отряд поехал в дер. Золотая Гора, где убили одного дезертира, хотя его можно было поймать. Потом командир отряда Безбабный, сам пьяный, хотел нагнать лошадей на слепого старика, отца убитого, и угрожал ему револьвером. Солдаты карательного отряда били слепого старика прикладами. После этого карательный отряд два раза вел убитого через деревню, причем солдаты говорили: „Мы ведем его хоронить, будем хоронить его в глубину, как собаку.“

После этих церемоний пьяный командир отряда держал речь крестьянам, в которой говорил: „Если вы в течение трех часов не выдадите всех дезертиров, то мы сожжем вашу деревню, затопчем ваши поля, вырубим ваши сады, потому что у нас есть на это разрешение“. (Он вынул свои документы и указал крестьянам на них.)

После проезда по дер. Золотая Гора отряд начал глушить рыбу в реке районе с. Рыбушка. Бросили в реку около 35 бомб, а в рыбу, которая плыла сверху, они стреляли из винтовок... 20 мая 1919 г. мы сами были свидетелями того, как красноармейцы отряда стреляли на улицах с. Рыбушка в разные птицы».

Едва ли товарищу Безбабному, несмотря на тыловую службу, суждено долго ходить по земле: доиграется он до того, что либо мужики забьют, либо ревтрибунал к стенке поставит. Но этим дела будет уже не поправить: после визита такого отряда ни о каком взаимопонимании населения и власти говорить не приходится. Да и эффективность его работы, судя по данному документу, была никакая, один шум...

Менее чем нулевой эффект получился от действий отряда некоего Черемухина в Самарской губернии, который только в одном селе Машиновском сжег 283 двора. Баловался он и расстрелами: за два месяца в четырех уездах казнил 139 человек. А вот Красную Армию товарищ Черемухин не пополнил — наглядевшись на его «усмирение», отряды дезертиров прорвались сквозь красный заслон и ушли к Деникину. Дальнейшая их судьба неизвестна — вполне возможно, что через несколько месяцев эти люди оказались все-таки в Красной Армии, однако заслуги Самарского комдеза в том нет никакой.

Естественно, дезертиры, находившиеся на полулегальном или полностью нелегальном положении, были готовой военной силой для крестьянских восстаний даже сами по себе, а уж если сход приговорит...

А сход после визитов таких товарищей, как Безбабный или Черемухин, приговорит, в том можно не сомневаться...

Власть попала в заколдованный круг. Кажется, единственный реальный путь умиротворения деревни в то время шел через восстание — после разгрома очередного выступления и истребления антисоветского актива ситуацию на какое-то время удавалось нормализовать. В основном с дезертирами покончили уже после окончания Гражданской войны, а отдельные банды вылавливали аж до середины 20-х...

Тьма египетская, или власть и народ в натуре

— Волю я вам дал? Землю барскую получили? Чего вам еще нужно? Какого лешего не хватает? Власть у вас своя, выборная.

— Какая это власть?! — возражают мужики. — Воры сущие да разбойники.

— Вы же сами их выбираете!

— Да что с того? Его выберешь, а он тебе сейчас же за пазуху норовит залезть, собачий сын! Куски рвут, душегубы!

— Который плох оказался — гоните в шею!

— Все плохи оказываются! Покуда силы не имеет — хорош! А забрал силу — зубы волчьи враз вырастают!

Михаил Первухин. Пугачев-победитель

В деревнях крестьяне ищут большевиков, чтобы пожаловаться на коммунистов.

*Из акта проверки работы сельских ячеек РКП(б)
в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии*

Третьей причиной восстаний, после продразверстки и мобилизации, были злоупотребления местных властей. На комбедовской волне, пользуясь растерянностью крестьян, плохо понимавших государственную политику (которая и сама-то себя не очень понимала), во власть напролезали черт знает кто. В лучшем случае это был десяток-другой бедняков, которые кос-как пытались выполнить предписания вышестоящих властей, не будучи битыми односельчанами, и, естественно, получить от нахождения во власти какую-то свою выгоду. Местная власть откровен-

но уголовного пошиба тоже была в то время явлением обыкновенным. «Пламенные революционеры», впрочем, оказались немногим лучше, ибо рядовой состав РКП(б), имевший хорошо если церковно-приходское образование и святую веру в немедленное торжество светлого будущего, со страшной силой сносило влево.

Впрочем, очень скоро «пламенные революционеры» нахватались криминальных повадок, а криминальные элементы — революционной фразы и смешались в одну трудноразличимую массу. Вся эта публика называла себя коммунистами. Знаменитый вопрос: «Василий Иванович, ты за большевиков или за коммунистов?», в более поздние времена казавшийся наивным, во время Гражданской войны имел вполне конкретный смысл. Большевики — это та власть, которая закончила войну и дала землю. А коммунисты — та сволочь, что сидит в местных исполкомах и партиячках. Очень показательный лозунг выдвинуло одно из башкирских восстаний: «Да здравствуют большевики, да здравствует вольная продажа, долой коммунистов — партию хулиганов!»

Никакой общей картины и никакого общего рецепта не существовало. В соседних волостях могли быть: в одной — исполком, твердо проводящий в жизнь декреты так, как они написаны, в другой — «р-революционный», а в третьей — уголовный.

В результате власть на местах приняла характер невыразимый.

В Москву потоком шли жалобы вроде следующей:

«Крестьяне с. Акузова Сергачского уезда Нижегородской губернии жаловались на незаконные действия лиц, „именующих себя коммунистами“. Составив подложный приговор сельского собрания, они самочинно переизбрали волостной Совет, введя в него своих людей. Главным стал Кильдюшев, которого весной общество лишило права голоса за изготовление и продажу самогона. Крестьяне также обращали внимание центральной власти на действия братьев Якушевых, один из которых служил в каком-то уездном учреждении. Пользуясь своим положением, он разъезжал по волости и самовольно облагал крестьян налогом, угрожая всем револьвером. Вышеназванные лица, вошедшие в Совет, облагали контрибуциями бедных крестьян и даже отцов красноармейцев по несколько раз»¹.

¹ Осипова Т. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. С. 245.

...Вот как осенью 1918 года собирали чрезвычайный налог в Ливенском уезде Орловской губернии.

«Уездный исполком, видя, что налог поступает с трудом, выдал уполномоченным... мандаты на право ареста и расстрела лиц, мешающих его сбору... Уездный уполномоченный Д. И. Хализов... 23 декабря с трудом (под страхом расстрела) созвал съезд волостных налоговых комиссий. Явились представители 14 сельских комиссий, на следующий день — еще 5, а 19 сельских комбедов и Советов уклонились от создания налоговых комиссий и явки на съезд. Хализов для наведения порядка считал необходимым расстрелять человек 60, в первую очередь членов этих комбедов и Советов как кулацких подголосков. Для сбора налога уполномоченный намеревался послать в Воловскую волость отряд с пулеметом»¹.

Безнаказанными ливенские деятели не остались: вскоре они пошли под трибунал, из них восемь самых ретивых получили по 10 лет — в то время высшая мера наказания, за исключением расстрела. Расстреливать их было не за что, ибо воплотить в жизнь свои великие планы они не успели.

Интересно, кто пришел им на смену?

Тамбовская губерния — одна из самых богатых губерний России, где даже в 1919 году во многих волостях бедняков насчитывалось не более четверти, была «горячей точкой» еще с осени 1917 года. А летом 1918-го к чрезвычайно пассионарному местному населению присоединилась такая же по темпераменту власть. Уже 9 июля Тамбовский губисполком постановил считать органами власти коммунистические фракции местных Советов. Осенью же, после губернского съезда комбедов, на котором из 411 делегатов было 398 коммунистов, руководство съезда выдвинуло лозунг: «Вся власть — нашей партии». А поскольку выборы в советы курировали именно комбеды, вскоре в пределах Тамбовской губернии установилась уже полная диктатура РКП(б) во главе с приезжими мальчишками с революционным стилем руководства. Ничего толком не умея, они на все вопросы отвечали звонкой фразой, да еще сплошь и рядом были известной национальности. Ультрареволюционный актив в кулацкой губернии — все равно что граната на пороховом складе. И понеслось...

¹ Там же. С. 250–251.

Из докладной записки уполномоченного Совета обороны по чрезвычайной ревизии продотделов Рязанской, Тульской и Тамбовской губерний Озеровского о положении в Козловском уезде. 22 апреля 1919 г.

«На устроенном... в Иловой-Дмитровской волости празднике бедноты (лето 1918 г. — Е. П.) были выкинута плакаты-девизы „Смерть кулакам-буржуям“, были произнесены буквально погромные речи: „Бей, громи, отбирай все!“ Результатом всего этого в деревнях началась полная анархия, власть советов была аннулирована и созданы ячейки из отбросов общества, бывших конокрадов, хулиганов, спекулянтов. Они стали творить суд и расправу. Председатель ЧК Петров облек неограниченными правами коменданта Брюхина и не принимал никаких мер против преступных действий Брюхина, как избивание коммунистов, необоснованных с его действиями. Такие же неограниченные полномочия были даны и уголовному преступнику, спекулянту Пузикову, Кондратьеву — начальнику Богоявленского отряда. Все эти лица грабили, расстреливали и наводили террор на население. Для примера можно указать на следующий эпизод: арестовав 17 человек за невнесение налогов в Иловой-Дмитровской волости, Пузиков спрашивал: „Кто Казюлин“, — и когда тот выступил из ряда арестованных, последовал револьверный выстрел. Казюлин с пробитым черепом повалился на пол.

В Никольской волости на общем собрании крестьян на вопрос, за что арестованы бедняки и коммунисты, вызванный отряд по команде Попова открыл по собранию стрельбу, результатом которой были раненые и убитые, а уцелевшие в панике разбежались по домам... В подкрепление своих хулиганских и несправедливых поступков комиссары Тверитнев и Попов затребовали еще отряд с пулеметом во главе с Пузиковым, каковой арестовал и посадил в холодные амбары несколько крестьян, наложил на них денежные штрафы, дал полчаса времени на размышление, по истечении которого неуплатчик должен быть расстрелян. Одна женщина, не имея денег, спешила продать последнюю лошадь, чтобы выручить из-под ареста невинного мужа, и не успела явиться к назначенному часу, за что муж ее был расстрелян...

...

Из имеющихся в отделе управления сведений от граждан почти всех волостей выясняется, что лица, входящие и входившие в состав местных советов и местных ячеек, относились к имуществу граждан как к имуществу завоеванных врагов, отбирая все без всяких оснований

и без выдачи квитанций все нужное и ненужное, собирая штрафы без основания и не выдавая расписок. Общая сумма отобранного у граждан, в огромной своей части середняков, превышает по некоторым волостям цифру с шестью нулями. В большинстве случаев такие дела сходят благополучно с рук. Из доклада представителя партии Кузьмина Козловскому уездному комитету партии усматривается, что местные власти — сельские члены ячеек, комиссары по борьбе с контрреволюцией брали взятки, пили самогон, допускали игру в карты, реквизировали для себя, продавали лошадей, взятых на хранение, и допускали другие злоупотребления. Чрезвычайный налог неправильно распределялся на население, бесчинства реквизиотряда, реквизирующего припасы и делящего их между собой, — вот в настоящее время положение на местах в деревне»¹.

А вот чудная картинка с натуры:

Из жалобы И. Ф. Белова из с. Мердуши Темниковского уезда В. И. Ленину. 3 мая 1919 г.

«Василий (брат автора. — Е. П.) тайным голосованием был избран членом сельского совета и, как честный человек, на совещании сельского совета по вопросу о распределении хлеба для голодающих крестьян села Мердуши и Спасско-Рамени требовал справедливого и пропорционального распределения между обоими селами, благодаря чего произошел спор с председателем Рожковым и его товарищем Павлом Барсовым. Первый, вместо того чтобы спокойно высказывать свой взгляд, решил применить начальнический тон к брату и грубую силу, но этого ему осуществить не дали другие члены совета, и предложение брата было принято большинством голосов. Тогда Рожков, затаив в душе злобу на брата, решил ее осуществить в местном совете, где заранее, до общего собрания, были готовы местные коммунисты с винтовками и, идя на собрание с местным коммунистом Алексеем Барсовым, рассуждали, каким способом лучше привести это зверское дело в исполнение. Последний предлагал лучше прийти с винтовками ночью в дом и спящего заколоть, но благодаря счастливой случайности за ними следом шел сын брата, 11 лет, и слышал этот разговор и, прибежав домой, обо всем услышанном рассказал отцу. Тогда брат, придя на собрание, обратился

¹ Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 г. <http://www.tstu.ru/win/kultur/other/antonov/kan05.htm>

с просьбой дать объяснения при общем собрании, за что они его приговорили к смерти. Рожков на просьбу брата заявил, что не находит нужным давать отчеты в своих действиях и это дело лично его интереса. Присутствуя при этом, отец также стал требовать объяснения. Он схватил отца за рубашку и стал тащить к коммунистам в отдельную комнату, где они ждали с винтовками в руках. Видя все это, брат не дал отца, и в это время поднялся шум. Тогда Рожков схватил брата за ворот рубашки и стал наносить удары по голове и потащил его к коммунистам, заявив собранию, чтобы все разошлись, так как Беловых будут здесь расстреливать. В то же время послышалась команда Алексея Барсова „В ружье!“ и в один миг на брата были обращены дула винтовок. Василий Воронин приставил револьвер к груди брата. Народ, видя все это зверство, бросился спасать брата во главе с председателем этого собрания Кобловым, и только благодаря вмешательству всех граждан намеченные без вины жертвы были вырваны из рук палачей.

После всего этого собрание предложило брату сделать подписку и подать жалобу... Подписка была собрана и отослана в Темниково в совет, откуда и был прислан агент, который виновным не признал никого, но перед тем, как отсылать эту подписку, Рожков заявил, что ничего вам не поможет, я здесь царь и бог, в Темниковском совете все мои друзья. Так оно и получилось, и в настоящее время грозит отцу и брату, и давшим подписку. В настоящее время мною, живущим вместе с братьями, получено письмо о том, что отцу и брату не дают покоя и держат под страхом смерти...

В ячейке коммунистов засели и командуют трудовым крестьянином люди с настоящим и прошлым темным, бывшие убийцы, хулиганы, пьяницы, картежники и лодыри, которым неизвестно, что такое честный труд, как в виде Алексея Барсова, который еще при Николае II отбывал тюремное заключение — 3 года за убийство в Орехово-Зуево... И эти лица, прикрываясь великим именем коммуны, держат в страхе все трудовое крестьянство»¹.

Уж коль скоро дело дошло до Ленина, то засевающим в этой волости коммуно-уголовникам мало не покажется — но каковы типажи! Не зря Тамбов — родина волков. Впрочем, если сия публика отвергнется от три-

¹ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 70. Л. 53–56. <http://www.tstu.ru/win/kultur/other/antonov/kan07.htm>

бунала — им же хуже. Так бы просто посадили, а повстанцы припасут им смерть лютую...

...В начале 1919 года старый большевик А. Ивенин писал из Саранского уезда Пензенской губернии наркому внутренних дел Петровскому:

«Население настроено против Советов. Втихомолку ждут переворота. Повинны в этом всецело местные уездные власти, произвол которых в управлении не знает границ и очень часто превосходит в своей разнузданности само дикое из того, чем мы вспоминаем проклятый царизм. При взимании чрезвычайного налога применяют пытки мрачного средневековья¹. Крик „расстреляю“ раздается гораздо чаще, чем при крепостном праве раздавался крик „запору“. В некоторых деревнях так называемые коммунистические ячейки облагают отдельные дома обедами и потом берут с хозяев контрибуцию за недостаточно вкусно изготовленный обед. Никакие возражения со стороны граждан не допускаются, и в особенности не любят здесь ссылок на декреты... Раскладка налогов, производство реквизиций и конфискаций совершаются вне каких бы то ни было соображений целесообразности с точки зрения осуществляемый центральной властью социальных идеалов. Производят же все это люди, до революции известные местному населению с самых дурных сторон, люди зачастую с уголовным прошлым... недовольство народа местными властями все увеличивается и весной может вылиться в самые бурные формы»².

В многочисленных жалобах крестьяне дотошно, как особист у Высоцкого, перечисляют «компромат»...

Из заявления арестованных граждан с. Катмиса и дер. Водолей Городищенского уезда Пензенской губернии начальнику Городищенской милиции. 22 марта 1919 г.

«Поведение коммунистов с. Катмиса таково. Перед праздником Рождества Христова они под давлением и угрозой заставили гражд. Василия Ильина Богаева продать им корову (семейство у Богаева 14 человек, коровы только две). Корову эту они променяли на другую, взяли

¹ Ну не знаю, как там насчет средневековья, а что пороли и купали в проруби — это факт.

² Цит. по: Осипова Т. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. С. 254.

придачу пятьдесят (50) руб. Зарезали корову, стали продавать гражданам с. Катмиса, а заднюю часть оставили без копейки для себя и на глазах народа в школе готовили котлеты, мясорубочную машинку требовали от гражд. Алексея Ив. Лысковцева. Так это повторялось неоднократно...

...Коммунисты, как только продали свое конопляное семя по спекулятивной цене, нарушая обязательное постановление Пензенской губпродколлегии, немедленно приступили к аресту, реквизиции и конфискации семян у бедняков, имеющих по 10 и не более 15 пудов, в число которых входят и семена на посев. У проезжающих через наше село татар... по инициативе учителя Соскова конфисковали пудов пятьдесят с лишним пшеничной муки, которую поделили между собою, начиная от пуда и до трех пудов на каждого. А несчастные остатки пустили как пыль в глаза некоторым гражданам по ½ фунта на едока, дабы прикрыть себя как бы справедливостью... Обращение их с гражданами крайне грубое и всякий раз угрожают арестом и расстрелом, держа в руках револьвер...

Двое из коммунистов, а именно — учитель Сосков и Василий Шанькин — в полночь приехали в дер. Водoley и зашли в дом гражданина Тимофея Николаева Потапова (Тимофея дома не было, а была одна жена его — старуха), стали производить обыск, ничего не нашли (не очень давно с Потапова Тимофея взяли взятку 100 руб. денег и 1 пару теплых рукавиц, за что и разрешили ему отправку рогож в Кузнецк), стали уходить, тогда учитель Сосков сказал Шанькину: „Застрели эту старуху“, — старуха с испуга выбежала на улицу и стала кричать „караул“...

Всеми своими выходками до того терроризировали население, что у граждан с. Катмиса совершенно отпала всякая охота к делу, а потому и работоспособность понизилась до необыкновенных размеров...»¹

Впрочем, эта жалоба могла быть как самой чистейшей правдой, так и самой оголтелой клеветой. Более того, предпринятое по ней расследование могло как выяснить истину, так и обелить виноватых и очернить невиновных. Выяснить что-либо у крестьян было чрезвычайно трудно, не говоря уже о том, что и многие следователи охочи до котлет и само-

¹ Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922. Документы и материалы. М., 2002. С. 165.

гона и видят в партийном билете способ получить доступ к жизненным благам. Еще десять лет спустя, несмотря ни на какой политпросвет, крестьяне, бывало, откровенно писали в заявлениях о приеме в партию: «с целью поправить свое материальное положение».

Из отчета агитатора Дмитриевой в Елабужский уком РКП(б) Казанской губернии. 24 января 1919 г.

«Во время поездки по волостям мною были замечены злоупотребления властью со стороны комитетов бедноты. Например, в Анзирке Черкасовской волости члены комитета, поместившись в доме бежавшего священника, готовили себе обед, причем мясо отобрано у богатых крестьян, муку берут с общественной мельницы. На мой вопрос, имеют ли право так поступать, мне было сказано: „Мы — пролетарии, следовательно, можем этим воспользоваться, не станем же мы ходить обедать домой, работая в комитете с утра до вечера“¹. Допустимо ли это? В Чиришах то же самое. В Костенееве на общем собрании поступили жалобы на старый комитет, что он отобрал много мяса у богатых и львиной долей воспользовался сам, а беднякам досталось очень мало или совсем не попало. Это, конечно, вызывает справедливое негодование крестьян, которые заявили, что хлеб для армии мы дадим все, но кормить комитет не желаем...»²

Это, впрочем, совершенные мелочи, ибо денег на содержание местных органов власть не отпускала, им приходилось снабжаться самим, так что даже партийный агитатор не уверена: можно или нет приготовить обед из реквизированных продуктов. Но бывали истории и похлеще.

«Президиум Замоскворецкого совдепа (Казанская губерния) препроводил в высшую инстанцию письмо крестьян Игнатьева и Вавилова, которые сообщали о незаконных действиях советских работников Тетюшского уезда: военком Шенгин пропускал крестьян сквозь строй солдат, которые били их нагайками и кулаками... В Березовской волости Аткарского уезда Саратовской губернии остались без ответа требования о расследовании факта изнасилования местными коммунистами жен красноармейцев. Кончилось дело ночной поножовщиной: подозреваемых в преступлении нашли мертвыми. Следствие по

¹ Интересно, а чем они занимались в комитете с утра до вечера?

² Крестьянское движение в Поволжье. С. 52–53.

этому факту ничего обнаружить не смогло, деревня хранила обет молчания...

В Краснослободской области Ирбитского уезда настроение скверное... Здесь живут товарищи из центра, по продовольствию, товарищи Андреев, Чурков и Шалабашкин, которые отбирают у крестьян не только хлеб, но и семена. Товарищ Шалабашкин пьет кумышку и пьяный собирает митинги...»¹

Из письма в редакцию «Известий Хвалынского исполкома». 31 января 1919 г.

«В селе Варановке секретарь волостного исполнительного комитета Иванкин, он же член исполкома, на днях напился пьяный, взял револьвер и винтовку, приказал запрячь пару лошадей... и так долго он катался по Варановке, производя выстрелы. И он говорил: „Я есть царь и бог“ и послал арестовать или же расстрелять лесничего из Чеурунахманского лесничества. Народ страшно возмущался и даже некоторые побросали свои домики и пожитки и удирали в лес»².

Кроме местных кадров, по стране шлялась целая армия разного рода аферистов, вроде некоего товарища Невского, который подвизался в Киржеманской волости Ардатовского уезда Симбирской губернии. При появлении он отрекомендовался сельчанам как следователь ЧК при штабе 2-й армии Восточного фронта — благо умельца, способного нарисовать мандат, можно было найти в любом уездном городе. Для начала товарищ Невский объявил, что будет защищать всех, пострадавших от произвола должностных лиц и коммунистов, а продолжил тем, что разогнал волостной и сельские советы, арестовал всех членов исполкома и коммунистов и стал главным человеком в деревне. Впрочем, кончил он плохо: когда в село прибыл отряд, выбежал ему навстречу пьяный и с револьвером и, обозвав красноармейцев бандой, открыл стрельбу. Естественно, бойцы отряда его тут же и пристрелили. Уже в ходе расследования выяснилось, что и к ЧК означенный Невский отношения не имел, а так... «ревизор»...

¹ Телицын В. «Бессмысленный и беспощадный»? Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 годов. М., 2003. С. 150–153.

² Крестьянское движение в Поволжье. С. 54.

Из письма сотрудника штаба 4-й армии Восточного фронта Н. Вазелинова Ленину. 2 марта 1919 г.

«Уполномочил уездный исполком людей по сбору налога в Черновский волостной совет¹ и Орловский сельский комитет во главе с Федором Михайловичем Дрогойченковым, который раньше произвольно шарлатанил, воровал, охотничал, ни к какой работе не способен, с большим трудом свою фамилию пишет... И Дрогойченков организовал совет и комитет с Орловки и подобрал таких же людей — хищников, таких же, как сам. Когда организовал совет и комитет, то выражался, что „я — Царь, я — Бог, я — Власть, что хочу, то и сделаю, разорю во прах ваше крестьянство — это мое дело“...

При сборе налога Дорогойченков нагло расправлялся с крестьянами и по одному человеку приводили под конвоем крестьянина. Орловские милиционеры стояли сзади того же крестьянина с заряженными револьверами и нагайками били по плечам. Так по порядку, всех вызывали крестьян на въезжую сборию², убийственно продавали хлеб и скот³, и даже, когда получали деньги крестьян, то в присутствии его о сдаче налога не дали расписку... Выдавали расписку после, с многих крестьян получили больше, а указали в записи меньше, эти деньги делили по себе совместно с милицией... Раздевали на улице крестьян, забирали новую одежду, а свою, старую, бросали им. Отбирали все, что попало, как у Тимофея Гончарова пчел оставили без корма, а мед — кадушку около 4 пудов, взяли и разделили по себе, а пустую кадушку вернули ему. Лошадей позагоняли, катались парами. Крестьян, тех, которые возили их под угрозами наглой расправой, застрелить. Во главе с Дорогойченковым справляли увеселительные вечера, собирали молодых девиц и женщин, заставляли их плясать и угощали их разграбленными роскожами. Говорил Дорогойченков, что „мне власть дана от уездного исполкома неограниченная“⁴.

Газета «Бедняк» (Казань). 18 февраля 1919 г.

«В с. М. Чурашево во время пиришества на свадьбе один из членов волсовдепа т. Гавриков запряг четырех баб в салазки, надел на них хомуты,

¹ Самарская губерния.

² Так в тексте. Что значит — неведомо.

³ Чрезвычайный налог распространялся только на зажиточных крестьян.

⁴ Крестьянское движение в Поволжье. С. 74–75.

седелки, бубенцы, к дуге привязал колокольчики, взял в руки кнут и тронул по улице диковину четверку. Порой Гавриков слезал со своих салазок, привязывал „четверку“ к воротам и входил в чью-либо избу; „лошади“, стоя на морозе, стучали зубами. За эту поездку бабам т. Гавриков заплатил по 40 руб. Те сначала взяли, но потом возвратили обратно»¹.

Вот уже несколько лет по Интернету гуляет «декрет о национализации женщин», который одни считают подлинным документом, другие — приколом анархистов. Но вот какая телеграмма пришла весной 1919 года Ленину.

Телеграмма крестьян дер. Медяны Чимбелеевской волости Курмышского уезда Симбирской губернии от 8 февраля 1919 г.

Срочно. Москва. Совнарком. Ленину

Комитет бедноты дер. Медяны Чимбелеевкой волости Курмышского уезда Симбирской губернии произвольно ввел национализацию женщин деревни, отдавая их своим приятелям, не считаясь ни с согласием родителей, ни с требованием здравого смысла. Протестуя против грубого произвола комитета, настойчиво просим срочного распоряжения отмены действия комитета и привлечения виновных к революционной ответственности».

Времена были демократические, телеграмма добралась до Ленина и практически сразу последовал ответ.

Телеграмма В. И. Ленина Симбирскому губисполкому от 10 февраля 1919 г.

Получил жалобу... что комбед дер. Медяны... ввел национализацию женщин. Немедленно проверьте строжайше, если подтвердится, арестуйте виновных, надо наказать мерзавцев сурово и быстро и оповестить все население. Телеграфируйте исполнение»².

...Впрочем, народ по части невыразимости тоже не отставал. Следующую историю я старательно пыталась сократить, но в ней каждая мелочь исполнена такого первобытного очарования, что просто рука не поднялась. Из оной заметки, как из песни, слова не выкинешь. Итак...

¹ Там же. С. 142 — 143.

² Там же. С. 55.

Заметка из газеты «Голос коммуниста» от 26 января 1919 г.

«Темнота»

14 января был старый Новый год, и в селе Трескино в церкви священник Прозоров в проповеди говорил гражданам о мировой язве.

„Мы, граждане, — говорил поп Прозоров, — ждали Новый год, нового счастья, но вот какое счастье принесла мировая язва, о которой я говорил. Нам запрещают по прямой дороге идти к Богу и стараются угасить дух в человечестве и его стремлении к Богу“.

И темная масса граждан села Трескино слушала его со вниманием. В то время был в церкви председатель Трескинского исполкома т. Губин. Выслушав слова попа Прозорова к гражданам, он решил вызвать его в исполком после окончания служебных обязанностей и в таком смысле написал ему пригласительную записку.

Поп, видя, что его просят в исполком, не dokonчив литургию, открывает собрание в церкви и выбирает 6 представителей в исполком для объяснения. Но Губин сказал им: „Священник нужен нам по делу исполкома“. Тогда поп бросил исполнять свои обязанности и вместе с народом пошел в исполком. Вся темная масса народа кричала: „Умрем за батюшку!“, окружила здание исполкома и кричала: „Почему не дали попу обедню служить?“ Тов. Губин, видя, что это дело попа, попросил у него записку, по которой он вызывался, и прочел народу, и народ, видя себя в заблуждении, отправился вместе с попом в церковь.

На второй день исполком решил взять деревянного наряженного в женскую юбку и фартук идола — „бога дождя“, которого они нашли. Исполком и охрана подъехали к указанному месту под горой в часовню, где был скрыт идол. И председатель сельского совета и двое понятых вынесли идола и понесли в исполком. Тогда поп Прозоров возбудил темную массу. Начали бить в колокол, вызывать тревогу. Толпа народа хотела вырвать своего идола, человек тридцать вбежало в здание исполкома. Там был только член исполкома Воронин.

Они арестовали его, и один ударил его по лицу. Народ постепенно из здания вышел, и арестованный вышел вместе с ними и уговаривал толпу разойтись. Но откуда ни возьмись, толпа человек в пятнадцать кинулась к охране и начала вырывать ружья и бить кольями. Охрана, спасая себя, дала выстрел вверх, но бешеная толпа ударила одного из матросов по голове. Тогда в упор были сделаны выстрелы; из нападаю-

щих двое убиты, двое тяжело ранены и один легко. Вот что делают попы с темной массой»¹.

Да уж точно — ни убавить, ни прибавить. Одно только непонятно: какую веру исповедовали жители села Трескино?

Вот еще одна церковная история — правда, проходящая по разряду восстаний, но если это восстание...

Летом 1918 года в селе Большой Азясь Пензенской губернии были арестованы за антисоветские действия прапорщик Иванов и его помощник Дмитрий Фокин. Иванова вскоре расстреляли, а Фокин в ноябре 1918 года вышел на свободу по амнистии и... основал секту. Назвал он ее «Новый Израиль», перетянул туда нескольких монашек из ближайшего женского монастыря. И даже, как говорится в докладе члена губисполкома и губкома Пензенской губернии И. М. Беккера, образовавшаяся компания... *«завела связь с Московским митрополитом Макарием. Познакомившись с ним, они имели с ним переписку и посещали его несколько раз и даже, как указывают, но еще не доказано, получили от Макария 4000 руб. на организацию своей секты...»* Впрочем, Макария граждане сектанты вполне могли приплести «для крутости», с этой пубрики станется, тем более что к тому времени он был уже на том свете и ничего возразить не мог...

Учение секты оригинальностью не отличалось, однако действовало неотразимо: наступил предсказанный еще в Евангелии конец света, скоро будет второе пришествие. Далее по тексту доклада — такое надо цитировать:

«Они объясняют, что царь есть миропомазанник и наместник Христа Бога, а Церковь есть народ и теперь не должно быть Церкви, ибо нет царя и притом настоящая церковь и служащие в ней попы отошли от православия, неправильно толкуют Евангелия и их нужно разогнать, так как сейчас нет правды. Правда есть солнце, которое потемнело и не светит, луна есть царь, который убит, звезды — начальство, которое свергнуто, а антихристы захватили власть в свои руки... Наша обязанность всех, верующих в Евангелие, снести Церковь, пока не будет царя, и разогнать всех антихристов с оружием в руках, дабы смести их с лица земли... должен быть избран всенародно один человек, который будет управлять всем миром, и этот избранник есть Алексей, наслед-

¹ Там же. С. 46–47.

ник царя Николая, так как в образе Святого Михаила Архангела есть символ — две ветки и между ними буква Р...»

Смех смехом, но секта насчитывала около трех тысяч человек, и большинство — женщины, а пара тысяч фанатичных баб — страшная сила!

Что касается «второго пришествия», то тут у гражданина Фокина тоже было все схвачено. В монастыре отыскался двенадцатилетний мальчик Михаил Сурков, сирота, получивший там некоторое духовное воспитание, «что натолкнуло на мысль главарей-новоизраильцев указать на него как на второго пришествиевника, и сделали его боженькой. Взяли его к себе на воспитание как сироту. Они распустили слух, что он произошел из капельки и есть именно воспришествиевник. Мальчик рассказывает, когда ему раз вздумалось выйти на улицу, его окружила толпа мальчишек, мужиков и женщин и, указывая на него пальцем, кричали: „Боженек идет, боженек“. Испугавшись этой толпы, он пустился бежать, тогда была устроена за ним погоня с криками: „Ловите боженька! Боженек убежал!“ С тех пор он потерял возможность выйти ни улицу и сидел все время в комнате, пел молитвы, читал Евангелие, что создало вокруг него еще больше духовной атмосферы, и в него с каждым днем все больше и больше верили»¹.

Кончилось все, однако, невесело. 28 февраля 1919 года сектанты решили устроить шествие к монастырю. Естественно, почин этот в то время, когда Поволжье охвачено крестьянскими восстаниями, местным властям не понравился, они арестовали главарей секты — но толпа, собравшаяся на шествие, разгромила сельсовет, освободила своих лидеров и все же двинулась к монастырю с белыми знаменами и пением «Боже, царя храни». Конечно, логичней было бы, если бы пошли в уездный город, где сидели «антихристы» — но «антихристы» и побить могут, с них станется, а монахи за стенами отсилятся и в драку не полезут.

Может быть, все бы и прокатило, но местные коммунисты не стерпели поношения, собрались силами трех ячеек, вооружившись кто чем, и пошли разгонять толпу. Нормальный вооруженный отряд скорее всего обошелся бы без крови, парой холостых залпов, а эти так не умели. Толпу-то они разогнали, но в итоге — девять трупов, не считая раненых. Кстати, при этой «спецоперации» наблюдался редкий случай трогательного единения народа и коммунистов: местные православные жители тут же кину-

¹ Там же. С. 88–89.

лись ловить и бить сектантов. Мальчик же оказался никаким не «пришественником», а вполне вменяемым парнишкой, который с удовольствием весело рассказывал историю, как его заставляли быть «боженькой».

Фокина арестовали 5 марта и 6-го, в связи с чрезвычайным положением, расстреляли без суда, исправив осеннюю ошибку чекистов. Как ни крути, но если бы его казнили еще в ходе «красного террора», девять человек остались бы живыми, не считая раненых и избитых...

И вот еще напоследок реальный эпизод из жизни прославленного советского писателя Аркадия Гайдара. 19 марта 1922 года он был назначен начальником второго боевого участка Ачинско-Минусинского боевого района, а 10 июня снят с должности. Ничего экстраординарного он не творил, делал то же, что и все, — понемногу превышал власть, слегка мародерствовал, арестовывал, рукоприкладствовал, махал револьвером... Расстрелами особо не баловался: пять человек за три месяца — это пять частных трагедий, но для полностью озверевшей к тому времени Сибири — вообще гуманизм. Поэтому власти мудро не стали судить восемнадцатилетнего командира, виновного лишь в том, что делал то же, что и все, а потихоньку убрали его на другую работу. Но вот один эпизод его борьбы с бандитизмом совершенно очарователен.

«Голикову пришлось лично вербовать себе лазутчиков. При этом он обставлял свои действия такими устрашающими атрибутами, которые позволили Камову указать на наличие в его поведении „ненормальностей“. 19 и 27 апреля комбат по подозрению в связях с „бандой“ арестовал Ф. П. Ульчигачева и И. В. Итеменева, которые после избияния согласились стать его разведчиками. Им были выданы удостоверения, написанные на кусках материи и скрепленные кровавой печатью, и устроен побег»¹.

Ну какие там, право, «ненормальности»-то?! С одной стороны, восемнадцатилетний юнец, в голове которого сквозь революционный туман проступают прочитанные в детстве приключенческие книжки, с другой — инородцы, которым шаман если не ближе священника, то и не дальше. Таким в самый раз разговаривать на языке кровавых печатей. Думаю, Гайдар понял своих лазутчиков куда лучше, чем проверявший его товарищ из Центра...

¹ Шекшеев А. Гайдар и красный бандитизм: последняя тайна. http://gaidar.ompu.ru/index.php?main=sci_sheksheev&id=100001

Обоюдоострый меч диктатуры пролетариата

— Запомните на будущее, юноша, — Алва ловко засунул пистолеты за пояс, — мародеров следует вешать на месте, если вы, разумеется, не желаете командовать шайкой грабителей. Сначала — мародеры, потом — все остальные, даже шпионы.

Вера Камша. От войны до войны

...Когда сведения о художествах всей этой публики доходили до относительно высокой власти, тех из них, кого не поднимали на вилы мужики и кто не успевал вовремя удрать от чекистов, судили, сажали и иной раз даже стреляли.

Из распоряжения НКВД Пензенскому губисполкому о расследовании произвола местных властей в Чембарском уезде. Не позднее 19 февраля 1919 г.

«Выяснилось, что в Карсаевской волости, где большинство населения в политическом отношении невежественно, совершенно отсутствует представление о Советской власти. В их глазах — Советская власть является не защитницей бедняков, а их поработительницей. Такое представление усугубляется еще тем, что часто местные власти ведут себя не как представители интересов пролетариата, а как сатрапы. Указывают целый ряд фактов, когда отдельные представители власти приходили с оружием в руках к жителям беднейших слоев, отбирали у них все необходимое, угрожали убийством, а в случае протестов подвергали порке. Конфискованное же имущество распродавали и на деньги, вырученные от них, устраивали пьяные оргии. Декреты там будто бы совершенно не исполняются... Необходимо все это проверить тщательно и осторожно... В случае подтверждения фактов виновных устранить и предать революционному беспощадному суду»¹.

Кстати, про суд — это не просто слова. Практически каждое более-менее серьезное крестьянское выступление сопровождалось «разбором полетов» на предмет: чья именно беспредельщина это выступление спровоцировала. Иногда виновным удавалось отделаться символическим наказанием, а иногда и не удавалось.

¹ Крестьянское движение в Поволжье. С. 64.

Вот разбор деятельности продотряда на совсем низовом, уездном уровне.

Из протокола заседания Усманского уисполкома Тамбовской губернии. 23 мая 1920 г.

«Слушали: 1. Доклад т. Дурманова и материалы следствия о безобразиях продотряда № 4.

Постановили: 1. Предать суду губвоенревтрибунала зам. упродкомиссара Колбаско за отдавание приказа об аресте уполномоченного уисполкома т. Дурманова, производившего следствие по поводу безобразий продотрядов и попустительства этим безобразиям.

2. Предать суду губвоенревтрибунала особоуполномоченного упродкома комиссара продотряда № 4 т. Карпова за распоряжения о прекращении следствия т. Дурманова, [за] отказ о предоставлении права снимать следствие с обвиняемых лиц, за отказ от арестов виновных, объявление военного положения без согласия уисполкома, нераспорядительность и попустительство грабежам и насилиям продотряда.

3. Старшего к[оманди]ра продотряда Линду привлечь к ответственности за уничтожение официального акта о конфискации вещей и присвоении таковых.

4. Политкома продотряда № 4 Астафьева предать суду губвоенревтрибунала за допущение битья населения шомполами, плетками, прикладами, штыками и стрельбы без всяких на то оснований.

5. Весь продотряд № 4 ввиду бесчинств, производимых последним, выражающихся в пьянстве, игре в карты, битье прикладами, шомполами, плетками ни в чем не повинных, ничем не вызванных выстрелах, предложении крестьянским женищинам о вступлении в половые сношения, отборе у местного населения белья и платья, — признать неблагонадежным, вызывающим контрреволюцию и подлежащим расформированию, о чем и просить губисполком и губвоенком. Ввиду того что данные безобразия творились большинством отряда, предать отряд в целом суду губвоенревтрибунала.

6. Просить губвоенревтрибунал выслать 3 следователей для производства следствия над деятельностью всех продотрядов уезда.

7. Предложить увоенкому отдать о настоящем приказ по всем войскам и воинским частям уезда.

8. Укомпарт просит назначить 3 следователей для производства следствия в срочном порядке.

9. Увоенкому и уполитбюро предложить в срочном порядке проведение в жизнь настоящего постановления и произвести надлежащие аресты виновных»¹.

В общем, доигрались ребята — жаль, что летом двадцатого приводить их в чувство было поздновато, пожар уже разгорелся. Да и печальный опыт одного продотряда никоим образом не сказывался на стиле работы других — они ничего не поймут до тех пор, пока их не начнут убивать... да и потом тоже.

Кстати, на документе характерная пометка губпродкомиссара Гольдина: *«Мне ничего не известно об этом, кроме местничества Усманского уисполкома и его постоянных тормозов и терроризирования упродкома»*. Типа: я не я, лошадь не моя, это все исполком воду мутит. Между тем еще чуть-чуть, и по всей губернии грохнет спровоцированное орлами товарища Гольдина колоссальное восстание...

...В апреле 1919 года в Сенгилеевском уезде Симбирской губернии прогремело дело шести бывших работников уездного ЧК, которые обвинялись, говоря современным языком, в коррупции.

Из докладной записки военного следователя (фамилия неизвестна). Апрель 1919 г.

«Работа вновь организуемой охраны милиции все время тормозилась, а в конце концов сводилась к нулю действиями как уездной, так и районными чрезвычайками. Ибо они брались за все дела и, не исполнив, напутав, бросали. Где бы ни происходили кражи, убийства уголовного характера, за следствие бралась ЧК и, продержав дело некоторое время у себя, или прекращала, или передавала дела представителям милиции, когда уже следы преступления были замечены и виновников найти не представлялось возможным...»

Может быть, это все от излишнего усердия? Не спешите...

«...В с. Новодевичье народным судом за кражу были приговорены к тюремному заключению трое граждан, но Сенгилеевская ЧК сделала по-своему. Она самостоятельно освободила осужденных, зная прекрас-

¹ Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. <http://www.tstu.ru/win/kultur/other/antonov/kan27.htm>

но, что эти люди с уголовным прошлым и что они приговорены именем РСФСР. Мало того, арестовала народного судью т. Ланских за то, что он не так судил, а районного начмилиции т. Светлова — что тот вызвал на этот суд обвиняемых. В с. Дворянском был арестован комиссаром ЧК Ермохиным народный судья Дабич... Просидев три дня, был отпущен без предъявления к нему обвинения. Во время ареста Ермохин глумился над ним, как будто Дабич был тяжкий убийца. В этом же селе арестован районный начмилиции Шиков. На телеграфный запрос отдела управления был отпущен без предъявления к нему обвинения...

Исполком как таковой не имел, или, вернее, не хотел приступить к устранению подобных явлений, ибо большинство членов оного с рвением занялись дележкой между собою конфискованного имущества, почему, по общему мнению, исполком и попал под влияние ЧК, так как грязные делишки при дележке заставили членов молчать. Они все прекрасно знали, что ВЧК с арестованными применяет жандармские приемы, и истязания, и избиения, но ничего не предпринимали...»¹

После того как весной 1919 года в связи с колоссальным количеством жалоб уездные ЧК были ликвидированы, «гвардейцы революции» не оплошали. Двое самым лихих ребят, будучи один — председателем ячейки РКП(б) а другой — членом, быстренько приняли в партию всех остальных, получили большинство и начали пробиваться на теплые местечки. Председатель, некий Мач, стал зампредом исполкома, большинство остальных — народными судьями, а главарь всей шайки Блюм — начальником уездной милиции.

Весной 1919 года в Сенгилей приехала Особая комиссия ВЦИК, расследовавшая обстоятельства очередного крестьянского восстания, и, естественно, тут же узнала о художествах товарищей чекистов. Следствие было быстрым, а суд — скорым. Блюм получил высшую меру, начальник ЧК Саблин, по политической безграмотности, и Мач, по юному возрасту (20 лет), схлопотали по 10 лет принудработ. Менее виновные чекисты отделались меньшими сроками — от 3 до 6 лет.

Тюменское восстание еще шло полным ходом, а параллельно полным же ходом шло расследование. Уже 21 февраля были подведены первые итоги. На скамью подсудимых сели 93 повстанца (к расстрелу приговорен 41 человек) и... 6 продработников (высшую меру получили пятеро,

¹ Крестьянское движение в Поволжье. С. 219.

реально расстрелян один). За что казнили бандитов — понятно: это организаторы и активные участники восстания. А вот за что стреляли продработников...

Из заключительного постановления следователя революционного военного трибунала Сибири Е. И. Махалаша. 21 февраля 1921 года.

«1) Лаурис Матвей Анцевич, 29 лет, член чрезвычайной контрольно-инспекторской тройки (приговорен к ВМН и расстрелян. — Е. П.), грубо обращался с гражданами... ругал их матерными словами... заявлял, что он уполномочен верховной властью и имеет право расстреливать, угрожал гражданам револьвером и даже ставил к стенке¹; на вопрос, где достать хлеба неимущим, отвечал: „В реке на самом дне“; обещанием освободить из-под ареста понудил гр. Слободенникову и жене почта-льона дер. Чупино, фамилия коей не установлена, удовлетворить его грязное предложение; отдал приказ об аресте нар. судьи 12-го участка Сергеева за установление последних фактов незаконной конфискации и присвоения денег; подарил из конфискованного имущества двух ягнят гр. Марии Кашиной; требовал от нарследователя 5-го уч. освобождения милиционера А. Брагина, арестованного за присвоение при конфискации чужого имущества; арестовал, не имея на то мандата, члена Безруковского волисполкома и двух милиционеров; незаконно подверг аресту петуховского волвоенкома Уранченкова.

2) Соколов Виктор Георгиевич, 34 лет (умер в тюрьме в 1921 г. — Е. П.), бил кулаком по лицу граждан деревни Пестовой Чуртанской волости Гилева Прокопия и Носкова Александра... причем гр. Носкова распорядился даже кр-цам продотряда вывести „на расстрел“, но потом с дороги вернул его обратно; гр. Василия Шамонова также бил и угрожал револьвером; ругал граждан матерными словами...

3) Крестьянников Архип Степанович, губернский уполномоченный по проведению государственных разверсток в Петуховском районе, 30 января с. г., проезжая через село Ларихинское... приказал кр-армейцам за отказ в предоставлении им обеда избить прикладами гр. села Ларихинского Михаила Нененкова и Григория Низковских, что кр-армейцами и было исполнено; лично замахивался кулаком на гр. Нененкова, а избитых вытолкал взаишей... Крестьянников грубо обращался с населением...

¹ Здесь, по-видимому, имеется в виду ложный расстрел.

ругал матерными словами рассыльного петуховского волисполкома Васильева.

4) Гуськов Иван Максимович, Ишимский упродкомиссар, грубо обращался с населением, говорил, что имеет право не только производить конфискации, но и расстреливать и сжигать дома... В нарушение установленных правил о снабжении арестованных пищей передал из государственного склада для арестованных продработников сахару 3 ф., масла 8 ф. и ветчины 5 ф.¹

5) Заплетин Михаил Гаврилович, 32 лет, уполномоченный упродкома при Викуловской продконторе, 21 декабря 1920 года оскорбил матерной бранью членов Каргалинского волисполкома, угрожал: „Заморю всех“; оскорблял такими же словами гр. Чернякова и др.; незаконно приказал заведующему кожевенным заводом Земерову выдать ему, Заплетину, 11 штук лайки, одну простую кожу и подошвы; присвоил казенные мешки из пункта для своей тужурки; взял самовольно для себя из продконторы лично 100 яиц; заколол самовольно для своих нужд корову из государственного гурта; 21 января 21 г. в селе Викулово учинил пьянство с несколькими лицами, напившись самогонки (а что — за «распитие» тоже судили?! — Е. П.).

6) Полякевич Станислав Александрович, 39 лет, зам. ишимского упродкомиссара, грубо обращался с населением и должностными лицами, говорил им: „Не хватит по разверстке, тебя подвесим и пополним. Вздернем тебя на веревочке и будем тобой доведывать“; при выполнении разверстки шерсти он предлагает: „Стригите кожи, а также у баб и жен своих“; все это сопровождалось площадной бранью... в селе Голиманово Полякевич ругал предсельсовета матерными словами, бил кулаком по столу и кричал: „Заморю в тюрьме и расправляясь с вами!“; согласно заявления секретаря Малышенской организации РКП, Полякевич кричал: „Заберу твою жену и детей, конфискую имущество!“ В деревнях Шулындино, Свиново и др. Полякевич под угрозами — в частности, увеличения разверстки на то или иное лицо — требовал, чтобы его и его продотряд крестьяне кормили жареным мясом, причем для

¹ Стало быть, не прав составитель сборника документов Тюменского восстания господин Шишкин, утверждая, что власти не реагировали на жалобы — реагировали, и еще как. 8 фунтов — это 3 кг масла. Сколько ж там было арестованных продработников?!

себя требовал по 150 блинов (!!! — Е. П.), что подтверждено дознанием милиции 3-го района.

Все вышеперечисленные лица имели в своем распоряжении продармейцев, и действия их, производимые иногда через тех же продармейцев и в их присутствии, разрушали дисциплину и развращали подчиненных им лиц, вызывая и в них такие же преступные действия».

Да, это не просто круто — это крутиссимо! Такого не проделывал даже Дзержинский со своими чекистами. Если говорить о конкретных правонарушениях, то почти ничто здесь не тянет на Уголовный Кодекс, а то, что тянет, влечет за собой мизерные сроки. Но Уголовного Кодекса в 1921 году еще не написали, и ревтрибунал рассудил не по закону, а по революционной совести. Действия этих людей вызвали восстание, стало быть, высшая мера, и никаких разговоров. Интересно, кого из этой шестерки он пощадил?

* * *

До тех пор, пока не была построена четко централизованная система, на местах царил беспредел. После того, как она была построена, местная власть присмирела, срываясь в штопор лишь в экстремальных ситуациях. То же самое будет при коллективизации, которая всю дорогу перехлестывала через край и всю дорогу сопровождалась судебными процессами над «перегибщиками». То же самое — при «тридцать седьмом годе», после которого постаревших, но не присмиривших «революционных мальчиков» наконец перестреляют, решив эту проблему самым простым образом¹.

¹ Это отнюдь не значит, что партийные репрессии тридцать седьмого года были чисткой. Просто большинство «р-р-революционеров» тоже понимало, что им со Сталиным не по пути.

Глава 5

ПОДЛИННАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Топора не знавшие кунавы
Да ручьи, не помнящие губ,
Вы задеты горечью отравы:
Душным кашлем, перекличкой труб.
Там, где в громе пролетали розы,
Протянулись дымные обозы...
Над болотами, где спят чирки,
Не осока встала, а штыки...

Эдуард Багрицкий. Фронт

Да, народ оказался не таким, каким его видел в своих мечтах революционер. Но и революция тоже оказалась не такой, какой ее видел в своих мечтах народ. Результатом столкновения этих двух прискорбных обстоятельств стала целая цепь восстаний, которая легла в основу крестьянской войны.

В отличие от схватки красных с белыми, бывшей на самом деле отечественной войной, многолетние перманентные разборки власти с «третьей силой» можно классифицировать как подлинную гражданскую войну. Ибо на сей раз ее организаторы находились внутри России. Потому что без организации, конечно же, не обошлось. Не одни большевики умели работать с массами.

К лету 1918 года деревня состояла из трех социально-политических групп. Слева располагались большевистски ориентированные бедняки, замордованные беспросветной жизнью до полного бесстрашия. Справа — кулаки и зажиточная верхушка деревни, экономически связанные с рынком, а политически — с эсерами и готовые, в точном соответствии с Марксом, на любые преступления ради свободной торговли. А в середине колыхалось громадное «болото», которое смотрело на события

чисто по-готтентотски, зная лишь свой сиюминутный материальный интерес. Крестьянский идеал был сформулирован еще в народовольческой прокламации: «Забрать свою землю, податей не платить и рекрутов не давать». И потому неудивительно, что, столкнувшись с реальностью новой жизни, часть деревенского населения испытала совершенно справедливую обиду. Как же так — власть народная, а податей и рекрутов требует по-старому?

Однако недовольство — не выступление, выступление — не восстание, восстание — не война. Чтобы первое переросло в четвертое, нужны достаточно мощная и грамотная политическая сила, хотя бы самая примитивная идеология и военные кадры. Как выплескивался крестьянский протест в отсутствие организующей силы? Поднимутся мужички, пошумят, побьют нескольких местных деятелей, отведут душу и успокоятся. В крайнем случае, придет отряд, даст пару выстрелов в воздух и легко всех разгонит. Иногда, впрочем, и не в воздух — тогда бежали еще быстрее...

Феноменальная по идиотизму, но чрезвычайно показательная история произошла в селе Дубровка Кузнецкого уезда Саратовской губернии весной 1919 года. Известна она из отчета председателя Дубровского волисполкома, написанного таким специфическим слогом, что все подробности понять так и не удалось. А то, что удалось, — вот оно.

Началось все с того, что 14 марта приехали милиционеры из города, чтобы арестовать местного священника Раевского. Тот ехать отказался, а стал на колени и сказал: «Расстреляйте меня здесь!» Его начали уговаривать все же поехать (! — *Е. П.*), тем временем кто-то ударил в набат, собрался народ, начался долгий базар крестьян с исполкомом и милиционерами. Крестьяне уверяли, что священник стоит на платформе Советской власти, исполком засвидетельствовать это отказывался, но не потому, что это было не так, а потому, что тот сразу с милицией не поехал и в результате получился скандал.

Вечером 16 марта базар дошел до стадии мордобоя. Одного из представителей местной власти поймали, заперли в совете и, как говорится в отчете председателя Дубровского волисполкома, «там его били, точнее, оскорбляли». К милиционерам прибыло подкрепление, которое выгнали, после чего появился отряд. Отряд начал оцеплять село, предлагая гражданам разойтись, и даже дал для острастки несколько холостых залпов. Люди, не будь дураки, поняли, что стреляют холостыми, стали подходить

к красноармейцам и братья за стволы. Ну те и врезали два залпа со всей дури. Результат — 14 убитых и 4 раненых. Священника все же арестовали, однако все село было уверено, что его оговорил какой-то бывший секретарь Мясников из-за коровы — а в таких случаях люди редко ошибаются. Так что дело, судя по всему, должно было кончиться ничем¹.

Хоть и называется в документах эта бредовая история восстанием, она ничего общего с оным не имеет, а просто погибли люди исключительно по дурости всех участвовавших сторон. Так бывало в отсутствие организующей силы.

Но так было далеко не везде и не всегда...

Искусство организовать стихию

Четвертые сутки пылают станицы,
но это, поверьте, не наша вина.
Не падайте духом, поручик Голицын,
Корнет Оболенский, налейте вина.

Из песни

Классическую схему *серьезного* крестьянского восстания образца лета 1918 года разобрала по косточкам Таисия Осипова в своей эпохальной монографии «Российское крестьянство в революции и Гражданской войне». Бывало это так...

«Восстаниям предшествовала пропагандистская обработка населения. Активными агитаторами против коммунистов выступали сельская интеллигенция, священнослужители, некоторые работники советского аппарата, особенно бывшие офицеры, служившие в военных комиссариатах. Во всех выступлениях кулаки были социальным активом.

Возбудив недовольство крестьян, агитаторы уступали место руководителям — офицерам (из помещиков, буржуазии, крестьян). Достаточно было среди голодного населения, напряженно ожидавшего нового урожая, распространить слух, что в соседнее село или волость

¹ Дело с таким количеством трупов должно было дойти до губернии, а там тоже не дураки сидят — в разгар крестьянских восстаний держать под арестом священника, если тот стоит на платформе Советской власти.

прибыл отряд косить зеленую рожь, чтобы население приходило в возбужденное состояние. Нередко распространялись провокационные слухи о том, что начинается массовая реквизиция скота (при попытках учсть лошадей). Это вызывало массовый убой и распродажу скота крестьянами».

Чтобы понять, какое значение имели слухи, надо вообразить себе тогдашнюю деревню. Нам, поголовно грамотным, привыкшим к газетам и телевизору, а главное, имеющим навык самостоятельной оценки информации, трудновато это сделать... Но все же давайте представим: телевизора не существует, радио тоже. Газеты не доходят, а если и дойдут, толку мало: три четверти населения не умеет читать, а 90% грамотных селян не понимают слов, которые в газетах написаны. Какое на селе главное средство массовой информации? Подсказка: докомпьютерный аналог Интернета...

Слухи гуляли самые разные. Каждое крестьянское выступление сопровождала абсолютно достоверная информация о том, что власть большевиков пала или вот-вот падет — если не в Москве, так хотя бы в нашей губернии. Грядущая национализация баб и близящийся конец света были брендовыми темами, однако попадались и более изысканные перлы народного творчества. Например, летом 1920 года в Пензенской губернии прошел слух, что на крестьян наложена разверстка — с души по два фунта тараканов. А кто не выполнит, будут брать хлебом¹. Вершиной же народной политической мысли может считаться родившийся на Дальнем Востоке слух, что в Хабаровске высадился царь Михаил (вариант — Николай Николаевич), который идет на Москву, чтобы сесть там на престол, а Ленина и Троцкого сделать своими министрами.

Верил ли народ этому информационному потоку? А то! Он и сейчас верит всему, чему угодно: что в канализации живут крысы-мутанты, в налоговом номере зашифровано число антихриста, новый коллайдер вызовет конец света, а свиной грипп переморит половину человечества.

Итак, прологом любых восстаний являлись агитация и распространение слухов. О том, что происходило дальше, рассказывается на примере восстания в Смоленской губернии, которое началось, когда в Холмскую и Покровскую волости Бельского уезда для реквизиции скота

¹ Телицын В. «Бессмысленный и беспощадный»?

у прасолов¹ прибыл отряд красноармейцев во главе с работниками уездного исполкома. Первый акт последовавшего действия выглядел так:

«7 июля, в воскресенье, на базаре три красноармейца (без оружия) вели разъяснительные беседы с крестьянами о продовольственных постановлениях, необходимости сдачи хлеба в общественные амбары для помощи голодающей бедноте. Возбужденная толпа устроила над красноармейцами самосуд».

В данном случае «крестьяне» — явно не бедняки, ибо беднякам на базаре делать нечего, а по большей части торговцы и спекулянты, в крайнем случае, зажиточные середняки. Так что не удивительно, что они обиделись. Еще чего — своим хлебом какую-то голь кормить.

Был ли самосуд эксцессом пьяных спекулянтов или провокацией? В другое время мог быть и эксцесс, но в такую случайность 7 июля 1918 года² я, извините, не верю. Однако если это провокация — то какова ее цель?

Естественно, восставшие писаных планов не составляли, так что придется прибегнуть к логике. Убитые были не сами по себе, а принадлежали к отряду, который потери бойцов очень даже замечал и миловать за такое был не склонен, а за отрядом стояла власть. Какой могла быть реакция власти и бойцов реквизиционной команды на смерть товарищей? Ясно какой — карательная экспедиция, чтоб неповадно впредь... По понятиям военного времени, если бы они залили кровью базарную площадь или схватили и расстреляли три десятка заложников, никто бы не удивился. Так что смысл прост: спровоцировать красных на ответную жестокость, которая обрушится на головы крестьян и оттолкнет их от советской власти.

Участники же самосуда, повязанные кровью, были очень заинтересованы в том, чтобы распространить ответственность на всех жителей уезда.

Акт второй. *«По волостям был пущен провокационный слух, что если крестьяне не ссыпят хлеб в общественные амбары, красноармейцы будут косить зеленую рожь и отбирать скот не только у прасолов, но и у всех крестьян. Возмущенные крестьяне арестовали прибывших с рек-*

¹ Здесь: торговец скотом.

² Напоминаю: с 6 по 10 июля по стране прошел ряд мятежей, организованных левыми эсерами.

визиционным отрядом работников уездного и областного исполкомов... 9 красноармейцев были подвергнуты самосуду и избиению».

Акт третий. «По соседним волостям были посланы агитаторы, распускавшие слухи о свержении Советской власти в Москве, Смоленске и призывавшие идти ликвидировать уездный Совет. Восстание стало быстро набирать силу, как только из Москвы были получены известия о выступлении левых эсеров... Уже 9 июля в уезде был создан военно-революционный штаб повстанцев 11 волостей, который возглавили левые эсеры, приехавшие с V Всероссийского съезда Советов. Военной подготовкой восстания руководили бывшие офицеры — полковник Коробанов и прапорщик Воронин. 11 июля штаб мятежников объявил мобилизацию населения от 16 до 60 лет. У восставших имелось до 2 тыс. винтовок и 3 пулемета. В движении приняли участие 8 тыс. крестьян. Лозунги восстания („Долой Советскую власть“, „Да здравствует Учредительное собрание“) характерны для правых эсеров, но левые эсеры Бельского уезда приняли их».

Как видим, начатое с дел сугубо крестьянских, восстание очень быстро сбилось в сторону политики, а во главе материализовались эсеры — что позволяет поставить его в ряд прочих эсеровских провокаций этих дней и полностью исключить тот вариант, что самосуд над красноармейцами был стихийным.

Четвертый акт носит все признаки «крестьянской войны»:

«Посланные на подавление восстания отряды уездного исполкома и ЧК были разбиты. Попавших в плен коммунистов, советских работников и красноармейцев крестьяне жестоко пытали. Раненых закапывали в землю, затапывали в болоте».

Этот момент восстания выглядит странным. Во-первых, до сих пор у крестьян не наблюдалось изуверской жестокости. Избить до смерти или подстрелить могли, это да, — но чтобы пытаться пленных и закапывать раненых живыми в землю? Такие вещи по определению не могли получить поддержки в русском сельском обществе, которое было традиционным и, кто бы что ни говорил, достаточно христианским, а могли лишь оттолкнуть массы от повстанцев. Даже с учетом того, что люди, у которых отбирают собственность, способны пойти на многие преступления, — мало кто из хитрых деревенских дипломатов рискнет так откровенно выступить против мнения общества. Через полгода, когда начнется продразверстка, озвереют все, но летом восемнадцатого — рано!

Впрочем, можно предположить, что и эти расправы устраивались со специальной целью обозлить большевиков, заставить их видеть в любом крестьянине врага и ужесточить карательные меры. Простая и действенная провокация, а исполнителей среди шатающихся по России озверевших отморозков найти нетрудно.

Второй вопрос: откуда у них вообще взялись пленные красноармейцы? Восставшие мужицкие массы были к боям категорически не способны и при первых же выстрелах разбегались — это характерный признак подлинных крестьянских восстаний. Сплошь и рядом в рассказах о том времени встречаешь истории, как один решительный человек, вооруженный револьвером, отбивался или уходил от целой толпы. То, что повстанцы сумели разбить вооруженные отряды, показывает, что внутри стихии пряталось хорошо организованное и обстрелянное боевое ядро. (Повидимому, это и был тот контингент, который имел 2 тысячи винтовок.)

Сами собой боеспособные отряды не возникнут, их надо создавать и обучать — впрочем, среди организаторов восстания достаточно офицеров. Другой вариант — они могли прийти с той стороны фронта, тем более что фронта как такового и не было, а просто гонялись друг за другом разрозненные отряды...

...Закончилось все появлением войск. Но если кто думает, что повстанцы героически сражались с красными частями — то ничего подобного. Едва красные подошли, как руководители скрылись, мужики разбежались по деревням и восстание самоликвидировалось. Разве что скотину увели — интересно, куда ее в конце концов пригнали? На Волгу?

Пардон, если это народное восстание — то что тогда такое спецоперация?

Подавление восстания тоже любопытно. Если и был расчет на жестокие карательные походы, то он не оправдался. Большевики за двадцать лет изощренной политической борьбы прошли огромную школу провокаций. Красные не стали устраивать карательных экспедиций с массовыми расстрелами, а исходя из вопроса: «кому выгодно?» объявили восстание кулацким и провели обычное чекистское расследование, в котором им активно помогала беднота. Меры были приняты соответствующие. Групповые карательные действия ограничились контрибуцией, наложенной на восставшие волости, — ее должны были выплатить кулаки. У них же конфисковали хлеб. Прошли и перевыборы Советов. Что же касается собственно следствия, то Западная областная ЧК приговорила

к расстрелу всего десять человек, из которых шесть — помещики, финансировавшие подготовку восстания и участвовавшие в нем. Кроме них были расстреляны присяжный поверенный и священник, последний, цитирую в точности: *«в ходе Бельского восстания живыми закапывал в землю раненых красноармейцев»*.

Как видим, для основной крестьянской массы восстание закончилось ничем. Конtribusiю брали с кулаков и помещиков, хлеб конфисковывали у них же. Учитывая личности казненных, едва ли народ сильно по ним скорбел. Разве что священник... интересно, а как отнеслась паства к тому факту, что ее пастырь участвовал в изуверской казни... Даже если «всего лишь» благословлял — то, по понятиям того времени, все равно участвовал...

Впрочем, боюсь, что православные наши мне не поверят — общеизвестно ведь, что казнили священников исключительно за веру, а не за участие в мятежах.

Одновременно с вышеописанным восстанием в Смоленской губернии вспыхнуло еще одно — в Поречском уезде. Тоже убийства красноармейцев, жестокая смерть советского активиста. Организаторы восстания — некие братья Жигаловы, офицеры.

Старорусский уезд Новгородской губернии. Численность участников восстания — около 3 тысяч человек. Организатор — правый эсер кулак Терешенко, военные руководители — офицеры. Те же лозунги: долой советскую власть, даешь Учредительное собрание. Все эти выступления однотипны, как штампованные пепельницы.

Новую власть всячески провоцировали на террор. За июль — август 1918 года на контролируемой Советами территории было уничтожено 4480, а до конца года — 10 490 партийных и советских работников (при том, что количество расстрелянных по ходу знаменитой, постоянно упоминаемой операции «красный террор», согласно максимальной из существующих оценок (не считая Мельгунова) — всего около 8 тысяч). Кроме того, были убиты 4,5 тысячи бойцов продотрядов и 5 тыс. сотрудников ЧК и бойцов чекистских отрядов. Однако власть тогда до террора еще не дозрела (с центральной этого не случится никогда, а местная дойдет до кондиции через несколько месяцев).

В прифронтовых губерниях, кроме убийств, отряды повстанцев занимались и диверсионной работой — ломали железнодорожное полотно, нарушали связь, наносили даже удары с тыла по частям Красной Армии.

Что еще раз доказывает, что эти восстания не имели отношения к крестьянской войне, а явно поднимались в ходе левоэсеровского мятежа.

И в дальнейшем товарищи эсеры и господа офицеры будут присутствовать в качестве организующей силы в крестьянских войнах, пользуясь любой возможностью навредить ненавистной власти.

«Третья сила»

— Да, — подтвердил Роббер, — мне такие люди попадались.

— Мой вам совет — не оставляйте их за спиной ни на войне, ни тем более во времена, которые по недомыслию называют мирными.

Вера Камша. Зилний излом.

«Третьей силой» в Гражданской войне называют поднявшееся против большевиков крестьянство. Что, право же, несправедливо — ведь крестьянства как такового не существовало. Деревенские низы были за красных, кто-то из верхушки, наверное, за белых, середина якшалась с зелеными, и все стороны Гражданской войны старательно тянули к себе деревенское «болото» — как агитацией, так и мобилизациями.

Так что, думаю, справедливо будет назвать «третьей силой» не самих повстанцев, а тех, кто сбивал их вместе, организаторов и вожаков. Эти люди были грамотными, а нередко и образованными, умели агитировать и организовывать военные действия. Что они хотели? Чего добивались?

Ну, первыми, конечно же, надо вспомнить верхушку села — хлеботорговцев, кулаков и зажиточных середняков, рвавшихся к вольным ценам. Например, на Урале в начале 1918 года за пуд зерна требовали пуд кровельного железа — как не стремиться вернуть такие славные времена! Но об этом уже и говорить надоело. А еще в большинстве серьезных восстаний почти всегда обнаруживаются эсеры и офицеры.

Из прежних, советских времен мы вынесли два заблуждения: что офицеры тех времен были если не дворянами, то хотя бы происходили из образованной городской буржуазии, и что эсеры — экстремистская тусовка, не способная на серьезные дела.

На самом же деле господа офицеры образца 1918 года были не Голицыны и Оболенские, а все больше Ивановы да Сидоровы. Все эти подпоручики и прапорщики, обнаруживавшиеся в недрах крестьянских восстаний, — вовсе не вчерашние выпускники военных училищ, а выслужившиеся из вольноопределяющихся или нижних чинов фронтовики, вернувшиеся после войны по своим деревням, дети помещиков, кулаков, торговцев, интеллигенции, крестьян, что побогаче. Не меньше 20% офицеров старой армии так и не примкнули ни к белым, ни к красным — но ведь куда-то же они делись?! Плюс к тому значительное количество оказавшихся у красных офицеров либо очень быстро сменили цвет, либо изначально пошли на службу к Советам с целью легализоваться и в нужный момент выступить против, благо советская власть испытывала чудовищную нехватку специалистов и брала кого угодно. А после поражения белых армий далеко не все офицеры отступали до моря и эвакуировались — многие, наоборот, уходили вглубь страны.

И летом—осенью 1918-го, и в Поволжье в 1919-м, и в Тюмени, и в Тамбове — во всех сколько-нибудь успешных восстаниях руководство повстанцев состояло большей частью из офицеров. В некоторых случаях удавалось из разрозненной крестьянской толпы достаточно быстро сбить какое-никакое войско и даже вести успешные боевые действия против красных отрядов — до тех пор, пока за повстанцев не брались всерьез. Конечно, Красная Армия того времени была наполовину ордой — но восставшие крестьяне являлись ордой на все сто процентов, так что имеющейся небольшой регулярности хватало РККА для победы.

Впрочем, советским источникам сейчас верить не модно, а антисоветские стараются представить крестьянские восстания как чисто народные, отрицая участие в них эсеров и замалчивая роль офицеров. Но по причине отсутствия единого руководящего идеологического органа господа антисоветчики не сговариваются, и в эти стыки просачивается весьма любопытная информация.

В 2004 году в издательстве «Посев» вышла книга Б. Сенникова «Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1930 гг.» Автор ее — антисоветчик убежденный, чем и ценен. Но его рассказ о начале Тамбовского восстания (точнее, предельном обострении оно́го) получился даже более «красным», чем официальная большевистская версия.

«В начале 1920 года Белое движение терпит неудачу, Добровольческая и Донская армии с боями отступают, преданные своими союзниками, к Черному морю, к Новороссийску и Крыму. На Дону и в Воронежской губернии еще остаются сражающиеся части белых армий. Они пробиваются в охваченную восстанием Тамбовскую губернию на соединение с ее партизанами, управляемыми Союзом трудового крестьянства, которые, как и белые, борются за единую и неделимую Россию и за Учредительное собрание. 5000 донских казаков в Тамбовскую губернию приводит с собою хорунжий П. И. Матарыкин и еще столько же казаков приводит с Хопра вахмистр И. С. Колесников. Сюда также с боями прорываются и более мелкие группы офицеров, солдат и казаков белых армий. Они тогда оказали большую и существенную помощь движению тамбовских крестьян...»

Чтобы организовать дальнейший ход крестьянской войны, 14 июня 1920 года группа белых офицеров в количестве 33 человек встречается с 67 лидерами разрозненных партизанских отрядов и народных дружин («совещание ста»). Эта историческая встреча произошла в деревне Синие Кусты Тологуловской волости Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. На этом совещании было принято решение свести все антикоммунистические силы крестьян, казаков, офицеров и жителей Тамбовской губернии, а также партизан-повстанцев в две хорошо организованные армии... С этого момента восстание переходит в хорошо организованную фазу».

Кто же спорит, что энтэсовское издательство «Посев» — перший сказочник среди всех, издающих книжки по истории России. Его задача — поднять престиж белой эмиграции, и ради этого авторы «Посева» вполне могут найти белогвардейцев там, где их сроду не бывало. Но как раз в Тамбове и в это время они могли оказаться. Конечно, не пять тысяч, но какие-нибудь группы окруженцев человек по пятьдесят, а то и по паре сотен вполне способны были додуматься до того, чтобы повернуть не к морю, а в красный тыл, охваченный перманентными крестьянскими беспорядками. Впрочем, белое командование могло и послать их туда — точно так же, как во время Великой Отечественной войны организаторы с нашей стороны фронта ставили в немецком тылу партизанское движение.

Да и сравнительно хорошую организацию Тюменского восстания тоже можно объяснить тем, что с разгромом Колчака по красным тылам болталось немалое количество белых офицеров. Нижние чины легко

переходили из одной армии в другую, однако для командного состава такой путь был затруднен¹. Зато за неимением белой они легко вписывались в «зеленую» армию. Это не говоря о тех офицерах, которые с самого начала сидели по поместьям и хуторам.

Эсеры тоже совсем не жалкая кучка людей с кашей в головах. Исторически это партия, имевшая: а) традиции террора и б) мощнейшие позиции в деревне, причем у нее было много членов среди сельской интеллигенции, мелкой деревенской буржуазии и офицеров-фронтовиков. Численность ее с трудом поддается установлению. С одной стороны, летом 1917 года туда вступали коллективно, деревнями и уездами, с другой — после лета 1918 года членство могло не оформляться вовсе. После того, как большевики приватизировали их аграрную программу, оставшиеся ошметки эсеровских воззрений действительно приняли вид винегрета. Жестокая обида на ленинцев и привычка к оппозиционности привела к тому, что эсеры выступали против большевиков практически по всем вопросам, и в первую очередь по вопросу политики по отношению к крестьянам. Оппозиции всегда проще — она может критиковать, не предлагая альтернативных решений или предлагая чисто популистские, вроде свободной торговли — отвечать-то ведь ни за что не надо!

Правые эсеры разругались с большевиками еще в октябре семнадцатого, а левые вступили с ними в коалицию. Попытка запрячь представителей этой партии в работу к осязаемым экономическим результатам не привела, зато наводнила советские учреждения огромным количеством саботажников, которые в меру сил и возможностей работали на грядущее антибольшевистское восстание. Ой, не просто так летом 1918 года инструкции НКВД прямо запрещали избирать в комбеды представителей сельской интеллигенции!

Правые эсеры к тому времени уже давно и прочно крутили любовь с союзниками. По весьма любопытному совпадению в мае 1918 года, аккурат за неделю до мятежа чехословацкого корпуса, VIII Совет их партии официально взял курс на вооруженное свержение существующей власти, в то время как ЦК всюду вел переговоры с союзниками о под-

¹ Но не заказан. Например, будущий маршал Говоров, крестьянский сын, был мобилизован в колчаковскую армию, командовал там артдивизионом, потом перешел к красным и тоже получил артдивизион. Но для убежденных такой путь, естественно, не подходил.

готовке одного выступления. Левые подтянулись немного позднее, но трогательное единство целей и лозунгов заставляет предположить, что не таким уж глубоким было разделение этой партии.

Летом 1918 года партия раскололась и поляризовалась. Те, кому новый курс был не по нраву, уходили к большевикам, оставшиеся занимали резко антибольшевистскую позицию. Эсеровские центральные структуры не могли полноценно контролировать низовые ячейки, разбросанные по уездным городкам и деревням России, но партия и не нуждалась в оргработе. Что делать, она знала и так. Эсеры опознаются по лозунгам Учредительного Собрания в начале Гражданской войны и прямого народовластия — в конце.

Сейчас возобладала та точка зрения, что большевистская власть, не понимая, что против нее поднялась крестьянская Россия, *валит* вину за восстания на старых врагов — партию эсеров.

Кто же спорит, что никому не под силу организовать народное восстание. Но когда есть к тому объективные причины, не так трудно *подхватить* стихийный протест и *оформить* его в восстание, а потом и в войну. Для этого достаточно минимального умения работать с массами, организаторских способностей и некоторой военной подготовки. С военной составляющей все ясно, а вот кто стоит за крестьянской войной политически и организационно — думаю, большевикам на месте было виднее. ЧК работали очень неплохо.

Из доклада председателя Тюменской губЧК П. И. Студитова. 5 апреля 1921 г.

«Цель эсеров — создание „третьей силы“ и подготовить ее к борьбе с советской властью. Их расчеты были больше чем верны, ибо они били крестьянство по их больным шкурным и собственническим нервам. Тем более кулачество, безусловно, скоро это могло усвоить. На помощь эсерам явились уже все спутники контрреволюции.

Эту политику упорно продолжали строить, несмотря на исторические удары, которые им пришлось принять за все время классовой борьбы. Это существо оказалось живучим (что кошка). Просматривая материалы о работе эсеров, для характеристики можно привести выдержку из протокола заседания ЦК эсеров от 11 мая 1920 года „Об организации крестьян“. Постановили: „Ввиду повсеместно наблюдаемого движения к организациям беспартийного крестьянства в союзы опубликовать по этому поводу особые циркулярные письма

с предложением партийным организациям взять на себя инициативу в этом движении и установить точные рамки деятельности нового объединения так, чтобы последнее не могло являться конкурировавшим с партией“.

...

Причиной восстания послужила подготовка крестьян эсерами и другими контрреволюционными группами, поскольку уже видно, что в процессе развития восстания на поверхность стали выплывать эсеровские деятели со свои излюбленным коньком „народовластия“. Предлогом к восстанию использовали благоприятную почву, созданную продработой...»¹

Эсеры были популистами с самого начала, что прекрасно видно хотя бы из Декрета о земле, составленного по общинным наказам. В дальнейшем они и не подумали изменить почерк. Вот, например, программа Союза трудового крестьянства, плод политического творчества тамбовских повстанцев.

Программа Союза трудового крестьянства. Декабрь 1920 г.

«Союз трудового крестьянства своей первой задачей ставит свержение власти коммунистов-большевиков, доведших страну до нищеты, гибели и позора; для уничтожения этой ненавистной власти и ее порядка. Союз, организуя добровольческие партизанские отряды, ведет вооруженную борьбу, преследуя нижеследующие цели:

1. Политическое равенство всех граждан, не разделяя на классы (Кому выгодно? Ясно кому: тем, кто по советской конституции относился к «лишенным» и «угнетенным»: кулакам, торговцам и т. п. — Е. П.).

2. Прекращение гражданской войны и установление мирной жизни (от этого и большевики бы не отказались — но как? Если сдаться — не будет равенства, если не сдаться, противник не согласится. — Е. П.)

3. Всемерное содействие установлению прочного мира со всеми иностранными державами (вопрос: на каких условиях? Если не на условиях иностранных держав, они не согласятся. Если на их условиях, этим пунктом можно и ограничиться, дальнейшее управление — не наша забота. — Е. П.).

¹ За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии. С. 646–647.

4. Созыв Учредительного Собрания по принципу равного всеобщего прямого и тайного голосования, не предрешая его воли в выборе установления политического строя, с сохранением права за избирателями отзыва представителей, не выполняющих воли народа (спасибо, мы знаем, что такое избирательные технологии. Даже при грамотном населении — а уж при неграмотном-то! — Е. П.).

5. Впредь, до созыва Учредительного Собрания, установление временной власти на местах и в центре на выборных началах союзами и партиями, участвовавшими в борьбе с коммунистами (а куда денут половину населения, которая сочувствует коммунистам? Зачистят для обеспечения демократии при равных, прямых и тайных выборах? — Е. П.).

6. Свобода слова, печати, совести, союзов и собраний (было, знаем, ни у кого ничего путного из этого еще не получилось. — Е. П.).

7. Проведение в жизнь закона о социализации земли в полном его объеме, принятого и утвержденного бывшим Учредительным собранием (Ой! — Е. П.).

8. Удовлетворение предметами первой необходимости, в первую очередь продовольствием, населения города и деревни через кооперативы. (Насчет удовлетворения ясно, а брать их откуда? — Е. П.)

9. Регулирование цен на труд и продукты производства фабрик и заводов, находящихся в ведении государства (как покажут дальнейшие события, замечательный канал перекачки госбюджета в карманы спекулянтов. — Е. П.).

10. Частичная денационализация фабрик и заводов; крупная промышленность, каменноугольная и металлургическая должны находиться в руках государства. (А кому отдавать? Прежним хозяевам или лидерам СТК? — Е. П.).

11. Рабочий контроль и государственный надзор над производством (а большевики, собственно, что делали? — Е. П.).

12. Допущение русского и иностранного капитала для восстановления хозяйственной и экономической жизни страны. (Было, знаем, проходили в 90-е. Результаты комментировать надо? — Е. П.).

13. Немедленное восстановление политических и торгово-экономических сношений с иностранными державами (См. п. 3. — Е. П.).

14. Свободное самоопределение народностей, населяющих бывшую Российскую империю (Комментировать надо? — Е. П.).

15. *Открытие широкого государственного кредита для восстановления мелких сельских хозяйств (Берите, берите! Мы себе еще рисуем!¹ — Е. П.).*

16. *Свободное производство кустарной промышленности (а как на счет платежеспособного спроса? — Е. П.).*

17. *Свободное преподавание в школе и обязательное всеобщее обучение грамоте (Российская империя на этом обломалась, но СТК непременно выполнит! — Е. П.).*

18. *Организованные и действующие ныне партизанские добровольческие отряды не должны быть распускаемы до созыва Учредительного Собрания и разрешения им вопроса о постоянной армии. (Еще бы! А то вдруг **работать заставят!** — Е. П.)».*

Очень милая программа, право, если бы не один пустячок: в данных конкретных условиях абсолютно нереализуемая. Попытка ее реализовать на первом этапе вызвала бы полный хаос в экономике, на втором — всеобщую войну за выживание, на третьем... впрочем, уже не важно. Однако кто из крестьян был настолько политически грамотен, чтобы это понять? А выглядела программа вполне гламурно, отражая все чаяния всех без исключения масс. Не хватало только раздачи гражданам ваучеров ценою в две «Волги»... впрочем, это уже из другой аферы.

Тем не менее, будучи маниловыми суперплюс в лозунгах, на практике эсеры были весьма... практичны. Обратите внимание на единственный конкретный момент программы: снабжение товарами именно через кооперативы, а не как-либо иначе. Естественно, ведь кооперацию держали эсеры. Можно понять их озлобление на большевистскую подразверстку: лишили, гады, такой кормушки!

Сейчас эти действия кажутся странными — чего они добивались, на что рассчитывали? Эсеры всегда были хорошими террористами, но никудышными управленцами. Бездарность их министров во Временном правительстве была вполне на уровне остального правительства, с законом о социализации земли они тоже намудрили, да и все остальное... Привычка российских социалистов плодить неудобноисполнимые программы также никуда не делась.

¹ Для тех, кто не помнит: реплика Попандопуло из фильма «Свадьба в Малиновке».

Так чего же они все-таки добивались?

Нам, вооруженным мощным послезнанием, понять это трудно. Мы знаем главное: большевики удержались. А тогда было еще совершенно непонятно, какая власть появится в итоге на необъятной и очень плохо управляемой территории Советской России. И будущее у партии эсеров могло быть совершенно разным. Например, образование на месте Сибири, Поволжья и еще некоторых регионов отдельных государств (естественно, под эсеровским руководством) — то, что не состоялось в 1918 году. Как хозяйственники эсеры всегда были потрясающе бездарны, и их держава очень скоро стала бы чьим-нибудь трофеем — вот только уже не нашим. И без того желающих хватало, особенно на Сибирь.

Есть и еще варианты. Например, пойти на переговоры с правительством, вытребовать себе легальный статус и затем контролировать зажиточную часть деревни — то есть хлеб. Надо ли объяснять, что это такое — когда производство продовольствия в государстве контролирует оппозиционная и очень несговорчивая партия? Хлебом власть шантажировали бы постоянно, не давая возможности провести «антикрестьянские» законы. А это значит, что коллективизацию уничтожили бы в зародыше, индустриализация бы тоже не состоялась, все ресурсы страны были бы направлены на удовлетворение appetитов хлеботорговцев. Что потом? А что бывает с очень большой и очень слабой страной?

Наконец, возможно, они не добивались ничего, а просто действовали сообразно свойственному русской интеллигенции инстинкту разрушения власти и порядка. Любой власти и любого порядка — именно так она прослойка показала себя в «перестройку». Ничего личного, господа, только чистый порыв терминатора...

После усмирения восстаний те эсеры, которых не выловили, куда-то делись. Куда — неизвестно, но судя по тому, как проходила коллективизация, ушли они недалеко...

Итак, вот она, «третья сила» — связка из кулаков, эсеров и офицеров, притягивавшая к себе, с одной стороны, более крупную буржуазию и кадетов, с другой — недовольных разверсткой крестьян-середняков и частично бедняков. Та сила, что противостояла большевикам в подлинной гражданской войне, разразившейся на российских просторах и тесно увязанной с «большой» Гражданской войной (той, которая на самом деле отечественная). А в реальности какая из них больше — это еще вопрос...

Пожар...

Наотмашь хруст топора
и навзничь — четыре ножа,
в мертвую глотку
сыпали горстью зерна.

Владимир Луговской. Пепел.

В марте 1919 года, с новым витком хлебозаготовок, проводившихся уже по принципу продразверстки, а значит, с повышенным количеством злоупотреблений — в связи с твердым заданием трясли и середняков, и даже бедняков, — деревня буквально взорвалась. За первые полгода 1919-го восстания произошли в 124 уездах. За это время местная власть окончательно оборзела, почувствовав себя полноправными хозяевами на местах, а крестьяне озверели.

«Восстанием» в то время называли все что угодно — от толпы, после очередной пьяной выходки местного предисполкома разгромившей сельсовет, до локальной войны с массовыми убийствами, захватывавшей десятки уездов. Что касается первых — тут все ясно. Более того, ощущение такое, что эти «восстания» часто вспыхивали с одной целью: привлечь внимание вышестоящей власти. Ибо после выступления проводилось следствие, в результате которого доставалось не только и даже не столько участникам, сколько спровоцировавшим их деятелям.

Однако если крестьяне и «третья сила» находили друг друга — поднимались настоящие войны. Все они, в общем-то, различаются лишь количественно: по величине, по грамотности действий, по степени озверения. Чем богаче губерния, уезд, волость, тем более сильной и жестокой является война, но основные закономерности одни и те же.

В 1919 году Поволжье охватило колоссальное восстание — бунтовали, по разным данным, от 100 до 150 тысяч крестьян. К тому времени тема Учредительного Собрания потеряла свою остроту. Население стояло за советскую власть, и лидерам приходилось подстраиваться. Лозунги повстанцев стали иными, в первую очередь против «коммунистов»: «Да здравствует советская власть на платформе Октябрьской революции!» «Долой коммунистов и коммуны!» «Долой жидов!» К восставшим начала присоединяться армия — и в Поволжье, и на Дону полки, сформированные из мобилизованных, переходили на сторону повстанцев.

К лету пожар стал почти сплошным. Только в трех губерниях аграрного центра произошло 238 восстаний. Крестьянская война в Тамбовской, Воронежской и Саратовской губерниях создала угрозу фронту.

Первые восстания — да, они были организованы. Но в ситуации, когда бунтуют все, организаторы уже не требуются. Какая-нибудь волость избирает антисоветское выступление способом разрешения конфликта, который в другое время, может статься, и мордобоя бы не стоил, просто потому, что так делают все. А в ситуации, когда противников у власти больше, чем сторонников, финансовая (или материальная) поддержка обеспечена¹, по дворам сидит уйма бывших солдат и унтеров, а кое-где и офицеров, а по лесам шляются банды дезертиров, выступление очень быстро получает вожаков, вооруженную силу, какие-нибудь знамена и лозунги. Посланцы с той стороны фронта в повстанческих штабах тоже сидели — но этих господ программы и лозунги интересовали мало. Им важно было разгромить красных, а с идеологией можно разобраться и потом, пулеметы найдутся.

Недавно я раскопала в Интернете замечательное описание повстанческого знамени, захваченного 13 января 1921 года в селе Погорельском Барнаульского уезда. Сверху вниз оно бело-черно-коричневое, и на каждой полосе — своя надпись: «За Учредительное Собрание!» «За мать-анархию!» и «За чистую советскую власть без коммунистов!» Объяснение появлению столь роскошного сочетания взаимоисключающих лозунгов только одно: вместо того чтобы до хрипоты спорить о программе, организаторы восстания выбрали вариант, не обижающий никого. Как понимали данную программу алтайские крестьяне, скрыто египетской тьмой.

Лозунги тоже представляли собой поэтическую картину мира, вылепленную из каши в головах. Классический «Да здравствует Учредительное Собрание и свободная торговля!» говорит о присутствии в рядах повстанцев эсеров. «За Советы без коммунистов!», «Да здравствуют Советы, долой коммуну!» — о том же самом, только левее. «За веру христианскую и ислам!» — тоже понятно, хотя и несколько неожиданно.

¹ Кстати, во взимании с восставших деревень контрибуции был простой и ясный смысл. Во-первых, наказание имуществом для крестьян очень чувствительно, а во-вторых, коль скоро есть деньги для повстанцев, так, стало быть, не все уходит на пропитание.

А о чем свидетельствуют следующие призывы: «Да здравствует свобода, равенство, братство и любовь!» (а еще говорят, что хиппи появились в Америке); «Да здравствует Красная Армия! Бей коммунистов, долой Троцкого! Да здравствует Ленин и Учредительное Собрание!»? Замечательно откровенны были сибиряки, выкинувшие лозунг: «Разрешена гонка самогонки!» Вскоре повстанцы дозрели и до программ. Они обычно бывали короче, чем тамбовская, но крестьянское самоуправление и свободную торговлю содержали все.

Однако у повстанцев слова расходились с делами еще в большей степени, чем у большевиков. Все вожаки всех крестьянских армий и партизанских отрядов, едва доходило до практического применения мужицкого идеала насчет «податей не платить, рекрутов не давать!», почему-то становились удивительно похожими на своих противников. Их можно понять — «народным армиям» тоже надо набирать личный состав и чем-то кормиться.

Вот перед нами один из документов «крестьянской войны».

«Приказ № 1 по территории народной повстанческой армии. Деревня Кузнецово. 1 августа 1920 г.

На территории, освобожденной повстанческими войсками от коммуны, населению возвращается вся полнота гражданской свободы. Всем, кто идет под знаменем народной повстанческой армии, объявляется действительное равенство перед законом, свобода слова, собраний, передвижения, занятий. Труд, промыслы, торговля, собственность каждого объявляются неприкосновенными. Ввиду исключительности военного времени повстанческой армии временно предоставляется право реквизиции всего, что нужно для армии, с выдачей в уплату реквизиционных квитанций, по которым впоследствии, по установлению государственного порядка, будет выплачена сполна действительная стоимость взятого по курсу. Да здравствует настоящая, не коммунистическая свобода! Командующий Шишкин»¹.

Комментировать надо?

Забавно смотреть, как выкручиваются апологеты белого и зеленого движений, когда доходит до поведения их подзащитных по отношению

¹ Телицын В. . Бессмысленный и беспощадный? С. 144.

к местному населению. Самый ходовой прием здесь, конечно, следующий: объяснять мобилизации и реквизиции жестокой военной необходимостью. С этим, пардон, никто не спорит — такая необходимость была, но почему же она была только у белых и зеленых?

Встречаются и более эксклюзивные варианты. Самым роскошным образом отличился господин Сенников, который, глядя прямо в душу невинными голубыми глазами, заявляет:

«Новый начальник Тамбовского ГубЧК М. Д. Антонов-Герман с ходу начал активизировать работу своего аппарата. По его предложению были созданы подвижные подразделения ГубЧК с целью проникновения на территорию губернии, контролируемую Союзом трудового крестьянства. В их задачу входили такие акции, как расправа над крестьянами. Это надлежало производить под видом партизан. Тамбовские чекисты всерьез намеревались расколоть народное движение и подорвать силу повстанцев. Проникая небольшими группами на свободную территорию губернии и выдавая себя за повстанцев, они отнимали у крестьян лошадей, коров, овец, а также продовольствие, при этом совершая всевозможные бесчинства».

Самому-то автору не смешно? Он что, всерьез полагает, что повстанцы фураж и продовольствие покупали на базаре, а злые чекисты, притворяясь антоновцами, грабили крестьян? На пике восстания численность «народных армий» Тамбовской губернии составляла десятки тысяч человек — неужели вся эта орда кормилась добровольными пожертвованиями?

Другая проблема — соотношение зверств одной и другой стороны. Сведения о злоупотреблениях красных в ныне выходящих сборниках документов собраны тщательнейшим образом и в большом количестве. А поведение их противников... ну, не замалчивается... скажем так: упоминается. Если очень старательно искать, кое-что можно найти, а кое о чем догадаться.

Вот восстание марта 1919 года в Поволжье, впоследствии названное «чапанной войной». Штаб повстанцев в обращении к гражданам пишет: *«Население сел и деревень в корне протестует против убийств обезоруженных коммунистов и вообще против бесцельного кровопролития».* Но если население, у которого забирают хлеб и сыновей в армию, протестует против того, чтобы убивали обидчиков — то кто тогда их убивает? Получается, что повстанцы — не из населения?

В отчете симбирского губисполкома в НКВД говорится немного по-другому: *«Восстание отличается жестокостями: у попавших к ним отрезаются уши, носы и губы, отрубаются руки и пальцы».*

В отчете карсунского уисполкома Симбирской губернии в НКВД пишут: *«За время мятежа с 15 по 20 марта пало жертвами до 25 человек коммунистов карсунской организации, не считая погибших из местных ячеек... Расправа с коммунистами была жестокая и, если можно так выразиться, зверская. Ни одного коммуниста нет, чтобы он был убит одной пулей. Из видимых признаков на трупах явствует, что их большею частью убивали тупым оружием в виде дубин, кольев и других предметов крестьянского обихода, как, например, вил, топоров и пр. Мало того, трупы спускались в реки под лед».*

Вот еще одно свидетельство — автобиографическая повесть писателя Леонида Пантелеева, которого угораздило оказаться в самом эпицентре так называемого «вилочного» восстания. Когда хоронили погибших красных добровольцев, Ленька пошел искать тело своего друга.

«На той же площади, у жиденькой дощатой трибуны, стояли подводы с гробами... Он поборол в себе страх и еще раз пошел искать Юрку. Вместе с ним разыскивали своих мужей, сыновей и братьев несколько женщин. Женщины подняли крышку первого гроба. Ленька заглянул туда и отшатнулся. Вместо мертвого человека, покойника он увидел груды посиневших человеческих ног, рук и отдельных пальцев»¹.

Артиллерии у «вилочников» не было. Что же, в таком случае, проделали с погибшими?

В Сибири не только не отставали, но и опережали, пожалуй. Там и народ более крутой, и с подчинением власти всегда было не очень, а колчаковская армия, по масштабу зверств действительно являвшаяся чемпионом среди белого воинства, приучила народ к жестокости.

***Из доклада председателя Тюменской губЧК П. И. Студитова.
5 апреля 1921 г.***

«Бандиты вслед за арестом коммунистов тотчас занялись арестами беспартийных и вообще всех лиц, сочувствующих советской власти. Начались массовые расстрелы, зверства и т. д.

¹ Пантелеев Л. Повести и рассказы. М., 1969. С. 450.

В Ингалинской волости один убит, уведено в тыл (уводились с целью расстрела) 15 коммунистов, 40 беспартийных, 18 человек красноармейцев. В Суерской волости арестовано и уведено в тыл коммунистов — 14, беспартийных — 36. В Коркинской волости уведено в тыл коммунистов — 11 человек, беспартийных — 40 человек¹. Все увиденные в тыл арестованные, ради сохранения патронов, замучиваются. Из 33 человек, увиденных из Красногорской волости, возвратился один, у которого оказалось до 50 ран. В Суерской волости арестованных били, морили голодом, держали в холодных помещениях, снимая при этом белье и обувь.

Не осталось ни одного коммуниста в Архангельской и Красногорской волости — целиком вырезаны. В районе Красногорской волости расстреляно около 50 человек. Вырезана Красновская коммуна в селе Спасском Шатровской волости. Выкалывались глаза арестованным и таким образом отпускались. В гор. Ялutorовск 6 марта привезено 30 трупов замученных, найденных в районе Бешильской волости. Многим отрезали уши и носы, на телах следы от вонзаемых в них пик. Все тела обожжены каленым железом. Особенными зверствами отмечается Омутнинский район. Арестованные сажались в тесные помещения (шесть аршин кругом), куда загоняли до 65 человек, и арестованных в невыносимой жаре парили по двое суток, не давали ложки воды и крошки хлеба.

После указанных пыток арестованные отводились в следственную комиссию, где существовало 4 решения: 1) казнь через расстрел, 2) тыловая окружная следственная комиссия, 3) следствие и 4) освобождение. Последняя категория существовала лишь для своих лиц, задержанных без пропуска. Всех остальных ждала первая категория».

Как видим, перед нами не эксцессы пьяного командира отряда. Это тоже «революционное правосудие», только не красного, а зеленого цвета.

«Предназначенные для казни жертвы отводились в холодный каменный сарай без окон, с железными дверями, предварительно раздетые

¹ По первоначальной оценке, число убитых коммунистов около 1500 человек. Если соотношение было постоянным, к ним надо прибавить еще около 4 тысяч беспартийных.

донага, где вынуждены были находиться босыми на ледяном полу. Никакого различия, никаких привилегий для стариков, юношей, беременных женщин с грудными детьми и детей-подростков не существовало.

Все одинаково подвергались замерзанию¹. В глухие ночи арестованные выводились для замучивания, т. е. патронов для арестованных жалели, выкалывали глаза пиками, беременным женщинам распарывали животы, детей кололи пиками, рубили топорами в куски. Связывались также по два человек арестованных — спина к спине, в рот засовывалось сено и удавливались петлей. Мертвые отвозились на скотские ямы. Расстреляно и замучено в селе Омутнинском 90 человек.

В Ишимском уезде приходится часто наблюдать безумно дикую картину: арестовывали продработников, заживо разрезали им животы, насыпали туда какое-нибудь зерно и т. п., затем вывешивали над ними анишлаг: „Разверстка выполнена полностью“.

В Бобылевской волости бандитами производилось сжигание в ямах. В районах Красногоркой волости были пьяны и позволили себе страшные избиения. Ими были убиты мальчик и старик Комольцевы...

...Повстанческое движение в Ишимском уезде вначале имело вид чисто низового, постепенно перешло в чисто кулацко-белогвардейское, так как впереди движения — в штабе и нач. отрядов — встали кулаки и офицерство, а потому репрессии по отношению к коммунистам и более преданным советским работникам перешли в поголовное избиение коммунистов и частью их семей...

Общее число пока выяснить трудно в силу того, что еще восстание не подавлено, но надо полагать, что общее исчисление выражается в десятках тысяч»².

Впрочем, не факт, что в европейской России убивали менее жестоко — там планку насилия держали казаки, а это были те еще миротворцы! И ежели кому угодно считать восстание народным, то и эти зверства надо отнести на счет народа как такового. Такой вот он у нас — Богоносец-то...

¹ Не совсем понятно, что имеется в виду. То ли приговоренных в этом сарае расстреливали, то ли берегли патроны и оставляли их, чтобы они замерзли «естественным образом».

² За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии. С. 638–640.

Но на самом деле проблема *исполнителя* — достаточно серьезная. Даже очень возмущенные крестьяне редко решались на что-то большее, чем избить и разоружить продотрядовцев. В крайнем случае, будучи уже беспредельно возмущенными, могли забить до смерти. Однако чтобы пойти на утонченные мучительные казни, следовавшие после решения «суда», а тем более чтобы зверски умучивать стариков, женщин и детей, нужен был навык — то есть особые люди. И такие люди в России имелись. История Гражданской войны выделила две категории особо жестоких: уголовники и казаки.

Практически сразу после Февральской революции министр юстиции Временного правительства Керенский, о котором историки до сих пор не могут договориться — провокатор он или на самом деле *такой* дурак, — радостно открыл двери тюрем, в том числе и каторжных, выпустив на свободу немереное число опаснейших преступников. Те очень быстро нашли себя — одни вернувшись к прежнему ремеслу, другие отыскивали более удобный промысел. Зачем грабить частным образом, когда можно пойти в какую-нибудь армию и заниматься тем же самым уже на законных основаниях?

Красные своих уголовничков быстро прижали к ногтю: как уже говорилось, это единственная сила в Гражданской войне, которая карала за злоупотребления *своих* — да так, что только ключья летели. В прочих армиях могли разве что приказать более так не делать — но кто выполнял эти приказы?

Впрочем, нет! Отмечены в истории белого движения и суровые расправы за злоупотребления по отношению к местному населению. Казачьи части действительно карали своих за грабежи и насилия — в *казачьих* станицах. По отношению ко всем прочим грабеж и резня шли такие... То, что казаки рассматривали войну в первую очередь как грабительскую экспедицию, отмечают многие. «Тихий Дон» вспоминать не будем, приведем более редкий источник из числа эмигрантских воспоминаний некоей Арбатовой о том, как части Добровольческой армии заняли Екатеринослав.

«...Наутро другого же дня восторженность сменилась досадливым недоумением. Вся богатейшая торговая часть города, все лучшие магазины были разграблены; тротуары были засыпаны осколками стекла разбитых магазинных витрин; железные шторы носили следы ломов, а по улицам конно и пешие бродили казаки, таща на плечах мешки, наполненные всякими товарами...

...Грабежи росли и перенеслись на частные квартиры. По ночам раздавались отчаянные крики подвергавшихся ограблению.

Отправилась делегация к генералу Ирманову, и старый вояка, сидя засыпающий в кресле... сослался на свою в этом деле беспомощность, отвечая, что борьба с уголовными преступниками не входит в его чисто военные обязанности, а лежит на обязанностях полицейских властей.

Когда же генералу было указано, что грабителями и уголовными преступниками являются казаки подчиненных ему частей, — он удивленно, старчески дряхлым голосом произнес:

— Да неужели? Вот каналы! — и по его лицу скользнула счастливая отеческая улыбка»¹.

Справедливости ради надо отметить, что красные казаки, например те же буденновцы, вели себя немногим лучше, а когда им попытались запретить грабежи, едва не подняли бунт. Менталитет, однако... Читайте «Тараса Бульбу».

Кстати, насчет «Тараса Бульбы» — там ведь не только про грабежи рассказывается, но и про то, как запорожское войско люто казнило неприятелей, не щадя ни женщин, ни детей, жгло паненок в костелах и кидало к ним в огонь их младенцев. Об этом и поговорим.

Андрей Купцов, автор неоднозначный, но не заслуживающий огульного отрицания, пишет, как казаки расправлялись с пленными красноармейцами. Описание это он сделал по рассказам своего отца, и оно, в общем-то, другим данным не противоречит.

«Мой отец, сын красного полка, видел, как рубят „в капусту“. Он был невольным участником того „бузулукского мятежа“, когда некоторые казачьи части перешли на сторону белых...

...Человеку привязывают руки „по швам“ и начинают легкими секущими ударами с потяжкой пластовать его по бокам, как обычно нарезают колбасу. Фьить-фьить, сверху от плеч вниз по рукам и бедрам и опять сверху вниз. Пока эти пластующие удары идут по рукам, четкие, смачные ударчики. Вот уже облетели пальцы. А напарник слева чуть переборщил — надрубил и перерубил руку... С боков свисают кровавые лохмотья — как капуста.

Вся сложность в том, что человек может потерять сознание сразу — и конец потехе. Надо в таком случае подвязывать жертву к пере-

¹ Арбатова З. Екатеринослав //Архив русской революции. Т. 12. М., 1991.

кладине ворот, к какому-нибудь длинному суку, но при этом оставить бока открытыми для ударов. Есть другой вариант — когда пленного подвязывают под мышки и невысоко подвешивают над землей. Тогда можно слегка крутануть жертву и нарезать по кругу, уже захватывая спину и грудь. В этом случае хорошо иметь в качестве объекта истязания человека с пузом. Постепенное надрубание оного приведет к медленному выпадению кишок...»

Итак, отец автора оказался во время мятежа в одной из станиц в числе пленных, которых согнали на площадь перед церковью. Дальше было так...

«Они все стояли, ожидая чего-то, когда с боковой улицы на легких рысях вылетела с матом группа всадников, гоня кого-то меж коней нагайками. Один из всадников вылетел вперед, кто-то из группки командиров крикнул: „Видал эту сволочь? Он Семена подстрелил!“ Какие-то крики и команда: „В капусту его!“ Человек, видно, знал, что к чему, и с утробным воплем кинулся на кого-то в надежде на быструю смерть, но не дали...

„А чем поддержать-то?“ Вопрос... „Тащи оглоблю!“

А тем временем человека связали по стойке смирно. Когда притащили оглоблю, ее использовали как удочку: задний держал конец, середину положили на плечо крепкого казака, а на конце уже была привязана петля. Но за шею нельзя — человек, повиснув на шее, потеряет сознание — весь „цимес“ насмарку. „Тащи штык!“ — и штык вогнали в щеку с одой стороны, проткнув ее насквозь, и за него вокруг головы зацепили петлю „удочки“.

Тот, кому кричали о каком-то Семене, выхватил шашку и подал знак рукой кому-то, кто встал уже слева сзади, и начали четко и резко-легко пластовать живого человека „в капусту“... После уже на паперть вышел с попом какой-то старик и двинул речугу, в конце которой, как после рассказали отцу, всех приговорили к „суду народа“. В переводе на русский, намечалось изуверское шоу...»

... Казнь была назначена на следующий день, однако казаки, не утерпев, часть пленных забрали раньше. Но само шоу не состоялось — ночью в станицу прорвались красные, дав подростку возможность донести до потомков то, что он там увидел.

«Людям загоняли оглобли в задний проход, четвертовали, кастрировали, сдирали кожу... Вырванные глаза, обрезанные уши, обго-

релье ног, прибитые к бревну над костром (как казнили женщин, я промолчу)»¹.

Другие источники описывают иные способы казни — так, например, в повести «Чапаев» казаки у двух попавших в плен красноармейцев вырезали полоски кожи и солили сверху, а натешившись, прикончили штыками. Ну а захватив раненых, закопать их живыми в землю или зажать госпиталь — самое милое дело.

Интересно, тамбовский «народный суд», о котором пишет господин Сенников, — он так же выглядел? Автор не говорит об этом, но из других источников известно, что тамбовское восстание отличалось зверствами, выделявшимися даже на тогдашнем фоне. Ежели и вправду воду там мутили прорвавшиеся в губернию казачки — оно и неудивительно. Другое дело, что это вряд ли. Казаки даже в белой армии существовали обособленно, считая себя неким «высшим сортом» по отношению к прочему российскому люду, так что участвовать в каком-то мужицком восстании...

Не то чтобы это походило на биологические изыски Третьего Рейха, скорее на сохранившееся еще со времен Тараса Бульбы² разделение на «казаков» и «мужиков», аналогичное более позднему делению на воров и фраеров. То, что творили казаки по отношению к *не своему* населению, иначе как высшей степенью уголовного террора не назовешь. Их зверства известны из слишком большого числа разных источников, чтобы сомневаться в том, что они были, и были они исключительными. Помните «Железный поток», когда вслед за уходящими красными, покидав детей в телеги, рвануло иногороднее население? Не от грабежей же оно бежало, в самом деле...

Кстати, из всех деяний «сталинской контрреволюции» самое большое возмущение общественности — не оппозиционеров, а именно общественности — вызвало восстановление казачьих частей. Вот только не надо говорить, что виной тому была иррациональная ненависть злобного русского и нерусского народа к белым и пушистым станичникам, ладно?

Но все это меркнет перед тем, что творилось в Сибири. Там правил бал в трогательном единении казачьи отряды атаманов Семенова и Анненкова и состоящие черт знает из кого банды барона Унгерна. Свидетельств много, но книга, в общем-то, не об этом, так что не будем

¹ Купцов А. Миф о красном терроре. М., 2008. С. 50–52.

² Вообще по части казачьих нравов очень поучительная книжка.

собирать мозаику, а прибегнем снова к Купцову, который на материалах судебного процесса над атаманом Анненковым рассказывает о его «миротворческой работе».

«Самое типичное — это в ряд к плетням привязать (а если были гвозди, то и прибить руки) всех жителей и начать всех люто пороть, всех, со стариками и детьми. А позже начинались пыточные казни, когда людей сжигали по частям, четвертовали (не убивая), сажали на кол, сдирали кожу ремнями. Вырывали глаза, отрезали языки, женские груди, гениталии... Приколотив гвоздями мать к стене дома, самый кайф распиливать у нее на коленях ее детей... Вообще-то насиловать кучей и убить — это примитивно, хорошо опосля етьства у девчонки вырвать глаза, отрубить пальцы и запихнуть это все в глотку ее жениху, а также сие сделать с семейной парой, при этом самый „цимес“, если жена беременная, тогда можно, „аккуратно“ вырвав плод, поджарить его и скормить собакам, а то и мужу, клещами раскрыв тому рот. А четвертовать лучше было так: прибить человек двести к шпалам, чтобы руки и ноги были по сторонам рельсов. И под оркестр, не торопясь, поехать на своем фирменном „поезде смерти“ по рукам и ногам и просторам Родины.

Самое рядовое описание конкретных событий в каком-то месте обвинительного заключения: „Тогда пьяная разнузданная банда стала зверски пороть крестьян, насиловать женщин и девушек и рубить крестьян, невзирая на пол и возраст, да и не просто рубить, — заявлял свидетель Довбня, — а рубить в несколько приемов: надрубят руку или ногу, затем разрежут живот и достанут оттуда кишки, а то кишками-то учнут детей душить“ ... По словам свидетеля Турчинова, ворвавшись в крестьянскую хату, анненковцы, если в хате были дети-младенцы, всегда насаживали ребенка на штык и поджаривали его в печи. Вообще в живых оставались только те, кого анненковцы заставляли закапывать казнимых живьем в землю. Последних могли, куражась, и наградить»¹.

И напоследок предельно простое свидетельство с судебного процесса над Анненковым, состоявшегося в 1927 году.

«Перед судом — свидетельница Ольга Алексеевна Коленкова, пожилая крестьянка. Из-под линялого ситцевого платка выбивается

¹ Купцов А. Миф о красном терроре. С. 277–278.

седая прядь. Бугристый шрам пролегает через всю щеку. Она говорит медленно, трудно.

— Белые, вот его молодчики, — указывает она на атамана, — убили у меня двух старших сынов. Одному было двадцать два, другому — пятнадцать. А меня привязали за ногу к конскому хвосту. И погнали лошадь в сторону камышей. (В руках я малых детишек своих держала.) Всю спину до костей мне ободрали. Как я в памяти осталась — не знаю. Чую, остановилась лошадь и кто-то отвязал меня. Потом услышала: „Иди за нами“. Я поняла, повели кончать. Привели в камыши, я перекрестилась, легла от слабости. Если бы это было днем, может быть, и прикончили меня, но это была ночь, ничего не видно... У одного ребенка, у мальчика, руку отрубили, так он и умер потом в больнице.

— Сколько ему было лет? — спрашивает председательствующий.

— Два годика, а второму четыре. Второму перебили спинку. Сейчас он горбатый... А дальше что было, не знаю... Без памяти упала... И жива осталась. Забыли, видно, про меня, покуда детей мучили...»¹

Не обязательно именно эта публика развлекалась в недрах крестьянских восстаний — да и зверства там были все же менее изобретательными. Но они устанавливали планку, верхний уровень изуверства, к которому подтягивались остальные палачи, а вслед за ними и красные — как удержишь?

...А мы ведь еще забыли про армию, которая тоже не прочь была побунтовать. В Тюмени, например, восстание опиралось на расположенные вдоль железной дороги части полевого строительства. Ну это, впрочем, другая история — у строителей всегда было повышенное количество «спецов», а данный контингент изначально склонен к изменам. Сие лишний раз доказывает, что восстание было не спонтанным, а заранее подготовленным, раз сумели договориться с военспецами.

Но вот вполне «народная» часть — Туркестанская дивизия под командованием Александра Сапожкова. Ее мятеж был вызван, как пишется в предисловии к сборнику документов «Поволжье», «растущим недо-

¹ Шалагинов В. Крах атамана Анненкова / Неотвратимое возмездие: по материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. http://militera.lib.ru/h/sb_neotvratimoe_vozmezdie/index.html

вольством крестьян продолжающейся Гражданской войной и политикой военного коммунизма».

Мятежный комдив и в самом деле был по происхождению крестьянином, а кроме того, еще и левым эсером. Но документ, приведенный в том же сборнике, свидетельствует, что дело тут не в военном коммунизме и уж тем более не в войне, против которой доблестные краскомы ничего не имели. Причина куда проще. Туркестанскую дивизию, воинскую часть, окрыленную и отягощенную всеми славными боевыми традициями РККА, решили перебросить на польский фронт. И по этой причине начали *строить*.

Из показаний бывшего помощника начальника штаба 2-й Туркестанской дивизии Е. Хорошилова. 7 августа 1921 г.

«...У Сапожкова с первых же дней шли крупные нелады с подивом¹ дивизии, которые особенно обострились во время стоянки дивизии в Пугачевском уезде, когда в г. Пугачев приезжал ревтрибунал Заволжского военного округа, поарестовавший много лиц из комсостава за драки и пьянство, которые, кстати, благодаря общему кумовству карались не особенно строго. Комбриг Зубрев, со слов Сапожкова, объяснил эти нелады с политическими работниками дивизии тем, что „пришлют молокососов, соскочивших со школьной партийной скамьи с правом учить других, контролировать и арестовывать. А где же они были, когда в восемнадцатом году мы выходили с голыми руками против буржуазии... (и т. д., и т. п. — Е. П.)“. Намека на восстание никогда не было. Все ограничивалось лишь разговорами. Мнение большей части комсостава и красноармейцев было на стороне Сапожкова и Зубрева², так как большая часть дивизии была с ними еще с начала 1918 г. на Уральском и Южных фронтах».

10 июня дивизию перебросили в Бузулукский уезд, где ее собирались довооружить и отправить на польский фронт. Идея воевать понравилась всем. Однако в начале июля пришло известие, что Сапожкова и Зубрева должны сменить... Командование понять нетрудно: отправлять эту гопкоманду на фронт смысла не имело, особенно с учетом уже находивших-

¹ По-видимому, политотдел.

² Командир 1-й бригады.

ся там буденновцев. Не дай Бог, пересекутся с какой-нибудь дивизией из Первой Конной да начнут выяснять, кто круче...

Более того, *«стало известно, что решено оздоровить весь комсостав дивизии последовательной сменой и назначением новых людей. В дивизии народ, сжившийся со своими командирами в боях, невзгодах двухлетней гражданской войны... заволновался. Носились слухи, что всех новоузенцев¹ по прибытии на фронт разгонят по другим частям, комсостав снимут с должности. Сапожков в то время усиленно пьянствовал и, мне кажется, под давлением алкоголя и решился на свою авантюру. Он стал потихоньку объезжать полки, говорил как бы в подтверждение всех нелепых слухов, винил во всем политработников вообще, изменивших политику 1918 г., и политработников дивизии в частности. Было, кажется, несколько тайных собраний комсостава... На этих собраниях были вынесены резолюции: „Да здравствуют борцы 1918 года!“, „Долой спецов!“, и было решено оказать вооруженный протест, но крови не проливать».*

Как видим, ничего общего с крестьянскими делами сей протест не имел. Подобным же образом примерно в то же самое время едва не взбунтовалась Первая Конная, и тоже по причинам конфликта с «комиссарами», имевшими наглость запретить грабить местное население.

14 июля Туркестанская дивизия двинулась на город Бузулук, каковой практически без сопротивления захватила, разоружив гарнизон. Дивизию переименовали в «армию Правды», а поскольку она являлась кавалерийской, решено было сформировать для «армии» и стрелковые полки. Сапожков потребовал переговоров с командующим Заволжским ВО Авксентьевским — хотел, по-видимому, выдвинуть какие-то требования. Но пока налаживали связь, он успел напиться и, когда его позвали на переговоры, заявил, что говорить уже поздно.

«Первые два дня население ни во что не посвящали... Все ходили в недоумении, даже и большинство солдат. На третий день были устроены митинги в городе, на которых выступали присоединившиеся к Сапожкову... причем в это время были выброшены лозунги: „Долой примазавшуюся к советской власти белогвардейщину!“, „Долой диктатуру коммунистической партии!“. Требовалось немедленного отстра-

¹ Основу Туркестанской дивизии составляли уроженцы Новоузенского уезда.

нения от должностей и предания суду всех „замаскировавшихся врагов народа“ и т. п.

Между тем выяснилось, что сформировать стрелковые полки не удалось, а также не удержать г. Бузулука в своих руках. Все пехотные отрядики, которые наспех вооружались и отправились против правительственных войск, были только до первой стычки, после чего сдавались или разбегались, да и со стороны кавчастей появились отдельные случаи перебежек и дезертирства куда попало. Сапожков и Зубрев продолжали пьянствовать, причем Сапожков напивался к вечеру, а Зубрев круглые сутки был без сознания, в каком виде и попал в плен под дер. Котлубановской отряду Штильмана...»

Дальнейший рассказ о злоключениях «армии Правды» содержит в себе описания бессмысленных перемещений и беспробудного пьянства и вполне определяется выражением автора: «Хаос был полнейший».

«Вообще во всей этой истории так много странного, что, если опросить всех, что думали вы, когда начинали все это, и что думаете дальше, ответ, по-моему, будет один: „Не знаю“. Вряд ли кто, кроме разве Сапожкова, отдавал себе отчет, что делал. Мое личное мнение о Сапожкове — это то, что он человек с большими нервами, хотя и служивший с 1917 г. Советской власти, но со взглядами правее, чем РКП, да еще страшно раздраженный вмешательством политработников в дела, которые подчас их совсем не касались, да плюс к этому ежедневная выпивка. Мне думается, что он хотя и поднял восстание, но и сам на успех не надеялся, а так — насолить всем, а потом сбежать с несколькими верными людьми...»¹

Строго говоря, сапожковское восстание нельзя причислять к крестьянским. Автор показаний, штабной работник, который должен все же понимать, что происходит в его собственной части, пишет в качестве резюме: «Те, от кого зависели все эти перемещения должностей, допустили огромную ошибку, что ударила по больному месту, и, мне кажется, что не трогай Сапожкова, Зубрева и других, с которыми люди сжились в боях и невзгодах, Республика не потеряла бы бригаду солдат, рвущихся в бой, как один все, спаянных революционной дисциплиной... и не видела бы тех убытков, которые принесла эта ненужная бесцельная бойня, не потеряла бы миллионы... Взять, как пример, командира

¹ Крестьянское движение в Поволжье. С. 536–539.

бригады Зубрева Федора Андреевича... это человек, который отбывал 3 года в Киевской крепости... за политические убеждения, в 1917 году с марта был выборным в комитетах, первым снял корпус... с позиции, не дал ему идти на Петроград во время наступления Корнилова... организовал из своих односельчан отряд в феврале 1918 г. и с того момента борется не покладая рук... Он крестьянин из бедноты, и неужели же он контрреволюционер, а такие, как он, — были все: кто же прав и где правда?»

В том-то вся и беда, что не были они контрреволюционерами, а совершенно наоборот. Если крестьяне протестовали против беспорядка, то этим как раз не нравилось то, что правительство стало наводить порядок. Ну а способ выражения недовольства был для того времени стандартным. А если бы товарищ Зубрев оказался не в армии, а, скажем, командиром продотряда или отряда по борьбе с дезертирами — как бы он действовал?

То-то же...

...И пожарные

В условиях кризиса государственности принципом реального гуманизма является политика, ведущая к минимуму страданий и крови, а не к их отсутствию.

Сергей Кара-Мурза. Советская цивилизация

Теперь поговорим о мерах подавления восстаний — как технологии, так и эксцессах. И снова возьмем за образец не мораль мягких диванов, а реальную практику Гражданской войны. Восстания ведь вспыхивали не только в красном, но и в белом тылу.

И. о. губернатора Енисейской губернии генерал-лейтенант Розанов приказывал:

«Начальникам военных отрядов, действующих в районе восстания:

1. При занятии селений, захваченных ранее разбойниками, требовать выдачи их главарей и вожаков: если этого не произойдет, а достоверные сведения о наличии таковых имеются — расстреливать десятого. (В случаях, когда речь идет о каких-то категориях населения, это оговаривается: «все мужское население», «все взрослое население». Здесь

этого нет — стало бытъ, каждого десятого, включая женщин и детей? — Е. П.).

2. Селения, население которых встретит правительственные войска с оружием, сжигать; взрослое мужское население расстреливать поголовно; имущество, лошадей, повозки, хлеб и так далее отбирать в пользу казны... (а женщин и детей бросать умирать с голоду на голой земле? — Е. П.)

...

6. Среди населения брать заложников, в случае действия односельчан, направленного против правительственных войск, заложников расстреливать беспощадно»¹.

Здесь уже немало рассказано про красных, чтобы понять, что любой большевистский деятель, отдавший подобный приказ, уже через день-два (следствие тогда было скорым) стоял бы перед ревтрибуналом, даже если бы речь в приказе шла только о взрослых мужчинах.

В прочитанных «красных» документах свидетельства о расстреле женщин попадают, но крайне редко, что же касается детей — дети были неприкосновенны. В сборнике, посвященном крестьянскому движению в Поволжье, есть несколько следственных документов по делу о том, как продотрядовцы в ходе работы даже не избили, а просто ударили двоих крестьянских мальчишек. И ведь всерьез разбирались, с многочисленными свидетельскими показаниями! Свидетельств об убийствах детей просто нет — за исключением случаев, когда отряды стреляли по толпе, тут уж пуля не разбирала. Может, и были, не спору — однако мне не попались². Села жгли, но не для устрашения, а обычно в тех случаях, когда в домах засели оборонявшиеся бандиты и, раз или два, в порядке охраны путей сообщения. Правда, остался еще командир Черемухин — но по какой причине он устраивал «иллюминацию», неизвестно.

Самым устрашающим из попавшихся мне красных эксцессов был массовый расстрел в селе Бакуры Саратовской губернии. В начале марта 1919 года в этом селе были убиты трое советских работников, после чего туда явился карательный отряд под командованием военкома по фамилии

¹ Цит. По: Купцов А. Миф о красном терроре. С. 281.

² Точнее, есть одно — в книге «Железный поток». Но разборки казаков и иногородних — это вообще особая тема.

Дворянчиков. Военком, не заморачиваясь ни санкциями, ни следствием, приказал арестовать всех мужчин, причастных к убийству, после чего их вывели в ближайший овраг и порезали из пулемета.

Дальнейшая судьба командира отряда не совсем понятна. В примечании к рассказу о событиях в Бакурах утверждается, что он был переведен на другую работу и впоследствии сошел с ума. То, что следствие по расстрелу было проведено, — известно (впрочем, зная большевистские нравы, сомневаться в этом не приходится). Состоялся ли трибунал — непонятно. Мы не знаем, кто были эти убитые совработники, как их убивали и с чего вдруг озверел до тех пор совершенно адекватный военком¹. Возможно, это преступление в состоянии аффекта или Дворянчиков уже тогда был не совсем нормален, и судить его не стали...

На порядок больший размах приняли расправы по постановлению низовых, местных органов — волсоветов, комячеек, особенно в Сибири, где до середины 20-х годов серьезнейшей проблемой был так называемый «красный бандитизм». Но это совершенно другая история. Здесь мы говорим о действиях *власти*, столкнувшейся с беспрецедентно обширным и жестоким восстанием. Действовать теми же методами, что и белые, они бы не смогли — да и не стали бы, это полностью противоречило красной политике, которая основывалась не на устрашении, а на *разделении* деревни. По крайней мере там, где эта политика существовала...

Очень показательна в смысле борьбы с повстанцами история Тюменского восстания. Оно вообще показательно — четко очерченное по времени, ожесточенное, все характерные черты крестьянской войны выражены ярко и выпукло.

Неорганизованные крестьянские толпы агитации, буде агитатор попадался толковый, поддавались. Впрочем, они и успокаивались быстро. Но когда речь шла об организованном восстании, то способ существовал один — военная сила. Большевики, не слишком стесняясь, называли вещи своими именами — карательные отряды.

Вышестоящие советские власти, хоть и кричали постоянно о беспощадном «красном терроре», в конкретных приказах и инструкциях были чрезвычайно умеренны, строжайшим образом предписывая карать только зачинщиков, руководителей восстаний, а также тех, кто причастен

¹ Если бы не был адекватным, убрали бы раньше.

к убийствам, а мобилизованную или обманутую массу отпускать по домам. Выполнялись ли эти предписания? Ну... в общем, выполнялись. Иногда. А иногда — нет.

Проблема состояла в том, что большевистская власть была многообразна и многослойна. Каждая местная структура имела собственные вооруженные формирования и вела боевые действия сообразно собственной стратегии и тактике. А власти этой было — исполкомы, ячейки РКП(б), продкомиссариаты, ЧК, а потом еще и ревкомы. В качестве исполнителей — отряды ЧК, продотряды, коммунистические отряды (точнее, коммунистическое ополчение) разного уровня. Командиры этих «миротворческих сил» были столь же инициативны, сколь и неуправляемы. И у каждого имелось свое понимание борьбы, а связь с губернским центром — плохая или нет вовсе.

Из доклада секретаря Березовского уездного комитета РКП(б) Г. Тюрина в Тюменский губком. 20 августа 1921 г.

«Обдорский¹ ревком объявил себя властью на весь Тобольский Север, назвавшись Тобсеввоенревштабом... Тобсеввоенревштаб объявил, что заложники берутся в виде гарантии и в случае выступления контрреволюционеров, как то: убийство партийных и советских работников, распространение ложных слухов, повреждение телеграфа, нападения на воинские части — будут беспощадно расстреливаться. По частным данным, всего в уезде расстреляно заложников за время отступления вместе с обдорскими повстанцами около двухсот человек».²

Судя по тому, что этот самый Тобсеввоенревштаб — один из любимых героев повстанческой пропаганды, дров он наломал отменно.

А вот Ишимский уездный исполком, который 9 февраля 1921 года выпустил приказ № 9, написанный, для разнообразия, хорошим добротным революционным слогом: *«Советская Россия мощной и непоколебимой рукой Красной Армии придавила и разметала бесчисленные силы международной контрреволюции... шипящие гады из лагерей колчаков и денкиных... спекулянты и кулаки, которых советская власть лишила жирного дарового куса хлеба и взяла награбленное ими на трудовой шее*

¹ Ревком Обдорской волости.

² За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии. С. 461

добро...» — прямо-таки поэма в прозе. Товарищ, писавший это, явно не без образования. Затем идет сам приказ:

«1) Возложить ответственность за целостность и охрану жел-дороги участка Голышманово — Масляная на волости (перечисление).

В обеспечение сего перечисленные волости к 12 часам дня 10 февраля обязываются представить в ишимское политбюро заложников по наиболее зажиточной части крестьянства, каковые в случае дальнейшей порчи пути будут расстреляны.

За непредоставление заложников к указанному сроку деревни, прилегающие к линии желдороги, будут обстреляны орудийным огнем».

Не совсем понятно, откуда уисполком собирался брать артиллерию, да еще и со снарядами — разве что там шлялся какой-нибудь бронепоезд, с которым посредством битых гусей и сала удалось наладить взаимодействие. Скорее всего, артиллерия выполняла роль пугалки. Но это только начало. Дальше идет творческое осмысление классической колониальной политики.

«2) В тех обществах, кои с момента опубликования настоящего приказа присоединятся к восставшим контрреволюционным бандам, произведут разгон исполкомов и сельсоветов или допустят избиения коммунистов и совработников, конфисковать имущество и весь живой и мертвый инвентарь у каждого десятого домохозяина.

3) За производимые убийства коммунистов и совработников в тех обществах, где таковое произойдет, за каждого одного расстреливать десять человек местных крестьян»¹.

Относительно в русле общей тактики здесь только первый пункт приказа. 12 февраля 1921 г. на секретном заседании Сиббюро ЦК РКП(б), которое возглавлял душевнейший человек Иван Никитич Смирнов, было принято решение:

«Ответственность за порчу железной дороги возложить на ближайшие деревни, расположенные на расстоянии 10 верст от линии железной дороги, предупреждая, что за порчу мостов, рельсов будут уничтожены деревни».

Иван Никитич, сам опытный подпольщик, лишних движений не совершал. Он честно предупреждал крестьянские общества: либо те следят, чтобы у них не болтались террористы, либо будет вместо деревень «по-

¹ Там же. С. 157–158.

лоса отчуждения». На более низовых уровнях таких радикальных мер пугались, предпочитая брать заложников. Едва ли от того было много толку, наоборот — любой более-менее умный командир повстанцев как раз спровоцировал бы расправу с заложниками, чтобы оттолкнуть как можно больше крестьян от Советской власти.

Но вот за п. 2 товарищам из Ишима мало бы не показалось, а за п. 3 показалось бы настолько не мало, что следующий отчет пришлось бы давать уже не земным властям. А с другой стороны, не факт, что они собирались вообще все это делать. Судя по обилию трескучей фразы, приказ писался затем, чтобы торжественно читать его по деревням. А если собирались выполнять, то сразу встает вопрос: какими силами? Коммунистические отряды для таких дел не годились, их мужики даже без винтовок, кольями и вилами били, а красноармейские части уездному исполкому не подчинялись.

Зато повстанцы, а вслед за ними парижские «историки» использовали этот приказ в своей пропаганде на все 100%, выдав обещания за практику — и правильно, не надо быть дураками. Как говорил товарищ Тухачевский, тоже поработавший карателем: никогда не надо давать обещаний, которые не можешь выполнить.

На всех местных уровнях — от сел до уездов — формировались так называемые коммунистические отряды, которые боролись с повстанцами как умели. Умели они не очень хорошо, ибо вооружены были как придется, дисциплина и командование пребывали на том же уровне. Зато у них прекрасно получалось мешать центральной власти, путаясь под ногами у военных и устраивая расправы со сдавшимися повстанцами.

Например, любимой мерой в борьбе с бандами был так называемый «двухнедельник», в течение которого все вышедшие из лесу рядовые бандиты получали полное прощение — мера для уставших шататься по лесам дезертиров чрезвычайно эффективная. Советская власть слово держала, лесные сидельцы возвращались домой, и тут за них брались местные бойцы с бандитизмом, которым никто не указ. Советская власть простила — ну и что? А мы не простили!

И ведь их тоже можно понять! Если вспомнить, как поступали бандиты с семьями коммунистов.

Из доклада члена тройки Тюменского губчека по проведению двухнедельника добровольной явки бандитов в Тюменском уезде А. Семенова. Начало августа 1921 г.

«При такой ликвидации восставших крестьян нельзя было ожидать скорой ликвидации, ибо красноармейские¹ части, занимая ту или иную деревню, творили недопустимые явления: обыски, грабежи, убийства, не говоря уже о грубом обращении... А если брали в плен, то оставляли живыми не более 10%. Из этого видно, что мщение, озлобление было развито до крайности.

Рассматривая этот вопрос с другой стороны, дабы не было суждения одностороннего, указываю, что, по моему заключению, было такое мнение потому, что в подавлении восстания участвовало большинство местных, политически плохо воспитанных. С занятием той или иной деревни, из которой он сам, и видя, что его семейство искажено, хозяйство разграблено, начинал мстить, а товарищи помогать...»

В подавлении восстания участвовала еще и армия. Там были свои развлечения. Военные вообще не очень годятся для такого дела, поскольку изначально заточены на уничтожение всего, что движется, а воюющая армия еще и рефлексы соответствующие имеет. Именно армия большей частью жгла села — и не для назидания, а по сугубо тактическим соображениям: если противник выстроил оборону с опорой на населенный пункт или, попросту говоря, засел в избах и палит из окон. Но основная беда была в том, что армия также действовала по собственному плану.

Из политического отчета Тюменского губкома РКП(б) в ЦК и Уральское бюро. Вторая половина августа 1921 г.

«К концу двухнедельника удалось добиться некоторого подобия единства командования. Губерния была разделена на три боевых участка, нами были сообщены начальники участков и расположение их штабов, но тем не менее эта мера не внесла никакого изменения в тактику командования. Оно по-прежнему не понимало и не понимает сейчас партизанского характера борьбы... Оно борется по всем правилам стратегии, наступает, ведет разведку всех видов, и из того ничего не получается, кроме бессмысленного гоняния бандитов с места на место...

¹ Что имеется в виду в сибирских документах под словом «красноармейцы» — великая тайна. По-видимому, в каждом — что-то свое.

И на это положение губком и губисполком... не имеют возможности ни в какой мере влиять. Достаточно указать, что начдив, командующий вооруженными силами в губернии, приглашенный телеграфно председателем губисполкома для переговоров и координации действий, не счел нужным не только приехать, но даже ответить...»

То есть, как видим, понты у начдива такие, словно он командует элитными частями. Между тем то, что бродило по губернии под красными знаменами, имело характер весьма специфический. Хотя... черт его знает, о ком следующая выдержка: о подразделениях РККА или местном ополчении? Или же обо всех сразу? Попробуй пойми их терминологию...

Из информационной сводки Тюменской губЧК за 1 июня — 1 августа 1921 г.

«Настроение красноармейцев войсковых частей губернии неудовлетворительное. Коммун. части, единственно представляющие реальную силу губернии, за отсутствием и недостатком обуви, обмундирования и др., а также отсутствием политработы в частях, разлагаются. Разнузданность и полное отсутствие дисциплины и политработы среди кр-цев дают себя чувствовать, особенно среди крестьянских масс. Действующие части по ликвидации бандитизма, в силу изложенного, производят массу мародерства и грабежа, обирая крестьянское население. С 25 на 26 июля красноармейцы конной сотни 256-го полка в селе Лыбаево Ялutorовского уезда производили самочинные захваты упряжи, повозок, фуража и пр., изымали съестные продукты со взломом замков, угрожая оружием. У гр. Ченягина, сломав два замка, забрали масло, яйца, сметану, хлеб, у Тихонова зарезали 3 гусей, у гр. Медяковой унесли все съестные продукты и зарезали двух овец. Под силой оружия гр. Муратову вынудили готовить ужин, по окончании которого остатками сметаны и проч. вымазали стоящую кузницу».

Кузницу сметаной мазать — это, конечно, лишнее. Но и кинуть камень в раздетых и голодных красноармейцев за то, что они занимаются самоснабжением, тоже рука не поднимается. Вы себя-то на их место поставьте! Неужели войдете в деревню, по которой гуси ходят, и будете делить на двоих корку черствого хлеба?

«Красноармейцами того же полка в этом же селе Лыбаево произведены у граждан самочинные обыски, за что предволисполкома арестовал виновников и отправил в г. Ялutorовск с милиционером. Попавшееся

навстречу кр-цы того же полка освободили сослуживцев, обезоружив милиционера. По приезде в село пытались арестовать председателя волисполкома, последний скрылся бегством. По убегающему кр-цы открыли стрельбу, но убегающий скрылся благополучно»¹.

Ну прямо-таки сельская идиллия, не находите?! Жаль, автор не отмечает выпитое всеми сторонами количество самогонки...

¹ За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии. С. 513- 514.

Глава 6

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ТАМБОВСКОГО ВОССТАНИЯ

Нормальному человеку все это должно казаться верхом цинизма и жестокости, но на войне, когда выбираешь лишь между «плохим» и «совсем плохим», только так и можно. Это, знаете ли, в Барад-Дуре, за чаем с вареньем, хорошо было рассуждать о бесценности человеческой жизни...

Кирилл Еськов. Последний кольценосец

На этом можно бы и закончить, но как обойтись без Тамбова и будущего «красного маршала» Тухачевского, по поводу которого наши правозащитники никак не могут договориться: то ли он белая и пушистая жертва злодея Сталина, то ли кровавый отморозок.

Родина волков была самой богатой из доставшихся большевикам губерний и самой беспокойной. Уже в аграрных волнениях начала века участвовало в разных уездах от 75 до 100% сел, и четверть выступлений сопровождалась захватами и «разборами» помещичьих усадеб. Первое послереволюционное восстание вспыхнуло в Тамбовской губернии еще летом 1917 года, и с тех пор пожар так и не утихал. Банды там не переводились никогда. Они и не могли перевестись в губернии, где насчитывались десятки, а в самые урожайные на уклонистов времена и сотни тысяч дезертиров, и далеко не все сидели на печке, а многие бродили с ружьем. Летом 1919 года им оказал спонсорскую помощь взявший Тамбов Мамонтов — передал захваченное оружие, которое казаки не могли увезти с собой. Чтобы помощь не пропала даром, атаман всячески поощрял создание «отрядов самообороны», а заодно и грабеж казенного добра. После ухода Мамонтова количество дезертиров, как обычно после соприкосновения населения с «освободителями от большевизма»,

резко уменьшилось, но когда вернувшаяся большевистская власть стала отбирать как оружие, так и награбленное, население опять обозлилось и все вернулось на круги своя.

Впрочем, мамонтовский рейд был не более чем рейдом, коснувшись лишь небольшой части огромной губернии, а регулярной белогвардейщины тамбовцы не попробовали и в результате пребывали в уверенности, что хуже коммунистов супостата нет. В целом по губернии бедняков было столько же или чуть меньше, чем везде, однако в восставших уездах — всего около 25%, зато от 14 до 25% кулаков. Знать бы еще, кого там считали кулаками... но как бы то ни было, не меньше четверти населения имели серьезные счета к продотрядам. Ситуацию усугубляли левацко-криминальное руководство и очень слабая ГубЧК.

До августа 1920 года недовольство было подспудным, вялотекущим, на уровне отдельных банд — а потом вдруг полыхнуло. Что же произошло?

Солома, спички...

Хорошо было раньше — о начале войны предупреждают загодя, крестьян эти дела вообще не касаются, а раненый может просто взять и сдаться в плен. Ну не выпало нам родиться в то идиллическое время — что ж тут поделаешь...

Кирилл Еськов. Последний кольцоносец

О положении с продработой в Тамбовской губернии можно было бы и не говорить вовсе, если бы не мусолили эту тему на каждом углу, а особенно продкомиссаров Гольдина и Марголина. То ли стечение обстоятельств тому виной, то ли фамилии характерные, а может, уж очень красноречивый документ, написанный столь приличным слогом, что даже интересно — это кто же там, в уезде, так владеет русским литературным...¹

¹ Как правило, документы уездного уровня написаны всего лишь чуть менее коряво и косноязычно, чем волостные. Понять, о чем речь, обычно можно, но падежи и согласования — задача воистину неподъемная.

Из доклада президиума Борисоглебского уисполкома губернским и центральным властям. 20 февраля 1920 г.

«На волости наиболее плодородные разверстка наложена гораздо менее, чем они могут дать, и, наоборот, на волости наименее плодородные накладывается гораздо больше. Однако, совершенно не учитывая этого положения, приехавший в уезд гражданин Марголин со своим отрядом принялся ярó выполнять эту разверстку...

В ход была пущена порка. Крестьян пороли и посейчас порют по всем правилам искусства Николая Кровавого, если не больше. Порют продармейцы, агенты и сам гражданин Марголин, за что и был арестован ревтрибуналом, но по приказу из Тамбова выпущен из тюрьмы с допущением к исполнению своих обязанностей.

Не довольствуясь поркой, по приказу гражданина Марголина был проведен мнимый расстрел членов Новотроицкого сельского совета Русановской волости. Было это таким образом. Арестованные члены сельского Совета были посажены в сарай, из которого их поодиночке выводили, раздевали, ставили к стенке и командовали: „Взвод! Пли!“ Продармейцы стреляли в воздух, а обезумевший от страха член Совета падал в обморок. Затем его поднимали и громко кричали: „Одну сволочь расстреляли, давайте другую“. Выводили другого и с ним проделывали то же самое. Но этого мало. Раздетых членов Совета и крестьян запирали раздетыми в холодный сарай, где они находились по несколько часов на двадцатишестиградусном морозе...

У тех же крестьян конфисковывалось все имущество и скот. Последний загонялся к кому-нибудь во двор и целыми днями находился без корма. Голодный рев животных сам говорил за себя, бывали случаи, что здесь же, на дворе, коровы телились, лошади жеребились и приплоды замерзали.

От побоев умирали люди. Наиболее характерен такой случай. К жене красноармейца приходят люди и требуют, чтобы она немедленно выполнила государственную продразверстку. Жена красноармейца заявляет, что она не может этого сделать по той самой простой причине, что у нее ничего нет. Ее доводы оказались для продармейцев недостаточны, и они, обложив ее крепким словцом, пустили в ход нагайки и кулаки. В результате у беременной жены красноармейца преждевременные роды и она умирает, истекая кровью...

Продовольственную разверстку гражданин Марголин начинает таким образом. По приезде в село или волость он собирает крестьян

и торжественно заявляет: „Я вам, мерзавцы, принес смерть. Смотрите, у каждого моего продармейца сто двадцать свинцовых смертей для вас, негодяев“» и т. д.

В дополнение ко всем своим фокусам, неистовый продотрядовец еще и держит под контролем связь. Как говорится в том же докладе, *«Марголиным захватываются почты и телефонные станции с целью, чтобы кто-нибудь не донес о его безобразиях исполкому или Чека. Коли же кому-нибудь удавалось послать телефонограмму, то принявший и писавший ее арестовывались, как и сама телефонограмма»*¹.

Ну и какой в этом смысл? Ведь сведения о том, что творит продотряд, неделей раньше или неделей позже, но все равно дойдут и до руководства, и до ГубЧК. На что он рассчитывает? На дружбу губпродкомиссара? Тогда зачем вообще перехватывать письма — нехай клеветают.

В феврале, как уже говорилось, Марголина арестовали, однако губпродкомиссар Гольдин добился его освобождения и даже выразил соболезнование. По поводу чего, естественно, кто только не склонял имена этих двух злодеев, тем более что оба были той самой национальности. И то, что на двоих им едва ли исполнилось полвека, не может служить смягчающим обстоятельством. Этот довод допустим только для «белой» стороны процесса.

Но вот наконец в последнем сборнике документов предали гласности и альтернативную версию.

Из докладной записки зав. реквизиционным отделом Тамбовского губпродкома Я. И. Марголина. 23 февраля 1920 г.

Для начала он дает общую картину, которую у меня просто рука не поднимается сократить — настолько она красноречива.

«Прибыв в Борисоглебский уезд, я попал в самый кулацкий контрреволюционный район... И в этом районе оказались большие запасы хлеба, извлечь которые мы решились во что бы то ни стало. Попытка взвалить всю тяжесть выполнения разверстки на местную власть — волостные и сельские советы — ни к чему не привела. Кулацкий до мозга и костей состав совета не только не был в состоянии выполнить разверстку, но они не могли даже мириться с классовым характером раз-

¹ Самошкин В. В. Антоновское восстание. М., 2005. Интернет-версия.

верстки. Песенку о том, что землю поделили поровну, что у каждого одинаковая норма, что за эти два года революции нет уже классовых перегородок, прожужжжала нам уши. Легче совершить какое угодно чудо, чем заставить любой из этих советов разверстать то или иное количество хлеба по классовому принципу... А неправильная классовая разверстка всегда делает процесс реквизиции чреватым последствиями... Создавалась атмосфера крайнего напряжения, когда нам приходилось исправлять злостные ошибки советов и комиссий по проведению разверстки.

А упорство кулачества в сдаче хлеба доходит здесь до таких пределов, до каких оно, пожалуй, не доходило ни в одном из уездов губернии. Представьте картины, когда больные тифом лежат на перинах, набитых овсом или просом, когда кулак, с которого причитается 200 или 300 пудов хлеба, предлагает нам 10 или 15 пуд, а когда его гнут в бараний рог, совершается чудо и это количество появляется как бы из под земли... Хлеб, безусловно, есть, он зарыт и запрятан кулачеством, не верьте, т. Гольдин, сиротскому плачу местной обывательницы, что мы выгребли подчистую.

В Андреевской волости, где выполнено уже 75% разверстки, имеются еще закрома, в которых вы найдете по 300, 400 пудов хлеба. Ростошинская волость дала нам 95 000 пудов, и там вы найдете еще много необмолоченного хлеба. В Архангельской волости, с которой мы, к нашему стыду, никак еще не справились, такая выгонка самогона, что вся волость представляет сплошной винокуренный завод. Условные аресты и фиктивные конфискации имущества как меры побуждения не достигают здесь своей цели, ибо кулак не дурак. Если у него имеется 200, 300 пудов хлеба, ему выгоднее отдать лошадь или корову, чем этот хлеб, который весной он будет продавать по 2000 р за пуд...»

Мы уже писали о том, каково быть продотрядовцем. А вот и иллюстрация, так сказать, в цвете и объеме. На хлебозаготовки зерна нет, а на самогонку — хоть засыпсья. И добро бы еще на самогонку — но в одной из деревень произошла история, которая вывела из себя даже опытного продработника.

«До инцидента в с. Бреховке Русановской волости никаких крупных недоразумений на почве реквизиции не было... Вернувшись 8 февраля в Козловку, я вечером получил телефонограмму агента Иванова, что в селе Бреховке толпа крестьян прогнала агента и 4 человек продар-

мейцев... и разгромила 800 пудов хлеба с мельницы, смешав часть этого хлеба с землей».

Собрав всех красноармейцев, до которых он смог дотянуться, комиссар выехал в Бреховку.

«Из опроса агентов выяснилось, что всему виною сельский совет, у которого даже хватило наглости заявить агентам, что „мы вам покажем, как хлеб получать у нас“. Бреховский сельский совет — это образчик кулацких советов. Вызвав сегодня ночью на допрос, они мне определенно заявили, что хлеба нет, кто громил мельницу, они не знают, больше того, назвать мне 10–15 кулаков их села они категорически отказываются, а о классовой разверстке и знать не хотят.

Преследуя цель найти виновных выступления против отряда и разгрома мельницы, я приказал отправить весь сельский совет и мельников (которые, безусловно, видели, кто громил мельницу) в холодное помещение без шуб на 2 часа. Это распоряжение служит теперь главным материалом для учека. Дело Бреховки занимает у них 20 листов. Какое я понесу наказание за то, что переборщил в Бреховке, я, т. Гольдин, не знаю, но для меня ясна картина той вакханалии, которая получилась бы в нашем районе, если за Бреховкой стали бы громить хлеб на внутренних ссыпных пунктах и остальные села... Приехав в Бреховку, у меня была определенная задача: проучить Бреховку за выступление против отряда и разгром хлеба так, чтобы отбить охоту у других сел проделывать это. Жертв в Бреховке не было. Арестовали же меня на следующий день в селе Русанове, куда я приехал проверить работу волсовдепа. Арестовавшие меня лица сами родом из Русановской волости, и, по имеющимся у меня сведениям, у них агентом Ивановым взят хлеб...

Как отразился арест на ходе работы, видно хотя бы из того, что в день моего ареста ссыпка в Ростошинской области доходила до 7000 пуд в день, а в день моего освобождения она пала до 116 пудов. Наблюдались случаи, когда обозы с хлебом разъезжались, как только узнавали, что я арестован. Был пущен слух, что арестовали за то, что беру слишком много хлеба, что из Борисоглебска едут отряды разоружить наши отряды, что разверстка неправильная и т.д. Некоторые советы (Ростошинский) поспешили даже вынести постановление — наделить хлебом из внутренних ссыпных пунктов тех граждан, которые пострадали от нашей разверстки. Судебный следователь Панфилов объявил себя начальником всех отрядов, издав об этом соответствующее рас-

поражение. В результате мы потеряли 12 дней в самый напряженный момент...»¹

Какую из двух версий избрать в качестве подлинной — исключительно вопрос веры. Кто-то хочет верить в сволочей-коммунистов и беспредельщиков-продкомиссаров, что бывало постоянно и повсеместно. Кто-то поверит в то, что Марголин ничего из приписываемого ему не совершал, а письмо является всего-навсего провокацией — такое тоже случалось сплошь и рядом.

Мне лично показались интересными два нюанса этого «почтового романа». Первый — один из подвигов Марголина по линии связи. Да, он действительно имел возможность расправиться с пославшими телефонограмму — но каким образом он ухитрился арестовать *принявших* ее? А также повлиять на судьбу самой телефонограммы — ведь пока из уезда доскачешь до Тамбова, ее десять раз передадут адресату? А вот в качестве отмазки авторов провокации — почему, мол, своевременно не жаловались в губернию на бесчинства — вполне подходит. Как жаловаться, если гад-комиссар письма перехватывал?

Второй весьма любопытный момент — фигура судебного следователя Панфилова, который самочинно и не имея на это никакого права взял на себя руководство продотрядами, после чего работа начала быстро сворачиваться, выкруливая к тому, чтобы раздавать хлеб из ссыпунктов обратно. Нисколько не удивлюсь, если это тот самый следователь, который вел дело Марголина. А если, покопавшись в его прошлом, мы найдем там билет партии социалистов-революционеров или эсдеков-меньшевиков, тоже ничего невозможного не произойдет.

В конце письма неистовый продкомиссар, не на шутку уязвленный случившимся, пишет:

«Выпущенный из тюрьмы, я опять приступил к работе — но, т. Гольдин, от меня теперь толку мало будет. Двухлетняя служба в реквизиционном отделе... может расшатать нервы самого крепкого человека. Только Ваше отношение ко мне дает мне еще силы продолжать работу. Но если вы найдете возможность отозвать меня... я был бы Вам весьма и весьма благодарен». Впрочем, в конце письма он уже просит директив о дальнейшей работе.

¹ Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920—1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. Интернет-версия.

Как сложилась судьба Марголина — неведомо. Больше о нем никто и нигде не упоминает. В сборнике приводится требование Ленина к местным властям расследовать поступившую в его адрес жалобу (первая цитата), однако о результатах расследования не сообщается, из чего можно сделать вывод, что обвинения не подтвердились. Ибо если бы подтвердились, то авторы сборника уж всяко об этом бы сообщили.

Видите, какой винегрет — не поймешь, где что за овощ...

Однако вне зависимости от конкретного Марголина утверждать, будто беспредела продотрядов в Тамбовской губернии не было, — просто несерьезно. Везде был, а Тамбов что за оазис такой? 8 августа 1920 года председатель Тамбовского губисполкома с не менее характерной, чем у продкомиссаров, фамилией Шлихтер на губернском продовольственном совещании говорил:

«Другая отрицательная сторона в деятельности губпродкома заключается в том, что он не нашел в себе способности и умения проводить кардинальную разницу между тем, что можно и чего нельзя делать в Советской республике. В результате этого у населения — что чрезвычайно печально — именно в связи с продовольственным вопросом сложилось представление, что для продовольственника в Советской республике все можно. Это неправда, товарищи, это неверно...»

В общем говоря, что разрешает продовольственнику и продовольственной организации наше государство? Оно как государство пролетарское разрешает организованное насилие в интересах коммунистической революции и требует от Наркомпрода и его органов на местах такого насилия, если встретится необходимость... Насилие это заключается в реквизиции, конфискации, аресте и предании суду ревтрибунала в случаях, какие указываются в распоряжениях центральной власти. Но ни в малейшей степени советское государство не представляет продовольственнику отдельно как агенту и продовольственному органу в целом права издевательства над личностью ослушника (например, избивать его плеткой) или безобразничать вообще по отношению к населению... Ни на один момент, как бы ни были тяжелы обстоятельства, нельзя допускать, чтобы хоть один агент позволял себе хоть на одну минуту, хоть по одному вопросу превышать те полномочия, которые по продовольственному вопросу предоставляет нам государство...»

В Тамбовской губернии, точно так же, как и везде, бойцы продовольственного фронта шли под трибунал целыми отрядами. Впрочем, помогало мало, ибо по причине лютой нехватки кадров комплектовались продотряды из кого попало. В Тамбове, например, туда охотно брали дезертиров, так что сразу и не поймешь, где отряд, а где банда... Хорошо бы других, да... а где их взять?!

...В том же феврале, когда арестовали Марголина, едва не загремел со своего поста под трибунал и сам Гольдин. Как пишет автор книги об антоновском восстании Владимир Самошкин, *«в середине февраля 1920 года Ленину стало известно о фактах гибели хлеба на охраняемых продармейцами ссыпных пунктах Тамбовской губернии, а также и о некоторых „шалостях“ самого тамбовского губпродкомиссара Я. Г. Гольдина, который дошел уже до того, что присвоил себе право расстреливать. Например, неудобных ему заведующих ссыпными пунктами.*

Однако за Якова Гольдина совершенно неожиданно вступился Максим Горький, „уверяя — как писал Ленин 17 февраля по этому поводу заместителю наркома продовольствия Брюханову, — что Гольдин — мальчик неопытный. Это-де кулаки злостно кладут хлеб в снег: ни вам, ни нам. Чтобы сгорел“».

Как обстояло дело с хранением хлеба, мы уже знаем на примере Тюмени. Ясно, что и пресловутые «шалости» Гольдина — не «также», а «в связи», и он вполне мог в горячке расстрелять зав. ссыпным пунктом, который погубил хлеб, особенно если его поведение наводило на мысль о саботаже. Да и зерно смешивали со снегом уж всяко не продотрядовцы, так что в словах Горького была своя сермяжная правда.

Горький много за кого вступался, однако Ленин его не очень-то слушал. Тем не менее под трибунал Гольдин не пошел и даже не был убран с продработы, а в том же 1920 году назначен в таком же качестве на Алтай.

Но вернемся к Марголину. Есть ведь и третья версия всей этой истории — перед нами эсеровский провокатор. Беспредел он творил, чтобы озлобить крестьян, а связь держал под контролем, чтобы никто вовремя остановить не мог, — и плевать, что будет потом. Дело сделано, а Россия — страна большая.

А. С. Казаков, автор книги «Партия эсеров в Тамбовском восстании», пишет о том, что местные эсеры в массовом порядке входили в компар-

тию. *«Были случаи, когда почти целиком эсеровская ячейка переходила в ряды РКП. Впоследствии выяснилось, что многие вошли с исключительной целью дискредитирования партии в глазах населения...»*¹

Оставим рассказ о прорвавшихся в Тамбовскую губернию казачках на совести господина Сенникова — шатающихся «меж двор» военных и без них хватало. В России того времени никто не испытывал недостатка в военспецах, кому бы они ни требовались — ни красные, ни зеленые, ни серо-буро-малиновые. Однако с политическим руководством все обстояло сложнее, еще сложнее было с агитработой и совсем уже плохо — с организацией хоть сколько-нибудь вменяемого местного самоуправления. Все это в Тамбове имелось, а значит, за восстанием стояла не самочинная крестьянская организация, а мощная и, главное, опытная политическая сила.

Свою книгу об антоновском восстании Самошкин начинает с признания, которое по нынешним временам дорого стоит: *«Общеизвестно, что антоновский мятеж подготавливался эсерами. Как правыми, так и левыми. Хотя их роль в этом нещадно преувеличена нашими историками, но именно эсеры провели в Тамбовской губернии основную работу по пропаганде антикоммунистических настроений среди широких крестьянских масс и по созданию в деревне подпольных комитетов Союза трудового крестьянства (СТК), которым отводилась роль центров по непосредственной подготовке крестьянских выступлений на местах. К середине лета 1920 года значительная часть Тамбовской губернии была уже покрыта густой сетью нелегальных комитетов СТК — сельских, волостных, районных и уездных. Существовал и глубоко законспирированный губернский комитет (губком) СТК»*².

Интересно, куда ЭТО еще можно преувеличить?

24 августа состоялась уездная конференция СТК, на которой шла речь о восстании. Однако само восстание вызвал и разжег исключительный идиотизм местных властей.

...Лето 1920 года выдалось неурожайным. Общий сбор зерна, по прикидкам, обещал быть 62 млн пудов, тогда как внутренняя потребность губернии составляла 64 млн. Разверстка, наложенная с учетом засухи,

¹ Цит. по: Самошкин В. Антоновское восстание.

² Там же.

была не слишком велика, составив 11,5 млн. пудов. В общем-то, не смертельно — если бы не двойная ошибка губпродкома. Во-первых, контора товарища Гольдина сумела промахнуться в оценке урожая — всего-навсего вдвое, поскольку на самом деле собрали 32 млн. пудов хлеба, — задание же вовремя не подкорректировали. Во-вторых, он ухитрился спланировать так, что из двенадцати уездов на три самых пострадавших от засухи — Тамбовский, Кирсановский и Борисоглебский — пришлось 46% разверстки.

В августе по деревням пошли продотряды. И тогда грохнуло.

Однако начали не крестьяне. 19–20 августа 1920 г. сразу в нескольких местах вооруженные банды дезертиров напали на продотряды и сельсоветы. К тому времени в губернии насчитывалось 110 тысяч дезертиров, из них 60 тысяч — в мятежных уездах. Вся эта орава должна ведь как-то кормиться, и куда удобней было трясти продотряды, чем крестьян — и хлеб получишь, и Робин Гудом прослывешь.

Во главе восстания тут же материализовались комитеты СТК. В какой-то степени повстанцев поддержали и крестьяне. В какой — неведомо, поскольку мобилизацией не брезговала и «народная армия».

До конца августа произошли два решающих события. Первое: от восстания отмежевалось эсеровское руководство, заявив о его преждевременности и в очередной раз показав себя «социал-предателями» (напомним, что большевики в аналогичной ситуации, 4 июля 1917 года, восстание возглавили, вызвав на свою голову репрессии, но сохранив лицо). Это им не очень помогло, чекисты вскоре переарестовали большинство видных эсеровских деятелей губернии. Однако дотянуться до низового аппарата формально беспартийного СТК ГубЧК не сумело, так что процесс сделался полностью бесконтрольным. Второе: к восставшим присоединился с отрядом из 500 человек будущий его руководитель — левый эсер, умный политик и отменный партизанский командир Александр Антонов.

Крестьянином он не был. Сын владельца слесарной мастерской и портнихи-модистки, Антонов стал левым эсером после оформления этой фракции, а до того принадлежал к «независимым» эсерам. Развлекался ли террором — неизвестно, но в «эксах» участвовал. Во времена коалиции большевиков и левых эсеров Антонов честно служил советской власти, став депутатом Кирсановского городского Совета и начальником уездной милиции, но при этом потихоньку в укромном месте копил ору-

жие. После начала левоэсеровского восстания он подался было в Самару, где базировался Комуч, однако пробыл там недолго, вскоре вернулся, организовал из местных уроженцев отряд для борьбы с «коммунистами» и занялся любимым эсеровским развлечением — террором.

...Дрова, керосин

Глядя на него, Халаддин всегда вспоминал слышанную где-то фразу: лучшие на свете бойцы получаются из людей сугубо мирных и семейных — когда такой вот мужик, воротясь однажды вечером с работы, находит на месте своего дома пепелище с обугленными костями.

Кирилл Еськов. Последний кольценосец

Собственно, к тому времени у советской власти имелся громадный опыт подавления такого рода восстаний. Но тамбовские деятели словно вчера получили мандаты, причем не на красной, а на белой стороне фронта.

Банда по части боеспособности сильно уступает регулярной армии. Но то регулярной армии, а тамбовские вооруженные отряды — продовольственные, чекистские, комдезовские — мало того что были немногочисленны и разбросаны по селам, но и по боеспособности, как выяснилось, оказались хуже повстанцев. Тем более что можно сколько угодно говорить о «народном» характере восстания, но это опровергают даже фотографии, на которых бойцы повстанческих армий одеты в шинели, а командиры — в офицерские френчи. А раз шинель — стало быть, либо бывший фронтовик, либо дезертир, поскольку о захвате складов обмундирования никто не сообщает.

В губернию словно бы вернулся восемнадцатый год — по ней носились друг за другом одинаково обмундированные и вооруженные отряды, мало отличавшиеся по воинскому мастерству и методам ведения войны. Как они разбирались, кто есть кто, — тайна великая...

А что совсем плохо — к восстанию оказалась совершенно не готова ГубЧК. Незадолго до того ее руководство было арестовано за шантаж губернских властей. Занятому разборками с «отцами губернии» чекистскому начальству, надо понимать, было не до налаживания работы по деревням, а новый председатель просто не мог ничего успеть.

Вдобавок к тому 4 сентября погиб в бою зав. Кирсановского уездного политбюро, имевший при себе списки всей агентуры ЧК в уезде¹. О судьбе этих людей ничего не известно, однако необходимости в том нет — и так ясно, что способ, каким их убивали, отвратил всех, видевших это, от любого сотрудничества с красными.

Власть с самого начала оказалась в положении слепого медведя, дерущегося с собаками, — банды легко маневрировали, при необходимости рядовой состав рассыпался по деревням, превращаясь в мирных землепашцев, так что войска, посланные за повстанцами, как правило, не находили никого. Красные уходили — и из ничего тут же снова собирались повстанческие отряды.

В этой ситуации губернское руководство совершило ошибку — вполне понятную, но не ставшую от того менее роковой.

Началось, насколько известно, с инициативы начальника оперативного штаба при ГубЧК по подавлению восстания В. И. Благонадеждина, который орудовал в Алабушской волости. 29 августа он, разговаривая по прямому проводу с Тамбовом, сообщил:

«Нами выработан приказ, который будет передан для предварительной санкции губисполкома... Мы мотивируем причину издания приказа следующими соображениями: ввиду участия поголовно всех граждан в восстаниях, разгромах советских хозяйств, аппаратов и убийствах советских, партийных работников, приговоры над которыми всеми селениями на сходах проводят под лозунгами «Смерть коммунистам!», «Да здравствует Врангель!»... Названные селения всеми силами и разными способами помогают банде, запертой в кольцо наших войск, и способствуют поддержанию ее существования и процветания в виде новых организаций групп бандитов. Мы находим, что только суровой революционной мерой можно раз и навсегда уничтожить гнезда бандитов, являющихся детищами названных селений, а потому передаю для санкции губисполкома приказ № 5 начальника боевого участка: 28 августа в 12 часов. Приказываю в селах в течение 48 часов: Верхоценье, Понзари, Степановка, Ржакса поселок и село, Серединвка, Каменка, Александровка, Недобровка, Пановы Кусты, Афанасьевка, Протасовка, Тимофеевка, Чакино, Уварово, Графская, Михайловка, Ивановка, Глазово, Карсевка, Ермиловка произвести полную конфискацию имущества всех

¹ Вот это профессионализм, это я понимаю!

граждан. Арестовать всех граждан — мужчин этих сел от 16 до 40 лет — и направить на принудительные работы и в реввоен трибунал. Произвести суровую революционную расправу с соучастниками бандитов. Принять этот приказ как руководящий для полного уничтожения названных районов селений, являющихся гнездами бандитов. Приказ провести в жизнь со всей революционной суровостью, ни перед чем не останавливаясь...

Тамбов: Скажите, эта мера после санкции, если таковая будет, будет применена только по отношению к соучастникам восстания или поголовно ко всему населению этих сел?

Рясакса: Поголовно ко всему населению, так как в этих селах все активно участвовали и еще теперь участвуют. Эти села нужно стереть с лица земли».

Едва ознакомившись с такими мерами, я предположила, что товарищ Благонадеждин — бывший офицер царской армии. Так оно и оказалось — не зря же его операции похожи не на красные, которые задумывались хитрыми штатскими, а на белогвардейские — плод политической мысли военных, изначально заточенных на устрашение и уничтожение.

Самошкин, правда, пишет, что еще 28 августа появился аналогичный приказ губвоенкома Шикунова — впрочем, это ничего не меняет.

Оперативный штаб ГубЧК тоже подыграл, 31 августа 1920 года попытавшись повторить пункт 6 из приказа енисейского губернатора:

«Для скорейшего и решительного подавления бандитского движения оперативный штаб при губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией приказывает начальникам войсковых частей, действующих против бандитов, по отношению к селениям, в которых граждане будут замечены в участии в бандитских выступлениях или укрывательстве бандитов, провести беспощадный красный террор.

Приказывается в таких селениях брать заложников — членов семейства из тех семей, члены которых примкнули к бандитам или им способствовали, заложниками брать граждан от 18 лет, не считаясь с их полом. Объявить населению, что в случае, если бандитские выступления будут продолжаться, заложники будут расстреливаться.

Имущество таких граждан конфисковать полностью. Здания, занимаемые ими, сносить, а в случае невозможности — сжигать.

Бандитов, застигнутых на месте преступления, расстреливать.

Объявить также, что, согласно решению президиума губисполкома, селения, замеченные в участии в бандитских движениях, будут обложены чрезвычайными продовольственными контрибуциями, за неисполнение которых будут конфисковываться все земли и все имущество всех граждан.

Последние в принудительном порядке будут выселяться: взрослые мужчины и женщины — в лагерь принудительных работ, малолетние — в детские дома до конца Гражданской войны»¹.

Вскоре политика ужесточилась. Самошкин утверждает, что в первую голову в этом виноваты председатель Военсовета, он же председатель ГубЧК Траскович и секретарь губкома с характерной, хотя и по-иному, фамилией Райвид. Впрочем, наверняка не обошлось и без предгубисполкома. Что касается характерных фамилий, то, как видим, с красной стороны в разжигании Тамбовского восстания в трогательном единении сошлись несколько русских, латыш и еврей, которые совместно вели тупую карательную политику в духе белых властей, доказав тем самым, что отечества не имеет не только пролетариат, но и глупость.

Самошкин пишет: *«По отношению к селам, поддержавшим повстанцев, советским отрядам предписывалось арестовывать все мужское население, способное держать в руках оружие, а затем „произвести полную фуражировку, не оставляя ни одной овцы, ни одной курицы в данном пункте; после производства фуражировки данный пункт сжечь“».*

Феноменальный крестинизм этой миротворческой политики очевиден. Села жгут, во-первых, в порядке возмездия — а возмездие никого ничему не учит, только озлобляет, вызывая уже лавинообразный рост насилия. А во-вторых, крестьянина ставят в безвыходное положение. У него нет альтернативы. Тем более что, отдав приказ о массовых арестах, организовать его выполнение с хозяйственной точки зрения власть, естественно, не сумела. Построить лагерь — дело нехитрое, но ведь содержащихся в нем людей надо еще и кормить! Уже осенью заключенных, «разъяснив им их заблуждения», начали освобождать. Простой вопрос: куда пойдет крепкий мужик, имущество которого конфисковано, дом сожжен, а семья... А куда, кстати, делась его семья?

¹ Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 г. <http://www.tstu.ru/win/kultur/other/antonov/nach40.htm>

Рядовому бандиту тоже не оставляли альтернативы, поскольку в плен повстанцев не брали. Стало быть, либо он до последнего дерется с красными, либо... что?

Надо ли говорить о результате?

В июле 1921 года, выступая перед тамбовскими коммунистами, участник тех событий А. С. Казаков говорил:

«Преданная и лояльная нам часть крестьянства после произведенной фуражировки (понимай — грабежа), в результате которой оно лишилось всего инвентаря и жилища (так как оно сожжено), находится в безвыходном положении. Для него нет иного выхода, как только идти и пополнить банду, чтобы жестоко отомстить за свое добро, нанесенное столь тяжёлым трудом... В результате подобной „ликвидации“ банды растут, как грибы, и общая численность восставших достигает десятков тысяч человек. Действия командования напоминают поступки потерявшего голову человека, который, видя пожар своего дома, начал бы заливать его керосином».

Более того, у красных тут же возникла пресловутая «проблема исполнителя». Видя, что творится, «посыпались» воинские части — бойцы отказывались выполнять приказы, а когда на них стали нажимать, начали переходить на сторону повстанцев.

Какое-то время слабые и немногочисленные местные войска пытались бороться с разгорающимся пожаром, гоня партизан по лесам, — занятие абсолютно бесполезное, ибо антоновцы утекали меж пальцев, а потом, материализовавшись в красном тылу, нападали на отряды. Деморализованные красноармейцы не выдерживали натиска ожесточенных повстанцев, и в итоге красные несли чудовищные потери.

Новый командующий войсками Тамбовской губернии товарищ Аплук, в полном соответствии с характерностью своей фамилии, еще подбавил керосинчику. 16 сентября он объявил, что все дезертиры, захваченные с оружием в руках, будут расстреляны, а села, оказывающие сопротивление, сожжены дотла. И действительно начал жечь села. Ну, естественно, колчаковские методы привели к колчаковскому же результату: восстание стало разрастаться с колоссальной скоростью. Тем более что Антонов применял классическую партизанскую тактику: появлялся там, где не ждали, наносил быстрые удары — в основном по продотрядам или мелким красноармейским отрядам — и уходил. Искусно маневрируя, он сковывал основные силы красных,

тогда как другие банды громили советскую власть в лишенных защиты волостях.

Первым, как водится, ситуацию понял Ленин, хоть и сидел в Москве. 27 сентября он спрашивает заместителя наркомпрода Брюханова, верна ли разверстка в Тамбовской губернии, не надо ли ее уменьшить? «Нет!» — радостно заверяют тамбовцы, обещая, что разверстка будет выполнена полностью, если прислать дополнительную военную силу... и еще силу... и еще силу...

Равновесие

Южная армия дала втянуть себя в схватку... на взаимное истребление — вариант, являющийся при численном перевесе противника заведомо проигрышным. Тем не менее мордорцы продолжали биться умело и отчаянно: мартовский день уже клонился к вечеру, а Коалиция так и не сумела реализовать свое почти двукратное преимущество.

Кирилл Еськов. Последний кольценосец

Карательный беспредел продолжался два месяца — при Аплоче и сменившем его Благонадеждине, — пока назначенный 25 октября командующим войсками Тамбовской губернии (как к тому времени называлось все, что разъезжало по уездам под красными знаменами) начальник Тамбовских пехотных курсов Редзько не повел более разумную политику. По крайней мере, этот бывший царский полковник, фронтовик и георгиевский кавалер в какой-то мере приструнил изрядно к тому времени разложившиеся красноармейские отряды и запретил расстреливать пленных, более того, желающие из них могли вступить в красные части. Антонов был бы полным дураком, если бы не воспользовался этим, чтобы внедрить к красным своих агентов, однако у рядовых бандитов появилась хоть какая-то альтернатива.

Выполнялись ли приказы товарища Редзько о запрете мародерства, насилия над местным населением и расправ с пленными — вопрос смешной. Конечно, выполнялись... кое-где и отчасти. Впрочем, гуманность все равно запоздала. Доверие населения не так легко потерять, но вернуть потерянное обратно — в сто раз труднее. Крестьянин — он ведь

совсем не дурак и отлично понимает разницу между беспредельничаящими продотрядовцами и карателями, которые жгут села по приказу вышестоящего начальства. На место большевиков, которым можно было бы пожаловаться на коммунистов, пришли такие же коммунисты — и крестьяне отшатнулись к Антонову.

...Участвовали в процессе формирования повстанческих сил прорвавшиеся белые отряды или же просто материализовались скрывавшиеся до сих пор офицеры — но осенью 1920 года восстание перешло в регулярную стадию. Повстанцы сперва оформились в две армии, а 14 ноября состоялась еще одна реорганизация, в результате которой появились объединенная партизанская армия Тамбовского края и так называемый «Главный оперативный штаб», состоящий из пяти человек: начальник штаба (он же руководитель восстания), его заместитель, командующий армией, замкомандующего и начальник разведки. ГубЧК к тому времени успела арестовать губернские комитеты эсеров и СТК, но сыграла только на руку повстанцам. Если бы эти губернские деятели остались на свободе, они внесли бы в повстанческое руководство непередаваемую атмосферу *политической дискуссии*, а так штаб создал губкомы заново — такие, какие ему были нужны, переключив тем самым на себя весь низовой аппарат. Начальником штаба и, соответственно, руководителем всего восстания стал Антонов, армию же возглавил местный уроженец поручик Токмаков.

Нельзя сказать, чтобы в хозяйственном смысле «народная» власть так уж сильно отличалась от советской. У нее были точно такие же учет и контроль населения, разверстка, запрет свободной торговли хлебом, реквизиции и конфискации у населения продовольствия и вещей, а также мелких предприятий вроде мельниц и крупорушек. Проводились и мобилизации, по очень простому принципу: «не пойдешь — расстреляем».

В начале 1921 года регулярности еще прибавилось. Повстанцы снова разделились на две армии (первая состояла из десяти, вторая — из четырех полков). Были введены знаки различия, знамена — красные (!), только надписи не большевистская, а эсеровская, знаменитый лозунг: «В борьбе обрешь ты право свое». Так что теперь два отряда, чтобы разобраться, кто есть кто, должны были сблизиться на такое расстояние, чтобы видны были буквы на знамени. К февралю силы обеих армий насчитывали около 10 тысяч человек (это не считая отрядов самообороны СТК и мелких самостоятельных банд). Причем воевали они хорошо

и до марта успешно били красные войска, выигрывая как в боевой, так и в политической работе.

В отличие от властей, Антонов к населению относился гуманно¹, карательные меры применял с большим разбором и строго индивидуально, так что на сторону повстанцев переходили даже многие сельсоветчики и деревенские коммунисты. Зато он жестоко карал за такие вещи, как шпионаж, пропаганду коммунизма и укрывательство коммунистов, а также за выдачу властям бойцов партизанского движения (на чем позднее сыграет Тухачевский).

Впрочем, все равно поддержка восстания не была всенародной и к Антонову присоединялись далеко не все деревни — в иных его бойцов и на околицу не пускали. Для полной радости некоторые села устанавливали уже совершенно свою власть, призывая «чуму на оба дома» и не желая знать над собой никого. Власти обрушивались на них так же, как и на «бандитские гнезда», — а потом приходили веселые и приветливые антоновцы и через несколько визитов приобретали для себя еще один населенный пункт...

Если карательные отряды истреблялись поголовно, то к пленным, захваченным в ходе боевых действий, подход также был индивидуальным. Их, как пишет Самошкин, *«повстанцы разделяли на три категории: комиссары-коммунисты, командиры и рядовые бойцы. С пленными, относящимися к первой категории, разговор у повстанцев был коротким, а смерть этих людей — мучительной и долгой. С командирами Красной армии все происходило наоборот: разговор (допрос) — долгий, смерть — быстрая»*.

Рядовые красноармейцы — те, которых доводили до штаба, — в плену обычно находились два-три дня. *«Сначала пленные бойцы попадали на допрос, а затем — на цикл лекций „о внутреннем положении“, где опытные антоновские агитаторы-политработники рассказывали им о целях и причинах „всенародного восстания против насильников-коммунистов“. После окончания лекций красноармейцам предлагалось добровольно вступить в ряды антоновских армий. Те же из пленных, кто не захотел стать антоновцем, направлялись в штаб повстанческого полка, где им выдавался так называемый „отпуск“ — маленькая справка, в которой указывалось, что красноармеец такой-то, взятый в плен*

¹ Разумеется, тоже в той мере, в какой его приказы выполнялись.

тогда-то, отпущен из плена такого-то числа, во столько-то часов... С „отпуском“ на руках красноармеец беспрепятственно возвращался в свою часть, где сдавал справку в штаб полка и после небольшого допроса, как правило, вновь получал оружие и становился в строй», после чего, даже сам того не желая, делался невольным агитатором. В итоге красные, если бой складывался неудачно, начали сдаваться отрядами.

Эту идиллическую картину портила разве что участь тех, кого до штаба не доводили, потому что вывести пленных на зады и порубать было, в общем-то, обычным делом, да и что-нибудь покруче придумать — тоже не редкость. Ну и конечно, если говорить об отношении к врагам, тут антоновцы не выдерживали сравнения с красными — у последних мучительство было не в чести: побьют разве что со злости да к стенке.

Из воспоминаний об антоновском восстании¹.

«Заняв село Алешки, банда численностью около 1500 человек под командой Кузнецова и Шубы переловила 22 сотрудника милиции и ревкома и зверски расправилась с ними. Их избивали до полусмерти, в жестокий мороз раздевали донага, по одному выводили из сарая со связанными назад руками и зверски рубили на снегу за двором штаба.

Единственный, кому случайно удалось спастись, был наш разведчик Петр Юрьев, отличавшийся большой физической силой. Его повели на казнь последним. Палач со всего размаха ударил его шашкой по голове, но она соскользнула и, не пробив череп, отрубила правое ухо. Юрьев изо всей силы рванул связанные сзади руки, веревка лопнула. Он как был разутый, в одном белье, пустился бежать в сады, сшиб дверь в доме, принадлежащем матери одного из бандитов. Старуха, увидев окровавленного человека, перепугалась и упала в обморок. Юрьев спрятался во дворе и, одев шубу и валенки, бежал в другое место».

«В Кирсановской уездной партийной организации насчитывалось тогда 400 с чем-то человек, а после разгрома Антонова осталось половина этого. Почти 50% парторганизации погибли от рук бандитов. Страшные жуткие картины встают в памяти, когда товарищей, с которыми работала, хорошо знала их, привозили изрубленными на

¹ Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007.

куски, с вырезанными на груди и спине звездами, с оторванными ушами с выколотыми глазами, с отрубленными конечностями.

В памяти остался и такой случай: мы, человек 12 членов партии, охраняли мост через реку Ворона, недалеко от Кирсанова. И вот я вижу, ведут пленного бандита, совсем еще молоденького мальчишку со связанными позади руками. Один наш коммунист, пожилой уже человек, выходит и начинает прикладом револьвера бить этого пленного. Я, тогда молодая девушка, страшно была возмущена такой расправой с пленным и только было хотела выбежать и остановить этого товарища, как слышу душераздирающий крик: „Вот тебе за мать, вот тебе за жену, вот тебе за сына!“ Оказалось, что у этого коммуниста, пока он находился в Кирсанове, всю его семью, жившую в уезде, вырезали бандиты».

«У Антонова были 2 маленьких брата в детских домах... и вот бандиты все детские дома, находившиеся в уезде, грабили, начисто выгребали все продовольствие, мануфактуру и прочее, а детдом, где был его брат, не трогали. Антонов спрашивал брата: „Тебе тут хорошо?“ — Тот отвечал: „Да“. — „Ну и живи здесь“, — говорил Антонов».

Тут требуется небольшой комментарий. Зима 1920–1921 гг. была на Тамбовщине голодной. Детские дома снабжались из последних крох. «Справных» хозяев «народная армия» старалась не грабить, тем более что у многих из таковых родные были в бандах. Продовольствие реквизировали у семей советских работников, коммунистов — подчистую, брали и у средних крестьян. Как видим, и детскими домами не брезговали.

«В середине февраля 1921 г. в населенный пункт (название не помню) выехал в служебную командировку секретарь Мучкапского ревкома коммунист Капишников. Узнав о пребывании Капишникова в селе, бандиты схватили его и тут же, на глазах у крестьян, растерзали. Избив до полусмерти, они привязали Капишникова к скамейке, вырезали на лбу звезду и раскаленным железом выкололи глаза».

«10 сентября 1920 года на хутор приехал отряд банды. Переночевали. Утром рано заметили, что из села Чубаровка на Чакино поле быстро бежит человек. Бандиты послали два всадника верховых напере-

рез, перехватили того человека, поймали, да недалеко была куча соломы. Бандиты зажгли солому, и бросили пленника в пламя».

«Щетилов Иван Федорович был комсомолец, проживал дома. Приезжают к нему четыре бандита... и говорят: „Собираешься. Далёко собираешься? Хотишь, с нами поедешь воевать, а не хотишь, пойдем за двор. Любое выбирай, три минуты на размышление“».

«Коммунист Дроков Макар Савельич и его сыновья, Роман и Василий, жили в Инжавино, а жена Макара Савельича осталась дома, в Большой Ржаксе проживала. Соскучилась по детям и муже, пошла повидаться в Инжавино. Ее встретили бандиты в селе Перевоз, узнали — жена коммуниста Дрокова Макара Савельича. Да и как не узнать! Они же были бандиты — свои соседи. „Стой, куда идешь?!“ — „Да вот, к сестре, проведать. Она болеет и наказывала прийти. Я к ней и иду“. — „Нет, ты идешь в Инжавино к мужу передавать сведения про нас. Пошла с нами!“ Привели ее в дом купца Архаилова, здесь жили две девушки, здесь и ютились бандиты как надзирательный пункт. Дом стоял на отшибе у леса, один-одинок за рекой Вороной. Вот здесь и издевались над женщиной ни в чем невиной. Допросили Дрокову и решили к смертной казни: сначала отрезали нос, отрезали груди, выкололи глаза и потом расстреляли».

«20 декабря 1920 г. Евдоким с сыном Иваном поехали в лес за дровами... На дороге встретились бандиты в санках, пять человек, изрядно пьяные. „Стой! Где были?“ — „Дровец хотим набрать“. — „А где сын Петр, комсорг ваш?“ — „Да я не знаю, где он“. — Все закричали: „Расстрелять! Лазутчик! Он пакет возил в Уварово краснопузым“. Поволокли отца с дровней. Я кинулся к отцу — удар прикладом, и перебили правую руку. Отца расстреляли. Пуля прошла в живот. Все взорвали воздухом¹, но был еще живой. Сгоряча заполз на дровни, погнали домой. Дорогой говорит: „Заехай к фельдшеру“. Заехали к Акиму Аверьяновичу, вызвали его. Он вышел и сказал: „Везите домой быстрее, он скоро кончится. Я сейчас приеду и перевяжу мальчику руку“. Звери, изверги, бандиты, которые расстреляли Евдокима, были все пятеро своего села...

¹ Газовой струей от выстрела.

Похоронили родителя на зимнего Николу. Брат Петр не показывается, живет в Инжавино. Пришлось брать хозяйство на себя меньшему брату, да еще с перебитой рукой. Вышел я на двор — овцы кричат. Заплакал: „Не плачьте, скотинка! Хозяина вашего нету, он скончался, его похоронили, теперь я ваш хозяин. Буду вас кормить, поить и никогда не обижусь“. Говорил сквозь град слез и пошел в дом. Захожусь в дом — здесь воют мать и две дочки в три голоса. Я, конечно, тоже белого света не вижу сквозь слезы. Все же начал разговор: „Мама, послушай, я был на дворе, сказал овечкам и коровке — буду ваш хозяин“. А мне самому 15 лет, еще самого кормить надо».

«Банда антоновцев поймала за рекой Косякина Алексея Павловича и его старшего сына Михаила (17 лет). Сына зарубили, а отца привязали к хвосту лошади и подвели к дому. Посадили его сына (3–5 лет) на эту лошадь верхом и приказали ехать. Ударенная бандитом лошадь помчалась в Иноковку. Алексей Павлович разбился насмерть. Антонов забрал Косякина, поехал к Ковылке. Дорогой их зарубили и бросили».

«Однажды утром, день не помню, часов 10 было. Мы с ребятами играли в чехарду и войну. Вдруг слышим в деревне какой-то шум, крики, выстрелы. Ну, мы сразу галопом домой. Не успел я дверь закрыть, мать ее на щеколду закрыла, а меня на печь посадила, там еще брат мой старший и сестрички. Слышим, на двор конные люди заехали, кур штук 8 было, всех перехватили, начали в дверь ломиться. Ворвались в избу, что хорошее — захватили себе, а нас плетками выгнали из деревни.

Народу уже много собралось там. Плач, крик, ругань, ну погнали нас всех. Сейчас где школа — сарай стоял. Там уже народу много было. И стоны из сарая доносятся. Стали мы, дрожим, гляжу, ведут Федянина А. А., я очень хорошо его знал, его еще взрослые почему-то Кузнецом звали. Завели его в сарай, дверь открыли, а нам говорят: „Глядите, что мы с сынами собачьими, коммуняками, сделаем“. Подвесили его за руки к потолку и начали над ним издеваться, штыками 18 раз всего истыкали. Потом бросили его в сарай, а сами ушли куда-то. А я в щель гляжу, в сарае сена кучка была, и он стал туда закапываться. Но тут, откуда не возьмись, эти бандюги явились, зашли в сарай и добились его. Потом много людей еще туда приводили, и никто живой оттуда не вышел. Под вечер бандиты трупы людям раздали, приказали, чтобы похоронили

у себя на дворе. А сами собрались, шайка большая, и со свистом уехали. А мы все бросились по своим домам».

...Вплоть до самого 1921 года тамбовские власти занимались очков-тирательством, бессчетно докладывая наверх, что Антонов разгромлен, — и тут же выяснялось, что ничего подобного. Вскоре их поведение начало напоминать истерику. Командующие войсками менялись каждый месяц — раньше, чем хоть что-то успевали сделать. Войска разлагались с поистине страшной скоростью, хлебозаготовки, из-за которых и заварилась вся каша, были практически парализованы.

Лишь в конце декабря 1921 года до Кремля дошла информация о том, что *на самом деле* происходит в губернии. 31 декабря в Москве состоялось совещание под руководством Дзержинского, где было принято решение резко усилить войска за счет регулярных частей Красной армии. Кроме того, поняв, наконец, что Тамбов можно считать еще одним фронтом, туда назначили нового командующего — фронтовика уже Гражданской войны, бывшего командарма-10 А. В. Павлова.

Остаток зимы в губернии шли настоящие бои. Сперва антоновцы громили красных, пытаясь помешать им сосредоточиться. Затем собравшиеся наконец воедино красные гонялись за повстанцами. Прибывшие с фронта войска в обстановке «народной войны» разлагались буквально на глазах, а частей, подобно казачьим, специально выдрессированных для усмирений, красные не имели. 11 февраля Павлов сообщает главному РККА С. С. Каменеву: «В Тамбовской губернии не бандитизм, а крестьянское восстание, захватившее широкие слои крестьянства». В Москве об этом уже знали — правда, особой радости данное знание не приносило.

«Большая» Гражданская война к тому времени практически закончилась, однако «вторая» война полыхала повсюду: Западная Сибирь, Махно, Антонов, множество более мелких восстаний и банд по губерниям. И то и другое подталкивало правителей в одну и ту же сторону, так что уже 8 февраля Ленин поставил задачу замены продразверстки натуральным налогом, а 15 марта разверстка была отменена. На полтора месяца раньше, 5 февраля, ее отменили в Тамбовской губернии, пытаясь таким образом выбить экономическую почву из-под ног антоновцев.

Одновременно, не доверяя больше местным властям (почему бы это, а?) правительство создало полномочную комиссию ВЦИК во гла-

ве с прежним, до Шлихтера, председателем Тамбовского губисполкома В. А. Антоновым-Овсеенко. В комиссию вошли пять человек: он сам, очередной секретарь губкома Б. А. Васильев (вполне характерный товарищ с настоящей фамилией Голдберг), очередной предгубисполкома А. С. Лавров, очередной командующий войсками губернии А. В. Павлов и начальник политотдела войск А. И. Жабин. Новым предгубЧК стал М. Д. Антонов (Герман), который начал с того, что заявил: ЧК недееспособна, ненадежна — и попросил не что-нибудь, а прислать из Москвы на замену новый чекистский аппарат в полном составе. Прислали, однако...

К тому времени антоновцы уже действовали еще в трех уездах Тамбовской, а также в сопредельных Саратовской и Воронежской губерниях. В работах нынешних историков сведения об их численности скромно колеблются в пределах от 15 до 70 тысяч человек. По данным штаба войск Тамбовской губернии, общая численность повстанцев составляла 35–39 тысяч человек. Каким образом подсчитывалась эта самая «общая численность» — одна из загадок статистики, ибо учесть мелкие отряды вохры, т. е. просто вооруженных крестьян, или тех бандитов, которые жили дома, невозможно в принципе. Конечно, в деревне всем всё известно, но делятся информацией крестьяне крайне неохотно, приплетая сюда еще и счеты из-за коровы или кулачной драки в праздник.

В собственно повстанческой армии, по сведениям военной разведки, насчитывалось 17 600 человек при 25 пулеметах и 5 пушках. Им противостояла красная группировка из 32,5 тысяч штыков, 8 тысяч сабель при 463 пулеметах и 63 орудиях.

Когда речь идет о партизанах, это не Бог весть какое преимущество (немцы в Великую Отечественную против партизан и танки с авиацией использовали — а толку?), так что война шла с весьма неопределенным успехом. Например, 22 марта удалось окружить самого Антонова с 5000 бойцов. Те разбились на три группы и стали прорываться. Первые две вышли благополучно, последняя, численностью в 1000 человек, тоже вырвалась, но оставила на поле боя половину личного состава, пулеметы и пушки. Естественно, победу в этой схватке записали на свой счет обе стороны.

20 марта в Тамбове начался так называемый «двухнедельник» — акция, во время которой сдавшиеся рядовые повстанцы получали полное

прощение, а командному составу гарантировалась жизнь. За три недели из лесов вышли около 7 тысяч человек, в основном мобилизованные крестьяне без оружия. Красные отрапортовали об успехе двух-, а точнее, трехнедельника, повстанцы же, избавившись от балласта, с новыми силами перешли к активным действиям.

Понять, к каким результатам привели весенние бои, — задача не для среднего ума. Это какая-то параллельная арифметика, право слово. Имея в феврале 18 тысяч бойцов, потеряв некоторое количество людей в жестоких боях и 7 тысяч в ходе пресловутого двухнедельника, повстанцы к началу мая насчитывали 21 тысячу человек. Правда, из них около трети — члены мелких банд, но все равно, даже 14 плюс 7 — это больше чем 18, а ведь были еще и убитые, причем немало. Красные слали победные рапорты, а повстанцы, словно в насмешку, 20 мая провозгласили «Временную демократическую республику Тамбовского партизанского края».

Из доклада Тухачевского Ленину. 16 июля 1921 г.

«1. Положение бандитизма к началу мая.

В пяти уездах Тамбовской губернии: Кирсановском, Тамбовском, Моршанском (южнее Сызр.-Вяз. ж. д.), Козловском (восточнее Ростовской ж. д.) и Борисоглебском (за исключением самой южной части его) Советской власти не существовало (не считая городов).

В этом районе, объятom крестьянским восстанием, власть принадлежала СТК (Союз трудового крестьянства), через который проводила свою политику партия эсеров».

Продолжать борьбу с восстанием прежними методами можно было до бесконечности со стабильно нулевым результатом. Основной проблемой являлось не разбить повстанцев военной силой, а разорвать их смычку с населением. После Великой Отечественной войны в несравненно более благоприятных условиях во много раз более сильная власть выкуривала «лесных братьев» из нор десять лет. В 1921 году красные не могли позволить себе такой роскоши. Губернию надо было привести в порядок к началу сбора продналога.

В чем преступление командарма Тухачевского?

- Давай лучше поговорим о твоём преступлении.
- Подвиге, — поправил Ларс.
- Поживи с мос, Разенна, и тебе станет ясно, что это одно и то же.

Елена Хаецкая. Завоеватели

Хороший выдался случай продемонстрировать достоверность эмигрантских источников. Вот воспоминания П. А. Сорокина о его поездке в Тамбов в январе 1921 года. Ехал он долго — но всяко уж не больше месяца. И вот что увидел господин Сорокин в Тамбове.

«На одной из стен я прочел приказ, подписанный Тухачевским — одним из главных военачальников Красной Армии.

„Села, принимающие активное участие в бандитизме, будут сожжены, крестьяне расстреляны, а женщины и дети арестованы. Все село несет ответственность за каждого бандита, и если окажется, что пойманный бандит из того села, где он был схвачен, то каждый десятый крестьянин будет расстрелян, его дом сожжен, имущество конфисковано, а его жена и дети будут арестованы“.

...Пока я читал это, заметил группу крестьянок, старых и молодых. Некоторые были с детьми на руках. Они брели безмолвно в грязных лохмотьях, с лицами бледными от измождения и отчаяния. Куда? Конечно, в тюрьму».

И в самом деле — ну куда еще может идти крестьянка в городе Тамбове? Тем более в грязных лохмотьях — а стало быть, явно из бедняцкой семьи.

Может быть, и не стоило бы приводить эту цитату — однако здесь имеет место совершенно тот же психологический казус, что и в случае с Берией. Можно сколько угодно говорить о том, что это был отец советской «оборонки», рассказывать о расстрелянных палачах и реабилитированных невинно осужденных, но брезгливое отношение к этому человеку от того не изменится, поскольку в основе его лежат не факты и аргументы, а давным-давно развеянная сказка об изнасилованных школьницах. И ложечки сто лет как наплись, а осадок все равно остался.

Совершенно то же самое произошло и с большевиками. Можно сколько угодно рассказывать о том, что они на самом деле делали,

а чего не делали, — все равно к ним будут относиться как к палачам, ибо это отношение не имеет ничего общего с историческими реалиями. Оно было импортировано из-за рубежа на волне «перестройки», а там формировалось на основе «свидетельств очевидцев» вроде сорокинского:

«Реквизиции и звериные жестокости коммунистов стали невыносимы. Представители власти отбирали у сельчан не только их хлеб и убогие пожитки, и часто арестовывая или расстреливая людей после этого, но иногда среди лютой зимы выгоняли крестьян голыми из их домов на мороз и обливали их водой, пока люди не превращались в живые сосульки. Раз или два крестьяне огрызнулись и убили коммунистов. В отместку коммунистические агенты калечили крестьян перед расстрелом, отрезая своим жертвам уши, руки, ноги, половые органы, выкалывая глаза или насиловали крестьянских жен и дочерей на глазах их мужей и отцов».

Он, часом, большевиков с антоновцами не путает? Спутать немудрено: форма одинаковая — шинели вперемишку с тулупами, знамена красные. Да впрочем, полно! Какие «большевистские зверства» мог он увидеть в городе Тамбове? Нешто Сорокин по деревням ездил? В лучшем случае у бабы-самогонщицы информацию собирал, а скорее всего уже в Париже придумал. Ничего подобного вы не найдете в сборнике «Антоновщина», составленном уж явно не сторонниками коммунистов, где и приводится это душещипательное описание — единственное свидетельство «красных зверств». Но... остался осадок, остался, и никуда не денется, поскольку история историей, а ложечки ложечками.

В реальности господин Сорокин никак не мог в январе читать приказы Тухачевского, поскольку бывший командарм-5 был назначен командующим войсками Тамбовской губернии лишь 27 апреля 1921 года, а в Тамбов прибыл 12 мая, когда снег на улицах давно стоял. Войдя в состав комиссии, он фактически взял руководство подавлением восстания на себя. Срок ему был дан — месяц, однако спешить Тухачевский не стал. Только что получив жесточайший урок в Польше, он подошел к делу с полной основательностью, предпочитая сорвать сроки, но не пойти на поводу у своего главного недостатка — склонности к необеспеченному наступлению.

Тухачевский еще несколько усилил войска, так что в боях с повстанцами теперь участвовали 53 тысячи человек, а всего численность войск

Тамбовской губернии, вместе со всеми тыловыми, вспомогательными частями и пр., составляла 120 тысяч.

Кроме того, новый командующий несколько изменил тактику. Вместо того чтобы нанести повстанцам военное поражение и на этом успокоиться, он поставил задачу: преследовать крупные банды неотступно и до полного уничтожения. Через месяц численность отрядов повстанцев уменьшилась в 10 раз и составляла всего около 2250 человек. Но причиной тому были не только, а может быть, и не столько военные действия, сколько карательная политика нового командующего, сумевшего решить основную проблему тамбовского восстания — пресловутую смычку повстанцев с населением. Решил ее без излишних зверств, которые в реальности, как показала осень двадцатого, оборачиваются большой кровью, но и без излишней слюнявости, цена которой — кровь уже запредельная.

Да-да, именно так. А то у нас вот уже двадцать лет вопят: «Ах, заложники! Ах, газы!» Ну так утешу страдающих за правду: заложники брались не из первой попавшейся избы, а по разработкам ВЧК — то есть из тех, кто по законам военного времени подлежал смертной казни за пособничество бандитам. Что же касается газов... о газах мы еще поговорим!

Тухачевский, дворянин по отцу, по матери происходил из крестьян Пензенской губернии, вырос в имении и в социальном устройстве русской деревни разбирался. В частности (в отличие от того же инородца Аглока, которому община была неведома в принципе), он понимал, что единство действий крестьян обеспечивается не единомыслием, а приговором сельского схода, и знал, что если добиться нужного приговора, то дело, считай, сделано. А чтобы добиться нужного приговора, надо было доказать населению, что власть переменилась.

Крестьяне, жившие в кошмарных условиях тотального террора, хотели к тому времени только одного — чтобы кто-нибудь наконец победил и все это кончилось. После отмены продразверстки даже большая часть середняков в общем-то ничего не имела против советской власти, однако помогать большевикам в достижении победы крестьяне были не намерены. Красные не внушали доверия (не в смысле чистоты помыслов, а как защитники), бандиты же ходили рядом, были зачастую своими же селянами и могли покарать за «измену» в любую из ночей. С этим настроением населения нельзя было не считаться, но и считаться с ним тоже было нельзя, иначе существовал реальный шанс получить в

губернии диктатуру банд и — с учетом их неминуемого перерождения — уголовный террор.

25 мая Тухачевский писал Склянскому: *«Наши действия будут настолько суровы, беспощадны и так методичны, что надо ожидать быстрых результатов»*. Сроки будущий «красный маршал», по своему обыкновению, сорвал, но задачу выполнил. О том, как он это делал, известно в подробностях, и любой читатель может сравнить его действия со сказками господина Сорокина.

Уже 15 мая на каждом боевом участке, на которые к тому времени поделили восставшие районы, были созданы новые органы власти — участковые политические комиссии. В них входили начальник и начполитотдела боевого участка, секретарь укома, председатель уисполкома, начальник особого отдела и председатель ревтрибунала.

Спешно построили концлагеря, рассчитанные в общей сложности на прием 15 тысяч человек (уже из этой цифры видно, что последующие людоедские приказы не собирались выполнять полностью). По каждой деревне были составлены списки всех известных ЧК повстанцев. Для руководства «замирением» на местах создавались политтройки, а после операции власть должна была перейти в руки сельских ревкомов — впредь до полного восстановления Советов. Но это все была техническая работа, а главная проблема состояла в методике. Население к тому времени понимало уже только силу — а как раз грубая сила в данном случае и не годилась, что убедительно продемонстрировала осень двадцатого.

Согласно законам военного времени, за бандитизм полагалась «высшая мера социальной защиты», за пособничество — как минимум концлагерь, а в пособники в данной ситуации можно было записать все население «бандитских» деревень. Это если пользоваться старым добрым правилом «закон суров, но это закон». Однако большевикам не было ни малейшего резона истреблять собственное население (они и вообще не были к этому склонны), а тем более зажиточных крестьян, являвшихся главными производителями продовольствия — но и основной питательной средой бандитизма. Надо было снова пройти между бездной и пропастью, с одной стороны, показав: мы — сильные, мы — власть, и власть больше не меняется, а с другой — не загонять человека в угол, в любой ситуации оставив для него приемлемый выход. Надо было и в этой безумной обстановке суметь не запугать, а расколоть село, отделив

крестьян от бандитов, рядовых бандитов от руководителей и «упертых» от тех, кому уже надоело бунтовать. И все это в губернии, где советская власть была глубочайшим образом скомпрометирована всеми своими предыдущими действиями.

Примерно так и поставил задачу новый командующий.

Из инструкции по искоренению бандитизма в Тамбовской губернии. 12 мая 1921 г.

«На задачу искоренения бандитизма следует смотреть не как на какую-нибудь более или менее длительную операцию, а как на более серьезную военную задачу — кампанию или даже войну.

Местность, охваченная бандитизмом, должна быть как бы вновь возвращена государству. Для этого требуется, во-первых, разбить живую силу бандитских вооруженных шаяк и, во-вторых, овладеть источниками питания бандитской войны, так сказать, жизненными центрами бандитизма.

Эти занимаемые нами жизненные центры должны быть не только задавлены вооруженной силой, но и местное население искусными мероприятиями должно быть излечено от эпидемии бандитизма.

Таким образом, в занимаемых бандитских областях надо организовать не только вооруженное сопротивление возможности нового появления бандитизма, но, главное, надо создать сопротивление среды появлению этого бандитизма.

Операции против бандитов должны вестись с непогрешимой методичностью, т. к. бандитизм лишь тогда будет сломлен морально, когда самый характер подавления будет внушать к себе уважение своей последовательностью и жестокостью настойчивостью. Ведение же малой войны против шаяк не может искоренить бандитизма и, как показывает опыт, только раздувает разбойничий и партизанский пыл бандитов».

Можно как угодно относиться к Тухачевскому — но кто рискнет отрицать его правоту? И все же главное — не общие слова, слов хватало и у Шлихтера с Аглоком, главное — конкретные методы. До сих пор в таких случаях способ был один: войска идут и убивают всех, кто покажется хоть сколько-нибудь подозрительным. Подавление ясноглазыми французскими революционерами восстания в Вандее обошлось в десятки, если не в сотни тысяч трупов. Усмирение столыпинскими

командами *невооруженных* и фактически *не сопротивляющихся* крестьян — несколько тысяч, не считая отправленных на каторгу и перепоротых.

Мне все-таки очень интересно — кто именно занимался у большевиков тактикой работы с населением, кто придумывал все эти ходы, хитрые и точные одновременно. Казалось бы, просто, да? Но почему-то никто, кроме них, до такого не додумывался. Мировая история антиповстанческой и антипартизанской борьбы составлена в основном из сокрушительных неудач и крови, а чаще из того и другого сразу: кровавые реки, позорные берега. А большевики ухитрялись, причем при совершенно негодном исполнительном аппарате, добиваться своего, играя на противоречиях внутри среды, с которой работали. Да, конечно, у них изначально был колоссальный, совершенно беспрецедентный кредит доверия, да и народ понимал положение, в котором оказалась власть, и не ждал чудес. И все же — кто?

...Ясно, что агитацией и единичными расстрелами зачинщиков, как это бывало в других местах, в Тамбове не обойтись — слишком велика жесточенность и слишком запущена болезнь. И все-таки поначалу надежды такие были.

Первой задачей новый командующий ставил военное преследование банд — это мы опустим.

«Вторая задача гораздо труднее, и от нее почти всецело зависит исход борьбы с бандитизмом. Этот период борьбы мы называем обыкновенно оккупацией...

...

Для внушения вышеупомянутого уважения к силе Советской власти и Красной Армии необходимо провести следующие меры:

- 1. Никогда не делать невыполнимых угроз.*
- 2. Раз сделанные угрозы неуклонно до жестокости проводить в жизнь до конца.*
- 3. Переселять в отдаленные края РСФСР семьи несдающихся бандитов.*
- 4. Имущество этих семей конфисковывать и распределять его между советски настроенными крестьянами. Это внесет расслоение в крестьянство, и на это может опереться Советская власть.*
- 5. Советски настроенные крестьяне должны прочно и надежно охраняться нашими силами от покушений бандитов. Вообще прове-*

дение успокоения сразу создаст много сторонников Советской власти и среди крестьян, так как бандитизм и утомителен, и разорителен для крестьянской массы.

6. Советски настроенных крестьян надо всячески втягивать в советскую работу, в организацию разведки против бандитов и проч. Это поставит между этими крестьянами и бандитизмом непреодолимую грань»¹.

В следующем документе дается уже не общая задача, а технология.

Из приказа войскам Тамбовской губернии № 130. 15 мая 1921 г.

«2. Изъятию подлежат зарегистрированные [в] органах ЧК члены комитетов и организаций СТК, бандитский комсостав и рядовые бандиты.

3. Из указанных лиц в параграфе 2 особым отделом армии составляются списки, которые вручаются участковым органам особого отдела и руководителям операции, причем на местах к вышеуказанным спискам присовокупляются сведения о бандитах, добытые войсковой разведкой от ревкомов или другим путем.

...

6. По прибытии отряда на место руководители операции собирают все мужское население, проверяют его по своим и сельским спискам, причем те, которые значатся в списках особого отдела, арестовываются, а все отсутствующие по сельским спискам без уважительных причин признаются бандитами и заносятся в особые списки.

Примечание: ссылка на службу в Красной Армии должна быть строго проверена».

Обратите внимание: карательная операция предварялась огромной работой чекистов², что позволило провести ее гораздо меньшей кровью, чем это бывает обычно при подавлении восстаний. Что касается автоматического объявления отсутствующих бандитами — вы на дату посмотрите! Чай, не осень и не зима, когда половина мужского населения в разгоне — кто по делам, кто на заработках. В страду не погуляешь... разве что по лесу с винтовочкой!

¹ Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 г. <http://www.tstu.ru/win/kultur/other/antonov/raz.htm>

² Особые отделы были подразделениями ВЧК.

«7. В случае отсутствия бандита берется заложником для заключения в концентрационный лагерь вся семья разыскиваемого или отдельные члены ее согласно особым отметкам на списках особого отдела. Оставшимся в селе объявляются письменным приказом причины взятия семейств бандитов и что эта семья будет держаться в таком-то концентрационном лагере в течение двух недель, в каковой срок разыскиваемый бандит может добровольной явкой в особотделение боеучастка с оружием в руках освободить свое семейство из-под ареста, причем явившемуся гарантируется жизнь. По истечении двухнедельного срока в случае неявки бандита его семейство будет выслано из Тамбовской губернии в глубь России¹ на принудительные работы.

8. Арестованным в качестве заложников разрешается брать с собой белье и продовольствие на один месяц, на остальное имущество семьи бандита представителем уполиткомиссии или ревкома накладывается арест, составляется опись и сдается под охрану уполномоченных на то обществом лиц, которые обязуются до распоряжения охранять дом, домашнюю утварь и ухаживать как за скотиной, так и за полем, огородом и т. д. В случае неявки разыскиваемого имущество по распоряжению ревкома подлежит окончательной конфискации и принимается ревкомом по описи от общества и распределяется между семьями честных крестьян, в первую очередь пострадавших в данном селе от бандитов. (Сурово, но кто скажет, что несправедливо? Банды грабили семьи коммунистов подчистую. — Е. П.) В случае явки бандита все имущество по описи под наблюдением ревкома переходит в распоряжение освобожденной семьи...

11. Наряду с изъятием бандитского элемента на руководителя операции возлагается выкачка оружия, для чего объявляется краткий, но выполнимый срок сдачи такового, после которого за обнаружение спрятанного оружия применять высшую меру наказания — расстрел, который должен быть оформлен приговором и объявлен населению»².

Естественно, семьи всех бандитов никто забирать не собирался. Власть вовсе не ставила своей целью покрыть губернию лагерями, за-

¹ Интересно: что являлось «глубью России» относительно Тамбовской губернии, которая сама была символом российской глубинки?

² Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 г. <http://www.tstu.ru/win/kultur/other/antonov/raz177.htm>

толкав туда сотню тысяч человек. Да и с конфискацией, как выясняется, тоже было не так ужасно, как в песне поется...

Из приказа полномочной комиссии ВЦИК войскам Тамбовской губернии. 16 мая 1921 г.

«2. Особенное внимание уделить сохранению порядка проведения арестов, последующей конфискации и распределения имущества бандитов. Эта мера следует лишь при изъятии в качестве заложников всей семьи бандита, применяется лишь к ответственным руководителям бандитских шаек и должна проходить при обязательном личном руководстве представителя политкомиссии»¹.

На территории губернии, напомним, действовали законы военного времени, по которым все участники банд должны были расстреливаться на месте, без суда и следствия. Однако уничтожить несколько десятков тысяч человек, большинство которых — мобилизованные или сагитированные выходцы из деревенского «болота», власть тоже не ставила своей задачей.

Из приказа войскам Тамбовской губернии. 15 мая 1921 г.

1. В целях быстрейшего искоренения бандитизма и разгрузки мест заключения в губернии приказываю образовать при всех боеучастках комиссии по рассмотрению бандитских дел в составе начособотделения, предреввоен трибунала и завполитбюро под председательством первого. С правом совещательного голоса присутствует секретарь укома. (Это все та же пресловутая тройка — ускоренный трибунал, по причине своей ускоренности и особых полномочий составленный не из рядовых судей, а из уездного руководства, что повышало качество судопроизводства². — Е. П.)

3. Означенным в пункте 1 комиссиям подлежат рассмотрению все дела о бандитах, подразделяя [их] по следующим группам:

1. а) Члены Комитета СТК, начиная от волостного и выше, б) организаторы банды, шпионы, в) бандитский комсостав от комполка и выше и г) все бандитские политработники — подлежат немедленно-

¹ Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. <http://www.tstu.ru/win/kultur/other/antonov/raz181.htm>

² Именно повышало — а вы что подумали? См. Прудникова Е. «Хрущев. Творцы террора».

му доставлению в распоряжение армособотдела в г. Тамбов со всеми материалами.

2. а) Члены селькомов СТК, б) комсостав ниже комполка, в) бандиты, участвовавшие с оружием в руках не менее месяца, и все бандиты полков особого назначения Антонова, г) бандитская милиция и д) главарь местных банд — подлежат расстрелу постановлениями вышеуказанных троек.

3. а) Рядовые члены, организаторы СТК, б) рядовые бандиты, бежавшие от банд в распоряжение красных войск, в) бандиты, обслуживающие обоз, г) рядовые из местных банд, д) лица, оказывающие помощь и косвенно содействующие бандам, но не шпионы, — подлежат высылке в глубь России для заключения в концентрационные лагеря сроком от года до пяти лет.

4. а) Все заподозренные в бандитизме, б) семьи первой и второй категории настоящего приказа, взятые в качестве заложников, в случае неявки разыскиваемого — подлежат высылке в глубь России на принудительные работы».

Это все касается бандитов, арестованных в ходе операции. К пришедшим с повинной отношение было иное. По крайней мере, жизнь им гарантировалась.

«5. Добровольно явившихся с оружием в руках не расстреливать, а заключить в местный лагерь до ликвидации банд Антонова»¹.

В Вандее заподозренных стреляли на месте — такова разница двух революций. Но и столыпинские военно-полевые суды не заморачивались особо доказательствами, да и не смогли бы, поскольку судили в них не ответственные лица, как в «тройках», а строевые офицеры. Так что тоже вполне успешно вешали по подозрению. И кстати, в этом приказе точно указано, чьи семьи берутся в заложники, — не всех повстанцев, а только актива.

...Но и тут реальность, как водится, внесла свои коррективы. В «глубине России» тамбовские бандиты никому не были нужны. Ни одна губерния не собиралась строить для них концлагеря и кормить за свой счет, да и принудительные работы существовали больше в воображении судей, чем в реальности. Пенитенциарную систему Советской России,

¹ Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. <http://www.tstu.ru/win/kultur/other/antonov/raz179.htm>

как и большинство других, еще только предстояло создать. Поэтому так популярны были в то время разного рода помилования и амнистии, которые вскоре станут применять и к «тамбовским узникам». Высланные же из губернии уже через год стали возвращаться по родным деревням — прямо в объятия пострадавших от бандитов односельчан, так что лучше уж сидели бы там, куда их отправили. Помните тех хлопчиков, у которых бандиты мать замучили, — вы думаете, они станут в соответствии с принципом личной ответственности разбираться, кто именно это сделал? Ага, вы им этот принцип объясните, попробуйте¹...

Но еще раньше, уже через несколько дней после начала операции, буквально взвыли начальники лагерей: что делать с детьми? Жилье в лагерях — палатки на голой земле, детям не годится, кроме того, им надо особое питание. Их приходилось устраивать в отдельных зданиях, заводить детскую кухню, коров при лагере... Уже в середине июня поступил приказ: женщин с детьми в заложники не брать, оставлять на местах под присмотром односельчан вплоть до высылки... про которую нередко тихо забывали, потому что высылать их тоже было некуда. Ни одна губерния, как ближняя, так и дальняя, не горела желанием вешать себе на шею лишние рты, тем более баб с детишками, да еще в преддверии голода.

Но все это будет через два-три месяца. А на нашем календаре пока еще май 1921 года. В конце мая операция наконец началась — и сразу забуксовала. Причины неудач видны из следующего документа.

Из протокола заседания полномочной комиссии ВЦИК. 9 июня 1921 г.

«Работа по проведению приказа очень трудна. На местах отказываются сообщать фамилию, распыляют имущество, и сами члены бандитских семей заблаговременно разбегаются... Все время наблюдается большая активность банд. Настроение крестьян внешнее в пользу Соввласти, внутреннее враждебно. В Пановых Кустах, Каменке и, наверное, многих других местах наряду с Советами работают комитеты

¹ Кстати, не кажется ли вам, что и высылка бандитов и их семей из пределов губернии в данном случае — не мера наказания, а мера спасения жизни? С учетом повсеместного правила: советская власть простила, ну и что? А мы не простили!

СТК. Больших группировок бандитов на участке не имеется, группы в 500–600 человек прячутся по лесам. По всем селам имеются мелкие группы вохры в 20–30 человек... При обысках оружие обнаружить не удалось. Оружие, несомненно, есть: при пожарах идут взрывы».

Это «при пожарах идут взрывы» весьма загадочно. Вроде бы жечь села было не велено. По-видимому, жгли опустевшие дома бандитов — неужели кто-то ждал, что там не будет оружия? И кстати, что же творилось в губернии, если 500–600 человек — *небольшая группа*?

И только когда стало ясно, что операция захлебывается, решено было применить уже исключительные по жестокости меры.

Из приказа Полномочной комиссии ВЦИК № 171. 11 июня 1921 г.

...Дабы окончательно искоренить эсеров-бандитские корни и в дополнение к ранее отданным распоряжениям Полномочная комиссия ВЦИК приказывает:

1. Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. Селениям, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссии или райполиткомиссии объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно»¹.

Приказ явно составлен человеком, знающим, что такое община и что представляет собой крестьянская семья. Насколько известно, до расстре-

¹ Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. <http://www.tstu.ru/win/kultur/other/antonov/raz198.htm>

ла старших доходило редко, все ограничилось п. 2, который вскоре трансформировался в приказы о заложниках. Особняком стоит п. 6 — зачем разбирать и сжигать дома? Ответ простой: чтобы помешать ушедшим вернуться. За время Гражданской войны у крестьян выработалась простая тактика: при приближении какого-либо отряда та часть населения деревни, для которой он был недружественным, разбегалась по укрытиям, прихватив ценное имущество и скот. Отряд уходил, ушедшие вылезали из схронов, и все возвращалось на круги своя. Лишив ушедших возможности вернуться, а затем и укрыться у родных или друзей, заботы о семьях власть возлагала на самих бандитов, а с таким обременением много не навоюешь.

Собственно, скрыться в тогдашней взбаламученной России можно было без особого труда, как и обзавестись поддельными документами — хоть самому, хоть с семейством. Ловить беглецов не было возможности, да и смысла тоже. Цель операции — разрушить смычку между крестьянами и бандами, которой только и держалась повстанческая армия, и эта задача была выполнена. Самые же упорные и ловкие из повстанцев рассеялись по стране. Советскую власть они, естественно, не полюбили. Еще много лет спустя в делах милиции, ОГПУ, НКВД, даже СМЕРШа выплывают биографии, взявшие начало в крестьянских войнах. Но это уже совсем другая история.

Этими чрезвычайно жестокими (по меркам красных) мерами крестьян вынуждали не только выдать бандитов, но и фактически перейти на сторону власти. Вспомним: по антоновским законам выдача повстанцев каралась смертной казнью. Чтобы закрепить этот переход, а также заставить крестьян самих обеспечивать собственную безопасность, 17 июня был издан приказ № 178.

«Красная Армия разбила главные банды Антонова, остатки их рассыпались по лесам... Чтобы положить конец разбоям и грабежам бандитов и дать возможность населению скорее перейти к мирному труду, Полномочная комиссия ВЦИК приказывает:

1. Во всех селениях гражданам организовать сторожевое охранение и самооборону своих селений. Сторожевое охранение должно быть выставлено на всех окраинах селения и дорогах, ведущих в него.

...

4. В случаях появления банд и налета их на населенные пункты местное население обязано оказать сопротивление, уничтожая бандитов

всеми возможными средствами и немедленно сообщая об их появлении в ближайшую войсковую часть или ревком.

5. Неоказание сопротивления бандитам и несвоевременное сообщение о появлении таковых... будет рассматриваться как сообщничество с бандитами со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Конечно, для человека, знающего местность, ничего не стоит пробраться в деревню, минуя все и всяческие посты. Но, во-первых, это же деревня — кто-нибудь непременно из-за плетня заметит. А во-вторых, сама невозможность для бандитов приехать открыто, необходимость пробираться ночью и задами значила уже очень много — это была смена власти. Кстати, в приказе ничего не говорится об оружии для отрядов самообороны — а ведь топор нагану не противник. Стало быть, либо давали оружие, хотя бы партийному активу, либо речь шла не о сопротивлении, а об атмосфере...

Судя по донесениям с мест, не все эти меры применялись в реальности. Возможно, просто потому, что до них не доходила очередь. Население даже «бандитских» деревень, как правило, не имело ни малейшего желания платить за безопасность повстанцев собственными жизнями. Тем более что операции предшествовала колоссальная работа ЧК и заложников брали не наугад, а со смыслом, сразу ослабляя бандитское «лобби» в сельском обществе. Проводились операции также не сплошным образом. Так, в Тамбовском уезде они прошли в 16 селах и деревнях и не проходили — в 18. Но там, где они проводились, это было на самом деле жестоко.

Из доклада председателя полномочной пятерки Кирсановского уезда. 10 июля 1921 г.

«Операция по очистке селений Курдюковской волости началась 27 июня с деревни Осиновки, являющейся ранее частым местом пребывания банд. Настроение крестьян к прибывшим для операции — недоверчиво выжидательное: банды не выдавали, на все задаваемые вопросы отвечали незнанием.

Было взято до 40 заложников, селение объявлено на осадном положении, оцеплено красноармейскими частями, изданы приказы, устанавливающие 2-часовой срок для выдачи бандитов и оружия с предупреждением — за невыполнение будут расстреляны заложники.

На общем собрании крестьяне после объявления приговора и приказов заметно стали колебаться, но не решались принять активное участие в оказании помощи по изъятию бандитов и, по-видимому, мало верили в то, что приказы о расстреле будут приводиться в исполнение. По истечении установленного срока был расстрелян 21 заложник в присутствии схода крестьян. Публичный расстрел, обставленный со всеми формальностями, в присутствии всех членов пятерки, уполномоченных, комсостава частей и пр., произвел потрясающее впечатление на граждан.

По окончании расстрела толпа зашумела, раздавались возгласы: „Из-за них, проклятых, страдаем, выдавай кто знает!“, „Довольно молчать!“, и вышедшие из толпы представители попросили разрешения произвести всем сходом поиск оружия и бандитов путем обысков и облав. Разрешение было дано.

Крестьяне, разбившись на 3 группы, отправились искать оружие и ловить бандитов. 28 июня населением были доставлены 3 винтовки, вырытые из земли, и 5 бандитов, независимо от этого поиски бандитов производились оперативной частью пятерки (особотделом), было поймано 7 бандитов. В целях оздоровления селения семьи расстрелянных заложников, а также укрывающихся бандитов были изъяты и высланы в концлагерь.

Расстреляно активных бандитов — 9, добровольно явилось бандитов без оружия — 14, с оружием — 6, изъято семей — 39 с общим числом членов до 180 человек».

Тут может удивить незначительное по сравнению с числом заложников количество арестованных бандитов. Но, напомним, суть операции не в том, чтобы истреблять банды — это дело войск, — а в том, чтобы заставить крестьян предать антоновцев и впредь уже не оказывать им помощи, тем самым выбрав сторону в схватке.

«В дальнейшем операция проводилась в с. Курдюках, где население, не дожидаясь приговора и приказов, по своему личному почину приступило к вылавливанию бандитов, причем все семьи, имеющие родственников-бандитов, являлись сами на регистрацию и указывали срок нахождения их в банде. Ввиду такого отношения крестьян расстрелов не производилось. Было взято 39 заложников из семей отсутствующих бандитов, которые отправлены в концлагерь.

Иное отношение со стороны крестьян встречено в д. Кареевке, в 4 верстах от Курдюков, где ввиду удобного территориального положе-

ния было удобное место для постоянного пребывания бандитов: останавливались их штабы, был мобилизационный отдел и даже за 24 часа до прибытия пятерки находился один из видных главарей антоновской банды, Ишин, с группой в 25 человек.

Принимая это во внимание, пятеркой было решено уничтожить данное селение — 2-ю Кареевку (65–70 дворов), выселив поголовно все население и конфисковав их имущество, за исключением семей красноармейцев, которые были переселены в с. Курдюки и размещены в избах, изъятых у бандитских семей.

Строго после изъятия ценных материалов — оконных рам, стекол, срубов и др. — деревня была зажжена. Во время пожара рвались целыми пачками патроны и были замечены сильные взрывы, похожие на взрывы бомб.

Подобная мера произвела громадное впечатление на весь район. Остальные селения, прилегающие к Кареевке, как то: Шаболовка, Каширка и др., стали готовиться также к выселению, являлись представители с просьбой о помиловании, представителям указывалось, что их спасение — выдача бандитов и сдача последними оружия.

Результаты операции: выселено в Курдюках и Кареевке 80 семей с общим числом членов 300 человек, явилось добровольно бандитов — 150, из них 41 с оружием. Являлись целыми группами по 15 человек, явка продолжается.

Население принимает участие в охране деревень, принимает добровольно на довольствие наши части, просит оставить их возможно дольше, не выводить, окончательно отшатнулись от банды.

3 июля приступили к операции в с. Богословка. Редко где приходилось видеть столь замкнутое и организованное крестьянство. При беседе с крестьянами от малого до старика, убеленного сединами, все как один по вопросу о бандитах отговаривались полным незнанием и даже с вопрошающим удивлением отвечали: «У нас нет бандитов», «Когда-то проезжали мимо, но даже хорошо не знаем, были ли то бандиты или кто другой, мы живем мирно, никого не беспокоим и никого не знаем».

Были повторены те же приемы, какие и в Осиновке, взяты заложники в количестве 58 человек. 4 июля была расстреляна первая партия в 21 человек, 5 июля — в 15 человек, изъято 60 семей бандитских до 200 человек.

В конечном результате перелом был достигнут, крестьянство бросилось ловить бандитов и отыскивать оружие. Вблизи находящегося имения, бывшего Андреевского, найден в колодце один пулемет «кольба» с небольшим повреждением, обнаружены в убежище одной из стен разрушенной постройки два активных бандита, которые, отстреливаясь (сдаваться не пожелали), застрелились сами, оказавшиеся местными руководителями бандитских шайек, один из них начальник вохры. В яме, где они помещались, найдена одна целая пулеметная лента. По сведениям, полученным от задержанных бандитов, в имении находился более 5 месяцев бандитский штаб. В одном из строений устроены бойницы, сходящиеся внутри каменные своды погреба, приспособленного для обороны. Проживавшие в имении пять семей изъяты ввиду упорного отказа дать сведения о бандитах. Появилось добровольно 11 человек, из них 4 с оружием, дезертиров без оружия — 27, сдано населением три винтовки, один обрез, 5 сабель и 8 седел.

Окончательная чистка упомянутых сел и деревень была закончена 6 июля, результаты каковой сказались не только на районе двух волостей, прилегающих к ним; явка бандитского элемента продолжается»¹.

Так выглядела «беспощадная жестокость» с точки зрения большевиков. Не слишком жестокая и далеко не беспощадная, если судить не по разговорам за чаем с вареньем, а по реальной практике антиповстанческих операций. Из приведенных документов видно, как власти опытным путем устанавливали максимальный предел жестокости, необходимый для результативной работы. Достаточно сравнить эти меры хотя бы с приказами губернатора Розанова или с нынешней общемировой практикой бомбардировки беспокойных районов, чтобы понять, насколько точно, продуманно и малой кровью советская власть боролась с бандами.

***Из отчета председателя уполиткомиссии Кирсановского уезда.
Не ранее 25 июня 1921 г.***

«Во время производства операции отмечалось:

1. Массовое бегство бандитских семей, причем и имущество распылялось, зарывалось в землю, бралось с собой, раздавалось односельчанам, скот и лошади уводились, напр[имер] в д. Кулябово той же волости из

¹ Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг.
<http://www.tstu.ru/win/kultur/other/antonov/raz259.htm>

56 бандитских домов — 52 дома оказались пустыми. Часть бежавших семей, безусловно, пряталась у родственников, односельчан. Дома оставались одни дряхлые старики, старухи.

2. Списки населения в большинстве случаев отсутствовали или же были уничтожены бандитами. Добровольных сведений в большинстве случаев не давали из-за боязни мести бандитов.

3. Оружие, несмотря на тщательные обыски, обнаруживать не удавалось.

Отношение населения к операциям самое разнообразное, начиная с резко враждебного (в Кулябовской волости, части Абакумовской вол.) и кончая самым положительным (в Павлодаровской волости, где крестьяне зачислили наши части у себя на довольствие).

В большинстве же случаев крестьянство относилось к операции осторожно, выжидательно, упорно замалчивало все, что относилось к бандитизму... Крестьянство замучено, перебито, разорено, боится как представителей Соввласти и Красной Армии, так и мести бандитов. Характерен случай в д. Кабань-Никольское, где крестьянин слезно просил его пороть, чтобы бандиты перестали считать его коммунистом. За последнее время крестьянство местами начинает оказывать самую действенную активную помощь в борьбе с бандитизмом... Число добровольно явившихся растет с каждым днем и, несомненно, увеличится, когда крестьянство на деле убедится, что добровольно явившихся бандитов не расстреливают.

Можно еще отметить, что отношение населения во многом зависит от поведения как руководителей, так и красноармейцев».

Не везде, но в некоторых деревнях крестьяне явно восприняли жестокость карателей как долгожданный повод стать на сторону власти. В других случаях их заставили это сделать силой.

И наконец, самое главное:

«На бандитов проведение операции подействовало одинаково ошеломляюще, как решительные военные действия. Распад и развал в бандах замечался уже с первых дней, глава и руководители пытались парализовать действия приказа № 130 своими аналогичными мерами: в Туголукове и других местах был расклеен приказ Богуславского о явке к нему демобилизованных и красноармейцев, а также всех сбежавших от банд. В Токаревском районе распространен циркуляр губкома СТК и партии левых эсеров о применении террора к семьям коммунистов

и красноармейцев... Свои угрозы бандиты отчасти приводили в исполнение: в уполиткомиссии зарегистрировано 15 случаев убийств членов семей коммунистов и красноармейцев кроме многих случаев порки и избиения. Кроме того, бандиты мешали полевым работам»¹.

Впрочем, это была уже агония. Действия войск оказались эффективными, а самое главное — все эти военные игры по лесам осточертели самим крестьянам. 16 июля Тухачевский докладывает Ленину:

«В результате методически проведенных операций на протяжении сорока дней крестьянское восстание в Тамбовской губ. ликвидировано. СТК разгромлен. Советская власть восстановлена повсеместно. От 21 000 бандитов осталось к 11 июля лишь 1200 сабель. Громадное количество главарей банд уничтожено.

Крестьянство скомпрометировано в глазах бандитов и ищет от них вооруженной защиты Красной Армии.

Но вместе с тем крестьяне определенно не верят в искренность декрета о продналоге. Среди них ходят слухи о том, что к осени наши войска будут выведены из Тамбовской губ. и тогда бандиты вновь начнут действия, и, наконец, кое-где еще сидят волостные комитеты СТК»².

Так что, как видим, в основном задача выполнена, но хвосты еще дочищать и дочищать. Нелепо думать, что губерния так вот сразу и успокоится. Более того, старые счеты и выжившие повстанцы еще проявятся во время коллективизации. Но в основном, как и пишет Тухачевский, задача выполнена — и тут же началось быстрое сворачивание репрессивных мер, а вскоре приказ № 171 был и вообще отменен.

В конце июля на губернской войсковой партконференции Тухачевский доложил результаты операции. За два месяца было обезврежено 16 369 повстанцев. Из них убито в бою — 4515, взято в плен — 985; поймано в облавах с оружием — 572, без оружия — 4713; добровольно явились с оружием — 1244, без оружия — 405; в обмен на арестованные семьи явилось с оружием — 16, без оружия — 319. Всего по приказу № 130 было арестовано 1895 семей. Согласно приказу № 171, по неполным сведениям, было расстреляно 274 заложника. Все это — не считая самосуда со стороны как красных отрядов, так и населения.

¹ Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. <http://www.tstu.ru/win/kultur/other/antonov/raz215.htm>

² Там же. <http://www.tstu.ru/win/kultur/other/antonov/raz266.htm>

Всего, по подсчетам уже нынешних историков, за время антоновщины погибло в боях около 11 800 повстанцев и около 1,5 тысяч было расстреляно. С советской стороны убито около 2 тысяч активистов и военных из числа местных уроженцев и еще около 4 тысяч красноармейцев из других областей России. То есть соотношение получается примерно один к двум — даже более ровное, чем в других восстаниях. Правда, не совсем понятно, были ли учтены убитые антоновцами мирные жители — жену коммуниста Дрокова, например, нельзя отнести ни к активистам, ни к красноармейцам.

Штрихи к пейзажу. Из докладов, писем, протоколов и пр. красной стороны. Май — август 1921 г.

«Антонов-Овсеенко: Из Рассказова надо расследовать и жестоко покарать те наши части, которые до Вас бывали в Пичерах, ибо они постоянно грабили это село. Знаю это со слов знакомой мне крестьянки, только что говорившей со мной и хвалившей поведение красноармейцев в пятницу».

«За последнее время наблюдается, что попы среди крестьян пускают слухи о том, что Соввласть существовать будет только 42 месяца, а потом наступит монархическое правление. 5 месяцев будет производиться поголовная вырезка коммунистов, а после этого наступит хорошая райская жизнь».

«Здесь необходимо отметить геройскую самоотверженность партизан, в частности командира полка Баранова, который с 15 партизанами бросился на красную кавалерию (татар) численностью в 100 человек и при 4 пулеметах, последние находились в разных местах, в силу чего партизаны бросились в атаку под перекрестным огнем. Результатом явилось обращение красных в бегство и захват 2 пулеметов, около 200 винтовок, 160 быков, 700 пудов сахара и много белья».

«В 1-м боеучастке за отчетный период обнаружен и изъят 31 пулемет. Что же касается других боеучастков, то в таковых за отчетный период крупного обнаружения и сбора оружия вообще отметить нельзя, но необходимо отметить, что в Хитрове (Никольское) под алтарем церкви найдены полевой телефонный аппарат, в отдушине там же —

знамя с надписью: „В борьбе обрешь ты право свое“ — Центральный комитет партии левых эсеров-интернационалистов Союза трудового крестьянства — Тамбов „Борцам за свободу“ и номера газет «Знамя труда» с января по март сего года, листовки трудовому крестьянству, постановление кронштадтцев, брошюры „Долой Чрезвычайки“, копировальная бумага с оттисками напечатанного на машинке протокола заседания представителей СТК и повстанческой армии от 26..." с. 2».

«Из числа явившихся добровольно с оружием, 1 из села Озерки послан для переговоров с остальными нерешительными товарищами. Много отцов, матерей, детей отправились разыскивать своих сынов и отцов».

«Крестьяне сильно опасаются за снятие войск из уезда и заявляют, что они последним куском хлеба будут делиться, лишь бы были войска, что, конечно, необходимо принять во внимание и не снимать войск из уезда, так как в действительности полной ликвидации банды еще не произошло и руководители ее не уничтожены».

«Семью бандита Василия Корнеева, состоящую из 15 человек, исключить из общества и передать революционной власти как совершенно не нужную нам, причем чтобы семью эту никогда не возвращать в наше общество, а также никогда не доставлять возврат в нашу деревню их потомков. Восставшим против нашей власти, пролившим крестьянскую кровь не должно быть пощады, и их семьям, воспитывающим отмстителей за бандитов, нет места меж нами. Укрывавшую в специальном секретном подвале всяких гадов семью Степана Ефимова подвергнуть той же участи» (из протокола сельского собрания).

«Весною многие бандиты стали оседать, развертывая хищническое, кулацкое хозяйство. В Борисоглебском уезде установлено одно такое хозяйство, захватившее оружием до 400 десятин из наделов односельчан».

«По полученным сведениям, поведение некоторых ревкомов в деле проведения кампании добровольной явки бандитов ниже всякой критики.

Ревкомы не только избивают и издеваются над добровольно явившимися, но даже расстреливают таковых, чем срывают всю политику добровольной явки и благодаря чему за последнее время приток доброволь-

но являющихся совершенно прекратился, что является недопустимым и даже преступным, а посему особотделение просит в самом срочном порядке проинструктировать на селе все ревкомы и поставить таковых в известность, что за самовольный расстрел, избивание бандитов кроме лица, допустившего подобное, ответственность целиком несет председатель ревкома, которые за срыв добровольной явки будут немедленно предаваться суду РВТ».

И напоследок — о судьбе заложников в тех случаях, когда бандиты, за которых их брали, так и не явились. Уже в июле было приказано отпускать семьи убитых, возвращая им имущество, поскольку задерживать их не имело смысла. Вообще контроль за имуществом был установлен чрезвычайно жесткий, чтобы исключить преждевременные конфискации и не посадить себе на шею неопределенное количество бездомных и голодных женщин и детей. Уже 20 июля полномочная комиссия ВЦИК принимает следующие секретные циркуляры.

«1. Впредь с особенною осторожностью относиться к аресту в качестве заложников нетрудоспособных, особенно беременных женщин и матерей с малолетними детьми, указанных женщин и детей впредь по возможности на время высылки оставлять под ответственностью населения дома, объявляя, что, если в двухнедельный срок бандиты, за которых они взяты, не явятся, они будут высланы, а имущество конфисковано.

2. Принять все меры к разгрузке лагерей от нетрудоспособных элементов, в первую голову от детей.

Оба эти мероприятия, согласно указаниям с [его] циркуляра, проводить с большою осторожностью. В частности, по отношению к разгрузке лагерей Полком предлагает:

1. Пользоваться применением прощения семьям тех бандитов, которые проявят выдающиеся заслуги по ликвидации бандитизма, вплоть до отпуска заложников целого села, если это село выполнит задачу по выловке какого-нибудь выдающегося бандита и т. п.

2. Сдавать детей в детские дома¹, для чего через советский аппарат усилить работу по расширению сети детских домов, обращая внима-

¹ Сдать ребенка в детский дом по тем временам было не репрессивной мерой, а наоборот. Еще до революции многие бедные семьи добивались (большей частью

ние, чтобы детские дома были оборудованы не только с хозяйственной стороны, но и со стороны воспитательной.

3. Не отпускать тех из заложников, против которых высказывается селение, из которого он взят.

4. Не освобождать семейств расстрелянных бандитов, имущество которых конфисковано»¹.

Трудно сказать, как сложилась судьба тех, кто остался в лагерях, но учитывая, какой год стоял на дворе, — возможно, и лучше, чем у тех, кто был на воле. Тамбовскую губернию голод накрыл не с такой силой, как Поволжье, но это не значит, что его не было. Рассчитывать на помощь сельского общества в такой ситуации не приходилось, да и на родственников в общем-то тоже. Лагерь отнюдь не были курортом — но там по крайней мере кормили, что в том голодном аду, которым являлась первая послевоенная зима, было самым главным. Скорее всего, именно этой причиной вызваны пп. 3 и 4 данного постановления — чтобы не оставлять людей без крова и хлеба. Большевики были большими прагматиками и очень хорошо понимали, что самое ценное достояние республики — это люди. И если отрешиться от представлений сегодняшних сытых времен и начать мыслить категориями того времени, это очень хорошо видно.

Р. S. На этом можно было бы и закончить тему, но остался непроясненным еще один вопрос: касательно немыслимого зверства Антонова-Овсенко и Тухачевского, а именно — применения в Тамбове боевых отравляющих веществ(ов). Их вроде бы действительно применяли — известно, что в июне войскам Тамбовской губернии выделили 2000 химических снарядов. Они были привезены из Москвы², распределены по 200 штук на боевой участок и даже как-то использованы.

безуспешно) помещения своих детей в приюты, которые обеспечивали нормальное питание и, главное, образование или хорошую профессию. В годы Гражданской войны это было выражено еще сильнее. При том, что положение в детдомах по нынешним меркам являлось ужасающим, «на волсе» было хуже. У детдомовских детей шанс выжить и впоследствии получить образование был выше, чем у домашних.

¹ Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. <http://www.tstu.ru/win/kultur/other/antonov/raz275.htm>

² Правда, неясно, зачем было везти их из Москвы, когда в Тамбове имелся свой склад ОВ. Это, по-видимому, то, что называется «загадкой истории».

Самая известная операция с применением ОВ — это обстрел 2 августа острова на озере Кипец. Дмитрий Покровский, житель Тамбовской области, решил, по его выражению, «копнуть саперной лопаткой» данную душераздирающую историю. Он приводит параметры этого оплота повстанцев.

«Село Кипец стоит на озере Кипец. И как раз где-то в 800 метрах от современной границы села посреди озера находится остров... Расстояние от берега, где располагалась батарея, до острова около 250 метров. Впрочем, до острова можно добраться вброд... Длина — около 200 метров, ширина порядка 80 метров. Сделав поправку на размывы, подмывы и т. п. можно предположить, что в 1920-е годы остров был чуток побольше...», но уж всяко даже не вдвое. Интересно, что делали там повстанцы? И были ли они там вообще? Или же Белгородские артиллерийские курсы, устроившие эту стрельбу, решили провести учения и за отсутствием полигона выбрали место, где уж точно нет ничего живого, кроме комаров?

Есть и еще несколько свидетельств о применении ОВ в боях против антоновцев. Правда, количество использованных за одну операцию снарядов — 50, 79, 85 — и близко не подходит к тому минимальному их числу, которое требовалось выпустить, чтобы добиться хоть какого-то эффекта. Так что противник скорее всего даже и не заметил, что его травят. Вполне в духе товарища Тухачевского, который славился любовью к техническим новинкам — как правило, поражающим воображение и абсолютно неэффективным. В грубой полевой реальности все было гораздо банальней, и самым действенным оружием оказались обычные броневики.

Единственное общепризнанное свидетельство о применении ОВ не в боевой обстановке — знаменитый приказ Тухачевского.

«Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбежавшие из деревень, где восстановлена Советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей.

Для немедленной очистки лесов приказываю:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми удушливыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось.

2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.

3. Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ.

4. О принятых мерах донести.

Командующий войсками Тухачевский

Наштавойск генштаба Какурин

Прочитано на сельских сходах»¹.

Все очень страшно, и снаряды получены — аж по двести штук на боеучасток, вот только несколько обескураживает «инструкция по применению», которую подписал 28 июня инспектор артиллерии Косинов.

«3. Быстродействующие снаряды употребляются для немедленного воздействия на противника, испаряются через 5 минут. Медленно действующие употребляются для создания непроходимой зоны, для устранения возможности отступления противника, испаряются через 15 минут.

4. Для действительной стрельбы необходим твердый грунт, так как снаряды, попадая в мягкую почву, не разрываются и никакого действия не производят. Местность для применения лучше закрытая, поросшая густым лесом. При сильном ветре, а также в жаркую погоду стрельба становится недействительной...

6. Стрельба должна вестись настойчиво и большим количеством снарядов (всех батарей). Общая скорость стрельбы не менее трех выстрелов в минуту на орудие. Сфера действия снаряда — 20–25 квадратных шагов. Стрельбу нельзя вести при частом дожде и в случае, если до противника не более 300–400 шагов и ветер в нашу сторону».

Ну вот, а теперь немножко повычисляем. Если посчитать один шаг за один метр, то выделенные одному боеучастку 200 снарядов накроют около 5000 кв. метров. Стало быть, для эффективных боевых действий надо найти густой лес размерами примерно 70 на 70 метров, в котором засела банда, и тогда его, если повезет с погодой, можно успешно очистить с помощью газового оружия. Да и тон приказа какой-то... невоенный, да... Впрочем, пометка под документом: «Прочитано на сельских сходах» все превосходнейшим образом объясняет.

Обсуждая эти великие боевые действия, участники форума «На берегах Шантары» сочинили следующую сценку, которая, на мой взгляд, чрезвычайно правдоподобна если не в мелочах, то по сути.

¹ Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг.
<http://www.tstu.ru/win/kultur/other/antonov/razl99.htm>

«Сидит Тухачевский со своим штабом, думает, как банды из лесов выкурить. И тут ему приходит в голову МЫСЛЬ:

— А давайте пугнем население газами! Напишем приказ, зачитаем его по деревням, мужикам этот приказ их бабы перескажут, и испуганные мужики, роняя портки и обрезы по лесам, побегут прямоком нам в руки сдаваться!

— А давайте! (Взрыв хохота.)

— Как назовем приказ?

— Ну это... Как положено: «Приказ о борьбе с бандитствующим элементом посредством одномоментного тактического применения по площадям хлорпикринлюизитовых химических составов»...

— Нет, не пойдет!

— Почему не пойдет-то?

— Так не поймет никто!

— А кому понимать надо? Начарту приказать газы подвезти, артиллеристам отстреляться, доложить расход, да и делов-то?

— Так нам же надо население напугать и сагитировать! Приезжаешь ты в деревню, зачитываешь бабам деревенским приказ про бандитствующие элементы да про тактические моменты, про «хлор», «пикрин» или «лизал» чего-то... Не поймут! Да и кто из них себя бандитом считает?

— Н-н-да, в общем-то правильно... А что делать тогда? Может, назовем их „мятежники“?

— Ты еще скажи „революционеры“.

— Ну не „инсургенты“ же! Может, просто „мужики“?

— Нет, все не то, не то... Погодите, дайте подумать... О, есть! „Повстанцы“!

— Сгодится! А про химию что писать будем?

— Да просто „удушливые газы“ напишем, и все — пусть боятся. „Хлорпикрин“ или „нервно-паралитические“ тоже страшно, потому как непонятно, но „удушливые“ лучше. Сразу все поймут.

— А кому выполнять? Может, не по армии, а по 14-й дивизии¹ приказ издадим, чтобы огласки поменьше? А то вся РККА над нами смеяться будет.

¹ Номер дивизии всецело на совести авторов сценки.

— А 14-ю дивизию за что позорить? Нет, давай уж лучше по всем войскам Тамбовской губернии. И внушительно, и непонятно... И, кстати, надо и вправду снаряды выписать, заодно и учения проведем.

— Да ты что! Какие учения?! Тут же люди кругом.

— А мы какой-нибудь остров найдем и обстреляем.

Тухачевский поднимает голову. Глаза блестят.

— Васька, писаря сюда живо!... Пришел? Садись, пиши приказ, чернильная твоя душа! Значится, так, диктую: **Приказ командования войсками Тамбовской губернии о применении удушливых газов против повстанцев...**

И на этом, собственно, все...

Интермедия

ГРАЖДАНСКИЙ СИНДРОМ

— Как именно вы определяете, кто враг, а кто... хм, друг?

— Да очень просто. Кто по нам стреляет — тот уж явно не друг.

— Интересно. А как вы поступите в случае, если... стреляют не по вам?

— Ну тут немножко посложнее. Сначала разбираюсь, кто и по кому...

— И...

— И начинаю стрелять.

— Позвольте же тогда узнать, как вы, молодой человек... поступите в том случае, когда никто не стреляет?

— Вот тогда я буду долго и вдумчиво разбираться. И только потом стрелять.

— И вы абсолютно убеждены, что без стрельбы не обойтись?

— Нет, почему же. Если получится — ради бога. Только у меня — вряд ли.

Андрей Уланов. «Додж» по имени Аризона

Немецкий писатель Эрих Мария Ремарк ввел в обиход термин «потерянное поколение». Им он обозначил молодых людей, которые прямо со школьной скамьи попали на фронт и потом мучительно привыкали и не могли привыкнуть к нормальному порядку вещей. Позднее та же проблема — адаптация ветеранов войны к мирной жизни — пряталась под названием «вьетнамского», «афганского» и прочих «синдромов», которые стоили полицейским и психологам немалой головной боли, а психоаналитикам принесли отменную прибыль. При том, что

войны были некрупными, на чужой территории и против чужого народа.

В Советской России 20-х годов проблемы адаптации не стояли. Если бы там позволяли себе иметь какие бы то ни было *проблемы*, страны бы уже не существовало. Там были задачи, и одна из первоочередных — как отучить население убивать себе подобных? К концу войны сформировался целый пласт людей, которые в знаковой триаде «глотка — мордобой — револьвер» пропускали первые два члена. Отчасти еще и потому, что население на них уже не реагировало.

Между тем новое общество требовало гражданского мира. Еще не закончилась война, как власть начала прощать и миловать. И тут же натолкнулась на мощнейшее возмущение снизу. Как так? А революция? За что боролись — чтобы враги гуляли по нашей земле? Или так: советская власть простила, а мы не простили! От какой-нибудь сельской комячейки, утопающей в египетской тьме, даже до уездного города не докричишься, не то что до Москвы, и плевали они на все декреты, сколько бы их ни было.

Впрочем, о чем это я? Никакие декреты до них не доходили, разве что губернские инструкции, которые по причине малограмотности прочитывались по складам, а уж как именно понимались — никакой фантазии не хватит вообразить. И те, что протестовали против новой политики партии словом и делом, не партийную линию оспаривали, а собственную вольную фантазию на ее тему, да и отстаивали не революцию, а такую же фантазию, рожденную словами залетного агитатора.

Ну и что с ними прикажете делать?

То есть методы-то, конечно, были. Уголовного кодекса еще не написали, однако смертная казнь существовала, в том числе за бандитизм и некоторые преступления по должности. Она даже иногда применялась, хотя и несообразно ни мировой практике, ни букве закона. Потому что ежели применять так, как это было тогда *принято* (скажем, у тех же белых), то жертвы были бы сопоставимы с численностью населения страны, а ежели *по букве...* в общем, тоже не стоило.

Если бы власть начала в массовом порядке, как следовало по закону, расстреливать вчерашних героев Гражданской войны, ее бы не поняла собственная партия. Со всеми вытекающими в виде новой революции — московская власть со своими нэповскими фокусами и так на нее постоянно напрашивалась. Счастье еще, что Ленин умел всех уболтать...

Да, кстати, применять... а какими силами, если большинство беспредельщиков как раз и были властью? Допустим, чтобы за незаконные расстрелы перестрелять членов местной комячейки, можно использовать чекистов, для нормализации чекистов — красноармейцев, а как нормализовывать красноармейцев? Ясно, как — созвать ополчение из членов местных комячеек... позвольте, да ведь они уже расстреляны? Ну, стало быть, позвать шамана, пусть поднимает их из могил. Зомби вообще удобный контингент — и дисциплинированны, и проблем, что с ними делать потом, не возникает.

Одна беда — антирегилиозная политика и этого не позволяла. Вот ведь незадача какая...

Да и не хотела местная власть расстреливать вчерашних героев Гражданской. В волостях, уездах, губерниях в исполкомах и партийных комитетах сидели точно такие же герои, которые точно так же не понимали — а что изменилось? Врагов не стало? Так вот же они! Или искренне возмущались: нас что, начали *строить*? Это нас-то?! Красных бойцов, которые спасли Республику?! Героев?!

В 1921 году в газете «Советская Сибирь» открытым текстом говорилось: суть красного бандитизма — органическая ненависть к центральной власти и ее представителям, нежелание ей подчиняться.

Или, например, представьте себе самую простую историю. У замученной бандитами женщины из прошлой главы остались два взрослых сына, которые знают, как погибла их мать. У ребенка, которого вырезали из живота матери тюменские повстанцы, есть отец. А по деревне гуляют прощенные советской властью бандиты. Как они поступят? Ну вот вы, читатель, — как бы поступили на их месте?

И что с ними, такими, делать? Расстреливать? Чтобы взбунтовались остальные?

То-то же...

Но может статься, что парни все же сумеют сдержаться, поймут, что нельзя лить кровь до бесконечности, что надо когда-то прервать цепь кровопролития... Поймут — да, но неужели забудут? Тем более то сосед по пьяной лавочке напомним, то бывший бандит в лицо ухмыльнется. Они — молодые коммунисты, главный кадровый резерв власти, им, в общем-то, даже и везения не надо, чтобы идти верх по карьерной лестнице. И пойдут — подчиняясь декретам и постановлениям, но со своим мнением о происходящем и стиснутой у сердца

ненавистью, твердо веря, что все эти нэпы и послабления классовому врагу — лишь временное отступление, но придет желанное времечко, когда всем воздастся за все. Они — атеисты, они не верят в Божий суд, а лишь в суд человеческий. И каждый раз, когда им покажется, что время пришло, отсроченная ненависть вырывается на волю и идет крушить всех, кого считает врагами, — потом это назовут перегибами. И так будет продолжаться до тех пор, пока носители «гражданского синдрома» не сойдутся в лютой схватке тридцать седьмого года, где будут убивать, уже не разбирая правых и виноватых, а потом полягут и сами — согласно тем приговорам, которые теперь никто не будет для них смягчать.

«Как же это так, Сашка?!»

Вот говорят: «массовые расстрелы»... Однако расстрел расстрелу рознь.

История, предельно банальная и в этой банальности беспредельно жуткая, описана в биографической повести Скворцова и Крайнева «Байкальский адмирал». Речь в данном отрывке идет об отце одного из авторов, сибирском чекисте Скворцове. В 1923 году его вызвали в Иркутскую ГубЧК, к Берману¹, и отправили в Верхолениск гоняться за бандой атаманши Черепановой — была там такая «народная героиня». Банда вела себя традиционно: по ночам налетала на села, убивала коммунистов и советский актив, а днем ее члены, припрятав винтари, растворялись в гуще местного населения. Что бы оно ни думало о бандитах, но не выдавало — своя жизнь дороже.

Среди подчиненных Скворцова был командир отряда ЧОНа Черных, который в один прекрасный день отправился проверять подозрительную по бандитизму таежную деревеньку.

«Отряд Черных нагрянул в хутор рано утром. Оставили наружное оцепление вокруг него, чтобы никто в случае чего не выскочил, и во все дома ворвались одновременно. Брели всех мужиков, начиная от четырнадцатилетних пацанов, кончая девяностолетним дедом Андреем. Бабы

¹ Матвей Берман, впоследствии соратник Ежова, персона весьма загадочная, а тогда — начальник Иркутского губотдела ГПУ.

и ребяташики, чувствуя вину своих кормильцев, если и кричали и сетовали, то не в полный голос. Мужики же бодрились и успокаивали их.

— Ошибочка вышла. Разберутся в городе комиссары и отпустят.

Всю операцию испортили молоденький неопытный чоновец и пожилой бандит. Паренек ошибся и подпустил близко к себе бандита. Винтовка не помогла, а наоборот, помешала ему бороться с сильным мужиком. Он и пикнуть не успел, как корявые заскорузлые пальцы сдавили его горло. Трепыхнулся чоновец несколько раз в агонии и повалился кулем на домотканые половики.

— В подпол ползайте, — махнул убийца своим домочадцам одной рукой, а другой уже схватил оружие чоновца. В сенях гремели шаги красноармейцев, недовольных тем, что их товарищ слишком долго замешкался в избе.

Когда дверь распахнулась, бандит в упор выстрелил в первого входящего, отпихнул его в сторону и выстрелил несколько раз в темноту сеней. Кто-то из красноармейцев успел прижаться к стене, пули просвистели мимо, а когда бандит рванулся, сломя голову, к выходу, пристрелил его тремя выстрелами в упор.

Черных влетел в сени, когда бандит, корчась от боли, зажимал раны на животе, через пальцы сочилась густая кровь.

— На-аа, подлюга! — пнул он сапогом лежащего на полу мужика и как бы поставил последнюю точку его жизни. Мужик последний раз дернулся в конвульсии и затих. Черных шагнул в комнату и наткнулся у порога на убитого чоновца.

— Сашика, друг, — лицо у Черных перекосилось. — Как же это так, Сашика?! Командир отряда с трудом сдержал набежавшие слезы и попытался проглотить комок, подступивший к горлу. Пустым безжизненным взглядом окинул комнату и остановился на лице молоденького паренька, придушенного бандитом. И глухо заплакал.

— Ничего, брат, отольются им сейчас мои слезы. Умоются они у меня кровавыми слезами.

Черных, скрипнув зубами, вышел во двор.

— Выводи всех бандитов в лес, — приказал он на ходу своему помощнику

— Да не бандиты мы вовсе, — попытался возразить ему низкорослый мужичонка в разорванной рубахе и с разбитой губой.

— Ты поговори у меня, поговори, — процедил сквозь зубы конвоир. Он уже имел разговор со строптивым мужичком, а разбитая губа говорила

о его содержании. Конвоир, почувствовав злость командира, понял, что расправа с упрямым останется без наказания.

— Поговори, — повторил он и со всей силы ударил мужика прикладом.

— Пошли, кому говорят, — стали подталкивать штыками и прикладами чоновцы хуторских мужиков к опушке леса.

Потом, когда прошли жиденький подлесок по лесной дороге, все почти успокоились. Поэтому окрик: „Стой!“ был неожиданным и заставил вздрогнуть. На полянке с жухлой травой Черных выстроил пленных в одну шеренгу. Хотел отогнать в сторону худенького мальчишку, но тот вцепился отчаянной хваткой в своего отца, и командир отряда махнул на него рукой. Зато деда Андрея он подозвал к себе. Тот, ковыляя и опираясь на посох, подошел к нему.

— Ты, старый пень, и так скоро концы отдашь, постой-ка здесь. Понял?

— А? — переспросил глуховатый дед, подставив ладонь к правому уху. Черных отмахнулся от него, как от назойливой мухи, а чоновцам зло приказал:

— По бандитскому отродью, пли!

Девяностолетний дед Андрей уронил посох и, воздев руки вверх, взывая то ли к Богу, то ли к чоновцам, тоненько закричал:

— За что, люди добрые, за что!

На него не обращали внимания, деловито добивали раненых, пытавшихся отползти в лес».

Вот так оно и бывало — истощный крик: «Убили!», приказ ослепшего от ярости командира, а потом... потом уже ничего не поправишь.

«Берман встретил Скворцова сурово. Брови надвинулись на глаза, которые неподвижно буравили Скворцова.

— Только не надо говорить мне, что ты ничего не знал.

— А я ничего и не знаю, — пожал плечами Скворцов.

— Из тайги вылез девяностолетний старик и рассказал о ваших художествах. Ты давал Черных приказ о расстреле мирных жителей?

— Да вы что, товарищ Берман, каких таких мирных жителей? Я дал приказ начальнику отряда ЧОН Черных арестовать на хуторе бандитов из банды Черепановой. Арестовать, а не расстреливать.

Георгий так разволновался, что голос постоянно перехватывало. У него у самого в голове не укладывалось самоуправство командира отряда.

— Вы что, мне не верите?

— Какое это имеет значение — верю я или не верю, — Берман, заметив отчаяние на лице Скворцова, смягчился:

— Черных, он сидит сейчас под арестом, признался, что ему было приказано только арестовать бандитов. Но это не имеет никакого значения... Черных расстреляют, это точно. Тебя тоже приказано отдать под трибунал».

Под трибунал чекисты пойдут, это и к бабке не ходи. А вот будет ли приведен приговор в исполнение — вопрос. Ибо существует еще множество факторов. Но об этом — чуть позже.

Бей гадов!

Гражданскую войну развязали не большевики, и террор начали тоже не они, а вот последствия достались победителям. Выжженная земля и выжженные души. Страна была привычна к вкусу и запаху крови, жизнь человеческую в ней не ставили ни во что. Она была пронизана самоуправством, опутана многочисленными счстами всех со всеми, а власть вынуждена была действовать по принципу: «Да, это сукин сын — но это наш сукин сын», потому что иначе у нее не останется вообще никого.

Как всегда, наиболее ярко и выпукло «гражданский синдром» был выражен в Сибири. И снова не могу удержаться, чтобы не продемонстрировать очередное жульничество. Вот как начинается свою статью про «красный бандитизм» в журнале «Родина» Алексей Тепляков. *«На рубеже 1919–1920 годов колчаковское правительство сменили большевики, начавшие последовательный государственный террор против всех слоев населения»*¹. Ага! А Колчак там, надо понимать, цветочки разводил...

В Сибири и в мирное-то время «закон — тайга, прокурор — медведь». Плюс совершенно исключительное по уровню зверств воинство Колчака показало пример, рядом с которым что ни твори — все будет вегетарианством. А навстречу ему поднялись партизаны — тоже те еще миротворцы. В качестве начинки этого кровавого пирога по Сибири носились уголовные банды, от которых как белые отряды, так и красные партизаны отличались только лозунгами. Неудивительно, что именно в Сибири и расцвел так называемый «красный бандитизм».

В сентябре 1921 года Сиббюро сообщало в Центр:

¹ Тепляков А. Красный бандитизм. // Родина. 2000. № 4.

«В основной и первоначальной своей форме красный бандитизм является продолжением Гражданской войны. Посредством его одна из групп населения сводит свои старые, со времени Колчака ведущиеся счета с другой группой населения... „гадами“ на выразительном языке красных бандитов... “Бей гадов!” — основной лозунг бандитов во всей Сибири...

В красный бандитизм вовлекаются преимущественно элементы, во времена Колчака активно боровшиеся в рядах партизан. Социально это, следовательно, отчасти рабочие (не городские, а рабочие копей, рудников и прочий поселковый рабочий элемент) и в основном крестьяне из бедноты или выбитые из хозяйственной жизни колчаковским режимом и партизанищиной; иногда это элементы (большей частью партизанские вожди разного калибра), которых партизанищина пробудила и сделала политически активными, а политическое невежество мешает им проявлять эту свою активность иначе как в форме прямых действий»¹.

Проще говоря, «красный бандитизм» — это когда герой войны, вернувшись домой, обнаруживал, что существующий порядок вещей его не устраивает, и собирал из таких же бойцов банду... пардон, революционный отряд. Который начинал по собственному усмотрению вершить справедливость, иногда называя убийства и грабежи расстрелами и экспроприациями, а иногда обходясь и без политграмоты.

Осенью 1921 года Сиббюро по этому поводу отмечало: *«С отменой разверстки они (сельская беднота, до сих пор снабжаемая хлебом за счет продразверстки. — Е.П.) утратили экономический базис, почувствовали себя столь же обездоленными, как были при Колчаке, и почували, что новый курс неизбежно ведет к усилению враждебных им элементов и понижает их собственное влияние».*

Ну да, но дело не только во влиянии, но и в самом банальном голоде. Потому что власть выделяла паек лишь голодающим. С введением нэпа все эти люди почувствовали себя не только обездоленными, но и обманутыми, а ждать и терпеть они больше не соглашались. И начали реагировать — как привыкли, «в форме прямых действий».

Летом 1922 года в Алтайской и Семипалатинской губерниях появилась крупная организация. Основу ее составляли члены волостных ком-ячеек, которые, понаблюдав нэп, решили, что власть захватили буржуи,

¹ Цит. по: Штырбул А. Красный бандитизм в Сибири.// Из прошлого Сибири. Вып. 2, Ч. 2. Новосибирск, 1996.

а стало быть, пора действовать. Впрочем, многие сделали такой вывод гораздо раньше.

«В начале 1921 года Алтайский губком РКП(б) отметил, что некоторые комячейки превращаются в настоящие бандитские шайки... Чекистский циркуляр от 14 августа 1921 года отмечал, что „бедняцкая часть комячеек отбирает у крестьян хлеб... сплошь и рядом убивает зажиточных крестьян“, из-за чего селяне „боятся везти хлеб для товарообмена“. Так, в Новониколаевской губернии была арестована организация из 30 коммунистов и бедняков, образовавшая отряд, который разъезжал по деревням и „в массе расстреливал так называемых кулаков, имущество их конфисковывалось и распределялось между беднотой“¹.

Самое интересное начиналось, когда бороться с подобной бандой шел во главе отряда ЧОН точно такой же герой, тоже вооруженный лозунгом «Бей гадов!» и неумением проявлять активность иначе как в форме прямых действий. Если бандит и чоновец считали «гадами» одних и тех же людей (кулаков и чертовых бюрократов, которые мешают жить по справедливости), предугадать, чем закончится их контакт — боем или братанием, — не мог никто. Тем более что к старообрядцам они не относились, а значит, продукт процесса перегонки очень даже уважали.

Задача перед властью стояла простая, можно сказать, на три копейки: объяснить всей этой публике, что существует закон (при том, что он еще не написан), который нарушать нельзя, что арестовывать «гадов» имеют право только ЧК и милиция, а стрелять их можно лишь по приговору суда. Результаты просвещения, как нетрудно догадаться, оказывались сплошь и рядом нулевыми, а то и отрицательными — когда просвещаемые решали, что их собеседники предали революцию.

Весной 1921 года Сиббюро сообщает в ЦК: *«Из среды членов РКП(б) организуются нелегальные группы, проникнутые ненавистью к советскому бюрократизму, и начинают вести террористическую борьбу с обанкротившимися коммунистами, спецами и лицами административно-технического персонала»².* Что Сиббюро понимало под «обанкротившимися коммунистами» — великая тайна, поскольку другая тайна — как оное бюро относилось к нэпу. А вот как относились к нему герои Гражданской войны — надо ли комментировать?

¹ Тепляков А. Красный бандитизм.

² Цит. по: Штырбул А. Красный бандитизм в Сибири.

Весной 1921 года на Анжеро-Сунженских копиях чекисты раскрыли тайную организацию, которую при всем желании ни один судья не смог бы назвать контрреволюционной. Рабочие-коммунисты, несогласные с новыми порядками, создали тайный революционный суд. Они составили список ответственных работников, которых считали бюрократами и волокитчиками, а также «спецов», бывших ранее сторонниками Колчака и прощенных советской властью, приговорили их к смерти и собирались уничтожить 1 мая, в день пролетарского праздника. В организации насчитывалось 150 человек, она была по всем правилам конспиративной борьбы разбита на ячейки, во главе — старые коммунисты с дореволюционным партийным стажем.

Осенью 1921 года в Минусинске собрание красных партизан составило список «гадов», которых следовало ликвидировать. В этот список вошли многие работники едва начавшего формироваться госаппарата. Такие же конспиративные центры были раскрыты в Омской губернии, на Алтае, в Красноярске...

Иногда социальный протест бывших бойцов революции приобретал очень причудливые формы.

В ноябре 1920 года в Кузнецке¹ раскрыли заговор. Во главе его стоял начальник местного политбюро Кландер и двое чекистов — Худородзе и Пономарев. В заговоре участвовали также начальники уездного и городского отделов милиции. Рядовой состав организации насчитывал до 100 человек — чекистов, милиционеров, красноармейцев, большей частью бывших партизан. Они были недовольны все тем же: бюрократизмом советского и государственного аппарата, большим количеством «спецов» в нем и в гарнизоне.

Восстание было назначено на 23 ноября. Первым делом заговорщики предполагали убить начальника ЧК и председателя уисполкома, перебить «спецов», а остальных «гадов» предать народному суду, а также экспроприировать запасы винных складов. После всего этого предполагалось идти либо на губернский центр, либо в тайгу, судя по обстановке. Лозунг заговорщиков, многие из которых состояли в партии, был: «Да здравствует Советская власть, бей коммунистов!»²

Ну и по какому разряду прикажете *это* классифицировать?

¹ Ныне г. Новокузнецк Кемеровской области.

² Штырбул А. Красный бандитизм в Сибири

Еще об одном совершенно замечательном персонаже повествует Тепляков.

«Заместитель заведомо Ачинского уисполкома М. Х. Перевалов 29 августа 1921 года поднял мятеж, в котором участвовали „почти все сотрудники политбюро... большинство милиции и ряд работников других учреждений“. Перевалов ссылался на бессилие властей перед бандой Н. И. Соловьева, терроризировавшей окрестное население грабежами и насилием над женщинами. Призывал же он бороться „со спецами совучреждений и белогвардейцами, примазавшимися к коммунистам, и с евреями“ (а почему не с Соловьевым? — Е. П.) . О заслугах Перевалова в Гражданской войне говорили, что он „способен, не моргнув глазом, вырезать 600 контрреволюционеров“».

На самом деле между антикоммунистическими деятелями из Кузнецка и страстным защитником чистоты рядов компартии Переваловым нет абсолютно никакого противоречия. Успешная революция сыграла со своими детьми злую шутку: они вступали в радикально-оппозиционную партию, а оказались в правящей. Пока шла война, одно другому не противоречило, но когда война закончилась, антагонизм проявился в полной мере: цели и задачи партии, как их понимала верхушка и как их понимали партийные низы, были абсолютно разными. Сказать, что партия раскололась? Нет, она не раскололась, она разлетелась, как льдина, сорвавшаяся с крыши на асфальт, и каждый осколок играл на солнце своим цветом, хотя и откололся все от того же монолита.

Как показали дальнейшие события, партия все же сумела сохранить мощное ядро, соблюдающее дисциплину и проводящее в жизнь политику Центра, в чем бы та ни заключалась. Не факт, что данную политику все эти деятели понимали, но по крайней мере подчинялись. К ядру примыкала аморфная масса карьеристов, вступивших в партию из сугубо шкурных соображений. А по сторонам рассыпалась «осколочная» оппозиция — от отмороженных «р-р-революционеров», видевших свой идеал в вечной борьбе за революцию, до врагов, переметнувшихся к победителям, но не переставших их ненавидеть.

Если первые и вторые между собой еще как-то уживались, то оппозиционеры, особенно те, которые расписывались крестиками и по этой причине плохо поддавались политпросвету, считали «гадами» всех — и обуржуазившихся приспособленцев, и «предателей», устанавливавших нэп.

Кстати, о политпросвете. Политические взгляды «красных партизан» — вообще вещь крайне загадочная. Но, как справедливо заметил Анатолий Штырбул, «в Сибири в начале 20-х годов „быть членом РКП(б)“ необязательно означало „быть коммунистом“». «Красные партизаны» быстро нашли куда более близкую себе политическую силу. И как «кулацкими» восстаниями политически руководили эсеры, так «красный бандитизм» испытывал на себе мощное влияние анархистов. Например, деятели из Кузнецка были связаны с отрядами Лубкова и Новоселова. И если первый просто не хотел знать над собой никакой власти, являясь анархистом по факту, то второй был не только атаманом банды, но и лидером Федерации анархистов Алтая. Впрочем, кроме ярлыка, больше ничем они друг от друга не отличались. Равно как и от многочисленных чисто уголовных банд...

И всю эту кипящую кашу надо было *замирить*...

Что такое «условный расстрел»

«В 1921 году секретарь Сиббюро ЦК В. Н. Яковлева назвала ликвидацию „красного бандитизма“ первоочередной задачей коммунистов Сибири, — пишет Тепляков. — Циркуляр Полпредства ВЧК по Сибири от 14 августа 1921 года констатировал, что „проводниками красного террора на местах являются политбюро и милиция, которые арестованных редко (!) доводят до места, по дороге „при попытке бежать“ расстреливают“. Также отмечалось, что „арестованные, освобожденные из ЧК, на местах убиваются“. Далее следовали страшные примеры: в Минусинском уезде крестьянами было „убито 9 спецозвездомдел“, а „политбюро, милиция, секретарь укома и начальник гарнизона арестовывают зажиточных крестьян и расстреливают“; в Мариинском политбюро „все арестованные кулацкие элементы и контрреволюционеры были удушены“».

К тому времени гуманизм центральной власти по отношению к своему аппарату окончательно иссяк. Из Москвы принялись закручивать гайки, требуя над беспредельщиками беспощадного революционного суда. Местная власть оказалась между ключом и этой самой гайкой, то есть между строгими приказами остановить беспредел и риском получить у себя под боком восстание «красных партизан». Решали эту задачу по ситу-

ации, и закон здесь играл далеко не ведущую роль. Приходилось изобретать какое-то промежуточное судопроизводство, сложный гибрид закона и революционной совести. Как это было, показывает одно из дел, приведенных Тепляковым в качестве примера цинизма и беспредела властей.

«25 ноября 1920 года Канский уком РКП(б) рассмотрел вопрос о массовых „самочинных расстрелах“ в уезде. Характерны вопросы, заданные зампредом Енисейской губЧК Я. М. Банковичем, особенно насчет „технических“ аспектов убийств: „Сколько расстреляно, впечатление от расстрелов, кто расстрелянные, техника расстрела?“ Не менее характерны и ответы председателя Канского уисполкома В. Г. Яковенко: „Ингаш — 5, Нишино — 4, Тасеево, Шеломки и Рождественское — до 60 (чел.). Впечатление самое хорошее. Кто. В Тасеево — лица с уголовным прошлым и монахи, в Шеломках — б. офицеры и священник, в Рождественском — интеллигенты, часть крестьян — дружинников Колчака и бывшие офицеры и уполномоченные Губкохоза. В Рождественском за селом расстреляны и сожжены... Этим всем саботажникам показано, что с ними много считаться не будут. Эти самочинные действия сделаны комячейками, исполкомом и милицией в контакте“. Уком постановил передать дело о расстрелах на рассмотрение губкома РКП(б), отметив, что „ячейки Р.К.П. не могли поступить иначе, так как вопрос стоял в плоскости или МЫ, или ОНИ“.

Более всего жителей погибло в Рождественском — в ночь на 7 ноября там было вырезано (где же „вырезано“, в предыдущем абзаце русским языком написано: „расстреляны“¹. — Е. П.) 42 человека, в том числе учительница, священник, счетовод, заведующий внешкольным подотделом... На скамье подсудимых оказались 128 человек — практически вся местная партиячейка. Неудивительно, что власти не рискнули осудить такое количество своих сторонников и постановили всех убийц оправдать»².

Если не заниматься заламыванием рук над покоящейся на мягком диване пятой точкой, а посмотреть на ситуацию как она есть, то что мы видим? Самую простую вещь. Местные комячейки, поддержанные

¹ Казалось бы — какая разница? Тем не менее разница есть, и большая. «Вырезать» — это почерк уголовников или бандитов. Если бы резали, то суд бы их не оправдал.

² Тепляков А. Красный бандитизм.

уездным комитетом, утверждают, что вопрос стоял так: «мы или они». Судя по контингенту расстрелянных — уголовникам, колчаковцам, офицерам, сельской интеллигенции, — речь шла не о несданной продразверстке, но о вещах посерьезнее. Скорее всего, о разборке между комячейками и вот-вот готовой сформироваться бандой или же о решении общества — выступить против красной власти (что, в общем-то, тоже означало формирование банды). Дата очень характерная — осень 1920 года, время подготовки Западно-Сибирского восстания, волостной актив которого скорее всего и «зачистили» местные коммунисты. На другой чаше весов лежали кроме жертв, которые понесла бы деревня в случае присоединения к восстанию, собственные жизни коммунистов и их семей, поскольку бандиты и бабам с детишками спуску не давали, да еще как убивали-то! Что прикажете делать? Сообщить в ЧК и ждать отряд ЧОН? Как раз и поспеют, чтобы прибрать трупы.

Интересно, кто из нынешних правозащитников рискнул бы поехать туда и объяснить этим людям, что они должны позволить перерезать себя во имя буквы закона?

Естественно, комиссия такой хренюю не занималась, а выясняла то, что господин Тепляков назвал «техническими аспектами». Не было ли массовых расстрелов, убийств членов семей, казней заведомо невиновных односельчан по навету, мучительства? Ах, не было? Впечатление, говорите, хорошее? Что, даже и без грабежей? Стало быть, признать все происшедшее необходимой обороной и подсудимых оправдать. Честное слово, Сибирь 20-х годов была неподходящим местом для рассуждений о святости человеческой жизни.

Впрочем, не только 20-х... Самосуды в Сибири были *в обычае*. Сибирская деревня не любила обращаться к вышестоящей власти, справлялась своими силами — и справляется, кстати, до сих пор. И власть еще не сошла с ума, чтобы в условиях Гражданской войны начать менять нравы. Тем более что и методов не было. Как бороться — расстреливая сельский актив РКП(б)? Ну да, тот еще активчик, но ведь другого-то и вовсе нет! Начнешь их стрелять, они рванут в тайгу и будет одной бандой больше. Да и у местной власти стояли в основном точно такие же деятели...

Жестокостью с этими людьми ничего нельзя было поделать — да и не способны красные на тот уровень зверства, который произвел бы впечатление на сибирских партизан. А вот к позору они были очень чувствительны. И большая часть наказаний являлась не столько реаль-

ными, сколько позорящими. Из реальных-то был применен один лишь расстрел, поскольку потребным количеством тюрем и лагерей власть и близко не располагала...

Возьмем того же командира отряда ЧОН Черных. Если по его поведению будет видно, что *осознал* — а осознать, остыв, мог весьма чувствительно и просить у судей расстрела как милости... И нечего ерничать, это для нынешнего воспитанника правозащитных организаций собственный живот превыше всего, а тогда люди еще совесть на колбасу не меняли! Так вот, если осознал — то ведь и не расстреляют, пожалуй, а снова кинут на руководящую работу, чтоб не искал простых путей. Умереть хотел, легко отделаться? Э нет! Сдохнуть просто, а ты *искупи*...

Именно тогда появилась в арсенале советского судопроизводства совершенно фантастическая мера — условный расстрел.

Вот еще один случай, приведенный Тепляковым.

«Летом 1920 года Павлодарский ревком во главе с Т. Д. Дерибасом под угрозой наступления на город так называемых „черных банд“ в панике арестовал несколько десятков жителей и без суда постановил расстрелять 24 человека (в основном казаков и интеллигенцию). В августе Дерибаса за это осудили к расстрелу, но постановили, „учтя чистосердечное сознание и 17-летний партийный стаж, применить ему высшую меру наказания условно на 1 год“» и тут же отправили на работу в центральный аппарат ВЧК.

Здесь одно слово употреблено неточно. Тогдашняя власть не могла позволить себе такую роскошь, как *наказание* — это достижение более поздних времен. Тогда говорили: «мера социальной защиты», и главным принципом судопроизводства было не покарать за конкретное преступление, а сделать так, чтобы этот человек никогда более ничего подобного не творил. Иначе и вправду пришлось бы полстраны перестрелять.

Судя по тому, что впоследствии «условный расстрел» применялся широко, — это была мера, хорошо прочищающая мозги. В частности, на дальнейшей судьбе Дерибаса приговор вообще не отразился. Он сделал в ОГПУ — НКВД отменную карьеру, дослужившись до начальника УНКВД Дальневосточного края. Кончил, правда, плохо, как и многие чекисты того времени, но превышение власти тут совершенно ни при чем...

Многие приговоры были мягкими еще и по причине крайней молодости преступников. Того же Гайдара, расстрелявшего без суда пять человек, вообще не стали судить, тихонько убрав с глаз долой, — и не

потому, что советская власть нуждалась в убийцах, а потому, что было командиру «Аркашке» в ту пору 18 лет, из которых три он провоевал, вина же его заключалась в том, что он делал то, что делают все. Впоследствии он писал в дневнике: «Снились убитые мною в детстве люди». А если вспомнить, при каких обстоятельствах он убил своего первого человека и чего навиделся, будучи еще неполных шестнадцати лет...¹

Примерно в том же самом обвинялись и еще несколько сибирских чекистов.

«В ноябре 1922 года Алтайским губревтрибуналом были осуждены бывшие оперработники Бийского политбюро Я. А. Пасынков, И. Т. Саблин, В. П. Морозов, П. К. Якименко, а также политрук раймилиции М. О. Шестаков, примерно годом ранее застрелившие нескольких арестованных лиц, заподозренных в бандитизме (Якименко же, „заподозрив гражданку Основскую в контрреволюции, ее убил, не допросив“), и присвоившие их имущество. Наказание молодым убийцам было символическим: Шестакова и Морозова амнистировали сразу, а остальным сроки в 2 и 3 года заключения немедленно сократили наполовину. Кстати, несколько месяцев спустя Яков Пасынков был возвращен в ГПУ... дослужился до полковника МГБ и спокойно умер в Новосибирске осенью 1986 года».

То, что наказание мягкое, — неудивительно: чекисты были очень молоды (не до ста же лет дожил Пасынков, в самом деле), преступление примерно то же самое, что и у Гайдара, с тех пор прошел уже год. Что с ними было делать? Расстреливать изломанных войной мальчишек — до такого может додуматься только жаждущий правового государства интеллигент, у нормального человека рука не поднимется. Сажать на долго — а смысл?

Это как раз те люди, тот низовой аппарат, которому предстояло послужить опорой власти при «замирении» страны. Другого не было. В конечном итоге, худо-бедно, в нулевом приближении, во властных структурах остались те, кто мог смирить свои инстинкты. Если человек после смертного приговора не поднимал оружие против советской власти, он обычно становился относительно вменяемым... а кто поднимал или же не становился вменяемым, рано или поздно убеждался, что не каждый расстрел — условный.

Такие дела.

¹ Описано в повести Аркадия Гайдара «Школа».

Соцреализм в натуре

Гражданская война не способствовала смягчению нравов, и без того диких. Во время войны политическая борьба накрепко переплелась с уголовщиной, а после ее окончания и не думала разделяться. К какой категории отнести, например, следующую историю?

В 200 верстах от Каргата, который, в свою очередь, находится на таком же расстоянии от Новосибирска, стоял поселок Липовский. В ноябре 1922 года, при довольно туманных обстоятельствах в доме местного кузнеца Чуева был убит односельчанами председатель сельсовета, коммунист Федор Остапов, а его отца избили до такой степени, что тот вскоре умер от побоев. Председатель был «с душком», брал взятки за освобождение от налогов, и что там на самом деле произошло, а также сколько было выпито — Бог весть.

У Федора имелось трое братьев — коммунары Тихон, Иван и Василий. Почему-то не милиция, а именно они взялись за расследование. Для начала собрали комячейку и арестовали два десятка крестьян. Казнить арестованных, впрочем, не стали, а «всего лишь» избили молотками и ограбили. Странное правосудие... ну да ладно, мы же не знаем, сколько было выпито сельскими коммунистами.

Все бы на том и окончилось, но ведь существовал еще и закон, хотя бы в виде инструкций из уездного исполкома! Узнав о произволе, председатель волисполкома Красников решил провести свое расследование этой истории, поручив следствие собственному брату Демьяну. Тот собрал липовских коммунистов, числом семь человек, и честно сказал, что придется-таки ответить. Судя по дальнейшим событиям, во время партсобраний выпито было очень много, потому что есть идеи, которые в трезвую голову не приходят. Но факт, что именно Демьяну пришла «гениальная» мысль: совершить новое преступление, желательно политическое, и тем самым отвлечь внимание от старого.

В качестве жертвы они выбрали коммунара Лукьяненко, кандидата в члены РКП(б) и свидетеля убийства председателя, смерть которого удобно было свалить на происки врагов. Исполнителем стал местный хулиган и дезертир, взявший в напарники такого же, как сам, приятеля. Идею согласовали с новым председателем сельсовета, в курсе был и Красников-председатель. В ночь на 9 января 1923 года киллеры зарубили Лукьяненко вместе с женой и тремя детьми и тут же уехали в со-

седнюю деревню в гости — строить себе алиби. А коммунары начали искать террористов.

Из соседних волостей в Липовский съехались три десятка коммунистов, которыми командовал секретарь волостного комитета. Был организован и штаб по расследованию, во главе поставили представителя губкома Лукина, двадцати лет от роду, который как раз в это время проводил в волости кампанию политвоспитания. Началось «следствие», вскоре к нему подключился начальник раймилиции, не добавивший законных методов, однако давший делу некий формальный статус. Было арестовано около 50 человек, из которых с помощью пыток за несколько дней сколотили «антисоветскую организацию».

Однако чего убийцы не учли — так это того, что политические дела подлежали ведению не раймилиции, а ГПУ. Местные чекисты узнали о преступлении 15 января (пока еще доберешься до Каргата!) и достаточно быстро разобрались в происходящем, отпустили «террористов» и арестовали настоящих убийц. Надо полагать, те свое получили. Чекисты хотели развернуть еще и громкое дело о самосуде, однако этого им сделать не дали — партия уже тогда предпочитала заматывать мусор под ковер... хотя есть в этом своя грубая правда. Авторитет власти был и так невелик, чтобы добивать его подобными судебными процессами. Тем не менее волостную комячейку губком распустил. Любопытно, что по результатам этого дела на работу в ГПУ взяли того самого Лукина, который возглавлял штаб по расследованию. Он прослужил в органах до 1937 года, когда разделил судьбу других носителей «гражданского синдрома».

Ну и как прикажете отделить в этом деле политику от тупой пьяной бытовухи?

Еще одна история — в отличие от предыдущей, ясной, как стакан с самогоном, это дело весьма смутное и производит впечатление некоей наложившейся на реальные события склоки.

В декабре 1921 года Ленин заинтересовался происходящим в Якутии, где, как пишет Тепляков, *«бывший партизан А. С. Синеглазов сфабриковал колоссальный „Общеленский заговор“, охватывавший более 500 человек, имевших несчастье жить по Ленскому тракту. Видный сибирский большевик Б. З. Шумяцкий тогда через главу НКВД Г. В. Чичерина передал Ленину послание с подробностями „уголовно-бандитской политики тамошних работников“ и „вопиющих безобразиях уполно-*

моченного Якутской Чека Синеглазова“, практиковавшего реквизиции, аресты, расстрелы с нечеловеческой жестокостью и политической бессмысленностью».

Собственно, письмо Шумяцкого, тем более почему-то переданное не напрямую, а через главу НКВД, не означает ровным счетом ничего — оно может быть как чистой правдой, так и абсолютной клеветой. Точно так же ничего не значит употребленное по отношению к заговору слово «сфабрикованный» без указания источника. Почему «сфабрикованный»? Так сказал Шумяцкий, или ЧК пересмотрела дело, или это вообще определение яковлевской комиссии, которая способна была написать справку о реабилитации, исходя из отсутствия в деле санкции прокурора? А он был в 1921 году в Якутии, прокурор-то?

Дальше следует и вовсе нечто малопонятное.

«В ночь на 9 марта 1922 года в Якутске чекисты без ордеров арестовали девять известных якутских интеллигентов. Этот скромный эпизод переполнил чашу терпения здравомыслящих работников, натерпевшихся от диктатуры Агеева, секретаря обкома партии Г. И. Лебедева (несколько ранее писавшего в Сиббюро о том, что повстанческое „движение приняло национально-народную окраску“ и что „подавление белобандитизма возможно при почти поголовном истреблении местного населения“) и председателя ревтрибунала А. Г. Козлова.

Вечером того же дня командующий вооруженными силами Петр Савлук вызвал к себе начальника экономотделения ЯкутгубЧК Н. П. Осетрова. Беседа оказалась своеобразной: чекист не только был допрошен в связи с инцидентом, но еще и „испорот розгою, посажен в дом лишения свободы“. Сутки спустя военные власти Осетрова выпустили, одновременно арестовав Лебедева, Козлова и Агеева».

Как говорила Алиса у Льюиса Кэрролла, «все страньше и страньше». «Известные якутские интеллигенты» — словосочетание само по себе завораживающее. Кто они — «интеллигенты», к аресту которых причастно не политическое, а экономическое отделение ЧК, а командующий вооруженными силами по поводу их ареста настолько возбуждается, что устраивает чекисту допрос третьей степени? Только вот не надо говорить, мол, товарищ Савлук был настолько чист душой, что не мог стерпеть беспредела — до сих пор он его прекраснейшим образом терпел. Скорее уж «интеллигенты» были не учителями и литераторами, а коммерсантами или носили в кармане магические по тем временам

мандаты снабженцев. Почему командующий за них вступился, предоставим домыслить читателю.

Впрочем, дальше тоже интересно.

«Виновные в терроре и здесь избежали наказания: первого председателя Якутской губЧК И. Б. Альперовича оправдали в связи с крайней молодостью, Синеглазова, Бутенева и других чекистов в апреле 1922 года Сиббюро ЦК постановило расстрелять, но через год сибирские руководители, изучив 108 томов уголовного дела, сочли возможным освободить палачей, вернув Синеглазова в распоряжение ОГПУ».

И ни фига себе пируэты! Сиббюро приняло решение о расстреле — дело обыкновенное. Приговор в исполнение не приводится, а спустя год приговоренных вообще освобождают, решив, что год в ожидании казни послужит достаточной гарантией от будущих злоупотреблений — тоже не эксклюзив. Но ведь их освобождают после того, как Сиббюро соизволило ознакомиться с их делом! Для прочтения 108 томов нужен мощный мотив.

По-видимому, первоначальное решение принималось с чьей-то подачи, а потом произошло нечто такое, что заставило высокопоставленных сибирских коммунистов решиться на подвиг чтения дела. С чьей подачи? Военных властей? Или, может быть, коллег арестованных «интеллигентов», у которых такие связи, что могут передать письмо Ленину по линии Наркоминдела? По какой причине Сиббюро занялось чтением дела? Потому что арестованные очень уж громко кричали о своей невиновности? Или потому, что «якутские интеллигенты» наконец окончательно заигрались, потянув за собой своих заступников?

Как хотите, но от этой истории за версту несет какой-то малопонятной сейчас склокой между партийными, чекистскими и военными властями вокруг неких смутных «экономических», сиречь коммерческих дел, Ибо в то, что чекисты были кровавые звери, а военные — белые и пушистые защитники обездоленных, верится слабо. Не было там белых и пушистых, не выживали они в сибирских снегах. Нет, смутная, очень смутная история...

О следующей можно бы и не рассказывать — сколько же ее мусолить! — однако она хорошо показывает взаимоотношения между центральной и местной властью. Когда из Центра слали грозные циркуляры, а сибиряки, процедив сквозь зубы многостажный комментарий — мол,

легко вам там, в Кремле, бумажки писать, — все равно делали по-своему. Это так называемое «шарыповское дело».

Помните заведомо Ачинского уисполкома Перевалова, который в августе 1921 года собрался бороться с бандитом Соловьевым, побивая «спецов» и евреев? Этот самый кадр совместно с начальником Ачинского политбюро и милиции Пруцким за полгода до того, в ночь на 15 февраля 1921 года арестовал в селе Шарыпово и шести других деревнях 60 человек и устроил зачистку методами, которые даже по тем временам вызывают содрогание. Арестованных поодиночке приводили в помещение волостного исполкома, допрашивали, а тех, кого считали опасными, выводили за дверь и там душили. Кого задушить не смогли, добивали деревянной колотушкой. Затем, слегка протрезвев, для прикрытия инсценировали нападение банды на Шарыпово, и Пруцкий даже прострелил себе рукав.

Февраль 1921 года — самый разгар восстания, инсценировка, по видимому, не вызвала сомнений, так что расправа не привлекла особого внимания. Лишь после пресловутого августовского мятежа Перевалова до партийного начальства дошли и «шарыповские события». Давно одуревший от крови Енисейский губком рассмотрел дело и тихо его замял. Перевалова прикомандировали к милиции — хочет ловить Соловьева, так пусть ловит! — остальных тоже не тронули. Тем бы все и кончилось, но история дошла до Ленина, заставив вождя в очередной раз рассвирепеть и потребовать суда над убийцами, каковой и прошел в Красноярске в декабре.

Процесс был грандиозным, на скамье подсудимых оказались 53 человека, среди которых были два начальника райотделов милиции и три их помощника, 14 милиционеров, три командира коммунистических отрядов. Из 45 убийств обвинение доказало 34, за что 15 человек были приговорены к «высшей мере социальной защиты». Большинство подсудимых не проявили никакого раскаяния, громко заявляя, что в той обстановке иначе было нельзя.

Енисейские власти явно с ними соглашались, потому что, торжественно отпартовав в Москву о суровом приговоре, тут же помиловали всех осужденных, а вскоре и освободили. Оба лидера, Пруцкий и Перевалов, вышли из тюрьмы через год.

А вы говорите — «государственный террор против всех слоев населения». Власть с самым большим удовольствием провела бы террор против собственного аппарата. И даже пыталась это сделать — а толку?

Кто-то из этих милых деятелей после войны и в самом деле опомнится, другие только сделают вид, вспоминая старые методы при любом обострении ситуации. Они будут снова и снова срываться, идти в тюрьму за перегибы, каяться, получать новые назначения и снова срываться, и опять каяться — и копить, копить в себе недовольство и напряжение, пока не швырнут страну в катастрофу тридцать седьмого года. И лишь после этого вконец озверевшая власть решит задачу искоренения «гражданского синдрома» самым простым способом — пулей, и жизнь в СССР хотя бы относительно придет в норму.

Часть 2

РЫВОК ЗА ФЛАЖКИ

Куда страшнее отступить, избегая большой крови и не видя иного способа ее избежать. И узнать, что ты ошибся, что случившееся многократно страшнее твоих опасений, а ты опоздал и вернулся к руинам.

Вера Камша. Шар судеб

Итак, революционная партия стала правящей в стране, с которой и до войны непонятно было, что делать, — а уж теперь-то, после войн и революций...

История правящей большевистской партии началась с *отступничества* — когда внезапно ее вожди, поперек всех своих принципов и теорий, принялись отстаивать и собирать рассыпавшуюся державу. Вольно было смеяться над «царизмом» снаружи, из Швейцарии или Сибири — а стоило оказаться у руля, и тут же выяснилось, что родившиеся в империи правители носят империю в себе и действовать иначе просто не способны. Дальше вступили уже какие-то нечеловеческие силы, которые сбили вместе команду государственников, прочих же снесло с корабля, а кто очень уж цеплялся за обшивку — попал под винт.

В чем главное отличие большевиков от «временных»? О, чисто терминологическое! Первые *взяли власть*, забыв или не придав значения тому, что постоянно повторяли русские цари и над чем русская демократическая общественность так весело смеялась. Слышали мы уже это: «Государь, дай порулить!» Однако все оказалось совсем не смешно, когда штурвал вырвался и пошел вертеться сам по себе, ломая пытавшиеся его поймать конечности, и корабль начало валять по волнам.

Большевиков же власть как таковая интересовала мало, они были настолько легкомысленны, чтобы азартно и весело крикнуть: «Делаем и

отвечаем за все!» Ну не дословно... но всеми действиями своими они показали, что с этой минуты *приняли ответственность* за страну на себя. Одиннадцать лет спустя это отрытым текстом сказал Сталин: «Глупо было бы утешать себя тем, что так как *отсталость нашей страны* не нами придумана, а передана нам в наследство всей историей нашей страны, то мы не можем и не должны отвечать за нее. Это неверно, товарищи. Раз мы пришли к власти и взяли на себя задачу преобразования страны... мы отвечаем и должны отвечать за все, и за плохое, и за хорошее»¹.

Тогда они не говорили столь громких речей, однако ключ-слово было если не произнесено, то подумано — и штурвал остановился, приняв протянутую к нему руку. Вот только оказалось, что, раз коснувшись, оторвать ладони от рулевого колеса уже невозможно: сей механизм шуток не понимал. Дальше они могли действовать только одним определенным образом — именно так они и действовали.

Русские цари повторяли, что отвечают за страну перед Богом. Перед кем отвечали эти, безбожники? Они говорили о «пролетариате» и о «народе», самые умные придумали исторический материализм. Ну хорошо, пусть Бог в их глазах именуется народом или историческими законами. Бывает... Хуже, когда из-за золотых куполов скалится совсем другой персонаж — случается ведь и такое. Христа казнили отнюдь не огнепоклонники...

Чем, кроме Божьей воли, можно объяснить то, что большевики победили? Да и то, что они вообще появились в России, — чем иным можно объяснить? Какая-то гоп-команда, труппа бродячих комедиантов... Среди их противников было много искренних людей, действительно спасавших свою страну от засевшего на троне сброда и от окончательной гибели, которую тот несет России. Так ведь и казалось поначалу — эти развалят все, что еще осталось. Но прошло время — не так уж много времени, — и оказалось вдруг, что штурвал уже не крутится взбесившимся вихрем, а рука, лежащая на нем, управляет вполне по-хозяйски. Да и судно слушается руля. Глаза бы не видели, как оно шкандыбает, — но ведь слушается!

И вот неведомо откуда взявшиеся авантюристы, заброшенные на капитанский мостик гибнущей державы, выдерживают немыслимой

¹ Сталин. Речь на пленуме ЦК ВПК(б). 19 ноября 1928 г.

тяжести войну против десяти государств и их русских наемников, еще одну против собственного крестьянства и третью — за выживание народа в условиях войны, разрухи, голода и террора.

Во сколько жизней обошлась победа — спорят до сих пор. По разным оценкам, число погибших колеблется от 7 до 12 миллионов человек (правда, называть их погибшими не совсем верно — большинство умерли от голода и болезней). Официальная советская история традиционно занижает цифры, современная — традиционно завышает. Почему так хочется, чтобы погибших было как можно больше, — непонятно. Наверное, такой вот комплекс национального мазохизма. Хотя неплохо бы подсчитать еще и выживших, поставив в плюс, потому что шансов у большинства из них было немного. Если б не подразверстка — и во все никаких...

Но ясно, что по любым нормальным расчетам такую победу называли бы пирровой, — слишком обескровлен победитель и слишком высока цена. Да и противники не факт, что отступились, — просто отошли в сторону и выжидают, когда израненный медведь окончательно ослабеет от потери крови, чтобы потом вцепиться и порвать наконец на куски, добраться до горячего вкусного мяса. Волки умеют ждать. Медведи, впрочем, тоже.

И вот вопрос: ради чего все?

...Победу в Великой Отечественной войне пирровой никто не называет, хотя цена была еще выше. Наоборот, ею гордятся, считают одним из величайших деяний за всю русскую историю. Почему так? Ну ясно почему — это ведь была война на уничтожение, которую мы выиграли, не позволив стереть свою страну и свой народ с лица земли, и тут сколько ни заплати, все равно будет меньшее зло.

И вот еще вопрос: а зачем кому-то понадобилось вести против нашей страны войну на уничтожение? Точнее, не кому-то, а ясно кому: о том говорят и оккультизм, и расовая теория, и расовая практика, и поистине нечеловеческая гордыня. Они писали на пряжках: «С нами бог», и рога этого «бога» выметнулись до самых облаков. Против кого? Ведь сказано: «Всяко царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город, разделившийся сам в себе, не устоит. И если сатана сатану изгоняет, то он разделится сам с собой: как же устоит царство его?» (Мф. 12:25–26). А точно ли, что это сатана шел в бой под красными звездами?

Между Гражданской и Великой Отечественной не произошло ничего такого, что в корне изменило бы новую Россию. Так чем была Гражданская война? За что заплачена такая цена, и стоило ли *это* миллионов жизней?

Как-то так повелось считать, что война шла за торжество идей коммунизма, за построение нового общества. Ну да, и за это тоже, кто же спорит... Стоил ли того данный эксперимент? Мы пока этого не знаем, история социализма еще только начата. Все зависит от силы и глубины надвигающегося на нас общего кризиса капитализма. С учетом того, как мала наша планета, экономика, цель и смысл которой — беспредельное делание денег, должна умереть — либо сама, либо вместе с человечеством. Как это произойдет, какими ужасами будет сопровождаться ее агония и сколько миллионов (или миллиардов?) людей она потянет за собой на дно, мы пока не знаем. Но в том мучительном выживании, которое предстоит человеческой цивилизации на останках капиталистического мира, каждая кроха социалистического опыта организации производства и жизни будет кстати. Не зря всю дорогу капиталистический мир (это экономический термин, а не политическая категория: мир с экономикой, основной целью которой является делание денег) с таким остервенением старался истребить в головах своих подданных (а теперь и в наших головах) самую мысль о том, что советский опыт может быть хоть в чем-то положительным, — он уничтожал не только конкурента, но и *альтернативу* себе, любимому.

...С какого-то момента, а точнее, уже с весны 1918 года, когда в игру вмешалось мировое сообщество, война шла и за Россию, за ее целостность, суверенитет, и, как показали дальнейшие события, за ее развитие и будущую роль в мире. Тоже, в общем-то, немало. А на стороне России были только большевики: белые ею торговали, зеленые растаскивали по кусочкам, а собирали лишь красные. При том, что первые кричали о «России-матушке», вторые — о народе, а третьи — о вязанке хвороста для костра мировой революции. Такой вот парадокс.

Но ведь и это не все. Потому что кроме экономики и политики существует еще и метафизика, а Россия, кто бы что ни говорил, гоняет вокруг себя такие метафизические вихри, которые крушат державы, как соломенные шалаши. И уж Великая Отечественная война, как никакая другая, была схваткой Добра и Зла именно с большой буквы.

В последнее время я стала серьезно относиться к концепции Хартланда — после того, как взглянула на нее с исторической точки зрения.

Это умозрительная теория, придуманная больше ста лет назад шотландским геополитиком Маккиндером. Смысл ее в следующем. Хартланд по-английски означает «Земля-сердце». Так Маккиндер назвал территорию примерно от реки Печоры до середины Восточной Сибири. Как любой добропорядочный британец, мыслящий категориями завоевания и господства, он определил ее значение так: кто владеет Хартландом, тот владеет Мировым Островом, т. е. Евразией, кто владеет Мировым Островом, владеет миром.

Впрочем, можно легко переиначить концепцию на русский манер. Хартланд — ключ к мировому господству, и задача того, кто им владеет, — стоять на пути у любого, кто захочет стать властелином мира. Почему так? Да потому, что все мы знаем, кто станет этим властелином. А почему мы? Да потому, что нам это мировое господство на фиг не нужно. Именно поэтому мы здесь и сидим. И один Бог знает, какое гнездо ураганов затыкаем своим обширным сидалищем...

Все это, повторяю, чисто умозрительная концепция, одна из многих. Но вот что получается, если взглянуть на нее в контексте исторических событий...

XX век знает три великие войны против России. Их вели разные государства, с разными целями, однако у всех трех войн был один неизменный вектор: расчленение Хартланда. И ни одно из этих государств не выглядело образцом христианской добродетели.

Первая — это так называемая Гражданская война, когда десять стран вторглись на территорию России с целью поделить ее и колонизировать. Инициатором похода была Британская империя: бесчеловечный капитализм, расизм, протестантская этика, приоритет собственности над жизнью. И смотрите — не прошло и двадцати лет, как великая империя зашаталась, а потом и рухнула. Осталась Англия, сидящая на своем островке.

Вторым покушением стала Великая Отечественная. Расовая теория, геноцид, оккультизм — ясно, что за сила. Гитлер всего и хотел-то Украину, Баку ну и еще там по мелочи — но ради этого он собирался уничтожить все славянское население, до которого сможет дотянуться, и поделить страну на несколько кусков. Результат? Через четыре года Третий Рейх развалился, а еще через четыре распалась и сама Германия.

Свидетелями третьего покушения стали большинство из нас, кроме самых молодых. Это — так называемая «перестройка», одной из основ-

ных целей которой явно было расчленение России. И что весьма любопытно — так это то, что через несколько лет после нашей «перестройки» в США начались о-оч-чень интересные процессы. Тут и сорвавшаяся с цепи политкорректность, старательно разжигающая все виды ненависти — расовую, национальную, семейную, религиозную, — к любого рода меньшинствам, и культурный штопор (наш глубже, но у нас есть причина — а у них?), и трещины, намечающиеся по национальным границам, и странные бессмысленные войны, и многое другое... Ну что ж, посмотрим, подождем. Медведи умеют ждать...

Но если так, тогда понятны многие странные выражи русской истории. Если бы я не верила в Бога, то один лишь семнадцатый год заставил бы поверить. Ведь это была абсолютно обреченная страна, не имеющая никакого будущего, кроме колониального. И вдруг, словно чертик из табакерки, выскакивает откуда-то кучка авантюристов, без сил, без денег, без опыта — и делает невозможное! То же самое и в 1941 году — в хаосе отступления, во время абсолютно проигрышной войны, главная ее операция проходит как по часам — и тут же снова все, в том числе и железные дороги, сваливается в обычный русский «порядок». Нет, это не Божья десница, это делал человек, и я даже знаю, кто именно, — но ведь он для этого как минимум должен был появиться на свет в нужном месте и в нужное время, пройти строго определенный путь. А такие люди и такие биографии серийно не производятся.

Да и «перестройка» тоже... Процесс развала был запущен умело и старательно, но почему-то все ограничилось отпавшими окраинами, а затем вдруг прекратилось. Словно бы исполинские кроты, подтачивавшие страну, вдруг, дойдя до определенной глубины, вместо рыхлой землицы уперлись в каменную плиту — и ни с места. Не удивлюсь, если на той плите было выбито: «кесарю — кесарево».

Такая вот махровая метафизика...

Но если она верна, то ничего удивительного, что история России являлась кроме прочего еще и *промыслительной*. А когда речь идет о Промысле, разговоры о цене неуместны — на небесах свой счет приобретениям и потерям. И силы тоже берутся не от земли — ровно столько сил и умения, чтобы сделать дело, однако не больше — чтобы не было соблазна от хранения перейти к завоеванию. Именно в этих рамках властям новой России и удавались их безумные начинания. Но в этих рамках им удавалось сделать невозможное.

Говорят, они хотели построить рай на земле... Как-то очень уж это философски, чтобы быть правдой. И не факт, что они вообще представляли себе коммунизм иначе, чем в простых лозунгах. Не до того было. Все тридцать пять лет того, первого, настоящего социализма (потом пошли уже совсем другие дела) задача была куда проще: отбиться от врагов и построить общество, в котором никто не голодает...

А если в представлении огромной части населения России это и есть рай — то ее новое правительство в том никоим образом не виновато.

Глава 7

ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БИТВЫ

Не выведя из бедности земледельца, будет неминуемо беден городской житель, и сия бедность распространяется на все сословия народа.

Н. С. Мордвинов. Письмо Николаю I

...Большевики потом и сами признавались, что слишком поздно отменили продразверстку. Троцкий, например, предлагал ликвидировать ее еще в феврале 1920 года — так он говорил впоследствии, называя эти свои предложения «нэповскими». Но, должно быть, «демон революции» несколько запамятовал их суть. Идей на самом деле было две, на выбор.

1. Заменить разверстку натуральным налогом и снабжать крестьян промтоварами не по классовому принципу, а пропорционально сданному зерну.

2. Дополнить разверстку принудительными мерами по обработке земли и широко развивать коллективизацию.

Если первая из этих мер и «нэповская», то вторая — совсем наоборот, от нее за версту несет грядущей милитаризацией труда (а первая, кстати, дает в руки кулаку такой роскошный дополнительный заработок, как спекуляция промышленными товарами). И это еще вопрос, к какому варианту склонялся сам Троцкий, мало ли что он впоследствии говорил...

Ближе к нэпу был член Президиума ВСНХ Юрий Ларин, в январе 1920 года предложивший отменить продразверстку, установить натуральный налог в два раза ниже разверстки, а остальное получать путем свободного обмена. Это предложение, широко озвученное, стоило ему места члена Президиума. Ленин по этому поводу велел Рыкову «запретить Ларину прожектерствовать».

Однако впоследствии и Ленин признавал ошибку в сроках, правда, в довольно странных терминах, что заставляет усомниться в его искренности.

«На экономическом фронте попыткой перехода к коммунизму мы к весне 1921 г. потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским... Разверстка в деревне, этот непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе, мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы наткнулись весной 1921 года».

Ленин, как с ним часто бывало, говоря правду, одновременно лукавил. Пресловутый «переход к коммунизму» не содержит ничего такого, что не было бы известно еще с глубокой древности. Более того, ни одну из «коммунистических мер» не придумали большевики, они все были введены еще царским или Временным правительством. Но не признаваться же в таких неприличностях! Более того, если бы понадобилось, Ильич прекрасно сумел бы объяснить, чем разверстка 1917 года отличалась от разверстки 1919-го. Ну а что война сама по себе может служить причиной экономического и политического кризиса — это явно не большевистский подход.

Зачем же ему понадобилось признаваться в столь тяжелом «поражении»? Не иначе, как ради следующей фразы: *«Вот почему потребовалось то, что, с точки зрения нашей линии, нашей политики нельзя назвать ничем иным, как сильнейшим поражением и отступлением»*, которая в очередной раз обосновывала для товарищей по партии необходимость нэпа.

Нет, конечно, большевики могли бы отменить продразверстку и весной 1920 года. При одном условии: если бы у них имелся надежный оракул, который точно бы предсказал два момента:

а) что начавшаяся советско-польская война так и останется локальным конфликтом, а не приведет к новому наступлению на Россию всего мирового сообщества;

б) что осенью–зимой 1920–1921 гг. вспыхнут мощнейшие крестьянские восстания, окончательно разорившие село. Их ведь могло и не быть — даже в Тамбовской губернии далеко не все деревни поддерживали повстанцев, не говоря уже о прочих краях.

Более того, далеко не факт, что отмена продразверстки принесла бы ощутимые результаты. В 1920 году уровень промышленного производства составил около 14% от уровня 1913 года, причем это была в основном военная промышленность. Ну и зачем крестьянину везти зерно на рынок, если он ничего не сможет там купить? В 1915 году он в такой ситуации складывал хлеб в амбары, а теперь сложит в ямы, так что и с помощью комбеда не отыщешь. Впрочем, раз отменив продразверстку, обратно ее уже не введешь, потому что вот тогда — грохнет!

А по уму, продразверстку надо было бы продержат еще хотя бы год после окончания войны и демобилизации армии, чтобы накопить хоть какие-то резервы. Подсчитать, сколько чего собирали в России того времени, — задача, непосильная даже для ГПУ, не говоря уже об аппарате наркомпрода. Тем не менее, по разным оценкам, валовая продукция сельского хозяйства к 1920 году составляла от 33 до 50% по отношению к 1913 году. Производство зерна уменьшилось на 40%, посевная площадь сократилась с 70 до 44 млн десятин, урожайность упала с 60 до 35 пудов (хотя последние цифры сомнительны — урожайность в России от года к году скакала с проворством блохи, так что усреднять ее — дело крайне неблагодарное)¹. Даже на полуголодном пайке страна с трудом ухитрялась продержаться до нового хлеба. Не дай Бог, неурожай — ведь половина населения перемерет с голоду.

Но держать продразверстку можно только в том случае, когда население готово отдавать «все для фронта, все для победы». Российский же крестьянин избытком патриотизма не страдал, так что к 1921 году разверстка окончательно утратила смысл. И не из-за восстаний, а совсем по другой причине.

Из доклада уполномоченного Тамбовского уездного исполкома Т. И. Якушина. 9 сентября 1920 г.

«Середняк... вернувшийся вовремя в деревню, которому дали лошадей, коров и овец, лошадей продал во избежание гужевой повинности и чтобы не обрабатывать самим землю. Скотину не разводят лишнюю ввиду того, что ее реквизируют, а имеют только для себя. Обработанную землю середняк не считает нужным возделывать и выполнять

¹ Климкин И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики. (1921–1927). СПб, 2007. С. 6.

остальную работу, как то: прополоть, выполоть траву, чтобы урожая было больше; они говорят: „Лишнее зерно отберут, а трава годится на корм“».

К 1920 году крестьянин смекнул, что норму ему все равно оставят, а излишки реквизируют, и стал засеивать поле с таким расчетом, чтобы собрать только норму.

Расчет его оправдался, причем более чем! Колоссальная засуха, охватившая в 1921 году хлебобородные губернии России, все перевернула с ног на голову. Деревня, отказывавшая во время войны в помощи правительству и голодающей стране, могла выжить только в том случае, если правительство и страна ей помогут.

А резервов — не было...

Царь-голод

С весны все лето, ежедневно
По знойным небесам он плыл, сверкая гневно, —
Злой, огнедышащий дракон...
...Ожесточилась земля без доброй влаги,
Перекаленные пески сползли в овраги,
Поросшие сухой, колючею травой,
И нивы, вспаханные дважды,
Погибли жертвою неутолсненной жажды.
Пришла великая народная беда.

Демьян Бедный.

Засуха 1921 года покрыла около 40% территории, где сеяли хлеб, и, что еще хуже, прилась как раз на хлебопроизводящие губернии. Где-то собирали 15–17, а где-то и 2–3 пуда с десятины. Люди распродавали имущество и снимались с места в поисках более хлебных мест. Бегущих останавливали и водворяли обратно: крестьяне еще не знали, что в этом году в стране не будет хлебных районов, а власть уже знала. Дома у людей был шанс продержаться, получить хоть какую-то помощь, в чужих местах они были обречены.

Во что обошелся РСФСР голод 1921–1922 годов, не будет подсчитано, наверно, никогда — учета людей во взбаламученной стране, почитай,

не было никакого. Умерших кое-как учитывали в деревнях, пока были живы священники и деятели Советов, а потом трупы просто лежали во дворах и на улицах, их зарывали без всякого счета, а то и воровали для еды. А кто считал тех, что ушли из своих деревень и умерли на дорогах, станционных путях, улицах городов? Не говоря уж о том, что никто и никогда не сопоставлял эти подсчеты: еще много лет в стране будет не до мертвых — живых бы вытащить!

Известно, что зимой и весной 1922 года в республике голодали более 22 миллионов человек. 14 миллионов получали помощь, оказанную правительством и международными организациями, которая давала им возможность продержаться. Надо полагать, из оставшихся без помощи 8 миллионов умерли не все, но и из получавших помощь не все выжили — ослабевших людей косили болезни. Вроде бы в ЦСУ называли 5 миллионов человек, но неофициально, официальная цифра была один миллион.

Как собирали продналог в 1921 году, трудно даже представить — но все-таки удалось собрать 233 млн пудов хлеба да 166 млн купили за границей, расплачиваясь всем, чем было можно. Голодающие губернии получили 85 млн пудов зерна на питание и 53 млн для посева. Было организовано общественное питание на 3 250 тыс. человек.

Неожиданно большую помощь страна получила из-за границы, и, что удивительно, основная ее доля пришлась на Соединенные Штаты — при том, что США признали СССР только в 1933 году. Благотворительная организация под странным названием «Американская администрация помощи» (АРА), которой руководил тогдашний министр торговли и будущий президент Гувер, собрала 45 млн долларов, из которых 20 млн предоставило американское правительство. АРА ввезла в РСФСР почти 29 млн пудов продовольствия и сумела помочь 10,5 млн человек, в основном детям. Знаменитый исследователь Арктики Нансен организовал частный фонд, который передал РСФСР почти 5 млн пудов продовольствия.

Но продукты мало собрать — их надо еще привезти, доставить на место, распределить по уездам и волостям и снова доставить, теперь уже в деревни. Все это на колоссальной территории с еле живыми железными дорогами, на падающих от бескормицы лошадях и в постоянном ожидании сперва бурана, потом распутицы. Иногда помощь опаздывала — так, с большим опозданием поступила она в голодающие

губернии Украины и Крыма, но часто все же успешно доходила до людей. 14 миллионов, получивших ее, для того времени и того состояния страны — много.

Однако одними смертями вызванные голодом беды не ограничивались. Сокрушительный удар был нанесен и сельскому хозяйству в целом — тем более что голодали производящие губернии! Правда, крестьяне до последнего старались сохранить скот.

Из донесения уездного комитета помгола г. Пугачева.

«У большинства крестьян имеются тенденции сохранить какой-либо скот, даже в ущерб себе, дабы весной была возможность хоть что-нибудь да посеять. Поэтому приходится наблюдать такие факты, что крестьянин, имея лошадь или даже корову, умирая сам с голоду, сохраняет их, а не режет себе в пищу, в надежде, что кто-либо останется до весны в живых и сколько-нибудь посеет»¹.

Потери скота, возможно, и не были так катастрофичны, как людские потери, потому что голодали и умирали в основном бедняки — но уж посевного зерна всяко не осталось никакого. И если его срочно не изыскать и не доставить на место, то голод 1922 года естественным путем перейдет в голодомор 1923-го.

К счастью, механизм военного коммунизма еще не был размонтирован — страшно подумать, что произошло бы, случись такая беда в середине 20-х. Проходившая в декабре 1921 года XI Всероссийская партконференция своим решением признала необходимым «энергичное участие всей партийной организации сверху донизу в сельскохозяйственной кампании». Решение было чрезвычайно своевременным, потому что экономические механизмы парализовало почти сразу.

Для начала захлебнулся транспорт — не хватало паровозов, вагонов, угля. Потом выяснилось, что у местных органов нет денег, чтобы заплатить за погрузку и разгрузку зерна, за вывоз его со станций — нэп! Не хватало подвод, зерно скапливалось в пакгаузах, лежало под открытым небом, гнило, разворовывалось. Между тем его надо было доставить на места до 1 марта, чтобы успеть развезти по деревням до начала распутицы.

¹ Цит. по: Телицын В. Восстановление сельского хозяйства // Россия нэповская. Исследования. М., 2002. С. 95.

На местах власти очень быстро вспомнили военный коммунизм — в ход пошли дополнительные налоги, хлебные займы, зерно перераспределялось между малоурожайными и совсем неурожайными уездами внутри губерний. Распределением в губерниях и уездах занимались специальные семенные тройки — председатель исполкома, продкомиссар и заведующий земотделом; в волости назначались уполномоченные; в селах председатель сельсовета составлял списки на получение семян, которые утверждал волисполком. И все равно недосев оказался почти 20%: в 1922 году площадь под зерновыми культурами составила 66,2 млн дес. против 79,8 млн в 1921-м¹. По сведениям Наркомзема, в голодных губерниях в среднем было посеяно вдвое меньше, чем в 1916 году, в Самарской губернии недосев составил 69,5%, в Башкирии — 63%, в Царицынской губернии — 60%. Особенно сократились посевы яровой пшеницы и ячменя: с 17 млн до 8,9 млн дес. и с 9 млн до 4,6 млн дес. соответственно². Впрочем, с учетом того, что пшеница и ячмень были до революции основными экспортными культурами, оно и неудивительно — крупные помещичьи хозяйства исчезли, а крестьяне, сеющие хлеб для себя, предпочитали более климатически неприхотливую рожь.

К счастью, урожай в 1922 году был вполне приличным. Однако некоторые районы опять поразила засуха, и весной 1923 года голод снова, хоть и в разной степени, охватил 32 губернии и республики. Опять несчастное Поволжье: Чувашская область — 380 тыс. чел., Башкирия — 850 тыс. (34% населения), Царицынская губерния — 150 тыс., Немецкая коммуна — 170 тыс. Как водится, голодал вообще никогда не евший досыта Северо-Запад, и даже в Сибири не обошлось: Челябинская губерния — 400 тыс., Тюменская — 45 тыс.

В 1924 году — снова засуха. В Тверской губернии погибла половина посевов, валовой сбор зерна покрывал внутренние потребности (из расчета 12 пудов на душу) на 50%; в республике немцев Поволжья, в некоторых кантонах Татарии погибли все посевы, в Саратовской губернии — половина, на уцелевших же десятинах не собрали даже на семена, в Воронежской — 33%, в Саратовской намолачивали 1,5 пуда с десятины.

¹ Эти цифры не совпадают с теми, что приведены в начале главы, что еще раз заставляет вспомнить об относительности статистики.

² Там же. С. 99–100.

Как следствие, зимой 1924 года — снова голод. Весна 1925 года: Воронежская, Орловская, Тамбовская губернии — массовый голод, есть умершие. А ведь каждая голодовка — это еще и обессиленные люди, погибший или проданный скот, еще большее ухудшение качества обработки земли и как следствие — еще худшие урожаи.

Несмотря на все эти тяжелейшие обстоятельства, после 1921 года сельское хозяйство стало кое-как восстанавливаться и к 1927 году почти достигло довоенного уровня. Почти — это значит, что, по разным оценкам, уровень производства сельхозпродукции составлял от 85 до 121% к 1913 году. По наиболее убедительным данным, которые приводил тогдашний Предсовнаркома Рыков, в 1928 году посевная площадь всех культур составляла 96,6% от 1913 г., зерновых — 90%, средняя урожайность зерновых в 1924–1928 гг. была 51,2 пуда с десятины против 54,9 пуда в 1909–1913 гг. Учитывая ситуацию, на удивление приличные показатели. Однако дальнейшее развитие советского сельского хозяйства уперлось точно в ту же стену, что и за двадцать лет до того развитие хозяйства русского.

Как мы помним, до революции основными проблемами русского аграрного сектора были мельчайшие размеры хозяйств и крайняя их бедность. С этим попытались справиться с помощью столыпинской реформы, которая вызвала обратный эффект — в результате колоссальных аграрных беспорядков столь желанные для англосаксонского варианта крупные собственники были уничтожены как класс, и когда страна вынырнула из войны, проблема стала намного глубже. Совхозов, или, как называли их крестьяне, «советских помещиков», было во много раз меньше, да и образцовым ведением хозяйства они, как правило, похвастаться не могли.

Новые земельные законы зафиксировали ситуацию у самого дна, война еще больше разорила деревню, а голод ее окончательно обескровил. Разве что проблема сельского перенаселения перестала быть такой острой, но радости этот факт почему-то ни у кого не вызывал. Да и надолго ли? Зато продолжали «размножаться» хозяйства — в 1913 году их насчитывался 21 млн, а в 1927-м — уже 25 миллионов.

Можно представить себе, что это были за «фабрики продовольствия»...

Двор среднестатистический¹

Но, но, но, ты, разледащая!
Надорвала жилы все!
Эх, работа распропащая
На аршинной полосе!

Демьян Бедный

Как оказалось, любое предварительное представление о мощности крестьянского двора сказочно, как радуга, — даже знаменитая картина о Микуле Селяниновиче, действие которой происходит за тысячу лет до описываемых событий.

Итак, как справедливо отмечено художником, основное в крестьянском хозяйстве (не считая самого крестьянина) — это поле, соха и Сивка, то есть земля, скот и инвентарь.

К 1927 году общая посевная площадь в СССР составляла, в очень грубом приближении, 100 млн десятин — т. е. примерно по 4 дес. на хозяйство. (Поскольку в большинстве хозяйств до сих пор применялось архаичное трехполье, надо еще не забывать, что треть этих площадей ежегодно гуляла под паром). В стране насчитывалось 31,3 млн лошадей, из них 25,1 млн рабочих — примерно по одной лошади на двор. (На самом деле ситуация была далеко не так однозначна — лошади распределялись неравномерно, а в некоторых областях пахали на волах.) Крупного рогатого скота было 67,8 млн голов, мелкого скота — 134,3 млн, свиней — 20 млн, то есть на одно хозяйство приходилось в среднем 2,6 коровы или вола, 5–6 овец или коз, меньше одной свиньи. Если цифры верны, то получается, что с 1920 года количество крупного рогатого скота увеличилось почти вдвое, намного превысив уровень 1913 года², а вот число лошадей выросло меньше, как раз достигнув довоенного уровня.

Поговорим теперь о технической оснащенности крестьянского хозяйства.

¹ Весь цифровой материал приводится по книге: *Климин И.* Российское крестьянство в годы новой экономической политики. Извините уж за один-единственный источник, но данная монография настолько полна и всеобъемлюща, что в других источниках просто не было нужды.

² Впрочем, тут может иметь место статистическая хитрость, ибо неизвестно, как учитывались бычки, которых в возрасте одного–двух лет сдавали на мясо.

Что касается простейших механизмов, то в 1927 году в СССР одна жнейка приходилась на 24 хозяйства, сеялка — на 37, сенокосилка — на 56, сортировка или веялка — на 25, конная или ручная молотилка — на 47 хозяйств. Впрочем, что там сложная техника! Даже плугами и примитивными боровами (деревянными с железными зубьями) были обеспечены далеко не все. В 44% хозяйств землю пахали сохой, как в Киевской Руси. В остальных — плугом, в который запрягали лошадь или упряжку волов. Убирали хлеб серпами, траву косили косами, транспорт исключительно гужевой (количество автотранспорта в сельском хозяйстве было настолько мало, что им можно пренебречь). В среднем на одно хозяйство приходилось сельхозинвентаря на 45,4 руб.

Правда, в стране разворачивалось потихоньку производство инвентаря. Кроме того, его ввозили из-за границы, расплачиваясь не то соболями из Сибири, не то картинами из Эрмитажа. В 1922 г. деревня получила инвентаря на сумму 8,7 млн руб., а в 1926/1927 гг. — на 102, 3 млн руб. Много это или мало? С учетом того, что в СССР насчитывалось около 25 млн крестьянских хозяйств, получается по 4 рубля на хозяйство в год. Что можно купить на 4 рубля, если среднестатистический двор имел инвентаря на общую сумму 40–50 руб? Лопату? Ну, может быть, две лопаты... Тут, как и везде, впрочем, средние цифры не работают: кто-то покупал плуг, кто-то грабли, а для многих и сломанный серп был драмой.

Еще в мае 1927 года Наркомзем РСФСР Савченко писал Сталину: *«Крестьянские хозяйства обеспечены рабочим скотом на 77%, сельскохозяйственным инвентарем на 67,4% к убогому довоенному уровню».*

Правда, имелись на селе и «вестники будущего». К 1927 году в стране насчитывалось 27,7 тыс. тракторов, из которых 90% находилось у крестьян¹. Если рассредоточить их ровным слоем по СССР, придется примерно по одному трактору на тысячу хозяйств. Соединенными усилиями они могли вспахать не больше 3 млн десятин, или около 3% всей посевной площади, то есть один пыхтящий прашур «Беларуси», показанный в фильме «Рожденная революцией», теоретически мог вспахать около 100 дес. В реальности, надо полагать, меньше, потому

¹ По правде сказать, верится слабо. Впрочем, ниже приведены другие цифры — в собственно крестьянских хозяйствах было полторы тысячи тракторов, Скорее всего, в понятие «крестьян» в данном случае включены разного рода артели, колхозы, коммуны, а «не у крестьян» означает совхозы и подсобные хозяйства предприятий.

что трактора использовались не непрерывно, а по мере надобности, да и тракторист находился не столько на «железном коне», сколько под ним. Что отражено в горькой колхозной поговорке предвоенных лет: «Небось не трактор — не сломаемся...»

Одним из показателей, по которым советское село значительно превышало российское, было обеспечение электроэнергией — электрификация, однако! К 1917 году в русской деревне насчитывалось 103 электростанции мощностью 5200 л. с., то есть по 53 л. с. на станцию (это примерно уровень автомобиля «Ока»). В 1927 году их уже 376 штук с мощностью 29 800 л. с., или около 80 л. с. на станцию (легковая машина «дамского класса», вроде «опеля».) Обслуживали они 375 тыс. крестьянских хозяйств, то есть по одной станции на 1000 дворов, или, если подсчитать, примерно по 75 вт на двор. Так вот ты какая, «лампочка Ильича»!

Остальные 24 млн 650 тыс. хозяйств существовали во тьме не только сгипетской, но и физической: кто побогаче — с керосиновыми лампами, победнее — со свечками, самые бедные шипали лучину, как при царе Горохе.

Но в целом к тогдашней советской деревне вполне подходит картинка, данная в описании Московского уезда 1787 года: *«Употребляемые орудия при хлебопашестве суть соха и борона, а при уборке хлеба коса, серп и грабли; пашия же делится на три поля... под рожь пашут на одной лошади, не глубже двух вершков, боронят тож на одной... жнут серпами... Сушат хлеб на овинах, которые, будучи большею частию без печей, подвержены часто пожарам; молотят оный на открытых гумнах, а в некоторых местах в ригах и молотильных сараях»*¹. Это в нечерноземной России. А в черноземной то же самое, только соху поневоле меняли на плуг, а лошадей — на быков. Едва ли хотя бы один землеописатель XVIII века забывал посетовать на отсталость российского сельского хозяйства, не изменявшегося на протяжении веков. В столь же неизменном виде сей заповедник средневековья добрался до XX века.

Теперь от лукавого среднестатистического подхода перейдем к структурной конкретике. Естественно, село было неоднородно. В нем су-

¹ Цит. по: Козлов С. Аграрные традиции и новации в дореформенной России. М., 2002. С. 24–25.

ществовали все те же группы: кулак, бедняк, середняк, по-прежнему трудно определимы. Руководство страны играло терминами, желая показать, что крестьянин все же живет лучше, чем при царе, что не все так безысходно. Если раньше граница между бедняком и середняком была размыта и нечетка, то теперь ее и вовсе не стало, ибо что понимало большевистское правительство под середняком — тайна великая. Проще было с бедняками, поскольку тут существовали абсолютные критерии.

Самая горькая нищета — это двор без рабочего скота. По разным данным, таких в СССР имелось от 31 до 37%. Как ни странно, выборочные обследования по Северо-Западу показывают меньшее число — 23,5%. В Сибири еще меньшее — 12,6%, но это-то как раз неудивительно. В РСФСР в 1926/1927 гг. насчитывалось 30,6% безлошадных хозяйств и 31,6% — не имевших пахотных орудий. Примерно столько же, сколько и в царской России.

Размер посева — тоже один из главнейших показателей. По данным Н. Д. Кондратьева, в 1926 году в РСФСР было 36,5% хозяйств с посевом до 2 дес., и 34,7% — с посевом 2–4 дес. То есть примерно 70% хозяйств имели среднестатистический или меньший надел. На одну же душу крестьянского населения приходилось 0,7 дес. посева, что еще меньше, чем до революции.

Правда, большевики упорно говорили об «осереднячивании» деревни, но это просто игра терминами. Конечно, они не могли, да и не имели права открыто признать, что после революции народ живет хуже — умные поймут правильно, но много ли умных? Однако ведь имелись же под этими заявлениями какие-то конкретные основания. Сталин оценивал количество бедняцких хозяйств в 35% — по каким критериям, что он имел в виду?

Если посчитать совпадение числа бедняцких хозяйств с числом безлошадных не просто совпадением, то скорее всего Сталин полагал бедняками тех крестьян, которые не могли вести самостоятельное хозяйство. Именно безлошадные дворы, как правило, не имели инвентаря, у них же были самые маленькие наделы — все эти показатели как раз и крутятся вокруг 35%.

Но и внутри этой категории бедняков существовала группа хозяйств беднейших. Уже в августе 1923 года на Политбюро во время обсуждения налоговых вопросов прозвучало предложение: беднейшие хозяйства от уплаты налога освободить. Какие именно?

«Брюханов. Декрет РСФСР предусматривал освобождение от налога бесскотных хозяйств при урожае до 45 пуд. с десятины полностью в том случае, если они обеспечены землей до одной четверти десятины на едока, а при низшей урожайности до 35 пуд. и в случаях обеспеченности землей до полудесятины на едока... Я предлагаю общим декретом по всему Союзу освободить от уплаты единого сельскохозяйственного налога все крестьянские хозяйства, обеспеченность коих облагаемой землей определяется не более полудесятины на едока, а также те из крестьянских хозяйств с обеспеченностью до трех четвертей десятины, кои не имеют скота... по моим расчетам, это... если брать среднюю для всего Союза, даст освобождение 18,81% всех хозяйств.

Рыков. А насколько это уменьшит налог?

Брюханов. Я предполагаю, что это даст уменьшение поступления налога с 575 до 562–563 млн, то есть реально уменьшение будет примерно на 12 млн пудов... Распределение этой скидки по районам, конечно, будет неравномерное. В некоторых районах, в Крыму например, это даст 28% всех хозяйств... эта льгота даст большое освобождение по Белоруссии; это даст свыше 25% освобождения по Сибири и Киргизии, наиболее нуждающихся в помощи».

Получается, что 19% крестьянских хозяйств собирали зерна едва на пропитание и при поземельном обложении платили всего 2% налога — то есть они работали исключительно на собственное полуголодное прокормление, не давая стране ничего. Но самое удивительное — это процент освобожденных хозяйств по Сибири. Мы привыкли думать, что Сибирь была краем зажиточных крестьян, — вот тебе, бабушка, и хлебоборбы... При этом ведь продразверстка в Сибири, в отличие от Европейской России, проводилась всего один сезон. Если отсутствие скота еще можно списать на войну — то откуда там малоземелье?

Чтобы стать самостоятельным, хозяйству надо было иметь хотя бы 4–5 десятин посева, одну лошадь, одну–две коровы, необходимый сельхозинвентарь и 1–2 работников. По оценке И. Климина, таких было около 40–45% всех хозяйств. Так что как ни крути, как ни играй статистикой, а 75–80% крестьянских хозяйств СССР имели не больше 5 десятин посева и не больше одной лошади, как и в 1917 году. Таков был итог послевоенного «возрождения» деревни. С чего начали, к тому и пришли, минус помещики, то есть уже совершенная Киевская Русь.

Еще одна распространенная легенда, перекочевавшая из крестьянских писем 20-х годов в СМИ 90-х — это легенда о «бедняках-лодырях». Мол, если человек умел и хотел работать, он был зажиточным, а бедняки — сплошь лодыри и неумехи. А как на самом деле?

По опросам одной из волостей Пензенской губернии выяснилось, что основной проблемой бедных дворов было отсутствие или слабость работника — в хозяйстве нужны не только крепкая лошадь, но и крепкий мужик, иначе много не наработаешь. 16–26% бедных крестьянских хозяйств образовалось по причине раздела большой семьи, в результате которого появлялся двор с одним работником и большим числом едоков (пока еще дети вырастут!); 14–38% из-за отсутствия работника; 20–60% дали стихийные бедствия, в основном пожары (такой разброс в цифрах происходит оттого, что пожары в деревнях редко ограничиваются одним двором), 10% — по причине ухода работника в Красную Армию, столько же по болезни кормильца, и всего 8% представляли собой хронические неудачники, собственно «лодыри», как называли их крестьяне. Из этих причин только п. 2 — отсутствие работника — может быть связан с войной, остальные — постоянные факторы. Одни крестьяне неимоверными усилиями выбивались из бедноты в середняки, другие по разным причинам — пожар, болезнь или смерть кормильца, павшая лошадь — туда погружались, обеспечивая постоянный обмен внутри 80%-й группы, которая на самом-то деле вся была бедняцкой, и только агитпроп не позволял признать ее таковой.

Но если бы проблема состояла только в маломощности хозяйства — это был бы рай!

Иван Климин (и он в этом мнении не одинок) утверждает, что причина отставания аграрного сектора вовсе не в размерах и что даже самое мелкое крестьянское хозяйство может быть продуктивным. В пример он приводит Данию, где в тех же 20-х годах *«наиболее типичным хозяйством было с 6 дес. земли, имеющее 3 лошади, 4 дойных коровы, 2 быка, 4 свиньи, куры, с урожайностью ржи 180–190 пудов с дес.; ячменя и овса — 220–240 пудов. Таких результатов датские сельчане добивались благодаря интенсификации хозяйства и помощи со стороны правительства, которое предоставляло им с 1899 г. ссуды»*.

Пример хорош, ничего не скажешь. Так оно и есть. Вот только европейские хозяйства вступили на интенсивный путь далеко не в 1899 году,

а гораздо раньше. Технологическое отставание русского крестьянина от европейского отмечалось уже в середине XVIII века. Сперва дурную шутку с российской экономикой сыграли огромные размеры страны — легче было увеличить запашку, чем ухаживать за землей, а потом установившееся в XVIII веке рабство и унаследованный от Франции сословный принцип с его знаменитым: «после нас — хоть потоп». И в то время, когда западные хозяйства вовсю шли по интенсивному пути, российский аграрный сектор топтался на месте, постепенно доедая отпущенный России Богом территориальный ресурс. Усилия и средства, не вложенные своевременно в развитие сельского хозяйства, спустя 200 лет обернулись чудовищным отставанием по всем показателям, но в первую очередь в культуре земледелия. В России сия «антикультура» имела три составляющие: плохую обработку земли, архаичность технологий и чудовищную истощенность почв.

Дурная обработка вызывалась в первую очередь слабостью крестьянского хозяйства, а во вторую — традициями, берущими начало еще со времен рабства. О какой вообще обработке можно говорить, не имея в достатке даже самого примитивного инвентаря, в лучшем случае одну полуживую сивку на двор и работника, который еле таскает ноги после весеннего голода? А униженность крестьянина, осознание им того факта, что он в стране не является в полном смысле слова человеком, тоже не способствовали уважению к себе, к земле, к своему труду. *Опущенное* сословие отыгрывалось на всем бессловесном и подвластном, *опуская* в том числе и землю; выбившиеся из этого состояния люто презирали оставшихся внизу, и те опять же отыгрывались на земле. Большевики совершенно инстинктивно нашли лекарство, яростно, с придыханием вознося на самый верх общественной пирамиды человека труда, и сумели за короткий срок вылечить народ — но это уже 30-е годы. В 20-е все еще оставалось, как есть.

Итак, своя земля обрабатывалась так себе, наделная по причине частых переделов — кое-как, самые бедные хозяева сдавали свои участки в аренду — об этих полях вообще не заботились, лишь бы один урожай собрать, а там хоть трава не расти. Общинное хозяйствование уже откровенно губило землю, единоличное большинству хозяев было не потянуть.

Еще больше истощало почву трехполье, однако большинство крестьян применяло именно эту простейшую систему. Почему? Да в первую очередь потому, что не могло осилить другой. Еще в первой половине

ХІХ века российский аграрник Н. Н. Муравьев писал: «Сей род хозяйства по простоте своей может быть возделываем простыми работниками... и довольствуется самыми простыми и всеми обычными орудиями. Вот одна из причин, почему мы не должны изменять сего рода хозяйства, ибо мы производим работы не искусными работниками, не на хороших и сильных лошадях и не усовершенствованными орудиями, а крестьянами худыми и бессильными лошадьми и самыми простейшими их орудиями»¹.

Единственное удобрение, которым располагало большинство русских крестьян — навоз из-под собственного скота... если он был. А не было скота — не было и навоза. Как обстояло дело с минеральными удобрениями? В Германии на одну десятину их вкладывали 20 пудов, в Бельгии и Голландии — 40 пудов, в СССР — 2–3 фунта, или около килограмма (в среднем, конечно, ибо в передовых хозяйствах клали сколько следует, в остальных — вообще нисколько), в Российской империи — около 7 килограмм.

Интенсивное богатое хозяйство, имеющее хороших лошадей и хорошие орудия, применяющее многополье, покупающее минеральные удобрения, могло получать по 130–170 пудов зерна с десятины против датских 180–190 пудов — вот оно, реальное влияние климата! Бедное, с навозом от одной коровенки — 20–35 пудов. Для примера: в Псковской губернии урожай в бедном хозяйстве составлял 30–35 пудов с десятины, в середняцком — 45–55 пудов, в зажиточном — 70–75 пудов, то есть в два раза больше, чем в бедняцком, и в два раза меньше, чем в интенсивном.

В 1925 году, как и в 1913-м, крестьяне жаловались на малоземелье. Так, в Псковской губернии мужики считали, что для ведения нормального хозяйства нужно по 6–12 дес. Зачем? Чтобы они так же бездарно угробили эту землю, как и свои прежние наделы?

Так что сопоставлять датское современное интенсивное хозяйство с фактически средневековым российским и полагать, что этот разрыв можно за 20–30 лет преодолеть, — по меньшей мере нечестно. Тем более что в стране нет производства инвентаря, удобрений, нет сортовых семян, пригодных для нашего климата, породистого скота, уровень грамотности в деревне (не образования, а именно грамотности — умения прочесть простейший текст и расписаться) — где 50%, а где и 10%

¹ Цит. по: Козлов С. Аграрные традиции и новации в дореформенной России. С. 78.

против 97,8% в Дании, в которой озаботились народным образованием еще в начале XIX века.

Чтобы получить на выходе интенсивное хозяйство, нужно иметь материальную базу. Чтобы иметь материальную базу, нужно ее создать. Чтобы ее создать, нужны инвестиции и платежеспособный потребитель. По части первого фактора в стране имелся только печатный станок, второго не наблюдалось вовсе. Так что говорить о какой-либо интенсификации сельского хозяйства в рамках существующего уклада — просто смешно. Датский путь для России, хоть советской, хоть императорской, был примерно так же реален, как известная поговорка о превращении бабушки в дедушку.

Но допустим даже, что советское правительство пошло на поводу у ученых-экономистов, изыскало где-то чудовищные средства и, вбухав их в аграрный сектор, создало лет через 30–50 на территории СССР хозяйство датского типа. Разогнулись, утерли пот со лба и, обернувшись, обнаружили, что во всем мире вообще-то большую часть сельскохозяйственной продукции давно производят агропредприятия-гиганты, а в тех же США фермеры сидят на госдотации, которую им дают, чтобы сохранить сельскую Америку.

Кто не знает знаменитого парадокса об Ахиллесе, который никогда не сможет догнать черепаху? Нам же предлагается другой парадокс — поверить, что черепаха сможет отрастить ноги и догнать набравшего скорость Ахиллеса.

Теперь взглянем на другую сторону шкалы. Если 75–80% крестьян бьются в нищете, то, как говорит простая арифметика, на долю тех, кто имеет хоть какие-то перспективы, остается 20–25%. На самом деле часть из них тоже следует отнести к беднякам, потому что большие наделы и большее количество скота они компенсируют многосемейностью. 10 десятин земли, три лошади и три коровы на семью в 4–5 человек — это крепкий середняк, а если в семье 15–17 человек да 4–5 работников — то перед нами самые обычные бедняки. Но столь сложные подсчеты для советской статистики были уже непосильны, так что не станем учитывать эту поправку. Пусть все они считаются середняками. А нас интересует, сколько в стране было по-настоящему крепких хозяйств.

В 1928 году заместитель наркома финансов М. И. Фрумкин выделил из массы крестьянских хозяйств две наиболее зажиточные группы. Более

широкая составляла примерно 12% (около 3 млн), которые имели доходы от 400 руб. и распоряжались около 30% всей посевной площади в стране. Внутри нее находилась самая богатая прослойка — 3,2% (800 тыс.), у которой был доход более 600 руб. и 12,3% посевной площади. Таким образом, если принять всю посевную площадь за 100 млн дес., то в широкой группе на одно хозяйство приходится в среднем 10 и более дес. посева, а в узкой — более 15 дес., то есть 15% фронта работ для одного трактора.

По другим данным, в 1927 году в стране существовало 340 тыс. хозяйств, имеющих свыше 16 дес. посева, из них 10%, или 34 тыс. — больше 25 дес. Тракторами в РСФСР владели 1550 крестьян-единоличников, треть из них имела до 50 дес. посева, еще треть — от 50 до 100 дес. Как видим, даже эти «богатые» хозяйства на самом деле были очень средними и по доходам, и по размерам.

Тем не менее в последние двадцать лет возобладало мнение, что именно они-то — а вовсе не колхозы! — и были надеждой русского сельского хозяйства. Как пишет Иван Климин, *«интересы народного хозяйства, государства требовали со стороны последнего более бережного и внимательного отношения к ним и всяческой поддержки как наиболее высокотоварных, интенсивных, производительных, чтобы не допустить продовольственного кризиса в стране».*

Как мы помним, урожай в зажиточном хозяйстве был в два раза ниже, чем в интенсивном, — ну да ладно! Допустим, они научатся... Но перейдем к вопросу с другой стороны. Вдумаемся, что предлагает ученый! Он предлагает поставить на 20% зажиточных хозяйств, помогать им, вкладывать деньги. А что делать с остальными 80 процентами? Их-то куда?

Во всех таких теориях молчаливо предполагается, что аутсайдеры станут «развиваться самостоятельно» — то есть выплывать, как умеют. Но никто не отрицает, что ставка на сильные хозяйства неизбежно обернется массовым разорением слабых. А куда девать людей?

В российской истории этот путь проходили как минимум дважды: в 1861-м и 1907 годах. В первый раз «англосаксонский вариант» — а это все он же, родимый, только переоделся! — вызвал стабилизацию общины, сельскохозяйственный кризис и аграрную революцию 1917 года, во второй — привел к великой смуте и гражданской войне внутри каждой деревни и еще отзовется при коллективизации. Что будет в трстий, когда голодные массы поймут, что их снова оставили на произвол судьбы?

Уже в середине 20-х годов крестьяне начали бросать землю и уходить из деревни — куда глаза глядят. К счастью, пока их было немного, а новых строек вполне достаточно, но ведь расслоение продолжалось! В любой момент процесс мог (и должен был) перейти потенциальный барьер, стать массовым, неуправляемым и, как естественное следствие, породить социальные взрывы, бандитизм, преступность. Значит, снова карательные отряды, но теперь уже брошенные против людей, которым нечего терять.

И ни фиги себе гуманный метод! Вот это, я понимаю, альтернатива «зверствам коллективизации»!

Налоги, цены, товарность

Считайте подати государевы важнее всякой другой платы, вами производимой. Считайте их даже важнее собственных ваших нужд. От них зависит порядок и благоустройство в целом государстве.

*А. А. Ширинский-Шихматов.
Завещание, или краткое наставление*

У нас как-то интересно, *слоисто* рассматривают сельское хозяйство. Рассказывая о голоде, не забывают отметить, что государство недостаточно помогало голодающим, а особенно упомянуть об экспорте зерна. Говоря о налогообложении — обязательно распишут, как непосилен был налог для крестьянского хозяйства. Анализируя экономику, непременно обвинят правительство в дискриминации крестьянского труда на том основании, что цены на сельхозпродукцию были безобразно низкими, а на промышленные товары — столь же безобразно высокими.

При этом как-то забывая, что, для того чтобы оказать помощь голодающим, надо эту помощь где-то взять. Откуда, интересно, правительство брало продовольствие, которое направлялось в голодающие районы? Семена и скот, которые надо было изыскать хоть из-под земли, чтобы весной отсеяться? При том, что хлеба не хватало даже на еду! Откуда же, если не из натурального налога... А людей откуда брали? Совершенно не изучен, кстати, вопрос о крестьянских переселениях — а они были! Кем и как заселяли наполовину вымершие области Поволжья?

Чтобы снизить налоги, надо сделать хозяйство продуктивным, для этого нужны трактора, удобрения, сортовые семена, породистый скот, а купить все это можно только за границей, да еще не везде продадут. Чтобы снизить цены на промышленные товары, надо, чтобы их было много, — стало быть, либо опять же купить за границей, либо приобрести там же станки и наладить собственное производство. Для того чтобы что-нибудь купить, надо, как говаривал кот Матроскин, что-нибудь продать. Продать РСФСР могла очень немногое: меха, остатки золотого запаса, музейных ценностей, бриллиантов Гохрана и пр., а в основном — продовольствие. Которое надо было выжать все из той же разоренной деревни — и для городов, и для внешней торговли.

Вот и попробуйте поставить себя на место Предсовнаркома, которому приходится выбирать — дополнительный миллион голодных смертей или засеянные поля, снижение налога или уменьшение импорта. По сути, все эти выборы однотипны: голод сегодня или голод завтра. Посадить бы в это кресло кое-кого из страстно рассуждающих о слезинке ребенка — да посмотреть, что выйдет¹.

...Пришедший на смену военному коммунизму нэп более всего походил на румянец чахоточного: цвет яркий, но здоровья не означает. Мы, собственно, отлично знаем этот строй по 90-м годам — на поверхности суется стайки спекулянтов, а внизу страна не живет, а мучительно, изо дня в день выживает. Как в мае 1942-го в Ленинграде: вроде и тепло, и хлеба прибавили, и даже умирать почти перестали — но и все на этом.

Кроме прочего, весь период нэпа ознаменован отчаянными усилиями государства получить хоть какие-то деньги в бюджет и при этом окончательно не угробить сельское хозяйство. Учитывая уровень загнанности сивки, заставлять его не то что тащить телегу, а и просто двигаться было преступлением, но дать стране умереть тоже было преступлением — волки ведь никуда не делись, терпеливо ждали в сторонке. Тем более что смерть страны еще не означала жизни для ее населения — колонизаторы пекутся только о тех туземцах, которые им нужны. А им вполне хватит десятка миллионов, чтобы обслуживать рудники и нефтяные скважины...

¹ Впрочем, и так ясно — выйдет истерика: я не обязан управлять государством, а вы обязаны. Вы — правительство. Так что извольте кормить меня сытно и удовлетворять все мои гуманистические фантазии...

Так что налоговая политика 20-х годов была... ищущей. До того, что крестьяне массово просили: ладно, пусть тяжелые налоги — но чтоб они были хотя бы постоянными.

Из письма:

«Плохо, что нет устойчивости в налогах. Надо б знать, как и сколько платить за несколько лет вперед. А то всякий старательный мужик вовсю старается, поработает, а вдруг следует такой налог, что почти все отберут».

Оно бы и хорошо, если бы правительство могло планировать урожаи или хотя бы знать заранее, в каком году на какой территории будет голод. Но в том положении иметь постоянный налог не могло позволить себе ни государство, ни просившие о нем крестьяне. Именно из-за его постоянства, поскольку основного принципа постоянного налогообложения средств производства: «хлеб не уродился, но деньги все равно отдай» — не потянули бы крестьяне, а равномерного налога, сильного для всех хозяйств, не выдержало бы государство.

Так что до появления колхозов налогообложение проводилось по старому доброму принципу продразверстки: устанавливали нужную сумму и исходя из нее рассчитывали обложение, стараясь, чтобы налог всей тяжестью ложился на более зажиточных крестьян и кулаков. Изменения сводились к уменьшению суммы обложения и разрешению частной торговли — а принцип-то остался неизменным. В первые годы, пока не приноровились, случалось, что кое-где налог оказывался выше продразверстки. Так, например, в 1921 году в Вятской и Нижегородской губерниях районы, пораженные засухой, освободили от уплаты налога, а вот сумму, наложенную на губернии в целом, уменьшить не догадались.

Власть билась в сетях налоговой политики, как заяц в силке. Сделаешь налог больше — он будет правильным для крепких крестьян, но станет губить бедные хозяйства. Уменьшишь — бедняки, от которых экономике никакого толку, выживут, зато середняки уплатят гораздо меньше, чем могли бы. Чуть промахнешься с прогрессивными ставками — зажиточная часть деревни начнет сокращать производство. Кроме того, в условиях товарного дефицита налог выполнял еще и специфичную, но очень важную функцию: необходимость найти деньги на его уплату заставляла крестьян вывозить хлеб на рынок, вместо того чтобы сложить его в амбары.

...В 1921 году, как и в любом другом, надеяться на международную помощь было можно, но уповать на нее — бессмысленно. Хлеб для страны — в том числе и для голодающего населения — надо было выжимать из тех областей, которые не охвачены неурожаем. Точнее, которые собирали хоть чуть-чуть больше уровня голодной смерти.

На 1921/1922 г. налог определили в 240 млн пудов зерновых и принялись разверстывать по губерниям — уездам и так до каждого двора, с учетом надела, числа едоков и собранного урожая. Как нетрудно догадаться, ничего хорошего для крестьян в *том* году это не означало.

Естественно, добровольно налог мало кто платил. По селам снова пошли продотряды, все с теми же методами, что и в войну. В Сибири крестьяне массово хлопотали об отмене или уменьшении налога, ссылаясь на недород, но у них был хоть какой-то хлеб, а в Поволжье его не было вовсе, так что ходатайства не принимались во внимание, а для сбора в ход шли плетка, сибирская зима, конфискации, трибуналы. Собранные 233 млн пудов были перемешаны с кровавыми слезами — а что делать?

Из донесения секретного сотрудника ВЧК Скворцова. Курганский уезд Челябинская губерния. Октябрь 1921 г.

«Приехал в военный штаб по продналогу, производят многочисленные аресты виновных и невиновных за невыполнение продналога. Допрос — только два слова: платишь или нет. Ответ ясный. Если у него нет ничего, и он говорит „нет“. А уже не спрашивают, почему не платишь, а прямо обращаются к конвоиру и говорят: „Веди“. Ведут мужичков в камеру прямо десятками и отправляют дальше. Жены и дети плачут. Это ужас. Главное, если нет хлеба, то говорят, найди где-нибудь да заплати. Вчера, 25 октября, пригнали из Осиновки массу мужиков. В их разговорах один говорит: „С меня налогу 60 с лишним пудов. Я намолотил всего 50 п., посеял 2 дес. ржи, а что-то тоже ем, отдал в налог 10 п. Вот если бы мне дали отсрочку, я бы поехал и променял за хлеб лошадей, две коровы и отдал бы все...“ Я знаю достоверно, что променивают последнее имущество и скот да платят. А у кого нет ничего, тот сидит арестованный. Настроение населения скверное. Вот мужики и говорят, что дождались свободы»¹.

¹ Климкин И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики. Т. 1. С. 81–82.

По всем губерниям сообщали: хлеба не хватает, крестьяне питаются суррогатами. Если эти донесения и посылали в Москву, то правительство оставляло их в небрежении, сосредоточившись на сводках о смертях. Регионы, где не умирали, интересовали Москву только с одной точки зрения: могут ли они дать еще хоть что-то, по-прежнему не умирая.

Тем не менее все же удалось собрать 233 млн пудов хлеба. Если принять число голодающих за 20 млн человек да еще в 15 млн определить жителей городов, получается примерно 15 пудов на человека, хотя на самом деле, думаю, потребителей оказалось намного больше — северные губернии без привозного хлеба тоже не выживали. Плюс к тому надо было какую-то часть зерна отложить на семена — в голодающих областях не осталось ничего.

...17 марта 1922 года вместо множества натуральных налогов был установлен единый продналог — каждому виду сельхозпродукции присваивался эквивалент в пудах ржи или пшеницы. Налог был прогрессивным — в зависимости опять же от надела, обеспеченности скотом, числа едоков и урожайности. Привели в порядок и местные платежи. Задание установили в 340 млн пудов, то есть в среднем примерно 3,5–4 пуда с десятины. Но даже и такой для многих хозяйств оказался непосильным, а для сбора снова пришлось обращаться к воинским частям. Это уже становилось традицией.

Одна из многих причин жестокости властей — та, что совершенно невозможно распознать навскидку, насколько правдивы жалобы на непосильное налоговое бремя. Так, в Гдовском уезде Петроградской губернии непосильным считали молочный налог — 4 ведра с коровы в месяц. «Если крестьянин будет выдавать молоко, которое ему приказано, то совершенно останется без молока». 4 ведра — это 48 литров, получается чуть больше полутора литров в день. Вот и пойми: не то жители Гдовского уезда полагают, что городская власть не способна отличить корову от козы, не то там и в самом деле *такие* коровы...

Кроме натурального существовал еще и денежный налог — 8 млн руб. золотом, а с учетом разных местных налогов сумма вырастала до 33 млн руб — если уравнительно, примерно по полтора рубля с каждого двора, или около двух пудов ржи по осенним ценам. Уже одно то, что столь мизерные налоги заставляли многих продавать скот, говорит о тяжелейшем состоянии сельского хозяйства.

Через год принцип снова изменился. В мае 1923 года был введен единый сельскохозяйственный налог, который объединял продналог, подворно-денежный, трудгужналог, местные платежи. Вносить его можно было как натурой, так и деньгами. Теперь облагалась пашня, а поголовье скота служило дополнительным показателем зажиточности двора, в соответствии с которой плательщиков разделяли на категории. В потребляющих губерниях его выплачивали деньгами, в остальных — частично натурой. Для самых бедных хозяйств налог снижался, но все равно был тяжел. Да и «экономические» методы, на которые вместо плетки и «холодной» перешли обозленные сборщики, — высокие пени за задержку платежей, конфискация имущества, распродажа хозяйства с торгов, тюремное заключение неплательщика — не способствовали подъему аграрного сектора. Наверняка сам крестьянин предпочел бы плетку, чем полное разорение стараниями «цивилизованной» налоговой службы.

Из писем:

«Дорогой братец Коля теперь я вас пропущу новеньково — у нас власть взяла за продналог корову последнюю мою падевку, Анюткину юбку с кофтой и платок и отцов халат и сундук... Гоняли наших деревенских в волость к допросу им и говорили — это еще с вами обходятся хорошо, тихо, а вчера посмотрели-бы что делали — били. Дорогой братец Вы-бы там хоть немного центральную власть, товарища Рыкова или кого-нибудь кто там заведывает по этой части. А то они тут понажились, все ходят при галошах как господа а не пролетарии». (Орфография сохранена.)

«Вот наглядный пример угнетения: за неуплату в срок сельскохозяйственного налога крестьян законом лишают его последнего бытового удовольствия, описывают, продают его последний самовар. Но ведь, говоря словами „партии“. Это делалось при противном „Николае“ и его столь нетерпимых законах».

...В 1924 году натуральный налог отменили, зато снова появилось обложение скота — корову или лошадь приравнивали к земельной площади. Например, кое-где в Поволжье одна корова — 0,6 дес. лошадь — 0,7. Жалобы сыпались, как горох из мешка.

Из письма:

«Производимый продукт крестьянина обесценен и на него ничего нельзя приобрести побочного заработка нет... если взяться за выращивание скота, то пожалуй опять дело не выдет если будешь иметь с выше двух голов рогатого ко́та продналог стебя возьмут на котего-рию выше... Вот над етим то Советской власти и придется задумать-ся если она разрешит все эти вопросы, а именно не будет взамать выше на категорию продналог с тех крестьян, которые имеют выше 2 голов крупного скота то у нас увеличится рост скота, а с этим больше будет навоза, если больше навоза, то и больше хлеба...» (Орфография сохранена.)

Все-таки, судя по тому, что поголовье крупного рогатого скота за шесть лет увеличилось вдвое, жалобы эти не лишены лукавства и приносятся по принципу: «а вдруг подействует», а на самом деле буренки и пеструшки все же окупались. Гораздо тяжелее были денежные формы налога — но как же без них? Чтобы осенью внести платежи, крестьянин вынужден был продавать зерно по дешевой осенней цене. Весной же, заработав где-нибудь на стороне, он покупал недостающий хлеб уже по высоким весенним ценам.

Но какой-то подъем все равно наблюдался. В 1922/1923 гг. налогов удалось собрать всего на сумму 176,5 млн руб, на следующий год — 231 млн, еще через год — 326,2 млн. Трудно сказать, по каким причинам, но на 1925/1926 гг. налог снизили на 27%, установив задание в 250 млн руб., при этом 5,5 млн дворов от него вовсе освобождались по крайней бедности. Зато поднялись косвенные налоги, компенсировав уменьшение прямых, так что скорее всего это была очередная попытка перераспределения тяжести налогообложения с бедняков на зажиточных крестьян, чаще наведывавшихся в лавку. Естественно, середнякам это не понравилось.

В 1926 году система налогообложения снова изменилась, причем радикально! В Москве заметили, что крестьянин получает доход не только с земли, и теперь налог исчислялся исходя из совокупного дохода, который он получал от хозяйства и занятий промыслами, то есть приблизился к уже знакомому нам подоходному. Сумма его увеличилась до 357,9 млн руб — не так уж и много, речь шла скорее не об увеличении налогообложения, а о перераспределении платежей. Крестьяне, как и следовало ожидать, продемонстрировали готтентотскую реакцию. Те,

которые занимались только сельским хозяйством, посчитали новый налог справедливым: «кто что имеет, за то и платит». Те, кто имел промыслы или работал зимой, были, как нетрудно догадаться, резко против, называя новое обложение «грабиловкой». Но кто по нынешним временам рискнет сказать, что подходящий налог — это несправедливо?

На самом деле это означало смягчение налогового бремени для собственно хлеборобов. Так, во Владимирской губернии в предыдущий год налог в 3,2 млн руб. брали только с земли, а в нынешнем его распределяли так: 1,29 млн с земледельческих заработков и 2 млн — со всех прочих. Кстати, именно новое распределение показывает, насколько несправедливым было прежнее обложение. И. Климин приводит в пример крестьянина Новикова из Кунгурского округа. В прошлом году ему насчитали 30 руб, в этом — 150, по поводу чего тот был очень возмущен, назвал новый налог «грабиловкой» и был поддержан другими середняками — но не теми, кто, занимаясь одним земледелием, платил за Новикова недостающие 120 рублей. Ну так и неудивительно — если сегодня будут как положено облагать «серые» зарплаты, выйдет точно такой же эффект. Люди очень не любят отдавать свои деньги...

Из высказываний крестьян:

«При Николае крестьянина били одним концом палки, а теперь Соввласть бьет обоими концами, причем налоги берет такие, что крестьянин скородохнет».

«Если налог не уменьшится, то на следующий год посев будет меньше, а также уменьшится скот, потому что налог скот выбивает».

«При новом налоге никто работать на отхожих промыслах не будет».

«Да разве это крестьянская власть — отобрать у мужика все на свете? Вот стойте после этого за власть — обдерет всех».

«В связи с повышением налога придется или убавлять часть скота и посевов, или бросить хозяйство и идти работать на железную дорогу».

Но был ли налог на самом деле так непосилен?

А вот тут нас поджидает неожиданность. В 1924/1925 гг. налоговые платежи деревни составили 707 млн. руб, а доходы деревенских жителей — 9746 млн, то есть все налоги, прямые и косвенные, «съели» около 8% совокупного дохода села. В 1925/1926 гг. эти цифры были 871 млн и 12 651 млн (7%), а в 1926/1927 гг. — 1228,1 млн и 12 756 млн, то есть около 9,5%, или в среднем по 50 рублей с хозяйства. Ни запретительным, ни даже просто

тяжелым такой налог назвать нельзя... в среднем. Но ведь существовали и недоимщики, и хозяйства, освобожденные даже от таких платежей!

Во-первых, принцип разверстки, по которому взимался налог, вел к многочисленным «недолетам» и «перелетам». В одной губернии процент обложения мог спуститься до 5–7%, а в другой — подняться до 30%. Получив очередной шквал жалоб, обложение поправляли, насколько это было возможно, проводили новую разверстку, пересматривали цифры, по деревням снова шли сборщики, следовал новый шквал протестов, теперь уже против дополнительных сборов... Кто бы подумал, что налогообложение — это такой увлекательный процесс?!

Во-вторых, зависимость дохода от мощности хозяйства была нелинейной. Если бедняк имеет надел в 2 десятины, середняк — в 5, а зажиточный — в 10, значит ли это, что второй богаче первого в 2,5 раза, а третий — в пять раз? Да ничего подобного! У бедняка урожайность в 30 пудов с десятины, у середняка — 50, а у зажиточного — 70, стало быть, при осенних ценах в 80 коп. за пуд первый со своего надела получит 48 рублей, второй — 200 руб, а третий — 560 руб. То же самое и с лошадью — сытая сильная лошадь выработает больше, и с коровой — у богатого она даст больше молока и мяса. Естественно, обложение было прогрессивным, но ясно, что для первого и половинный налог в 25 рублей разорителен (а если у бедняка еще и семья в 5 едоков, то излишков, даже по голодной норме, не остается вообще и налог платить просто не с чего), для второго полный чувствителен, а третий и двойного не заметит — может, для виду постонет, припугнет, что скотину продаст или промысел прикроет. Однако не продаст и не прикроет, поскольку все равно останется при прибыли. Разве что на батраках отыграется, урезав им плату, поскольку «налоги замучили».

Есть еще и третья причина. И. Климин приводит конкретный пример налогообложения в Полновской волости Демянского уезда Новгородской губернии в январе 1925 года.

Итак, первый зажиточный крестьянин, имея 30 дес. земли, 7 коров, 3 лошади и 5 членов семьи, платит 35 рублей налогу. Второй, тоже из категории зажиточных, имеет 4 дес., 2 лошади, 4 коровы и двух едоков — и платит тоже 35 рублей. Третий, середняк — 4 дес., 3 лошади, 5 коров и 6 человек в семье — все те же 35 рублей. И наконец, четвертый — 0,5 дес., одна лошадь, одна корова и 4 человека, платит 4 руб. Что из этого следует?

А первое, что из этого следует, — так это то, что уездный финотдел надо разогнать по окрестным буеракам! Поскольку облагать такие разные хозяйства одинаковым налогом — значит, либо быть вопиюще некомпетентными, либо, что вернее, получить взятку от первого хозяина и распределить часть его платежей на остальных. А второе следствие — что бедняцкое хозяйство продадут за недоимки, ибо что тут вообще облагать?

Кстати, случай весьма распространенный. В Гражданскую кулаки ухитрялись разверстать продразверстку на все общество, включая самые бедные дворы, — а что, собственно, с тех пор изменилось? Разве что председателя волсовета сменил финансист — так ведь и с финансистом очень даже можно договориться. Вот еще пример сезона 1925/1926 гг. Оренбургская губерния, пос. Кардаиловский. Бедняк Турбабин, имевший 2 дес. пашни, одну лошадь и корову, должен был платить 12,62 руб, а кулак Нестеренко, имевший 30 дес., пару быков, 2 лошадей, 5 коров — 18 руб. Ясно же, как разверстывали.

И даже если финансист был честен — то попробуй, разберись в этом ежегодно меняющемся дурдоме, особенно с учетом того, что образование у налоговиков едва ли было больше, чем у прочих совслужащих, т. е. хорошо, коли хотя бы среднее. Как результат — только в Северо-Западной области из 900 тысяч хозяйств 247 тысяч жаловались на неправильное обложение — в основном неземледельческим налогом, поскольку отхожие и кустарные заработки были трудноуловимы. И попробуй разбери, кто врет...

Но в целом получилось, как всегда. Хорошо задуманная государственная политика — сделать налоговое бремя равно тяжелым для всех слоев крестьянства — в общем, работала, хотя на местах часто сводилась на нет злоупотреблениями местных органов. Чем богаче был хозяин, тем больше он имел возможностей обратить ситуацию в свою пользу. От бедняцкого же разорения толк, конечно, существовал — это же черт знает что, во второй четверти XX века 90% населения страны ковыряется в земле, притом будучи едва в силах прокормить себя и остальные 10%! Но толк был ровно в той степени, в какой город испытывал нужду в рабочих руках, — остальные разорившиеся мелкие хозяева увеличивали слой люмпенов. Надо было срочно что-то делать, пока их количество не перешло критическую черту. Да и вообще — вы не находите, что с этим ужасом надо было срочно что-то делать?

На самом деле основной причиной недовольства крестьян была отнюдь не налоговая политика. Многие, если не большинство, прекрасно понимали, что налоги надо платить, понимали, почему они тяжелы, и готовы были затянуть пояса во имя восстановления страны. Другая причина заставляла их говорить, что положение мужика при советской власти ухудшилось. Тем более что вот это было чистой правдой.

Из писем:

«Почему так дешево ценится крестьянский труд... До империалистической войны нам доступнее было покупать фабричного изделия. Если продал 1 пуд муки купил 5 аршин ситцу, сахару тоже можно было купить 5 ф. В настоящее время за 1 ар. Ситцу надо платить ½ пуд и муки и также за сахар. Раньше гвозди были кровельные 4х-дюймовые пуд 2 р., а в настоящее время за 1 пуд гвоздей надо продать 13 пудов муки». (Орфография сохранена.)

«В селе Матреновки (Воронежская губ. — Е. П.) все мужики стали горбатые а именно отчего да от того что в селе Матренавки бывает каждую неделю базар по понедельникам и вот утром собираются на базар насыпают в ешки рож и приходится нести да базара на себе потому что лошаде нету в половине населения и пока дайдеи да базара приходится несколько раз отдыхать а за этот мешок ржи только и купиши на одну рубашку ситцу потомучто аршин ситцу стоит 45 копеек а пуд ржи 35 копеек.

Когда же будем покупать по дешевой цене ситец». (Орфография сохранена.)

«Крестьянская газета мы крестьяне сослезамы просим тебя помолис о нас, о нашей тяжолой жизни, подумай 1 пуд соли не менее 1 руб. 20 коп. Сол же у нас своя, не из за границы аршин ситца 55 коп. и прочее а 1 пуд хлеба 50 коп. Но откуда же нам узят столько в нас пудов земля по душам...» (Орфография сохранена.)

«...Вы экономию ведете над крестьянином, крестьянин голый и босый, еще и голодный, рабочие едят яйца, масло, мясо и кур, а как бы метр стоил 20 коп. или аршин 16 коп., так и мы бы и голод нас не томил, крестьяне знают, что рабочие нас обманывают и обставили, вы

рабочие из-за границы не пускаете, чтобы дороже продать, содрать шкуру за свой товар... Все крестьяне знают, что рабочий наш краг, в 4 раза дороже весь товар, вот гнет, никогда такого гнета крестьянин не видал, лучше были бы капиталисты, продавали свой товар в 4 раза дешевле».(Орфография сохранена.)

Ну, насчет роскошной жизни рабочих — это он, конечно, загнул. Еще десять лет спустя рабочие жаловались, что им привозят вместо простого пеклеванный хлеб, который для них слишком дорог. Но факт, конечно же, имел место. В пересчете на хлеб цены на промышленные товары выросли по сравнению с довоенными где в три, а где и в пять раз, а заготовительные цены на сельхозпродукты были низкими. Государство время от времени их повышало, потом снова снижало.

Большинство ученых относит пресловутые «ножницы цен» на счет непродуманной ценовой политики государства. Вот что пишет все тот же Климин:

«Усиление административного вмешательства государства в хозяйственную деятельность крестьян, рост антирыночных внеэкономических отношений между крупной промышленностью и мелкотоварным сельским хозяйством при помощи системы директивно установленных связей, низких заготовительных цен на сельхозпродукцию... вызывало беспокойство у некоторых ученых-экономистов, поскольку они понимали, к каким тяжелейшим экономическим и социальным последствиям может привести продолжение тогдашней политики государства в деревне...

Например, Н. Д. Кондратьев... констатировал, что отношение индекса цен на продовольственные товары не содействует развитию сельского хозяйства... „Относительное ухудшение рыночного положения сельского хозяйства, — писал ученый Молотову, — как известно из теории и практики, является препятствием для повышения интенсивности сельского хозяйства, для роста его товарности, для повышения общего уровня сельскохозяйственных доходов и, следовательно, для ослабления аграрного перенаселения“...».

Другой крупный ученый, П. П. Маслов, в октябре 1927 года писал замнаркома финансов М. И. Фрумкину, «что крестьянин, „покупая продукты промышленности по повышенным ценам и продавая продукты своего производства по пониженным ценам“, теряет значительно

больше, чем при оплате самых высоких налогов... По оценке Маслова, в СССР соотношение цен изменяется не в пользу сельскохозяйственных продуктов, что приводит к сокращению производства».

Не совсем понятно, как повышение цен на промтовары будет препятствовать ослаблению аграрного перенаселения да и каким образом дешевизна сельхозпродукции вызывает снижение производства. На производство скорее влияет чехарда налогов и закупочных цен — но уж никак не абсолютные показатели, тем более что и выбирать-то крестьянину не из чего, из села ему не уйти. Но при чем тут политика государства? Почему как тогдашние, так и нынешние ученые решили, что правительство могло хоть как-то на эти «ножницы цен» повлиять?

Сложные явления отнюдь не отменяют простых законов. Мы еще в школе проходили основной закон рынка, который в пересчете на ситуацию выглядит так: сумма цен купленных селом товаров должна равняться сумме цен проданных продуктов. Если бы государство волевым порядком повысило заготовительные цены на продовольствие или понизило их на промышленную продукцию, к чему бы это привело? Мы отлично знаем, к чему, не первый год живем при рынке: продажная цена все равно определяется соотношением спроса и предложения. Уменьшение отпускной цены ведет только к росту накрутки, а увеличение количества денег на руках у населения — к вымыванию товаров из торговых сетей и, как следствие, к появлению между прилавком и покупателем прослойки спекулянтов. В итоге мужик все равно получил бы товары втридорога, а пожертвованная государством прибыль пошла бы в карман не к нему, но к посреднику.

И вот вопрос: а оно нам надо?

Теоретики редко снисходят до низменной хозяйственной прозы, но уж Молотов как практик-управленец такие вещи прекрасно понимал. Единственное, что могло государство, — это опытным порядком, методом проб и ошибок как-то удерживать нужное соотношение сельскохозяйственных культур. В 1925/1926 гг., например, низкие заготовительные цены на подсолнечное масло привели к сокращению площади под подсолнечником. В следующем году цены повысили, площадь выросла, и с маслом в стране стало все в порядке. Вот это действительно поддавалось регулированию с помощью цен. Но в целом единственным выходом из данной коллизии было — наращивать количество промышленной продукции.

Об отчаянных усилиях правительства сделать хоть что-то говорят размеры хлебного экспорта. Непосредственно перед Первой мировой войной российские хлеботорговцы вывозили около 750 млн пудов зерна в год. В относительно благополучном 1923/1924 гг. СССР (теперь уже именно государство, поскольку правительство, несмотря на колоссальный нажим из-за границы, наотрез отказалось отменить монополию внешней торговли) вывез, по разным данным, 150–188 млн пудов хлеба. В следующем году по причине очередного голода экспорт был сокращен в 10 раз и даже импортирован 30 млн тонн муки. В 1925/1926 гг. экспорт составил 127 млн пудов (около 22% всего товарного хлеба в государстве), а в 1926/1927 гг. — около 160–185 млн (примерно 27%).

Заграничный товар был, во-первых, дорог, а во-вторых, абсолютно не решал проблемы. Нечего обогащать западных производителей, надо проводить индустриализацию, а провести ее можно только на деньги, взятые у крестьян, — другого источника средств в стране попросту не существовало. Нэпманы не спешили почему-то вкладываться в производство, превращать страну в экономическую колонию тоже не очень-то хотелось, поэтому приходилось снова и снова нажимать на мужика. Но вся беда в том, что у самого лучшего гражданина и патриота нельзя взять больше того, что он может дать. В это и уперлось дальнейшее развитие страны.

В 1925/1926 гг. валовой сбор зерна составил 4512 млн пудов. При этом товарного хлеба, как уже говорилось, было получено 514 млн пудов — то есть около 11%. В следующем году эти цифры составили соответственно 4747 млн, 646 млн и 13,5%.

Не может стать промышленно развитым государство, 90% населения которого ковыряется в земле с той же технологией и теми же урожаями, что и тысячу лет назад. В первую очередь потому, что индустриализация завязана на прибавочный продукт сельского хозяйства. Если десять селян с трудом кормят одного горожанина — у такой страны для роста городов не будет ни людей, ни продовольствия, ни денег.

В статье «На хлебном фронте» Сталин приводит выкладки члена коллегии ЦСУ Немчинова относительно товарности деревенских хозяйств. Они основываются на двух показателях: валовой сбор и товарный (то есть ушедший на продажу) хлеб и приведены в следующих двух таблицах.

До войны

		Валовая продукция хлеба		Товарный хлеб (внедеревенский)		
		Млн. пуд.	%	Млн пуд.	%	% товарности
1	Помещики	600	12,0	281,6	21,6	47,0
2	Кулаки	1900	38,0	650,0	50,0	34,0
3	Середняки и бедняки	25 000	50,0	369,0	28,4	14,7
	Итого	5000	100	1300,6	100	26,0

После войны (в 1926/1927 годах)

		Валовая продукция хлеба		Товарный хлеб (внедеревенский)		
		Млн пуд.	%	Млн пуд.	%	% товарности
1	Совхозы и колхозы	80,0	1,7	37,8	6,0	47,2
2	Кулаки	617,0	13,0	126,0	20,0	20,0
3	Середняки и бедняки	4052,0	85,3	466,2	74,0	11,2
	Итого	4749,0	100	630,0	100	13,3

Как видим, проблема возрождения аграрного сектора на путях укрепления трудового крестьянского хозяйства (то есть бедняцкого и середняцкого) не решается никак. Кулацкие хозяйства 20-х годов уже нельзя считать трудовыми — тем не менее их уровень товарности все равно неудовлетворительный, так что и на кулака (именно он стыдливо прячется под видом «крепкого крестьянина») ставить бессмысленно. Единственной приемлемой альтернативой является выбор между двумя вариантами крупных хозяйств — помещичьими или социалистическими. В принципе, для экономики глубоко безразлично, каким будет крупное хозяйство, — лишь бы оно было. Сейчас правильный ответ известен — будущее за крупными частными хозяйствами. Поэтому из двух равных вариантов следовало выбрать помещиков, а из двух неравных — тоже помещиков. Почему? Ну это же так просто: потому что социализм — это абсолютное зло. А почему социализм — абсолютное зло? Потому что

капитализм — это абсолютное добро. А почему капитализм — абсолютное добро?

Ну это же так просто: потому что они победили!

А вот большевики насчет победы капитализма придерживались иного мнения. Более того, им совершенно не нужны были побочные эффекты ставки на помещиков — превращение половины страны в люмпенов, социальные взрывы и диктатура латифундистов.

Странные люди, а?

Община, хутор, отруб

Через года полтора
Все уйдут на хутора.
Худо ль, лучше ль будет жить,
А нет охоты выходить.

Исковская частушка

Столыпинскую реформу новая власть не отменила, но и не стимулировала, а скорее присматривалась и тихо саботировала. Если большевики временно смирившись с эсеровским «мужицким раем», то это не значит, что они собирались культивировать его и впредь. Другое дело, что, перед тем как начать аграрную реформу, надо было дать передышку крестьянину и передохнуть самим.

Земельный кодекс РСФСР 1922 года сохранил основные принципы Закона о социализации земли. Крестьянин мог пользоваться причитающимся ему наделом как угодно: остаться в составе земельного общества, уйти на хутор, выделиться на отруб или же войти в артель или колхоз. Вроде бы те же условия, что и после столыпинской реформы, — а результаты совершенно другие. После революции реформа наконец *пошла*. В сознании людей хутор и отруб становились предпочтительнее земельного общества. И нетрудно понять, почему.

Во-первых, резко изменились условия. Исчез постоянный ужас крестьянского сословия — частная собственность на землю. Раньше хуторянин находился, как между молотом и наковальней, между крупным землевладельцем и общиной. Первый не прочь был схарчить его надел, присоединив хутор к своему хозяйству, вторая видела в нем предателя

крестьянского сословия и потенциального покупателя ее собственной земли. Теперь же каждый крестьянин мог быть уверен: что бы ни случилось, его земля останется при нем.

Во-вторых, ухудшились условия в общине. Никуда, конечно же, не делись прежние ее пороки: чересполосица, мелочная уравниловка, когда каждый участок делился на всех — и хорошо, если у мужика было три полосы, а если так: «до 80 шт. полосок на один надел, и сколько раз ты побываешь на каждой из них?»¹

Архаичное землепользование тянуло за собой и архаичное земледелие.

«Я культурник и практик, — жалуется крестьянин, — по всему сельскому хозяйству и садовод. Что я умею, то хочу показать людям. Почему я не могу показать? Потому мое пользование разбросано около 2 верст до 60 полос пахотной земли, сенокосной, то и определить не могу, так что я производил, трудился и мой труд довели до некуда негодности»².

Отдельная болячка — переделы. Они редко обходились без свар, а то и мордобоя. Вот рассказ об одном из таких собраний — во-первых, он колоритен сам по себе, а во-вторых, хорошо показывает, что такое мужицкая хитрость. Когда речь пойдет о колхозах, точно те же приемы будут применены уже к самим крестьянам, так что нечего обижаться, получив тем же самым и по тому же месту...

«Здание школы полно, лица у всех серьезные, видно, этот вопрос крепко интересует собравшихся крестьян! Заслушали спокойно инструкцию Наркомзема, тут же успели ее забыть. И принялись решать вопрос по-своему. Всем, кто живет „на стороне“, земли не давать вовсе, ибо у нас ее мало для живущих в деревне. Все, кто вошел в дом при женитьбе из чужой деревни, — пусть идет пахать землю в свою деревню. А как же жене-то его, раздается голос из угла. Она может пользоваться здесь, — разъясняет председатель.

Дальше начинают перебирать каждое семейство в отдельности, и здесь от только что установленной законности под давлением крикливых кулачков делают некоторые отступления. Крестьянину И. Ф. Ма-

¹ Климкин И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики. Т. 1. С. 22.

² Там же. С. 35.

карову, который всю жизнь служит и живет со своей семьей в Москве, решили земли дать... Где же законность или хотя бы здравый смысл — понять довольно трудно.

Интересны еще и такие явления... Земля делится по едокам, значит, чем больше едоков, тем больше земли. Несколько оборотистых мужичков год тому назад заявили, что они скоро женят своих сыновей, — а потому дайте земли на будущих жен. Мужики все почтенные, почему и не уважить просьбу. Вот до сих пор они владеют лишней землей, а сыновья все еще не женились...»¹

Кроме прежних, община получила и новые, «коммунистические» пороки. В результате Гражданской войны большую роль на селе стал играть коммунистический и советский актив — а что это за персонажи, мы помним по предыдущим главам. Кроме того, отменно мutilовали воду демобилизованные красноармейцы, усвоившие на фронте революционные идеи, да и молодежь хотела чего-то нового, не очень понимая, чего именно. Если раньше в общине верховодили «справные» хозяева, то теперь зачастую ею управляли коммунисты — хотя и далеко не всегда. А самое интересное начиналось, когда схватывались между собой кулацкая верхушка общины и сельский актив. Нетрудно догадаться, что на пользу земледелию, и без того обремененному множеством проблем, все это не шло.

Споры вокруг вопросов землепользования кипели, дым поднимался — до неба. Эти споры отражены в письмах, которые в великом множестве приходили в органы власти и в газеты. «Крестьянская газета», например, получала до 1000 конвертов в день.

Совершенно потрясающее впечатление производят эти письма, приведенные в сборнике «Крестьянские истории»². Особенно по сравнению с дореволюционным разделом того же сборника — там одни лишь жалобы и просьбы. Жалоб хватает и здесь, но кроме того, полуграмотные и совсем неграмотные крестьяне всерьез обсуждают аграрную политику страны и будущее деревни, и ведь им есть что сказать такое, что не вредно бы почитать и министру. Российский народ не обрел благосостояния,

¹ Там же. С. 23–24.

² Крестьянские истории. Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М., 2001. Цитаты, приведенные без специальных ссылок, взяты из этого сборника.

положение его ухудшилось, но он заговорил — а рабочий скот не говорит, разве что ревет или стонет. Пожалуй, именно этот поток малограмотных писем явился одним из самых удивительных свидетельств тех глубочайших общественных преобразований, которые принесла революция.

Итак, что же в них говорится о формах землепользования?

«Наш уезд Бежецкий, все крестьяне только и мечтают как бы эту общину разрушить,

- 1. община это крепосное право*
- 2. община рабыня старинных обы-ях*
- 3. община рабыня мот-гулянок*
- 4. община рабыня праздников и хулиганства.*

И так далее, община деревенкой бедноты и хулигансва и еще тысячи неудобств и все наше несчастье только община...

...Воображаю если кто и прочтет мое письмо то подумает что кулак все признаки что неграмотин.

Но мои мозоли на руках удостоверяют что я крестьянин...

...Барин прости что плохо написано я сознаюс паралич руки от этого писание полуил да и перушко столетн». (Орфография сохранена.)

Не факт, что это письмо писал действительно крестьянин — уж больно в нем нарочитая небрежность орфографии перемежается с правильным написанием трудных слов, — но в любом случае мнение оно содержит, и весьма распространенное и обоснованное.

А вот что пишет крестьянин откуда-то из-под Царицына, ныне Сталинграда, степняк.

«Сама наша власть знает и видит что общественная жизнь и артельная не дружеская, а вражеская всегда счет перикоры не урядицы и только убытки... общиной никогда нипакосишь сена вовремя, не используешь клочка земли каторое-бы дало хорошую пользу на пример песчанья места где-бы можно насадить промежутки кустарником там-бы не подуло ветром в спаханную землю, и задержавалась бы с зимы влага, на суглинистых местах не делается некакого обвалования, где так-же получил бы хорошия интересы только это сделает отрубник хутарянин как у нас с 1913 г. вышли на отрубное земле-пользование, и начали устраиватся хуторками но постикшие нисчастье германкой вайны трудно было вести хозяйство, но все-таки жена и дети сохранили таковое, да как-же не сохранить когда оно все подруками там пяти

летний ребенок и тот помогает, а повозвращению с вайны трудолюбивые крестьяне вплотную взялись за свой атрубок делали обвалование производили посатку дикоративных, и плодовых деревьев каторья уже закрасовались в нашей безлесной пустыне, теперь пановому землеустройству община постановила передилить все так и сдедало пропали все труды я думаю что трудно было оставлять 6-7 летние сады, или обвалование бедный крестьянин перилажившего своими мазолистыми руками миллион пудов земли, и оставить обществиннику нирадивцу сваи труды, и так ни одна община не когда не может создавать а только разрушать». (Орфография сохранена.)

Ему вторит крестьянин Павел Семенуковский, из Рязанской губернии, очень убедительно доказывающий, что община не является «экономическим», то есть производящим товарную продукцию, хозяйством.

«Из всех высказанных соображений за общину и против ее вытекает одна истина, что сельское общество, как единица крестьянского землепользования, при настоящем общем культурном уровне землепользователей, — не поднимет экономического крестьянского хозяйства. От частых переделов, плохой обработки и неудобрения — земля не родит, крестьяне в большинстве живут впроголодь: мясо, как птица, является роскошью; одежда и обувь рваные; необходимый скот — лошадь, корова, несколько овченок, от недостачи корма еле проживают зиму».

Заметьте, автор не пользуется очень распространенным аргументом о непосильном налоге. Для него этих платежей как бы и не существует — верный признак, что это крепкий хозяин, крепкие не жаловались на тяготы. Иной раз даже с гордостью писали что-нибудь вроде: «налогу плачу 37 рублей». Он говорит об объективных причинах.

«Общинники, по своей разноклассовости, не могут быть заинтересованы и не интересуются улучшением обработки земли и т. п. Кто добивался на собраниях к переходу на многополье общиной и о других улучшениях, но ничего не вышло и махнул рукой на это дело; кто не понимает целей многополья и других земельных улучшений, а кому и наруку чресполосица.

Получается такая картина. Сельский хозяин сколько лето не работал, а от того, что земля не удобрена, не во время пахалась (например пар), — родила плохо. Продать излишков хлеба нет. Произвести разные починки и свести другие домашние расходы — не на что. Является не-

обходимость уходить на отхожие заработки или искать их на месте. Кто умел за зиму подработать, тот является, маломальски, мощным к весенней полевой кампании. Многие же пробиваясь зиму с хлеба на квас — либо остались без семян, либо половину, или более земли сдали в аренду...»

Картина такая, что в комментариях не нуждается. Какой же выход видит автор? Естественно, крепкий середняк и другим желает того же пути.

«...Если же пойти на встречу в широком масштабе желающим к выходу на отруба, хутора и поселки с допущением некоторой субсидии для переселенцев и улучшающих земельные участки, — экономическое состояние землепашцев скоро улучшится: не будет частых, произвольных переделов, скидок, накидок, будет возможность заняться удобрением и своевременной вспашкой, т.к. не нужно будет ждать согласия всего общества. У отдельных хозяев явится заинтересованность к улучшенным формам обработки и землепользования, урожаи увеличатся; прибавка хлеба и корма увеличит разведение скота; заведутся молочные хозяйства и т. п. Хозяин с семьей не пойдет на сторону искать работу, а она у него будет всегда в своем хозяйстве и спрос его будет не на заработок, а на продукты производства фабрик и заводов. Крестьянин будет стремиться к просвещению и от него к социализму». (Орфография сохранена.)

Однако при склонности большинства крестьян к самостоятельному хозяйству далеко не всем оно было доступно. Точнее, очень немногим. Причины были предельно просты: массовая нищета сельского населения.

Из письма:

«Я в корне не согласен с теми товарищами которые пишут, что община есть враг землепользователя, что единственный выход это отруба хутора и т. п. Это только выгодно зажиточным который работает не зависимо ни откого сам без всякой спряжки. А нам бедолагам выйти на хутор тоже кричи караул. Потому что для хутора нужно строится или старую постройку переносить на это нужны средства а у нас нет, да и кроме этого нужно же и землю чем нибудь обработать, для того нужно живой и мертвый инвентарь а его нет. Вот с этих соображений я считаю, что община есть верный выход из тяжелого положения, но только беда наша в том что мы никак не можем понять этого.

Еще ничего тому у кого имеются свои лошади и инвентарь. Но у кого нету этого, то кричи караул. Никому не отдаш с исполу никого не наймеш на такой клочек земли. Когда эти клочки земли находятся один на одном конце села другой на другом конце а третий еще где-нибудь. Вот здесь то объективные условия которые заставляют бедняка погружаться в нищету». (Орфография сохранена.)

На поверхности жизни и вправду сустились горластые лодыри, но среди бедняков большинство тоже были труженики земли, которые хотели работать и работали — сами впрягались в плуг, а иногда обрабатывали поля мотыгами, бывало и такое. Этим, естественно, никакие хутора не светили. Но вы смотрите, что предлагает автор!

«Вот я и предлагаю общества разделить на большие общины которую каждая община сообща бы обрабатывала свою землю на которой легко можно использовать механизацию „тракторизацию“, и этим самым благосостояние нашей индустриальной промышленности с каждым годом будет крепнуть».

Данное явление известно хорошо, и название его на слуху — это тот самый колхоз, который «глубоко чужд русскому крестьянству».

Вот еще один автор, который предлагает в качестве лекарства идею если и не колхоза, то некоей промежуточной формы.

«А так как с общиной не так скоро покончить мы можем, то предлагаю важную меру — такую что общество само перейдет к улучшенному землепользованию. — Эта мера состоит в том, что т. к. земля государственная, фондовая, то обязать непременно сеять все культуры хлебов всем в одном месте в отдельных клинах как то 1) отдельно всем в одном клину озимые рожь пшеница 2) отдельно всем яришеница, ячмень, овес 3) отдельно обязательно просо 4) отдельно пропашите подсолнух 5) кукуруза 6) бурак 7) картофель. Все это поспевает в разное время. А если сеять будем, как в настоящее время, то все это большей частью погибнет, в особенности у бедноты, потому что трудно усмотреть и устеречь все эти полоски от зажиточных имеющих много скота граждан». (Орфография сохранена.)

В основном интерес к хуторам проявляли зажиточные крестьяне, хотя и не всегда. Так, к 1924 году в Городецкой волости Лужского уезда Ленинградской губернии среди отрубников было 12% бедняков, 58% середняков и 30% зажиточных крестьян, а среди хуторян — 20%, 54% и 26% соответственно. Так что к отдельному хозяйству стремились

и бедняки, но не все, а инициативные и предприимчивые, те, кто хотел и мог работать.

По подсчетам И. Климина, в середине 20-х гг. около половины крестьян были за участковое землепользование (хутора и отруба). Между тем реальность оказалась гораздо скромнее. На 1 января 1927 г. в РСФСР под хуторами находилось всего около 2 млн дес. земли, а под отрубам — около 6 млн дес. или, учитывая, что земли у каждого такого хозяйства было 8–9 десятин, примерно 1 млн хозяйств. Остальные, несмотря на все пожелания, по-прежнему оставались в общине.

Причин тут было несколько, и бедность — только одна из них. Другая — это позиция власти по отношению к крепким единоличникам, которую иначе как тихим саботажем, не назовешь. Чем дальше, тем труднее было выделиться отрубнику, а особенно хуторянину, и попробуй пойми, где тут традиционный советский бардак, а где неясная политика.

Во-первых, было очень мало землемеров. К ним выстраивались колоссальные очереди, заявки рассматривались годами, качество работы было низким. Во-вторых, уже в 1924 году Наркомзем в секретных инструкциях предписывал ограничивать и прекращать хуторское разверстание, за исключением совсем уж дальних и неудобных участков. Сочетание бардака и саботажа всячески тормозило выделение. А время шло...

Что вдруг случилось? Почему власть так не полюбила сильного единоличника?

Иван Климин считает, что причиной было следующее: *«Возрожденный крестьянин — единоличник, отрубник, хуторянин — мог бы потребовать в дальнейшем не только больше экономической самостоятельности, но и широких политических и социальных прав и свобод, изменения формировавшейся однопартийной политической системы, что противоречило стратегическому курсу большевистской партии на построение социализма, на создание командно-административной экономики, в которой не было места буржуазным рыночным отношениям в стране. Большевики стали жертвовать экономической целесообразностью во имя идеологически-политических принципов, взяв курс на сворачивание роста единоличного хозяйства»*¹.

¹ Климин И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики. С. 55.

В общем-то, правильно, вот только маленькое шулерство с терминами. Интересно, каких политических и социальных свобод мог потребовать хуторянин в дополнение к тем, что уже имел? Не права ругать правительство на Красной площади, мечту советской интеллигенции, а реальных, нужных крестьянину-единоличнику? Какую партию он мог создать, цели которой так уж сильно отличались бы от целей Коммунистической партии? Какой именно экономической самостоятельности, не реализуемой в рамках Советского государства, мог он захотеть?

Да никаких! Снижения налога ему никто не даст — и так низкий, «ножницы цен» политикой не устранишь, частная собственность на землю опасна для него не меньше, чем для общинника. Или, может, он царя захочет? Ага, щас!

Чтобы понять, что имеет в виду ученый, надо прикинуть вектор развития хуторских хозяйств. И тут не требуется особой гениальности, чтобы сообразить, что успешный хуторянин очень скоро подойдет к той грани, за которой ему потребуются батраки. Сперва в помощь себе, а потом — вместо себя. Затем он захочет расширения земельного участка, потом, став самым крутым в уезде, пожелает перевести его в собственность, чтобы закрепить свое право на землю и прикупить надел соседа, менее успешного хуторянина. И глазом моргнуть не успеешь, как вместо ста хуторян окажется десяток кулаков, а потом один помещик. А вокруг него — сотни пригодившихся ему крестьян-батраков и тысячи непригодившихся крестьян, обреченных на то же, что и при Столыпине, — нищету и смерть. Впрочем, до этого бы не дошло. Даже маломощных хуторян 20-х годов уже потихоньку начинали жечь, а пояись помещики — грохнуло бы так, что еще сто лет ошметки России собирали бы по всем континентам.

Это не говоря уже о той мелочи, что советское правительство ни при каких обстоятельствах не собиралось отдавать страну во власть землевладельческого лобби. Большевиков обвиняли во многих смертных грехах, но заподозрить их в умственной неполноценности еще никому в голову не пришло.

Да и вывод ученого в общем-то почти правильный — за одним исключением. Никто и никогда не жертвует экономической целесообразностью во имя идеологически-политических принципов. Такие дураки долго у власти не живут. Даже провалившаяся экономическая реформа под названием «перестройка», которая вроде бы проводилась в угоду либераль-

ным политическим и экономическим концепциям, на самом деле была не провалившейся, а совершенно успешной и вполне достигла цели — растащить единую государственную экономику по частным рукам. Все прочее, в том числе и выживание страны, ее авторов не волновало.

Большевики тоже были ничуть не глупее. Англосаксонской экономической целесообразности столыпинского типа они противопоставляли не идеологию и не политику, а просто *другую* экономическую целесообразность.

Каторга

В селе Матреновки все мужики стали горбатые...

Из письма

Как видим, трудовое крестьянство четко делится на две части: те, кто и хочет, и может вести самостоятельное хозяйство, и те, у кого отсутствует либо желание, либо возможность, либо и то и другое. Отсутствие возможности — это понятно. А почему нет желания? И тут мы упираемся еще в один фактор, который совершенно не учитывают экономисты-теоретики. Его можно назвать социальным, хотя, строго говоря, он таковым не является, а относится скорее к вечному вопросу: для чего живет на земле человек?

Одним из пунктов большевистской программы, который советская власть, едва установившись, тут же реализовала на государственном уровне, был 8-часовой рабочий день на заводах и фабриках — и ни у кого пока не хватило бессовестности сказать, что это плохо. Все экономисты молчаливо признают право человека не быть рабочей скотиной, а иметь в жизни что-то еще, кроме бесконечного труда. Но занятно, что, признавая это право за горожанином, те же экономисты отказывают в нем мужику. Ведь столь пропагандируемое ими хуторское хозяйство требует работы даже не по 12 часов в день. Там надо вламывать, как лошадь, летом от зари до зари, да и зимой не меньше. Справный крестьянин может держаться либо эксплуатацией односельчан, либо отращиванием горба.

Если прежде сельская «юдоль скорбей» мало отличалась от городского «фабричного ада», то теперь ситуация резко изменилась. Крестьянин

далеко не всегда завидовал богатому соседу — особенно если богатство его было оплачено не мироедством, а кровавым потом — а вот рабочему он завидовал по-черному, и основания для зависти были железные.

Из письма крестьянина Рослякова, село Вырыпаевка, Ульяновской губернии. 6 июня 1925 г.

«Население изредка ведет разговоры, что рабочему живется легче чем крестьянину...

Крестьяне... живя в своих глухих деревеньках на недоброкачественном клину земли проклинаят зачастую себя, что мол-мы работаем как волы, а живем плохо.

Вообще то все крестьянство, по закрытии ранней весны и наступлении полевых работ, с утра и до позднего вечера 18–19 часов в сутки глотая пыль работает, трудится и в результате за понесенный труд получает гроши. Рабочий же этого не делает, а работает 8 часов в сутки.

...Крестьянин собирает единственный заработок, то есть урожай из которого 80% собранного хлеба для уплаты сельхозналога сбывает на рынке по цене 50–60 коп. за пуд, а сами весной покупают в 5–6 раз дороже, беднейшее крестьяне, хотя и пользуются льготами но не хватает своего урожая на уплату сельхозналога, лишаются добытого потом скотиной, в частности последними овцами...

Рабочий этого не делает рабочий от своего единого заработка, кроме вычета членских взносов которые вносятся на добровольных началах нечего не платит.

Теперь крестьяне желая зарегистрироваться и перейти на культурную обработку земли с него также требуется землеустроительная плата хотя ст. 2 Земельного Кодекса говорится, что все земли в пределах РСФСР, в чьем ведении они не состояли и составляют собственность рабоче-крестьянского государства.

А в случае поломки завода или фабрики, то ремонт производится в общем порядке, но не чуть-ли за счет рабочего.

Крестьянин только и может держать из скота, что не подлежит изъятию, да и тот облагается налогом.

Рабочий же может держать сколько ему нужно скота потому что он налогом не облагается.

Кроме того у крестьянина... дрова, керосин, мазь и пр. является купленным. У рабочего же некоторых заводов отопление бесплатное...»

Из письма Ивана Патрикеева, крестьянина дер. Сырково Тверской губернии Калинину. 10 марта. 1926 г.

«Просим нам крестьянам выяснить интересующие нас вопросы относительно „смычки“ города с деревней.

Почему пролетариат и рабочие зарабатывают от 50 до 90 руб. в месяц, довольствуются здравоохранением, школой страхования жизни, предоставляются книжки для получения на более выгодных условиях мануфактуры с фабричных магазинов. Ясно при существовании твердых цен на продукты существования можно на издживении одного рабочего содержать семью 5 человек не трудоспособных... и не сесть за стол по солив сухую корку прихлебывая водой. Не знаем, как вы на это скажете, но по нашему это есть то что в городе прошла революция.

Перейдем к крестьянину бедняку и средняку не входя в положение кулака... Роемся темными кротами в земле, целые 17 часов в сутки, с утра до вечера и в результате получается разве только средняк 75% своего существования оправдывает от земли. В то время бедняк и 50% это в урожайный год. Откуда выжать тот доход, чтобы обеспечить продуктами существования семью не считая беспрерывно расходы... можно порадоваться лишь тем, что хотя и не у всех имеется кустарное дело, машины для вязанья чулок и перчаток. А судьба бедняка отчасти кто не имеет домашнего дохода, как о поля справился Сентябрь, катись клубком на заработки, в плотники, пильщики, сапожники и чернорабочия, оставляя жене при детях даже и картошку копать...» (Орфография сохранена.)

Были среди крестьян такие, что согласны из себя жилы тянуть, каторжным трудом поднимая свои хутора, а были и такие, которые совершенно справедливо вопрошали: что ж вы, граждане начальники, рабочему 8-часовой рабочий день, а мужик — он что, не человек? Ответа на этот вопрос у советской власти не было, даже такого неопределенного, как простое: «Потерпите, будет». Ибо ничего обещать крестьянину-единоличнику власть попросту не могла — не она этот день устанавливала, не ей и отменять.

Многие из тех, кого нынешние господа писатели, за всю жизнь не набившие ни одной мозоли, презрительно называют лодырями, на самом деле хотели всего лишь избавления от каторги. Выглядело это избавление просто: 8-часовой рабочий день. Пусть не в страду, пусть в сумме за год, чтобы летом работать, а зимой отдыхать. Далеко не все хотели

процветать и богатеть, многих вполне устроила бы скромная жизнь, лишь бы не надрываться. Да большинство бы устроила! Точно так же, как сейчас абсолютное большинство населения не хочет никакого своего дела, а вполне удовлетворяется работой по найму.

Этот вопрос на тех рельсах, по которым двигалось советское сельское хозяйство, не решался никак.

С хуторянами, на которых, по мнению современных экономистов, следовало поставить, все ясно — а как все же быть с остальными? С теми, кто не хотел превращаться в рабочую скотину? С хозяевами настолько бедными, что и помыслить не могли о самостоятельном хозяйстве, с отчаявшимися, с безлошадными? Их что — пустить на собачий корм?

И вот тут господа либералы всех времен и мастей начинают мяться и бубнить что-то вроде того, что все устроится и каждый найдет свое место. Впрочем, промышленная история Европы на практике показывает, где место «лишних людей» капиталистического общества — на свалке. Как они будут там жить и будут ли — это их проблемы.

В этом-то и лежит основное различие между столыпинской реформой и советской аграрной политикой. Царское правительство поддерживало крупных хозяев, благоволило средним, а бедняк ему был безразличен. Бедным кидали милостыню во время голода и бедствий, но ни о чем большем речи не шло. Англосаксонский идеал обрекал слабых на нищету, а слабейших на смерть. Поэтому те и сбивались в общину и стояли в ней насмерть, как гарнизон Брестской крепости.

В 20-е годы позиция правительства была прямо противоположной. Оно всячески стимулировало колхозы и совхозы, а следующим на очереди стоял бедняк, получавший и материальную помощь, и льготные кредиты. Середняк оказался в худшем положении, на что был изрядно обижен — но тут уж извините, на всех элементарно не хватало денег.

Это различие не популистское, а принципиальное, из самых мировоззренческих глубин, все то же, что и раньше. Что главное — собственность или жизнь, если обстоятельства складываются так, что можно соблюдать только одно из этих прав? Положение сельского хозяйства Российской империи уже в начале XX века иначе как катастрофичным не назовешь. Так вот: есть два способа поведения власти во время катастрофы, у каждого свое обоснование, свои плюсы и минусы (имеется еще «нулевой» вариант — отсутствие власти, но мы его не рассматриваем).

Первый — это спасти сильных и здоровых, бросая слабых на произвол судьбы, — англосаксонский капитализм, путь столыпинской реформы. Второй — вытаскивать всех. В этом случае помогают слабым, а на тех, кто может идти самостоятельно, особого внимания не обращают. Это путь большевистского правительства, обозначенный им с самого момента прихода к власти, за что в основном это правительство и получило кредит доверия народа.

Приоритет, избранный большевиками, диктовал главное условие реформы: внутри нее должно поместиться все население.

Глава 8

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Поднимать единоличное хозяйство — значит развивать рост капитализма на селе; капитализм в условиях Советской власти — гибель для последней. Что же делать, как быть? Укреплять единоличные хозяйства — значит, быть врагом Советской власти, быть бедняком — так тогда демонстрировать свою голытьбу перед американским крестьянином. Что делать, как быть?

Из крестьянского письма

Итак, что мы имеем, проведя рекогносцировку пейзажа? Мы имеем около 5% зажиточных кулацких хозяйств, которые постоянно пользовались наемной рабочей силой, были вполне способны развиваться самостоятельно и производить товарный хлеб, — в 1927 году процент товарности этой группы составлял около 20% с перспективой повышения. Остальные крестьяне производили 11% товарного хлеба, но это в среднем, а реально процент товарности убывал с уменьшением мощности двора. Наверху этой группы стояли 20% трудовых середняцких хозяйств, которые давали максимум продовольствия, внизу — 20% бедняков, не дававших вообще ничего и только переводивших зря посевные площади, да и половина оставшихся от них не сильно отличалась.

От доброй половины крестьянских хозяйств толку для страны по-прежнему не было, и примерно столько же толку для них было от советской власти — вполне эквивалентный обмен, ноль в активе, ноль в пассиве.

Если даже вынести за скобки чисто моральный аспект — и не надо говорить, что сидевшим в Кремле правителям не жаль было этих несчастных... Так вот, если даже вынести за скобки моральный аспект, то такое положение вещей являлось преступной растратой основного капи-

тала любой страны — людей, их производительной силы и, как оказалось впоследствии, заложенного в них колоссального потенциала.

Но как бы ни болело сердце за людей и как бы ни было жаль впустую растраченных производительных сил — а что можно сделать? Сельское хозяйство катилось по колее, в которую его поставил Декрет о земле.

Помните, Ленин говорил, что часть декретов советской власти принималась не для дела, а для пропаганды? «Большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте». Попробовали... Крестьяне считали спасительным для себя «черный передел» — но, как и следовало ожидать, реализация мечтаний полувековой давности уже ничему не могла помочь. Деревня оказалась не в состоянии усвоить лекарство, которое послужило бы к развитию за сто лет до того и ко спасению в год отмены крепостного права, как блокадный дистрофик не мог усвоить пищи, спасшей бы его пару месяцев назад. Четверть хозяйств явно уходила в отрыв, набирая силу, остальные же и при новой власти не имели перспектив. И дело в последнюю очередь в том, что стыдно «демонстрировать голытьбу перед американским крестьянином», а в первую — что держать в тоскливой безысходности большую часть населения страны в намерения власти никоим образом не входило. Равно как и повторение позора начала века, когда правительство служило марионеткой дельцов — на погибель себе и стране. Это не говоря о том, что с хлебом было по-прежнему плохо.

Ситуация усугублялась все еще *невыразимым* состоянием местной власти. После войны правительство попыталось осторожно разделить управленческий аппарат и партию — результаты получились устрашающими. За несколько лет совслужащие сформировали чудовищный бюрократический аппарат, который работал только на себя. К концу 20-х на него снова надели партийную узду и затянули крепко, но двадцатые годы были своеобразными.

На места правительственные постановления приходили с опозданием и выполнялись по желанию. Там схлестнулись два встречных потока: военный коммунизм с его отмораженностью и волюнтаризмом и нэп с его бюрократией и коррупцией. У Гаррисона в «Неукротимой планете» есть такие слова: «Кто не видел, как приливная волна заливают действующий вулкан, тот вообще ничего не видел». Возможно, тут присутствует

преувеличение в масштабах — но не в физике процесса. А уж когда обе тенденции сочетаются в одном человеке...

Крайними, как всегда, оказались бедняки — прочие могли хотя бы откупиться от власти, если не заставить ее себе служить. Мы уже писали о разверстке налогов, о перекладывании их с кулаков на бедняков, но ведь это еще не все! Крестьян обманывали буквально во всем.

Из письма:

«Государство пишет в газете и везде, что надо помочь материально бедняку, и устроило для этого пятилетний план помощи. А на деле в нашей волости вышло не то. Бедняку делают не помощь, а разорение. Одна самая плохая лошадь, которая у нас стоит 100 руб., дают ее за 300 руб. да передов просят 40 руб. В нашей деревне ни один человек не взял лошадь».

Ясно же, что не государство брало с мужика 200 рублей переплаты за плохую лошадь. Та ведь была у кого-то куплена, а не сама зародилась в кооперативе. Скорее всего, это местный деятель госторговли или кооперации крутил какие-то свои смутные дела: приобрел клячу у свояка за 250 рубликов, впарил за триста, ну и свояк его тоже не обидел...

Правительство как могло поддерживало бедные хозяйства, даже понимая, что деньги эти в общем-то выброшены на ветер. Самые бедные из хозяйств (а это около 5 млн или 20%), как уже говорилось, освобождались от налогов. Необлагаемый минимум устанавливали на местах — где 70, где 90 руб. дохода на хозяйство, 25–30 руб. на едока. Взять с этих людей все равно было нечего, а разоренные, они стали бы люмпенами, создав государству новые проблемы — как будто мало старых!

Выделялись бедным хозяйствам и кредиты, и семенные ссуды. В тех случаях, когда причиной тяжелого положения была, например, гибель лошади у крепкого хозяина, кредит и вправду мог помочь. В 1925/1926 гг. с помощью таких ссуд 750 тыс. хозяйств купили рабочий скот — это около 8% безлошадных дворов. Где-то лошади появлялись, где-то исчезали — но, как бы то ни было, к 1927 году число безлошадных снизилось до 28,3%. Это уже не так много, как прежде... а с другой стороны, это 7 млн хозяйств! Средняя лошадь стоила 150 рублей, следовательно, чтобы обеспечить их всех скотом, надо 1050 млн — в три раза больше, чем ежегодный налог со всей деревни.

В 1927 году все фонды кредитования бедноты в СССР в сумме составляли 29 млн руб. Если считать беднотой те 35% (или около 9 млн),

о которых говорил Сталин, то мы имеем по 4 рубля на хозяйство, если те 20% (или 5 млн), которые ввиду крайней бедности были освобождены от уплаты налогов, — то по 6 руб. Впрочем, кредиты брали далеко не все — их ведь еще и возвращать надо. Да что кредиты — нередко крестьяне отказывались даже от семенной ссуды, оставляя поля незасеянными или сдавая в аренду. Неудивительно: с засеянного поля надо платить налог да еще и отдавать ссуду (с процентами), а с беспосевных какой спрос?

Совершенно честно сказал в 1925 году Рыков: «Мы о бедноте чаще говорим, чем реально ей помогаем».

Ну а чем помочь?

На путях нормального, *возможного* развития сельского хозяйства — ничем. Государство Российское молчаливо признало это еще в 1861 году, не только бросив крестьян на произвол судьбы, фактически — медленно умирать, но и выжимая из них *предсмертные* выкупные платежи, по принципу «с паршивой овцы хоть шерсти клок». То же самое уже почти открыто признавал Столыпин, обрекая на смерть миллионы «лишних людей» ради спасения остальных и державы.

Большевики, как и правительство Александра II, как и Столыпин, отлично знали, что надо сделать: создать на селе крупные, интенсивные, высокотоварные хозяйства, а образовавшийся избыток людей направить на развитие промышленности. Вся беда заключалась в том же, что и у Столыпина: для бескровного реформирования деревни надо было иметь развитую промышленность, а промышленная реформа не могла опередить аграрную, поскольку средства для индустриализации и рабочие руки можно было взять только из уже реформированной деревни. Город же, каким он являлся, способен был принять ничтожную часть высвобождающихся людских ресурсов — а куда девать остальных?

Вот если бы найти такую форму агропредприятий, которая впитала бы в себя излишки людей, пусть даже за счет понижения прибыльности — пес с ними, с прибылями, деньги не дороже жизни! Создать из агропредприятий эдакое «человекохранилище», резерв, откуда потом по мере надобности черпать кадры, направляя их туда, куда нужно народному хозяйству.

Красивая идея. Но как ее реализовать?

Фаланстеры от Ульянова

Скоро в снег побегут струйки,
Скоро будут поля в хлебе.
Не хочу я синицу в руки,
А хочу журавля в небе.

Семен Курсанов

Свой сельскохозяйственный идеал большевики ни от кого не прятали. Видели они его отнюдь не в «крестьянском рае», а в «агрозаводах», в которых средства производства принадлежали бы государству, а люди работали по найму. Еще в ленинских «Апрельских тезисах» говорится: *«Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 дес. до 300 по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем батрацких депутатов и на общественный счет».*

В феврале 1919 года было принято «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» — значительный шаг вперед по сравнению с «Законом о социализации земли». В первую очередь потому, что в нем был наконец определен собственник земли — вся она становилась единым государственным фондом, заведовать которым должны были органы советской власти. Согласно положению, единоличное землепользование объявлялось «проходящим и отживающим», а идеалом и конечной целью всех аграрных преобразований авторы видели «единое производственное хозяйство, снабжающее советскую республику наибольшим количеством хозяйственных благ при наименьшей затрате народного труда». И если Закон о социализации был откровенно бредовым, то «Положение...» — всего лишь утопическим. Действительно, прогресс налицо...

Лев Литошенко в 1924 году с известной долей иронии так описывает будущую агропромышленность, как ее видели большевистские деятели образца 1918–1919 гг.

«Развитая сеть советских хозяйств, управляемая общими органами народного хозяйства, работающая на общество и сдающая все свои продукты на удовлетворение общественных потребностей, включающая не только производство сельскохозяйственных продуктов, но и разнообразную их переработку... Советские хозяйства должны будут

и совершенствовать технику производства. Электричество, которое в нашу эпоху является главной силой в промышленности, должно будет получить наиболее широкое применение в деревне и в сельскохозяйственном производстве. В советских хозяйствах должна быть раскинута сеть заводов и фабрик: консервные, кожевенные, машиностроительные (сельскохозяйственных машин и орудий), деревообделочные, текстильные, ремонтные и т. д. и т. п. предприятия должны развернуться во всей широте. Советские хозяйства должны явиться рассадниками агрономической культуры. Здесь должны содержаться стада племенного скота, конские заводы, производиться улучшение сельскохозяйственных культур и т. д. Наконец, советские хозяйства должны будут явиться центром социалистической культуры, просвещения, искусства, воспитания нового человека...»¹

Описание, конечно, не лишено примет времени — например, в нем ни слова не говорится о доходности, поскольку тогда считалось, что деньги в ближайшем будущем отменят, заменив их прямым распределением. И сама эта картина среди окружающей войны и нищеты изрядно напоминает речь Остапа Бендера о блестящем будущем городка Васюки. В 1924 году, видя, что творится вокруг, ученый имел полное право иронизировать — но впоследствии этот проект реализовался: и «фабрики проводольствия», и переработка, и электричество, и племенные заводы, и Дома культуры — разве что минус производство сельхозмашин, которое осталось в городах. Причем реализовалось не только в совхозах, но и в колхозах, естественно, не во всех — однако уже перед войной ничего эксклюзивного в нарисованной картине не было.

...Первые совхозы начали появляться сразу после Октябрьской революции. Основные же принципы их организации были сформулированы в том самом «Положении о социалистическом землеустройстве».

Совхозы организовывались на землях единого государственного фонда, в основном на базе бывших крупных имений с высокой культурой производства, сложным техническим оборудованием и т. д. Работали в них наемные работники, труд их оплачивался по ставкам, выработанным профсоюзом сельскохозяйственных рабочих и утвержденным Наркоматом земледелия. Во главе стояли назначенный заведующий и рабочий контрольный комитет. Управлялись совхозы по тому же прин-

¹ Литошенко Л. Социализация земли в России. С. 212–213.

ципу, что и отрасли промышленности, — через местные, районные и губернские управления советскими хозяйствами, которые, в свою очередь, подчинялись отделу обобществления сельского хозяйства при Наркомате земледелия. Урожаем распоряжались по принципу продразверстки: всю продукцию, за вычетом семян, фуража и норм потребления рабочих и их семей, совхозы сдавали продорганам, зарплату рабочим платило государство, все недостающее получали от него же по твердым ценам.

Те, первые совхозы были от нарисованных теоретиками «блестящих Васюков» куда как далеки! Спасти от стихии передела удалось лишь незначительную часть национализированных земель. В 1916 году на территории РСФСР (без Украины и Крыма) насчитывалось 76,2 тыс. крупных хозяйств. В среднем на каждое из них приходилось примерно по 50 дес. земли и по 10 голов рабочего скота, но в реальности, как мы знаем, существовали «экономии» и с тысячами, и с десятками тысяч десятин посевной площади. По состоянию на 1920 год на той же территории насчитывалось 5,6 тыс. совхозов с посевной площадью 308 тыс. десятин, или по 54 дес. на хозяйство, и по те же 10 голов рабочего скота. На сей раз это был действительно средний размер — какие-то хозяйства имели по 20, а какие-то и по 200 десятин, но многотысячных не осталось.

До революции в таком хозяйстве обитало в среднем 20 человек, после нее — около 45, или почти по человеку на десятину. Впрочем, это ни о чем не говорит, поскольку помещики и крупные кулаки вовсе пользовались батрацким трудом крестьян соседних деревень. Однако некоторый переизбыток рабочих в совхозах все же имел место, поскольку во многих хозяйствах — «фабрики» ведь! — на практике попытались ввести 8-часовой рабочий день — летом! Естественно, это тут же вызвало резкое увеличение числа работников. А зимой, когда работы было мало, они дружно околачивали совхозные груши — но зарплату получали. Пока шла война и бушевала продразверстка, такое положение было терпимо: люди просто кормились возле земли, как и единоличники, и не были заинтересованы в производстве излишков — все равно сдавать! Но как только начался нэп и всем, в том числе и совхозам, пришлось научиться считать деньги, излишек рабочих сразу начал оказывать себя.

Неприятным сюрпризом стала и «несознательность» селян. Вопреки описаниям народного характера, у них не оказалось склонности к работе

на общество — даже за плату! Нет, они все понимали и даже говорили правильные слова, но на практике в русской деревне свое обрабатывалось более-менее старательно, общинное — хуже, а общественное — кое-как. Пошло такое отношение еще от барщины, и наивной надежде, что если его назвать хозяином страны, то человек труда автоматически ощутит хозяйскую гордость и начнет работать на державу, как на себя, — этим чаяниям сбыться было не суждено. А если уж взглянуть правде прямо в глаза, то *опущенный* народ в массе своей даже к собственному хозяйству относился кое-как (Лев Толстой, например, еще в 1891 году отмечал, что крестьянские поля обрабатываются плохо), а к не своему — из рук вон. Без надсмотрщика мужик на чужом поле не работал, а изображал видимость. А для присмотра за работами нужны были толковые управленцы, чудовищный дефицит которых Советская Россия испытывала с первого дня.

Так что совхозы были... нет, не плохими. Разными. В целом, несмотря ни на что, они все же были и экономичней, и продуктивнее среднего (читай, бедняцкого) крестьянского хозяйства. Где-то удавалось организовать их очень успешно — случалось, кстати, что во главе такого хозяйства становился прежний управляющий, а то и бывший владелец¹. Где-то они были слабыми, почти не отличающимися от крестьянских, где-то являли собой «мерзость запустения» — погибающий от бескормицы и отсутствия ухода скот, незасеянные поля. А случалось, что и вовсе никакими — иногда совхоз, не связываясь с постоянными рабочими, попросту нанимал батраков из окрестных крестьян, а то и управляющий с несколькими помощниками, не заморачиваясь сельским хозяйством, сдавал землю в аренду.

Тем не менее назвать эксперимент провальным нельзя даже при самом недобром к нему отношении. Совхозы существовали — тихо, незаметно делали свое дело в глубине воюющей страны. В Гражданскую о них мало писали — разве что иной раз в донесениях ЧК мелькнет информация, что очередные повстанцы уничтожили очередное советское хозяйство. Или в сводках борьбы с тамбовским восстанием проскочит строчка, что такая-то банда косит совхозный хлеб — стало быть,

¹ Кстати, замечательный пример становления образцового сельхозпредприятия дан в повести А. Макаренко «Педагогическая поэма», хотя начиналось все совершенно случайно, как отчаянная попытка накормить сотню голодных подростков.

и в 1921 году в самом сердце горящей Тамбовщины какой-то совхоз пахал и сеял.

Так что никаких образцовых хозяйств не вышло, а в сравнении с помещичьими имениями большей частью получилась образцовая бесхозяйственность. И в целом можно вполне согласиться с Литошенко, который писал: *«Ни в количественном, ни в качественном отношении советские хозяйства не оправдали возлагавшихся на них надежд. Они оказались дорогой игрушкой, а не рычагом, при помощи которого можно было бы придать социалистический характер сельскохозяйственному производству».*

Да, все так. Именно игрушкой.

Кстати, а для чего детям нужны игрушки?

...С переходом к нэпу перешли на самоокупаемость и совхозы. С них сняли госфинансирование и перевели на хозрасчет, исходя из той совершенно правильной мысли, что уж коль скоро крестьянин-единоличник может сделать свое микрохозяйство прибыльным, то совхоз просто не имеет права быть убыточным. И начался кризис. Слабые хозяйства погибали сами или их ликвидировал Наркомзем, передавая имущество крепким. Кое-где власти на местах, устав реанимировать убыточные хозяйства, были склонны вообще «закрыть лавочку», и если бы не жесткий нажим государства, совхозов уцелело бы намного меньше. Но взгляды государства на сельскохозяйственный идеал остались прежними. Поэтому если в хозяйстве теплилась хоть какая-то искорка жизни, его сохраняли, проводили реанимационные мероприятия и выводили на старт второй попытки.

Вернемся снова к основополагающей монографии И. Климина и посмотрим, что там у нас с цифрами. Статистика 20-х годов — глухая чащоба. Совхозы принадлежали разным ведомствам, все время распадались и появлялись, перенутывались с подсобными хозяйствами, наконец, существовали и вовсе странные сельхозпредприятия, вроде той же колонии Макаренко. Данные, которые хозяйства посылали наверх, представляли собой причудливый коктейль из реальности и приписок. Разве что валовому сбору зерна можно верить — и то если цифры урожаев не занижались, чтобы продать часть зерна «налево», ибо большинство начальничков имело свой гешефт. Так что не стоит обольщаться точными цифрами — речь может идти только о приблизительных данных.

Возьмем приводимую Климиным статистику историка И. Е. Зеленина. По его данным, в 1921/1922 гг. в РСФСР (без автономных республик) существовало 5318 совхозов, имевших 3106 дес. земли; в 1922/1923 гг. — 5227 и 2391 соответственно; в 1923/1924 гг. — 5199 и 2371,9; в 1924/1925 гг. — 4394 и 2303,6¹; в 1925/1926 гг. — 3348 и 2136 дес. Статистика очень интересная. Действительно, в той организационной свистопляске, которая бушевала на советских просторах, число хозяйств ни о чем не говорит, важны еще и размеры и динамика изменений. Вот смотрите, какой лукавый вывод делает Климин:

«За годы нэпа произошло обвальное падение числа советских хозяйств примерно на 40%, а земельной площади — на 25%... Эти показатели, на наш взгляд, служат важным объективным критерием, характеризующим нежизнеспособность социалистических форм хозяйствования в указанные годы».

Почему вывод лукав? Потому что если число хозяйств уменьшалось в иной год на сто, а в иной и на шестьсот единиц, то вся потеря земельной площади приходится на первый послевоенный год — те 90 совхозов, которые тогда перестали существовать, на самом деле безвозвратно распались. Это и есть, собственно, кризис перехода к нэпу и вызванная им ликвидация слабых хозяйств. А потом уменьшение числа шло практически без изменения земельной площади и означает что угодно — слияние хозяйств, укрупнение, поглощение — но только не ликвидацию как таковую. И вместо нежизнеспособности мы видим, наоборот, отменную жизнеспособность новой формы производства — хозяйства укрупняются, что и требовалось получить!

Если хотя бы относительно верить статистике, то за один год — с 1924 по 1925-й при продолжающемся общем уменьшении числа совхозов, их посевная площадь выросла на 29,3%. За тот же год площадь пашни на один совхоз выросла с 70 до 149 дес, а площадь посева с 31,5 до 83 дес. Так что, как видим, никаким развалом и не пахнет. Какой же развал, раз стали больше пахать и сеять?

¹ По данным, приведенным зам. Наркома земледелия на заседании Политбюро 2 августа 1926 г., в 1924/25 гг. было 5700 совхозов с земельной площадью в 3125 дес. Как увязать одну статистику с другой? Скорее всего, имеются в виду разные виды хозяйств — по каким критериям одни подсобные хозяйства крупных предприятий относили к совхозам, а другие не относили — неведомо никому.

Следующий показатель — урожайность. И снова статистический разнобой. По данным зам. председателя правления Госсельсиндиката Ф. Галевиуса, приведенным Климиным, средняя урожайность в совхозах за три года (1924–1926) была примерно 58 пудов с десятины, то есть на уровне середняцких хозяйств. Это верхняя граница.

Теперь немножко посчитаем сами. В 1924 году валовой сбор совхозных зерновых составил 2,3 млн пудов, а в 1925-м — 6,5 млн — но это как раз не говорит ни о чем, кроме нестабильности российских урожаев, поскольку в 1924-м была засуха. Зато если мы сосчитаем общую площадь посева на 1925 год и разделим на нее валовой сбор, то выйдет и вовсе по 24 пуда с десятины. Это нижняя граница. Где истина? А истина в том, что уровня зажиточного хозяйства, не говоря уж об интенсивном, достичь не удалось.

Иного, впрочем, и ожидать бессмысленно. Совхозы ведь создавались не ради сивки, плуга и навоза, которые по необходимости применяли, а под трактор, минеральные удобрения, сортовые семена, собственного агронома — но трактора еще предстояло изготовить, удобрения добыть, новые сорта вывести, агрономов выучить. А пока все та же крестьянская рожь и тот же навоз.

Но как только мы переходим к товарности совхозов, то получаем совсем иные результаты. По официальным данным, в 1927 году их валовая продукция составила 7831 тыс. ц зерна, а товарная — 4981 тыс. Путем простой арифметической операции мы получим, что эти хозяйства, при самом большем середняцкой культуре производства, имели товарность 63%! И даже если цифирка несколько и завышена (рабочие совхозов не получали продукты в натуральном виде, как крестьяне, а покупали), то она в любом случае до 11% не опустится. Что же будет, когда появятся трактора, удобрения и семена?

И наконец, самое интересное — перспектива. В 20-е годы, несмотря на поразительную бедность страны, власти находили в себе силы ставить не столько на эффективные (иначе бы развивали кулака), сколько на перспективные хозяйства. Как у совхозов обстояло дело с переходом к интенсивному хозяйству? По этому поводу зам. наркома земледелия А. И. Свидерский 2 августа 1926 г. отчитывался перед Политбюро:

«Увеличивается количество земли, находящейся под чистосортными культурами. Увеличение наблюдается от 31,4 до 93,8%. Уста-

навливается правильный севооборот, многополье. Многополье в совхозах, трестированных по РСФСР, достигает 78%, и только в 20 с лишним процентах существует трехполка. В Белоруссии этот процент достигает 95 и только 5% остается под трехполкой... Вместе с тем наблюдается следующее, что технические приемы лучшего хозяйствования, которые мы рекомендуем крестьянству, они в настоящее время в отношении совхозов получили полные права гражданства. Ранний пар, зяблевая вспашка применяются в 80% всей обрабатываемой земли. Наряду с качественными улучшениями увеличивается также продукция скота, наблюдается рост удоя, а также рост выжеребовки¹ наших государственных конных заводов, которая была больным местом и на прежних царских государственных заводах»².

Впрочем, и с эффективностью не все оказалось так плохо. Не то в 1923-м, не то в 1924 году зам. председателя Госплана И. Т. Смилга одно время хотел провести эксперимент, для которого попросил передать в его ведение какой-нибудь совхоз, чтобы опытным путем установить, может ли данное сельхозпредприятие приносить прибыль. С учетом того, что в 1922/1923 гг. совхозы РСФСР принесли 550 тыс. убытка, а в следующем году — 1 млн, эту идею можно поместить в разряд черного юмора, к каковому она скорее всего и относилась. Не может же в самом деле нормальный хозяйственник считать, что крупное сельхозпредприятие *в принципе* неспособно приносить прибыль.

Но все же в 1922/1923 гг. 5 из 33 сельтрестов (объединений совхозов) оказались прибыльными. На следующий год их число удвоилось, а затем начался очень быстрый рост. В 1923/1924 гг. украинские совхозы дали прибыль 140 тыс., а в 1924/1925 гг. уже 750 тыс.; Белоруссия — 78 тыс. и 333 тыс. соответственно; Самарская губерния — убыток в 127 тыс. и прибыль 42 тыс.; Омск — 39 тыс. и 175 тыс.

С этого момента можно было утверждать, что эксперимент оказался успешным. Совхозы доказали, что они способны быть рентабельными, — а значит, имеют право на существование, несмотря на всю неотлаженность механизма социалистического сельхозпредприятия.

¹ Выжеребовка — приплод кобыл.

² Стенограммы заседаний политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1928. В 3 тт. М., 2007. Т. 2. С. 273–274.

Официальная советская наука говорила об успехах совхозного строительства, приводя в пример крепкие, доходные хозяйства, — и это чистая правда. Современная, обслуживающая противоположный социальный заказ, с той же легкостью на каждый такой образец находит десять примеров вопиющей бесхозяйственности — и это тоже чистая правда. Но делать отсюда вывод о перспективности или бесперспективности совхозов нельзя.

Почему? Да потому, что существовало еще и хозяйство «Лотошино» Московской губернии. В том же самом 1925 году урожай зерновых в нем составил 160–180 пудов с десятины, а удои на одну корову 174 пуда в год (около 8 кг в день) против 102 пудов в среднем по совхозам (4,2 кг). (Конечно, по нашим временам такие цифры покажутся смешными — но тогда в России почти не было породистого скота, его еще предстояло вывести, и этих показателей добивались все от тех же крестьянских буренок, про которых хозяева говорили: «У нас не корова, а навозная течь»).

Это — маяк, свет на вершине.

Вспомним: для чего все же нужны детям игрушки? С точки зрения взрослых, они существуют, чтобы отпрыски не мешали родителям. Но для детей игра — это отработка навыков, которые понадобятся им во взрослой жизни. В Гражданскую совхозами баловались, присматриваясь краем глаза: можно ли построить из этих кубиков хоть какой-нибудь домик? Кривенько, но вышло, и после перевода на хозрасчет совхозы начали изучать.

Учиться властям РСФСР было не у кого, никто в мире до сих пор ничего подобного не делал. Так что им поневоле приходилось обращаться с экономикой, как с новой техникой, — проект, опытный образец, испытания, доводка, снова испытания — и так до тех пор, пока не получится машина, которую можно запускать в серию. Совхоз как сельхозпредприятие не был ничем потрясающим, но совхозное строительство как полигон, на котором шла отработка новой аграрной экономики России, свою функцию выполнило полностью.

Советская аграрная реформа кажется внезапной. Но даже рождение кошек, которое народная мудрость называет критерием внезапности, и то требует определенного подготовительного периода. Тем более столь кардинальная перестройка всего аграрного сектора не могла проводиться экспромтом, это нонсенс. Интересно, хоть кто-нибудь всерьез изучал нэп

как совершенно уникальный период *отработки методов* управления будущей плановой экономикой?

И в этом аспекте существование одного образцового хозяйства «Лотошино» искупает все неудачи совхозного строительства. Потому что на выходе удалось получить искомое — доведенный до работающего состояния образец агрозавода.

Можно готовиться к серийному производству.

Но чем дальше, тем больше становилось ясно: совхозы при всей своей уникальности и нужности не решали главной проблемы будущей аграрной реформы — как быть с крестьянином-бедняком?

Одни совхозы помогали окрестным земледельцам — предоставляли улучшенные семена, качественный скот, организовывали зерноочистительные пункты, ремонт сельхозмашин, проводили лекции. Другие относились к ним потребительски-эксплуататорски: сдавали землю в аренду, предоставляли кредиты под грабительский процент. Есть случаи прямого мошенничества: например, совхоз, получив семенную ссуду, переуступал ее крестьянам, наживаясь на разнице в процентах. Климин приводит пример такого хозяйства:

«Он имел свободных 5 плугов, но прокатного пункта не организовал, а за потрапу луга крестьянским скотом берет хуже старого помещика. Он установил высокую плату населению и за помол зерна... Не выдал совхоз и семена крестьянам в кредит. По словам крестьянки Пономаревой, „мы живем с совхозом, как волки, от него ничего мы не видим, кроме обиды. За кредит небольшой — кринку молока. Я бы отработать могла, а меня гонят. Разве это совхоз?“»

Но вне зависимости от отношений с окрестным населением совхоз все равно занял в русской деревне ту экологическую нишу, где раньше сидел барин. Крестьяне так и говорили: «советские помещики». Сам по себе барин может быть очень хорош, но основной проблемы сельского хозяйства он не решает никак, как не решал ее и прежний помещик. Советская аграрная реформа уперлась в ту же стену, что и столыпинская: можно устраивать на селе любые фаланстеры, с самыми фантастическими результатами — но куда девать сто двадцать миллионов мужиков с их сивками, сохами и 80 полосками земли на один семейный надел?

С миру по копейке

Имеется четверть миллиарда казенных денег, которыми распоряжаются назначенные коммунисты, плюс к этому имеется кооперативная вывеска.

Сокольников, нарком финансов СССР.

Кооперация стояла ближе к мужику как первичная, древнейшая форма взаимодействия между мелкими производителями. Когда пять первобытных охотников вручали одному связку шкур и посылали в соседнее становище менять их на кремневые наконечники, они создавали первый кооператив. Разве что денег у них не водилось — ну так и в Гражданскую натуральный обмен всюду процветал. Впрочем, как и кооперация: частная торговля была запрещена, государственной еще не существовало, и единственной легальной возможностью вести хоть какие-то дела с селом являлись кооперативы.

Во время войны большевики относились к кооперации сложно. С одной стороны, дело хорошее, с другой — ее контролировала зажиточная часть деревни и «держали» эсеры. А вот после войны правительство включило ее в число своих главных козырей. И были тому две основные причины, по числу двух видов кооперации — потребительской и производственной.

Причина первая. С введением нэпа произошло то, что и должно было произойти. Нэпманы проявили нешуточную деловую активность, но только в одной области — в торговле, и принялись активно захватывать рынок. Власть, стиснув зубы, признала посредников-спекулянтов как неизбежное зло, но вовсе не собиралась считать их добром. Не надо быть экономическим гением, чтобы понять, что частная торговля при государственной промышленности станет каналом перекачки госсредств в карманы нэпманов. Не говоря уже о том, что монополия частного на рынке позволяла... Да что монополия — простое господство частного на рынке, при том что существовали и госторговля, и кооперация, всего через несколько лет поставит страну на грань голода — при нормальном урожае!

Между тем для производителя частный торговец был удобнее, чем государственная сеть реализации — громоздкая, неотрегулированная, неповоротливая. Частник — более гибкий, мобильный, являющийся хозяином своим ценам, не нуждающийся в утрясках и согласованиях —

быстро ориентировался, платил наличными, легко проникал в самые отдаленные медвежьи углы. Эту проблему надо было как-то решать. И в ее решении немалая роль отводилась кооперативам.

В мае 1924 года в Москве состоялся XIII съезд ВКП(б). Известен этот партийный форум в основном тем, что на нем было оглашено так называемое «ленинское завещание» — а между тем куда интереснее были другие вопросы, рассматривавшиеся там. Одним из основных как раз являлся вопрос торговли и кооперации и задачи в этих областях в условиях нэпа.

Из резолюции XIII съезда ВКП(б) «О кооперации»:

«После того как Советской власти и нашей партии удалось достичь первых успехов в деле хозяйственного восстановления страны, увеличив и расширив производство государственной промышленности, усилив провозоспособность транспорта, с одной стороны, и подняв сельское хозяйство, с другой, — важнейшей первоочередной нашей хозяйственной задачей становится овладение рынком и его организация, т.е. в основном — задача развития и укрепления кооперации...»

Установлением нэпа был допущен к участию на рынке частный капитал, но, как и можно было предвидеть, частный капитал устремился не на производство... а в торговлю, и благодаря слабости распространения органов кооперации и госторговли частному торговцу в значительной мере удалось захватить рынок в свои руки, в особенности в деревне. Таким образом, развитию социалистического хозяйства и непосредственной смычке государственной промышленности с крестьянским хозяйством ставится прямая угроза в виде еще не развитого рынка, но уже в большинстве захваченного частной торговлей. Создается противоречие, — когда промышленность находится в руках государства, а посредником между ней и крестьянином выступает частная торговля. Вот почему задача развития кооперации есть прежде всего задача вытеснения из торговли частного капитала и тем самым создания сплошной связи между крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью».

Конечно, рапортуя об успехах, съезд безбожно преувеличивал, однако основную опасность обозначил четко — рынок еще не развит, но уже захвачен частной торговлей. Которая, оказавшись в положении хозяйки, сможет подстраивать под себя его дальнейшее развитие.

Это первая причина особого внимания власти к данному вопросу и первый вид кооперации — потребительская. Однако существуют и прочие ее виды: кредитная, промысловая, сельскохозяйственная — как способ организации производителей и, наконец, просто как привычка, по старому выражению, к «действиям скопом». И отсюда следует **вторая причина**.

«Вся важность задачи кооперативного строительства должна быть понята и признана еще и потому, что в области экономики совершенно ясно, что наше дальнейшее продвижение к социалистическому хозяйству будет определяться двумя параллельными моментами: успехами развития крупной государственной промышленности, во-первых, и успехами кооперирования населения, во-вторых...»

Здесь в первую очередь имсется в виду предполагаемый большевиками путь ликвидации бредовой российской экономической системы, сочетающей несочетаемое: крупную промышленность в городах и мелкодисперсное индивидуальное хозяйство на селе. В отличие от Столыпина, видевшего спасение в естественном отборе, большевики ставили на объединение мелких производителей, которое можно будем потом, болсе или менее скоро (в зависимости от обстоятельств) трансформировать в современное производство.

«Особенно серьезное внимание должно быть сосредоточено на развитии кооперации в деревне, ввиду той исключительной роли, которую кооперация должна играть для подъема крестьянского хозяйства... Укрепление и рост кооперации в деревне есть прежде всего борьба за освобождение бедняка и середняка в деревне от кулацкой, спекулянтской и ростовщической кабалы, принимающей в деревне самые различные формы. Во-вторых, широкое вовлечение в кооперативную самодеятельность крестьянских масс есть школа коллективного хозяйствования для крестьянина, наиболее простая и понятная.

Задача кооперации в деревне сводится отнюдь не только к тому, чтобы дать крестьянскому хозяйству дешевый товар, т. е. организовать его как потребителя. Кооперация должна организовать крестьянина и как производителя, и с этой точки зрения развитие сельскохозяйственной производственной кооперации имеет колоссальнейшее значение...

В области сельскохозяйственной кооперации должно быть обращено особое внимание на развитие уже складывающихся форм производственно-сбытовых объединений (Маслоцентр, Льноцентр. Союзкартофель и т. п.), на организацию артельных и коллективных

видов сельского хозяйства, изыскивая для поощрения участников этих хозяйств всякого рода премии, поощрения и льготы, а также на развитие кредитной сельскохозяйственной кооперации как наиболее массовой и всеобъемлющей формы кооперации, способной вовлечь самые широкие слои крестьянства и непосредственно обслужить разнообразные производственные нужды крестьянских хозяйств».

Кредитная кооперация — это уже немножко другое, а именно: объединение денежных средств населения. Большевикам этот род деятельности был хорошо знаком — до революции они вели работу на заводах и отлично знали, что такое сберегательная касса, касса взаимопомощи... забастовочный фонд можно отнести сюда же, а это и вовсе свое, родное. В деревне эта работа была, как любил выражаться Ленин, «архиважна». Как известно, кто платит, тот и заказывает, и организация простой кассы взаимопомощи, помогавшей крестьянам освободиться как от сельского ростовщика, так и от жулика из госорганов, не стоила государству почти ничего, а давала много.

«Усиление развития кооперации имеет и огромное культурное значение для деревни как в смысле увеличения самостоятельности крестьянства, так и общего подъема культурности самого крестьянского хозяйства через продвижение в деревню сельскохозяйственных орудий, агрономической помощи, семян, частичной электрификации деревни и т. п. Все это значение кооперации для деревни диктует необходимость всячески сохранить низовую кооперацию от захвата и влияния кулацко-спекулянтских элементов деревни, которые делают и будут продолжать делать попытки использовать кооперацию в качестве лавочки для своей наживы, дискредитируя тем самым идею кооперации среди широких крестьянских масс»¹.

Съезд — мероприятие для простых людей, его резолюции пишутся простым языком и упрощенно в смысле проблем, чтобы любой полуграмотный и вовсе неграмотный гражданин СССР, которому прочтут резолюцию, смог ее понять. Естественно, поговорка про бумаги и овраги как раз для такого случая. Вот почему еще нельзя излишне серьезно относиться к официальным партийным документам — они, хотя и не в основном, но во многом были явлениями пропаганды. А как их станут воплощать в жизнь?

¹ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1941. В 2 тт. Т. 1. С. 584–586.

Мозговой центр власти в то время собирался на заседаниях Политбюро, причем далеко не все, кто реально осуществлял управление, входили в его состав. Например, конституционный глава государства Михаил Иванович Калинин был всего лишь кандидатом. Между тем достаточно прочесть стенограмму любого заседания, чтобы все мифы о «декоративной фигуре» разлетелись напроць. Этот крестьянин по происхождению, токарь по профессии и политзключенный по образованию куда более умен и цепок, чем интеллигенты из партийной верхушки.

Занятная перепалка произошла у него с Бухариным на одном из заседаний. Склонный к витиеватым словесным фигурам Николай Иванович выдал такую фразу: *«Когда ставится вопрос относительно накопления в крестьянском хозяйстве, то как вы можете разрешить эту проблему, когда у нас налицо затор вместо ускорения оборота, вы получаете очень медленный оборот»*.

Калинин. Ты по-русски говори.

Бухарин. Ты сам полчаса подбирал слово по-русски, а ты середняк».

В какой связи одно с другим у Николая Ивановича, просто так не поймешь, логика у него поэтическая, а вот словечко «середняк» в данном контексте очень интересно — в смысле репутации. Определенно стоит погуглить и посмотреть портреты Калинина, чтобы увидеть, что он не только не интеллигент, но и не рабочий, а именно мужик, середняк, причем такой, что пальца в рот не клади — проглотит руку вместе с сапогами. Такие марионетками не бывают. А вот соратник для сына грузинского сапожника вполне подходящий.

Ладно, это было лирическое отступление, вернемся к кооперативам. Итак, стрелочку маршрута рисовали на съезде, а прокладыванием дороги сквозь рельеф местности занимался тот самый мозговой центр, именовавший себя «заседанием Политбюро» — а на самом деле просто команда.

Положению кооперации было посвящено заседание 3 января 1925 года. Очень, надо сказать, поучительное чтение — особенно тем нашим современникам, кто хорошо знает, как надо было поднимать страну. Потому что развитие кооперации упиралось в основном не в добрую или злую волю властей, а в гнусную реальность технических проблем. Например, в банальный недостаток оборотных средств.

Чтобы конкурировать с частником на рынке, надо было срочно наращивать оборот, а тот мужик, которого власти хотели видеть в кооперативе, был беден, для него и членский взнос в полтора-два рубля —

серьезная проблема. Товары кооперативам приходилось брать в кредит, да и продавать в кредит, а «кредитная игла», тем более двойная, — это очень мало радости. Дисциплины в стране нигде и никакой, платят плохо, если вообще платят. Руководители промышленности стенают в один голос: нужны наличные деньги, нужен быстрый оборот. Их можно понять: поставщики сырья в основном тоже частные, у них в кредит не купишь. Печатный станок заклепан наглухо, на этом способе лежит табу. Быстрый оборот — это все тот же частник, а как же с наполеоновскими планами захвата рынка?

Чтобы уменьшить кредиты, надо увеличивать собственные средства кооперации, а значит, привлекать туда зажиточных крестьян. И сразу же вставал вопрос о кулаке: позволять ли ему вступать в кооператив? С одной стороны, у него: а) больше денег, с одной голью кооперацию не поднимешь; б) «связанный» в кооперативе, он менее опасен, чем находящийся в свободном плавании; в) кулаками на селе называют всех, кто хоть чуть-чуть поднимается выше среднего уровня. Как раз и пример подоспел к заседанию: в станице Мечетинской один из крестьян приступил к машинной обработке земли, и его тут же по этому поводу радостно лишили избирательных прав, а заодно и вышибли из кооператива.

С другой стороны, допуская в кооперацию кулака, власть серьезно рисковала, что корабль пойдет не по тому курсу. Речь тут, конечно, не о заклеяменном этим званием труженике-середняке, а о подлинном кулаке — сельском торговце и ростовщике. Если такой окажется в кооперативе, то еще вопрос, кто на кого станет работать — кулак на кооператив или кооператив на кулака? Как прямо сказал Сталин: «Я думаю, что один кулак будет вести за собой правление, потому что кулак умен. Я ставлю одного кулака в правлении выше, чем 10 не кулаков». Сталин предлагал допустить его в члены кооператива с запретом входить в правление, но кто мешает кулаку *советовать*?

Да, чтение интереснейшее. Отраженный в репликах собравшихся процесс притирки частей механизма нарождающейся плановой экономики — сильное зрелище. Эпическое полотно, эдакое первобытное горообразование, сталкивающиеся гиганты и отлетающие от них каменным фонтаном глыбы и скалы...

А на местах ведь все равно сделают так, как захотят!

Да, вот именно, что на местах... Проблема кадров — отдельное развлечение. Во время войны поневоле приходилось председателей коо-

перативов назначать, иначе ими в большинстве случаев оказывались ставленники кулаков и выделенные для села товары шли ясно в чьи сараи для дальнейшей спекуляции. После войны и перехода на хозрасчет систему «назначенчества» начали ломать — а она не ломалась! Местные власти не желали упускать такой вкусный кусочек, и никакие инструкции из Центра им были не указ, а мужик во имя декрета против уездного начальства не пойдет — да и откуда он узнает про декрет-то?

Из доклада Г. Каминского, зам. председателя Союза союзов сельхозкооперации

«Вот типичный пример: в Крыму назначаются в Симферопольском районе выборы в первичной кооперации. По приказу выборы совместно потребительской и сельхоз. кооперации. Порядок дня назначен заранее и заранее опубликован в газете. Причем один и тот же для всех, назначен какой-то комиссией даже не кооперативной, а просто районной избирательной комиссией в составе представителей женотдела, представителей комсомола, представителей волостного совета и только в конце представителей кооператива. Понятно, заранее уже имеется списочек всех правлений и, таким образом, правления фактически не избираются, а назначаются сверху. Мужик это знает. Законы о выборности в уставе остаются мертвой буквой... У нас на местах линия партии не проводится, мы имеем сплошное назначенчество. (А вы думали, линия партии — в том, чтобы держать все под контролем? Я тоже (смайлик смущенный). — Е. П.) Я недавно был под Москвой на выборах правления кооператива. Я увидел, как даже здесь, под Москвой, трудно провести линию партии: ребята привыкли действовать очень просто: когда голосовали состав правления, то голосовали списком, причем просто заявили: „возражающих нет“ — нет — принято. А мужик шумит, волнуется, но делать нечего. Все уже сделано».

А как воровали! Впечатляет даже по нынешним воровским временам. Наркомфин Сокольников привел основной тогдашний аргумент против построения системы госторговли: «Говорят, что государственная розничная торговля немыслима, потому что невозможно усмотреть за нашими чиновниками внизу, — и продолжил: — Но в кооперации еще меньше оказывается возможностей смотреть за чиновниками при нынешнем порядке их назначения». (Интересно, как с ними все же справились? И масштабы репрессий в 20-е вроде бы невелики, и го-

сторговлю построили. Может быть, запрятана тишком промеж «жертв коллективизации» пара сотен тысяч проворовавшихся местных деятелей? Которых потом скопом реабилитировали?) И рассказывает замечательную историю.

«Назначили одного коммуниста в кооператив; мужики его приняли. Он проворовался. Назначили второго коммуниста. Он тоже проворовался. Когда назначили третьего коммуниста, мужики говорят: „Мы не против коммуниста, но только за вашего коммуниста требуем 3000 руб. залога“. Специфический мужицкий юмор, да... Впрочем, нет никакой гарантии, что избранный председатель также не проворуется, а вот залога за него уже не потребуешь — не с кого...

Тем не менее дело шло. На 1 июля 1924 г. в стране насчитывалось (насколько тогдашняя статистика вообще могла что-то подсчитать) 19 464 потребительских общества, объединявших 3 284 тысячи членов. В сельхозкооперации число обществ было больше (на 1 октября — 35 тыс кооперативов), а народу они объединяли меньше (2700 тысяч). Правда, радоваться особо не приходилось, поскольку до войны кооперативы объединяли 12 млн хозяйств.

Хуже было другое: кооперация жила в основном не на собственные средства, которых по маломощности не имела, а на казенные, просто государство, заинтересованное в ее развитии, закрывало на это глаза. Но все же наркомфин Сокольников сделал горький вывод:

«У нас по существу дела настоящей кооперации еще нет. Если во всей с.-х. кооперации только 800 тыс. руб. (это что же получается — по 23 рубля на кооператив?! — Е. П.), то это еще не кооперация. Мы должны отдавать себе совершенно ясный отчет в том, что кооперация только тогда осуществится, если она будет построена на привлечении собственных средств кооперируемых, это, во-первых. Во-вторых, при обязательном условии, чтобы они сами распоряжались этими средствами. То, что у нас теперь есть, может быть с большим правом так охарактеризовано: имеется четверть миллиарда казенных денег, которыми распоряжаются назначенные коммунисты, плюс к этому имеется кооперативная вывеска».

И так, и не так. Потому что где-то так, а где-то иначе.

Насколько кооперация выполняла свою вторую задачу — объединение мелких товаропроизводителей?

Из доклада Г. Каминского

«Сельхозкооперация укрепилась и сделала наибольшие завоевания главным образом в отдельных отраслях сельского хозяйства с наиболее выраженной товарностью крестьянского хозяйства: лен, пенька, технические культуры, маслоделие. В меньшей степени она укрепилась в области зерновых культур, вообще в универсальных объединениях с.-х. кооперации.

В специальных отраслях мы имеем ряд вполне оформленных производственно-бытовых систем сел.-хоз. кооперации. После Лыноцентра и Союзкартофеля мы организовали в 1924 г. специальную систему маслодельной кооперации и специальный союз плодоовощной кооперации. Можно сказать, что в этих отраслях мы вплотную подошли к производственному кооперированию крестьянского хозяйства и достигли бесспорных и крупных успехов...

В маслодельной кооперации кооперировано 92% производства масла. Почти все без исключения масло, которое мы экспортируем и доставляем на внутренний рынок, вырабатывается на 6500 кооперативных заводов. Маслодельная кооперация ведет огромную работу по рационализации крестьянского хозяйства. Помимо восстановления старых районов маслоделия она создала ряд новых очагов интенсивного животноводства (Вятский Союз, Валдайский Союз и т. д.), направляя по новому пути крестьянские хозяйства.

Также значительны успехи рационализации в картофельной кооперации — 50% всей переработки картофеля на патоку и крахмал поставлено на кооперативных заводах. В настоящее время почти нет ни одного картофельного района, который бы не был электрифицирован... Лыноцентр взял в свои руки все дело семенного снабжения льноводов и через ряд семяочистительных станций снабжает население улучшенными семенами... Лыноцентр также приступил к кооперативной организации первичной переработки льняного волокна и строит сейчас для этого ряд заводов. Во всех этих центрах оборот носит чисто комиссионный характер. Организация берет в свою пользу определенный строго установленный на общем собрании процент, а все остальное возвращается производителю или обращается с согласия последнего в общественные капиталы».

А как в целом по аграрному сектору? Посмотрим цифры, которые любезно предоставляет все тот же И. Климин. Потребительская и кредитная кооперация для нас менее интересны, поэтому попробуем вычленить сельскохозяйственную как способ объединения мелких производителей.

В середине 20-х годов, по материалам обследования 6 волостей Северо-Запада (Ленинградской, Псковской и Череповецкой губерний) во все виды кооперации, кроме потребительской, бедняков входило 14,6%, середняков — 39,6% и зажиточных — около 50%. Обследование других регионов показало, что по мере увеличения мощности процент хозяйств, охваченных кооперацией всех видов, вырастал от 20,3% в группе без средств производства до 73,2% в группе со стоимостью средств производства свыше 1600 рублей. Причем достаточно быстро кооперативы стали обнаруживать все признаки коммерческих организаций: неохотно давали кредиты беднякам, брали высокие проценты, требовали гарантии — например, чтобы получить 100 рублей кредита, надо было предоставить в залог корову или лошадь. Государство отпускало деньги на кредиты бедноте для вступления в кооперативы, но это было, как нетрудно догадаться, каплей в море.

По официальным данным, к 1927 году кооперацией в СССР были охвачены 30% хозяйств... Точнее, с учетом тогдашней статистики и соцзаказа можно сказать: не более 30% хозяйств в 1927 году состояло в кооперативах, причем чем беднее двор, тем меньше для него толку было от этой системы. Смысл в кооперативах, конечно, имелся — но та цель, ради которой они поддерживались государством — объединение маломощных производителей, — достигнута не была. Так что и кооперация практически не помогла решению главной проблемы российского сельского хозяйства: куда девать бедноту?

Твоя лошадь, моя соха...

Кто идет в колхоз? Среднее самостоятельное, зажиточное, «справное» крестьянство? Достаточно мельком ознакомиться с делом, чтобы сказать: нет, конечно! Идет деревенская беднота, организуются деревенские (и городские) пролетарии и полупролетарии, те, у кого хозяйства почти нет, кому не хватает в одиночку ни скота, ни орудий, ни средств завести хозяйство.

Из агитационной брошюры времен Гражданской войны

Именно так, перебирая, испытывая и отбрасывая варианты, власть выбрала для будущей реформы единственный вид кооперации, который

объединял! действительно бедноту, — собранное по принципу «слепой безногого везет» коллективное хозяйство, или колхоз.

Первые колхозы появились еще во время Гражданской войны — редко от желания строить новый мир, чаще от нищеты и безысходности да еще в поисках кредитов и льгот. У них было много форм: сельскохозяйственные кооперативы, артели, коммуны, товарищества по совместной обработке земли — и еще больше разновидностей, поскольку никто толком не знал, что обобществлять, как обобществлять, как работать и как распределять продукцию и полученный доход (впрочем, о распределении в Гражданскую речь не шло — подразверстка...) Все это еще предстояло отработать и обкатать на практике, точно так, как было проделано с совхозами. Среди всего этого организационного хаоса неизменными оставались основные принципы: обобществление в той или иной мере средств производства, то есть земли, скота и инвентаря, и запрет наемного труда.

Государство оказывало «росткам социализма» разнообразную помощь. Любимцами властей являлись, естественно, коммуны, где обобществление было максимальным — им перепадали и лучшая земля, и национализированный инвентарь помещичьих и церковных хозяйств. Но не обижали и членов разного рода объединений по совместной обработке земли — так, согласно «Положению», земли колхозников, если те являлись членами общины, должны были быть выделены в единый массив. Государство бесплатно или на очень льготных условиях снабжало колхозников и коммунарков семенами, инвентарем, рабочим скотом и даже тракторами. В ноябре 1918 года был учрежден специальный миллиардный фонд, специально предназначенный для поддержки новых социалистических хозяйств в деревне. Из средств фонда выдавались кредиты разного рода коллективным хозяйствам с единственным условием — переход к общественным формам обработки земли.

Реальность, как водится, внесла свои коррективы. Нет, колхозы и коммуны создавались, все было в порядке, — но вот кого они объединяли (табл. 1)?

Итак, мы видим, что колхозы в войну были значительной частью делом не крестьянским, а поддерживались вытесненными голодом в деревню горожанами. В общем-то, совсем не удивительно — несмотря ни на какие законы, общины с большой неохотой давали горожанам землю,

а в колхоз можно было вступить, не имея ничего, кроме пары рук, и как-то продержаться до лучших времен. Да и привычка рабочих и служащих к коллективному труду играла свою роль. А довольно весомое участие духовного сословия и вообще шокирует. Но, с другой стороны — кому ближе коммунистический быт, чем монаху?

Зато имущественный состав колхозов показывает, что найдена наконец правильная форма организации бедноты (табл. 2).

Естественно, расчет на какую-то особую производительность коллективных хозяйств если и существовал, то не оправдался — да и не мог оправдаться, поскольку сочетание сохи, сивки и навоза от замороженной коровенки никуда не делось. Но, как выяснилось несколько позднее, была найдена наилучшая форма! По сути, колхоз — это видоизмененная община, с той разницей, что земля не делится по хозяйствам, а обрабатывается сообща. То есть можно получить крупное хозяйство на земле не поперек менталитета, как с англосаксонским вариантом, а в согласии с ним.

Если, конечно, придумать, как это сделать, потому что колхоз оказался намного сложнее совхоза и куда менее устойчив. В совхозе, в общем-то, обычная фабричная система: наемный труд, в войну — фиксированная заработная плата, а потом тарифная сетка. В колхозе же производство и распределение невероятно запутаны, как и полагается в уважающей себя общине. Каждый участник товарищества входит в него с разным количеством земли, инвентаря и работников в хозяйстве, все это надо учитывать при распределении, равно как затраченный труд и число едоков. Основной причиной гибели колхозов являлись не экономические проблемы, которых у них было все же меньше, чем у отдельного двора, а многочисленные склоки вокруг трудового участия и распределения продукции. Цементировала же их в первую очередь необходимость выживать в трудные времена.

По данным Наркомзема, на 1 декабря 1920 г. в РСФСР было почти 12 тыс. колхозов, которые объединяли около 140 тыс. хозяйств — меньше 1% от их общего количества. О мощности этих «ростков социализма» можно судить по тому, что в среднем на один колхоз, как мы видим, приходилось по 11–12 дворов.

Таблица 1

Социальный состав коллективных хозяйств¹

		Крестьяне земледельцы	Ремесленники и кустари	Рабочие	Служащие	Монахи, духовенство	Прочие категории	Всего
Артели	1918–19 %	1386	336	1530	490	15	72	3829
		36,3	8,8	40,0	12,9	—	2,0	100,0
	1920–21 %	1846	348	663	465	241	176	3739
		49,4	9,3	17,7	12,5	6,4	4,7	100,0
Коммуны	1918–19 %	735	239	180	4,8	—	27	1229
		59,8	19,5	14,6	3,9	—	2,2	100,0
	1920–21 %	683	252	154	2,31	135	7	1462
		46,9	17,2	10,7	15,8	9,4	—	100,0

¹ Литошенко Л. Социализация земли в России. С. 240.

Таблица 2

**Имущественное положение крестьян, объединившихся в коллективные хозяйства
в 1918/1919 и 1920/1921 гг.¹**

Наименование коллективного хозяйства		Число коллективов	Всего семей	В том числе с лошадьми								
				без лошадиных	с 1 лошадью	с 2 лошадьми	с 3 лошадьми	Без коровы	с 1 коровой	с 2 ко-ровами	с 3 ко-ровами	
Артели	1918/19 г.	50										
	Абс.		450	16,9	226	48	7	126	251	63	10	
	В %		100,0	37,6	50,2	10,7	1,5	28,0	55,8	14,0	2,2	
Коммуны	1920/21 г.	397										
	Абс.		3721	1172	1932	440	117	765	2210	602	144	
	В %		100,0	31,5	51,9	11,8	4,8	20,4	59,5	16,2	3,9	
	1918/19 г.	65										
	Абс.		722	365	300	51	6	341	314	46	21	
	В %		100,0	50,6	41,5	7,1	0,8	47,2	43,5	6,4	2,9	
	1920/21 г.	64										
	Абс.		1169	716	259	158	76	664	340	120	45	
	В %		100,0	61,2	22,2	10,1	6,5	56,8	29,0	10,3	3,9	

¹ Там же. С. 242.

После войны колхозы стали распадаться — в общем-то, нормальное явление. Те, кто шел туда выживать, с окончанием войны отправились обратно на собственный двор, другие решили попытаться воплотить старую мечту о вольном хлебопашестве, о «мужицком рае» без помещиков, горожане вернулись в города. Да и те, первые колхозы отличались от последующих, как кобыла от трактора. Собранные из нищих хозяйств, они просто не могли быть реально эффективными. Пока государство им помогало много и безвозмездно — они жили. Но когда их поставили в хотя и льготные, однако экономические условия, многие не выдержали, распались. Не было того основного, подо что проводили сплошную коллективизацию десять лет спустя, — не было Его Величества трактора. Обобществленные сивки не давали прироста продукции, а склоки, как нетрудно догадаться, без руководящей и направляющей руки партии и государства (без шуток) там вспыхивали высококачественные.

Наконец, сыграл свою роль и традиционный советский административный хаос. На местах декреты читали по-своему. Одни местные власти понимали нэп как временное отступление, а другие — как полный крах социалистического строительства, и тогда, бывало, колхозы попросту разгоняли «сверху», даже успешные — поигрались, и будет, нечего баловаться, даешь хозяина! Да и коррупция не подкачала — большие поля обанкротившихся колхозов так удобно было передавать арендаторам, которые одновременно приобретали осиротевшие машины и инвентарь. Откуда-то вылезли не только кулаки, но и прежние помещики, сумевшие сохранить часть имущества, денег и связей, а кадры на местах сплошь и рядом сидели старые, еще с царских времен...

За первые четыре послевоенных года в Сибири число коллективных хозяйств уменьшилось на 25%, на Северном Кавказе — на 33%, в Ярославской губернии — в 6 раз. В целом, по разным оценкам, с 1921 по 1923 г. число колхозов на территории РСФСР уменьшилось на 3 тыс. или на 25%.

Казалось, этот эксперимент обречен, и государство если и поддерживает колхозы, то скорее из пристрастия к социалистическим формам хозяйствования, чем из реального интереса. Какую-то продукцию они все же давали, а пара миллионов кредита погоды в экономике не делала. Но на деле оказалось не совсем так — сочетание надежд на лучшую жизнь и насущной экономической безысходности заставило наиболее

предприимчивых крестьян прибегнуть к этому средству спасения от нищеты.

Так что многие колхозы все же выжили, а вскоре начался новый рост, старт которому дал неурожай 1924 года и его следствие — очередной голод. Жизнь крестьян-бедняков, как и следовало ожидать, намного легче не стала, а государство всячески демонстрировало свою заинтересованность социалистическими формами хозяйствования, и колхозы сюда попадали. Впрочем, заинтересованность в некоторых возможностях коллективных хозяйств проявляли и крестьяне, например на Украине за 1925 год образовалось больше тысячи так называемых «тракторных товариществ», то есть колхозов, которые организовывались «вокруг трактора». Часто мужики собирались и «вокруг организатора» — как сказал Первый секретарь ЦК Украины Косиор: «Есть мужичок, я их много видел, у которого этакий червячок создать что-нибудь коммунальное, общее». Да и экономический расчет присутствовал тоже...

Колхозы на льготных условиях получали сельхозмашины, семена, ссуды, лучшие земли и вообще всяческую помощь, а после XIII съезда — и неплохие кредиты. В 1924/1925 гг. они получили 4,8 млн руб. сельскохозяйственного кредита, на следующий год — 11 млн, а в 1926/1927 гг. — 15 млн руб., или 8% всей суммы кредитов, отпущенных сельскому хозяйству, при том что они объединяли едва 0,8% крестьянских дворов и, как легко догадаться, далеко не самых зажиточных. Сейчас это пытаются представить как дискриминацию частного хозяйства, но при чем тут дискриминация? Это, в общем-то, право государства — стимулировать те виды деятельности, которые оно, государство, считает перспективными. Главное, народу от того хуже не становилось: зажиточный крестьянин и сам проживет, а кредитовать бедняка — что сухой пень поливать...

Тем более что с товарностью продукции обстояло совсем неплохо. На посвященном совхозам и колхозам заседании Политбюро зам. наркома РКИ Я. А. Яковлев говорил:

«В 26-м году предполагается валовой сбор зерновых культур на землях колхозов РСФСР в 38 532 тыс. пуд. За вычетом потребления в хозяйстве (обсеменение, потребление людей и скота в общей сумме 21 629 тыс. пуд.) товарная часть выразится в сумме 17 122 тыс. пуд». Проведя простой расчет, мы получаем 44%. Очень приличный показатель!

Были здесь и свои маяки на вершинах — может быть, меньше производственные, а больше социальные, но ведь государство-то и искало в первую очередь социальную форму организации крестьянства. Если в хороших совхозах крестьян привлекал высокий уровень организации производства, то в больших сильных коммунах — не только трактор, племенной бык и сортовые семена, но еще и школа, лечебный пункт, клуб. В некоторых отдельных хозяйствах даже стариков и детей содержали на общественный счет.

Сколько колхозов существовало в СССР перед коллективизацией — неизвестно никому. По данным на 1925 год Наркомзем называет 12 600¹, ЦСУ — 10 400, а Наркомфин — 8900 колхозов. Через год, по данным перерегистрации, их количество загадочным образом сумело увеличиться с 16 800 до 18 000. Каминский же в 1926 году на заседании Политбюро называет 20–21 тыс. хозяйств, и вроде бы тоже по результатам регистрации. Впрочем, при том административном хаосе, который царил в это время в СССР, разброс еще невелик — могло быть и хуже.

Будем ориентироваться на среднюю из существующих цифр, приведенную Климиным: летом 1927 года колхозов насчитывалось 18,8 тыс., и объединяли они 290 тыс. хозяйств, то есть чуть больше 1%, а на один колхоз приходилось примерно по 15 хозяйств.

Впрочем, колхозы еще и весьма интенсивно распадались — распад, по данным Колхозцентра, составлял 25–30% в год. Вызывался он все теми же причинами — хаосом, отсутствием организации труда, плохим учетом, уравнильным распределением дохода по едокам, склоками внутри коллектива, диктатом председателей и т. п. Бывали и другие причины, например колхоз оказывался не в состоянии выплатить кредит за трактор, или же, как говорилось на заседании Политбюро, мужики «заработали себе по лошадке и разошлись». Часто колхозы разгоняла РКИ — если убеждалась, что никакой совместной обработки земли в реальности не существует, а просто теплая компания единоличников собралась и зарегистрировала фиктивный колхоз, чтобы получать от государства льготы. Иной раз фиктивный колхоз создавали и уцелевшие помещики — такой сообразительный хозяин получал и неплохой доход (сообразно имущественному вкладу), и льготы, и кредиты...

¹ Цифры округлены до сотен.

Но и реально существовавшие тогда колхозы — это совсем не те хозяйства, которые мы знаем по книгам и фильмам. То, что мы знаем, — это коммуны: полное обобществление земли, сельхозорудий и рабочего скота, неполное, но значительное — коров. Кое-где даже кур сгоняли на общественные дворы, пока приехавшие из Центра проверяющие не давали слишком ретивым «строителям социализма» по мозгам.

В 1927 году коммун было лишь 8,5%, 50,3% колхозов относились к сельскохозяйственным артелям, а 40,2% — к товариществам по совместной обработке земли (куда делся еще один процент — неведомо). Граница между ними была зыбкая, ибо каждое хозяйство жило по своим правилам, но все же некая корреляция наблюдалась.

В середине 20-х годов в коммунах земля обобществлялась на 97%, в артелях — на 95%, в ТОЗах — на 71,5% — так что по основному средству производства, как видим, разница невелика. Оно и неудивительно: ведь все колхозы — это кооперативы по совместной обработке земли. А вот для сельхозинвентаря эти цифры составляли уже 97, 73 и 43% соответственно, для рабочего скота — 92, 47,5 и 13%, для продуктивного скота — 73, 23, 0. Низкая степень обобществления нисколько не устраивала власть — как можно связывать хоть какие-то долгосрочные планы со столь неустойчивыми объединениями? При этом, как нетрудно догадаться, самыми бедняцкими из всех являлись именно коммуны.

Кроме неустойчивости, колхозы были еще очень маленькими и бедными. В 1927 году на каждый из них приходилось примерно 12 дворов, 6–7 голов крупного рогатого скота, 9–10 овец, 4 свиньи и 3–4 лошади. На 100 дес. посева у них приходилось 13,6 лошадей (у единоличников — 18) — правда, в реальности все обстояло несколько лучше, потому что во многих районах пахали на волах.

Но было у них одно колоссальное достоинство — эти мелкие, бедные и неумелые хозяйства реально кооперировали бедноту! Так, в 1927 году колхозы объединяли 65,6% безлошадных, 26,3% однолошадных, 6,5% двухлошадных и 1,5% трехлошадных хозяйств, при том что безлошадных в стране было около 28%. Причем наверняка часть зажиточных крестьян принадлежала к фиктивным колхозам — так что итоговый процент бедняков становится еще выше.

В отличие от совхозов и кооперации, до 1926 года на колхозы государство особого внимания не обращало. Нет, им давали льготы, кредиты

и даже почти не обижали — но и не интересовались. Растут себе и растут, как малина у забора. Вроде толк есть, а какой — не совсем понятно. Чтобы прояснить толк, 6 августа на заседании Политбюро решено было создать особый центр колхозного строительства. По-видимому, в ходе изучения темы накопили много интересного, потому что принятые спустя 4 месяца постановления по совхозам и колхозам отличаются, и сильно. «Совхозное» — просто перечисление основных задач, а в «колхозном» в сжатом виде содержится программа будущей аграрной реформы — остроумнейшего и эффективного решения двухвековой проблемы русского сельского хозяйства.

Из постановления Политбюро ЦК ПКВ(б). 30 декабря 1926 г.

«Данные о состоянии колхозов показывают, что коллективное движение начало выходить из состояния кризиса, в котором оно находилось в первые годы нэпа: растет число колхозов, увеличивается количество объединяемого ими населения, растет товарность коллективных хозяйств, постепенно улучшается организация труда и производства в колхозах (как видим, весьма осторожно сказано. — Е. П.). В определенной своей части колхозы начали уже выявлять преимущества перед мелким крестьянским хозяйством как в отношении рационализации хозяйства, так и в отношении повышения его доходности (еще сдержанней и еще осторожней. — Е. П.). Этот рост колхозов подтверждает всю жизненность коллективного движения, опирающегося, с одной стороны, на невозможность для значительных слоев деревни улучшить свое положение вне коллективизации хозяйства, а с другой — на рост применения в деревне сложных машин, создающих техническую базу крупного с.-х. производства.

Рост дифференциации крестьянства, невозможность поглощения всего избыточного населения деревни промышленностью, наличие в деревне значительных слоев маломощного крестьянства, не имеющего возможности в индивидуальном порядке поднять свое хозяйство, стремление этих слоев деревни хозяйственно укрепиться и освободить себя от эксплуатации кулака — все это толкает наиболее активные слои маломощного крестьянства (в особенности деревенскую бедноту) на путь коллективизации своего хозяйства.

Наряду с этим развитие механизации, в частности тракторизации, земледелия создает в связи с невозможностью рационального использо-

вания сложных и дорогостоящих с.-х. машин в индивидуальном порядке новый важнейший источник развития коллективного земледелия на почве роста крестьянского хозяйства. Содействуя вовлечению в коллективное движение, главным образом в простейших формах машинных товариществ и товариществ по обработке земли, все более широких слоев крестьянского населения, механизация сельского хозяйства подводит вместе с тем под колхозное строительство необходимую техническую базу...

Дальнейший рост и углубление этого движения будет зависеть, с одной стороны, от дальнейшего расширения крупной промышленности, развития индустриализации страны и технического прогресса крестьянского хозяйства и, с другой, от развития кооперирования крестьянского населения и роста самостоятельности бедняцких и середняцких масс деревни».

Все прекрасно, но когда?!

А мы плывем в хозяйственном фарватере

Демьян Бедный

Итак, форма найдена, направление реформы определено, дело за сроками. О сроках же гремели дискуссии. На Всесоюзном совещании представителей колхозов в феврале — марте 1925 года часть делегатов под предводительством руководителя украинского Сельскосоюза Полянского стояла за форсирование коллективизации, другие, как тот же Каминский, считали, что мелкое хозяйство продержится еще десятки лет. Бухарин вообще отодвигал колхозы на обочину развития. «Мы не можем начать коллективизацию с производственного угла, — говорил он, — надо начинать с другого. Столбовая дорога пойдет по кооперативной линии. Главный путь — это организация социализма через кооперацию сельскохозяйственную... Коллективное хозяйство — это не главная магистраль, не столбовая дорога, не главный путь, по которому крестьянство придет к социализму».

Сейчас такая позиция считается умеренной — и это так. Но она же считается не только умеренной, но и реалистичной. И таки что же в ней реалистичного? Мир не стоит на месте, он развивается, и развивается

стремительно, со скоростью куда большей, чем двести лет назад. До каких рубежей он домчится, пока СССР будет о-о-очень медленно, о-о-очень постепенно вползать в современное сельское хозяйство и еще столько же времени строить современную экономику? Разве реалистична гонка между телегой и автомобилем? А если коллективное хозяйство (по Бухарину) не является «главной магистралью», то что является? Ведь форм сельскохозяйственного производства всего три — единоличное хозяйство, совхоз, колхоз. Загнать крестьян в совхоз будет куда труднее, чем в колхоз. Стало быть, путем к социализму является единоличное хозяйство? А это как, простите, будет выглядеть на практике?

Постановление Политбюро в этом смысле намного более обтекаемо: вроде бы и за постепенность, но никакой конкретики.

«Коллективное движение сумеет разрешить стоящие перед ним задачи лишь в общей системе с.-х. кооперации, непосредственно опираясь на ее массовые формы, осуществляющие постепенную коллективизацию крестьянского хозяйства наиболее простыми и доступными для широких крестьянских масс путями».

Но вообще-то, приводя высказывания отдельных лидеров и даже постановления Политбюро, можно доказать все что угодно — «что люди ходят на руках и люди ходят на боках». Высказывания эти мало кто слышал, а о постановлениях мало кто знал. Руководством к действию служили резолюции партийных съездов и пленумов ЦК. При том уровне раздолбанности всех властных структур, который наблюдался в СССР до конца 30-х годов, официальные партийные документы являлись самыми действенными руководствами. С учетом контингента, писались эти документы предельно просто и доступно, так, чтобы любой полуграмотный председатель сельской ячейки понял, что к чему, и сумел объяснить односельчанам. Инструкции, которые направлялись по бюрократическим каналам, понимались и исполнялись уже на порядок хуже. А потом эти указания приходили на места, где их трактовали по-своему и корежили до неузнаваемости, — но это уже совсем другая история.

Из резолюции XIII съезда РКП(б). «О работе в деревне». 23–31 мая 1924 г.

«Своеобразие происходящего в деревне расслоения заключается в том, что основным элементом его до настоящего времени является не столько земля, сколько скот, инвентарь, превращающиеся в орудие

накопления и средство эксплуатации маломощных элементов. Наряду с этим намечается рост артелей, коллективов, товариществ по совместной обработке, коллективной закупке инвентаря, начавшееся распространение применения общественного труда...

В хозяйственном развитии деревни намечаются две линии развития: одна линия развития — капиталистическая, когда на одном полюсе накапливается капитал, на другом — наемный труд, нищета. Другая линия развития — через наиболее понятные, легкие и доступные крестьянству приемы кооперации — к социализму. Наличие Советской власти, отмена частной собственности на землю, сосредоточение кредита в руках рабоче-крестьянского государства, государственное содействие развитию сельского хозяйства облегчают развитие сельского хозяйства именно по второму пути...

Только кооперирование производителей может разрешить двухстороннюю задачу, стоящую перед партией и Советской властью в деревне: продолжать добиваться дальнейшего максимально возможного увеличения продукции сельского хозяйства и в то же время развивать все в большем размере поддержку маломощных элементов деревни в целях поднятия их хозяйства и ограничения эксплуататорских тенденций кулака. То формальное противоречие, которое создается необходимостью одновременно решать обе задачи, разрешается только тем массовым ростом подлинной кооперации, о которой писал тов. Ленин...

Действительно массовые успехи в области кооперирования процессов производства при нынешних орудиях труда могут быть достигнуты только с течением ряда лет. Именно поэтому съезд предостерегает против всякой нерасчетливой спешности, излишней регламентации, всякой погони за формой и за числом, часто могущих задержать действительное кооперирование крестьянства. Мерой действительного успеха в течение ближайших лет будет главным образом качественный рост. В эту сторону должна быть направлена работа и основных советских, кооперативных и прочих органов».

Как видим, они все знали заранее и заранее предостерегали, но...

Кстати, немножко не по теме — но как не привести пункт об отношении к религии. Это — реальная, зафиксированная уже в 1924 году позиция власти в «церковном» вопросе на уровне инструкции низовому аппарату.

«Необходимо решительно ликвидировать какие бы то ни было попытки борьбы с религиозными предрассудками мерами административными, вроде закрытия церквей, мечетей, синагог, молитвенных домов, костелов и т. п. (Обратите внимание на дотошность перечисления — чтобы не дать местным деятелям никакой лазейки, вроде: «а про костелы в резолюции не сказано». — Е. П.) Антирелигиозная пропаганда в деревне должна носить характер исключительно материалистического объяснения явлений природы и общественной жизни, с которыми сталкивается крестьянин. Разъяснение происхождения града, дождя, грозы, засухи, появления вредителей, свойств почвы, действия удобрения и т. п. является наилучшим видом антирелигиозной пропаганды. (Интересно, с какой именно религией боролись большевики, коль скоро их указания агитаторам можно дословно поместить в церковное наставление пастырям по поводу борьбы с суевериями? — Е. П.)

Особо внимательно необходимо следить за тем, чтобы не оскорблять религиозного чувства верующего, победа над которым может быть достигнута только очень длительной, на годы и десятки лет рассчитанной работой просвещения. Такое осторожное отношение особо необходимо в восточных республиках и областях».

Да-да, я прекрасно знаю, что существовали другие, секретные инструкции по данному вопросу. Это-то мне известно. А вот что начнется в голове низового работника, получившего два взаимоисключающих руководства к действию, причем одно общепартийное, а другое секретное... этого я даже представить себе не могу. Но вот что совершенно точно — так это то, что на следующий день после возникновения подобной двойственности эта тема будет греметь на всех партсобраниях, от республиканского актива до комячейки деревни Малые Грязи, а еще через день скандал с грохотом выплеснется в мировую прессу. Не выплеснулся? Стало быть, не было там никаких секретных инструкций, а было всего лишь невыразимое состояние государственной дисциплины.

Из резолюции Пленума ЦК РКП(б). 23–30 апреля 1925 г.

«Интересы действительного подъема сельского хозяйства, развивающегося в настоящий период в подавляющей своей массе как мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство, требуют увеличения товарности продукции крестьянских хозяйств и в связи с этим — решительного устранения пережитков „военного коммунизма“ в деревне (например,

прекращения борьбы административными мерами против частной торговли, кулачества и т. п.), противоречащих допускаемому в условиях нэпа развитию экономических отношений в стране.

Наличие значительного количества свободных рабочих сил в деревне, не поглощающихся развитием сельского хозяйства и промышленностью, особенно подчеркивает в настоящее время необходимость действительного устранения всяких административных препятствий, тормозящих рост и укрепление крестьянских хозяйств (в том числе и зажиточных его слоев), с необходимым проведением законных (особенно экономических) мер борьбы против кулачества, связанного с деревенским ростовщичеством и кабальной эксплуатацией бедноты».

Из резолюции пленума ЦК РКП(б). 3–10 октября 1925 г.

Непосредственной задачей партии является проведение политики «высвобождения среднего крестьянства из-под власти кулачества и укрепление союза пролетариата и беднейших слоев крестьян со средним крестьянством путем прежде всего оживления советов и массового кооперирования крестьянства на основе ликвидации пережитков военного коммунизма и развязывания товарооборота.

Успех этой политики обусловливается более или менее полным овладением командными экономическими высотами, укреплением и ростом национализированной крупной промышленности, транспорта, государственных финансов и кредитной системы. Лишь постольку делается возможным постепенное вовлечение хозяйств основной массы крестьянства на путь социалистического развития, через кооперацию в первую голову...

Совершенно неизбежен одновременный рост и капиталистических элементов (кулацкие земледельческие хозяйства, торговцы и т. д., неизбежно выделяющиеся из более зажиточных слоев крестьянства), и элементов, развивающихся в сторону социализма (коллективные хозяйства, кооперация и т. д.). Такие противоречивые тенденции неизбежно должны наблюдаться даже внутри самой кооперации, и вопрос окончательно решит лишь борьба этих тенденций...

Первая опасность — опасность недооценки отрицательных сторон нэпа — ведет к забвению интересов деревенской бедноты и недооценке кулацкой опасности. Вторая опасность — непонимание всей необходимости нэпа — ведет к забвению важнейшего в данный период значения основной середняцкой массы крестьянства, к разрыву союза рабочих

и крестьян и, следовательно, к ослаблению пролетарской диктатуры в стране...»

В переводе на современный язык последний абзац означает следующее. Первый подход — это реинкарнация все того же англосаксонского варианта, который мы уже столько обсуждали. Второй — неистребимое желание молодых и горячих партийцев с завтрашнего дня декретом ввести коммунизм. Против него восстанут сначала середняки (тут и кулаков не надо), потом, видя, к какому бардаку все это приведет, и бедняки вскинутся на дыбы. После чего придется либо усмирять всю деревню вооруженной силой, либо собирать вещи.

«...Развертывание массового кооперирования крестьян и оживление советов и связанные с этим организация бедноты и борьба за среднее крестьянство приобретают особо важное значение в данный момент ввиду ускоряющегося развития товарных отношений вследствие хорошего урожая и неизбежного для ближайшего времени усиления процессов социального расслоения (дифференциации) крестьянства».

Не пройдет и нескольких недель, как этот урожай и эти товарные отношения преподнесут правительству сюрприз, весьма показательный и насчет командных высот, и насчет того, кто на самом деле рулит нэпом. Но это через несколько недель, а пока все полны оптимизма...

В октябре 1927 года состоялся Пленум ЦК, который принято считать отправной точкой коллективизации. И это так и есть. В резолюции «О работе в деревне» подводился итог предшествующему периоду восстановления и развития сельского хозяйства и давалось направление дальнейшей работы.

Из резолюции объединенного пленума ЦК и ЦКК ВПК(б). 21–23 октября 1927 г.

«Утвердить решение ЦК об итогах колхозного и совхозного строительства от 30 декабря 1926 г. и обязать все партийные организации и партийных работников советских и кооперативных органов усилить помощь делу колхозного строительства...»

Из Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об итогах строительства колхозов». 30 декабря 1926 г.

«Опыт колхозного строительства показывает, что в настоящих условиях наиболее массовой формой коллективизации являются про-

стейшие производственные объединения (товарищества по общественной обработке земли, машинные товарищества и т. д.) Учитывая эти тенденции в развитии колхозного строительства, ЦК считает необходимым, наряду с укреплением более сложных форм (артели и коммуны), обратить особое внимание на развитие и укрепление простейших форм, вовлекая в них все большие массы крестьянства, в первую очередь его бедняцкие слои. При этом необходимо всемерно содействовать постепенному и основанному на самостоятельности переходу простейших форм коллективных объединений к более сложным. Во всей этой работе необходимо иметь в виду, что положенные в основу кооперативного строительства начала добровольного членства и свобода выбора организационных форм должны найти в коллективном движении наиболее последовательное и полное применение. Какое бы то ни было принуждение при организации колхозов или искусственное форсирование перехода простейших форм колхозов к более сложным формам неизбежно нанесли бы коллективному движению огромный вред и задержали бы его развитие».

Вы что-нибудь понимаете? Выходит, что еще в октябре 1927 года ни о какой массовой, а тем более сплошной коллективизации и речи не было. Но прошло меньше двух лет, и коллективизация внезапно рванулась с места — массово, дико, неумело, с огромным количеством злоупотреблений и перегибов.

Что же произошло?

Глава 9

ШПОРЫ ДЛЯ КРАСНОГО КОНЯ

Стране не до слез, не до шуток:
у ней боевые дела, —
я видел, как на парашютах
бросаются люди с крыла.

Николай Асеев.

К 1927 году, в общем и целом, закончился послевоенный восстановительный период. Определилось состояние советской экономики и перспективы ее развития. Власти СССР бодро рапортовали об успехах — это было нетрудно, достаточно выбрать наиболее благоприятные статистические показатели, а из них — самые высокие цифры. Впрочем, о реальном состоянии экономики тоже говорили открыто, опуская лишь выводы и подменяя их «задачами социалистического строительства».

А состояние экономики было катастрофическим. В результате политики нэпа удалось кое-как восстановить то, что имела Российская империя, — но и только. Сил на развитие уже не набиралось, более того, и перспектив не просматривалось. Радостные репортажи маскировали такие неприятные вещи, как износ основных фондов, — еще несколько лет, и промышленность начнет попросту рушиться. Если что и рухнет скорее, чем промышленность, так это железные дороги, число аварий на которых приближалось к критическому пределу. По официальным данным, которые привел на XIII съезде Советов председатель ВСНХ Г. И. Ломов, износ основных фондов в среднем по стране оценивался в 36,6%, по металлопромышленности — на 43%, на Урале — до 50%. А ведь это официальные данные, то есть лучшие показатели, изловленные в статистических дебрях. Каковы реальные — едва ли кто-то знал,

но они были всяко не лучше. Впрочем, износ фондов являлся самой мелкой из проблем советской экономики.

Несколько приличней обстояло с энергетикой — в смысле фондов, но не объемов. За семь лет социалистического строительства суммарную мощность электростанций удалось удвоить: в 1927 году страна имела 858 станций общей мощностью 620 000 кВт, или 620 МВт. Много это ли мало? Проектная мощность одного только ДнепроГЭСа¹, достигнутая им к 1939 году, составила 560 МВт — почти столько, сколько в 1927 году производила вся страна. А ведь развитие промышленности ограничивала не только, да и не столько материальная основа — станки, в конце концов, можно купить, все лучше, чем покупать товары, — сколько отсутствие энергетической базы. Что, так и продолжать гонять уголь по дорогам?

Да, дороги... Они традиционно являлись лучшим оборонным сооружением России. В 1927 году к этому пределу подошли и железнодорожные линии — еще несколько лет, и в случае войны их лучше будет не взрывать, а оставлять в неприкосновенности, на страх агрессору. Ну и в довершение счастья на советской экономике мертвым грузом висело чудовищное сельское хозяйство, проблемы которого мы уже столько времени обсуждаем. Проводить индустриализацию без аграрной реформы — все равно что накачать бицепсы и бежать марафон на костылях. В рамках параолимпиады очень даже смотрится, но на той арене СССР противостояли вполне здоровые соперники.

Для подъема промышленности нужны были деньги и люди. СССР обладал потрясающе неприхотливым и благодарным народом, готовым жить в бараках и работать за кусок хлеба, особенно если он знает, во имя чего это нужно². «Во имя чего» — долго объяснять не требовалось, немыслимый социалистический эксперимент был по-прежнему близок большинству населения. Народ отчаянно ругал правительство, но это в России в порядке вещей, вот если перестают ругать — надо срочно

¹ Знаю, знаю, что слово «ГЭС» относится к женскому роду. Но говорить о таком красавце, гордости эпохи, в женском роде — по-мосму, это феминизм. Язык не поворачивается.

² Кстати, пресловутые бараки для многих рабочих социалистических строек были не ухудшением, а *улучшением* условий — по сравнению с черной избой, где обитает человек десять, плюс теленок, плюс куры... Что же касается хлеба, то в истории Уралмаша, например, говорится: многие из рабочих только на строительстве узнали, что такое есть чистый хлеб — без лебеды, желудей и прочих суррогатов.

разбираться, что происходит. Однако с образованием и квалификацией рабочей силы дело обстояло намного хуже, чем энтузиазмом — половина населения страны была неграмотна (в прямом смысле), а образование большинства второй половины ограничивалось церковно-приходской школой. Лопатой махать смогут, а вот стать к станку...

Впрочем, перед тем как ставить население к станку, надо было где-то взять сами станки. Практически все оборудование предстояло закупать за границей. Советского было очень мало, а уж качество... Индустриальная культура России насчитывала всего-то полвека, из которых на мирное развитие приходилось не более тридцати лет. Это — культуру производства — тоже еще предстояло создать.

Впечатляет?

К 1927 году стало ясно, что обычным, нэповским, эволюционным путем страну не поднять и даже не удержать. До предела завинченный налоговый пресс не давал средств не только для развития, но даже для латания дыр. В 1927 году пошли на то, чтобы расконсервировать печатный станок — пользы было примерно столько же, сколько от носового платка при гриппе. Полегчало... на пять минут.

Оставался еще один путь — искать средства за границей, то есть либо брать кредиты, либо открыть экономику для иностранного инвестора. Кредиты, может быть, и дадут — но на каких условиях? В начале 20-х основным условием дипломатического признания страны была отмена государственной монополии внешней торговли, которая одна лишь и оберегала Россию от разграбления. Тогда правительство сумело отбиться, но теперь дождут, а потом высосут страну досуха, вывезя все, что в ней еще осталось. Это мы в 90-е проходили, знаем...

Иностранные инвестиции тоже не решали проблемы. Инвесторы вкладывают деньги не в то, что нужно для страны, а в то, во что сами хотят. Опыты с концессиями еще раз подтвердили: иностранцев привлекают в СССР две вещи — дешевое сырье и дешевая рабочая сила, остальное их не интересует. То есть этот путь обречал страну фактически на колониальную эксплуатацию.

Грядущее, обозначившееся еще летом 1917 года, снова придвинулось на расстояние вытянутой руки. Промышленный крах, медленное мучительное умирание или столь же мучительное звериное выживание большей части населения, колонизация территорий, привлекательных как источники сырья или продовольствия, и превращение остального

в «русскую пустыню». Возможно, с каким-то правительством. Может быть, даже большевистским — пусть устраивают свой первобытный коммунизм, авось пригодится потом для *ненужных* территорий.

Это, конечно, худший из всех *возможных* прогнозов. Лучший... наверное, лучше. Однако едва ли намного.

Теперь, по крайней мере, ясно, почему в международной обстановке вокруг СССР в середине 20-х годов царило затишье. Зачем тратить силы и деньги на операции против режима, который вскоре либо развалится сам собой, либо сдастся и отдаст страну колонизаторам?

Правда, оставался еще один, гипотетический вариант — что эти большевики опять придумают что-нибудь *невозможное*, как это уже было в годы Гражданской войны. Но *такого*, впрочем, едва ли кто ожидал. В СССР оставался еще один резерв — колоссальный мобилизационный потенциал населяющего ее народа, та самая «не укладывающаяся ни в какие рамки аккордная мобилизация». Этот потенциал всегда существует, но далеко не каждое правительство способно им воспользоваться — в первую очередь потому, что для этого нужен такой же огромный, как этот потенциал, кредит доверия.

Но если он есть, то можно рискнуть. Сорвать все предохранители, задействовать весь административный ресурс военизированной партии — пусть и при практически неуправляемом низовом аппарате (но неуправляемом в нужную сторону!); одним движением швырнуть страну в качественно иную экономическую систему; сжечь все мосты за спиной и пойти вперед, куда указывает начерченная на бумажке стрелка, априори воспринимая не только овраги, но и пропасти всего лишь как «технические вопросы».

Делать из умирающей аграрной империи современную промышленную сверхдержаву¹ методом *народной стройки*... нет, это не безумие. Рядом с этим безумие — уныло, умеренно и аккуратно.

Когда они начали задумываться о таком варианте? Судя по последующим событиям, эти планы прорабатывались достаточно давно — поскольку таких экспромтов в жизни не бывает. Экспромтом проведенная коллективизация стала бы последним деянием в истории России. Нэп — это не только проверка старых механизмов управления страной, но и создание новых. За это время были изучены новые формы хозяйствования,

¹ Именно *сверхдержаву* — иначе не устоять, сомнут.

хотя и начерно, но проработан и испытан аппарат управления плановой экономикой, создан пусть и временный, однако более-менее работающий аппарат управления государством. Так что советское экономическое чудо было подготовлено — насколько вообще можно подготовить деяние такого масштаба.

Но вот со временем получается петрушка. Создается четкое ощущение, что реформа началась раньше срока и шла ускоренными темпами. На том же XV съезде Молотов говорил: *«Мы знаем, что развитие индивидуального хозяйства по пути к социализму есть путь медленный, есть путь длительный. Требуется немало лет для того, чтобы перейти от индивидуального к общественному (коллективному) хозяйству... Нельзя забывать, что на ближайшие годы наше сельское хозяйство будет развиваться главным образом как масса мелких крестьянских хозяйств».*

Все прочие деятели, начиная со Сталина, тоже постоянно говорят о колхозах — но именно как о весьма далекой перспективе.

Что же произошло?

Волки щелкают зубами

Нас побить, побить хотели,
Нас побить пытались.
А мы тоже не сидели,
Того дожидались.

Демьян Бедный

1927 год обозначен в истории СССР как год «военной тревоги». Война не состоялась, по поводу чего многие историки склонны считать «сигнал тревоги» не то ложным, не то вообще фальсифицированным во имя политических целей — расправы с оппозицией и наступления на крестьянство. Это не так, за «тревогой» стоит довольно забавная история — но если бы советское правительство повело себя иначе, она и впрямь могла закончиться войной. Правда, не с Англией, а с Китаем, однако и это неприятно, тем более, что и Япония не прочь бы подгрести под себя русское Приамурье...

Сама история началась во время британских парламентских выборов октября 1924 года. После войны британские либералы уступили место на

политическом Олимпе лейбористам, и в январе 1924 года к власти в стране пришло первое лейбористское правительство Макдональда, которое было неплохо расположено к СССР. В феврале Британия установила с Советским Союзом дипломатические отношения, в августе подписала общий и торговый договоры. Более того, осенью правительство фактически выступило на стороне коммунистов, в то время как консерваторы их терпеть не могли.

В ту осень разразился крупный политический скандал. В Британии тогда всюду грохотала классовая борьба, и Джон Кэмпбелл, редактор коммунистической газеты «Уоркерс уикли», опубликовал в своем издании призывы к солдатам не выступать против забастовщиков. Как и подобает в демократическом государстве, за такой беспредел его арестовали и отдали под суд. Правительство волевым порядком прекратило судебное преследование Кэмпбелла, и тогда объединившиеся ради такого случая консерваторы и либералы потребовали расследования действий кабинета. Вместо объяснений Макдональд, недолго думая, распустил парламент.

Неудивительно, что на последующих вслед за этим выборах октября 1924 года всюду разыгрывалась советская карта. Вскоре в ход пошли крапленые козыри: консерваторы опубликовали некое «письмо Коминтерна» британским коммунистам, в котором содержалась директива о создании партийных ячеек в армии и на флоте и о подготовке вооруженного восстания. Письмо, естественно, фальшивое. Деятели Коминтерна всюду занимались экспортом революции, но письменно рассылать директивы о подготовке восстаний? Такое о них даже подумать пошло...

Однако «протоколы советских мудрецов» произвели нужное впечатление на избирателя, и консерваторы выиграли выборы. Новому консервативному правительству, хочешь не хочешь, надо было отвечать за базар и развивать «красную» тему — но как-то ничего не подворачивалось, пока не наступил 1926 год, когда сокращение заработной платы в угольной промышленности вызвало резкое обострение классовой борьбы. 4 мая началась всеобщая политическая стачка, в которой участвовали 18 млн человек, то есть более 40% населения страны.

Консерваторы привычно объявили забастовку «происками коммунистов», и 7 октября их партийный съезд принял резолюцию с требованием разрыва дипломатических отношений с СССР.

В декабре стачка потерпела поражение, результатом чего стало новое наступление на права рабочих и профсоюзов. Как нетрудно догадаться,

народной любви к консерваторам это не прибавило. Помочь могло бы объяснение забастовки «происками Коминтерна», но Коминтерн, хотя такая крупная стачка никак не могла без него обойтись, забыл оставить компромат, а публиковать еще одни «протоколы» было бы уже слишком. Требовалось срочно найти доказательства подрывной деятельности коммунистов. В этой обстановке и начала разлещиваться многоходовая провокация в Китае.

Китай того времени не был единым государством, а представлял собой что-то вроде РСФСР образца 1918 года — скопище самостоятельных провинций, находящихся в состоянии хронической гражданской войны. Во главе провинций стояли так называемые «провинциальные милитаристы» — генералы, имевшие под рукой то или иное количество войск. Большой кусок территории на юге страны контролировала партия Гоминьдан. Поскольку составной частью Гоминьдана являлись коммунисты, Советский Союз ее поддерживал и даже посылал туда военных советников.

В начале января китайские повстанцы и солдаты гоминьдановской Народно-освободительной армии заняли территории английских концессий в городах Ханькоу и Цзюцзян. Столковаться с ними Лондону не удалось, и через полтора месяца британское правительство вынуждено было официально отказаться от концессий, зато господа консерваторы получили удобный повод переключить внимание общественности с собственных успехов на внешнего врага. 20 февраля был подписан отказ от концессий, а 23-го министр иностранных дел Британии Чемберлен направил правительству СССР «ноту-предупреждение» с требованием прекратить «антианглийскую пропаганду» и военную поддержку Гоминьдана, пригрозив разрывом дипломатических отношений.

Строго говоря, по этому поводу можно было много чего сказать. Например, то, что Китай не является частью Британской империи и не Лондону указывать, кого там можно поддерживать, а кого нет. Или предложить англичанам прекратить снабжать оружием и инструкторами туркестанских басмачей. Однако расширять склоку не стали: НКВД, не утруждая себя особыми расшаркиваниями, просто послал британцев подальше, заявив, что «угрозы в отношении Союза ССР не могут запугать кого бы то ни было в Советском Союзе», и предупредив британское правительство, что ответственность за все последствия ляжет на него.

Впрочем, особых последствий не планировалось, британцам нужна была не война, а доказательства злонамеренной подрывной работы

СССР. Практически сразу же, 28 февраля, солдаты одного из китайских провинциальных правителей, генерала Чжан Цзунчана, захватили советский корабль «Память Ленина». Судно затопили, команду и находившихся на борту советских дипкурьеров бросили в тюрьму, почту прочитали — но свидетельств ужасных планов Коминтерна там, по-видимому, не нашли, потому что скандала не последовало.

В конце марта части народно-освободительной армии взяли Шанхай и Нанкин. Британия открыто вмешалась в конфликт, английские корабли вели огонь по Нанкину. Коминтерн, естественно, тоже не остался в стороне, ИККИ¹ вынес резолюцию о том, чтобы встать на защиту китайской революции, и активизировал работу в Китае, которая просто и беззащитно велась через представительства СССР. И тогда последовал решающий удар. 6 апреля в 11 часов дня в Пекине, где правил еще один «милитарист», генерал Чжан Цзолин, китайские полицейские и солдаты совершили налет на помещение советского полпредства, арестовав двоих советских граждан и 25 китайцев и захватив документы. Такого не позволял себе даже Гитлер после нападения на СССР.

Однако из-за инцидента явно торчали уши и усы английского льва. Уровень экстерриториальности «белых» поселений в Китае, а особенно дипломатических миссий, был очень высок. Чтобы даже просто войти на территорию посольского квартала, солдаты должны были иметь разрешение главы дипкорпуса, каковым являлся посол Великобритании.

В тот же день был совершен налет полиции и на советское консульство в Тяньцзине.

В определенной ситуации такие выходки вполне могли вызвать войну. Однако воевать с независимыми и неуправляемыми китайскими правителями смысла не имело, а Британии даже протест не предъявишь, поскольку она тут как бы и ни при чем. Пришлось терпеть, ограничившись нотой, — без нее было бы уж совсем неприлично.

Цель вроде бы была достигнута, в начале мая военный штаб Китая начал публикацию захваченных в посольстве документов — однако особого впечатления в Европе они не произвели. Приличий в Китае не соблюдал никто, да и подрывная работа — не пушки, которыми угощали не понравившихся им политиков английские корабли.

¹ ИККИ - Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

Тогда упорные британцы нанесли удар уже в Лондоне. Правда, тронуть полпредство они все же не посмели — воевать русские, конечно, не станут, но если в ответ распотрошат британское посольство, им будет чем ответить на любые обвинения.

12 мая по личному распоряжению Чемберлена полиция устроила обыск в помещении советского торгового представительства «Аркос». Часть документов сотрудники торгпредства успели уничтожить, но все же трофеи оказались весомыми. 26 мая были официально опубликованы документы, захваченные или будто бы захваченные (в таких случаях подлинность всегда под вопросом) в Лондоне и Пекине, и на следующий день последовал разрыв дипломатических отношений. Впрочем, еще 23 мая в газете «Манчестер Гардиан» была опубликована статья о том, что пресловутое «письмо Коминтерна» является фальшивкой, изготовленной в Берлине, — что изрядно обесценило всю интригу.

Выполнив задуманное, британцы утихли. Но теперь пришла очередь нашего политического реванша. Уж что-что, а устраивать шумные акции советское правительство умело.

31 мая в Москве огласили информацию о раскрытой ОГПУ «диверсионной группе Чайта», опиравшейся на посольство Великобритании. А на следующий день, 1 июня, ЦК ВКП(б) объявил, что страна находится в состоянии военной опасности — вот и гадай, что там британские агенты порассказали на допросах.

Готовился к надвигающейся войне Советский Союз очень громко. В качестве предполагаемого противника назывались небольшие приграничные государства — так называемые лимитрофы, а за ними стояла, разумеется, Англия. По отдельности каждый из лимитрофов, за исключением, может быть, Польши, был слабее СССР, но суммарно они нас превосходили, тем более что Красная Армия в то время была практически небоеспособна. Любви к Советскому Союзу ни Польша, ни Финляндия, ни Румыния, ни Япония не испытывали, а на границе с Китаем и так черт знает что творилось. СССР дал понять, что эти государства, подстрекаемые Англией, в любой момент могут начать войну, чем вызвал во всем мире горячую волну сочувствия простого народа. Тот факт, что сама Британия воевать с Советским Союзом не могла, а еще помнившие Гражданскую войну лимитрофы не испытывали ни малейшего желания снова сюда соваться, уже никого не волновал. «Военная угроза» — и все тут. И ведь возразить-то нечего...

Несколько обалдевшее от такого поворота дел мировое сообщество начинает требовать от британцев объяснений. 16 июня в Швейцарии, на совещании МИД четырех государств (Великобритании, Германии, Франции и Японии) Чемберлен уверяет, что представляемое им правительство не собирается впутывать в русско-британские дела другие страны, да и само идти с «крестовым походом» против большевиков не намерено.

А советское правительство продолжает гнать волну. В стране проходят массовые акции вроде «недели обороны», в Уголовный кодекс вводится статья за недонесение, а также смертная казнь за антисоветскую пропаганду и агитацию при массовых волнениях.

8 июля, когда британцы уже за счастье почитали бы похоронить всю эту историю, в Москве начинается процесс по делу некоего Дружиловского, которого обвиняют в изготовлении фальшивых «писем Коминтерна» руководству компартий Британии, США и Болгарии. Можно, конечно, объявить дело фальсифицированным — уж очень оно кстати подоспело, но что совершенно точно — так это что идиотов, способных рассылать такие инструкции, в Коминтерне не держали. Затем начинают шерстить и показательно судить английских шпионов, к превеликому удовольствию мировой прессы, — а британских агентов в СССР хватало, Интеллидженс Сервис сделала стратегические запасы еще в Гражданскую. В общем, кампания идет по тем же рецептам, что и во времена приснопамятного похода Керенского на Петроград, а учитывая всеобщий повышенный интерес к советским делам¹, весь мир гудит, как большой колокол.

«Военная тревога» вскоре отзовется косвенным образом, вызвав «хлебную стачку», которая послужит началом конца нэпа. Но в целом, как видим, ничего особо ужасного не произошло: вы пошутили, мы тоже посмеялись. Ничего... если бы не внезапное ужесточение законодательства, направленное на пресечение террора и массовых волнений. Каких массовых волнений ожидало советское правительство летом 1927 года? К коллективизации, что ли, готовилось? Так ведь еще в октябре 1927-го говорили о «постепенном обобществлении путем кооперирования» — улитка едет, когда-то будет... В чем же дело?

Если бы события 1927 года ограничивались танцами вокруг Коминтерна — ни в чем. Но параллельно с этими пропагандистскими играми

¹ Даже герои повести Агаты Кристи «Убийство в Восточном экспрессе», и те обсуждают пятилетку.

шли другие процессы — и они-то были реальными и предельно конкретными.

Еще 8 апреля 1927 г. Главное управление погранохраны и войск ОГПУ выпустило следующую директиву: *«Возросшее влияние Англии в Польше и Румынии, давление ее на Германию, ратификация Италией по настоянию Англии захвата Румынией Бессарабии является показателями подготовки войны против нас. Вместе с тем успехи китайской революции наносят удар по мировому империализму...»* и т. п. *«...Подобная обстановка должна будет вызвать возрастающее усиление диверсионной и шпионской работы против нас, как непосредственно на границах, так и в тыловых, главным образом промышленных районах Союза... Весной и летом возможен ряд диверсионных налетов на нашу территорию (на границах Польши, Латвии и Дальневосточного края это особенно возможно)».*

Ясно, что из международной обстановки никоим образом не следует усиление диверсионной работы в конкретные месяцы на конкретных границах, — такое предупреждение может исходить только от разведки. Париж, где базировалась основная часть белоэмигрантских организаций, был буквально напшигован агентами ОГПУ, так что эта заслуженно нелюбимая эмигрантами контора была в курсе их сокровенных планов.

В марте в Терийоках (Зеленогорск), формально на территории Финляндии, но на самом деле рядом с Ленинградом, зам. председателя и фактический руководитель Российского общевойскового союза (РОВС) генерал Кутепов провел совещание с членами своей террористической организации, на котором заявил, что надо немедленно приступить к террору против СССР, а в апреле отдал соответствующий приказ. Тогда же председатель общества барон Врангель отправился инспектировать отделения Союза. А потом началось...

31 мая в СССР через финскую границу проникает группа террористов — та самая знаменитая Захарченко-Шульц со товарищи, которая была прославлена фильмом «Операция „Трест“». 3 июня они пытаются подложить бомбу в общежитие ОГПУ, 6 июня — бросают бомбу в бюро пропусков на Лубянке. 7 июня — еще один теракт, на сей раз успешный: в Ленинграде террористы устраивают взрыв в помещении нартклуба на Мойке, результат — 35 пострадавших. В Минске в результате диверсии погибает начальник белорусского ОГПУ Опанский.

16 июня на дальневосточной границе пограничники ведут бой с бандой белогвардейцев. В июле на советско-латвийской границе задержана группа террористов-белоземigrants, 21 августа на советско-финской границе задержаны два террориста, на следующий день — еще два. 26 августа — перестрелка пограничников с нарушителями на берегу Онежского озера. 21 октября — в районе Сестрорецка бой пограничников с группой террористов. 22 октября в районе Благовещенска — бой пограничников с группой диверсантов, перешедших границу с заданием взорвать железнодорожный туннель.

Во второй половине 1927 года только РОВС провел более двадцати крупных терактов и пограничных столкновений на европейских границах Союза, при том что в целом работа была признана неудачной, о чем барон Врангель писал начальнику 2-го отдела РОВС генералу фон Лампе: «Попались на удочку ГПУ почти все организации...» Отдельной строкой шел Дальний Восток. Отдельной — индивидуальные террористические акты, которых в течение 1927 года было зарегистрировано девятьсот, при том что в деревне еще было спокойно.

С чего вдруг такой взрыв активности? Неужели в самом деле близится война? Или тут какие-то иные причины, но какие?

...Параллельно с этим внутренним террором имели место и крупные политические теракты, причем почему-то в странах, дававших особый, *конкретный* приют белым эмигрантам, на чьей территории базировались постоянно наведывавшиеся на советскую сторону банды.

7 июня в Варшаве белоэмигрантом Ковердой убит полпред СССР Войков. 2 сентября в здании полпредства застрелен белогвардеец, пытавшийся убить поверенного в делах СССР в Польше. В конце августа в Китае кто-то пытается отравить на банкете главного советского военного советника Блюхера. Вместо него отравленное вино выпивает другой советник — Зотов, так что теракт хоть и не вполне удачный, но результативный.

Восток, в том числе и Дальний, — дело тонкое, а вот любое шевеление в Польше настораживало советское правительство всерьез, особенно после того, как в 1926 году к власти там пришел махровый антисоветчик Пилсудский, а советские предложения заключить с Польшей пакт о ненападении встретили отказ. Поэтому неудивительно, что, хотя неприязни мы имели с Англией, «царицей морей», в середине мая 1927 года наркомвоенмор Ворошилов отправляется инспектировать не Балтийский

флот, а Украинский военный округ. Именно тогда он написал потрясающее письмо, в котором описывал, как во время прохождения войск через Киев кони шли по ковру из цветов. «Военная тревога» еще не объявлена, а на Украине, помнящей поляков, бросают цветы под копыта коней своих единственных защитников.

И вот смотрите: мало ли в Европе советских дипломатов? — но почему-то дважды покушаются именно на наших представителей в Польше, отношения с которой и так висят на волоске. Что это, если не провокация войны?

Нет, конечно, СССР не стал бы сам объявлять войну Польше — но в столь напряженной обстановке кто-то мог просто *ошибиться* и нечаянным движением порвать волосок.

Кто за всем этим стоял? Какие-то происки Британии, конечно, могли иметь место, но явные нити вели не в Лондон. Савинковский «Союз защиты родины и свободы», основной базой террористов которого традиционно являлась Польша, был связан скорее с французами, чем с британцами, и поставлял информацию французской разведке. Да и РОВС находился во Франции, и финансировавший нелегальную работу на территории СССР Торгпром обитал там же. А вот уже совсем интересно: в конце июня при переходе турецко-советской границы задержан эмиссар Парижского бюро ЦК СДПГ (грузинских меньшевиков) с директивами о подготовке восстания в Грузии. Нет, определенно что-то готовилось, и другие события этого года свидетельствуют о том же. А именно — странное поведение оппозиции.

Оппозиция в РСДРП существовала, как и полагается в приличной партии, с момента ее зарождения, время от времени активизируясь. К этому все давно привыкли, и никого это не удивляло. Но до сих пор она ограничивалась в основном легальной «говорильной» деятельностью. На этом поприще ее представителей постоянно били — иногда в словесных баталиях, а порой и весьма чувствительно, — все партдискуссии она с треском проигрывала. И весной 1926 года количество поражений перешло в новое качество работы: объединившаяся наконец оппозиция организовала конспиративный центр. Кроме традиционной подпольно-пропагандистской деятельности, он имел агентуру в ЦК и ОГПУ, а также группу, которая занималась работой среди военных. Такие же центры имелись в Ленинграде, Киеве, Харькове, Свердловске и других городах, существовали связи с аналогичными группами в иностранных компартиях. (И что любопытно,

советских военных, многие из которых прежде служили в царской армии, в то же время активно окучивал РОВС. Наверняка ведь пересекались...)

Во главе этой нелегальной «второй партии» встали Троцкий и Зиновьев, фигуры чрезвычайно влиятельные. Троцкий до недавнего времени был наркомвоенмором и сохранил сильные позиции в армии. В партии он тоже имел немалое влияние, собирая вокруг себя всех обиженных и недовольных. Наконец, Лев Давыдович всю дорогу крутил какие-то смутные шашни с заграницей. Какие именно и кто его финансировал — неизвестно толком до сих пор, однако, судя по размаху оппозиционной работы, денежки были неплохие. Зиновьев же — до недавних пор глава Ленинградской области и председатель Исполкома Коминтерна.

Сказать, что это было опасно, — значит бессовестно преуменьшить угрозу. Это было *очень* опасно. О деятельности Троцкого до сих пор известно далеко не все, но одни его туманные дела с немецким рейхсвером и американскими банкирами многого стоят. Зиновьев — это связи с другими компартиями, мощный аппарат и террористы Коминтерна, а также Ленинград, который можно в любой момент сделать второй столицей.

Осенью 1927 года оппозиция дает генеральное сражение, выступив с так называемой «платформой 83-х». Говорить о ее содержании бессмысленно, единственное, чего хотела оппозиция, — это свободы дискуссий и фракционности да еще устранения Сталина. Она всегда этого хотела, а во всем остальном вилась в противофазе с колебаниями «генеральной линии». Потерпев очередное сокрушительное поражение во внутрипартийной дискуссии, оппозиционеры устроили серию неленых провокаций 7 ноября, после чего Троцкого наконец-то вышибли из Москвы в Алма-Ату, создав ему ореол «жертвы репрессий», которым Лев Давыдович очень дорожил. После поражения около четырех тысяч оппозиционеров раскаялись, осудили свои заблуждения и заявили о разрыве с оппозицией...

В этом наборе совпавших по времени разнообразных событий есть что-то мучительно знакомое. Так, словно это уже было...

А ведь и вправду было — в 1918 году!

Вспомним: тогда тоже существовала угроза внешнего нападения, в подготовке к которому самое горячее участие принимали Англия и Франция. Также была вспышка белогвардейского и эсеровского террора. Имело место и убийство посла, которое должно было и вполне могло спровоцировать войну. Было нелепое, смешное и вскоре разгромленное выступление оппозиции — левых эсеров, после которого часть оппо-

зиционеро́в заявила о разрыве со своей партией и быстренько заняла места в государственном и советском аппарате, а остальные перешли на нелегальное положение и занялись уже напрямую подрывной работой. И тогда, в 1918-м, все это было далеко не игрой случая...

Так начиналась Гражданская война.

Могли ли эти события заставить власть сорваться в карьер? Сами по себе — едва ли. Даже если это и была попытка спровоцировать войну и устроить государственный переворот, она окончилась столь же бесславно, как и прежние. Но симптом очень тревожный, свидетельствующий, что в покое нас не оставят, и на мобилизационную готовность власти все эти события, конечно же, повлияли. Нет, правительство все еще продолжало осторожничать, сдерживать процесс, но... все же оглянулось на бронепоезд на запасном пути. А народ был и так готов — та бедняцкая половина населения, дико уставшая даже не от бедности, а от *беспросветности* существования, страстно хотела уже не столько хлеба, сколько перемен. Той новой жизни, которую большевики обещали, но так и не предоставили народу.

И тогда вступил в дело Промысел, который свел в одну точку внутреннюю готовность и внешние события. Именно «военная тревога» послужила причиной той внутренней войны, которая нарушила равновесие в стране и погнала события под уклон. Теперь повернуть вспять было уже невозможно, оставалось только рулить, отворачивая от краев обрыва.

Удар в спину

В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих социалистов.

В. И. Ленин. О кооперации

Была у «военной тревоги» еще одна функция — по расчету или же спонтанно, но она сыграла роль боевых учений: что будет со страной,

если завтра война? Так врач, желая обнаружить скрытую инфекцию, делает больному стимулирующий ее укол, чтобы вызвать обострение и заставить укрывшуюся в организме болезнь обнаружить себя.

Обнаружила! Причем с такой силой, что одновременно и поставила, и решила давно назревавший вопрос: совместим ли свободный рынок с национальной безопасностью?

Нас сейчас уверяют, что да, конечно же, совместим. Но у большевиков по этому поводу могли возникнуть сомнения. В конце концов, они вблизи наблюдали агонию Российской империи, разорванной собственным обезумевшим рынком, как груз гороха разрывает корабль с пробоиной в днище. А через несколько лет пример Великой депрессии покажет, что даже в богатейшей Америке свободный рынок с национальной безопасностью несовместим никак. Что уж говорить о нищей России, особенно с учетом того, с какой легкостью коммерсанты вертели властью во время Первой мировой войны.

Первый удар рынок нанес правительству уже в заготовительном сезоне 1924/1925 гг., сразу же после полной отмены натурального налога. Обычно государство закупало хлеб по средним рыночным ценам. Но осенью 1924 года в связи с очередным неурожаем хлебные цены начали расти. И перед едва народившимся «рыночным социализмом» сразу же встал вопрос выбора из двух зол: до какого предела повышать заготовительные цены?

Вопрос не так прост, особенно при нищем госбюджете. Это только кажется, что высокие цены стимулируют крестьянство. На самом деле маломощным слоям — тем, кого обещало и кого должно было поддерживать государство, — достанутся семечки, а яблочко скушают те, кто и без господдержки проживет — крепкие хозяйства и мелкооптовые торговцы. Власть оказалась перед выбором: либо обогащать нэпманов за счет госбюджета, либо уступить им столько хлеба, сколько сможет освоить частный рынок.

Совет Труда и Оборона принял решение установить лимиты на заготовительные цены. О результате догадаться нетрудно — хлеб начали скупать частные торговцы, не связанные лимитами.

Вообще-то в таких случаях существует простой и остроумный механизм. Если государство обладает значительными резервами зерна, оно выбрасывает его на рынок, добивается снижения цен, а потом производит закупки, на чем еще и наживается, продав свои запасы по более

высоким ценам и скупив их обратно по более низким. Но государство не имело резервов, поэтому оно все-таки было вынуждено увеличивать лимиты цен, а весной и вовсе их отменить, переложив существенную часть госбюджета в карманы хлеботорговцев. Помимо прочего, в результате неурожая 1924 года частный торговец окреп, подрос и теперь был готов выступить в новой, более серьезной весовой категории.

На следующий год государство решило поиграть на рынке всерьез, соблюдая и свои, и крестьянские интересы. Оно собиралось форсировать заготовки, закупив до 1 января 70% хлеба по госплану вместо обычных 60–65%. Причин было несколько:

- поставить товар на европейские рынки до того, как там появится дешевый американский хлеб и начнется падение цен;

- увеличить осенний спрос, повысив тем самым цены в интересах маломощных хозяйств, продававших зерно осенью для уплаты налогов;

- уменьшить осеннее предложение хлеба, снизив налог и перенеся срок уплаты на зиму, чтобы не допустить сильного падения цен, опять же в интересах маломощных хозяйств;

- уменьшить весенний спрос и, соответственно, цены — снова в интересах маломощных хозяйств и в пику частным торговцам.

Для обеспечения заготовок приготовили товарный фонд. А главное было — приложить все усилия, чтобы удержаться от административных методов. В этом году всем был обещан рынок.

И рынок пришел — но совсем не так, как ожидалось. С самого начала все пошло наперекосяк. Существовало четыре категории заготовителей: государственные плановые, кооперативные, внеплановые (то есть нецентрализованные государственные и кооперативные организации потребляющих районов) и частники. Играла на рынке первая категория, а последствиями пользовались все — кто скорее ухватит.

Еще летом государство-заготовитель совершило ошибку, чем сразу искорежило весь процесс. Чтобы русское зерно первым успело на европейские рынки, решено было в августе, когда хлеб еще не убран и не обмолочен, повысить закупочные цены. Это сыграло на руку не беднякам, а, наоборот, самым зажиточным крестьянам, имевшим уборочные машины и батраков. Они успели продать свой хлеб дорого, а поскольку уплата налога для них не представляла проблем, заодно подмели и промышленные товары, которые доставили на рынок в количестве,

рассчитанном совсем на другого покупателя и на другой объем денег у потребителей. После чего, удовлетворенные, вышли из игры.

Небогатые же крестьяне, получившие отсрочку по налогам, не торопились везти хлеб, поскольку традиционно полагали осенние цены низкими, спешить им было некуда, промышленных товаров в продаже не наблюдалось, а дел в хозяйстве в сентябре хватает. В результате подвоз резко упал, а цены, соответственно, взлетели намного выше задуманного. Экспортная программа срывалась, предложение хлеба на мировом рынке увеличивалось, высокие заготовительные цены грозили сделать экспорт и вовсе нерентабельным, и правительство, не выдержав, снова занялось механическим регулированием, чем радостно воспользовались внеплановые заготовители, не имевшие таких ограничений. В некоторых губерниях им доставалось более 40% хлеба.

Однако административный ресурс еще далеко не иссяк. В ноябре в ряде хлебопроизводящих районов началась «транспортная война» с внеплановыми заготовителями — велено было отправлять их грузы по железной дороге в последнюю очередь. А поскольку вагонов традиционно не хватало, то очередь отодвигалась на конец заготовительной кампании. Кое-где получилось: заготовители из отдаленных губерний прекратили работу, но те, кому добираться было недалеко, стали вывозить зерно гужевым транспортом — пока власти не перекрыли и этот канал. Поскольку плановые заготовители все еще обслуживали в основном экспорт, то в стране при вполне нормальном урожае стало не хватать хлеба. Кончилось все тем, что в январе были установлены единые закупочные цены для плановых и внеплановых заготовителей, а кое-где их распространили и на частных.

Результаты рыночного опыта оказались поистине сокрушительными. Если план первого квартала заготовок (июль–сентябрь) был практически выполнен, то во втором квартале вместо 376 млн пудов удалось заготовить только 176 млн, а экспортного зерна было доставлено в порты едва ли четверть от потребного количества. Годовой план пришлось снизить с 780 до 600 млн пудов, а хлебный экспорт — с 350 до 143 млн пудов.

Попутно, между делом, снизили заготовительные цены и на некоторые технические культуры — лен, масличные семена, пеньку. Результатом стало резкое уменьшение их производства, что ударило по промышленности. Кроме того, по причине проваленной экспортной программы уменьшилось количество импортных товаров. Все это вызвало очередной

скачок цен на промтовары и увеличение «ножниц», что ударило в первую очередь по маломощным хозяйствам.

Еще одним итогом 1926 года стала «антирыночная» статья 107 УК: *«Злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок — лишение свободы на срок до одного года с конфискацией всего или части имущества или без таковой. Те же действия при установлении наличия сговора торговцев — лишение свободы на срок до трех лет с конфискацией всего имущества».*

Как сейчас считают, правительство приняло 107-ю статью, чтобы подготовить грядущую расправу с частными торговцами, — то есть относят причины ее принятия в будущее, в уже спланированные преобразования. Хотя в реальности, как видим, причины введения в УК этой статьи не в будущем, а в прошлом: это самое банальное регулирование рынка во имя национальной безопасности применительно к данной конкретной обстановке. А именно: при слабости государственного и кооперативного секторов торговли и отсутствии резервов зерна игра на повышение может обернуться голодом в стране.

Именно этот простой механизм приведет через несколько лет к кошмарному контрасту Великой депрессии: тысячи людей стоят в очередях за миской бесплатного супа, в то время как буквально по соседству тоннами уничтожают продовольствие. Кстати, во сколько жизней обошлась западным странам, и в первую очередь Америке, рыночная экономика во время того кризиса, неизвестно до сих пор...

Расслоение крестьянства продолжалось, и нетрудно было составить простой прогноз: чем дальше, тем большая доля товарного зерна будет приходиться на зажиточные хозяйства. А ведь их-то необходимость уплаты налогов и покрытия неотложных нужд не заставляет сразу же выбрасывать хлеб на продажу, они легко могут позволить себе придержать его до выгодной весенней цены. Не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что при таком раскладе в случае любой серьезной опасности — голода, войны — государство может рассчитывать лишь на излишки урожая тех маломощных хозяйств, которые едва могут прокормить себя. Остальные хлеб спрячут. Едва ли статья 107 принималась в расчете на войну — в этом случае действуют законы военного времени, а они просты и нерыночны, — скорее правительство намеревалось и дальше идти по пути рыночной экономики и принимало меры на случай очередного неурожая. Ну не могли они не знать про голод 1891

года, когда торговцы держали цены до тех пор, пока не вынуждены были снизить их в связи с массовой смертью потребителей!

Следующая заготовительная кампания прошла спокойно — в деревне осталось много хлеба, а год баловал отсутствием видимых потрясений, так что условий для азартной игры на рынке не было. А потом наступила «военная тревога» 1927 года, которая сразу показала, что ждет государство в случае любых внешних или внутренних трудностей.

Как реагирует население на угрозу войны? Именно так оно и про-реагировало. Из магазинов и лавок вымели все товары раньше, чем государственные органы успели хоть что-то предпринять. Впрочем, это еще полбеда — потребитель, купивший в июне мешок макарон, будет есть их до следующего июня, только и всего.

Полная беда пришла с другой стороны — резко снизились хлебозаготовки. Маломощные хозяйства вывезли хлеб, как обычно, в августе — сентябре, чтобы заплатить налоги, а потом — все. Зажиточные крестьяне зерно на ссыпные пункты не везли — либо придерживали его, либо продавали частнику по высоким ценам. С конца октября до начала декабря удалось закупить всего 2,4 млн т (150 млн пудов) — почти вдвое меньше, чем за тот же период прошлого года.

Ситуация становилась угрожающей — ведь страна по-прежнему не имела резервов. Уже в конце октября начались перебои с хлебом в городах. Цены на рынке резко пошли вверх, начался ажиотажный спрос на продовольствие.

ОГПУ: из обзора политического состояния СССР за ноябрь 1927 г.

«Во второй половине ноября по ряду промышленных районов положение со снабжением хлебом заметно ухудшилось. Значительное обострение создалось в Туле, Казани, Вотской обл., на Урале, в Киеве, Луганске, Севастополе, Тифлисе (очереди устанавливаются с 2 часов ночи), Армении... Перебои также в ряде непромышленных городов — Почеп, Стародуб, Карачев Брянской губ., Чернигов, Владикавказ (очереди по 300 человек), Керчь, Симферополь, Темрюк, Гори (Закавказье). В начале декабря резкое ухудшение со снабжением хлебом в Баку (очереди по 400–500 человек), Харькове и в середине декабря по Москве (очереди за хлебом от 200 до 600 человек)... Недовольство обостряется благодаря росту цен на продукты питания на частном рынке. В Нижнем Новгороде за по-

следние месяцы молоко с 12 коп. возросло в цене до 35 коп. за литр, животное масло с 80 коп. до 1 руб. 50 коп. за фунт, яйца с 30 коп. до 70 коп. за десяток и т. д. Подсолнечного масла в кооперации нет, частники продают по 1 руб. 60 коп. за фунт. Цена на муку полукрупку на рынке доходит до 20 руб. за пуд. В Иваново-Вознесенске картофель на рынке продается по 1 руб. 80 коп. за меру, в кооперации — 96 коп. (в кооперативах картофеля часто не бывает). В Луганске пшеничная мука 80% размолена на базаре продается по 6 руб. за пуд. На почве перебоев в снабжении среди рабочих наблюдаются разговоры о необходимости введения карточной системы для урегулирования вопроса с продовольствием...»¹

Вместе с ажиотажем растет и недовольство. Ползут слухи о том, что коммунисты не то прячут хлеб перед войной, не то откупаются им от Англии, что все зерно идет за границу в счет долгов, о скором голоде и перевороте — это в местах, более близких к источникам информации, а в отдаленных нередко уверены, что война уже идет. В деревнях начинают голодать бедняки и пострадавшие от локальных неурожаев, которые снабжаются хлебом из государственных фондов.

ОГПУ: из обзора политического состояния СССР за ноябрь 1927 г.

«В пограничных районах Псковского округа не имеют своего хлеба 33% хозяйств... Завоз хлеба в неурожайные и льноводческие² районы (Новгородский, Великолукский, Боровичский и Псковский) недостаточен... За первую половину ноября в Боровичский округ поступило 16% намеченного к завозу по плану, в Псковской — 22%. В Лужском округе подавляющая масса крестьянства доедает последние запасы хлеба...

В Псковском округе в особо тяжелом положении находятся мало-мощные середняки и беднота Опочецкого, Новоржевского, Новоселковского, Красногородского и Пушкинского районов, где установленный паек в размере 13,4 фунта на хозяйство в месяц выдается не всей бедноте, а только части, признанной наиболее нуждающейся...

В пищу употребляются суррогаты, на почве чего начались заболевания. В Красногородском, Палкинском, Опочецком районах Псковского

¹ Совершенно секретно. Лубянка — Сталину о положении в стране. (1922–1934 гг.) М., 2002. <http://www.iri-ran.ru/lub-st.html>

² Льноводческие районы — районы, где крестьяне расширяли посевы льна в обмен на гарантированное снабжение дешевым государственным хлебом.

округа зарегистрировано несколько случаев опухания людей от голода. Продажа скота из-за недостатка хлеба и отсутствия корма принимает массовый характер. Цены на скот сильно пали. Корова продается за 3–4 пуда хлеба...

В Иваново-Вознесенской губ. хлеб большинством населения выпекается с примесью овсянки, жмыхов и т. п. Выдача хлеба ЕПО¹ не превышает 8 кг на пай в месяц, а в некоторых ЕПО не более 4 кг. Значительно усилилось мешочничество и спекуляция хлебом. Наблюдаются массовые случаи выезда за хлебом в Нижне-Волжский край. Аналогичное положение наблюдается в Смоленской губ...

Снабжение Калужской губ. хлебопродуктами резко ухудшилось. Сельскому населению хлеб отпускается только в исключительных случаях по особому постановлению УИКа² согласно спискам, составляемым сельсоветами. Во многих районах в пищу употребляются суррогаты хлеба, вызывающие желудочные заболевания... Цены на хлебопродукты значительно возросли (16 кг ржаной муки на рынке стоят 6–8 руб., пшеничной — 10–12 руб.)...

В с. Суворовке Тегуло-Березанского района Одесского округа в связи с отказом в выдаче продовольственных пайков крестьянам, имеющим лошадей, отмечается массовая распродажа лошадей. В селе осталось 40% прошлогоднего количества лошадей...

В Черноморском округе в Крымском районе постановлением РИКа³ с 1 ноября введена карточная система. Введена карточная система также в Ставропольском округе...»

Это — ноябрь вполне урожайного года, причем войны нет и ясно уже, что не будет. Всего-навсего колебания рынка при той экономике, ставку на которую, по мнению большинства наших ученых, следовало сделать государству во избежание «ужасов коллективизации».

Одновременно бешеную активность развил частный торговец. Неверно думать, что частник — это владелец лавочки, который нанял лошадь, съездил в деревню, купил там картошки и теперь сидит, торгует. Это так, мелочь, пескари. Настоящий частник времен нэпа — это коммерсант-

¹ ЕПО — Единое потребительское общество.

² УИК — уисполком, уездный исполнительный комитет.

³ РИК — райисполком.

оптовик, имеющий агентов, транспорт, мельницу, склады, лавки — все свое. Агенты скупали хлеб в деревнях, отправляли на мельницу, быстро мололи, тут же везли в город на продажу и вырученные деньги вновь пускали в оборот. Одновременно частник работал и на потребительском рынке, скупая товары не только и не столько у кустарей, сколько в тех же государственных и кооперативных магазинах по низкой государственной цене плюс откат директору магазина. Поскольку разница цен в торговле и на рынке увеличивалась, продукты из государственных и кооперативных магазинов выметали с паникой, давкой и мордобоем, и чем больше становился ажиотаж, тем выше поднимались рыночные цены. Как обычно бывает в случае «ножниц», товары перекачивались из магазинов на рынок, минуя прилавки, чем еще больше раздувался ажиотаж.

Кроме оптовиков, активизировались и мешочники — почуяв поживу, пескари превратились в пираний. Хотя на самом деле трудно различить, когда мешочник везет хлеб для себя, когда для перепродажи более крупному оптовику, а когда работает по найму у агента этого самого оптовика, за небольшое вознаграждение переправляя груз, — поскольку самым узким местом в частной хлеботорговле была перевозка.

ОГПУ: из обзора политического состояния СССР за ноябрь 1927 г.

«Мелкий частник-спекулянт, появляясь на хлебном рынке главным образом под видом мешочника, нуждающегося городского жителя или крестьянина, продолжает снимать с хлебного рынка значительное количество хлеба, способствуя поднятию цен на хлебопродукты. В Алчее (Пугачевский округ НВкрая¹) хлебный рынок в руках частников, прибывающих из Казахстана и срывающих плановые заготовки. 6 ноября на рынок было вывезено до 8000 пуд. хлеба, который весь был закуплен частником. В НВкрае в целях вывоза неограниченного количества хлеба частники и мешочники прибегают к различным обманным способам: закупают по несколько десятков пассажирских билетов и багажом (по 6–10 пуд.) на билет направляют вверх по Волге, посылают подкупленных лиц на мельницы для перемола закупленного зерна на муку, подкупают бедняков, имеющих справки о нуждаемости в хлебе, от имени которых сдают хлеб багажом, и т. п. В Тамбовском, Елецком, Козловском и других округах ЦЧО наблюдается прогрессивно усиливающийся наплыв

¹ НВкрай, НВК — Нижне-Волжский край.

мешочников, приезжающих главным образом из Калужской, Брянской и Рязанской губерний. В Борисоглебском округе (с. Щучьи) мешочники приезжают на лошадях обозами по 10–15 подвод, в среднем по 100 подвод ежедневно, и снимают весь хлеб, благодаря чему поступление хлеба на ссыпункты почти прекратилось. В Хвалынске (Вольский округ НВК) частные торговцы, скупающие хлеб большими партиями у крестьян, перемалывают его на муку и вывозят в другие города. За последний месяц беспатентные торговцы перемололи на мельнице в Хвалынске свыше 2000 пуд. хлеба и вывезли в другие районы...»

Из опыта предыдущих лет власти уже знали, что повышение заготовительных цен делу не поможет — а в случае ажиотажа только подхлестнет процесс и еще уменьшит хлебосдачу. Поэтому на данную меру был сразу наложен жесткий запрет. Однако и расписываться в своем поражении, объявив хлебную монополию, тоже не хотелось. Тем более лихим ребятам внизу дай только волю — они вместо монополии введут продразверстку. Обыски и конфискации в голодающих селах, причем под руководством местной власти, начались еще осенью.

ОГПУ: из обзора политического состояния СССР за ноябрь 1927 г.

«Ленинградская обл. Великолукский округ. В Невельском районе Усть-Долысский сельсовет вынес постановление о взятии на учет хлебных излишков у крестьян дер. Теребовылы. Председатель сельсовета и член сельсовета начали производить тщательные обыски во всех хозяйствах деревни, что встретило сопротивление со стороны некоторых крестьян. Обыски по распоряжению РИКа были прекращены.

Псковский округ. В м. Листовка Логозовского сельсовета Псковского района председатель ККОВ¹ собрал ночью 19 человек бедняков и произвели обыск с целью отбора хлеба у односельчан. Были случаи отбора последнего печеного хлеба у бедняков.

Украина. В с. Андреевка (Полтавский округ) при вывозе гарницевого сбора бедняки задержали возы и разделили гарницевый сбор между нуждающимися».

Это пока еще только начало. Но много ли надо, чтобы вспомнить Гражданскую?

¹ ККОВ — Крестьянский комитет общественной взаимопомощи.

Уже в октябре ОГПУ (!) обратилось в Совнарком с предложением начать репрессии против частника — большинство торговцев и так находились не в ладах с законом, а для остальных была припасена 107-я статья. Громить частный сектор — не самая лучшая мера. Государственная и кооперативная торговля еще не были готовы принять на себя всю тяжесть снабжения населения, и удар по частнику неизбежно должен был нанести тяжелую рану потребительскому рынку. Однако и терпеть необъявленную войну, которую спекулянты вели против государства, больше не было возможности.

Так что неудивительно, что власти решили показать частному торговцу, кто в берлоге медведь. Нет-нет, ничего непредусмотренного УК с ними не проделывали. Все разворачивалось по стандартной чекистской схеме. Экономическое управление (ЭКУ) ОГПУ дало задание, местные органы собрали сведения, провели агентурную разработку и в конце декабря начали массовую кампанию сразу на четырех рынках страны: хлебном, мясном, кожевенном и мануфактурном. За четыре месяца было арестовано 4930 человек, скупавших хлеб («чистые» торговцы и кулаки), и 2964 человека на кожевенном рынке. Судя по цифрам, на мелочь ОГПУ не разменивалось, брали только крупную рыбу. Естественно, мелких беспатентных торговцев никто не сажал — штраф, конфискация товара, и гуляй на все четыре стороны...

Из сводки № 1 ЭКУ ОГПУ о ходе и результатах репрессий против спекулятивных элементов на хлебном, сырьевом и мануфактурном рынках СССР. 13 января 1928 г.

«Украинская ССР. При арестах частников в Черкассах, Мариуполе, Первомайске, Харькове и в других районах Украины выявлен целый ряд тайных складов хлебопродуктов, припрятанных в спекулятивных целях. В Черкассах, например, было обнаружено припрятанными 20 650 пуд. ячменя, в Мариуполе — 10 000 пуд. подсолнуха, Первомайске — 10 700 пуд. пшеницы и 3000 пуд. подсолнуха, Харькове — 1500 пуд. пшеницы, в Прилуках — 3500 пуд. и в Одессе — 1500 пуд. пшеничной муки...

Подвоз хлеба крестьянством оживился, однако сдатчики хлеба дезорганизуются агитацией... против сдачи хлеба на сытные пункты плановых заготовителей. На этой почве были замечены случаи обратного увоза крестьянами хлеба с базаров. При этом некоторые спекулятивные лица, в надежде на ослабление репрессий и в ближайшем будущем,

ссужают крестьян деньгами, отбирая от селян обязательства о сдаче хлеба по первому требованию.

Самарская губ. Всего по губернии арестовано 44 частных хлебозаготовителя... Репрессии немедленно оказали самое благотворное влияние на губернский хлебный рынок... Особо значительное снижение цен на тиеницу имеет место на рынке г. Самары: здесь цена с 2 руб. 10 коп. упала до 1 руб. 50 коп...

Уральская область. В связи с крайне развившейся спекуляцией по мануфактурным товарам по Уральской области было арестовано до 70 частных мануфактуристов. У некоторых из них обнаружили припрятанные запасы мануфактуры до 8000 метров, а готового платья — до 1000 изделий... Борьба с дезорганизаторами дала самые лучшие результаты: очереди за мануфактурой у государственных и кооперативных магазинов прекратились, и торговля мануфактурой вошла в нормальную колею».

Из спецсообщения № 764 Тамбовского губотдела ОГПУ в ЭКУ ОГПУ. 17 января 1928 г.

«Всего арестовано частных хлебозаготовителей по губернии — 33 чел., спекулянтов хлебозерном — 15 чел... Приблизительный размер оборота в текущую кампанию арестованных хлебозаготовителей нами определяется до 15 000 000 руб. (если принять среднюю цену за пуд хлеба за 1 руб. 50 коп., то мы получаем объемы торговли — 10 млн пудов зерна. — Е. П.)»

Согласно статистике ОГПУ, в 1927 году за нарушение монополии внешней торговли, спекуляцию товарами и валютой было осуждено 4208 человек, а в 1928-м — 16 134. При этом вряд ли в СССР стало сильно больше валютчиков и нарушителей монополии. Прирост в 12 тысяч мы смело можем отнести на счет 107-й статьи, причем без учета тех, кто сел хоть и в связи со спекуляцией, но по другим статьям — за взятки, воровство и т. п.

После операции ОГПУ уцелевшие частники начали сворачивать торговлю. Никто их, собственно, с рынка не гнал, тех, кто не нарушал закон очень уж нагло и открыто, не трогали — но те, кто не нарушал закон, большого веса в торговле и не имели. К лету 1928 года объем патентованной, то есть легальной частной торговли сократился на треть, причем ушли

с рынка, своей и не своей волей, самые крупные дельцы. В некоторых областях, например в мясной торговле, наблюдался полный разгром (она и в период «застоя» была одной из самых коррумпированных).

Насколько уход с рынка был связан с невозможностью продолжать торговлю, а насколько являлся сознательным бойкотом, неизвестно. Однако пример Гражданской войны показывает, что заставить торговца сменить амплуа практически невозможно. Они просто меняли сектор рынка — перемещались в тень, в нелегальную торговлю, или, наоборот, создавали фиктивные кооперативы.

Как бы то ни было, цена была заплачена, легальный потребительский рынок фактически развалился. Государственная и кооперативная торговля не справлялись с новыми задачами, да не везде они и существовали. Были районы, называемые «пустынями», — где не имелось вообще никакой торговли (кроме, конечно, мешочников и вездесущего черного рынка). А поскольку самые жестокие удары пришлось на хлебный рынок, то во многих местах образовались зияющие пустоты в сельской хлебной торговле — а Микоян на июльском пленуме ЦК говорил, что ее объемы больше государственных хлебозаготовок. Те крестьяне, которые не могли прожить своим зерном до нового урожая, не находя хлеба в деревне, потянулись за ним в город.

К лету 1928 года в стране, пока что решением местных властей, стали появляться продовольственные карточки. С 1 марта 1929 года они были введены решением Политбюро.

Появление карточек большинство исследователей связывают с коллективизацией. Но, как видим, колхозы тут совершенно ни при чем. Развал рынка — следствие необъявленной войны, которую частные торговцы вели с государством во время «военной тревоги» 1927 года.

Однако борьба с частником-оптовиком была лишь одной составляющей хлебной проблемы. Ударами по частным торговцам ОГПУ сломал механизм реализации — но это отнюдь не значит, что крестьянин повез хлеб на рынок.

Вспомним еще раз социальный состав деревни. Большая часть крестьянских хозяйств — бедняки и маломощные середняки — в дальнейших событиях не участвуют вообще. Они уже сдали зерно, заплатили налоги, прикупили кое-что из самого необходимого и занимаются своими делами. В игре остались лишь сильные середняки и зажиточные хозяева,

у которых есть деньги для уплаты налогов и которые прекрасно понимают, что если начнется война, то бумажки обесценятся. (Впрочем, какое там «понимают» — они это помнят! И хотят иметь за свой хлеб что-то конкретное, что можно потрогать, положить в сундук, а при необходимости продать.) И еще на игровом поле остался тот самый загадочный «кулак», о котором современные исследователи никак не могут понять, что он такое, и которого тогдашние правители заклинали ни в коем разе не путать с трудовым зажиточным крестьянином — а его все равно путали...

Высказывания крестьян по поводу хлебосдачи были весьма откровенные.

«Что я буду делать с деньгами, полученными за хлеб? Купить на них какую-нибудь одежду, мануфактуру, какая мне нужна, я не могу, а положить деньги в сберкасса, то уже было то время, когда ложили, а разве я их из кассы получил — они пропали. Нельзя быть уверенным, что и теперь не пропадут, подойдет необходимость в чем-либо — продам, а нет — пусть лежит».

«Хлеб у меня имеется, но особой нужды продавать его нет. Подожду до весны, а там цены будут дороже. Учись скотину продавать зимой, а хлеб весной».

«Если бы крестьянин не дал городу ни одного фунта хлеба, то горожане сами бы принесли в село мануфактуру».

«Власть постарается нас всюду обдурить. Постановили не выдавать за деньги мануфактуры, а менять только на хлеб. Дураки те, кто повезет хлеб в кооперацию, пускай все они подохнут, а хлеба не везти, тогда разрешат нам кому угодно продавать хлеб и за какую угодно цену»¹.

В соответствии с двумя категориями сельских хозяев власти применяли и две категории мер: экономические и чекистские.

На середняка пытались воздействовать экономически, хотя и не слишком успешно. Директивы Политбюро от 14 и 24 декабря требовали максимально ускорить взимание всех платежей — по налогам, страхованию, кредитам, семенным ссудам. Начали собирать авансы под промышленные товары и сельхозмашины, развернули кампанию по крестьянскому займу... Цель была одна — заставить крестьян, чтобы получить деньги, вывезти хлеб на рынок. Тем не менее удар пришелся мимо. Основными

¹ Советская деревня глазами ВЧК ОГПУ–НКВД. 1918–1939. В 4 тт. М., 2000. Т. 2. С. 674.

недоимщиками и неплательщиками являлись маломощные хозяйства, у которых ни денег, ни хлеба просто не было. Крупные же держатели хлеба не имели недоимок, а если имели, то легко их покрывали (им даже выгодно сбрасывать бумажки), так что этой мерой их было не взять.

Более успешной оказалась «товарная интервенция» — хотя и она не спасла положение. В хлебопроизводящие районы направили 4/5 промтоварных фондов — города и потребляющие области не получили в том году практически ничего. Однако товаров все равно не хватало, тем более что поначалу нарком торговли Микоян разрешил местным торгующим организациям продавать товар в обмен на хлеб один к одному и без ограничений, фактически в порядке прямого обмена. Через неделю, правда, Политбюро прекратило эту практику, разъяснив, что за хлеб надо платить деньгами, а промтовары продавать лишь на часть суммы, но значительная доля товарного фонда уже ушла.

Вынужденная мера — оплата товарами только сдаваемого хлеба — вызвала резкое недовольство маломощных крестьян, которые тоже еще с осени имели квитанции на получение промтоваров. Недовольство было законным: получалось, что государство прогибается перед кулаками-шантажистами в ущерб честным гражданам. Поняв, что ничего получить не удастся, голодающие бедняки продавали свои квитанции частным торговцам, у которых, как нетрудно догадаться, не было никаких проблем с их отовариванием. В результате немалый процент фонда уходил «налево», а соответственно уменьшалось и количество сданного хлеба. Не говоря уже о самых богатых, которых не устраивало то, что им могли предложить, — им были нужны хорошие дорогие вещи, импорт. А откуда, спрашивается, в этом году мог взяться импорт, если практически не было экспорта? Нет, брали и дешевое, но в основном ради спекуляции.

В одной из современных статей приводится следующий пример:

«Переброска товаров в деревню тормозилась также финансовой слабостью кооперации, которая часто не имела денег, чтобы выкупить прибывшие товары. Крестьяне-пайщики, сытые зряшными посулами, неохотно давали авансы кооперации. Вот только один из случаев: на собрании пайщиков мелитопольского кооператива было объявлено, что мелитопольский райпотребсоюз получил 40 вагонов мануфактуры, но чтобы взять их, требуется внести аванс в 1000 рублей наличными или же зерном. Таких денег у кооператива не было. Крестьяне же отказались авансировать деньги, не имея воочию товаров.

Один их выступивших середняков заявил: „Довольно нас дурить. Десять лет дурите. Вы привезите нам мануфактуру и мы пойдем посмотрим и тогда будем покупать, а не выдуривайте какие-то авансы. А то продай хлеб, внеси аванс, а тогда получится, что рубль пшеничка, а триста бричка. Все равно пшеничку не выдурите“»¹.

Ну, с одной стороны, правильно. А с другой — странно: при товарном голоде отказываться от мануфактуры. Что мешало пайщикам проконтролировать весь процесс получения товара, в том числе сунуть станционному начальству десятку, влезть в вагон и пощупать материю? Да ничего!

Совсем по-другому высвечиваются события, если мы задумаемся о судьбе тканей. Куда в конечном итоге делись сорок вагонов мануфактуры, которые можно было получить в руки всего-то по 25 рублей за вагон?

Ну например... Проведя собрание, председатель кооператива сбрасывается с двумя-тремя местными оптовиками, берет собранную тысячу рублей, получает эти сорок вагонов, которые быстро и успешно частным порядком перепродают... Сколько тогда стоили ткани? Пятьдесят копеек за аршин? Проведя этот роскошный гешефт, председатель расплачивается с поставщиком, «отмыв» деньги через кооператив, а остальное делят между собой участники операции. Или делят всю выручку, и председатель потом исчезает — Россия большая! А тот крестьянин, который говорил про пшеничку и бричку, получает свои десять-двадцать аршин за хорошую работу по созданию настроения...

Ну скажите, что такого не могло быть! Скажите, а мы послушаем...

Какой-то эффект «рыночные» методы дали, но очень небольшой. На основных держателей хлеба они не действовали никак — недоимки им как слону дробина, да и промтоварами этих не соблазнишь — они все, что надо, купят у частника. Деревенский хозяин затаился в ожидании настоящих цен.

ОГПУ: из обзора политического состояния СССР за ноябрь 1927 г.

«Злостная задержка кулаками хлебных излишков в ряде районов (СКК², Украина, НВкрай, Сибирь) принимает широкие размеры.

¹ Осокина Е. В тисках социалистической торговли. // Россия нэповская. С. 406.

² Северо-Кавказский край.

В НВкрае кулаки и зажиточные, имея в запасе до 1500–2000 и свыше пудов хлеба, сдают госзаготовителям только незначительное количество, главным образом в целях получения мануфактуры. В Сибири кулацко-зажиточные слои деревни от сдачи государству хлеба воздерживаются, открыто заявляя о нежелании сдавать хлеб за бесценок¹ и необходимости создания страховых запасов и т. п...

В с. Воробьево Колыванского района (Новосибирского округа) кулаки, имея в запасе по 1500 и более пудов хлеба, ни одного пуда госзаготовителям не сдали. В том же округе в Бирковском районе 31 кулацкое хозяйство, имеющее от 500 до 800 пуд. товарного хлеба, не сдали ни одного пуда госзаготовителям. В Индерском районе имеется 51 кулацкое хозяйство, имеющие от 650 до 2220 пуд. хлеба. Ни одно хозяйство не вывезло до сих пор ни одного пуда. Аналогичное наблюдается по ряду сел Омского и других районов.

На Украине и Северном Кавказе кулаки и зажиточные, отказываясь от вывоза хлеба государству („хлеб дадим только тогда, когда силой возьмут“), призывают население к организованному отказу от вывоза хлеба, предлагая „гнать в шею и бить тех, кто приходит за хлебом“.

В СВО² и НВкрае кулаки ведут среди остального крестьянства агитацию за „хлебную забастовку“ и реализацию хлебных излишков на частном рынке. Кулак с. Ново-Покровское Балашовского района и округа (НВК), имеющий до 2000 пуд. хлеба (сдал на ссыпункт только 50 пуд.) и спекулирующий хлебом, агитирует среди остального крестьянства: „Только дураки сдают свой хлеб государству задаром, а вот вы, мужички, побольше свой хлебец мелите на муку и продавайте на рынке, так-то лучше будет“. Одновременно кулаками и зажиточными распространяются провокационные слухи о применении чрезвычайных мер, о неизбежном голоде, войне и т. п. с призывом прятать хлеб».

Между тем если в Москве с продовольствием было плохо, то в провинции и вовсе творился сущий ад. И тогда местные власти, подгоняемые, с одной стороны, постоянные понуканиями сверху, а с другой, голодными толпами под окнами, стали срываться уже в массовом порядке — на местах начались обыски и конфискации, появились заград-

¹ Напоминаем: «за бесценок» — это за среднюю рыночную цену в нормальной обстановке.

² СВО — Средне-Волжская область.

отряды и продотряды. Наверх валом шли требования от местного руководства: разрешить применять насильственные меры к держателям хлеба.

И лишь тогда власть согласилась на силовые методы. Директива ЦК от 6 января 1928 г. содержала долгожданное требование конфискации излишков хлеба у крестьян, имевших большие запасы. Основание для такого решения имелось — та самая 107-я статья, которая предусматривала лишение свободы на срок до трех лет с полной или частичной конфискацией имущества.

В январе 1928 года члены Политбюро разъехались по стране, руководить хлебозаготовками. 15 января Сталин отправился в Сибирь.

Из обобщенной записи выступлений Сталина в Сибири. 16 января — 6 февраля 1928 г.

«Вы говорите, что план хлебозаготовок напряженный, что он невыполним. Почему невыполним, откуда вы это взяли? Разве это не факт, что урожай у вас в этом году действительно небывалый? Разве это не факт, что план хлебозаготовок в этом году по Сибири почти такой же, как в прошлом году?»

Вы говорите, что кулаки не хотят сдавать хлеба, что они ждут повышения цен и предпочитают вести разнузданную спекуляцию. Это верно. Но кулаки ждут не просто повышения цен, а требуют повышения цен втрое в сравнении с государственными ценами. Думаете ли вы, что можно удовлетворить кулаков? Беднота и значительная часть середняков уже сдали государству хлеб по государственным ценам. Можно ли допустить, чтобы государство платило втрое дороже за хлеб кулакам, чем бедноте и середнякам?

Если кулаки ведут разнузданную спекуляцию на хлебных ценах, почему вы не привлекаете их за спекуляцию? Разве вы не знаете, что существует закон против спекуляции — 107-я статья Уголовного кодекса РСФСР, в силу которой виновные в спекуляции привлекаются к судебной ответственности, а товар конфискуется в пользу государства? Почему вы не применяете этот закон против спекулянтов по хлебу? Неужели вы боитесь нарушить спокойствие господ кулаков?!

Вы говорите, что применение к кулакам 107-й статьи есть чрезвычайная мера, что оно не даст хороших результатов, что оно ухудшит положение в деревне... Почему применение 107-й статьи в других краях и областях дало великолепные результаты, сплотило трудовое кре-

стынянство вокруг Советской власти и улучшило положение в деревне, а у вас, в Сибири, оно должно дать якобы плохие результаты и ухудшить положение?

Вы говорите, что ваши прокурорские и судебные власти не готовы к этому делу... Я видел несколько десятков представителей вашей прокурорской и судебной власти. Почти все они живут у кулаков, состоят у кулаков в нахлебниках и, конечно, стараются жить в мире с кулаками. На мой вопрос они ответили, что у кулаков на квартире чище и кормят лучше. Понятно, что от таких представителей прокурорской и судебной власти нельзя ждать чего-либо путного и полезного для Советского государства...

Предлагаю:

а) потребовать от кулаков немедленной сдачи всех излишков хлеба по государственным ценам;

б) в случае отказа кулаков подчиниться закону, — привлечь их к судебной ответственности по 107-й статье Уголовного кодекса РСФСР и конфисковать у них хлебные излишки в пользу государства, с тем чтобы 25 процентов конфискованного хлеба было распределено среди бедноты и маломощных середняков по низким государственным ценам или в порядке долгосрочного кредита».

Так что, как видим, ничего особо людоедского в предлагаемых Сталиным мерах не содержится. После сто первого китайского предупреждения начали наконец действовать согласно Уголовному кодексу — только и всего.

Тогда же, в январе Сибкрайком постановил дела по ст. 107 расследовать выездными сессиями народных судов в 24 часа, приговоры выносить в течение трех суток без участия защиты. На том же заседании было принято решение о выпуске циркуляра краевого суда, краевого прокурора и полпреда ОГПУ, который, в частности, запрещал судьям выносить оправдательные или условные приговоры по 107-й статье. Ну в общем-то... сурово! В течение трех суток, без защиты... Определенным «смягчающим обстоятельством» для властей может служить лишь то, что 107-я статья начинала применяться, когда размер товарных излишков в хозяйстве превышал 2000 пудов. Мне как-то очень трудно представить себе возмущенной или судебной ошибки в случае, если в амбаре у хозяина находится 32 тонны хлеба. Даже с учетом того, что впоследствии этот размер был снижен — в среднем конфискации

составили 886 пудов (14,5 тонн), — все равно трудно. А также какие аргументы в этом случае станет приводить адвокат...

Но все же такое нарочитое нарушение УПК свидетельствует: положение было чрезвычайным. О том же самом говорит, казалось бы, давно забытая мера времен комбедов — выделение 25% собранного зерна бедноте, причем даже не по льготным ценам, а в порядке долгосрочного кредита. Стало быть, в только что собравшей небывалый урожай сибирской деревне бедняки не только голодали, но рынок уже выкачал имеющиеся у них скудные сбережения.

К проведению заготовок были привлечены ОГПУ и милиция, в село отправились партийные и советские работники из городов. За январь — март 1928 года было мобилизовано 2580 ответственных работников губернского масштаба и 26 тысяч уездного и ниже. Естественно, весь низовой аппарат тут же радостно сорвался в чрезвычайщину — ведь со времени отмены продразверстки прошло всего семь лет. И отряды по деревням ходили, и хлеб отбирали просто так и у кого попало, и свои же деревенские «раскулачивали». Того беспредела, что в Гражданскую, уже не было — однако случалось всякое. Давайте примем это за константу: любое распоряжение Центра сопровождалось низовой «чрезвычайщиной». Иначе просто не могло быть. Страна должна заплатить и эту цену — странно думать, что двухвековое шляхетское пренебрежение «быдлом», доведшее народ до одичания, могло бы обойтись дешево. Не могло...

...Итак, что же показала «хлебная стачка»? А показала она, что страна стоит перед выбором: либо дальнейшее развитие рынка, либо национальная безопасность — в сущности, тот же выбор, что и в 1914-м, и в 1918 году. В первом случае бесконечные уступки власти торговцам привели к революции и гибели империи, во втором — при отсутствии таких уступок была выиграна война. Число жертв соразмерять бессмысленно — мы знаем только потери коллективизации, а кто считал, во что обошелся бы альтернативный вариант? Впрочем, уже голод 1928 года, который удалось предотвратить с помощью 107-й статьи, мог быть сравнимым с «жертвами коллективизации».

Но советское правительство не относилось к числу таких, которые позволяли кому бы то ни было играть национальной безопасностью. Эта школа была пройдена еще в Гражданскую. Торговать — так торговать, воевать — так воевать, но хлеб в стране должен быть.

Интересную фразу я прочитала у американского ученого Марка Таугера: *«В исторических и прочих публикациях политика коллективизации рассматривается со значительной долей двойственности. С одной стороны, этот процесс отличался высокой степенью насилия и жестокой политикой раскулачивания. В то же время коллективизация привела к существенной модернизации традиционного сельского хозяйства в Советском Союзе и заложила фундамент для относительно высокого уровня производства продуктов питания и потребления в 70–80-х гг.»*

Оставим слово «относительно» на совести американца и честно удивимся: а как, собственно, могло быть иначе? Даже когда человек покупает новую квартиру, он знает, что первые несколько месяцев, а то и лет будет жить неустроенно и на всем экономить. А тут делают новую экономику! Право же, есть некая сермяжная справедливость в том, что Мао Цзэ дун время от времени посылал интеллигентов в деревню. Может быть, поэтому у китайцев и нет никакой «двойственности», а есть единый процесс вытаскивания страны из средневековья. И как-то особо цинично выглядит человек, который одновременно кушает бутерброд и пишет о «жестокостях коллективизации». Нет, писать-то не возбраняется, но простая порядочность требует отложить бутерброд. Да и сахар из чая — того-с... вприглядочку, вприглядочку... Страна, не имеющая продовольственной безопасности, не может позволить себе такие изыски....

Социология мироедства

...То — смутители бедных умов
и владельцы железом крытых,
пятистенных
и в землю врытых,
и обшитых тесом домов.
Кто до хрипи кричал на сходах:
— Это только наше, ничье...

Борис Корнилов. Чиж

В течение ближайших пяти лет страна будет фактически находиться в состоянии внутренней войны. Вот только кого с кем? Нынешние историки полагают, что это правительство воевало с народом, который

не мог смириться с потерей своего сивки, своего поля и своей свободы распрямиться выращенным урожаем. Хотя 80% деревенского народа с этого поля ничего, кроме горба да полуголодного существования, не имели — но историки, по-видимому, считают право собственности святым и заслуживающим преклонения независимо от своих плодов.

Но позвольте уж не поверить, что власть воевала с народом. В первую очередь потому, что доброй половине народа (если не больше) с появлением колхозов хуже не стало. Надо очень не любить людей, чтобы утверждать, что их следовало оставить в русском деревенском аду на вечные времена. А еще — из-за войны. Потому что побежденное, подмятое, *опущенное* властью население такой войны бы не выдержало. Более того, даже обычные граждане обычной, нетоталитарной страны ее не выдерживали — взять хотя бы для примера Францию, население которой отнюдь не страдало отсутствием патриотизма, однако ее армия продержалась против вермахта 40 дней. Нет, так могли сражаться только победители, защищающие свою оплаченную кровью и муками победу.

Так что война власти с народом не проходит. Хотя по одну сторону линии фронта действительно стояло правительство — но не в одиночку, как сейчас принято думать, а вместе с частью народа. В середине, как водится, колыхалось громадное болото, склонявшее свои камыши туда, куда ветер дует. А кто по ту сторону? Ну, что там были все старые противники советской власти — от уцелевших белогвардейцев до эсеров, — это можно бы и не упоминать. Наверняка отметилась и оппозиция. Но главная сила, против которой шла борьба — не они. Тогда кто?

В довоенном СССР в качестве символа старого времени, с которым надо бороться, поминались трое: кулак, торговец, поп. Вынесем пока что попу за скобки, не о нем речь. Остаются кулак и торговец.

С точки зрения грубой экономики все понятно. Войны ведутся из-за денег. «Хлебная стачка» окончательно обозначила расстановку сил на селе. С одной стороны — государство и все те, кто не мог жить без покупного хлеба. С другой стороны — частный торговец, наживавшийся на продаже продовольствия, и те, кто это продовольствие поставлял, — так называемые зажиточные хозяева во главе с формирующимся классом будущих торговых и сельских олигархов. В «болоте» — середняк, который иногда продавал немного хлеба и вроде бы был заинтересован в высоких ценах, а иногда покупал и был заинтересован в низких. А также те бедняки, которым по неграмотности просто было заморочить голову,

а по униженному положению легко купить малой подачкой. Все как в Гражданскую, и предмет драки тот же самый — вольные цены, только вместо хлебной монополии — 107-я статья.

В Гражданскую экономической и социальной базой борьбы против вольных цен как раз и были кулаки и торговцы. Не в силах справиться с торговой стихией, власть сосредоточила основную работу в деревне и сумела кое-как залатать дыры, однако большая часть хлеба все же ушла на вольный рынок. (Кстати, вот еще вопрос: где и у кого осели огромные средства, выкачанные по время войны спекулянтами продовольствием? Стартовый капитал нэпа был куда больше, чем мы о нем думаем...) Но большевики умели учиться, и в 1927 году первый удар был нанесен по посреднику-оптовику. Торговцы временно вышли из игры, отпраздновав зализывание ран. Кулаки же в общем-то легко отделались — несколько тысяч сели на небольшой срок по 107-й статье, а в основном все обошлось конфискацией хлеба. Нетрудно догадаться, как они отреагировали на очередной нажим, — тем более что тут же резко повысились налоги на зажиточные хозяйства.

Осталось только выяснить, кто они такие — эти самые кулаки. Ясно, что это какая-то категория сельских жителей. Но какая именно? Где граница между кулаком, которого надо уничтожить как класс, и зажиточным трудовым хозяином, которого власть призывала всемерно поддерживать.

В первой части мы очертили кулака в общем. Рассмотрим теперь эту категорию более детально.

Кулаки и имущество

Из письма М. И. Калинину:

«Я гр-н Уральской области, Н. Тагильского округа, Махиевского района, Толмачевского с/совета, д. Смагиной Смагин Петр Степанович. Как древний крестьянин, происходящий от своего крестьянского колена занимаюсь сельским хозяйством.

Я благодаря моего семейства, в количестве 13 человек, которое состоит из 4 сыновей: старшему 26 лет, женатый и имеет дочь, второй 22 лет, третий 18 лет и четвертый 13 лет, потом 4 дочери, от 16 и до 6 лет, затем моя мать 76 лет и мы с женой 48 лет, имею хозяйство, состоящее из 3 рабочих лошадей простой деревенской породы, 2 жеребенка, 3 коровы простых, 2 нетели, 5 штук овец, 3 штук свеней и несколько кур.

Дальше с/хозяйственные орудия и машины: плуг и железная борона, машина молотилка, которую имеем 4 пайщика и жнейка-сноповязка, которую мы имеем вдвоем с соседом и все.

Затем 8 десятин пахотной земли и 4 десятины лесного покосу и 1 ½ десятины клевера и кроме всего этого имею собственный дом, которого занимаю с прислугами, только половину, а другую половину занимают мой пятый сын, который находится в отделе и мой старик отец 77 лет. И благодаря всего этого моего достояния и семейства плачу единый с/налог в сумме 37 рублей 50 коп...»

Хотела сократить перечисление хозяйства, да рука не поднялась — с таким удовольствием он все это расписывает. Еще бы: сам наживал, есть чем гордиться. Однако хозяйство для такой семьи не слишком велико, не иначе сейчас на налог жаловаться будет... Ан нет!

«...и я пока за это доволен, но дело в том, что меня и моих сыновей завсегда и во всяко время наши Махневский РИК и наши сельсовет укоряют в том, что якобы мы кулаки и буржуи и завсегда жмут и указывают как на кулаков, но в то же время мне становится очень обидно в чем и как понять нас кулаками, т. к. мы исключительно только лишь живем своим кровавым трудом, а то что имеем землю, то мы полторы десятины в эти годы разработали совершенно из под леса.

Итак прошу Вас принять во внимания мою просьбу и ответить мне к какой я группе принадлежу, иль-же группе кулаков, иль-же середняков, иль бедняков для того, чтоб мне знать за что получать такие слова оскорбления...Еще я хочу упомянуть несколько слов из моего заслушивания из газет, т. к. я сам неграмотный, а это пишет мой сын по моей просьбе...»¹. (Орфография сохранена.)

Какое чудное письмо, и сколько из него видно! Вплоть до того, как Петр Степанович, в очередной раз повздорив в сельсовете, сердитый приходит домой и говорит сыну-подростку: «Ну все, довольно! Садись, будем отписывать в Москву, самому товарищу Калинину!» И ведь, пожалуй, еще и ответ получит и торжественно зачитает на сходе: вот, мол, вам, поняли? Никакой я не кулак, а самый настоящий середняк, и нечего меня своими языками позорить...

А еще мы видим из этого письма, что кулаками в деревне называли тех, кто был богаче прочих, а в газете постоянно разъясняли, что это не

¹ Крестьянские истории. С. 71.

так, поскольку кулак — тот, кто живет *не своим* трудом. А также видим, что быть кулаком в деревне считается позорным, — ибо газета газетой, но если она ляпнет что-то, не совпадающее с мнением *общества*, то общество ее слушать не станет.

В Москве тоже пытались дать определение кулаку точь-в-точь так же, как в Махневском районе, — исходя из благосостояния. Например, Каменев в 1925 году утверждал, что кулацким является любое хозяйство, имеющее свыше 10 десятин посева. Но 10 десятин в Псковской области — это ого-го сколько, в промышленном Нижне-Тагильском районе, как видим, и 8 десятин считается большим наделом (даже на 13 человек), а в Сибири 10 десятин — середняк, так что еще и по имени-отчеству не факт что назовут...

Молотов, отвечавший в ЦК за работу в деревне, в 1927 году относил к кулакам крестьян, арендующих землю и нанимающих срочных (в отличие от сезонных) рабочих. Ясно, что такие хозяйства, как две приведенные Климиным в качестве примера скотоводческие фермы Терского округа, сюда относятся. Первая, принадлежащая М. Н. Нестеренко, имела 12 лошадей, 30 волов, 62 коровы, 1350 овец и 25 тысяч десятин арендованной земли, нанимала 32 работника. Чистый доход хозяйства достигал 84 465 руб. Второй, Я. И. Луцко, имел 10 лошадей, 22 вола, 4 верблюда, 29 коров и 800 овец, нанимал 17 человек и имел доход 5272 руб¹.

Но арендовать землю и нанимать рабочих мог и середняк. У какой-нибудь вдовы в хозяйстве две крепких лошади, сын-работник и батрак — ну и какая она кулачка? А реальный кулак вполне мог обходиться вообще без батраков — если его хозяйство было не земледельческим, а торгово-ростовщическим, например....

...Предсовнаркома Рыков тоже пошел по экономическому пути. К кулацким он относил хорошо обеспеченные хозяйства, применяющие наемный труд, и владельцев сельских промышленных заведений. Это уже ближе, но как-то все расплывчато. И почему бы крепкому трудовому хозяину не иметь, например, маслобойню?

«Внизу» все было еще проще. В апреле 1926 года на совещании деревенского актива Ленинградской губернии один из выступающих говорил:

¹ И сразу вопрос: почему при не слишком большой разнице в хозяйствах такой огромной — почти в 15 раз — разрыв в доходах? Явно что-то у кого-то нечисто. Либо первый как-то слишком уж удачно играет на рынке, либо второй показывает не все доходы...

«Мы знаем, что богатый крестьянин — это тот, кто живет своим трудом. Это середняк. Но если хозяин побогаче, мы зовем его кулаком».

Сейчас говорят, что власть была врагом любых зажиточных крестьян и чуть ли не директивы такие спускала. Да ничего подобного! Этот подход *пер* снизу, как лава из кратера. Со всех трибун и во всех газетах не уставали разъяснять, что нельзя называть человека кулаком только исходя из благосостояния, что надо уважать и поддерживать трудовые хозяйства. Думаете, помогало? Правильно. И помочь не могло. Потому что правы историки — в основе всего лежала зависть. Но не черная и не белая, а зависть — крик исстрадавшейся твари, когда люди, озверевшие от нищеты и голода, кидаются на всех, у кого хоть что-то есть. Им враг и рабочий — потому что ходит в сапогах (хотя не может позволить себе белого хлеба), и комиссар из уезда — потому что носит галифе, даже если со своего партмаксимума едва кормится. Так в блокадном Ленинграде человек, который имел на костях немного мяса, рисковал, придя в баню, быть избитым — такое реально случалось, читала в воспоминаниях! — только за то, что голодает меньше, чем другие. Осуждать за это нельзя, а можно только плакать. А что чувствовал какой-нибудь уездный предисполкома, когда, не выдержав напора голодной толпы под окнами, шел с обыском и находил у зажиточного «трудолика» 200–300 пудов несданного зерна? Он-то знал, отчего в стране голод...

Кулаки и ростовщичество

Иначе к вопросу подходит «середняк» Калинин, который на заседании Политбюро, посвященном кооперации, говорит: *«Кулаком является не владелец вообще имущества, а использующий кулачески это имущество, т. е. ростовщически эксплуатирующий местное население, отдающий в рост капитал, использующий средства под ростовщические проценты».*

Нарком земледелия А. П. Смирнов еще в 1925 году писал в «Правде», которая служила основным практическим, корректирующим руководством для местных деятелей:

«Мы должны в зажиточной части деревни ясно разграничить два типа хозяйства. Первый тип зажиточного хозяйства чисто ростовщический, занимающийся эксплуатацией маломощных хозяйств не только в процессе производства (батрачество), а главным образом путем всякого рода кабальных сделок, путем деревенской мелкой торговли

и посредничества, всех видов „дружеского“ кредита с „божескими“ процентами. Второй тип зажиточного хозяйства — это крепкое трудовое хозяйство, стремящееся максимально укрепить себя в производственном отношении...»

Да, конечно... вот только тех, кто дает в рост деньги, раз-два и обчелся. На селе принята была в основном система натурального ростовщичества, а ею охвачена половина крестьян: при российской деревенской нищете все время кто-то что-то у кого-то занимает или арендует. Да, но... в любой деревне отлично знали, кто просто дает в долг (даже и под процент, коли придется), а кто сделал это промыслом. Мы же, когда надо занять денег, не путаем приятеля с банком, верно?

Целую философию мелкого сельского эксплуататора приводит в своем письме в журнал «Красная деревня» крестьянин Филипп Овсеенко, который тоже обижается, что его называют кулаком.

«Я имею исправное хозяйство: 3 лошади, 6 коров, 2 нетели, 3 свиньи, живу в доме, работника держу. И везде, в глаза и за глаза я прослыл кулаком и это очень обидно. Хочу я все-таки опровергнуть, потому что все это от зависти. Про кулака кричат, что он такой-сякой, но только как не вертись, а кулак всегда оказывается и запасливым, и старательным, и налоги больше других платит. Кричат, что, мол, крестьяне не должны пользоваться чужим трудом, нанимать работника. Но на это я должен возразить, что это совсем неправильно. Ведь для того, чтобы сельское хозяйство нашему государству поднять, умножить крестьянское добро, надо засевы увеличить. А это могут сделать только хозяева зажиточные, которые сумеют и лишнего принять и пустырек разобрать, и если работник работает по хозяйству, так он такой же как и я, нет между нами в работе никакой разницы. Вместе чуть свет на паашню выезжаем. И что у крестьянина есть работник, из этого только государству польза и потому оно таких зажиточных должно в первую голову поддержать, потому они — опора государства. Да и работника тоже жалко, ведь если ему работу не дать, ее не найти, а и так много безработных. А при хозяйстве ему хорошо. Кто даст в деревне работу безработному, либо весной кто прокормит соседа с семьей».

Казалось бы, к чему придраться? Только к одному: если бы работника держал Петр Степанович Смагин, он непременно упомянул бы, сколько ему платит да сажает ли с собою за стол. Но, впрочем, это только при-

сказка, а вот и сказка началась — о том, как добрый человек соседа с семьей кормит...

«Есть много и других горе-горьких крестьян: либо лошади нет, либо засеять нечем. И их мы тоже выручаем, ведь сказано, что люби ближних своих, как братьев. Одному лошадку на день дашь, либо пахать, либо в лес съездить, другому семена отсыпешь. Да ведь даром-то нельзя давать, ведь нам с неба не валится добро. Нажито оно своим трудом. Другой раз и рад бы не дать, да придет, прям причитает: выручи, мол, на тебя надежда. Ну, дашь семена, а потом снимаешь исполу половинку — это за свои-то семена (интересно, брату он тоже исполу бы дал, или только тому, кто «как брат»? — Е. П.) Да еще на сходе кулаком назовут, либо эксплуататором (вот тоже словечко). Это за то, что доброе христианское дело сделаешь (Да?! Иисус сказал: «просящему займы у тебя дай», но о процентах я что-то не припомню... — Е. П.). Выходит иначе: другой бьется, бьется и бросит землю, либо в аренду сдаст. Каждый год ему не обработать. То семена съест, то плуга нет, то еще что-нибудь. Придет и просит хлеба. Землю, конечно, возьмешь под себя, ее тебе за долги обработают соседи и урожай с нее снимешь. А хозяину старому что ж? Что посеял, то и пожнешь. Кто не трудится — тот не ест. И притом сам добровольно землю отдал в аренду в трезвом виде (весной, когда дети с голоду пухнут. — Е. П.). Ведь опять не возьми ее в аренду, она бы не разработана была, государству прямой убыток. А так я опять выручил — посеял ее, значит мне за это должны быть благодарны. Да только где там! Вей я же сказал, что у нас законы без всякого понятия. За такие труды меня еще и шельмуют... Пусть все знают, что кулак своим трудом живет, свое хозяйство ведет, соседей выручает и на нем, можно сказать, государство держится. Пусть не будет в деревне названия „кулак“, потому что кулак — это самый трудолюбивый крестьянин (пока пахать не бросил, а при таких источниках дохода — долго ли ждать? — Е. П.), от которого нет вреда, кроме пользы, и эту пользу получают и окружающие крестьяне и само государство»¹. (Орфография сохранена.)

Ох, ну прямо сердце тает и слезы из глаз... До такой степени тает, что есть у меня подозрение: может статься, крестьянин Филипп Овсенок

¹ Климин И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики. Т. 1. С. 171–172.

этого письма и не писал вовсе, и нет на свете никакого Филиппа Овсенко, а имеем мы дело с литературным жанром под названием «фельетон». Уж больно персонаж на Иудушку Головлева похож. Да и написано слишком хорошо для крестьянина...

Отдельно умиляет реакция историка. Для начала он современным языком пересказывает оценку кулака, данную в письме... Нет, такое надо цитировать, уж простите за ненужный азбац!

«Перед нами предстал типичный крестьянин-труженик, работающий не покладая рук, основа советского государства, на плечах которого последнее держалось (интересно, а урожай с полосы земли, арендованной за несколько пудов хлеба, которую за долги обработали соседи, тоже сюда плюсуется? — Е. П.)... Вместе с тем зажиточные сельчане решали не только экономические, но и социальные проблемы в деревне, которых тогда было немало (интересно, куда ж проблемы потом делись, коль «основу» разорили? — Е. П.). Своей хозяйственной деятельностью они помогали ослабить в сельской местности безработицу и нищету. Нанимая на срок наемных работников, преимущественно деревенских бедняков, или предоставляя им материальную помощь семенами, деньгами (оказывается, давать в долг под проценты — это «предоставлять материальную помощь»? Вот, блин, социология! — Е. П.), оказывая услуги инвентарем, лошадью, зажиточный, исправный крестьянин спасал хозяйство маломощного соседа от окончательного разорения, а возможно, и от голода».

И наконец, пассаж, убивающий сразу и наповал: *«В официальных государственных и партийных документах зачастую необоснованно говорилось о жестокой эксплуатации сельской бедноты кулаками-капиталистами. Об этом толковали и некоторые ленивые крестьяне. Конечно, в ряде случаев мы не исключаем подобной эксплуатации, унижения, притеснения богатым сельчанином своих маломощных соседей при помощи предоставления разного вида помощи, использования его труда. Однако, с нашей точки зрения, такие явления не носили массового характера, были скорее исключением, чем общим правилом».* Это он так шутит? Если семенная ссуда исполу (то есть, при урожае сам-четверг с вложенного капитала благодетель получал 100%) — это не жестокая эксплуатация, то как, интересно, выглядит жестокая?

Естественно, были и другие примеры — когда зажиточные крестьяне давали лошадь без оплаты, хлеб в долг без процентов и без отработок,

а то и просто помогали, не требуя возврата. Но что-то закрадывается у меня подозрение, что таких было немного. И еще подозрение закрадывается, что таких и не раскулачивали, поскольку в конечном-то итоге все решало *общество*, а общество никакой комиссар не переупрямит.

Но из этой оды кулаку ясно и четко видна система натурального ростовщичества в деревне, которая шла без денег, за натуру и отработку, и практически не поддавалась учету. Из чего следует весьма любопытный вывод.

Кулак и торговля

Давайте немного посчитаем. При урожайности 50 пудов с десятины 800 пудов — это 116 десятин. Плюс к тому еще собственное потребление хозяев, прокорм батраков и скота, что при крупном хозяйстве потянет десятин, скажем, на семь—девять¹. Итого — 25 десятин. В 1928 году наделы в 25 десятин и выше имели 34 тысячи хозяйств. Допустим, все они укрывают зерно. Это получается... 72 млн пудов. Что, всего?! И сколько же тогда земли у хозяев, которые имели по полторы-две тысячи пудов в амбаре, даже с учетом «страхового запаса»? И откуда, интересно, взял Сталин цифру, которую назвал в Сибири: *«Посмотрите на кулацкие хозяйства: там амбары и сараи полны хлеба, хлеб лежит под навесами ввиду недостатка мест хранения, в кулацких хозяйствах имеются хлебные излишки по 50–60 тысяч пудов на каждое хозяйство, не считая запасов на семена, продовольствие, на корм скоту...»* У него не было привычки брать данные с потолка. Где он нашел хозяйства с такими запасами? На Дону, в Терском крае, на Кубани? Откуда столько хлеба? Одно дело — тысяча десятин пастбищ и совсем другое — пашни, тут даже самый «ручной» проверяющий взовьется на дыбы, не говоря уже о райкоме ВКП(б).

Но мы, как видно из предыдущего раздела, упускаем из виду еще одну сторону деятельности кулака: далеко не все зерно он выращивал сам. Во-первых, его амбары пополнялись за счет натурального ростовщичества, с такой любовью описанного чуть выше. Во-вторых, давайте задумаемся: а как проходила в деревне продажа зерна? Это хорошо, если ярмарка, как в той самой Матреновке, на краю села, так что свои

¹ Хотя с учетом семенного фонда маловато будет — ну да ладно, берем по минимуму.

несколько мешков туда можно отнести на горбу. А если нет? И лошади тоже нет, так что и вывезти не на чем. Впрочем, пусть даже и есть сивка — так охота ли гонять ее за десятки верст с десятую пудами? А деньги между тем нужны — налог заплатить, да и купить хоть что-то, да надо.

Между маломощным крестьянином и рынком просто обязан существовать деревенский скупщик зерна — тот, который, в свою очередь, будет иметь дело с оптовиком. В зависимости от сочетания жадности и деловитости он может давать или чуть больше, или чуть меньше государственной цены — так, чтобы эта копейка не заставила неимущего односельчанина самого ехать на базар или на ссыпункт.

Какими были хлебные ресурсы бедняцкого, середняцкого и кулацкого хозяйства в Сибири, мы видим в том же политическом обзоре ОГПУ.

«В с. Полковниково Косихинского района (Барнаульский округ) из 19 кулацких хозяйств, имеющих свыше 6000 пуд. товарного хлеба, только 11 хозяйств сдали 1119 пуд. (18,5%). Средняцких хозяйств имеется в селе 242, имеющих 36 227 пуд. товарного хлеба. Из этого количества хлеб сдали только 195 маломощных хозяйств — 12 334 пуд. (34%). Из 242 бедняцких хозяйств, не имеющих товарного хлеба, все же 99 хозяйств сдали 2650 пуд.»

Однако село Полковниково какое-то небогатое — район, что ли, неплодородный? Сибирский крайком просил разрешения применять 107-ю статью начиная с 800 пудов на хозяйство — значит, среднесибирский кулак был намного богаче барнаульского. Ну да ладно, это расчету не помеха.

Итак, как мы видим, у бедняков товарного хлеба нет, но какие-то излишки все же имеются, хотя и довольно жалкие — по 27 пудов на хозяйство, и это при «небывалом» урожае. 27 пудов по хорошим осенним ценам — рублей двадцать пять. Если ссыпной пункт верст за десять, можно и туда отвезти, а если за пятьдесят? Квитанция на получение промтоваров — приманка скорее для середняка, бедному бы налоги заплатить.

Средняки имеют излишков по 150 пудов, из них хлеб сдали 195 хозяйств, в среднем по 63 пуда — куда денут остальное? Продадут заезжему частнику? Ну, если этого заезжего частника вообще в деревню пустят... В торговых делах обычно все схвачено, поделено, и конкуренции эти ребята не любят.

Деревенский кулак просто не мог не быть скупщиком хлеба — дураком надо быть, чтобы упустить такой доход. Впрочем, он был не только

скупщиком, но и торговцем. Процитируем снова донесение ОГПУ — этот документ хорош тем, что, в отличие от большинства прочих исследований, не выдает отдельные случаи за явление, а иллюстрирует явление частными типичными примерами.

«Ниже-Волжский край. В Лысогогорском районе Саратовского округа кулаки и зажиточные занимаются систематической спекуляцией хлебом. Кулаки в с. Б. Копны скупают у крестьян хлеб и вывозят большими партиями в г. Саратов. Для того чтобы смолоть хлеб вне очереди, кулаки спаивают работников и заведующего мельницей.

Северо-Кавказский край. В ряде мест Куцевского и Мясниковского районов (Донского округа) отмечается массовый помол зерна на муку. Часть хлеборобов занимается систематическим вывозом и продажей муки на городском рынке... Цены на пшеницу доходят до 3 руб. за пуд. Зажиточные и крепкое кулачество, скупая на месте по 200–300 пуд. хлеба, перемалывают его на муку и увозят на подводах в другие районы, где продают по 6–7 руб. за пуд.

Украина. Кулак хут. Новоселовки (Роменский округ) скупает хлеб при посредстве трех бедняков, которые под видом скупки хлеба для личного потребления заготавливают для него зерно. Кулак закупленное зерно перемалывает на муку и продает на базаре.

Белоцерковский округ. В Фастовском и Мироновском районах кулаки организовали свою агентуру по скупке хлеба, которая заготавливает для них хлеб в окружающих селениях и ближайших районах».

Как видим, на деревенском уровне частник-оптовик и кулак — это один и тот же персонаж, естественный посредник между производителем и рынком. Но если городского торговца можно привлечь за спекуляцию, поскольку налицо вещественные доказательства — склады с товарами, — то кулака на этом не ухватишь. Кстати, о складах... Зачем, спрашивается, крупному оптовику строить лабазы в городе, если он может использовать амбары все того же кулака? И удобно, и ОГПУ не докопается. Да и кулаку, в свою очередь, необязательно свозить зерно к себе во двор — он вполне может оставить его у продавца-середняка. Думаете, обманет односельчанин?

Ну-ну...

Итак, что мы имеем? А имеем мы сочетание трех качеств: зажиточность, ростовщичество и торговля. Это уже некое основание для того, чтобы бороться с государственной политикой, а также не любить кол-

хоз, который портит жизнь одним своим существованием: оттягивает батраков, уменьшает до мизера скупку хлеба и делает ненужной «материальную помощь» за «божеский процент». Это экономическая основа кулачества как класса. Но есть и вторая сторона вопроса — психология кулака как человека.

Кулак и душа

Вопрос, кто является кулаком, а кто нет, служил в 20-е годы предметом горячих споров. Бытовала, например, такая точка зрения, что его и вовсе не существует.

Из писем:

«Напрасно коммунисты делят крестьянство на группы — бедняков, середняков и кулаков. Мы давно поняли, что такое разделение — ерунда, и сплотились в одну нераздельную массу».

«Кулаков теперь нет — одни труженики. Прошу не рассоединять нас на группы. А то беднота ходит в калошах, а середняки — в порванных сапогах, а коммунист — в галифе».

«Партия неправильно действует, разделяя нас на кулаков, середняков и бедняков. Мы все равны и нам друг без друга не прожить, а такая рознь мешает нам улучшить свою жизнь»¹.

Могло ли такое быть? Действительно, в Новгородской или Псковской губернии можно себе представить деревню, где никто не пользуется наемной рабочей силой, — но не стоит по Северо-Западу судить обо всей стране.

Впрочем, ведь и вышеупомянутый Филипп Овсенко тоже с Северо-Запада. Кулаком он себя не считает, и уж если не поленился написать такое письмо, то и на собрании не поленился выступить перед заезжим начальством, заявив, что, мол, «кулаков в деревне нет». «Да, да...» — кивают благодетельствованные им сельчане.

Но все же большинство крестьян не только не отрицали существование данного персонажа, но и высказывались о нем очень неожиданно. В середине 20-х годов на страницах газеты «Беднота» развернулась дискуссия: кого считать кулаком? Что любопытно — большинство крестьян «трудовые» хозяйства к кулацким не относили, даже если те были по

¹ Климш И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики. Т. 1. С. 154–155.

деревенским меркам богатыми, — наоборот, защищали. Зато на первый план вышли совершенно нематериальные критерии.

Из писем:

«У многих дореволюционных кулаков, имевших по 4–6 лошадей и коров, по 70–100 овец, осталось по 1 лошади и 1 корове, но все же принимать их в число честных тружеников еще рано».

«Не тот кулак, кто честно трудится и улучшает хозяйство для восстановления разрушенной страны... а кулак тот, кто и до настоящего времени не может примириться с рабоче-крестьянским правительством, шипя из-за угла на власть и оплакивая сладкие николаевские булки».

«В своей деревне всякий крестьянин очень хорошо знает, кто как нажил состояние: своим ли трудом или чужим...»

«Не богатство, а его душу называют кулаком, если она у него кулацкая...»

А самый неожиданный ответ, причем практически единодушный, крестьяне дали на вопрос: «Можно ли считать кулаком бедного человека, который на гроши торгует исключительно для того, чтобы не умереть с голоду?» Вы ведь ответите: «Нет!» Вот и я тоже. А крестьяне рассудили иначе: практически все откликнувшиеся отнесли его к категории кулаков...

«Всякий бедный, торгующий в деревне человек, не желающий улучшить свое крестьянское хозяйство и жить исключительно этим хозяйством, должен считаться человеком, ищущим легкой наживы, и в нем нужно видеть будущего кулака, а потому должен считаться: когда он бедный, то „маленьким кулачком“, а когда станет богаче — настоящим кулаком».¹

Это и есть тот самый «вектор развития», который не учитывают ученые-экономисты, но прекрасно видят полуграмотные сельчане.

Все эти письма крутятся вокруг одного и того же ответа: кулак — категория не экономическая, а человеческая, и эта человеческая категория может иметь в хозяйстве одну лошадь и одну корову, но сути своей от того не изменит, разве что злости прибавит. Может, и не стоит определять это состояние души словами, а просто проиллюстрировать...

В политический сводке по письмам в редакцию «Крестьянской правды» и журнала «Красная деревня» за весну 1928 года приведены не-

¹ Цит. по: Телицын В. «Лицом к деревне» и лицо деревни. // Россия неповская.

сколько писем, отнесенных ее авторами к разряду «кулацких». Письма эти большей частью анонимные. Впрочем, слог, которым написано первое письмо, и псевдоним «Ал. Посредников» заставляют усомниться в том, что его автор вообще крестьянин. Предмет его гнева — льготы, которые правительство предоставляет беднякам.

«Трудовое крестьянство или в три шеи погонит правительственных „пенсионеров“ вон из деревни, чтобы они не бередили их равновесие, или же сами постараются сравняться с беднотой, образуя единое „мощное“ общество, доводя свое хозяйство до одной лошаденки, коровенки, петуха да курицы, запахивая такой „клин“, который дал бы возможность, хотя и впроголодь, прокормить свою семью, и ни одного фунта зерна на рынок. Что тогда заговорит город и промышленные районы. А это будет, т. к. само правительство толкает трудовое крестьянство на ту гибкую дорогу. Советскому правительству как будто приятнее иметь в управляемом им государстве сплошную сельскую бедноту, чем зажиточного крестьянина...»

Не будем спешить соглашаться, лучше задумаемся, о чем это письмо. Что за дело настоящему «трудовому» крестьянину, зарабатывающему сотни рублей, до чужих копеек, даже если его самого прижали налогами? У него после всех выплат все равно останется столько, сколько тому бедняку и во сне не видать, — а его заели соседские пять-десять рублей льготы. Сейчас бизнесмены нисколько не страдают морально от того, что кому-то дают грошовые скидки или оказывают материальную помощь, и тем более не горят желанием поменяться местами с дворниками и продавщицами.

У меня лично есть только один ответ. У кого малоимущий сосед брал в долг деньги на уплату налога и ссуду на обзаведение? А теперь получил от государства, да еще и ходит гоголем: мол, кончилось твое время, соседushка, кланялись мы тебе много, аи больше не станем... Есть от чего прогневаться!

Из письма И. Ф. Соколова, Ленинградская область:

«Не будет у кулака гнутья спина, то и конец миру. Труженику-рабу никогда нет никакого манифеста, отдай все платежи целиком. Чем больше этой брашке прощают, тем больше становится лентяев. Прошу об их немного бы и позасохнуть и помолчать об таких негодях бедняках, тогда бы у всех читателей было бы на сердце очень спокойно.

Он бедняк был и при царизме и сейчас такой же тоже не переродился кулаком, а той скотиной бедняком...

Прошу скажите, что это такое называется бедняк и батрак. Бедняки это есть три сорта мусорной травы: первый сорт это горькие пьяницы, а второй сорт настоящий лентяй, да хулиган. Это вся почтеннейшая советская драгоценная брашка — твердая почва. Он спит сутками да лежит и надеется как на городову стену, живет как у Бога за пазухой, его в газетах не забывают, да и все продналоги прощают. Жить не нажиться. А зажиточный и труженик мужик, т. е. крестьянин, который встанет с раннего утра и до поздней ночи не пивши не евши работает без отдыха. Теперь он называется по советски настоящий кулак...» (Орфография сохранена.)

Вот так автор одним росчерком пера записывает 50 миллионов человек в пьяницы и лодыри. Почему? Ведь он отлично знает, что при тех условиях, которые сложились в русской деревне, все крестьяне просто не могут, как бы трудолюбивы ни были, создать крепкое хозяйство. Кроме трудолюбия нужно еще и здоровье и, наконец, элементарное везение. А какой самый простой путь? Правильно. Взбираться наверх по чужим спинам. Один даст лошадь соседу-бедняку просто так или за маленькую плату, а другой — за два дня отработки. Один одолжит семян просто так или за небольшой процент, другой потребует пол-урожая. Какой быстрее разбогатеет? Риторический вопрос, да?

Но дело даже не в этом. Для настоящего «трудолика» чужие льготы — не повод для обиды. Он скорее гордится тем, что ему эти льготы не нужны, для него сумма налога — не повод для жалоб, а мерило преуспевания. Как тот же Смагин или другой крестьянин, который, серьезно задетый письмом Соколова, с гордостью пишет, как выбивался из нищеты:

«Нет, гр-н Соколов, извини. За пазухой у Советской власти не сижу. Она мне действительно, когда я поднимался, помогала. А теперь я тоже налог плачу и, пожалуй, не маленький, а 50 руб. за то, что имею землю и сад в 1 десятину».

А для Соколова бедняцкие льготы — нож острый, и уж явно не потому, что на чужие копейки обзавидовался. Эти льготы подрывают основы его влияния и тем самым *уменьшают* его самого. Большевики и кулаки боролись за власть над селом с самого начала. Советская власть формально победила, но пока крестьяне экономически зависели от кулака, он, явно

или неявно, все равно был хозяином. Поэтому болезненнее всего он воспринимал не оскорбительные «наезды» — они даже льстили иной раз, — а то, что правительство выводило крестьян из-под его власти. Это еще семечки, а вот когда все пойдет по-настоящему, когда начнутся колхозы...

Вот еще одно анонимное письмо:

«Говорят мужик то сер, да ошибаются, не черт ум то съел. Лопнет терпение кому заедет нож в спину, это скрыто, хотя десять лет лямку тянули...»

Интересно, какую лямку тянул автор этого письма «десять лет», то есть с 1918 года? И кем он был до тех пор, ежли тогда лямки не тянул?

Кулаки в Сибири

Как неожиданно выяснилось, в Сибири слово «кулак» имело кроме обычного еще и особое значение, связанное со столыпинским переселением. Узнала я это из письма, присланного одним из моих интернет-собеседников по форуму о. Андрея Кураева под ником «Сергей из Хабаровска» (имен он просил не называть). Он прислал мне записанный по памяти рассказ своей бабушки о доколхозной деревне. Девочкой приехала она в Приамурье в числе столыпинских переселенцев, натерпелась и навидалась всякого. Говорила потом: «А что рассказывать? Бедовали, голодовали да работали на кулаков за просто так, вот и вся жизнь».

Рассказ крестьянки Варвары в передаче ее внука Сергея

Итак, ее отец в начале века перебрался из Белоруссии в Казахстан, но там ему не понравилось. Во время столыпинской реформы он «соблазнился и уехал в Амурскую область. Потом, знать, не раз жалел, но возвращаться было просто не на что. Денег на новом месте не было не то что на конфеты для детей, но даже на мыло. Мылись едучим зольным щёлоком.

Во-первых, земли дали не так уж много, да и ту — с кочками да кустарником („с кустом“). Во-вторых, там оказалось — не столько в тесноте, сколько в противоречиях — сразу несколько русскоязычных племён. Иначе и не скажешь, если становиться на ту сетку координат, которая выстраивалась в бабушкиных воспоминаниях.

Самым молодым и бесправным из племен были „мужики“, иначе говоря — „новотОры“ (вновь приехавшие). Было еще одно название: нахалюги. Даже слобода, в которой они селились, называлась Нахаловка.

Самым старым племенем были „гурАны“ (сами тоже вчерашние крестьяне — хотя если кто из них это помнил, то старался, наверное, вслух не говорить). Их, собственно говоря, в близком соседстве не бывало, только наезжали. Были они весьма самоуверенны и „умели себя сразу поставить“. Бабушка их почему-то не считала русскими. Даже, помню, полагала, что слово „гуран“ — это не когда хотят сказать „казак“, а когда не хотят вслух говорить „мерзавец“. Ну да, изъяснялись по-русски. На испорченном русском языке с уймой совершенно непонятных заимствованных слов. Но это были „гураны“, а не „свои“. Разграничение, может быть, и неофициальное, однако очень строгое и ни у кого никаких вопросов не вызывавшее. Сие — задолго до революции, подчеркну. После революции казаки еще раз себя показали... все с той же стороны, относясь к крестьянам не то что не как к единокровным, а даже не как к людям вообще: так называемая „семеновщина“...

Средним по времени появления на Амуре русскоязычным племенем, еще более враждебным для мужиков, было „кулачье“. Я пытался объяснять бабушке: кулаки были тоже из крестьян, только побогаче. Она спорила: „Ну где ж! Мужик — одно дело, кулак — совсем другое!“ И по ее рассказам выходило: впрямь совсем другое. Которое являлось врагом номер один для „мужиков“. Разозлив одного кулака, „мужик“ автоматически становился врагом для всего кулачья в округе — которого было, надо сказать, немало. У нас на Дальнем Востоке, имея землю, не стать богатым в течение десятка лет — это надо быть врожденным клиническим идиотом! Все старожилы были богаты. А богатый мужик... еще когда сказал на другом краю Евразии поэт-рыцарь Бертран де Борн, кое-что видя, а кое-что (может быть, даже Вандейский бунт во время Французской буржуазной революции) предвидя: „Нрав свиньи мужик имеет, беден — глаз поднять не смеет, если же разбогатеет, то безумствовать начнет...“ И тогда уж бедному крестьянину бывало впрямь некуда податься от них, отождравшихся, — „разве что в могилу“. У кого еще взять лошадь внаём для пахоты? Только у кулака. Он приехал раньше, чуть ли не во времена Муравьева-Амурского, и успел „обжиться“, эксплуатируя пришедших батраков — маньчжуров и китайцев, которые соглашались на любую плату, лишь бы она, эта плата, вообще была. У кулака все имелось, а у новаторов не имелось ничего, кроме кое-каких пожитков...

Столтыпинские выплаты „на обзаведение“? Ну-ну... Я спрашивал об этом у бабушки. Она долго не могла понять, что я имею в виду, а потом

рассердилась: „Ага! Откуда ж было нам денег взять, чтобы столько заплатить? Только у кулаков столько было, да они и так жили, без всяких ссуд!“ Местные власти, от которых всецело зависело вспомоществование (или НЕвспомоществование), судя по всему, были мироеды не хуже кулаков. Чтобы что-то получить, надо было заплатить. Если ты ни на что не претендовал — тоже надо было заплатить, но уже чуток поменьше...

О том, как бабушка с братом работала у кулаков, она вспоминать не любила. Отрабатывали лошадей, взятых внаем семьей. Бабушка пряла и ткала, еле доставая до здоровенных кросен, брат пастушил. Следующей весной, когда подросли, еще и пахали кулацкую землю на кулацких же лошадях. Бабушка водила упряжку, брат пахал. Как-то раз не так повела, получился на пахоте пропуск, и брат тут же избил бабушку кнутом. Потому что знал: ему за этот пропуск досталось бы еще сильнее. Таким же кнутом.

Драться кнутами — это была местная кулацкая страсть. У казаков переняли. Руками тоже махали с большим успехом. Руки у кулаков были, по бабушкиным же воспоминаниям, розовые и пухлые, „как надутые мячики“. От неустанных полевых трудов, надо полагать. У попа тоже были пухлые ручки. Но о батюшке у бабушки — хорошие воспоминания, хотя он тоже жил „хОрОшО“, имея трех лошадей, сколько-то коров и неисчислимое овечье стадо. Это был „батюшка, святой отец“, который накрывал детские головки „своим фартуком“ и тихо спрашивал: „В чем грешен?“ У попа не исходил изо рта, как у кулаков, постоянный поток словесного дерьма — по поводу и без повода.

Страх, который остался у бабушки после контактов с кулачем, сравним только со страхом перед беглыми с „колесУхи“ (строившейся тогда шоссейной дороги в современной Еврейской автономной области), за ради которых детям запрещалось в тёмное время выходить из избы. По ее представлениям, беглые каторжники были что-то вроде сказочных упырей, духов тьмы, которые — оглянуться не успеешь — уволочут тебя в свое логово, в тайгу, и там съедят. Так я отложил себе на будущее еще одну полезную истину: каторгу при царе отбывали не только большевики — страдальцы за народное счастье. Ой, не только!.. Кулаки, по ее мнению, — тоже что-то вроде упырей-людоедов, которые питаются человеческой кровью. А я-то все пытался вразумлять ее: мол, если ты в детстве нарвалась на каких-то отдельно взятых „уродов

рода человеческого“, то это не значит, что все богатые крестьяне, раньше вас приехавшие на Амур и успевшие обжиться, были патологическими сволочами! Недавно знакомый по работе рассказал о кулацкой „фамЕлии“ Поздеевых, которые во время Гражданской войны собрали и вооружили на кровные крестьянские копеечки, тяжким трудом нажитые, громадную банду. Перед белыми, особенно перед казаками атамана Семенова, еще делались какие-то натужно-вынужденные реверансы. А с красными не церемонились. И уж тем более не церемонились с „мужиками“, которые остались безо всякой защиты, с тех пор как в Амурской области пала Советская власть. Белые, впрочем, тоже не рассусоливали. Страшное воспоминание времен Гражданской войны — пьяная орава в папахах и желтых казацких погонах, которая выгребла у них (которые уже сумели купить лошадей и сами начинали жить „хОрОшО“) все зерно. Родителей как раз не было дома. Брат пытался возмутиться. Его избили шомполами. Но это другая тема. Вернемся к кулакам как таковым — наглой и хорошо организованной человеческой дряни.

Когда бабушка в детстве пряла и ткала на кулачье, одной бабке-кулачихе не понравилось, как она работает, и бабушка получила по голове удар какой-то деталью ткацкого стана. От этого развились мучительные головные боли, которые не покидали ее всю жизнь. Лечить надо было уже тогда. Но не вылечили. Врач сказал бабушке: „Девка, у тебя кожа к черепу прирастает, оттого и голова болит, клади на макушку сливочное масло“. Бабушка это масло и так бы съела, будь оно у нее тогда! Она до глубокой старости называла его именно так — „сливочное масло“. В два слова. Будто по имени-отчеству...

Кулаки были — не крестьяне. Это была сельская буржуазия. Весьма наглая и весьма организованная сила, спаянная именно классовой солидарностью.

Из бабушкиных же воспоминаний. Было такое понятие: „тЫрло“ (место, где сельская молодежь танцевала „кадрЕль“ под наигрыши гармониста, который садился с гармошкой чуток в стороне, „чтоб пыль в рот не летела“). Так вот, кулацкие детки вели себя на тырле отменно нагло. В принципе, любая девка могла в ответ съездить по любой наглой харе, нравы были вполне патриархальны. Но это, знаете ли, в принципе... а где находился тот принцип, тогда тоже не знали. Наглая харя могла завизжать: „Наших бьют!“ — и вокруг мигом возникала

целая „хЕвра“ таких же харь. Родня, родня родни, родня родни родни, соседи, соседи соседей, просто те, кто покурить вышел... в общем, все назревающее поколение кулацкого племени мигом выросло как будто из-под земли. Поодиночке они не ходили даже в туалет. Благо что туалетов не было, гадили где попало, мало стесняясь противоположного полу. А „мужицкой“ девке, равно же ее другу из „мужицкого“ племени, рассчитывать было не на кого. Ну разве что на других своих друзей. Это — двое, трое, много — четверо... Помню, я переспросил у бабушки: „Да они что?! Даже девчонок скопом били?!“ Бабушка ответила: „Так девка же слабее, ее и побить проще“. Вот так.

Вывод? Не вывод, а ещё один вопрос: как эти мальчики вели себя через несколько лет, когда повзрослели?»

А повзрослели они как раз к 1927 году.

Вот ведь удивительно: сколько ученых людей пытались понять, что же такое этот самый «кулак» — но именно крестьянка с Дальнего Востока сумела показать не просто группы или классы, а *силы* — те, которые вот-вот сойдутся лоб в лоб в смертельном столкновении, и горе тем непричастным, кто не успеет вовремя уйти с линии огня. Становится абсолютно понятен и «странный» тезис об усилении классовой борьбы по мере построения социализма. По мере того как власть прогибалась старую страну под новые задачи, росло сопротивление тех сил и отношений, что составляли ее прежнюю основу. Это не правительство раздувало классовую борьбу — это в самой глубине народной жизни столкнулись два геологических пласта, старая и новая основы общества. И давили друг друга до тех пор, пока старое не треснуло, разлетелось осколками, которые потом еще долго выковыривали из сердец и подшиппников.

Глава 10

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ

Тише едешь, дальше будешь.

Поговорка

Куй железо, пока горячо.

Тоже поговорка

1927 год развеял сразу несколько иллюзий и дал старт сразу нескольким процессам.

Во-первых, он показал, что в покое нас не оставят. Впрочем, ничего неожиданного здесь не было. Еще Ленин в сентябре 1917 года писал: *«Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их экономически... Так поставлен вопрос историей»*¹.

С учетом уже тогда прорезавшихся аппетитов мирового сообщества по части колонизации России эти слова не тянут на роль пророческих — так, простой прогноз, доступный любому студенту. Но после того как в 20-е годы международное положение СССР нормализовалось, все-таки существовала некая надежда, что есть хоть немного времени для относительно постепенного развития. «Военная тревога» 1927 года развеяла эти надежды, стало ясно: времени почти что и нет.

Ленинский тезис повторил Сталин на ноябрьском Пленуме ЦК 1928 года. *«Мы догнали и перегнали передовые капиталистические страны в смысле становления нового политического строя... Нужно еще догнать и перегнать эти страны в технико-экономическом отношении. Либо мы этого добьемся, либо нас затрут»*.

¹ Ленин В. И. Грозная катастрофа и как с ней бороться. <http://vilenin.eu/t34/p157>

Эти слова широко известны. Менее известны те, что последовали за ними. *«Невозможно отстоять независимость нашей страны, не имея достаточной промышленной базы для обороны. Невозможно создать такую промышленную базу, не обладая высшей техникой в промышленности. Вот для чего нужен нам и вот что диктует нам быстрый темп развития индустрии».*

Поэтому именно после «военной тревоги» 1927 года советское правительство начало гнать процесс индустриализации страны. Еще не тем бешеным карьером, которым она рванет через несколько лет, — ну так для того карьера условия пока не созрели. Бухарин, например, считал, что проблема финансирования индустриализации будет жгучей и острой еще в течение пятнадцати лет, — а через пятнадцать лет мы уже разобьем немцев под Сталинградом! Такова реальная цена прогнозов, и горе тому, кто сообразовывает свои действия со старыми теориями, а не с новыми событиями...

Однако что было ясно — так это то, что нужно срочно создавать оборонку, причем такую, чтобы выстоять как минимум против всей Европы. Но на советской экономике, как раньше на русской, мертвым грузом висел аграрный сектор. Его не стряхнешь долой и не оставишь как есть. Сельское хозяйство надо преобразовывать в том же темпе, что и промышленность. И об этом говорил Сталин:

*«Характерная черта нынешнего состояния народного хозяйства заключается в том, что мы имеем перед собой **чрезмерное** отставание темпа развития зернового хозяйства от темпа развития индустрии как факт при колоссальном росте спроса на хлеб со стороны растущих городов и промышленных пунктов. При этом задача состоит не в том, чтобы **снизить** темп развития индустрии до уровня развития зернового хозяйства (это перепутало бы все и повернуло развитие вспять), а в том, чтобы **подогнать** развитие зернового хозяйства к темпу развития индустрии и **поднять** темп развития зернового хозяйства до уровня, обеспечивающего быстрое продвижение вперед всего народного хозяйства, и промышленности, и земледелия».*

Как видим, ничего потрясающе нового в этих словах не содержится. Если прежнее, экстенсивное развитие промышленности еще кое-как сочеталось с темпами роста сельского хозяйства, то ежу ясно, что с индустриализацией положение на селе не сочетается никак. Промышленному рывку должен был сопутствовать, как тень от облака сопровождает

само облако, рывок в развитии аграрного сектора. Которого на прежних нэповских путях ждать было неоткуда.

Во-вторых, 1927 год показал, что дальнейшее развитие нэпа ведет страну в тупик и тупик этот будет скорым и глухим. Рыночные схватки государства и частного сектора становились все ожесточеннее. То, что при прямом столкновении интересов государства и буржуазии государство очень даже может рухнуть, все сидящие в Кремле, и не только в Кремле, видели на примере Российской империи. Страну было жалко. Но что, собственно, мешает врезать по сельской и торговой буржуазии — пока она еще не укрепилась настолько, что способна менять правительства? Что мешает при необходимости вообще вычистить ее как класс? Опыт такой уже есть — совсем недавно пришлось оперативным путем удалять как класс всю сгнившую верхушку Российской империи — и ведь превозмогли! Господа превратились в граждан — и ничего себе, живут и работают. Заговоры, правда, плетут со страшной силой — ну так на то ОГПУ есть...

Судя по дальнейшим событиям, начали очень вовремя. А судя по событиям 90-х годов, и выхода-то иного не было. Что такое буржуазия и где она видит страну, народ, национальное достояние и национальную безопасность, эти события показали о-очень наглядно!

К активным действиям подталкивала не только логика, но и динамика событий. Именно в этот заготовительный сезон в дело впервые в широких масштабах был пущен Уголовный кодекс. Власти нанесли удар, и теперь следовало ждать ответного хода. Сомневаться в том, что он последует, не приходилось. Ясно было, что в ближайшем будущем СССР ждет война за хлебные, да и не только хлебные цены. И с укреплением класса собственников она будет только разгораться.

107-я статья давала кое-какие возможности в смысле «нажима на частника» — например, конфискации не только хлеба, но и имущества. Но только этой статьей дело не ограничилось. Еще одним рычагом нажима стали принятые в 1927 году жестко прогрессивные налоговые ставки. В ответ на попытку деревенской верхушки разорить государство правительство начало разорять деревенскую верхушку — чтобы больше ни у кого и никогда не возникало сомнений, кто в берлоге медведь.

Риск был велик. На ноябрьском Пленуме ЦК 1928 года отмечалось: *«Посевная площадь под зерновыми хлебами в 1928 г. все еще составляет 90,1% довоенного уровня, валовая продукция зерна — около 80%, товарная часть — 56%...»*

Такого выдающегося результата удалось достичь за счет разорения крупных помещичьих хозяйств, и легко можно было предсказать, что разорение сильных крестьян, которые на том остатке российского хлебного рынка, что сохранился в СССР, играли важнейшую роль, положения не улучшит. По расчетам зам. наркома финансов Фрумкина, в 1927/1928 гг. 12% зажиточных хозяйств поставляли половину всего товарного хлеба. Из него на кулаков, которых было, по разным подсчетам, от 3 до 5%, приходилось 20% хлебных излишков. И то, что государство начало конкретно *громить* зажиточную верхушку деревни, свидетельствует, что положение было не просто тяжелым, а, как и в 1918 году, *отчаянным*.

Беда была не только в том, что сами кулаки играли на повышение, но еще больше в том, что они вели за собой других крестьян. В высоких хлебных ценах были заинтересованы все, кто хоть что-то вывозил на рынок, и к бойкоту госпоставок присоединялись середняки, которых привлечь по статье 107 нельзя — если применять ее к тем, у кого в амбаре не тысяча, а сотня пудов, то почему бы сразу не ввести продрозверстку? А в новом, 1928 году вслед за зажиточными и по их советам многие крестьяне вообще стали сворачивать производство товарного хлеба, переходя на животноводство и кормовые культуры, то есть, кроме прочих радостей началась дестабилизация структуры аграрного сектора, а какие тут могли быть последствия... приснится, так во сне поседеешь.

В то же время почти половина хозяйств в стране была настолько слаба, что не могла прокормиться своим хлебом до нового урожая. Высокие цены этих крестьян напрочь разоряли, и они повисали на шее государства. Таким образом, при вольном рынке государство дважды спонсировало торговцев — сперва покупая у них хлеб по высоким, установленным ими же ценам, а потом снабжая дешевым хлебом разоренных этими же хлеботорговцами бедняков. Если в стране существует мощное торговое лобби, оплачивающее политиков, эта перекачка может продолжаться вечно, но нэпманам слабо было купить членов Политбюро. Проще убить...

Нет, конечно, 107-ю статью никто не отменял — но сколько же можно решать экономические проблемы с помощью Уголовного кодекса? Надо было искать экономический выход. И такой выход существовал: создать на базе бедных хозяйств агропредприятия, всемерно поддерживая, вывести их на интенсивный уровень и таким образом поставить деревенского частника-кулака в положение не крупного, а *мелкого* сельского хозяина,

который имеет свою экономическую нишу-каморку, но ничего из нее не может ни определить, ни решить. А пока придавить его налогами. Хотел перекачивать госбюджет в свой карман — так пополняй его теперь из этого же кармана. Потом налоги можно будет и снизить — а можно и не снижать, это уже по ситуации.

А поскольку торговая война и не думала утихать, с каждым годом разгораясь, то чего, собственно, тянуть? Тем более что уход из хлебного производства кулака надо как-то компенсировать — а компенсировать его можно только ускоренным развитием колхозов.

И, наконец, **третье**, что произошло в 1927 году, — начал разваливаться частный потребительский рынок. Стало ясно, что плавного перехода не будет, что страну ждет несколько лет бардака, карточной системы и один только Бог знает, каких еще сюрпризов переходного периода. И все это удовольствие тоже не стоило растягивать.

Трагические парадоксы реформы

Пока травка подрастет, лошадка с голоду помрет.

Поговорка

«Хлебная стачка» нарушила хрупкое равновесие в стране — если оно, это равновесие, вообще существовало. Два года назад при хорошем урожае игра на рынке сорвала планы хлебозаготовок и экспортную программу — но это оказалось первым звоночком, мелкими неприятностями. В 1927/1928 заготовительном году, по урожаю очень благополучном, СССР не только не вывез зерна, но даже закупил 15 млн пудов. Правда, цифра смехотворная, да и закупки эти были связаны с гибелью озимых на Украине и Северном Кавказе и необходимостью пересева — но таким образом Советский Союз продемонстрировал всему миру, что до сих пор, несмотря на все победные реляции, вообще не имеет резервов зерна. На западных хлебных биржах это вызвало сенсацию с далеко идущими прогнозами.

Но все это мелочи по сравнению с тем, что творилось внутри СССР. В 1927 году при хорошем, а кое-где и «небывалом» урожае исключительно благодаря рыночным играм страна едва не рухнула в очередной голод. Колхозы и совхозы были спасением во всех отношениях, но кол-

лективизация безнадежно запаздывала, сдвинувшись с места лишь после XV съезда, когда «хлебная война» между государством и верхушкой деревни уже вовсю разгорелась. И идти коллективизации предстояло если и не пятнадцать лет, по Бухарину, то и явно не год-два. Это время надо было как-то продержаться — не угробить товарное производство на селе и не дать «хлебной войне» сорваться в беспредел. Правительству предстояло в очередной раз пройти по лезвию бритвы.

«Хлебная стачка» отозвалась очередным нажимом на кулака — мерой, которая вызвала шквал жалоб во все инстанции, панических криков экономистов: «Что же вы делаете?!» и гневных приговоров современных историков. Удар был жестоким, но в нем имелся если не резон, то, по крайней мере, некая сермяжная справедливость. Кто начал-то войну, в конце концов?

В первую очередь нажим выразился в налоговой политике и коснулся не только кулака, но и середняка. Первоначальный принцип «налог должны платить все» окончательно заменился прагматическим: «платить должен тот, кто может что-то дать». В сезон 1927/1928 гг. число освобожденных от платежей по сельхозналогу еще выросло и теперь составляло уже не 27%, как в прошлом сезоне, а 38% хозяйств. Зайцев тем самым было убито сразу двое: один крупный, другой мелкий. Крупный заключался в том, что государство располагало к себе бедняка — а именно на него должна опереться будущая коллективизация, и требовалось подпитать кредит доверия. Впрочем, и мелкий был полезен: новый принцип избавлял налоговиков от необходимости собирать копейки с мелких плательщиков. Прибыль для бюджета с них грошовая, зато мороки! А налоговые службы, избавившись от необходимости торговать поношенными юбками и мятыми самоварами, смогут сосредоточиться на том, чтобы заняться настоящими платежами.

Маломощных середняков тоже щадили: 33% хозяйств с доходом до 150 руб. заплатили всего 6% общей суммы взимаемых налогов¹. Как видим, и в 1928 году 70% крестьян фактически принадлежали к бедноте.

Колхозы тоже облагали слабо — в 2—2,5 раза меньше в расчете на едока, чем единоличников. С учетом контингента, который туда собирався, можно было и вообще освободить...

¹ Цифры налогообложения даны с округлением до целых процентов по: *Ивницкий Н.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972.

Зато количество зажиточных хозяйств, которые облагались по повышенным ставкам, увеличилось до 6% против 0,5% годом ранее. В 1927/1928 гг. дворы с доходом от 500 руб заплатили 32,69% общей суммы налога, причем больше половины из них попали под так называемое индивидуальное обложение, учитывавшее не только земледельческие, но и все доходы хозяйства.

По правилам, в индивидуальном порядке должны были облагаться 2–3% дворов, в реальности под него попало чуть больше — 890 тысяч (3,5%). По инструкциям, это должны были быть хозяйства, сочетающие высокий уровень доходов и их нестудовой характер. Но при этом право решать, кто именно подлежит, предоставлялось волостным и районным налоговым комиссиям, а как они читали и понимали инструкции — это отдельный разговор. То, что, не глядя и не думая, а исходя лишь из величины надела, облагали индивидуально большие семьи, — это само собой, даже и говорить не о чем. Но бывали случаи и похлеще.

Из письма М. И. Калинину:

«Мое хозяйство было всегда и считается до настоящего времени середняцким, а весной н. г. был поднят в сельсовете вопрос о причислении меня к группе бедняков. Но вдруг получаю окладной лист № 212, где на меня наложено налога в инд. порядке 139 р. 65 к... Конечно, никогда не смел и думать пользоваться наемным трудом, я сам до последнего времени был в батраках. Семьи имею 8 едоков, трудоспособный единственный сын Кузьма — в Красной Армии, а более трудоспособных нет. Я стар. А почему же на мое бедняцкое и красноармейское хозяйство наложили налог, на уплату которого нужно продать все хозяйство? Причину этого сказал член комиссии: „Он в церковь ходит, нужно его проучить“».

Воспитатели, мать вашу! Ну и как с такими работать? А ведь работать приходится именно с такими, других-то нет...

Несколько усилилось и обложение середняка (имевшего от 150 до 500 руб. дохода на двор), хотя повышение было в процентном отношении намного меньше, и сами налоги куда менее обременительны. В 1928/1929 гг. одно кулацкое хозяйство в среднем платило 267 руб. налога против 100 руб. за год до того, а середняцкое — 28 руб. против 17 руб. (т. е. в среднем все те же 10% дохода). Для богатых хозяйств в 1928/1929 гг. максимальная ставка была повышена с 25 до 30% и введена

надбавка к налогу в 5—25%, то есть процент напрямую приближался к запретительной черте.

Что можно сказать о таких налогах? Прогрессивные ставки приняты во многих странах, причем вполне капиталистических, так что ничего сугубо социалистического здесь нет. Тяжело, да — но не смертельно и уж всяко не хуже, чем тому же середняку, не говоря уже о бедняке, уровень доходов которого при всех льготах даже и близко не подходит к тому, что остается у кулака в кармане после всех выплат. Кроме того, речь ведь идет о *показанных* доходах — а все ли они показаны? Едва ли справные деревенские хозяева сообщали в налоговые органы о своих прибылях от хлеботорговли и сложной системы деревенского ростовщичества.

Все же, прикинув вектор развития, кулаки начали свертывать производство. За последующие годы посевная площадь самых крупных хозяйств снизилась. В 1927 году наиболее мощные из них (с посевом больше 17,6 га) засеяли 8150 тыс. га, в 1928-м — 6350 тыс., а в 1929-м — 4704 га¹. Едва ли это означает капитуляцию перед правительством и намерение на самом деле сделаться середняками — скорее уж либо состоялись семейные разделы, выведившие крупные хозяйства из категории зажиточных, либо постепенное перемещение кулаков, по примеру торговцев, в теневой, необлагаемый сектор.

Но в целом обвала, который предсказывали наиболее панически настроенные экономисты, не произошло. Кулаки сократили производство, зато его расширили колхозы и совхозы. Разве что немного упала урожайность, поскольку кулацкие хозяйства все же являлись более производительными, чем социалистические.

...Налогообложение было мерой чисто экономической, направленной скорее против производителей товарного хлеба как таковых, чтобы не играли впредь в азартные игры с государством. А как же быть с настоящими кулаками-мироедами, которые могли и вообще хлеба не сеять? Тут все обстояло гораздо сложнее, хотя и по ним нанесли несколько ударов, отчасти подрывающих их господство на селе. Например, 18 июля 1928 года были установлены новые правила аренды земли, закрепленные и дополненные принятыми в декабре 1928 года «Общими началами землепользования и землеустройства». Предельный срок аренды сокращался

¹ Данные переходного периода приводятся в тех единицах, в каких они даны в источниках. Га примерно равняется 1 дес., 1 т = 62,5 пуда.

с девяти до шести лет, запрещалась субаренда как чисто посредническая операция. Признавалась незаконной аренда земли кулаками или аренда на кабальных условиях, причем в случае такой сделки земля изымалась. Наемный труд разрешался только как вспомогательный, при условии, что члены семьи нанимателя тоже трудятся. Все это несколько ограничило власть кулаков в деревне — но только отчасти. Система ростовщических связей осталась практически нетронутой. Справиться с ней можно было, только подняв уровень бедных хозяйств настолько, что они перестанут нуждаться в услугах сельского ростовщика. На традиционных путях подъема сельского хозяйства эта задача не решалась никак, на колхозных — решалась, но не сразу.

Зато последовали наконец и первые меры против «лодырей». Теперь если хозяйство, несмотря на предоставляемую государственную помощь, все равно не обрабатывало свой надел, а сдавало его в аренду, оно лишалось права пользования сдаваемой землей. Куда крестьянину податься? Это тоже было продумано: одновременно появилось решение о массовом создании совхозов, да и новые стройки требовали рабочих рук. Началась политика постепенного вытеснения из деревни не только кулака, но и самых бедных крестьян.

За два года кулацкие посевы в среднем по стране уменьшились на 15% и по регионам тоже крутились вокруг этой цифры, за исключением Северного Кавказа, где падение составило 26%. Постепенно уменьшалось число скота и инвентаря в кулацких дворах, количество хозяев, нанимающих рабочую силу, сократилось на треть, а нанимающих батраков на срок более 50 дней — втрое. Все это, как ни странно, не так уж и подорвало советский аграрный сектор. Валовой сбор зерна несколько уменьшился в 1928 году, но уже в 1929-м выровнялся. Коллапса не произошло.

Зато неожиданно чувствительным оказался удар по культуре производства, поскольку самые богатые хозяйства были одновременно и самыми культурными. Осенью 1928 года председатель организационно-планового бюро Госплана РСФСР П. Парфенов, изучив происходящее на Северном Кавказе, направил в ЦК докладную записку, где сообщил о резком уменьшении интереса крестьян к повышению культуры производства после новой избирательной инструкции, ужесточившей категории «лишенцев». В начале 1928 года в деревне не имели избирательных прав 3% совершеннолетних жителей (около 2 млн человек).

На местах, как водится, радостно проявили инициативу: стали лишать прав за хождение на отхожие промыслы, посещение церкви, разовое использование наемного труда и т. п. — и плевали они на все постановления и инструкции по отдельности и вместе взятые. Как говорится, «на месте виднее».

Парфенов пишет: *«Как можно требовать сейчас от мужика, чтобы он культурно вел хозяйство, культурно обрабатывал землю, культурно ухаживал за скотом и за жилищем, когда каждый грамотный (да и не только грамотный) мужик знает тысячи конкретных фактов, режущих глаза и нервы, которые утверждают его в обратном, что этим теперь заниматься весьма рискованно: запишут в кулаки, поставят вне закона, выгонят детей из школы»*¹.

Но один из трагических парадоксов советского сельского хозяйства заключался не в том, что «культурников» признавали кулаками, а в том, что они, как правило, кулаками являлись или очень быстро ими становились. Одно с другим было связано неразрывно. Поэтому любые меры борьбы с кулаком били наотмашь по товарности и культурности аграрного сектора. Но непринятие этих мер вело к подрыву продовольственной безопасности страны, которой и так не было, — какая там безопасность, продержаться бы от урожая до урожая!

Парфенов возмущенно писал, что тысячи крестьянских хозяйств были разорены *«только за то, что они завели себе машины, хороших жеребцов и племенных коров, дома покрыли железом, мыли полы и ели на тарелках»*. Хотя едва ли только за это — ну да ладно...

Бедой была в том, что не эти хозяйства определяли лицо деревни.

Роясь в Интернете совсем по другому поводу, я натолкнулась на письмо, которое в 90-е годы написала в газету учительница Павлика Морозова — того самого мальчика, которого дед-кулак убил, как считается, за предательство отца, а на самом деле в ходе внутрисемейной разборки — за то, что невестка посмела выступить против его сына. Сынок, надо сказать, та еще скотина... Но дело не в этом. В письме бывшая сельская учительница дает описание обстановки, с которой она столкнулась, семнадцатилетней девчонкой оказавшись в 1929 году в деревне Герасимовке Тавдинского района Уральской, ныне Свердловской области. В 1907 году

¹ Цит. по: Телицын В. Реанимация военного коммунизма в деревне. // Россия нэповская. С. 430

туда приехали сорок семей столыпинских переселенцев из Белоруссии — в глушь, в тайгу, без дорог и поселений.

Из письма Л. П. Исаковой, опубликованного в журнале «Человек и закон»:

«Вначале поселили меня у зажиточного мужика Арсения Кулаканова... Говорили, что он убил в тайге заезжих коробейников и на этом разбогател. Во всяком случае, был он действительно богатым, дом имел пятистенный, много скота и земли, но потом разделился со старшими сыновьями, поэтому кулаком не считался. Однако жадный был и злой, за свою собственность мог с живого шкуру содрать. Старика Морозова, деда Павлика, тоже хорошо помню. Сам он после раздела с сыновьями жил средне, но перед богатыми на задних лапах ходил, особенно перед зятьями своими Кулакановым и Силиным. Третью же дочь, Устинью, которая вышла за бедняка Дениса Потупчика, в грош не ставил.

Сейчас пишут некоторые, что бедняки были лодыри, работать не хотели, оттого и бедствовали. Ложь это! Скажите, как тому же Потупчику было из нужды выбраться? Заболели у него жена и дети, пришлось лошадь продать. А это крах. Попал в кабалу к Кулаканову. Работал у него за лошадь по десять месяцев в году. Кулаканов ему лошадь давал, но тогда, когда все отсееется. Какой урожай мог Денис собрать? Мизерный. Хлеба еле до заморозков хватало. А потом опять в батраки. Дети его, вечно голодные, по деревне куски собирали. (При живом и не бедном деде и при отце, который был в батраках у родственника. Семейка, однако... — Е. П.)

Трофим Морозов, которого сейчас жертвой изображают, тоже как живой перед глазами стоит. Угрюмый, неразговорчивый. Сколько ни стараюсь вспомнить о Трофиме что-нибудь положительное, ничего в памяти отыскать не могу... Человек невзрачный и двуличный. Председателем сельсовета его выбрали только потому, что он единственный мог кое-как писать и считать. Но видели бы вы, каким он после этого стал! Как же — самая большая власть на деревне, главнее его никого нет! За столом в сельсовете сидел надутый, словно барин. На словах был за народ, а на деле — совсем напротив. Беднякам, вдовам, сиротам ничем не помогал, школе тоже, а зажиточным делал всякие побряски.

Школа, которой заведовала, работала в две смены. О радио, электричестве мы тогда и понятия не имели, вечерами сидели при лучине, керосин берегли. Чернил, и то не было, писали свекольным соком. Бедность вообще была ужасающая. Когда мы, учителя, начали ходить по домам, записывать детей в школу, выяснилось, что у многих никакой одежды нет. Дети на полатах сидели голые, укрывались кое-каким тряпьем. Малыши залезали в печь и там грелись в золе».

Этот тоскливый ужас по-прежнему оставался бытом теперь уже советской деревни. Десять месяцев отработки за лошадь, единственный полуграмотный мужик на всю деревню, голые дети на полатах... И — «справные мужики», чье благополучие зиждется на этом ужасе и этой грязи. Они могут быть тупыми и злобными, как герои истории Павлика Морозова, или, наоборот, вполне нормальными мужиками, гордыми в меру зажиточности, беда не в этом, а в том, что они стоят сапогами на головах лежащих в грязи односельчан. Чисто экономически. В этом основа их власти и их мощный групповой интерес. А вы думаете, почему они так вскинулись против колхозов? Что кулаку за дело до кооперации бедняков?

А кроме того, на местах знали еще и другие факты, «режущие глаза и нервы», — что не только кулаки, но и зажиточные крестьяне в целом взвинчивали цены на хлеб, а значит, являлись виновниками голода. Это был не групповой сговор, с которым можно бороться с помощью Уголовного кодекса, а опять же групповой интерес. А с групповым интересом иных мер борьбы, кроме экономических, не существует. Что делать, было известно — но время, время...

Это еще один трагический парадокс советской аграрной реформы. Экономические методы требовали постепенности и добровольности кооперирования крестьян. Но чем постепенней и чем добровольней будет проходить коллективизация, тем больше горя и бедствий обрушится на голову все тех же крестьян — и напрямую, поскольку ясно было, что «хлебная война» не ограничится одним годом, и из-за задержки индустриализации, и по причине продолжения этой нечеловеческой жизни...

«Хлебная война» продолжается

— Ричард, когда у вас появятся наследники, объясните им, что тот, кто чистит чужие карманы и отбирает куски у слабого, называется мародером и грабителем. Чести и красоты у него примерно столько же, сколько у ызарга. Мой вам совет, никогда не принимайте ызаргов за иноходцев, это неправильно.

Века Камша. От войны до войны

Впрочем, правительство пока держалось рыночных принципов. Апрельский Пленум 1928 года еще раз подтвердил, что хлебозаготовки и дальше будут идти по рыночным законам, с применением 107-й статьи в качестве регулятора.

Скрупулезно перечислены были и те вещи, которые делать нельзя и которые называли *«сползанием на рельсы продразверстки, а именно: конфискация хлебных излишков (без всякого судебного применения 107-й статьи); запрещение внутридеревенской купли-продажи хлеба или запрещение „вольного“ хлебного рынка вообще; обыски в целях „выявления“ излишков; заградительные отряды; принудительное распределение облигаций крестьянского займа при расчетах за хлеб и при продаже дефицитных товаров крестьянству... административный нажим по отношению к середняку; введение прямого продуктообмена и т. д. и т. п.»*.

Это «и т. д. и т. п.» красноречиво свидетельствует об изобретательности местных властей. Впрочем, едва ли помогло...

А между тем «хлебная война» вышла на новый уровень, обозначивший новые опасности.

***Из письма агронома-станжера В. А. Медведева М. И. Калинину.
8 июня 1928 г.***

«Хлебозаготовка проходит болезненно... еще и потому, что крестьяне уверены — вот-вот будет война, а вместе — недостаток хлеба, одним словом, голодовка, а потому хлеб попридерживают. Средства же на обиход добывают побочными заработками, которые, к слову сказать, не чета прежнему. Таким образом, хлеб, шедший раньше на рынок обихода, теперь остается в хозяйстве. И задерживают его или на случай войны, или для переработки на свинину и молоко. Ведь недаром же агрономы твердят крестьянам, что хлеб скотиной оплачивается

по 3 руб. пуд и выше... У других же расчет продажи хлеба весной, когда он подороже. Так, например, он у нас сейчас на базаре 3р. 50 к. пуд. Теперь, спрашивается, повезет ли крестьянин в кооперацию хлеб по 85 копеек?..

Это одна сторона. Другая та, что... крестьяне усиленным темпом начинают разводить кормовые культуры в ущерб зерновым культурам. Под влиянием агропропаганды в некоторых районах крестьяне уже поговаривают о прекращении совсем культуры зерна. «Лучше прокормить с каждой десятины две коровы, чем сеять рожь, овес. А хлеба по дешевке сколько хочешь осенью купим». И на самом деле, культивируя рожь, овес и т. п., крестьяне в среднем получают валового дохода с десятины 70—80 рублей. Между тем как картофель плохо-плохо дает на десятине рублей 150, чаще 200—220. Свекла кормовая — 250—300. Клевер-сено — 120—150 р., а клевер-семена и вовсе 300—350 рублей... Явление это отрадное, как повышающее доходность земли, но, к сожалению, хлебозаготовителями это в расчет не берется...»

Может, в смысле доходности все и отратно, но для аграрного сектора в целом это означает, что кроме прежних фокусов он начал еще и раскачиваться. Человек — существо стадное. Если все кинулись растить картошку, то ясно, что половина этой картошки сгниет непроданной, на следующий год ее не будут сажать вообще, а кинутся куда-нибудь еще — и начнется черт знает что неизвестно на какое время. И так с каждой культурой — кроме невыгодного хлеба, который купить осенью дешево не получится ни у кого. А вот узнать бы — кто вел ту «агропропаганду», о которой говорится в письме...

...К осени 1928 года запасы зерна в рабочих кооперативах большинства промышленных районов подошли к концу. Один район за другим прекращал выпечку хлеба, продажу муки населению. Страна снова оказалась перед угрозой голода.

Сценарий прошлого года повторился в точности. Крестьяне старались продать в первую очередь кормовые культуры (ячмень, кукурузу, бобовые, крупу), в то время как по зерну заготовители недобрали даже по сравнению с прошлым годом. Повторилось все: и попытки взять хлеб экономическими методами — теми же, что и год назад, — и новый нажим на частника, и конфискации зерна в деревнях. Сталин, еще зимой заявивший открытым текстом: «Можно с уверенностью сказать, что пока

существуют кулаки, будет существовать и саботаж хлебозаготовок», нисколько не ошибся.

Из спецсводки № 1 информотдела ОГПУ о ходе хлебозаготовительной кампании. 28 августа 1928 г.

«Отношение кулацко-зажиточных слоев деревни к новой хлебозаготовительной кампании резко враждебное... Отдельные высказывания кулаков и зажиточных носят резко антисоветский характер...

Тамбовский округ. В с. Ерофеевка Сампурского района в беседе антисоветски настроенный середняк говорил: „Хлеб зарывать будем, а заготовителей душить, жаль только, что оружия нет“. Присутствующий зажиточный на это заявил: „Нужно опять организовать банду да собрать подружнее ребят, хоть и без оружия, а потом с вилами напасть врасплох и у них отобрать оружие... нужно обязательно организовать банду, а то разорят вдребезги и сдохнешь“.

К повышению хлебозаготовительных цен и заготовке хлеба на корню¹ беднота и маломощная часть середнячества относится положительно... Характерны следующие заявления: „Цены теперь на хлеб будут около рубля, так что по этой цене хлеб везти можно“.

Следует отметить, что отдельные бедняки выражают недовольство отменой чрезвычайных мер по хлебозаготовкам в отношении кулаков, рассматривая это как уступку кулачеству. „Власть боится принимать строгие меры к кулакам, она опять укрепляет их. Если так будет продолжаться, то нам остается только ждать войны, тогда мы перебьем всех кулаков и уже из своих рук их не выпустим“».

И ведь обратите внимание: беднота и середняки, со своими жалкими излишками в несколько десятков пудов, должны бы первыми цепляться за высокие цены, а они находят уровень по рублю за пуд вполне для себя приемлемым. Зажиточные же, оперирующие сотнями и тысячами пудов, кричат, что их разоряют. Почему так? Ответ напрашивается сам собой: деревенские скупщики тоже больше рубля за пуд маломощным хозяевам не дают. Остальная игра на повышение утяжеляет только их карман.

В результате нового этапа войны с частным торговцем-посредником доля частного сектора в товарообороте снизилась до 14%. Следствием

¹ Новая идея заготовителей — подписывать обязательство по поставкам еще в поле. Впрочем, тоже провалившаяся...

же массового применения 107-й статьи на селе стало почти полное прекращение внутридеревенской торговли. После конфискации, проводимых, как водится, с перехлестом, у зажиточных хозяев хлеба или не было, или они боялись его показывать — а бедняку где купить? Да и не на что... К весне 1929 года в деревнях начался голод. Больше всего пострадали Ленинградская область, Центральный регион, южные округа Украины, где сперва погибли озимые, а потом разразилась засуха, Дальневосточный край. Начались и обычные спутники голода — вспышки желудочных заболеваний и сыпного тифа, убой и продажа скота, уход людей из деревень.

Обстановка на селе накалялась — что же это такое творится на втором десятке лет советской власти? Вспыхнули все старые счеты и неприязни. Крестьяне были традиционно озлоблены на городских рабочих — но это не страшно, где они и где города... А вот то, что поднимала голову ненависть голодных к сытым, у кого есть хоть какой-то хлеб... Ссредняки завидовали бедноте, получавшей государственную помощь, все вместе ярились на кулаков, которые себе не изменили — по дешевке скупали скот и оказывали «вспомоществования» хлебом под кабальный процент. Кулаки, обозленные налогами, конфискациями, всеобщей ненавистью, уходили в глухую оборону. Все чаще деревенские бедняки стали вспоминать комбеды — это с одной стороны, а с другой — начали традиционно избивать представителей власти, ломать, а то и поджигать амбары. И все чаще в письмах и разговорах ругали уже не местных деятелей, а Советскую власть как таковую. Кредит доверия заканчивался, большевистское правительство обещало новую жизнь и не выполнило своих обещаний.

Из сводок информотдела ОГПУ за первую половину 1929 г.

Центр. Февраль 1929 г.

«Наблюдается оживление частных скупщиков — мешочников, приезжающих главным образом из Калужской губ. В Одоевском районе 2 февраля скупщики сняли с рынка почти весь хлеб, подняв цену: на рожь до 1 руб. 85 коп., ржаную муку — 2 руб. 10 коп., овес — 1 руб. 70 коп. и пшено — 3 руб. 10 коп...»

Со стороны отдельных сельских кооперативов отмечены случаи перепродажи заготавливаемого зерна частникам по спекулятивным ценам...

В Веневском районе некоторые члены сельсовета высказываются против применения репрессивных мер к неплательщикам (сельхознало-

га. — Е. П.), заявляя, что „тогда нас сожгут“. Наряду с этим отмечен ряд фактов попустительства зажиточным при одновременном нажиме на бедноту...

Беднота и маломощная часть середнячества, не располагающие в данное время хлебными излишками, одобряют мероприятия в отношении удержания твердых заготовительных цен. Часть середнячества, имеющая хлебные излишки, высказывается против мероприятий по урегулированию заготовительных цен, требуя повышения цен и в ряде случаев поддерживая лозунг „расширения хлебной торговли, выставлемый зажиточными и кулаками“.

В с. Пушкари Михайловской волости... зажиточные агитируют: „Большевикам сейчас хлеб нужен, а поэтому сдавать его сейчас в кооперативные органы не нужно, так как на весну он будет дороже, а мы от этого, кроме прибыли, ничего не получим“».

Ниже-Волжский край. 22 мая 1929 г.

«В с. Каменке председатель ПО — зажиточный, задерживающий сам хлебные излишки и агитирующий среди остальных за укрытие хлеба, угрожал члену ВКП(б), работающему по заготовкам: „Если вы будете хлеб выкачивать, то мы кровью поплатимся, а хлеба не дадим. Все равно скоро конец ВКП(б), так что не особенно разоряйтесь...“

В с. Тереса бедняку Власову было предложено сдать 4 пуд. хлеба, несмотря на то что он не имеет земельного надела и не сеял в этом году вовсе. Бедняк купил это количество хлеба и сдал его, говоря: „Вот советская власть и до бедняков добралась“.

По 5 населенным пунктам у 84 зажиточных имеется свыше 26 000 пуд. хлебных излишков, от сдачи которых они воздерживаются...

Казак-кулак хут. Сарычева категорически отказывается от сдачи хлебных излишков, заявляя: „Пусть провалится соввласть и подойдет вся Россия от голода, но я ни пуда хлеба не дам“.

На хут. Подольховском... зажиточный казак, агитируя среди остальных, говорил: „Вам нужно быть всем организованными, и тогда уже хлеб не заберут, по амбарам они не пойдут. А если и пойдут — то им самим хвост прижмут“.

В последнее время заметно усилился кулацкий террор против работников по хлебозаготовкам и бедняков сельактива, участвующих в заготовках».

Из докладной записки информотдела ОГПУ о продовольственном положении сельских местностей СССР по материалам на 1 июня¹.

Ленинградский округ

«Употребление суррогатов зарегистрировано в Волосовском, Волховском, Андреевском, Тихвинском и Капшинском районах (св. 23 марта). В Пашковском сельсовете на почке недоедания умер ребенок. В Путиловском сельсовете зарегистрировано 4 случая заболевания детей и один случай смерти. В дер. Манихино беднячка, имеющая 3 детей, покушалась на самоубийство...»

Псковский округ

«По Александровскому сельсовету Красногорского района насчитывается 50 семей бедняков, опухших от голода, распродавших весь свой скот и, кроме построек, ничего не имеющих... По району зарегистрировано 5 случаев смерти от голода. По Островскому району зарегистрированы десятки случаев заболеваний на почве голода. В дер. Остройково 13 февраля умерла от голода женщина, ранее распродавшая для приобретения хлеба все свое имущество... В Славковском районе на почке голода зарегистрировано 348 заболеваний».

Украина

Одесский округ

«В с. Зельцы Ф. Энгельсского района на почве голода у гр. Энглера умер ребенок. Второй его ребенок при смерти. Там же бедняк Эризман, имеющий 10 детей, голодает. Дети заболели. В с. Свердлово Благоевского района многие семьи голодают, особенно голод отражается на детях...»

Херсонский округ

«В с. Петропавловке Качкаровского района до 10 бедняцких семей питаются суррогатами хлеба. РИКом отпущено кооперации 400 руб. для снабжения бедноты хлебом, но в связи с отсутствием заготовок помощь голодающим не оказывается...»

И так по всей стране в урожайный год. Дети пухнут от голода, бедняки распродают имущество — но ведь кто-то его покупает! И все село отлично знает, у кого есть хлеб, спрятанный ради еще большего повышения цен, а то и просто для того, чтобы навредить ненавистой

¹ Сводная записка о положении весной 1929 г.

власти... Вас еще удивляет то, с каким ожесточением проводилось раскулачивание?

Следующий документ настолько выдающийся во всех отношениях, что я привожу его полностью, хотя можно было бы и сократить.

Просьба крестьян Липецкого сельсовета Пустошинского РИКа Великолуцкого округа полковой школе 129 стр. полка.¹

«Товарищи кр-цы и командиры и политработники, когда мне пришлось побывать в Вашей Красной казарме в Ленинском уголке и беседовать лично с кр-цами Вашей школы, это было 4 января 29 г., меня прежде всего заинтересовал современный быт Кр. Армии. Как военная учеба и также обмундирование и продукты питания, потому меня интересовало, что мне самому пришлось служить в то тяжелое время гражданской войны. Из слов ваших я узнал, что положение Красной Армии улучшилось в десятки раз против того времени, т. е. в дни гражданской войны, в настоящее время Красная Армия обеспечена всем на полных 100%. Товарищи, для вас совсем не слышно, вероятно, стонов и воплей деревенской бедноты, которые в настоящий момент уже голодают. Это ведь ваши отцы и матери, братья и сестры, от которых вы ушли в ряды Красной Армии, когда я побывал у вас, и из вашей беседы я узнал, что в настоящее время в достаточном количестве, даже с некоторым избытком довольствуетесь на своей кр-ской кухне, так что у вас после каждого обеда остается по несколько кусков хлеба, а эти куски превращаются в пуды, которые идут для кормления свиней, то, товарищи, вот этими крохами, которые у вас падают со столов, вы бы могли накормить ежедневно около 100 чел. по 1 фунту на каждого и этим самым вы спасете 100 жизней от верной и страшно мучительной голодной смерти, которая с каждым днем приближается. Товарищи, у нас сейчас хлеб достиг до 9 руб. пуд, но у бедняка, как вам известно, нет и 9 руб., и потому голод с каждым днем обостряется. Товарищи, потребительское о-во выдает не более 3 кг муки в месяц и при такой выдаче нет возможности дальше существовать. И сейчас еще много есть голодных, которые не включены в паек ПО. Оно приняло определенное число едоков и больше не принимает, остальные бедняки ничего не получают. Товарищи, где же братство и равенство? — Сей-

¹ Я не знаю, что тут можно сократить.

час у нас его нет, потому что одному дают 3 кг в месяц, а его соседу, такому же голодающему, ни одного золотника. Не лучше ли бы, чтобы этим 2-м дали эти 3 кг и они были бы сыты в месяц 3 дня, чем один 6 дней, а сосед его голодает? Как он смотрит в это время на того, кто распределял так муку!

Товарищи кр-цы, ком-ры и политработники, великая просьба к вам и надежду имеем к вам — спасите от голодной смерти хотя малых детей, которых раздаются неистовые крики их родных матерей ежедневно в канцелярии сельсовета. Товарищи, соблюдайте в продуктах режим экономии. Во время поволжского голода в 1921 г. когда Кр. Армия при скудном пайке сама жила впроголодь, но все таки отчисляли ежемесячно 3-х дневный паек каждого кр-ца, которые посылались для поддержания жизни голодающим крестьянам. Этим мы показали великую спайку Кр. Армии с голодающими крестьянами Поволжья. Мы будем надеяться, что вы отзоветесь на данную просьбу голодающих бедняков нашего сельсовета, у вас в школе большая часть сознательных передовиков-комсомольцев и членов ВКП(б), которые являются авангардом мирового рабоче-крестьянского класса.

Просьба к вам всем, чтобы вы соблюдали строжайший режим экономии, чтобы ваши излишки не шли на ожирение свиней, а лучше этими излишками накормить голодных детей. От потребкооперации получили полнейший отказ. Товарищи, надежда только на вас, не оставьте нашей просьбы, будьте нашими спасителями. Мы согласны послать к вам два раза в неделю своих ходоков за тем, что сумеете собрать за 3 дня для нас остатков с ваших столов. Просьба зачитать наше письмо на общем собрании в присутствии всего состава школы и дать подробный ответ ваших кр-ских мнений.

Писал член Липецкого сельсовета Яков Казакевич».

Печать Липецкого сельсовета, Пустошинского района.

Подпись заверена предсельсовета (подпись неразборчива).

Дата 21 февраля 1929 г.

Комментировать надо?

Крестьяне отправлялись за хлебом в города, где их тоже не могли ничем обнадежить. Местные власти, как могли, защищали от голода свое население. В городах и рабочих поселках карточки начали явочным порядком появляться еще весной 1928 года. С 1 марта 1929 года Политбюро

утвердило их для всей потребляющей полосы РСФСР, Закавказья, Белоруссии и Украины. Хлеб по специальным заборным книжкам получало только трудовое население.

В Москве и Ленинграде хлебный паек для рабочих и служащих фабрик и заводов составил 900 граммов в день, для членов их семей, а также для служащих, безработных и прочих трудящихся вместе с семьями — по 500 граммов на человека. В остальных промышленных центрах и фабрично-заводских поселках нормы составили 600 и 300 грамм соответственно. Свободная продажа хлеба сохранялась, но только из остатков после отоваривания карточек и по двойной цене. Вскоре карточное снабжение охватило и другие продовольственные товары, а затем и промтовары стали распространяться по талонам и ордерам. Все это была в чистом виде инициатива низовых организаций, поддержанная населением и лишь потом закреплённая решениями властей. В 1931 году была введена всесоюзная карточная система. И коллективизация, как видим, тут совершенно ни при чем.

1927 год нарушил неустойчивое равновесие нэпа, 1928-й усугубил. Ожесточение зажиточных крестьян усиливало «хлебную войну», ожесточение властей, особенно местных, которые были ближе к линии фронта, делало ее непримиримой. Страна стремительно погружалась в комплексный кризис — экономический, социальный, кризис власти и доверия к ней.

В такой обстановке СССР встречал лето 1929 года.

Начало: умеренно и аккуратно

К нам весной комсомолец Карцев
Первый трактор пригнал в село...

Петр Комаров. Трактор

Вернемся немного назад, в осень 1927 года. XV съезд ВКП(б) определил будущее сельского хозяйства — оно лежит на колхозно-совхозном пути. Возразить тут, собственно, нечего, путь хороший, один у него недостаток — утопический путь. Нет, конечно, колхозами можно баловаться, но создавать их в таком количестве, чтобы они всерьез могли служить основой индустриализации?

На июльском пленуме ЦК Сталин снова, в который уже раз, повторил, каким власти Советского Союза видят пути решения аграрного вопроса.

«Выходов у нас три, как говорят об этом резолюции Политбюро. Выход состоит в том, чтобы по возможности поднять производительность мелкого и среднего крестьянского хозяйства, заменить соху плугом, дать машину мелкого и среднего типа, дать удобрение, снабдить семенами, дать агрономическую помощь, кооперировать крестьянство.... наконец, давать им напрокат крупные машины через прокатные пункты. Неправы товарищи, утверждающие, что мелкое крестьянское хозяйство исчерпало возможности своего развития и что, стало быть, не стоит дальше помогать ему. Возможностей развития имеется у индивидуального крестьянского хозяйства еще немало. Надо только уметь помогать ему реализовать эти возможности...»

Нет, все-таки потрясающее у него было умение успокаивать! Положение в стране тяжелейшее, индустриализация захлебывается, сельское хозяйство сползает в трясины, справа и слева сплошные истерики, все пытаются достучаться до вождя и его команды, доказать: все плохо, страна катится в пропасть! Как же вы не видите?! А вождь так спокойно, обстоятельно заявляет: «Нет, вы неправы, все хорошо, все идет по плану», давит авторитетом и додавливает до того, что ему действительно веришь, несмотря ни на цифры, ни на донесения ОГПУ. С такой позицией трудно спорить — действительно, если чего и не хватало летом 1928 года, так это коллективной истерики во властных структурах, которая последовала бы за реальной оценкой с высокой трибуны реального положения дел. Умел человек успокаивать... То-то в семьдесят лет, смешной возраст для сына Кавказских гор, он выглядел, как глубокий старик...

«Выход состоит, далее, в том, чтобы помочь бедноте и середнякам объединять постепенно свои разрозненные мелкие хозяйства в крупные коллективные хозяйства на базе новой техники и коллективного труда как более выгодные и товарные... В этом основа решения проблемы...

Выход состоит, наконец, в том, чтобы укрепить старые совхозы и поднять новые, крупные совхозы, как наиболее рентабельные и товарные хозяйственные единицы.

Таковы три основные задачи, выполнение которых дает нам возможность разрешить зерновую проблему и ликвидировать, таким образом, самую основу наших затруднений на хлебном фронте.

Особенность текущего момента состоит в том, что первая задача по поднятию индивидуального крестьянского хозяйства, являющаяся все еще главной задачей нашей работы, стала уже недостаточной для разрешения зерновой проблемы.

Особенность текущего момента состоит в том, чтобы первую задачу дополнить практически двумя новыми задачами по поднятию колхозов и поднятию совхозов.

Без сочетания этих задач, без настойчивой работы по всем этим трем каналам невозможно разрешить зерновую проблему ни в смысле снабжения страны товарным хлебом, ни в смысле преобразования всего нашего народного хозяйства на началах социализма».

Сказать, что политику правящей команды критиковали, значит не сказать ничего. Просто лидеры СССР умело перевели коллективную истерику советской верхушки из экономической в политическую плоскость, обозвав «уклонами» Уклонов насчитывалось два — правый и левый. Выступая по этому поводу на ноябрьском Пленуме ЦК 1928 года, Сталин, в духе изобретенного им метода «творческого марксизма», умело запутал суть вопроса среди теоретических рассуждений о капитализме и социализме и ссылок на Ленина. Голая же суть уклонов, сформулированная им в том же выступлении, выглядела следующим образом.

«Левых» он определил просто: это те, «которые хотят чрезвычайные меры превратить в постоянный курс партии», и назвал это троцкизмом. Можно и так. Это было удобно. Троцкий к тому времени являлся безнадежно скомпрометированной фигурой, а поскольку выступал против Сталина, то просто не мог не использовать такой роскошный козырь, как «предательство идеалов революции». (Впрочем, думаю, что если бы Сталин вдруг полевел, Троцкий шарахнулся бы направо, и тогда троцкизмом был бы назван «правый» уклон. Дело тут не в принципах, а в аргументах.)

Однако вещи вождь говорит очень серьезные. «Одно дело — кадры троцкистов арестовать и исключить из партии. Другое дело — с идеологией троцкизма покончить. Это будет потруднее».

Потруднее — опять же *успокаивающее* слово. Основной проблемой был не Лев Давыдович с группкой своих сторонников, а тысячи низовых стихийных леваков, которые искренне полагали себя сторонниками генеральной линии. Они не врали, они просто так се видели! И, обвинен-

ные в троцкизме, били себя в грудь на собраниях, стрелялись, что было меньшим злом, или, что было злом куда большим, с горя шли к реальным троцкистам, а уж там им умели объяснить происходящее... Именно во время коллективизации разборки с низовой левацкой стихией перешли в стадию внутрипартийной войны, которая вырвется на поверхность все в том же тридцать седьмом — но не закончится и тогда...

С «правым» уклоном все проще. Это была позиция партийных «умеренных», перепуганных курсом правительства, потому что этого никто никогда не делал. Они были сторонниками *возможных* путей развития страны, только и всего. По ходу выступления Сталин долго анализирует письмо все того же Фрумкина, говорить о котором здесь нет смысла, а затем дает краткую и образную характеристику обоих уклонов.

«Например, правые говорят: „Не надо было строить Днепрострой“, а левые, наоборот, возражают: „Что нам один Днепрострой, подавайте нам каждый год по Днепрострою“...»

Правые говорят: „Не тронь кулака, дай ему свободно развиваться“, а левые, наоборот, возражают: „Бей не только кулака, но и середняка, потому что он такой же частный собственник, как и кулак“...»

Правые говорят: „Наступили трудности, не пора ли спасовать“, а левые, наоборот, возражают: „Что нам трудности, чихали мы на трудности, летим вовсю вперед“...»

Именно тогда на вопрос, какой из этих уклонов хуже, Сталин сказал: «Оба хуже». Время подтвердило его правоту. Тогда, в конце 20-х, неизмеримо опасней были левые — именно они из любого экономического мероприятия устраивали очередной беспредел. Правые, подчиняясь дисциплине, тихо сидели и работали, разве что иногда ввязываясь в заговоры ради спасения страны от сталинских авантюр. Потом, в 1953 году, левак Хрущев пришел к власти и начал чудить, между делом разгромив с таким трудом поднятое сельское хозяйство. Историки до сих пор спорят, был ли он сознательный враг России или просто *такой* дурак. Впрочем, какая разница...

Ну а потом настало время правых — это ведь именно они наградили нас «перестройкой», кинувшись в трудную минуту искать спасения у советчиков с той стороны. По поводу этих персонажей тоже спорят, кто они были — сознательные враги России или же настоящие ее враги просто использовали этих втемную. Впрочем, какая разница...

Как бы то ни было, власть объявила и подтвердила курс на коллективизацию, но чрезвычайно умеренную и аккуратную. И ведь что интересно — именно по этому плану все и шло!

По первому пункту работа началась еще до XV съезда, когда число хозяйств, освобожденных от уплаты сельхозналога, увеличилось до 38%. В 1928 году из предоставленных селу ссуд на долю бедняков пришлось 12,1%, а в 1929 году уже 39,1%. Более дешевыми были и сами кредиты: краткосрочный отпускаясь из расчета 8% годовых, долгосрочный — 5%, в то время как кулаки, например, платили 12 и 7%. И никакого ущемления прав: это госкредит, как кому хотим, так тому и даем.

Кроме того, обложили дополнительным налогом и кооперацию. Согласно постановлению Совнаркома от 7 сентября 1928 г. «О мероприятиях по хозяйственной помощи деревенской бедноте» все кооперативные организации, работающие в деревне, обязаны были отчислять 15% в фонд кооперирования бедноты.

Основные фонды деревни по-прежнему были чрезвычайно жалкими, поэтому с 1928 года началась их перекачка в бедняцкий сектор. Сперва кулакам прекратили продавать сложные сельскохозяйственные машины, затем, в течение последующих двух лет, у них изъяли или выкупили все трактора. Однако сельхозтехники в стране было слишком мало и она была слишком дорогой, чтобы ее могли покупать маломощные хозяйства, не только единоличные, но даже и колхозы. Государство пошло по другому пути — собирать имеющуюся технику и организовывать машинопрокатные пункты. Так же централизованно подошли и к подготовке семенного зерна. В 1927/1928 хозяйственном году в стране насчитывалось 16 097 машинопрокатных и зерноочистительных пунктов, зерна для посева было очищено 1093 тыс. т, из них 222 тыс. т составила семенная ссуда. На следующий год число пунктов выросло до 35 697, ссуда составила 805 тыс. т, а зерна очистили 3777 тыс. т. Естественно, процент по ссуде был более выгодным, чем у кулака: даже при государственных ценах на хлеб 8–10% деньгами меньше, чем традиционная половина урожая. Прокат сельхозинвентаря в кооперативном прокатном пункте тоже стоил в 2, а в государственном — в 3 раза дешевле, чем аренда у «благодетеля». А вот это было уже ощутимым ударом.

Все это несколько повлияло на положение бедноты. В среднем прирост посевных площадей батрацких хозяйств составил 36%, бедняц-

ких — 17%; на Украине — 44% и 19%, в Сибири — 64% и 52%, на Северном Кавказе — 37,5% и 20%, в Белоруссии — 40% и 15,4 %. Какие-то совершенно фантастические цифры по Узбекистану: 250% и 31,3%. Должно быть, там батраки почти не имели земли.

Наконец, появился в деревне и Его Величество — то есть трактор. Об этой машинке, над которой сейчас посмеиваются, в то время пели песни, сочиняли стихи, снимали фильмы — с тем придыханием, с каким позже говорили о космических кораблях, а сейчас — об Ъ-России. Но вот дать трактор мужику означало угробить технику. Выход подсказал украинский совхоз имени Шевченко, который первым организовал «машинно-тракторную колонну» — из этого почина потом выросли машинно-тракторные станции, знаменитые МТС. К осени 1928 года их число достигло поистине космического масштаба: в СССР существовало целых 13 (тринадцать) колонн, которые имели 327 тракторов и обслуживали 6138 крестьянских хозяйств общей площадью 66 тыс. га. А к весне 1929 года только в системе Хлебоцентра число МТС достигло 45 (1222 машины), и на их долю приходилось уже 322 тыс. га. Как видим, трактор, находящийся не в деревне, а в МТС, волшебным образом вдвое-втрое увеличивал производительность, обрабатывая уже по 200, а потом и почти по 300 га. Кажется, форма использования техники была найдена¹.

МТС служили мощнейшим стимулом для образования колхозов — пахать бедняцкие и середняцкие полоски смысла не имело изначально, трактору там просто нечего делать. Поэтому вокруг МТС только за год появилось 203 ТОЗа, которые объединяли 16 872 га земли.

После XV съезда сдвинулся с мертвой точки и процесс коллективизации. Число колхозов начало стремительно расти — если смотреть по темпам. Правда, в абсолютных цифрах успехи были куда скромнее, да... Как мы видим из приведенной таблицы², это и вправду было медленно и постепенно...

¹ Кстати, Хрущев начал разгром советского аграрного сектора именно с ликвидации МТС. Сначала колхозы и совхозы заставили выкупить технику, а потом они ее очень быстро угробили.

² *Ивницкий Н.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. С. 39.

**Основные показатели колхозного строительства
в 1927—1929 гг. (на 1 июня)**

Республики	Число колхозов			Число крестьянских хозяйств в колхозах, тыс.			% коллективизированных крестьянских хозяйств		
	1927	1928	1929	1927	1928	1929	1927	1928	1929
РСФСР *	8307	21 568	38 460	115,8	269,1	659,4	0,7	1,6	3,7
УССР	5566	9734	14 306	66,3	122,4	284,8	1,4	2,5	5,6
БССР	434	611	1027	4,5	5,6	10,7	0,6	0,7	1,4
ЗСФСР	83	586	1345	1,5	8,7	23,1	0,2	1,0	2,6
Туркменская ССР	16	64	247	0,2	0,9	5,2	0,1	0,5	2,7
Узбекская ССР			1452			21,7			2,6
Таджикская ССР	426	695	208	6,4	10,0	20	0,8	1,2	? 1,9
Всего по СССР *	14 832	33 258	57 045	194,7	416,7	1007,7	0,8	1,7	3,9

* Без Якутской АССР.

Какими были эти, первые, еще добровольные колхозы?

Во-первых, по-настоящему бедняцкими объединениями. Середняк в них не рвался, но с середняком можно было и обождасть, не в нем проблема... По данным комиссии ЦК ВКП(б), производившей летом 1928 года обследование социального состава колхозов, в коммунах бедняков было 78%, середняков 21% и зажиточных 1%, в артелях — соответственно 67%, 29% и 4% и в ТОЗах — 60%, 36% и 4%. Интересно, кто были эти зажиточные? Предусмотрительные кулаки или же самые фанатичные «культурники», дождавшиеся осуществления своей мечты?

Тем же летом 1928 года на один колхоз приходилось в среднем 12–13 хозяйств, через год — 17–18, а осенью 1929 года — 28–29 хозяйств. Средний размер бедняцкого надела в то время составлял около трех гектаров, батрацкого — около двух. Да, давать этим агрогигантам трактора, пожалуй, и вправду не стоило...

Что же касается порядков — то колхозы были очень разными. Три основных типа хозяйства хорошо обрисовал все тот же агроном-стажер Медведев, написавший письмо Калинину.

«Жизнь в колхозах чаще не лучше, а хуже крестьянской: работа от зари до зари, а все без толку — хлеб да вода. Отношение к делу скверное — как-нибудь сойдет. Производительность никуда не годится... Идут в них большие, кому совершенно деваться некуда: попадают и пьяницы, лодыри, которым где ни жить.

Есть такие колхозы, где руководители энергичные, дельные, умели дело поставить безубыточно, подняли дисциплину, производительность труда и т. п. Но чересчур увлеклись строительством. Все доходы гонят на создание новых отраслей х-ва. Члены же артели живут чуть-чуть получше, чем жили раньше. Может посытнее. А остальные руководители их уговаривают подождать: „Вот построим мельницу, тогда...“ И так без конца.

Но попадают такие колхозы, и, по-моему, им принадлежит будущее. Не всегда встретишь там громоздкие мельницы, крупорушки, но зато чаще тут и 8 часов работы, почище одеты, поопрятней и здоровей дети, да и обедать сядут сытно... Зато и работа здесь любо-дорого. Сделают без погонялки, что надо. И живут без ссор и драк. Вот такие колхозы по душе крестьянам... Бывает, в зимние холодные вечера на беседе с крестьянами рассказываешь про такой колхоз, слушают как сказку, и чувствуешь — потяни их туда, огулом пойдут, потому что там-то они освободились бы от беспросветной, грязной, голодной и холодной крестьянской жизни».

Каких колхозов по стране больше? Наверное, первых, но они и рассыпаются постоянно, между тем как остальные — живут. Правительство, пожалуй, больше заинтересовано в колхозах второго типа, сами крестьяне — третьего, потому что сейчас в них лучше, но через несколько лет «вторые» их обойдут... а «третьи» догонят, если получат кредиты.

В целом по стране на 1 июля 1929 г. насчитывалось 57 045 колхозов, объединявших 1007,7 тыс. хозяйств, а к 1 октября их стало уже 67 446 (прирост 18%), объединявших 1919,4 тыс. (прирост 90%)¹ Правда, всего

¹ Ивницкий. Н. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. С. 42.

крестьянских дворов по стране насчитывалось 25 миллионов, но при упорной и кропотливой работе можно было лет за десять...

В конце июля 1929 года Чапаевский район Средне-Волжского края выступил с инициативой превращения его в район сплошной коллективизации. Средневолжский крайколхозсоюз инициативу обсудил и одобрил. Идей в то время было много, причем самых разнообразных, а от этой за версту несло грядущим очередным беспределом. Тем не менее руководство страны ее не прикрыло, и работа началась.

Какая, спрашивается, муха их укусила?!

Фактор взлета

Еще живы клоаки и биржи,
Еще голой мулатки сосок,
Как валюта, в полночном Париже
Окупает веселья кусок.

Николай Тихонов

В 1929 году процесс коллективизации рванул с места, внезапно и необъяснимо. Естественно, инициативу проявили на местах — но ведь ее проявляли и раньше, а правительство эти инициативы гасило, гасило... а потом вдруг, наоборот, дало им ход. Сейчас принято думать, что, начиная коллективизацию, сталинская команда держала в голове далеко идущие планы всех этих резких пируэтов и поворотов. Но мне что-то не верится. До сих пор я не замечала у них каких-то тщательно проработанных перспективных планов. Так, общие соображения — а конкретика сама вырастет, из обстоятельств. Как говорил Ленин? «Решение рождается из опыта масс»? Ну и с какого перепугу опыт масс вдруг подсказал, что этим самым массам надо ринуться в колхозы? Тем более что через полгода они так же ретиво стали оттуда выскакивать...

Обычно резкие повороты советской политики являлись следствиями каких-то внешних событий. Продразверстка была обусловлена голодом и войной, нажим на кулака — «хлебной стачкой». Интересно: не произошло ли в начале 1929 года чего-то такого, что заставило бы советское

правительство, наплевав на все прежние обещания и указания, начать сбивать крестьян в колхозы насильно?

А вы знаете — произошло. Правда, не у нас и даже не на нашем континенте...

После 1923 года, когда окончательно утихли европейские войны и революции, в мире начался очередной экономический подъем. К концу 20-х годов промышленное производство Франции выросло на 40% по сравнению с довоенным, США — на 20%. Великобритания, меньше участвовавшая в грабеже побежденных и не торговавшая оружием, да еще изрядно потратившаяся на войну в России, восстановила довоенный уровень. Даже Германия начала выползать из кризиса. Бесконечно такой взлет продолжаться не мог. Ясно было, что рост производства имеет предел — емкость рынка.

Промышленное производство Соединенных Штатов превосходило самые развитые европейские страны и Японию, вместе взятые, и приносило колоссальные прибыли, которые вкладывались в экономику всего мира. В 1921–1928 гг. США инвестировали за границей 8,5 млрд долларов. Фактически весь мир зависел от того, что творилось в Нью-Йорке.

А в Нью-Йорке творилась биржа. На Уолл-стрит в то время находилась мировая финансовая столица. В США существовали самые низкие в мире учетные ставки¹ по кредитам. Результатом сверхвыгодных условий был колоссальный приток капитала и огромный размах финансовых операций. Полное отсутствие контроля над тем, что творится в мире частного капитала, приводило к огромному размаху спекуляций и афер. Время от времени мыльные пузыри лопались, а пирамиды рушились — но это было как бы в порядке вещей. Кто не рискует, тот не пьет шампанское...

Во второй половине 20-х годов наступило насыщение мирового рынка. Экономика уже не требовала инвестиций, но деньги должны работать. И тогда средства пошли в финансовую сферу.

¹ **Учётная ставка** (англ. *Discount rate*) — это сумма, указанная в процентном выражении к величине денежного обязательства (векселя), которую взимает приобретатель обязательства. Фактически, учетная ставка — это цена, взимаемая за приобретение обязательства до наступления срока уплаты. Как и процентная ставка, учетная ставка определяет величину платы за аренду денег. *Википедия*.

Историк Александр Шубин описал происходящее настолько подробно и хорошо, что нет необходимости пересказывать его своими словами.

«По мере насыщения рынка товарами все больше капиталов уходило в финансовый рынок, где „рост“ (уже фиктивный) продолжался.... В иллюзорном мире финансов нарастали цепочки структур, зарабатывающих на процентах от доходов друг друга. Предприятиями владели компании, которые выпускали в оборот акции. Их скупали другие компании, которые выпускали свои акции и другие ценные бумаги (их часть уже не была обеспечена производством реальных ценностей). Банк и даже государственный Федеральный резерв кредитовали эти операции. Можно было сделать деньги из ничего, просто взяв кредит, купив на него постоянно растущие ценные бумаги и затем продав их. Цена бумаг по законам ... должна была постоянно расти...»

Здесь одно слово выпущено. По законам чего? У нас недостающий финансовый термин может подставить даже школьник. По законам пирамиды...

Но все финансовы пирамиды когда-то падают...

Итак, *«цена бумаг по законам пирамиды должна была постоянно расти — иначе никто не будет вкладывать в них свои деньги и бумага обесценится. Ведь за ней не было реальной стоимости. 40% акций покупалось в кредит. Эти кредиты собирались отдавать из будущих прибылей. А если прибылей не будет? Это означало разорение не только самих игроков в акции, но и кредиторов-банкиров... Беда финансистов была и трагедией страны. Паралич банковской системы в условиях частно-капиталистической экономики означал и паралич производства».*

Западные ученые не чуяли беды, но ученые-экономисты — это отдельная область виртуального мира. Толковые практики ее предощущали... впрочем, и не слишком толковые — тоже. А советское правительство?

Сын сапожника, сидевший в Кремле, как и его соратники, был толковым практиком. А кроме того, все они являлись марксистами. У нас за всякими там рассуждениями о всеобщем равенстве и рае на земле как-то упускается из виду, что учение Маркса — это серьезное экономическое учение, исследующее капитализм. Времени у марксистов в тюрьмах и ссылках было предостаточно, и уж что-то, а финансовую сферу капитализма эти люди понимали.

Да что там понимали... Они все это видели! Летом 1917 года в России, на петроградской бирже, надувался точно такой же финансовый пузырь — бешеное оживление активности при резком спаде производства. Он не успел тогда лопнуть — революция произошла раньше и большевики, национализировав банки, пузырь сдули. Но чем все закончилось бы без этой хирургической операции, не зная они не могли.

«Администрация президента Гувера и чиновники Федеральной резервной системы (ФРС) США пытались противостоять надвигающемуся кризису, но делали это в полном соответствии со священными принципами либерализма — вкачивали кредиты в корпорации... То есть, вместо того чтобы лечить болезнь — снизить разрыв между объемами финансовых спекуляций и реальным объемом рынка, государство вкачало средства не в потребителя, а в частный капитал, поощряв усиление спекуляций. В начале 1929 года пагубность этого подхода стала проявляться, и в феврале ФРС прекратила прямое кредитование финансовых спекуляций. Для спекулянтов это стало сигналом для увода средств из ценных бумаг. Финансовый пузырь достиг максимума...

Между тем крупнейшие финансовые олигархи начали чувствовать угрозу, однако их социальная роль заставляла действовать в собственных интересах, дестабилизируя рынок. Если верить одному из крупнейших американских финансистов, Д. Кеннеди, для него сигналом к уводу средств с рынка стал разговор чистильщиков обуви, обсуждавших, в какие акции вложить деньги. Кеннеди решил, что рынок, „на котором могут играть все и который могут предсказывать чистильщики обуви, для него не является рынком“».

А ведь занятная корреляция получается! В 1927 году ФРС предпринимает первую денежную и кредитную эмиссию в попытке вылечить финансовую систему и противостоять краху. И в том же 1927 году руководство СССР вопреки многочисленным протестам умеренных и трезвых экономистов волшебным порядком объявляет курс на ускоренную индустриализацию, заявляет о начале реформы сельского хозяйства и начинает перестройку его структуры явно в качестве подготовки к реформе.

Обкатываются модели коллективных хозяйств, максимально эффективное использование тракторов, происходит мобилизация всей имеющейся сельхозтехники (иначе как объяснить принудительный выкуп сложной техники у кулаков?). В марте 1929-го появляются первые пред-

возвестники скорого краха на Нью-Йоркской бирже — и летом 1929 года стартует процесс сплошной коллективизации.

А события в Нью-Йорке между тем идут своим чередом.

«Количество людей, участвовавших в купле-продаже акций, выросло до 1,5 миллионов. Возникла масса, чрезвычайно подверженная панике. Панику могла вызвать массированная продажа акций. Финансовый капитал способен уйти из неперспективной компании мгновенно (что невозможно в реальном производстве, где капитал — это материальные объекты). Когда хозяйство подходит к пределам своего роста, разрастание финансового рынка становится искусственным. Все создают иллюзию, что их компания „растет“. Никто не хочет первым „ступить на землю Трои“, на гибельную почву кризиса. Все продолжают грести, все более зарываясь носом корабля в песок. Искусственный пузырь становится все больше. Когда он лопнет, производство будет парализовано, потому что обмен между предприятиями регулируется как раз этим пузырем. За день до катастрофы миллионы работников не знают, что они производят лишнюю продукцию и сами являются лишними.

Резкого падения котировок не ожидалось. „Вползание“ в кризис 1920–1921 гг. было постепенным. Психологически никто не был готов к внезапному обвалу. Так же, как десятилетие спустя все будут ожидать от Гитлера медленного начала войны, а он будет проводить blitzkrieg. Психологическая неготовность к началу экономической катастрофы была преддверием неготовности к военной катастрофе. Ни элита, ни массы не были готовы к катастрофическому развитию событий».

Впрочем, одна сила, готовая к любому сценарию, в мире все-таки существовала. Большевики, родом из которых были правители СССР, являлись гениями оперативной работы. Гиганты того, первого правительства — Ленин, Свердлов, Дзержинский — были уже в могиле, но оставался Сталин и примыкающие к нему тогдашние деятели второго плана — Молотов, Киров, Орджоникидзе. Все они прошли школу парирования внезапных угроз, равно как и предвидения отдаленных, иначе было просто не выжить. Забегая вперед, мы увидим, что и к внезапному нападению Гитлера Советский Союз оказался готовым, хотя и на свой, асимметричный манер.

Поскольку экономики разных стран были связаны между собой через систему инвестиций и кредитов, намечающийся спад обещал быть общемировым. За одним исключением: Советскому Союзу, внешние

экономические связи которого была пропущены через государственные фильтры, инвестиции в экономику тоже осуществляло государство, а управление хозяйством являлось плановым, кризис ничем не грозил. А вот его последствия...

Последствием финансового обвала должно было стать — и стало — катастрофическое падение цен на всю продукцию, особенно на промышленную. Для страны, индустриальное развитие которой было жесточайшим образом завязано на импорт, кризис предоставлял уникальный шанс — провести мгновенную, «взрывную» индустриализацию. Впоследствии этот шанс СССР реализует на двести процентов, покупая за границей за бесценок все: станки, технологии, специалистов. Считается, что именно для того, чтобы расплатиться за эти товары, и понадобилась мгновенная коллективизация, дисциплинированные и управляемые колхозы. Но это только одна из причин, и далеко не самая главная. Если уж очень припрет, взяли бы зерно и у частника, да и не было зерно основной статьей экспорта...

Проблема была в другом. Индустриальная и аграрная реформы теснейшим образом сцеплены между собой, связаны тысячами нитей экономической и кадровой политики. На выходе реформ надо было получить современное государство, без какого бы то ни было структурного несоответствия. Программа, рассчитанная, по Сталину, на десять лет, а по Бухарину — и на все пятнадцать, с началом кризиса стремительно сжимала сроки, уместаясь в рамки самое большее одной пятилетки. А значит, за эту пятилетку должно быть реформировано и сельское хозяйство — иначе экономику просто разорвет. Упускать такой шанс нельзя, стало быть, пришло время срывать предохранители и задействовать все ресурсы в этом генеральном сражении за будущее России.

Но вернемся в Нью-Йорк, на биржу.

«После первых тревожных сбоев на американском финансовом рынке в марте 1929 г. влиятельные либеральные аналитики призывали сохранять спокойствие: мол, экономика достигла максимума, на котором на время остановится. Так бы и было, если бы котировки соответствовали реальному соотношению спроса и предложения. Индекс Доу Джонса¹

¹ Промышленный индекс Доу Джонса — один из нескольких фондовых индексов, созданных редактором газеты Wall Street Journal и основателем компании Dow Jones & Company Чарльзом Доу. Индекс Доу-Джонса является

в марте — апреле 1929 г. действительно на короткое время достиг плато на отметке 300–350. Но это было равнозначно катастрофе, так как большинство финансовых структур могло существовать только при условии роста. Поэтому были предприняты меры для последнего искусственного рывка до уровня 381 в сентябре. За это время можно было вывести из „пирамиды“ часть средств, вложив их в недвижимость и реальные ресурсы. Разумеется, так поступили лишь наиболее проницательные собеседники чистильщиков обуви. А ведущие экономисты еще в октябре разъясняли, глядя на графики: „Биржевые цены достигли уровня, который похож на постоянное высокое плато“».

Все закончилось в октябре.

«23 и особенно 24 октября 1929 г. началось стремительное падение акций Нью-Йоркской фондовой биржи. Сотни тысяч вкладчиков пытались спасти свои небольшие капиталы, усиливая панику. К концу октября в США обесценились акции на 15 млрд долларов. Разорилось почти 500 миллионеров (из 513) и около миллиона мелких вкладчиков. Потерявшие все бизнесмены отправлялись на биржу труда или кончали с собой.

Сначала большинству американцев казалось, что крах на Уолл-стрит касается прежде всего биржевых игроков. Даже видные аналитики, замороженные экономическими догмами саморегулирующегося рынка, утверждали, что положение вот-вот выправится. Это были наивные надежды. В условиях капиталистической экономики именно финансовая система была регулятором развития реального производства. Она

старейшим среди существующих американских рыночных индексов. Этот индекс был создан для отслеживания развития промышленной составляющей американских фондовых рынков. Индекс охватывает 30 крупнейших компаний США. Первоначально индекс рассчитывался как среднее арифметическое цен на акции охваченных компаний.

Фондовый индекс — составной показатель изменения цен определенной группы ценных бумаг — «индексной корзины». Как правило, абсолютные значения индексов не важны. Большее значение имеют изменения индекса с течением времени, поскольку они позволяют судить об общем направлении движения рынка даже в тех случаях, когда цены акций внутри «индексной корзины» изменяются разнонаправленно. В зависимости от выборки показателей фондовый индекс может отражать поведение какой-то группы ценных бумаг (или других активов) или рынка (сектора рынка) в целом. (Википедия).

разваливалась — разваливались и хозяйственные связи. К тому же перенасыщенный рынок не мог помочь финансовой системе возродиться.

Банки лишились средств, промышленность — банковских кредитов и собственных оборотных средств. Акции „Юнайтед стил“ упали в 17 раз, „Дженерал моторс“ — почти в 80 раз, „Радиокорпорейшн“ — в 33 раза, „Крайслер“ — в 27 раз. Общая цена акций упала в 4,5 раза. К концу года обесценились акции на 40 млрд долларов. Это значило не только разорение вкладчиков. Теперь у компаний не было средств на развитие производства. Обескровленное производство останавливалось, массы работников оказывались на улице...»

Это было только начало. В течение ближайших четырех лет кризис, одну за другой, будет охватывать все новые и новые страны. И только одно государство, защищенное от всех мировых бурь стеной полностью национализированной плановой экономики, сумеет опереться на кризис и рванется вверх с огромной скоростью. Когда Великая депрессия закончится, это будет уже совершенно другая страна.

Но это еще только будет. А пока, сразу вслед за первыми признаками надвигающегося краха, советское правительство сорвало предохранители, задействовало все ресурсы — административные, идеологические, кадровые — и бросило их в деревню — готовить индустриализацию, пока еще есть хоть немного времени...

Низкий старт

Но ты зацветашь,
Моя дорогая земля.
Ты зацветешь
(или буду я трижды проклят)
на серных болванках железа,
на пирамидах угля,
на пепле
сожженной соломенной кровли.

Владимир Луговской. Пепел

Итак, до лета 1929 года все шло достаточно спокойно и по плану. Дальше началась кампания, и, как обычно бывает при любых кампаниях,

хоть при царе Петре, хоть при генсеке Сталине, процесс состоял из двух встречных потоков: плановых руководящих указаний сверху и низовой стихии, как ее ни называй — хоть волюнтаризмом, хоть административным восторгом, хоть усердием не по разуму. Многочисленные местные леваки, которых за несколько послевоенных лет не успели ни научить, ни перевоспитать, радостно рванули вперед.

Но о них чуть позже, а пока вернемся в Чапаевский район, один из очагов коллективизации. Уже к сентябрю там было организовано 500 колхозов, однако вовсе не тех, где курей сгоняют на общий двор, а по преимуществу ТОЗов, коих из общего числа насчитывалась 461 штука, а кроме того, 34 артели и всего 5 коммун. Они объединяли 6441 хозяйство из 10 275 (63%) и обобществили 131 тыс. га из 220 тыс., в том числе 82 га пашни (почти 50% из того, что имелось в районе). Простым подсчетом мы получим, что средний размер пашни на одно вошедшее в колхоз хозяйство — 1,3 га. То есть объединялись действительно бедные из бедных, что и требовалось получить.

Районы сплошной коллективизации стали появляться и в других местах. В августе 1929 года о ней объявил уже целый округ — Хоперский в Нижне-Волжском крае. 27 августа вопрос был рассмотрен окружным комитетом ВКП(б), 4 сентября — Колхозцентром. Однако срок ставился вполне разумный: коллективизацию округа предполагалось закончить в течение пятилетки и только четырех передовых районов — в ближайший год. С 15 сентября в округе был объявлен месячник по проведению коллективизации — и работа началась.

Это была именно работа, продвигаемая и направляемая сверху, обкатка механизма, которому предстоит вскоре закрутиться по всей стране. В станицы и села округа выехали 11 бригад организаторов из партийных и профсоюзных работников общей численностью 216 человек — то есть по 20 человек на бригаду — и почти столько же партийных работников из районов. Они созывали собрания бедняков и батраков, бывших красногвардейцев и партизан, комсомольцев и женщин — всех, на кого могла хоть как-то опереться власть. В августе колхозы объединяли около 12 тыс. хозяйств, в октябре уже втрое больше, а процент коллективизации поднялся до 38%. Что еще более важно, примерно в 6 раз выросли размеры колхозов. Контингент они охватывали тот, который нужно: 56% колхозников составляли бедняки и батраки, 42% — середняки. Среди мелких хозяйств преобладали ТОЗы, среди крупных почти все были ар-

телями и коммунами, где почти полностью был обобществлен рабочий скот и наполовину — коровы и овцы.

Потихоньку процесс начали раскручивать по всем сельскохозяйственным регионам, придерживая потребляющие: не ради них эта затея. Впереди шли зерновые районы, ради которых все и начиналось. Именно там были собраны и главные агитсредства в пользу колхозов. Думаете, политагитаторы из центра? Ага, конечно! Лучше всех за новые формы хозяйства агитировал Его Величество трактор.

В то время в СССР насчитывалось около 27 тысяч тракторов. Практически все они теперь были объединены в МТС и тракторные колонны, которых к тому времени на территории РСФСР и Украины насчитывалось уже около сотни — мобилизация техники потихоньку давала плоды. 17 МТС действовали на Северном Кавказе, 17 — в Центрально-Черноземной области, 16 — в Поволжье. Именно они и служили центрами коллективизации. Всего один пример: в Мамлютском районе в Сибири до организации МТС в колхозах состояло 26% крестьянских хозяйств, а после одного сезона работы станции этот процент подскочил до 88%. Административным нажимом этого никак не объяснишь, а вот наглядным примером — очень даже просто. То же происходило и вокруг других МТС и колонн — где-то процент коллективизации был выше, где-то ниже, но всегда больше, чем в удаленных от МТС районах.

Группировались коллективные хозяйства и возле успешных совхозов. Что тоже неудивительно — оказывал свое действие пример крупного интенсивного хозяйства. Так, вокруг 14 совхозов Северного Кавказа в 1929 году появилось 125 колхозов, в Пугачевском округе Нижне-Волжского края, где было создано 8 крупных зерновых хозяйств, в конце 1929 года уровень коллективизации был 42,6%, а в соседних районах — от 9 до 16%.

В октябре успехи первого рывка выглядели следующим образом¹:

¹ *Ивницкий Н.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. С. 81–82.

Районы	Число колхозов		Число крестьянских хозяйств (семейств и одиночек) в колхозах, тыс.		Удельный вес коллективизированных хозяйств, %	
	1 июня	1 октября	1 июня	1 октября	1 июня	1 октября
СССР *	57 045	67 446	1 007,7	1 919,4	3,9	7,6
РСФСР*	38 460	46 117	659,4	1 290,4	3,7	7,4
Северный край	731	1318	9,4	20,8	2,1	4,5
Карельская АССР	23	36	0,2	0,3	0,5	0,7
Ленинградская область	652	1005	6,8	13,3	0,9	1,9
Западная область	1011	1395	11,4	20,7	1,0	1,8
Московская область	1709	2288	26,7	48,9	1,8	3,3
Ивановская промышленная область	668	811	8,5	12,6	1,0	1,6
Нижегородский край	2197	2646	33,8	50,2	2,5	3,7
Уральская область	3026	3520	61,6	116,4	5,2	10,0
Башкирская АССР	1577	1789	27,9	42,8	5,5	8,6
Татарская АССР	431	647	7,8	21,3	1,5	4,0
Средне-Волжский край	2812	3568	50,4	112,5	3,9	8,5
Центрально-Черноземная область	3301	3756	68,0	123,0	3,2	5,9
Нижне-Волжский край	3220	3715	57,1	174,2	5,9	18,3
Северо-Кавказский край	6542	7618	105,3	271,0	7,3	19,0
Дагестанская АССР	311	333	4,2	10,1	2,3	5,6
Крымская АССР	1104	1086	15,0	19,6	16,7	21,8
Казахская АССР	4088	5144	65,4	92,0	5,3	7,4
Киргизская АССР	479	570	11,1	13,2	5,1	6,3
Сибирский край	3340	3558	68,4	102,1	4,5	6,7

продолжение

Районы	Число колхозов		Число крестьянских хозяйств (семейств и одиночек) в колхозах, тыс.		Удельный вес коллективизированных хозяйств, %	
	1 июня	1 октября	1 июня	1 октября	1 июня	1 октября
Бурят-Монгольская АССР	302	327	5,8	6,0	5,7	6,0
Дальне-Восточный край	936	987	14,6	19,5	6,1	8,1
УССР	14 303	15 801	234,8	522,5	5,6	10,4
Полесье	511	617	8,3	13,3	1,6	2,6
Правобережье	4438	4958	93,4	183,7	5,3	10,6
Левобережье	2312	2844	45,1	72,9	3,8	6,2
Степь	7045	7382	138,0	252,6	8,6	16,0
БССР	1027	1631	10,7	28,0	1,4	3,6
ЗСФСР	1345	1972	23,1	40,7	2,6	4,4
Туркменская ССР	247	280	5,2	5,8	2,7	4,0
Узбекская ССР	1452	1406	21,7	29,1	2,6	3,5
Таджикская ССР	208	209	2,8	2,9	1,9	2,0

* Без Якутской АССР.

Это, конечно, крупный шаг вперед — но и осенью никакого рывка еще не наблюдалось. Колхозное движение сдерживалось двумя факторами — дефицитом сельхозтехники и не менее тяжелым дефицитом кадров. Причем с техникой обстояло проще. В ближайший год деревня должна была получить 40 тысяч тракторов. Кроме того, началось строительство двух тракторных заводов производительностью 100 тыс. машин ежегодно, двух комбайновых заводов, расширение существующих производств и развитие химической промышленности для производства минеральных удобрений, а заводы тогда строились быстро.

С кадрами было сложнее — с ними и вообще всегда сложнее. Кадры — дело тонкое. Особенно с учетом того, что деревенское население по-прежнему оставалось в массе своей малограмотным. Ноябрьский Пленум 1929 года принял решение резко увеличить представительство крестьян, и в первую очередь колхозников, среди студентов вузов и техникумов — но с этого потока отдачи приходилось ждать не один год, тем более что практически всех будущих студентов надо было пропустить через рабфаки. Вообще опыт ускоренной подготовки квалифицированных кадров из практически неграмотной молодежи сам по себе уникален и достоин всяческого изучения.

Но основная кадровая проблема лежала в другой плоскости. Помните, из-за чего разваливались первые колхозы? От банального неумения наладить учет труда и распределения. Точно по той же причине — из-за неумения организовать работу — мучились и разваливались колхозы «первого» типа, описанные в письме Медведева. Не так уж много было среди крестьян патологических лодырей, они искренне стремились работать по-новому, но не умели. Для того чтобы организовать совместный труд, надо знать десятки маленьких секретов, постичь которые вчерашним единоличникам было просто негде. Тем более что практически все имевшиеся на селе умелые «менеджеры» находились по другую сторону баррикады.

Решено было в крупных старых колхозах и совхозах открыть школы по подготовке кадров, при Колхозцентре создать центральную школу организаторов коллективных хозяйств. Но это, во-первых, была, капля в море, а во-вторых, теория теорией, но опыт не заменишь ничем.

И вот тогда правительство пошло на очень тяжелый шаг. Несмотря на жуткий кадровый голод в стремительно растущей промышленности, от нее буквально с мясом оторвали 25 тысяч человек, причем не худших, а лучших, с организационным, политическим и производственным опытом, и отправили в деревню — создавать колхозы. Их так и прозвали: «двадцатипятитысячники». Этих людей направляли уже не бригадами, а по одному на колхоз, и они, обладая опытом заводского коллективного труда, сразу *ставили* внутреннюю структуру хозяйств, организацию труда, пресловутые учет и распределение, готовили себе замену и могли уходить. Таким образом, государство сразу убивало двух зайцев, на сей раз равновеликих: получало 25 тысяч пристойно организованных колхозов и столько же квалифицированных управлен-

цев, золотой фонд будущего советского менеджмента. Какая академия бизнеса может позволить себе дать своим слушателям такие тренажеры?

Резко вырос и объем капиталовложений в сельское хозяйство. Кстати, говорят, что правительство вкладывало основные деньги в промышленность, оставляя аграрный сектор в небрежении. Ну так вот вполне официальные цифры, озвученные на ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) 1929 года. Согласно пятилетнему плану в 1929/1930 гг. капиталовложения в промышленность должны были составить 2,8 млрд руб., в транспорт — 1,9 млрд и в сельское хозяйство — 3,5 млрд руб. Как видим, приоритет отдается как раз аграрному сектору. Но потом произошло то самое *нечто*, подтолкнувшее пятилетку (при том, что план был утвержден только в мае 1929 года). Скорее всего, этим нечто как раз и стал крах Нью-Йоркской биржи, открывший перед советской экономикой поистине уникальные возможности. Уже в ноябре цифры были скорректированы: теперь капиталовложения в промышленность, транспорт и аграрный сектор должны были составить соответственно 4 млрд, 1,9 млрд и 4,3 млрд рублей. (Из этих денег на социалистический сектор сельского хозяйства пришлось 1,6 млрд руб. — в 2,5 раза больше, чем первоначально предусматривалось пятилеткой.)

Поэтому говорить, что страна выкачивала средства из деревни, — по меньшей мере недобросовестно. Наоборот, деньги в аграрный сектор *закачивались* в большем объеме, чем в промышленность, при том что товарной продукции в 1928/1929 гг. он поставил государству всего на 1,3 млрд руб. Даже если мы примем поправку на то, что заготовительные цены на сельхозпродукцию занижены вдвое (на самом деле цены вольного рынка в отсутствие ажиотажа выше самое большее на 50%), — сельское хозяйство все равно недотягивает до окупаемости. Все ближайшие годы в полуфеодалскую деревню будут вкладываться колоссальные средства, только пойдут они не на займы хуторянам, а на механизацию, создание МТС, строительство электростанций, снабжение села сортавыми семенами и породистым скотом и многое другое, необходимое для создания современного высокотоварного производства.

...Так что на самом деле никакого рывка той осенью еще не было. Вместо молекулярной коллективизации началась гнездовая, только и всего. В целом по стране ее процент поднялся с 3,9 до 7,6% и затронула она в основном зерновые районы на юге, юго-востоке и востоке европейской части страны — ради чего, собственно, и проводилась. Уровень

коллективизации там был от 16 до 25%, в других сельскохозяйственных районах ниже — 5,5–7,5%, и совсем низким — в потребляющей полосе, сельское население которой являлось основным кадровым резервом для промышленности, так что спешить тут особенно было некуда.

В Средней Азии передовыми стали хлопководческие районы. Что вполне объяснимо, поскольку они были жестко привязаны к государственной ирригационной системе¹. За ними шли зерновые районы и почти не было колхозов на территориях кочевого скотоводства — что тоже неудивительно. В Средней Азии колхозы объединяли почти одну бедноту (до 90%) — но там и расслоение крестьянства было куда более жестким.

Ну вот, сейчас самое время бы остановиться, оглядеться, привести в порядок уже созданные колхозы, чтобы не пугали окрестное население склоками и бесхозяйственностью, и через годик сделать еще один шаг... а может, и просто подождать, пока люди, увидев преимущества новой системы хозяйствования, сами пойдут в колхозы.

Но вместо этого...

А вот теперь — рванули!

Мы повернем тебя
в пол-оборота, земля.
Мы повернем тебя
круговоротом, земля.
Мы повернем тебя
в три оборота, земля,
Пеплом и зернами
посыная.

Владимир Луговской. Пепел

Решения ноябрьского Пленума ЦК и Постановление Политбюро «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному

¹ Кстати, не могу удержаться, чтобы не порекомендовать блестящий роман Бруно Ясенского «Человек меняет кожу» — о строительстве ирригационных сооружений в Средней Азии.

строительству» определяли сплошную коллективизацию как главную задачу всех партийных, советских и колхозно-кооперативных организаций. Именно так они ее и восприняли. Вместо того чтобы сделать передышку, коллективизацию продолжали. К середине декабря в Нижне-Волжском районе вступили в колхозы более 60% крестьянских хозяйств, в Крыму — 41%, на Средней Волге и Северном Кавказе — 35%, в Сибири — 28%, на Урале — 25% и т. д.

Уровень коллективизации сельского хозяйства на 15 декабря 1929 г.¹

Районы	Ок- ру- га	Рай- оны	Число районов и уровень коллективизации в них, %				
			До 15%	15— 30%	30— 50%	50— 70%	70% и более
РСФСР							
Нижне-Волжский край	10	96	19 19,8	7 7,3	3 3,1	16 16,7	51 53,1
Средне-Волжский край	8	97	39 40,2	20 20,7	19 19,6	11 11,3	8 8,2
Северо-Кавказский край	15	117	17 14,5	49 41,9	34 29,1	13 11,1	4 3,4
Центрально- Черноземная область	10	147	48 32,6	39 26,5	33 22,4	11 7,7	16 10,8
Сибирский край	17	205	164 80,1	27 13,1	7 3,4	5 2,4	2 1
Уральская область	14	168	67 39,8	45 26,8	30 17,8	11 6,7	15 8,9
Западная область	6	82	64 78,0	9 10,9	6 7,4	— —	3 3,7
Московская область	9	117	89 76,0	15 12,9	10 8,5	1 0,9	2 1,7
Ивановская область	6	58	44 75,9	11 18,9	3 5,2	— —	— —

¹ *Ивницкий Н.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. С. 94–95.

Районы	Окру- га	Рай- оны	Число районов и уровень коллективизации в них, %				
			До 15%	15– 30%	30– 50%	50– 70%	70% и более
Нижегородский край	9	126	113 89,6	9 7,3	4 3,1	— —	— —
Северный край	5	58	54 93	3 5,3	1 1,7	— —	— —
Ленинградская область	6	107	98 91,6	9 8,4	— —	— —	— —
Казахская АССР	11	156	71 45,5	41 26,2	29 18,6	12 7,7	3 2,0
Крымская АССР	—	10	—	2 20,0	4 40,0	3 30,0	1 10,0
Дагестанская АССР	—	28	21 75,0	4 14,2	1 3,6	2 7,2	— —
Украинская ССР	36	510	294 57,5	119 23,3	59 11,6	24 4,9	14 2,7
Белорусская ССР	8	100	48 48,0	28 28,0	13 13,0	7 7,0	4 4,0
Узбекская ССР	10	65	42 64,6	17 26,2	5 7,7	— —	1 1,5
Туркменская ССР	3	33	27 82,0	1 3,0	4 12,0	1 3,0	— —
Армянская ССР	—	31	29 93,6	2 6,4	— —	— —	— —
Азербайджанская ССР	—	62	57 91,9	4 6,6	1 1,5	— —	— —
Итого по СССР		2373	1405 59,2	461 19,4	266 11,2	117 4,9	124 5,3

Видя такие дивные показатели, на местах радостно сорвались в чрезвычайщину — ура, мы вводим коммунизм! В январе–феврале в деревне творилось черт знает что — местные леваки дождались наконец именин сердца!

Вот только одна сценка — но весьма показательная.

«Тов. Муратов заявил: если не идете в колхоз, нам ничего не стоит расстрелять 10 человек из сотни или поджечь вас с четырех сторон, чтобы никто из вас не выбежал завтра, вам принесем жертву, — стукнул кулаком по столу и закрыл собрание. На второй день после собрания пришли т.т. Преображенский, Дьяконов и Ямилини к крестьянину Михаилу Молофееву этой же деревни, который имеет сельское хозяйство, одну лошадь и одну корову, заявили: „Идем, старик, на гумно“. Старик оделся и ушел с ними. Семья, зная из разговоров вчерашнего собрания, решила что старика повели расстреливать. Старуха, т. е. его жена, с испугу бросилась бежать в другую деревню Булгаково, расположенную в 6 верстах, где была приведена в сознание, после чего осталась полуглухой, а Екатерина Алексеевна той же семьи впала в бессознательное состояние и пролежала весь день, после чего была осмотрена врачом, который установил: если произойдет повторный случай такого испуга, то неизбежно умопомешательство»¹.

Неудивительно, что с такими методами показатели получались просто изумительными. Число районов сплошной коллективизации за два месяца почти удвоилось. Достигнув 1928 (около 2/3 всех районов страны), они сливались в округа, области. Уже в 1929 году Нижне-Волжский край был объявлен краем сплошной коллективизации. К тому времени в колхозах там состояло около половины хозяйств, а в некоторых округах — до 70–80%.

Выглядело это примерно так²:

Районы	На 2 января	На 1 февраля	На 20 февраля	На 1 марта
СССР	21,6	32,5	52,7	56,0
РСФСР	23,5	34,7	54,4	57,6
Северный Кавказ	46,5	60,7	75,5	76,8
Нижняя Волга	56,0*	58,7	66,1	67,8

¹ Скан этого документа была выложен на форуме ВИФ2 с архивной ссылкой: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 102. Л. 221.

² *Ивницкий Н.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. С. 189.

Районы	На 2 января	На 1 февраля	На 20 февраля	На 1 марта
Средняя Волга	39,0	48,4	54,3	56,4
Центрально-Черноземная область	40,0	50,0	79,4	81,8
Урал	35,4	47,4	65,9	68,8
Сибирь	14,0	19,0	40,6	46,8
Казахстан	20,5*	24,0	35,3	42,1
Киргизия	—	—	25,4	49,8
Башкирия	24,0	49,5	76,5	81,2
Дальневосточный край	12,5*	19,1	28,1	36,2
Татария	3,6	42,2	73,9	77,3
Московская область	14,1	36,5	73,6	73,0
Нижегородский край	7,1	18,9	45,3	48,7
Северный край	9,2*	12,2	42,1	45,1
Ленинградская область	—	6,6	20,0	23,1
Западная область	6,3	11,8	35,2	38,8
Ивановская промышлен- ная область	5,4	11,2	32,8	33,8
УССР	15,4	29,2	54,1	62,8
Полесье	—	3,2	22,0	26,8
Правобережье	—	30,8	52,0	71,1
Левобережье	—	24,4	48,6	57,5
Степь	25,7	42,6	67,3	70,6
БССР	27,0	38,2	56,4	57,9
ЗСФСР	—	8,3	—	49,8
Узбекская ССР	—	—	26,7	45,5
Туркменская ССР	14,8*	23,6	38,0	36,7,

Естественно, ни к чему хорошему все это привести не могло. С одной стороны, новые колхозники были обозлены насилием, с другой, в раздутых, неготовых организационно к резкому росту колхоза царил т-а-акой бардак! А уж что творилось в новых, насильственно сколоченных хо-

зяйствах — и вовсе не описать. Этим тут же радостно воспользовались все противники коллективизации, от кулаков до засевших по деревням и волостям царских чиновников и белых офицеров.

Правда, почти сразу сведения о беспределе дошли до Кремля и бум начали прекращать. Первый бой административному восторгу был дан в постановлении ЦК от 20 февраля 1930 г. «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах», где получили по мозгам любители устраивать сплошную коллективизацию там, где это вообще не нужно. 25 февраля отдельно врезали по Узбекистану. Затем, исходя из анализа прежних ошибок, был подработан устав сельхозартели. Вообще эволюция колхозов от наивного коммунизма к реальным хозяйствам — это большая и интереснейшая тема, но здесь места для нее уже нет. К сожалению...

2 марта вышла знаменитая сталинская статья «Головокружение от успехов», а 14 марта — Постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении».

Из постановления ЦК ВКП(б) от 14 марта:

*«...Прежде всего нарушается принцип добровольности в колхозном строительстве. В ряде районов добровольность заменяется **принуждением** к вступлению в колхозы под угрозой раскулачивания, под угрозой лишения избирательных прав и т. п. В результате в число „раскулаченных“ попадает иногда часть середняков и даже бедняков, причем в некоторых районах процент „раскулаченных“ достигает до 15, а процент лишенных избирательных прав — до 15–20. Наблюдаются факты исключительно грубого, безобразного, преступного обращения с населением со стороны некоторых низовых работников, являющихся иногда жертвой провокации со стороны примазавшихся контрреволюционных элементов (мародерство, дележка имущества, арест середняков и даже бедняков и т. п.). При этом в ряде районов подготовительная работа по коллективизации и терпеливое разъяснение основ партийной политики как бедноте, так и середнякам **подменяются** бюрократическим, чиновничьим декретированием сверху раздутых цифровых данных и искусственным выдуванием процента коллективизации (в некоторых районах коллективизация за несколько дней „достигает“ с 10 до 90%)...*

Наряду с этими искривлениями наблюдаются в некоторых местах недопустимые и вредные для дела факты принудительного обобществления

жилых построек, мелкого скота, птицы, нетоварного молочного скота и в связи с этим — попытки к головотяпскому перескакиванию с артельной формы колхозов, являющейся основным звеном колхозного движения, к коммуне. Забывают, что основной проблемой сельского хозяйства является у нас не „птичья“ или „огуречная“ проблема, а проблема **зерновая**. Забывают, что основным звеном колхозного движения является в данный момент не коммуна, а **сельскохозяйственная артель**. Забывают, что именно поэтому партия сочла нужным дать примерный устав не сельскохозяйственной **коммуны**, а сельскохозяйственной **артели**. В результате этих головотяпских искривлений мы имеем в ряде районов дискредитирование колхозного движения и отлив крестьян из ряда наскоро испеченных и потому совершенно неустойчивых коммун и артелей...

Наконец, ЦК считает необходимым отметить совершенно недопустимые искривления партийной линии в борьбе с религиозными предрассудками, так же как и в области товарооборота между городом и деревней. Мы имеем в виду **административное** закрытие церквей без согласия подавляющего большинства села, ведущее обычно к усилению религиозных предрассудков, и **упразднение** в ряде мест рынков и базаров, ведущее к ухудшению снабжения города. Не может быть сомнения, что такая практика, проводимая под флагом „левых“ фраз, на самом деле льет воду на мельницу контрреволюционеров и не имеет ничего общего с политикой нашей партии...

ЦК считает, что все эти искривления являются теперь **основным тормозом** дальнейшего роста колхозного движения и **прямой помощью** нашим классовым врагам...

ЦК обязывает партийные организации:

Прекратить наблюдающуюся в ряде мест практику принудительных методов коллективизации, ведя одновременно дальнейшую упорную работу по **вовлечению** крестьянства в колхозы на основе добровольности и **укреплению** существующих колхозов.

Сосредоточить внимание работников на хозяйственном улучшении колхозов и организации полевых работ, обеспечив соответствующими хозяйственными и партийно-политическими мероприятиями **закрепление** достигнутых успехов коллективизации и организационно-хозяйственное оформление сельскохозяйственной артели.

Не допускать перевода сельскохозяйственных артелей на устав сельскохозяйственных коммун без утверждения окрколхозсоюзов или

окрисполкомов и прекратить **принудительное** обобществление жилых построек, мелкого скота, птицы, нетоварного молочного скота.

Проверить списки раскулаченных и лишенных избирательных прав и немедленно **исправить допущенные в этой области ошибки** в отношении середняков, бывших красных партизан и членов семейств сельских учителей и учительниц, красноармейцев и краснофлотцев (рядовых и командных).

Строго руководствуясь правилом о недопущении в колхозы кулаков и других лиц, лишенных избирательных прав, **допускать изъятия** из этого правила для членов тех семейств, в составе которых имеются преданные Советской власти красные партизаны, красноармейцы и краснофлотцы (рядовые и командные), сельские учителя и учительницы, при условии их поручительства за членов своей семьи.

Воспретить закрытие рынков, восстановить базары и **не стеснять** продажу крестьянами, в том числе колхозниками, своих продуктов на рынке.

Решительно **прекратить** практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемую общественно-добровольным желанием населения. **Допускать** закрытие церквей лишь в случае действительного желания подавляющего большинства крестьян и не иначе как с утверждения постановлений сходов областными исполкомами. За издевательские выходки в отношении религиозных чувств крестьян и крестьянок привлекать виновных к строжайшей ответственности.

Работников, не умеющих или не желающих повести решительную борьбу с искривлениями партийной линии, **смицать с постов и заменять другими**».

Редко когда ЦК принимал столь жесткие по языку и по духу документы. После него тысячи коммунистов были исключены из партии, немало народу пошло под суд.

Реакция на местах была разной. Например, об этом эпизоде нашей аграрной истории вспоминает учительница Павлика Морозова, которая была замужем за уполномоченным райкома.

«Однажды приехал мой Исаков из Тавды, рассказывает — положил перед ним секретарь райкома наган и говорит: „В двадцать четыре часа организовать в Герасимовке коммуну, иначе под расстрел пойдешь“. „Что делать будешь?“ — спрашиваю. Муж отвечает: „Партия велела, надо выполнять!“ Только мы из бедняков коммуну организовали, выходит статья Сталина „Головокружение от успехов“. Секретаря

райкома обвинили в перегибах, и он застрелился. Коммуна распалась, а мужа моего кулаки до полусмерти избили. Меня же спасла Устинья Потупчик, предупредила, что Кулаканов с компанией собираются убить. Подхватила я ребенка и в чем была убежала из Герасимовки».

Естественно, после постановления народ в массе своей рванул из колхозов. На Средней Волге в марте вышли 280 тыс хозяйств, в ЦЧО — 131 тыс., в Грузии, где колхозы и вовсе не были нужны, — 131 тыс., в Ленинградской области, которая тоже мало интересовала в смысле коллективизации, — 28 тыс., в Нижегородском крае — 117,7 тыс., при этом 23 села целиком¹.

22 марта Орджоникидзе, находившийся тогда в Криворожском округе Украины, писал Сталину: *«Перекручено здесь зверски. Охоты исправлять мало: у одних — упрямство и злоба за провал, у других — растерянность. Все хотят объяснить кулаком, не сознают, что перекрутили, переколлективизировали... Большое желание еще большим административным нажимом выправить положение, выражают пожелание расстрелять в округе человек 25—30 и этим сохранить свои проценты».*

На местах боролись, как могли. Москва была буквально завалена жалобами на то, что вышедшим из колхоза не отдают скот и инвентарь, не выделяют землю.

Так что итоговая таблица первого года сплошной коллективизации выглядела куда скромнее, чем февральская².

Районы	Число хозяйств, тыс.	Коллективизированных хозяйств, %
СССР *	5999,8	23,6
РСФСР*	3566,9	20,3
Северный край	45,1	9,8
Карельская АССР	3,5	8,5
Ленинградская область	40,4	5,7
Западная область	79,5	6,7

¹ *Ивницкий Н.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996.

² *Ивницкий Н.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. С. 199.

Продолжение

Районы	Число хозяйств, тыс.	Коллективизиро- ванных хозяйств, %
Московская область	105,8	7,2
Ивановская промышленная область	45,5	6,0
Нижегородский край	138,4	10,1
Уральская область	318,1	27,3
Башкирская АССР	104,3	20,9
Татарская АССР	46,9	8,8
Средне-Волжский край	271,7	20,5
Центрально-Черноземная область	326,1	15,8
Нижне-Волжский край	357,1	37,5
Северо-Кавказский край	829,2	58,1
Дагестанская АССР	10,6	6,0
Крымская АССР	45,6	50,6
Казахская АССР	353,9	28,5
Киргизская АССР	60,7	29,1
Сибирский край	300,3	19,8
Бурят-Монгольская АССР	22,5	22,6
Дальневосточный край	61,7	25,7
УССР	1913,2	38,2
Полесье	59,7	11,5
Правобережье	719,0	41,4
Левобережье	427,0	36,3
Степь	707,5	44,7
БССР	88,7	11,5
ЗСФСР	139,3	15,0
Туркменская ССР	42,6	22,8
Узбекская ССР	221,6	27,1
Таджикская ССР	27,5	13,3

* Без Якутской АССР.

За три месяца процент коллективизированных хозяйств упал более чем вдвое (с 56 до 23,6%), примерно до уровня января 1930 года. Но все же, даже с учетом этих грустных обстоятельств, за год он вырос с 4% до почти 24% — в шесть раз.

В августе начался второй этап ударной коллективизации. Большинство хозяйств находились в состоянии *невыразимом* — но кое-где все же получилось. В стране существовали старые достаточно успешные колхозы, да и среди новых имелись вполне жизнеспособные. Застрельщиком на сей раз выступила ЦЧО — в августе 1930 года обколхозсоюз ЦЧО сформировал 26 бригад колхозников из передовых хозяйств и отправил их в отстающие районы — сколачивать новые колхозы и помогать отстающим. Это уже были не приезжие «комиссары», а крестьяне, и работа пошла. Только за октябрь в ЦЧО появилось 1000 новых колхозов. А целом по РСФСР той осенью в колхозы вступили более 700 тыс. крестьянских хозяйств. На 1 декабря в них состояли 6 млн 130 тыс. дворов — 24% всех имеющихся в стране.

Появились и первые хозяйственные результаты, о которых можно было говорить. На Северном Кавказе, в одном из основных зерновых районов страны, урожай в колхозах был в среднем на 20–25% выше, чем в единоличных хозяйствах, средний доход колхозника составлял 810 руб., а единоличника — 508 руб. Ничего удивительного, ибо средства в первую очередь вкачивались именно в хлебопроизводящие районы.

Появились и выдающиеся колхозы. Так, доход на одно хозяйство в «Красном Тереке» (Северный Кавказ) составил 1120 руб. — в 4 раза больше, чем в среднем у единоличников, в «Первой пятилетке» (Средняя Волга) — 6. 1000 руб. на хозяйство против 275 у единоличников и т. п.

8 октября 1930 г. «Правда» опубликовала письмо единоличников с. Семибалки, где они описали то, что происходило в их селе.

«Дорогие товарищи!

Мы, вчерашние единоличники села Семибалки и хутора Павло-Очаково, хотим рассказать, почему мы вступили в семибалковскую артель „Труд Ильича“. Весною, когда организовался колхоз „Труд Ильича“ и крепок был еще кулак, противопоставивший обрез и вредительство сплошной коллективизации села, мы не пошли в колхоз. При встречах на базарах, в поле, в хате кулак нам говорил: „Все равно колхозы развалятся, там одна голь и беднота, которая через полгода передерется

и пожрет друг друга, так как работать они не будут и есть будет нечего“.

Нас смутила кулацкая агитация. Остановились мы на полпути к колхозу. Многие из нас под влиянием кулацкой агитации поспешно брали поданные заявления обратно. Мы решили подождать и посмотреть, как будет работать колхоз.

Несмотря на многие неурядицы и дезорганизацию, внесенную нашими выходами из колхоза, семибалковский колхоз „Труд Ильича“ при 312 дворах засеял 4,5 тыс. га зерновыми культурами и свыше 500 га пропашными, не оставив незасеянными ни одного клочка земли, колхоз, опираясь на свои силы, провел своевременно всю полку, уборку и к 1 октября закончил обмолот хлеба, дав значительно повышенный урожай по сравнению с нами — единоличниками (по гарновке почти на 2 центнера с га)¹. К 10 сентября колхоз выполнил данный ему план хлебозаготовок на 102%. К 26 сентября колхоз закончил озимый сев на площади 450 га, на 70 га превысив план, данный районом, и на 100 % выполнил все сельхозплатежи.

Сейчас колхоз переключил всю свою работу на зяблевую вспашку и помощь в обмолоте и севе единоличникам-беднякам. Четкая работа колхоза идет все время вразрез предсказаниям кулаков. Колхозники, оказывается, хотели и умели работать лучше нас — единоличников. Группами и отдельно мы приходили на колхозные собрания, беседовали с отдельными колхозниками, и вот оказалось, что каждый член, проработавший в колхозе с весны, получает сейчас до 18 пудов хлеба на едока, получает солому и полову, корм на свою необобществленную свинью, корову, птицу, а зимой получит заложенный колхозом силос. Кроме всего этого, добросовестно работавший колхозник получит, в зависимости от количества трудодней, до 100 и более рублей деньгами. В то же время мы, единоличники, проведя тяжелую непрерывную работу на своих клочках в течение весны, лета, осени, получаем едва-едва по 11 пудов хлеба на едока и оставляем „хвосты“ по невыполнению хлебозаготовок, сельхозплатежей и т. п.

Мы сейчас воочию убедились в правильности линии партии по созданию коллективов и, не колеблясь более ни одного дня, вступили в колхоз „Труд Ильича“.

¹ Не знаю, что такое гарновка, но 2 центнера — это 12 пудов.

Мы призываем всех единоличников нашего района и всего края, колеблющихся и внимающих до сих пор кулацким нашептываниям, последовать нашему примеру, развеять навсегда туман классового врага, сплотиться и общими усилиями строить такие же колхозы, как наши „Труд Ильича“».

Нет ни малейшего основания сомневаться в том, что все изложенное в этом письме — правда. Уж наверное, перед тем как опубликовать такой документ, его проверили досконально. Другой вопрос: сколько их было, таких хозяйств, чтоб после первого же года — и подобные результаты?

Да мало, конечно. Слишком много факторов должно было сойтись в этом колхозе: и нужное настроение крестьян, и грамотное управление, и умение оградить хозяйство от диверсий, да и элементарное хлеборобское везение. «Труд Ильича», равно как и «Красный Терек» и другие, им подобные, это маяки, свет на вершине. А вокруг этой вершины, спускаясь все ниже и ниже, до низинных болот, располагаются самые разные хозяйства. Более или менее успешные, средние, слабые, совсем разваливающиеся. Хозяйства — как люди, у каждого свое лицо и своя судьба.

Из информационных сводок ОГПУ, др. документов, писем крестьян:

«На темпе коллективизации крайне отрицательно отражается отмечаемая в отдельных районах задержка расчетов с колхозниками за истекший хозяйственный год. На Северном Кавказе, где распределение доходов в колхозах еще не кончено и за отсутствием средств задерживаются денежные расчеты с колхозниками, имеют место выходы из колхозов наименее обеспеченных продовольствием отдельных бедняков и батраков и уход на заработки. Задержка расчетов сильно снижает также трудовую дисциплину в колхозах и дезорганизует отдельные группы колхозников, обуславливая бесхозяйственное отношение к обобществленному имуществу».

«У нас в начале января поголовно законтраковали молочный скот у колхозников. Объясняли эту меру тем, чтобы предостеречь от хищнического убоя как коров, так и молодняка. Молочного скота у нас, согласно разъяснениям т. Сталина, осталось только по одной корове на хозяйство для прокорма семейств. Общественного питания мы не имеем, и колхозник только и живет молочными продуктами, так как

нам не отпускается ни рыбы, ни крупы. По норме полагается один пуд пшеницы на месяц, из коего нужно отдать отмер и плюс отход, так что остается только 29 фунтов серой муки. В связи с контрактацией¹ стали уже брать и последних коров на мясозаготовку. Это на колхозников действует убийственно...»

«Мы находимся в колхозе второй год. Был у нас недород, и сейчас толпы оборванных, полуголодных людей весь день толпятся и просят хлеба. Находясь уже в колхозе, мы добились скотину, много подошло от бескормицы, остальная взята на мясозаготовки».

«Такой бесхозяйственности, как в колхозах, у единоличника не было раньше. Сено осталось не скошено на колхозных полях, яровой хлеб остался в поле под снегом, до рождества лен в поле стоял. Картофель рыли без времени и был даже такой случай в одном колхозе, 4 га овса осталось нескошенным, которые отдали единоличникам скосить на корм скоту».

«В Краснослободском районе в д. Заречная Лосевка организовался колхоз из 16 хозяйств, колхоз бедняцкий и имел недостаток тягловой силы. Соседний колхоз «Красный партизан» обещал им помощь и взял над молодым колхозом шефство. Но когда колхозники выехали в поле и попросили от шефа на время двух пар лошадей, им в этом отказали. Райколхозсоюз тоже не помог. Не получив ниоткуда помощи, колхоз распался».

«Вновь организованные колхозы не охвачены руководством райколхозсоюза и помощью с его стороны в вопросе об организации труда и внедрении сдельщины... В колхозах „Свобода“, „Грязновка“ учет труда совершенно не ведется, на почве чего труддисциплина упала. В колхозе

¹ **Контрактация** в СССР — система двухсторонних договоров между государством и крестьянскими хозяйствами (кооперативными объединениями хозяйств), предусматривающих заказ на производство определенной сельхозпродукции и организованную сдачу ее государству в установленные сроки на предусмотренных договорами условиях. По договорам хозяйства получали семена, денежные авансы и необходимые промышленные товары. (Википедия)

„Завет Ильича“ по этим причинам не перепахано 10 га овса, не вспахано 40 га под вику и не проводилась пахота под картофель. Посланные бланки-табеля правление колхоза не заполняло, и колхозники не знают отработанных или трудодней... В большинстве колхозов учетные книжки колхозникам не выданы и учет ведется на клочках бумаги».

«Во многих колхозах отмечаются факты истощения, заболевания и падежа скота... В основном это является следствием полнейшей бесхозяйственности, проявляемой правлениями колхозов в вопросе содержания и ухода за скотом, недостаточного ветеринарного обслуживания, а также неблагоприятного положения с фуражом. Последнее особенно сказывается на состоянии рабочего скота; зарегистрирован ряд случаев истощения и падежа лошадей, вызванного недостатком кормов при чрезмерной загрузке тягловой силы».

И т. д. и т. п...

Власти, от московских до уездных, еще много лет будут старательно подгонять и подтягивать всю эту огромную массу наверх. Одни в основном с помощью глотки, мордобоя и револьвера, другие — используя кредит, агронома и кадровую политику. Какие-то колхозы подтянут почти до вершины, другие — до середины горы, а третьи так и останутся в болоте. Но это будет уже *техническая* работа в рамках абсолютно другой экономической системы.

* * *

Итак, что же мы видим?

Прямо противоположное тому, что привыкли думать. Советское правительство вовсе не прет поперек экономической логики в угоду своим теориям, а вполне эту логику соблюдает. А то, что соблюдает оно ее несколько иначе, чем царское и Временное — то есть не поднимает лапки перед внутренним противником, а использует стенки, волнорезы и градобойные орудия, — ну так в истории полно было правительств, поступавших именно так. Ничего эксклюзивного...

А еще мы видим: то, что фигурирует в истории под единым названием коллективизации, на самом деле представляет три самостоятельных, хотя и связанных между собой процесса. Первый — это собственно

коллективизация, она же аграрная реформа. С ней к 1930 году все было ясно, она уверенно набирала ход и, кто бы что ни кричал об утопичности, проваливаться не собиралась. Второй — «хлебная война» между государством и держателями товарного зерна. Она будет продолжаться еще не один год, пока не разразится катастрофой 1933 года. И третий — борьба сельской буржуазии за экономическое господство, власть и влияние в деревне.

Опять триада, три источника и три составных части аграрной политики. Они сплетаются, пересекаются и влияют друг на друга, но их надо очень четко различать, иначе мы ничего не поймем.

Введение карточной системы в стране отнюдь не было следствием коллективизации, а произошло потому, что «хлебная война», начавшаяся, кстати, еще до аграрной реформы, полностью дезорганизовала рынок. И к тому, что кулаки прятали хлеб в ямах, а уполномоченные его конфисковывали, коллективизация отношения не имела — это тоже «хлебная война», уходящая корнями еще в дореволюционную Россию. Если бы у царского правительства получилось с продразверсткой, зерно прятали бы в 1915 году и точно так же убивали тех, кто указывает захоронки царским продкомиссарам.

Да и власть «нажимала» на кулаков совершенно не ради того, чтобы расчистить дорогу колхозам — аграрной реформе наличие частных хозяйств было безразлично, социалистическому агропредприятию даже крупный хозяин не конкурент, — а чтобы заставить верхушку деревни везти хлеб на рынок и отучить ее переть поперек государственной политики.

Что касается колхозов, то создавались они, как уже говорилось, не ради «нажима на единоличника», а совершенно со своими целями. Кулака реформа замечала ровно постольку, поскольку тот ей мешал, и разве что отбрыкивалась — ну, правда, брыкалась сильно и подкованным копытом. Зато сельскому буржуа колхоз был ножом острым, поскольку лишал его сразу всего: дешевой рабочей силы, большинства доходов, власти, влияния. Мир перевернулся, и стерпеть это вчерашним хозяевам деревни оказалось непосильно. Ну, естественно, и боролись они, не стесняясь в средствах: словом так словом, огнем так огнем, пулей так пулей. Впрочем, и беднота была не расположена решать вопросы миром. Вчерашние голодные оборванцы собирались рвануть на всех парусах к новой жизни, но перед этим поквитаться за все.

И вы, надеюсь, еще не забыли о *невыразимом* состоянии местной власти? Там было всякой твари по паре. И окопавшиеся еще с войны эсеры, и оставшиеся с царских времен чиновники, и новые советские жулики и бюрократы — и каждый из них использовал ситуацию по-своему. Но все это полбеда. А кругом беда — это многочисленные леваки, которые хотели прямо сейчас, декретом, ввести коммунизм. Насчет револьверов эту публику немножко обуздали, но глотка и мордобой остались при них.

Всю эту стихию надо было как-то загнать в рамки разумной экономики и государственной дисциплины.

Но это уже другая история...

Приложение 1

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ СТИХИ И БАСНИ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

ХОЗЯИН И БАТРАК

Государственный совет постановил увеличить до 15 часов
рабочий день приказчиков и лишить их праздничного отдыха.

Из газет

Над мужиком, над Еремеем,
В деревне первым богатеем,
 Стряслась беда:
Батрак от рук отбился,
Батрак Фома, кем Еремей всегда
 Хвалился.
Врага бы лютого так поносить не след,
Как наш Фома Ерему:
 «Людоед!
Чай, вдосталь ты с меня повыжал соку,
Так будет! Больше мне невмочь
Работать на тебя и день и ночь
 Без сроку.
Пусть нет в тебе на грош перед людьми стыда,
Так побоялся б ты хоть Бога.
Смотри! ведь праздник у порога,
А у тебя я праздновал когда?
Ты так с работой навалился,
Что впору б дух лишь перевести.
За недосугом я, почесть,

Год в церковь не ходил и богу не молился!»
На батрака Ерема обозлился:
«Пустые все твои слова!
Нанес ты, дурья голова,
Большую гору
Вздору.
Никак, довести меня ты хочешь до разору?
Какие праздники ты выдумал, Фома?
Бес праздности тобой, видать, качает.
Смекай — коль не сошел еще совсем с ума:
Кто любит праздновать, тот не добром кончает.
Ты чем язвишь меня — я на тебя дивлюсь:
„Год богу не молюсь!“
А не подумал, Каин,
Что за тебя помолится хозяин?!»

1912 г.

ПРИТОН

Дошел до станового слух:
В селе Голодном — вольный дух:
У двух помещиков потрава!
И вот — с несчастною, покорною толпой
Кровавая учинена расправа.
Понесся по селу и плач, и стон, и вой...
Знал озверевший становой,
Что отличиться — случай редок,
Так лил он кровь крестьянскую рекой.
Что ж оказалось напоследок?
Слух о потраве был пустой:
От мужиков нигде потравы никакой.
«Ах, черт! Дела на слабом грунте!
Не избежать плохой молвы!»
Но, не теряя головы,
Злодей строчит доклад об усмиренном бунте.
Меж тем, очнувшись от бойни, мужики
На тайном сходе у реки

Постановили: быть Афоне
За дело общее в столице ходоком,
Пред Думой хлопотать, — узнать, в каком законе
Дозволено все то, что ноне
Лихие вороги творят над мужиком?
Уехал наш ходок и через две недели
Привозит весть.
Не дали мужики Афоне с возу слезть,
Со всех сторон насели:

«Был в Думе?» — «Был». —

«Ну, что?» —

«Да то:

Судились овцы с волком...»

«Эй, не томи!.. Скорее толком

Все говори,— кричит Егор,—

Нашел на извергов управу?»

«Не торопись ты... Больно скор...

Мы казнены и впрямь совсем не за потраву.

Шел в Думе крепкий спор

Про наше — слышали? — про наше изуверство!

Но всех лютей чернил нас некий старичок...

По виду так... сморчок...

А вот — поди ж, ответ держал за министерство:

„Потравы не было. Да дело не в траве:

У мужика всегда потрава в голове“.

Так, дескать, господа нас малость постращали,

Чтоб мы-де знали:

Крепка еще на нас узда!

А кровь... Так не впервой у нас ее пуцали...

Что, дескать, было так и будет повсегда!»

«Ай, горе наше! Ай, беда!

Ни совести в тебе, скотина, ни стыда! —

Тут с кулаками все к Афоне. —

Ты ж в Думу послан был, а ты попал куда?

Ведь ты же был, никак, балда,

В разбойничьем притоне!»

ПРАВДОЛЮБ

«В таком-то вот селе, в таком-то вот приходе», —
Так начинают все, да нам — не образец.
Начнем: в одном селе был староста-подлец,
Ну, скажем, не подлец, так что-то в этом роде.
Стонали мужики: «Ахти, как сбыть беду?»
Да староста-хитрец с начальством был в ладу,
Так потому, когда он начинал на сходе
 Держать себя подобно воеводе,
 Сражаться с иродом таким
 Боялись все. Но только не Аким:
 Уж подлинно, едва ли
Где был еще другой подобный правдолюб!
Лишь попадись ему злодей какой на зуб,
 Так поминай как звали!
Ни перед кем, дрожа, не опускал он глаз,
А старосте-плуту на сходе каждый раз
 Такую резал правду-матку,
Что тот от бешенства рычал и рвался в схватку, —
Но приходилось смирять горячий нрав:
 Аким всегда был прав,
И вся толпа в одно с Акимом голосила.
 Да что? Не в правде сила!
В конце концов нашел наш староста исход:
 «Быть правде без поблажки!»
Так всякий раз теперь Аким глядит на сход...
 Из каталажки.

1912 г.

ЛАПОТЬ И САПОГ

Через года полтора
Все уйдут на хутора,
Худо ль, лучше ль будет жить,
А нет охоты выходить.

*«Псковская жизнь», 1911 г. № 557
«Деревенские частушки»*

Где в мире найдем мы пример, подобный русской аграрной
реформе? Почему не могло бы совершиться нечто подобное
и среди тружеников промышленного дела?

«Россия», 17/VII 1912 г.

Над переулочком стал дождик частый крапать.
Народ — кто по дворам, кто — под навес бегом.
У заводских ворот столкнулся старый лапоть
С ободренным рабочим сапогом.

«Ну что, брат-лапоть, как делишки?» —

С соседом речь завел сапог.

«Не говори... Казнит меня за что-то бог:

Жена больна и голодны детишки,

И сам, как видишь, тощ,

Как хвощ...

Последние проели животишки...»

«Что так? Аль мир тебе не захотел помочь?»

«Не, мира не порочь.

Мир... он бы, чай, помог... Да мы-то

не миряне!»

«Что ж? Лапти перешли в дворяне?»

«Ох, не шути...

Мы — хуторяне».

«Ахти!

На хутора пошел?! С ума ты, что ли, выжил?»

«Почти!

От опчества себя сам сдуру отчекрыжил!

Тупая голова осилить не могла,

Куда начальство клонит.

Какая речь была: „Вас, братцы, из села

Никто не гонит.
 Да мир ведь — кабала! Давно понять пора:
 Кто не пойдет на хутора,
 Сам счастье проворонит.
 Свое тягло
 Не тяжело
 И не надсадно,
 Рукам — легко, душе — отрадно.
 Рай — не житье: в мороз — тепло,
 В жару — прохладно!“
 Уж так-то выходило складно.
 Спервоначалу нам беда и не в знатъе.
 Поверили. Извели жизнь.
 Ох, будь оно неладно!
 Уж я те говорю... Уж я те говорю...
 Такая жизнь пришла: заране гроб склотишь!
 Кажинный день себя, ослопину, корю.
 Да что?! Пропало — не воротишь!
 Тсперя по местам по разным, брат, пойду
 Похлопотать насчет способья».

Взглянув на лапоть исподлобья,
 Вдохнул сапог: «Эхма! Ты заслужил беду.
 Полна еще изрядно сору
 Твоя плетеная башка.
 Судьба твоя, как ни тяжка,
 Тяжеле будет; знай, раз нет в тебе „душка“
 Насчет отпору.
 Ты пригляделся бы хоть к нам,
 К рабочим сапогам.
 Один у каши, брат, загинет.
 А вот на нас на всех пусть петлю кто накинёт!
 Уж сколько раз враги пытались толковать:
 „Ох, эти сапоги! Их надо подковать!“
 Пускай их говорят. А мы-то не горюем.
 Один за одного мы — в воду и в огонь!
 Попробуй-ка нас тронь.
 Мы повоюем!»

1912 г.

ПРЕДПРАЗДНИЧНОЕ

Полиция не позволяла говорить за продолжение стачки
и одного говорившего рабочего стащила за ногу с трибуны.

Из письма рабочего

Хозяин потчует под праздник батраков:
«Я, братцы, не таков,
Чтоб заговаривать вам зубы.
Судьбину вашу — кхе! — я чувствую вполне...
Кому по рюмочке?»
«Да что ж? Хотя бы мне», —
Илья облизывает губы.
«Кто, други, по второй?»
«Да я ж и по второй!»
«Ребята! Аль к вину мне подгонять вас плетью?
Ну, кто по третьей? А?.. Раздуло б вас горой...»
«Да я ж! — кряхтит Илья. — Как третью, так и третью».
«А как же с праздничком?.. Пропаций, значит, день?
Аль потрудились бы... кому из вас не лень», —
Вздохнув, умильно речь повел хозяин снова.
«Что ж, братцы, — батракам тут подмигнул Илья, —
Все я да я!
А вы — ни слова!»

*

Нет, не совсем-то так. Ответ, я знаю, был.
Ответ такой, что наш хозяин взвыл.
И я бы повторить его не прочь, ей-богу,
Но... кто-то дергает за ногу!

МОКЕЕВ ДАР
(Быль)

Случилась беда: сгорело полсела.
Несчастной голытьбе в нужде ее великой
От бедности своей посильною толикой
Своя же братья помогла.

Всему селу на удивленье
Туз, лавочник Мокей, придя в правленье,
«На дело доброе, — вздохнул, — мы, значит, тож...
Чего охотней!..»
И раскошелился полестней.
А в лавке стал потом чинить дневной грабеж.
«Пожар — пожаром,
А я весь свет кормить, чай, не обязан даром!»
«Так вот ты, пес, каков!»
Обида горькая взяла тут мужиков.
И, как ни тяжело им было в эту пору,
Они, собравши гору
Последних медяков
И отсчитав полсотни аккуратно,
Мокею дар несут обратно:
«На, подавись, злодей!»
«Чего давиться-то? — осклабился Мокей,
Прибравши медяки к рукам с довольной миной. —
Чужие денежки вернуть немудрено, —
А той догадки нет, чтоб, значит, заодно
Внести и процентики за месяц... рупь с полтиной!»

Приложение 2

МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ (СТРАГОРОДСКИЙ)

Православная Русская Церковь и советская власть (к созыву Поместного Собора Православной Церкви)

Предисловие к публикации

Этот документ написан одним из самых известных русских иерархов митрополитом Сергием (Страгородским). Документ найден недавно (в конце XX в.) в бумагах, относящихся к делу патриарха Тихона. Время его написания — декабрь 1924 г. Его основным предметом является необходимость Поместного Собора, и по сути дела тут предлагается проект основных решений Собора с развернутым их обоснованием. История создания этой записки остается неизвестной, но ясно, что она была адресована властным структурам и была прочитана Е. А. Тучковым — «серым кардиналом», ведущим все дела, связанные с Церковью (на документе остались его пометки).

Мы публикуем лишь третью главу документа, в котором митрополит Сергей высказывает свое отношение к коммунистическому строю. Тут мы имеем исключительный случай, когда иерарх старой дореволюционной закалки хорошо понимает, что «климентизм» не является подлинным христианским имущественным учением. Более того, благодаря широте взглядов и глубоким богословским и историческим знаниям митрополит Сергей указывает на причины уклонения церковного имущественного учения от истины.

В последние годы имя митрополита (а позднее — патриарха) Сергия подвергается поруганию. Сергианством сейчас называют недопустимый компромисс с безбожной властью. Думается, что суть церковной политики митрополита Сергия в период возглавления им Церкви был не компромисс, а разворот в сторону социальной политики советского государства, и данная записка такую точку зрения полностью подтверждает. Доброе имя этого вы-

дающего деятеля нашей Церкви должно быть восстановлено, а кампания его дискредитации — прекращена¹.

Сомин Н. В.

III

Вторым основным вопросом, который должен быть внесен в программу Поместного Собора (первый вопрос — об отношении Церкви к власти. — Н. С.), есть вопрос о новом социальном строе, составляющем задачу и достижение революции, в частности, вопрос о собственности.

Христианство ставит своей целью обновление внутренней жизни человека. Через это, конечно, христианство глубоко влияет и на внешнюю жизнь, как частную, так и общественную. Однако переустройство внешней жизни, изменение ее форм и установлений не входит в задачу христианства, по крайней мере, в задачу ближайшую и неперемнную. Вступая в мир, христианство принимает формы общественной жизни такими, какими они даны в наличности, мирится со всяким и общественным устройством, и установлениями, даже принципиально не мирящимися с христианским учением, лишь бы эти формы и установления не препятствовали человеку в его личной и внутренней жизни быть христианином. В этом черпают для себя основания обвинители христианства в оппортунизме, в якобы его безразличном отношении к этим установлениям, как рабство, смертная казнь и под. Если можно видеть оппортунизм в словах и действиях церковных деятелей позднейших эпох, привыкших стоять на государственной точке зрения и зависимых от государства, то кто обвинит в оппортунизме, напр. I. Христа, не нашедшего обвинительных слов для Пилата, смешавшего кровь галилеян с их жертвами (Лук. XIII, I). Или Апостола Павла, наставлявшего рабов быть послушными своим господам? Тогдашнее государство даже и не подозревало о самом существовании Апостола с его новым учением. Точно так же нельзя видеть в таком отношении христианства к данным формам внешней жизни как бы некоторого освящения христианством этих форм или признания их обвинительными для последующей истории развития человечества. Это просто вывод из убеждений, что лишь при внутренней христианизации человечества имеют значение всякие внешние христианизированные формы общественной и частной жизни и что,

¹ Публикация выполнена по изданию: Митрополит Сергей (Страгородский). Православная Русская Церковь и советская власть (к созыву Поместного Собора Православной Церкви)//Богословский сборник. М.: ПСТБИ, 1997. — с. 250–257.

поэтому, нужно очистить прежде внутреннее и внешнее потом приложится само собою. Следовательно, и в принятии христианством за данное <слово неразборчиво> уклада жизни, установленного Римской Империей и покоившегося на римском праве, нельзя видеть освещение этого уклада христианством и признание его навеки нерушимым и обязательным. Тем более нельзя распространять такого освящения и на все подробности этого уклада, не исключая и таких, которые явно противоречат христианскому учению, напр. на рабство или хотя бы на накопление богатства на счет обеднения народа.

Но если так, то христианство, принявшее прежний социальный строй просто потому, что он существовал тогда, на таких же основаниях приняло бы и коммунистический строй, если бы он существовал как данный. Что этот строй не только не противен христианству, но и желателен для него более всякого другого, это показывают первые шаги христианства в мире, когда оно, может быть, еще не ясно представляя себе своего мирового масштаба и на практике не встречая необходимости в каких либо компромиссах, применяло свои принципы к устройству внешней жизни первой христианской общины в Иерусалиме, тогда никто ничего не считал своим, а все было у всех общее (Деян. IV, 32). Но то же было и впоследствии, когда христианство сделалось государственной религией, когда оно, вступив в союз с собственническим государством, признало и как бы осватило собственнический строй. Тогда героизм христианский, до сих пор находивший себе исход в страданиях за веру, начал искать такого исхода в монашестве, т. е. между прочим в отречении от собственности, в жизни общинной, коммунистической, когда никто ничего не считает своим, а все у всех общее. И, что особенно важно, увлечение монашеством не было достоянием какой-нибудь кучки прямолинейных идеалистов, не представляло из себя чего-нибудь фракционного, сектантского. Это было явлением всеобщим, свойственным всему православно-христианскому обществу. Бывали периоды, когда, по фигуральному выражению церковных писателей, пустели города и населялись пустыни. Это был как бы протест самого христианства против того компромисса, который ему пришлось допустить, чтобы удержать в своих недрах людей «мира», которым не по силам путь чисто идеальный. Не возражая против владения собственностью, не удаляя из своей среды и богатых, христианство всегда считало «спасением», когда богатый раздаст свое богатство нищим. Находясь в союзе с собственническим государством и своим авторитетом как бы поддерживая собственнический строй, христианство (точнее, наша православная церковь в отличие от протестантизма) идеальной или совершенной жизнью, наиболее близкой к идеалу, считало все таки монашество с его отречением от частной собственности. Это господствующая мысль и православного богослужения, и православного нравоучения, и всего православно-церковного

уклада жизни. Тем легче, следовательно, было бы христианству помириться с коммунистическим строем, если бы он оказался в наличности в тогдашнем или в каком-либо другом государстве.

Поэтому и наша Православная церковь, стоя перед совершившимся фактом введения коммунистического строя Советской властью, может и должна отрицать коммунизм как религиозное учение, выступающее под флагом атеизма. Она может выражать опасения, как бы принудительное отчуждение частной собственности, проводимое под флагом безбожия и отречения от неба и будущей жизни, не имело на практике совершенно противоположных результатов; как бы, вместо того чтобы отучить людей от собственности, оно не возбудило в людях, наоборот, особенно страстного и настойчивого стремления именно к приобретению, к наживе, чтобы пользоваться хотя моментом: «Будем есть и пить, потому что завтра умрем» (Ис. XXII, 13). Все такие опасения допустимы и, если угодно, оправдываются опытом действительной жизни. Но занимать непримиримую позицию против коммунизма как экономического учения, восставать на защиту частной собственности для нашей православной, в особенности русской церкви значило бы забыть свое самое священное прошлое, самые дорогие и заветные чаяния, которыми, при всем несовершенстве повседневной жизни, при всех компромиссах, жило и живет наше русское подлинно православное церковное общество.

Борьба с коммунизмом и защита собственности нашими церковными деятелями и писателями в прежнее, дореволюционное время, по моему мнению, объясняется причинами для церкви внешними и случайными. Прежде и главное всего: Церковь тогда была в союзе с собственническим государством, точнее, всецело подчинена ему. Коммунизм тогда считался учением противогосударственным. Естественно, что многие церковные деятели остерегались со всею ясностью и последовательностью высказывать идеальный, подлинно евангельский взгляд нашей церкви на собственность, чтобы не оказаться политически неблагонадежными. Вспомним, что сам митрополит Московский Филарет, при всем его государственном складе мышления и при всей его государственной корректности, принужден был выдержать неприятные переговоры с министром внутренних дел или с жандармским управлением, по поводу одной своей проповеди о милостыне. Очень многие [пи]писали и говорили против коммунизма просто по привычке к своей, так сказать, государственности, по привычке на все смотреть больше с государственной, чем с церковной точки зрения. Это был почти общий порок нашего «ведомства» и нашего духовного сословия. Если же оставить в стороне нашу «государственность», многое объяснит в данном вопросе полемическая инерция. Полемизируя с сектантами, из которых некоторые отрицают собственность,

с Толстым, и не желая оставить необличенным ни одного заблуждения, наши миссионеры и писатели часто простирались по внедрении дальше, чем следовало, и начинали обличать то, что обличению не подлежало и что обличать не входило ни в интересы, ни в задачу Православной Церкви. Наконец, значительную, можно даже сказать, львиную долю в этом недоразумении должна принять на себя и наша богословская духовно-академическая наука, шедшая и в данном вопросе, как и во многих других, на буксире богословской науки западно-европейской, в особенности протестантской. Протестантство же (ортодоксальное), полемизируя с коммунизмом и защищая частную собственность и весь вообще европейский буржуазный склад жизни, было только последовательным. С самых первых шагов своих, удалив духовно-благодатную жизнь человека в тайники его совести и признав, что в этой области свободное произволение человека почти не значит ничего, протестантство тем самым направило всю энергию человека в сторону так называемых гражданских добродетелей (гражданская мораль Меланхтона). Отрицая возможность вообще духовного подвига в земной жизни христианина и отвергая монашество, протестантство стало культивировать добродетели семейные, общественные и государственные. Поэтому и церковь там, само собою, оказалась подчиненной государству, и добродетели гражданские практически оказались более нужными, чем духовные. А так как государство было собственническим, так как гражданский строй был буржуазным, то и гражданские добродетели эти оказались преимущественно буржуазными и собственническими: верность государю, честность, трезвость, бережливость, соседняя со скопидомством, и т. д. По этому пути протестантство вполне последовательно пришло потом и к утверждению, что собственность священна, и даже что долг богатого человека — заботиться об увеличении своего богатства.

Для пересаженного к нам с Запада полицейского государства эти выводы протестантства были весьма пригодными и потому были весьма скоро и основательно усвоены всеми по-государственному мыслящими людьми. Они свили себе гнездо и в официальном богословии. Но подлинно православной, в особенности русской православной богословской науке с этими выводами не по пути. Недаром немцы возмущались некультурностью нашего мужика, невозможностью никакими силами привить ему помянутые буржуазные добродетели. Он все продолжает твердить, что земля «Божья», т. е. ничья, что все, что нужно всем, и должно быть в общем пользовании. Но не то же ли в конце концов скрывается и под кожей всякого русского интеллигента и вообще русского человека? Возьмем нашу народную поэзию, начиная с былин и кончая беллетристикой (даже дореволюционной). Где у нас идеал честного и аккуратного собственника? Напротив, не юродивый ли, если взять духов-

ную литературу, не боясь ли, если взять светскую, а в том и в другом случае, не человек ли, живущий вне условий и требований буржуазной жизни, есть подлинно наш русский идеал? Я убежден, что Православная наша церковь своими «уставными чтениями» из отцов церкви, где собственность подчас называлась, не обинуясь, кражей, своими прологами, житиями святых, содержанием своих богослужебных текстов, наконец, «духовными стихами», которые распевались около храмов нищими и составляли народный пересказ этого церковно-книжного учения, всем этим церковь в значительной степени участвовала в выработке вышеописанного антибуржуазного идеала, свойственного русскому народу. Допустим, что церковное учение падало уже на готовую почву или что русская, по-западному не культурная, душа уже и сама по себе склонна была к такому идеалу и только выбирала из церковной проповеди наиболее себе сродное, конгениальное. Во всяком случае можно утверждать, не колеблясь, что Православная наша церковь своим (теперь неофициальным) учением не только не заглушала таких естественных произрастаний русской души, но напротив, доставляла им обильную пищу, развивала их и давала им освящение. Впоследствии, в эпоху послепетровскую, с появлением латинской богословской науки, древле православная церковная книжность была выброшена сначала из нашей духовной школы и перестала участвовать в воспитании духовного юношества, будущих пастырей церкви: а потом постепенно вышла и из повседневного церковного употребления, почти совсем удалена была и от воспитания народа, сохранившись разве у каких-нибудь деревенских грамотеев да отчасти в наиболее строгих монастырях и у единоверцев с старообрядцами-раскольниками. Теперь эта церковная книжность настолько основательно нами всеми забыта, что нашей духовно-академической науке удавалось делать в этой области настоящие научные открытия. Такой разрыв нашей духовной науки и школы с прошлым был одной из причин часто глубокого расхождения народно-церковного мировоззрения с официальным церковным учением и взаимного непонимания обеих сторон. Отсюда, от потери обоюдо упомянутого языка ведут свое происхождение и некоторые сектантские движения, по недоразумению отделявшиеся от официальной церкви и по недоразумению же ею преследовавшиеся. Вот почему и утверждаю, что примириться с коммунизмом как учением только экономическим (совершенно отменяя его религиозное учение), для православной нашей церкви значило бы только возвратиться к своему забытому прошлому, забытому официально, но все еще живому и в подлинно церковной книжности, и в глубине сознания православно-верующего народа. Примириться с коммунизмом государственным, прибавим в заключение, для церкви тем легче что он, отрицая (практически лишь в известных пределах, хотя это и временно)

частную собственность, не только оставляет собственность государственную или общенародную, но и карает всякое недозволенное пользование тем, что лично мне не принадлежит. Заповедь «не укради» остается основным положением и советского уголовного кодекса: Христианство же заинтересовано не тем, чтобы обеспечить христианину право на владение его собственностью, а тем, чтобы предостеречь его от покушений на чужую собственность.

Итак, второе постановление нашего Поместного Собора могло бы быть таким: С решительностью отменяя религиозное учение коммунизма, Священный Собор, однако, не находит непримиримых возражений против коммунизма как учения экономического, отрицающего частную собственность и признающего все общепольное и нужное общим достоянием, ни в священном писании, ни в подлинно церковном учении, особенно в учении древней русской православной церкви и потому приглашает и благословляет верных чад церкви бедных и неимущих со спокойной совестью, без боязни погрешить против святой веры, радостно приветствовать узаконенный Советскою властью в С.С.С.Р. Коммунистический строй, а богатых и имущих безропотно, во имя той же веры, ему подчиниться, помня слово св. писания, что «блаженнее давать паче нежели принимать» (Деян. XX, 35) и что лучше быть обиженным и лишенным, нежели обижать и лишать других «да еже братию» (I Кор. VI, 7–8).

30 декабря 1924 г.

Приложение 3

СТИХИ О ДЕРЕВНЕ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

Демьян Бедный

ПАМЯТИ СЕЛЬКОРА ГРИГОРИЯ МАЛИНОВСКОГО

Сырость и мгла.
Ночь развернула два черных крыла.
Дымовка спит средь простора степного.
Только Андрей Малиновский не спит:
Сжавши рукою обрез, сторожит
Брата родного.

Тьма. В переулке не видно ни зги.
Плачет капелью весеннею крыша.
Страшно. Знакомые близко шаги,
«Гриша!

Гриша!

Я ли тебя не любил?»

Мысль замерла от угара хмельного.
Грохнул обрез. Малиновский убил
Брата родного.

В Дымовке шум и огни фонарей,
Только темна Малиновского хата.
Люди стучатся: «Вставай... Андрей!...»
«Брата убили!...»

«Брата!»

Тихо снуют по деревне огни.
Людам мерещится запах железа.
Нюхом берут направление они,
Ищут обреза.

Сгинул обрез без следа.
Но приговор уже сказан у трупа:
 «Это его Попандопуло». — «Да!»
 «Это — проклятый Тюлюпа!»
Сбились люди вокруг.
Плачет Андрей, их проклятия слыша.
Стонет жена, убивается друг:
«Гриша!»
«Гриша!»

Солнце встает — раскаленный укор,
Гневно закрывши свой лик облаками,
В луже, прикрытый рогожей, селькор
Смотрит на небо слепыми зрачками.

Не оторваться ему от земли,
Жертве злодейства и братской измены.
Но уж гремит — и вблизи и вдали —
Голос могучей селькоровской смены:

«Злые убийцы себя не спасут,
Смело вперед, боевые селькоры!
Всех подлецов — на селькоровский суд
Сыщем, разроем их темные норы!

Темная Дымовка сгинет, умрет.
Солнце осветит родные просторы,
Рыцари правды и света, вперед!
Мы — боевые селькоры!»

ПРОВОДЫ

Красноармейская песня

Как родная мать меня
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала:

«А куда ж ты, паренек?
А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Да в солдаты!

В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся.
Без тебя большевики
Обойдутся.

Поневоле ты идешь?
Аль с охоты?
Ваня, Ваня пропадешь
Ни за что ты.

Мать, страдая по тебе,
Поседела,
Эвон в поле и в избе
Сколько дела!

Как дела теперь пошли:
Любо-мило!
Сколько сразу нам земли
Привалило!

Утеснений прежних нет
И в помине.
Лучше б ты женился, свет,
На Арине.

С молодой бы жил женой,
Не ленился!»
Тут я матери родной
Поклонился.

Поклонился всей родне
У порога:
«Не скулите вы по мне,
Ради бога.

Будь такие все, как вы,
Ротозей,
Что б осталось от Москвы,
От Расси?

Все пошло б на старый лад,
На недолю.
Взяли б вновь от нас назад
Землю, волю.

Сел бы барин на земле
Злым Малютой.
Мы б завыли в кабале
Самой лютой.

А иду я не на пляс,
На пирушку,
Покидаючи на вас
Мать-старушку!

С Красной Армией пойду
Я походом,
Смертный бой я поведу
С барским сбродом.

Что с попом, что с кулаком —
Вся беседа:
В брюхо толстое штыком
Мироеда!

Не сдаешься? Помирай,
Шут с тобою!
Будет нам милее рай,
Взятый с бою, —

Не кровавый, пьяный рай
Мироедский, —
Русь родная, вольный край,
Край советский!»

Сергей Городецкий

УБИЙСТВО СЕЛЬКОРА

Это там, в заозерных трясиных,
Это там, в соловьиных лесах,
Это в наших, родимых и синих
От простора и снов, полосах.
Это там, в хороводе избушек,
Под соломенной крышей веков,
Где с песчаной дороги-горбуши
Разручинилась Русь широко.
Это там
наползала
шершавая ночь.
По кустам,
по лозам
прошуршала —
и прочь.
И рассвет,
как удар
топора
вдоль виска,
Алый свет,
как пожар,
распластал
в облаках.
Там, на дороге, дождями омытый,
Руки раскинув, простерся убитый.
В горе застыла жена молодая.
Плачет ребенок, отца пробуждая.

Нет. Он не встанет. Он лег навсегда.
Грузно легла на деревню беда,
Тем, кто боролся за правду и свет,
Древняя дурь отдала свой ответ,
В землю уходит из тела тепло.
Вот каким севом земле повезло!
Эх ты, деревня, кого ты убила?
Юный селькор — твоя лучшая сила!
Будет бессмертною память
Павших в безлюдье глухом,
Выше газетное знамя!
Правда сверкает на нем!

ТРАКТОР

К нам весной комсомолец Карцев
Первый трактор пригнал в село.
Все село — от юнцов до старцев —
Разговоры о нем вело.

— Ну, конек! Не конек, а диво! —
Трактор щупали мужики.
По всему у них выходило,
Что пахать на таком — с руки.

Только кто-то заметил бойко:
— Конь, конечно... Да конь не тот.
Вот рванет с бубенцами тройка —
Ажно сердце в груди замрет!..

— Рысаки и у нас бывали:
В удилах — таракан с блохой.
Да найдешь хомуты едва ли
Для скотины такой лихой...

В поле двинулись друг за другом,
Наблюдая до темноты,
Как машина в четыре плуга
Отворачивает пласты.

Теплым паром пахнув сначала,
Пласт ложился и остывал.
— Эх, и сила!.. — толпа кричала,
Не скрывая своих похвал.

Долго-долго стояли в поле
В этот день мужики села,
И машина для них была
Первым вестником новой доли.

ПОСЛЕДНИЙ ИВАН

Не выдумать горше доли:
Хлеба заглушил бурьян.
Без шапки в открытом поле
Стоит на ветру Иван.

По новым пошла дорогам
Деревня Зеленый Клин,
А он на клочке убогом
Остался совсем один,

Что это случиться может —
Ни духом не знал, ни сном.
И дума его тревожит:
Как быть на миру честном?
Тоскливым и долгим взглядом
На пашню глядит Иван.
С его полосой рядом
Раскинут артельный стан.

А там — и хлеба по пояс,
Пшеница — стена стеной.

И рожь, и ячмень на совесть,
И колос у них иной.

И кажется — даже птицы
Там веселей поют,
А здесь, на его земле —
Одной саранче приют,

Да суслик свистит на пашнях
На разные голоса...
Бессмыслицей дней вчерашних
Лежит его полоса.

Суровый, худой, угрюмый,
Средь поля у двух раки,
С тяжелой крестьянской думой
Иван дотемна стоит.

Стоит он, решая крепко,
Что раньше решить не мог.
И злая трава — сурепка —
Покорно шумит у ног.

Михаил Исс

ВДОЛЬ ДЕРЕВНИ

Вдоль деревни, от избы и до избы,
Зашагали торопливые столбы;

Загудели, заиграли провода, —
Мы такого не видали никогда.

Нам такое не встречалось и во сне,
Чтобы солнце загоралось на сосне;

Чтобы радость подружилась с мужиком,
Чтоб у каждого — звезда под потолком.

Небо льется, ветер бьется все больней,
А в деревне — частоколы из огней,

А в деревне и веселье, и краса,
И завидуют деревне небеса.

Вдоль деревни, от избы и до избы,
Зашагали торопливые столбы;

Загудели, заиграли провода, —
Мы такого не видали никогда.

ДОГОРАЙ, МОЯ ЛУЧИНА..

В эту ночь молодые
 отменили любовь и свидания,
Старики и старухи
 отказались от сна наотрез.
Бесконечно тянулись
 часы напряженного ожидания
Под тяжелою крышей
 холодных осенних небес.
Приглашенья на праздник
 вчера до последнего розданы,
Приготовлено все
 от машин и до самых горячих речей...
Ты включаешь рубильник,
 осыпая колхозников звездами
В пятьдесят,
 в полтора
 и больше свечей.
Ты своєю рукою —
 зажигашь прекрасного века начало,
Здесь, у нас,
 поднимаешь ты эти сплюснутые огни,
Где осенняя полночь
 слишком долго и глухо молчала,

Где пешком, не спеша,
проходили усталые дни;
Где вся жизнь отмечалась
особой суровою метой,
Где удел человека —
валяться в грязи и пыли.
Здесь родились люди
под какой-то злосчастной планетой
И счастливой планеты
нигде отыскать не могли.
Революция нас
непреклонной борьбе научила,
По широким дорогам
вперед за собой повела.
До конца,
до предела
догорела сегодня лучина,
И тоскливая русская песня
с лучиной сгорела дотла.
Мы еще повоюем!
И, понятно, не спутаем хода, —
Нам отчетливо
ясные дали видны:
Под счастливой звездою,
пришедшей с электрозавода,
Мы с тобою
вторично на свет рождены.
Наши звезды плывут,
непогожую ночь сокрушая,
Разгоняя осеннюю черную тьму.
Наша жизнь поднялась,
словно песня большая-большая, —
Та,
которую хочется слушать
и хочется петь самому.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Ваня, Ваня! За что на меня ты в обиде?
Почему мне ни писем, ни карточек нет?
Я совсем стосковалась и в письменном виде
Посылаю тебе нерушимый привет.

Ты уехал, и мне ничего неизвестно,
Хоть и лето прошло, и зима...
Впрочем, нынче я стала такою ликбезной,
Что могу написать и сама.

Ты бы мог на успехи мои подивиться,
Я теперь — не слепая и глупая тварь:
Понимаешь, на самой последней странице
Я читаю научную книгу — букварь.

Я читаю и радуюсь каждому звуку,
И самой удивительно — как удалось,
Что такую большую мудреную штуку
Всю как ссть изучила насквозь.

Изучила и знаю... Ванюша, ты слышишь?
И такой на душе занимается свет,
Что его и в подробном письме не опишешь,
Что ему и названия нет.

Будто я хорошею от каждого слова,
Будто с места срывается сердце мое.
Будто вся моя жизнь начинается снова
И впервые, неожиданно, я вижу се.

Мне подруги давно говорят на учебе,
Что моя голова попросторнее всех...
Жалко, нет у меня ненаглядных пособий, —
Я тогда не такой показала б успех!..

Над одним лишь я голову сильно ломаю,
Лишь одна незадача позорит мне честь:

Если все напечатано — все понимаю,
А напишут пером — не умею прочесть,

И, себя укоряя за немощность эту,
Я не знаю, где правильный выход найти:
Ваших писем не слышно, и практики нету,
И научное дело мне трудно вести.

Но хочу я, чтоб все, как и следует, было,
И, конечно, сумею свое навестать...
А тебя я, Ванюша, навек полюбила
И готова всю душу и сердце отдать.

И любой твоей весточке буду я рада,
Лишь бы ты не забыл меня в дальней дали..
Если карточки нет, то ее и не надо, —
Хоть письмо, хоть открытку пришли.

ОЙ, ВЫ, ЗОРИ ВЕШНИЕ

Ой, вы, зори вешние,
Светлые края!
Милого нездешнего
Отыскала я.

Он приехал по морю
Из чужих земель.
Как тебя по имени? —
Говорит: — Мишель.

Он пахал на тракторе
На полях у нас.
— Из какого края ты? —
Говорит: — Эльзас.

— Почему ж на родине
Не хотел ты жить? —
Говорит, что не к чему
Руки приложить...

Я навстречу милому
Выйду за курган...
Ты не шей мне, матушка,
Красный сарафан, —

Старые обычаи
Нынче не под стать, —
Я хочу приданое
Не такое дать.

Своему хорошему
Руки протяну,
Дам ему в приданое
Целую страну.

Дам другую родину,
Новое житье —
Все, что есть под солнышком,
Все кругом — твое!

Пусть друзьям и недругам
Пишет в свой Эльзас —
До чего богатые
Девушки у нас!

ТЫ ПО СТРАНЕ ИДЕШЬ

Ты по стране идешь. И нет такой преграды,
Чтобы тебя остановить могла.
Перед тобой смолкают водопады,
И отступает ледяная мгла.

Ты по стране идешь. И, по твоей поручке,
Земля меняет русла древних рек,
И море к морю простирает руки,
И море с морем дружится навек.

Ты по стране идешь. И все свои дороги
Перед тобой раскрыла мать-земля,

Тебе коврами стелются под ноги
Широкие колхозные поля.

И даже там, где запах трав неведом,
Где высохли и реки, и пруды, —
Проходишь ты — и за тобою следом,
Шумя, встают зеленые сады.

Твои огни прекрасней звезд и радуг,
Твоя дорога к солнцу пролегла.
Ты по стране идешь. И нет такой преграды,
Чтобы тебя остановить могла.

НАСТАСЬЯ

Ой, не про тебя ли пели скоморохи,
Пели скоморохи в здешней стороне:
«Завяла березонька при дороге,
Не шумит, зеленая, по весне»?

Ой, не ты ль, Настасья, девкой молодою
Думала-гадала — любит или нет?
Не тебя ль, Настасья, с горем да с нуждою
Обвенчали в церкви в зимний мясосед?

Не тебе ль, Настасья, говорили строго,
Что на белом свете все предрешено,
Что твоя дорога — с печки до порога,
Что другой дороги бабам не дано?

Расскажи ж, Настасья, про свою недолю,
Расскажи, Настасья, про свою тоску —
Сколько раз, Настасья, ты наелась вволю,
Сколько раз смеялась на своем веку;

Сколько лет от мужа синяки носила,
Сколько раз об землю бита головой,
Сколько раз у Бога милости просила,
Милости великой — крышки гробовой?

Расскажи, Настасья, как при звездах жала,
Как ночей не спала страдною порой,
Расскажи, Настасья, как детей рожала
На жнивье колючем, на земле сырой.

Сосчитай, Настасья, сколько сил сгубила,
Сколько слез горячих выплакала здесь...
Говори, Настасья, обо всем, что было,
Говори, Настасья, обо всем, что есть.

То не ты ль, Настасья, по тропинке росной
Ходишь любоваться, как хлеба шумят?
То не ты ль, Настасья, на земле колхозной
Отыскала в поле заповедный клад?

Не твои ль поймали руки золотые
Сказочную птицу — древнюю мечту?
Не перед тобой ли старики седые
С головы снимают шапку за версту?

И не про тебя ли говорят с почетом
В городе далеком и в родном селе?
За твою работу, за твою заботу
Не тебя ли Сталин принимал в Кремле?

И не ты ль, Настасья, говорила бабам,
Что родней на свете человека нет:
— Дал он хлеб голодным, дал он силу слабым,
Дал народу счастье да на тыщи лет.

Он своей рукою вытер бабьи слезы,
Встал за нашу долю каменной стеной...
Больше нет, Настасья, белой той березы,
Что с тоски завяла раннею весной.

ПЕСНЯ

Марии Рогатиной — совхознице

Листвой тополиной и пухом лебяжьим,
Гортанными криками
Вспугнутых птиц
По мшистым низинам,
По склонам овражьи
Рассыпана ночь прииртышских станиц.

Но сквозь новолунную мглу понизовья,
Дорогою облачных
Стынущих мет,
Голубизной и вскипающей кровью
По небу ударил горячий рассвет,

И, горизонт перевернутый сдвинув,
Снегами сияя издалека,
На крыши домов
Натыкаясь, как льдины,
Сплошным половодьем пошли облака.

В цветенье и росте вставало Поречье,
В лугах кочевал
Нарастающий гам,
Навстречу работе
И солнцу навстречу
Черлакский совхоз высыпал к берегам.

Недаром, повисший пустынно и утло,
Здесь месяц с серьгою казацкою схож.
Мария! Я вижу:
Ты в раннее утро
С поднявшейся улицей вместе плывешь.

Ты выросла здесь и налажена крепко.
Ты крепко проверена. Я узнаю
Твой рыжий бушлат

И ушатую кепку,
Прямую, как ветер, походку твою.

Ты славно прошла сквозь крещение железом,
Огнем и работой. Пусть нежен и тих,
Твой голос не стих
Под кулацким обрезом,
Под самым высоким заданьем не стих.

В засыпанной снегом кержацкой деревне
Враг стлался,
И поднимался,
И мстил.
В придушенной злобе,
Тяжелый и древний,
Он вел на тебя наступление вил.

Беспутные зимы и весны сырые
Топтались в безвыходных очередях.
Но ты пронесла их с улыбкой, Мария,
На крепких своих, на мужицких плечах.

Но ты пронесла их, Мария. И снова,
Не веря пробившейся седине,
Работу стремительную и слово
Отдать, не задумываясь, готова
Под солнцем индустрии вставшей стране.

Гляди ж, горизонт перевернутый сдвинув,
Снегами сияя издалека,
На крыши домов
Натыкаясь, как льдины,
Сплошным половодьем идут облака
И солнце.

Гудков переветренный голос,
Совхоза поля — за развалами верб.
Здесь просится каждый набухнувший колос
В социалистический герб.

За длинные зимы, за весны сырые,
За солнце, добытое
В долгом бою,
Позволь на рассвете, товарищ Мария,
Приветствовать песней работу твою.

Ал

СМОЛЕНЩИНА

Жизнью ни голодною, ни сытой,
Как другие многие края,
Чем еще была ты знаменита,
Старая Смоленщина моя?

Бросовыми землями пустыми,
Непросзжей каторгой дорог,
Хуторской столыпинской пустыней,
Межами и вдоль и поперек.

Помню, в детстве, некий дядя Тихон,
Хмурый, враспояску, босиком, —
Говорил с безжалостностью тихой: —
Запустить бы все... под лес... кругом.

Да, земля была, как говорят,
Что посеешь — не вернешь назад...

И лежали мхи непроходимые,
Золотые залежи тая,
Черт тебя возьми, моя родимая,
Старая Смоленщина моя!..

Край мой деревянный, шитый лыком,
Ты дивишься на свои дела.
Слава революции великой
Стороной тебя не обошла.

Деревушки бывшие и села,
Хуторские бывшие края
Славны жизнью сытой и веселой —
Новая Смоленщина моя.

Хлеб прекрасный на земле рождается,
Но поля твои издалека —
С юга к северу идет пшеница,
Приучаст к булке мужика.

Расстоянья сделались короче,
Стали ближе дальние места.
Грузовик из Рибнсева грохочет
По настилу нового моста.

Еду незабытыми местами,
Новые поселки вижу я.
Знаешь ли сама, какой ты стала,
Родина смоленская моя?

Глубоко вдыхаю запах дыма я,
Сколько лет прошло? Немного лет...

Здравствуй, сторона моя родимая!
Дядя Тихон, жив ты или нет?!

* * *

Кто ж тебя знал, друг ты ласковый мой,
Что не своей заживешь ты судьбой?

Сумку да кнут по наследству носил —
Только всего, что родился красив.

Двор без ворот да изба без окон —
Только всего, что удался умен.

Рваный пиджак, кочедыг да копыл —
Только всего, что ты дорог мне был.

Кто ж тебя знал, невеселый ты мой,
Что не своей заживешь ты судьбой?

Не было писано мне на роду
Замуж пойти из нужды да в нужду.
Голос мой девичий в доме утих.
Вывел меня на крылечко жених.
Пыль завилась, зазвенел бубенец,
Бабы запели — и жизни конец...
Сказано было — иди да живи, —
Только всего, что жила без любви.
Жизнь прожила у чужого стола —
Только всего, что забыть не могла.
Поздно о том говорить, горевать.
Батьке бы с маткой заранее знать.
Знать бы, что жизнь повернется не так,
Знать бы, чем станет пастух да батрак.
Вот посидим, помолчим над рекой,
Будто мы — парень да девка с тобой.
Камушки мост вода под мостом,
Вслух говорит соловей за кустом.
Белые звезды мигают в реке.
Вальсы играет гармонь вдалеке...

ПОСЕВНАЯ

П. Павленко

Ночь,
До исступления раскаленная,
Луна такая,
 что видны горы
 на ней.
В белой лавине света
 сидят,
 затаенные,

Дрожащие тельца
 аульных огней.
От земли
До звезд
 ничего не шелохнется.
Товарищ,
 я даже молчать не могу.
Но приплывает
 к нашей оконнице
Низкий, широкий,
 крепчающий гул.
Он разрастается,
 все приминяя,
Он выгоняет нас
 со двора.
Это через ночь
 проходит
 посевная,
Это выходят
 в ночь
 трактора.
И на карьере,
 стременими
 отороченном,
Мимо
 летит
 пятнистая блуза.
Может быть, это
Уполномоченный
Или инструктор
Хлопкосоюза?
Все равно:
 ночь ли,
 топот ли
 или гул,
Подкова ли,
 цокнувшая зря, —
Трактор идет,
 и качает дугу

света —
размах фонаря.
Трактора ползут
далеко-далеко,
Как светляки
на ладони земли.
С чем же сравнить
этот ровный клекот,
Невидимые руки
и круглые рули?
Час,
когда луна расцвела
в зените,
Час,
когда миндаль поднялся
к луне, —
И телеграф
на жужжащих нитях
Ведет переключку
по всей стране?
Вдруг
автомобильные яростные
фары
Срезают
пространство и время
на нет,
Они пролетают,
как дружная пара
Связанных скоростью
планет.
И мой товарищ
говорит:
«Я знаю,
Что провод, и конь, и мотор
уносили:
Это через ночь
проходит
посевная —
Радостный сгусток

рабочих сил».

Я отвечал:

«Посмотри налево.

Огни в исполкоме

горят

до утра,

Там колотится

сердце ссва,

Там

математика и жара».

Я отвечал:

«Посмотри направо:

Огни на базе

горят

до утра,

Там человек

спокойного нрава

Считает

гектары и трактора».

Я отвечал:

«Готовясь к испытаниям,

Бессонно пашет

страна молодых.

И мы разрываем

пустынную тайну

Круглой луны

И арычной воды.

Ночью и днем

В одном ритме

Люди

кипят

на двойном огне».

Подскакал инструктор.

Инструктор кричит нам:

«Двадцать гектаров кончено!

Отставших

нет!...»

А ночь

пересыпана соловьями,

Уши
до звона утомлены.
На каждой стене
и в каждой яме
Лежит
или свет,
или тень
луны.
Округ дрожит
от машинного ха
Гулы
складываются,
как кирпичи.
От самой земли
до небосвода
Натянуты,
как жилы,
лунные лучи.
Всеми мускулами
Напряжена
Весна,
И
Моторы
На сутки
Заведены.
Ты понимаешь?
Это идет посевная,
Посевная кампания
Всей страны!..

Приложение 4

ПОСТАНОВЛЕНИЕ XIII СЪЕЗДА РКП(Б) «О РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ»

1. Политика нэпа в основном оправдала себя целиком и в деревне: производительность сельского хозяйства и благосостояние широких крестьянских масс, хотя и медленно, но непрерывно идет вперед. Результаты, уже достигнутые (расширение посевных площадей, начинающаяся ликвидация дальнеземелья и длинноземелья, массовый выход крестьян на участки и отруба, жажда крестьян к улучшению хозяйства, усилившаяся организация крестьянами коллективов, товариществ и артелей), приводят к тому, что начинают подниматься преимущественно средние и зажиточные слои крестьянства. Наряду с этим растет беднота — происходит расслоение деревни.

Своеобразие происходящего в деревне расслоения заключается в том, что основным элементом его до настоящего времени является не столько земля, сколько торговля, скот, инвентарь, превращающиеся в орудие накопления и средство эксплуатации маломощных элементов. Наряду с этим намечается рост артелей, коллективов, товариществ по совместной обработке, коллективной закупке инвентаря, начавшееся распространение применения общественного труда.

Все это находит политическое выражение в усилении активности не только маломощных, но и крепких слоев деревни.

2. При решении вопроса о работе партии в деревне необходимо исходить из основной для целого исторического периода задачи — *осуществления союза рабочего класса с крестьянством*.

Дальнейшее развитие крестьянского хозяйства, борьба с рядом недостатков его, неизбежных при нашей нищете и разоренности, должны происходить на основе дальнейшего развития союза рабочего класса с крестьянством, хозяйственной смычки госпромышленности с сельским хозяйством.

3. В хозяйственном развитии деревни намечаются две линии развития: одна линия развития — капиталистическая, когда на одном полюсе на-

капливается капитал, на другом — наемный труд, нищета. Другая линия развития — через наиболее понятные, легкие и доступные крестьянству приемы кооперации — к социализму. Наличие Советской власти, отмена частной собственности на землю, сосредоточение кредита в руках рабоче-крестьянского государства, государственное содействие развитию сельского хозяйства облегчают развитие сельского хозяйства именно по второму пути. Основная линия партии в этом вопросе намечена в последней статье Ленина «О кооперации». Ленин развернул в этой статье программу развития кооперирования сельского населения как основного способа движения к социализму в крестьянской стране:

«...Раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас действительно, задачей осталось только кооперирование населения... В нэпе мы сделали уступку крестьянину как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) *гигантское значение кооперации*. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения...»

Нынешнее положение деревни с небывалой очевидностью подчеркивает правильность намеченного тов. Лениным пути и требует сосредоточения основного партийного внимания в первую очередь на кооперировании мелкого производителя, которое должно сыграть гигантскую роль в деле строительства социализма.

4. Только кооперирование производителей может разрешить двухстороннюю задачу, стоящую перед партией и Советской властью в деревне: продолжать добиваться дальнейшего максимально возможного увеличения

продукции сельского хозяйства и в то же время развивать все в большем размере поддержку маломощных элементов деревни в целях поднятия их хозяйства и ограничения эксплуататорских тенденций кулака. То формальное противоречие, которое создается необходимостью одновременно решать обе задачи, разрешается только тем массовым ростом подлинной кооперации, о которой писал тов. Ленин. С этой точки зрения необходимо усиление работы производственной кооперации, улучшение способов ее связи, развитие доступного ей кредита, материальной помощи государства и т. д. Партия будет содействовать даже самым простейшим формам объединения как в области закупок предметов городской промышленности, так и в области сбыта продуктов сельского хозяйства, и в особенности в области объединения тех или иных элементов крестьянского производства. Партия будет поддерживать и такие простейшие формы общественного труда, «труда со-обща», как совместная обработка земли или совместный покос или хотя бы совместное пользование скотом в той или иной полевой работе, совместное использование того или иного предприятия, вроде мельницы или маслоделки, помогая агрономическим советом и производственно-хозяйственным кредитом. Действительные массовые успехи в области кооперирования процессов производства при нынешних орудиях труда могут быть достигнуты только с течением ряда лет. Именно поэтому съезд предостерегает против всякой нерасчетливой спешности, излишней регламентации, всякой погони за формой и за числом, часто могущих задержать действительное кооперирование крестьянства. Мерой действительного успеха в течение ближайших лет будет главным образом качественный рост. В эту сторону должна быть направлена работа и основных советских, кооперативных и прочих органов, практически работающих над вопросом кооперирования крестьянства, с тем чтобы, приспособляя *работу* кооперирования к условиям, характеру и структуре мелкого и мельчайшего хозяйства крестьян и отдельных отраслей (кооперирование льноводов, маслоделов, картофелетерочная, лесная кооперация и т. д.), вести крестьянское хозяйство к действительному распространению кооперативного начала.

Среди мер, проводимых партией в деле закрепления связи между городом и деревней, сельскохозяйственный кредит должен занять одно из центральных мест. Широко разветвленная система сельскохозяйственного кредита, подкрепляемая отпуском средств, идущих от открываемого Центрального сельскохозяйственного банка через общества сельскохозяйственного кредита, через производственную и кредитную кооперацию, в особенности низовую ее сеть, к крестьянским хозяйствам, явится могущественным средством в руках партии для регулирования дела восстановления сельского хозяйства

и более четкого оформления своей поддержки бедняцким и середняцким слоям деревни.

Съезд подтверждает постановление пленума ЦК об отпуске средств для сельскохозяйственного банка и считает необходимым выполнение этого постановления в течение ближайших шести месяцев. Одновременно необходимо добиться возможного сокращения процентов, взимаемых с крестьянина за кредит.

Организуемая таким образом система сельскохозяйственного кредита дает возможность развить инициативу местных партийных и советских организаций и вовлечь в дело строительства советского кредита широчайшие слои крестьянства. Съезд поручает всем местным партийным органам проявить максимум внимания и руководства по отношению к строящимся организациям сельскохозяйственного кредита.

5. В связи с происходящим расслоением сельского хозяйства особо важен вопрос о способах обеспечения маломощному слою деревни фактической возможности участвовать в кооперации. Ряд достижений в области кооперации делается возможным путем дальнейшего развития работы комитетов взаимопомощи и соответствующей увязки их с работой кооперации. Их нынешняя работа в области самопомощи населению, интересующая в первую очередь маломощного крестьянина и связывающая общими интересами маломощного с середняком, создает базу для дальнейшего развития комитетов взаимопомощи. Несмотря на крупнейшие недостатки в работе комитетов взаимопомощи, несмотря на наличие ряда кресткомов, числящихся только на бумаге, что было неизбежно в силу недостаточного внимания партии к их работе, работа их фактически теперь вырастает значительно в ряде мест.

Отнюдь не отбрасывая, а, наоборот, развивая их нынешние функции по индивидуальной помощи и общественной взаимопомощи населению (помощь семьям красноармейцев, инвалидам, погорельцам, жертвам войны, сиротам, общественные запашки, хлебозапасный магазин, поддержка школ, изб-читален, яслей, инвалидная кооперация и т. д.), необходимо в то же время развивать в их работе следующие, наметившиеся на местном опыте, задачи:

а) Объединение маломощных в кооперации с целью обслуживания ею маломощных и поднятия их хозяйства; втягивание и облегчение доступа в кооперацию маломощным слоям деревни (приобретение из общественных средств паев и т. д.); содействие использованию маломощными возможностей, предоставляемых кооперацией, для поднятия их хозяйств путем указания хозяйств, которым кредит может дать возможность восстановления

и развития хозяйства; содействие предоставлению максимально возможных льгот при пользовании услугами кооперации; усиление влияния маломощных в органах кооперации путем выдвижения на ответственные кооперативные посты наиболее деловых и честных маломощных, а также пропаганда среди маломощных роли и значения для них кооперации.

б) Защита и наблюдение за осуществлением предоставляемых законом льгот маломощному крестьянину (налоговых, при отпуске леса, переходе к культурным приемам ведения хозяйства, землеустройства и т. п.).

в) Втягивание маломощных и инициатива организации простейших объединений вокруг наиболее доступных приемов общественного труда (совместное приобретение и пользование инвентарем, машинами, маслодельные и рыболовные артели, обеспечение преимущественного предоставления кредита машинами, инвентарем, скотом и т. д., коллективное пользование групп маломощных хозяйств и т. п.).

г) Содействие в выдвижении маломощных на общедеревенские советские посты.

На основе этой работы, вырастающей, таким образом, на базе их нынешней собесной работы, комитеты взаимопомощи, собирая маломощных, как основное ядро, вместе с тем включая в свой состав и среднее крестьянство, могут и должны стать организацией, помогающей кооперированию огромного большинства деревни и развитию работы по распространению коллективов.

д) Особо важна, поскольку батрак является в большинстве полукрестьянином, увязка работы Всеработземлеса с организациями взаимопомощи, помощь их организации в целях облегчения и развития союза батрака и маломощного с середняком против растущей кулацкой верхушки.

6. Решение этой задачи требует максимальной гибкости и осторожности. Комитеты взаимопомощи в настоящих условиях должны стать организацией, помогающей хозяйственно подняться маломощным элементам деревни. Осуществление намеченных мероприятий требует серьезной работы партийных органов в направлении уяснения внутри партии роли комитетов и их структуры, усиления партийного влияния в работе комитетов, организованных перевыборов их президиумов, работы по разъяснению в крестьянстве их целей, структуры и способов их работы. Организация комитетов должна строиться на началах выборности. Должно быть обращено серьезное внимание на необходимость усиления органов собеса.

7. Съезд констатирует, что ряд законов, охраняющих интересы беднейших слоев деревни, не доходит до деревни в силу недостатков советского аппарата и в силу сравнительной отсталости бедняков деревни. В силу этого

партийный съезд вменяет в обязанность всем партийным и комсомольским организациям в деревне в своей работе и работе советских органов, в первую очередь через комитеты взаимопомощи, добиваться проведения в жизнь определенных законом льгот беднейшим слоям деревни (в области налоговых льгот бедняку, льготного отпуска леса, распределения семенной ссуды, кредита, недопущения наложения налога на землю бедняков, фактически ими сданную в аренду и т. п.).

8. Опыт украинских комнезамов¹ в основном оправдал себя в украинских условиях. Комнезамы из боевой политической организации, осуществлявшей в 1920 и 1921 гг. власть бедняков в селе, превращаются в организацию типа производственного. Намечившееся содействие комнезамов делу объединения незаможных крестьян в коллективы должно быть развито всемерно. Основной задачей партии является внимательное выращивание тех зачатков кооперативного артельного хозяйства, которое на Украине имеется, и втягивание в него незаможников и середняков. Успешное развитие этой работы возможно при условии осуществления союза незаможников с середняком, которому должна служить и политическая, и хозяйственная работа комнезамов. Центр тяжести государственной помощи незаможному селянству перенести на кредитование всех видов хозяйственных объединений (кооперирование и коллективизация), поощряя в первую очередь наиболее простые виды хозяйственных объединений крестьян. Самодеятельное хозяйственное объединение незаможников, хотя бы в самых простейших формах, должно стать основной хозяйственной работой комнезамов.

9. Съезд констатирует необходимость всемерного развития землеустроительных работ. При сохраняющихся еще чересполосице, далеко- и длинноземелье невозможны действительный подъем крестьянского хозяйства и дальнейшее развитие его производительных сил. Необходимо развитие помощи беднейшему крестьянству, с тем чтобы обеспечить ему возможность воспользоваться землеустройством для улучшения своего хозяйства. В целях достижения действительных успехов в возможно кратчайший срок, необходимы усиление и освежение существующего землеустроительного персонала, повышение квалификации землеустроителей, постепенное изменение системы их оплаты, вовлечение их в культурно-общественную работу в деревне наряду с подбором и созданием кадра землеустроителей — коммунистов и комсомольцев, которые смогут внести в это дело ряд необходимых приемов культурно-общественной работы.

¹ Комнезамы — комитет незаможников, украинские комбеды. Существовали с 1920 по 1933 год.

10. Работа Всеработземлеса в течение последнего года дала ряд достижений, в частности, на Украине, Юго-Востоке, в Поволжье, Киргизии и ряде других районов.

Необходимо дальнейшее развитие, усиление и содействие работе Всеработземлеса, согласно резолюции XII съезда.

Но при этом необходимо учесть на основании уже проделанной предварительной работы, что распыленность батрачества на селе, оторванность от культурных центров и путей сообщения, трудность подхода к батраку, ряд наметившихся вредных уклонов в способах защиты интересов батрачества требуют для своего преодоления достаточно умелого и значительного кадра платных работников — организаторов батрачества и большой подготовительной тщательной работы по учету и постепенному охвату батраков и батрачек союзом путем трудовых договоров, создания в деревнях батрацких профячеек, расширения сельскохозяйственной инспекции труда, широкой просветительной работы и втягивания их в общественную жизнь. В связи с этим настоятельно необходимо практическое разрешение партией вопроса о скорейшей помощи силами и средствами Всеработземлесу для укрепления его работы как среди объединяемых им сельскохозяйственных и лесных рабочих (совхозы, опытные станции, конские заводы и лесничества), так и батрачества, а также и среди столь важных для восстановления крестьянского хозяйства деревенских специалистов (агрономов, землемеров, мелиораторов и лесоводов).

Съезд поручает коммунистической фракции ВЦСПС оказывать Всеработземлесу и его органам всемерное содействие. Одновременно необходимо развитие работы в деревне всех союзов, члены которых связаны с деревней. С целью осуществления руководства и развития этой работы съезд поручает фракции ВЦСПС организовать при ВЦСПС широкую комиссию, поставив во главе ее одного из авторитетнейших товарищей.

11. Наметившийся рост общественной активности деревенской интеллигенции (участковый агроном, землемер, лесной специалист, учитель) требует внимательного изучения и воздействия партии в целях политического воспитания этих элементов и вовлечения их в русло советской работы. По линии работы среди агрономов необходимо добиваться втягивания агронома в обслуживание крестьянского хозяйства, в особенности переходящего к культурным приемам или к общественным формам в хозяйстве. Необходимо добиваться организационного сплочения агрономов вокруг секции Всеработземлеса, организации повторных курсов для них, пересмотра, подбора и усиления агрономов, фактически работающих в деревне, и улучшения их материального положения. Особо важно, чтобы парторганизации

и организации РКСМ в деревне окружали участкового агронома товарищеской атмосферой и оказывали ему помощь и содействие в проведении агрикультурных мероприятий среди крестьянства, — в частности втягивание его в обслуживание сельской школы. Все эти мероприятия должны быть постепенно развернуты партией и в отношении остальных специалистов деревни (землемеры, лесоводы, мелиораторы).

Несомненный сдвиг учительства в сторону Советской власти и партии делает возможным большее вовлечение учителя в рамки советской общественности. Необходимо повысить заработную плату сельского учителя, усилить работу по его переподготовке, втягивать сельского учителя во все виды культурной работы партии в деревне, в частности в обслуживание газетой и книгой сельского населения, поставив перед комсомолом задачу сближения с учителем на базе его культурной работы.

12. Успешное решение основной задачи партии по улучшению своего состава — принятие 200 тыс. рабочих от станка, потребовавшее напряжения всех партийных сил, вызвало временную приостановку приема в партию каких бы то ни было иных слоев. В настоящее время достигнутые уже результаты позволяют отменить эту временную приостановку и вновь открыть прием в партию крестьян на основах решения XII съезда партии. В партию должны приниматься батраки, маломощные элементы крестьянства и лучшие из середняков, прошедшие школу Красной Армии и на деле активно поддерживающие партию и Советскую власть. В частности, должны приниматься такие деревенские передовики, которые, не применяя наемного труда, не эксплуатируя другого крестьянина, переходят к культурным приемам ведения хозяйства и к коллективным формам, давая тем пример всему селу. Неотложной задачей партии является вовлечение в партию трудовых крестьян и батраков восточных народов.

13. Исключительное значение, политическое и экономическое, приобретает комсомольская организация в деревне. Наметившееся в последние месяцы прекращение приема крестьян в комсомол должно быть, безусловно, изжито. Комсомол должен впитать в себя наиболее передовые слои крестьянской молодежи (юношей и девушек), батраков, маломощных (в первую очередь) и лучшей части середняков.

Работа комсомольских организаций в деревне от работы административного типа или типа культурнического должна быть развита в сторону активного участия во всей общественной жизни деревни, в первую очередь — в ее культурной жизни (участие в ликвидации неграмотности, столы справок, избы-читальни, крестьянские школы) и в общественно-хозяйственной работе, могущей дать наиболее понятные крестьянам, полезные для них резуль-

таты (починка мостов, пожарный обоз, самые элементарные и простейшие формы общественного труда, применение и пропаганду наиболее доступных приемов повышения культурного уровня хозяйства и т. п.). Должно быть усилено обслуживание деревенских и комсомольских ячеек городскими организациями комсомола.

14. Не менее значительной является задача содействия выдвижению крестьянки в общественной жизни села. Для этого необходимо систематически укреплять и содействовать развитию делегатских собраний крестьянок, содействовать выдвижению крестьянок на выборные советские, кооперативные и т. п. посты, втягивать их в работу этих органов. Особо важно содействие организации и просвещению крестьянок через делегатские собрания вокруг тех форм общественной работы, которые наиболее понятны и доступны и самым отсталым слоям (борьба с самогоном, ясли, медицинская помощь). Ввиду очень незначительного количества крестьянских девушек в комсомоле комсомольским организациям необходимо развить работу по их привлечению в союз.

Реорганизация и улучшение советского низового аппарата должны также иметь в виду изменение отношения со стороны этих органов к правам и интересам женских крестьянских масс. Наблюдающиеся факты игнорирования интересов крестьянки как матери и хозяйки, формальное отношение к ней со стороны судебных органов, нарушение элементарных прав крестьянки как правомочного гражданина, должны изгоняться со всей строгостью советского законодательства.

15. Новый «ленинский призыв» в партию, имеющий в своем составе значительные группы рабочих, связанных с деревней, должен быть всемерно использован для усиления работы по шефству. Наряду с прежними формами шефства (по ячейкам) должны быть развиты, испробованы новые формы, наметившиеся в Ленинграде и Москве (землячества), а также широкие рабочие общества культурной смычки города с деревней (Ленинград). Партийные комитеты должны усилить свое руководство шефством в целях внесения планомерности и систематичности в эту работу, придавая шефству характер культурно-политической помощи рабочего крестьянству. В частности, необходимо организовывать регулярные совещания всех рабочих, бывших в деревне по шефской работе, совместно с работниками государственных, кооперативных, профессиональных и партийных органов, ведущих работу в деревне. Организация деревни может во многих случаях начинаться в городах рабочими, связанными с деревней.

16. Расширение милиционного строительства открывает новые пути для работы партии в деревне и укрепления в ней советского влияния. Тер-

риториальные формирования, включающие в свой состав исключительно маломощные и середняцкие слои деревни, могут и должны стать одним из отправных пунктов объединения и просвещения этих последних, а также содействия хозяйственному и культурному строительству деревни. В тех районах, где существуют территориальные части, их кадры должны быть использованы в качестве новой формы связи с крестьянством. Для этого должна быть обеспечена организационная связь территориальных кадров с местными органами власти и партийными организациями наряду с укреплением терчастей партийными силами.

17. Особо внимательное отношение необходимо к сектантам, из которых многие подвергались жесточайшим преследованиям со стороны царизма, и в среде которых замечается много активности. Умелым подходом надо добиться того, чтобы направить в русло советской работы имеющиеся среди сектантов значительные хозяйственно-культурные элементы. Ввиду многочисленности сектантов работа эта имеет большое значение. Задача эта должна разрешаться в зависимости от местных условий.

18. Необходимо решительно ликвидировать какие бы то ни было попытки борьбы с религиозными предрассудками мерами административными, вроде закрытия церквей, мечетей, синагог, молитвенных домов, костелов и т. п. Антирелигиозная пропаганда в деревне должна носить характер исключительно материалистического объяснения явлений природы и общественной жизни, с которыми сталкивается крестьянин. Разъяснение происхождения града, дождя, грозы, засухи, появления вредителей, свойств почвы, действия удобрения и т. п. является наилучшим видом антирелигиозной пропаганды. Центром такой пропаганды нужно сделать школу и избу-читальню под руководством парторганизаций.

Особо внимательно необходимо следить за тем, чтобы не оскорблять религиозного чувства верующего, победа над которым может быть достигнута только очень длительной, на годы и десятки лет рассчитанной работой просвещения. Такое осторожное отношение особо необходимо в восточных республиках и областях.

19. Партийный съезд констатирует, что выполнение решений XII съезда в области работы в деревне не развернулось в достаточном объеме; подтверждая резолюцию XII съезда, XIII съезд считает особо неотложным выполнение мероприятий в области улучшения советского аппарата в деревне.

«Необходимо неуклонно добиваться честной и аккуратной работы низовых советских органов. Неаккуратная, несвоевременная присылка распоряжения о налоге, волокита при производстве землеустроительной работы или разборе земельной тяжбы... пьянство ведущих „борьбу“ с самогоном,

грубость, взятка и произвол в советском аппарате являются оружием в руках наших классовых врагов. Обнаружение элементов, вносящих в наш советский аппарат навыки царистско-крепостнического режима и мешающих укреплению союза рабочего класса и крестьянства, изгнание их из советского аппарата, публичный суд над ними являются важнейшими задачами партии и Советской власти наряду с неустанной помощью партии лучшим элементам Советской власти в низовых аппаратах (XII съезд РКП(б), Стенографический отчет, пункт 5, раздел 2, резолюция о работе в деревне).

Не менее важно разворачивание и улучшение работы сельсоветов и волисполкомов на основе вводимого волостного бюджета; влияние партии и с этих органов необходимо усилить. С установлением волостного бюджета создаются новые возможности развертывания хозяйственной и культурной работы волостных и сельских советских органов и вовлечение в их работу всей массы среднего и маломощного крестьянства и батрачества. Эти возможности должны быть всемерно использованы партией.

Партийный съезд поручает Центральному Комитету, в целях улучшения работы низового деревенского советского и партийного аппарата и избавления его от влияния кулака, принять меры к улучшению его материального положения.

20. Констатируя недостаточность помощи и руководства со стороны партийных органов деревенскими ячейками, съезд считает необходимым, чтобы культурная и политическая работа губкомов и укомов (в особенности в крестьянских губерниях) была в большей мере сосредоточена на осуществлении действительного руководства партийной работой в деревне. Наблюдающееся еще часто руководство партийной работой в деревне от кампании к кампании, без учета того, что является основным в тот или иной момент для того или иного района, губернии или уезда, должно быть изжито. Руководство работой деревенских ячеек должно быть поставлено так, чтобы содействовать их превращению в действительный авангард передовых маломощных и середняцких слоев деревни как в области культурно-политической, так и в области хозяйственного строительства деревни. Последнее требует выдвижения в работе ячеек тех хозяйственных и культурных вопросов, вокруг которых можно легче всего организовать вокруг партии наиболее близкие партии и Советской власти беднейшие и средние слои деревни (вопросы землеустройства, агрономической помощи населению, школы ликвидации неграмотности, распространение и чтение газет и т. п.). Только разворачивание такой работы, учитывающей особенности каждой волости и села, даст возможность укрепления ячеек, расширения их состава за счет наиболее преданных Советской власти и партии крестьян и превращения

партийной организации деревни в организаторов деревенской советской общественности.

Передвижка коммунистов в деревню должна производиться систематически в порядке сочетания добровольности и подбора так, чтобы на работу в деревне были выдвинуты коммунисты, уже показавшие себя умелыми организаторами и общественными работниками. Передвигаемые на деревенскую работу коммунисты должны пройти подготовительную школу и должны быть поставлены на конкретную деловую работу в деревне, имеющую наибольшее хозяйственное, культурное и политическое значение в том или ином районе. Передвигаемые на работу в деревню должны быть поставлены хотя бы в минимально удовлетворительные материальные условия.

21. Съезд поручает Центральному Комитету и местным партийным организациям развить дальше работу по изучению деревни, в особенности на окраинах и в восточных республиках.

О культурной работе в деревне¹

1. Сейчас деревня стоит на распутье, переживает переломный момент. Сейчас складывается ее новое лицо. От того, каким будет это лицо, зависят

¹ Чтобы глубже прочувствовать масштаб поставленной задачи, оценим уровень грамотности населения. Считается, что грамотным было около 50% населения РСФСР. Но это сомнительно. Вот, например, сведения, приводимые уральским писателем Павлом Бажовым по материалам последней дореволюционной переписи относительного его района. *«Значительным преимуществом рабочих была их относительная грамотность... При опросе подсчитывались отдельно грамотные и малограмотные. Первыми считались все с образованием не ниже начальной (трехлетней) школы, а все, кто не кончил школы, но умел подписывать свою фамилию, относился к разряду малограмотных...*

В Ирбитском заводе тогда оказалось грамотных мужчин 258, малограмотных — 98, всего 356, или 32 процента к общему числу мужчин. Женщин грамотных было 115, малограмотных — 32, итого 147, или 13 процентов к общему числу».

Завод по-уральски — это вовсе не то, что в Петрограде. Это маленькое предприятие в сельской местности с поселком при нем, жители коего ведут полукрестьянский образ жизни и должны быть отнесены к деревенскому населению. Приведенные цифры считаются высоким уровнем грамотности. А вот как обстояло дело в соседних, чисто крестьянских деревнях.

«Между тем по Шмаковской волости грамотных и малограмотных мужчин был только 21 процент, а женщин — 1,3 процента. Причем в самой богатой деревне Булановой, где в 25 процентах хозяйств имелось свыше чем по 4 лошади и 19 процентов хозяйств применяло наемную рабочую силу, не было ни одного грамотного в возрасте от 40 лет».

дальнейшие судьбы Советской власти и нашей партии; поэтому работа в деревне в данный момент является одной из самых важных, ударных работ.

2. Обследования деревни, проведенные за последнее время партией, Главполитпросветом и комсомолом, указывают на то, что культурный уровень деревни очень низок, что обычная агитация и пропаганда почти не задевают ее в силу того, что газета, книжка не попадают в деревню, не ориентируются на деревню и крестьянам мало понятны.

3. При данном культурном уровне нашей деревни всякая политическая работа в ней неизбежно должна быть связана с работой по поднятию грамотности, распространению самых элементарных знаний, по самому элементарному культурному обслуживанию ее.

4. Товарищ Ленин многократно говорил в последних своих речах о том, что теперь дальнейшее продвижение по пути к социализму возможно лишь на базе культурного подъема деревни. Политпросветработа в деревне теперь наиболее насущная с точки зрения победы коммунизма.

5. Ярко наместившееся со времени XII съезда пробуждение деревни, стремление среднего и маломощного крестьянства к организации, к поднятию своего хозяйства, к общему культурному подъему делают современный момент для культурной работы в деревне особенно благоприятным.

6. Того, что делается сейчас в направлении политпросветработы в деревне, слишком мало, и эта работа ведется крайне непланово и часто мало целесообразно. Силы и средства распылены, разрознены и потому дают меньшие результаты, чем это могло быть, если бы был общий план.

7. Надо иметь утвержденный партией ясный план политпросветработы в деревне, а затем объединить все силы для проведения этого плана в жизнь.

8. Опорным пунктом, центром всей политпросветработы в деревне последние партийные съезды признали волостную избу-читальню¹. Необходимо быстрее закончить организационную работу по концентрации вокруг этой волостной избы-читальни, руководству всеми существующими в волости библиотеками, ликпунктами, кружками и прочими культпросветучреждениями.

Время, протекшее со времени XII съезда, показало, что правильно поставленная волостная изба-читальня (развертывающаяся при благоприятных условиях в народный дом) является действительно крайне жизненным цен-

¹ В постановлении говорится об избе-читальне как о центре политической работы в деревне. Но на самом деле это учреждение было единственным комплексным культурным центром, совмещавшим в себе функции сельского клуба, библиотеки, школы для взрослых, лектория и т. п.

тром, уже и сейчас оказывающим серьезное влияние на культурную жизнь в деревне. Ближайшая задача — развить и укрепить эту работу.

9. Самой важной работой в избе-читальне должна быть справочная (в широком смысле этого слова) работа. С этой целью должен быть организован справочный стол. Работа должна опираться на твердо установленное ядро библиотеки, избы-читальни, на работу кружков с тщательно разработанными программами, на пункт ликбеза и школ взрослых всякого рода, дополняемых краткосрочными практическими курсами. Чтение газеты, селькорская работа, научающая лучше разбираться в окружающем, стенная газета, освещающая это окружающее, вносящая гласность в жизнь деревни, — такова основная работа избы-читальни. Увязка работы избы-читальни с библиотеками и передвижками в соседних деревнях дополняет эту работу.

10. Никакая культработа в деревне не должна вестись без увязки с работой избы-читальни, объединяющей всю политпросветработу в пределах волости. Для усиления работы волостного политпросветцентра необходим при нем совет избы-читальни с участием представителей от местного крестьянства, ячейки исполкома, РКСМ, кооперации, союзов Рабпроса и Работземлеса.

11. Необходимо, чтобы профсоюзы, учитывая общегосударственное значение в данный момент работы в деревне, приняли активное участие в общей работе по общему плану. В деле поднятия культурного уровня в деревне профсоюзы, если они займут правильную позицию, могут сыграть крупную роль.

12. В деревенской работе профсоюзов особенно велика роль Рабпроса. В условиях совершающегося политического сдвига учительства, при соответствующей энергии и инициативе ячеек профсоюза Рабпроса на местах, сельский учитель может стать активной культурной силой в деле формирования советской общественности в деревне. Задаче вовлечения сельского учительства в политико-просветительную работу, снабжения его нужным в работе политическим материалом (книжкой и газетой) необходимо придать потому первенствующее значение.

13. Через органы Всеработземлеса и Наркомзема необходимо вовлечь в политпросветработу агронома и землемера, практикуя их прикрепление к определенным избам-читальням.

14. Необходимо, чтобы Наркомпрос, Наркомздрав, Собес и другие советские органы, связанные с деревней, точно так же направили свои усилия на проведение единого плана политпросветработы в деревне.

15. Красная Армия должна быть всемерно использована для связи с деревней. Через отпускников, кадровый состав территориальных частей,

допризывников, через письма красноармейцев необходимо деревню приблизить к текущим задачам советской государственности.

16. Широкая политико-просветительная работа в деревне должна стать на ближайший год важнейшей ударной задачей. Объединяя работу в этом направлении всех государственных и профессиональных органов, Главполитпросвет и его аппараты на местах должны стремиться к сосредоточению всех сил и средств на основе единого, строго согласованного плана. В последнем главное место должно быть уделено усилению избы-читальни.

В этих целях Главполитпросвет свои усилия, силы государственных и профессиональных органов и культшефствующих организаций направляет по преимуществу в сторону:

- а) выработки тщательно обдуманного нормального каталога избы-читальни и дополнительных каталогов по отдельным вопросам;
- б) издания необходимых для комплекта библиотеки книг;
- в) составления соответствующих комплектов и рассылки их на места;
- г) подготовки и переподготовки руководителей изб-читален через совпартшколы, педтехникумы, педвузы и краткосрочные курсы-конференции;
- д) издания популярных руководств для деревенских политпросветработников и
- е) вовлечения всего организованного в сельсоветы, крестьянские комитеты взаимопомощи, партию, комсомол, женотдел, профсоюзы деревенского населения в работу избы-читальни.

17. Уездный бюджет систематически выделял до сих пор на политико-просветительную работу крайне ничтожную долю. Создающийся волостной бюджет совсем не даст ничего для этой цели. Необходима твердая директива: а) об увеличении доли уездного бюджета на политическое просвещение деревни, и в частности об обязательном включении в уездный бюджет содержания заведующего избами-читальнями из расчета по одной на волость (прежнего, не укрупненного масштаба), а также содержания волостного библиотекаря и волостного ликвидатора неграмотности; б) о включении в волостной бюджет хозяйственных расходов на избы-читальни и расхода на содержание волполитпросветорганизатора (из расчета одного на укрупненную волость).

18. Необходимо снабжение изб-читален книгами и газетами по себестоимости; необходима их бесплатная пересылка. Также необходимо дать избам-читальням право бесплатной переписки с учреждениями.

19. Партия должна всемерно содействовать созданию таких условий, при которых политпросветы, не стесненные средствами и работниками, могли бы деревенскую работу развернуть в тех размерах, которые властно диктуются всей современной обстановкой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 г. Документы и материалы. <http://www.tstu.ru/win/kultur/other/antonov/titul.htm>
- Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007.
- Арбатова З. Екатеринослав // Архив русской революции. Т. 12. М., 1991.
- Бажов П. Бойцы первого призыва. Свердловск, 1958.
- Беркевич А. Петроградские рабочие в борьбе за хлеб. Л., 1941.
- ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1941. В 2 т.
- Галин В. Запретная политэкономия. Красное и белое. М., 2006.
- За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921. Сост. В. Шишкин. Новосибирск, 2000.
- Ивницкий Н. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972.
- Ивницкий Н. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996.
- Кара-Мурза С. Гражданская война. Интернет-версия.
- Кара-Мурза С. Советская цивилизация. <http://www.kara-murza.ru/public.htm>
- Климин И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики. (1921–1927). В 2 т. СПб, 2007.
- Ковалев Д. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона. М., 2004.
- Козлов С. Аграрные традиции и новации в дореформенной России. М., 2002.
- Крайнев В., Скворцов Л. Байкальский адмирал. Иркутск, 2001.
- Крестьянские истории. Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М., 2001.
- Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922. Документы и материалы. М., 2002.
- Купцов А. Миф о красном терроре. М., 2008.
- Куреньшев А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000.

Литошенко Л. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001.

Митрополит Сергей (Страгородский). Православная Русская Церковь и советская власть (к созыву Поместного Собора Православной Церкви) <http://chrisoc.narod.ru/III.htm>

Мозохин О. Право на репрессии. М., 2006.

Осипова Т. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001.

Осокина Е. В тисках социалистической торговли. // Россия нэповская. Исследования. М., 2002.

Пантелеев Л. Повести и рассказы. М., 1969.

Письма во власть. 1928–1939. М., 2002.

Пыхалов И. Кормила ли Россия пол-Европы? // Спецназ России. 2004. № 1.

Самошкин В. В. Антоновское восстание. М., 2005.

Сенников Б. Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг. М., Посев, 2004.

Совершенно секретно. Лубянка — Сталину о положении в стране. (1922–1934 гг.) М., 2002. <http://www.iriran.ru/lub-st.html>

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. В 4 т. М., 2000.

Соломон Г. Среди красных вождей. М., 2007.

Сталин И. Собрание сочинений. М., 1951.

Стенограммы заседаний политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1928. В 3 т. М., 2007.

Телицын В. «Бессмысленный и беспощадный»? Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 годов. М., 2003.

Телицын В. Восстановление сельского хозяйства // Россия нэповская. Исследования. М., 2002.

Телицын В. «Лицом к деревне» и лицо деревни. // Россия нэповская. Исследования. М., 2002.

Телицын В. Ресанимация военного коммунизма в деревне. // Россия нэповская. Исследования. М., 2002.

Тепляков А. Красный бандитизм. // Родина. 2000. № 4.

Шалагинов В. Крах атамана Анненкова / Неотвратимое возмездие: по материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. http://militera.lib.ru/h/sb_neotvratimoe_vozmezdje/index.html

Шекшеев А. Гайдар и красный бандитизм: последняя тайна. http://gaidar.ompu.ur.ru/index.php?main=sci_sheksheev&id=100001

Шубин А. Мир на краю бездны. М., 2004.

Штырбул А. Красный бандитизм в Сибири. // Из прошлого Сибири. Вып. 2, Ч. 2. Новосибирск, 1996.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Часть 1. ВКУС ХЛЕБА И КРОВИ	15
<i>Глава 1. ГОЛОД</i>	<i>20</i>
Голод как экономический фактор	21
Голод как образ жизни	35
Голод как социальный фактор	49
<i>Глава 2. ЛОМЫ И ПРИЕМЫ</i>	<i>63</i>
У каждого своя свобода	65
С огнем не шутят	69
Гибельная справедливость	76
История продразверстки в России	81
К вопросу об игольных ушах	87
<i>Глава 3. ДИКТАТУРА ХЛЕБА</i>	<i>95</i>
Главный наркомат	98
Продотряд + комбед в теории... ..	102
...и на практике	109
Продразверстка в документах эпохи.	120
«Декрет о натуральном налоге на хлеб, картофель и масличные семена»	131
«За» и «против»	134
<i>Глава 4. ТРИ ИСТОЧНИКА И ТРИ СОСТАВНЫХ ЧАСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО БУНТА</i>	<i>142</i>
Куды крестьянину податься, или податей не платить	144
Наплявать, наплявать, надоело воевать... или рскрутов не давать	154
Тьма египетская или власть и народ в натуре	163
Обоюдоострый меч диктатуры пролетариата	179

<i>Глава 5. ПОДЛИННАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА</i>	186
Искусство организовать стихию	188
«Третья сила»	194
Пожар... ..	203
...И пожарные	219
<i>Глава 6. РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ТАМБОВСКОГО ВОССТАНИЯ</i>	228
Солома, спички... ..	229
...Дрова, керосин	239
Равновесие	244
В чем преступление командарма Тухачевского?	254
Интермедия. ГРАЖДАНСКИЙ СИНДРОМ	281
«Как же это так, Сашка?!»	285
Бей гадов!	288
Что такое «условный расстрел»	293
Соцреализм в натуре	298
Часть 2. РЫВОК ЗА ФЛАЖКИ	305
<i>Глава 7. ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БИТВЫ</i>	313
Царь-голод	316
Двор среднестатистический	321
Налоги, цены, товарность	331
Община, хутор, отруб	346
Каторга	355
<i>Глава 8. В ПОИСКАХ ВЫХОДА</i>	360
Фаланстеры от Ульянова	364
С миру по копейке	374
Твоя лошадь, моя соха... ..	383
Все прекрасно, но когда?!	393
<i>Глава 9. ШПОРЫ ДЛЯ КРАСНОГО КОНЯ</i>	400
Волки щелкают зубами	404
Удар в спину	414
Социология мироедства	434
<i>Глава 10. ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ</i>	455
Трагические парадоксы реформы	459
«Хлебная война» продолжится	467
Начало: умеренно и аккуратно	475

Фактор взлета	483
Низкий старт	490
А вот теперь — рванули!	497

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Приложение 1. Дореволюционные стихи и басни Демьяна Бедного</i>	<i>514</i>
<i>Приложение 2. Митрополит Сергей (Страгородский)</i>	<i>522</i>
<i>Приложение 3. Стихи о деревне советского времени</i>	<i>529</i>
<i>Приложение 4. Постановление XIII съезда РКП(б)</i>	<i>553</i>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	568
--------------------------------	------------

Прудникова Елена Анатольевна

СТАЛИН. БИТВА ЗА ХЛЕБ

Ответственный за выпуск: *С. З. Кодзова*

Ведущий редактор: *Е. В. Демина*

Корректоры: *Ю. Б. Гомулина*

Оформление обложки: *В. А. Манацкова*

Верстка: *Е. С. Егорова*

Подписано в печать 30.03.10.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Гарнитура «Times New Roman»

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Уч.-изд. л. 30,0. Усл. печ.-л. 36,0.

Изд. № ОП-10-0625-ЗИБ.

Тираж 5000 экз. Заказ № 794.

ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»

129626, Москва, Проспект Мира, д. 102, стр. 12

Почтовый адрес: 143421, Московская область,
Красногорский район, 26 км автодороги «Балтия»,
комплекс ООО «Вега-Лайн», стр. 3.

www.olmamedia.ru

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Россия входила в XX век отсталой аграрной страной, сельское хозяйство которой застыло на уровне феодализма. Три четверти населения Российской империи проживало в деревнях, из них большая часть даже впроголодь не могла прокормить себя. Аграрная реформа провалилась. Замаячил вселенский голод.

Основная масса крестьян поддержала большевистскую власть, невзирая на продразверстку, реквизиции и все эксцессы военного времени. Они поверили в обещанную новым правительством новую жизнь, которая на деле оборачивалась все теми же голодом и нищетой.

Советская Россия катилась к полному экономическому коллапсу. И тогда правительство в очередной раз совершило невозможное...

Чем пришлось пожертвовать Сталину для достижения поставленных задач? Кто и как противился мероприятиям Советской власти? Чем отличался «белый» террор от «красного»? Впервые — не поверхностно-эмоциональная отповедь сталинскому режиму, а детальное исследование проблем советской аграрной реформы.

ISBN 978-5-373-03362-6

ОЛМА
МЕДИА ГРУПП